

Михаил Иванович
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ

Михаил Иванович
ТУГАН-БАРАНОВСКИЙ

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ
ОЧЕРКИ**

Москва
РОССПЭН
1998

Издание
осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект № 97-02-16006

Книга подготовлена к изданию преподавателями кафедры теории и практики государственного регулирования рыночной экономики РАГС при Президенте РФ:

д.э.н., проф. Сорвиной Г.Н. (предисловие, составление, редактирование); д.э.н., проф. Хорзовым С.Е. (комментарии, редактирование); д.э.н., проф. Перской В.В. (предисловие); д.э.н., проф. Мацкуляком И.Д. (комментарии); к.э.н., доцентом Маликовой О.И., Черниковой Е.В. (комментарии); при участии: Сорвина В.Д. и к.ф.н., доцента Сорвина К.В. (комментарии)

Руководитель проекта д.э.н., проф. Сорвина Г.Н.

Туган-Барановский М.И.

Т 81 Экономические очерки. — М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998. — 527 с.

В книге публикуются труды русского экономиста с мировым именем М.И.Туган-Барановского (1865—1919), не издававшиеся с 1919 г.: «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», «Бумажные деньги и металл», «Значение биржи в современном хозяйственном строе». Читатель познакомится с неординарным анализом истории западной экономической мысли, получит ценные сведения о состоянии и развитии народного хозяйства России начала XX века, сможет оценить научную значимость и практическую актуальность взглядов ученого для решения самых насущных современных проблем.

ББК 65.02

© М.И.Туган-Барановский, 1998.

© Г.Н.Сорвина, предисловие, составление, редактирование, 1998.

© В.В.Перская, предисловие, 1998.

© С.Е.Хорзов, комментарии, редактирование, 1998.

© О.И.Маликова, И.Д.Мацкуляк, К.В.Сорвин, Е.В.Черникова, комментарии, 1998.

© В.Д.Сорвин, составление библиографии, 1998.

© «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1998.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В предлагаемом читателю сборнике избранных трудов М.И.Туган-Барановского публикуются работы, не издававшиеся в России с 1919 г. (или печатавшиеся фрагментами) и давно ставшие библиографической редкостью. Являясь прекрасным и необходимым дополнением к ранее опубликованным книгам «Социальные основы кооперации» (1989), «К лучшему будущему» (1996), «Периодические экономические кризисы» (1997), они позволяют составить представление об их авторе не только как об ученом, умеющем видеть дальше других исследователей, но и как о прекрасном рассказчике, способном вдохнуть душу, как бы оживить сухие факты. Они помогают и лучшему пониманию нравственного идеала Туган-Барановского, человека, владевшего умами и настроениями студенческой молодежи начала XX в.

Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) был одним из ярких представителей экономической науки и общественной жизни России конца XIX – начала XX в. Его теоретические и публицистические труды вызывали острые дискуссии среди профессиональных экономистов и политических деятелей, становились в центре внимания самой широкой общественности. Эмоциональные, глубокие и выразительные лекции собирали огромную аудиторию в Санкт-Петербургском университете и Политехническом институте, Московском народном университете им. Шанявского, на Высших женских курсах...

Ученый получил мировое признание еще при жизни. Его труды переводились на иностранные языки, были весьма хорошо известны и дискутировались западными экономистами. Пристальный интерес профессора к социалистическим учениям, глубокий научный их анализ привлекали внимание к его исследованиям представителей самых различных идейно-теоретических течений. С ним дискутировали российские, немецкие, австрийские социал-демократы. В среде марксистов он слыл ревизионистом, причем, по словам К.Каутского, «умнейшей головой ревизионизма». Ученый был внимателен к оценкам оппонентов, однако шел в науке своим, единственно для него возможным путем познания истины.

Трагично сложилась судьба теоретического наследия М.И.Туган-Барановского после революции. Смерть настигла его в январе 1919 г. в расцвете творческих сил. В первые послереволюционные годы труды его переиздавались, а имя было широко известно. Со второй половины 20-х годов ситуация в стране стала меняться, а в 30-е годы ученый был объявлен «буржуазным идеологом», «пособником контрреволюции». Его труды перестали сколько-нибудь внимательно изучаться, на теоретические взгляды навесили ярлык «туган-барановщины» и «легального марксизма».

На Западе имя ученого не было предано забвению. Согласно библиографическому словарю ведущих экономистов 1700 – 1986, изданному в 1987 г. в США, М.И. Туган-Барановский – выдающийся русский экономист с мировым именем¹. Уже в наше время после второй мировой войны его работы за рубежом переиздавались и даже впервые переводились. (К числу впервые переведенных относится книга «Бумажные деньги и металл», включенная в настоящий том.) Однако не все из научного наследия ученого последних лет жизни известно западному читателю. В нашей стране работы профессора стали возвращаться на полки книжных магазинов только в последнее десятилетие.

М.И.Туган-Барановский вступил в научную и общественную жизнь России в 90-х годах XIX в., в сложное, противоречивое время, в период острейших споров о судьбах страны. Уроженец Харьковской губернии (родился 8 января 1865 г.), он первоначально избрал своей профессией естественные науки и поступил на соответствующий факультет Харьковского университета. Однако его все больше влекли к себе науки общественные. Повинуясь этой склонности, почти одновременно с окончанием физико-математического факультета он сдает экстерном экзамены и по курсу юридического факультета того же университета (в конце XIX в. экономические дисциплины преподавались именно на юридических факультетах). С того времени его научная судьба оказывается всецело связана с наукой, в России только сформировавшейся, – политической экономией.

Его отношение к этой науке, ее создателям и их эпигонам блестяще выражено в «Очерках из новейшей истории политической экономии и социализма», публикуемых в настоящем томе. «Очерки» были написаны, если так можно сказать, в ссылке (за участие в студенческой демонстрации Туган-Барановский, приват-доцент Санкт-Петербургского университета, автор широко известных книг «Периодические промышленные кризисы» и «Русская фабрика в прошлом и настоящем», был лишен права преподавания и выслан из столицы в свое имение под полицейский надзор. Настроение ученого читатель может почувствовать, ознакомившись с его предисловием к первому изданию «Очерков».

Первоначально свои исследования в области истории политической экономии Туган-Барановский начал публиковать в журнале «Мир Божий» (1901. № 1). Закончилась журнальная публикация в № 10 за 1902 г. (Всего увидели свет восемь весьма обстоятельных очерков.) Год спустя ученый издал книгу «Очерки из новейшей истории политической экономии», которая затем под несколько измененным названием «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма» переиздавалась шесть раз. Последнее (1919 г., Харьков) издание воспроизводится в настоящем томе.

¹ Who's who in Economics. A Biographical Dictionary of Major Economists 1700- 1986. 2-nd ed. Brighton, 1987. P. 843.

Работа над историей политической экономии была важным этапом на пути создания ученым своей теоретической системы, выработки отношения к взглядам как предшественников, так и современников. Он, в частности, несколько позже писал: «Критика известной теории не может закончиться установлением противоречий этой последней. Как целое, теория может быть несостоятельна, но ее отдельные составные части могут содержать важные истины. Плодотворная критика должна не только вскрыть слабые стороны известной доктрины, но и использовать ее сильные стороны»¹.

В этом аспекте несомненный интерес для современного читателя может представить анализ Туган-Барановским теории предельной полезности, теоретического наследия К.Маркса, отношения последнего к ученикам и учеников — к учителю, взглядов социалистов-утопистов. Так, утверждая, что теория предельной полезности «навсегда останется основанием учения о ценности», что основные идеи ее составляют «вечное сокровище» экономической науки, он вместе с тем отмечает ее недостатки, главный из которых, на его взгляд, — односторонность в понимании процессов рыночного ценообразования². Обращаясь к исследованию теоретического наследия К.Маркса, ученый подчеркивает — «я стремился придать своей критике не только отрицательный, но и положительный характер. Моя критика не направлена против Маркса как представителя определенных социальных идеалов; наоборот, высказываясь против данного автором «Капитала» обоснования этих идеалов, я хотел бы лишь содействовать их лучшему и более прочному обоснованию»³.

Наиболее неожиданным для современного читателя окажется, вероятно, отношение Туган-Барановского к представителям так называемого утопического социализма — отношение, не имеющее ничего общего с привычной для нас высокомерной характеристикой их как беспочвенных мечтателей-фантазеров, не обладавших научным методом для изучения социальной действительности. С последним утверждением ученый был в корне несогласен, напротив, очень высоко оценивал вклад утопистов в развитие социальной науки. Их величайшую заслугу он усматривал в создании нового социального идеала, разработку которого считал самым выдающимся достижением общественной мысли XIX столетия. При этом он особенно тщательно проанализировал именно экономические концепции утопистов, что и до сего времени мало кем сделано. Исследование социалистических теорий в «Очерках» сыграло большую роль в подготовке Туган-Барановским одного из известных трудов «Современный социализм в своем историческом раз-

¹ Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. 4-е изд. М., 1918. С. 133.

² Туган-Барановский М.И. Основы политической экономии. СПб., 1918. С. 60.

³ Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. Предисловие. СПб., 1905. С. V-VI.

витии» (зарубежные переводы имели место и в наши дни) и книги «Социализм как положительное учение» (переиздана в сб. «К лучшему будущему». М., 1996).

Очень полезен анализ в «Очерках» социально-политического направления (известного сейчас как немецкая историческая школа). Труды ряда представителей этого направления были довольно популярны в России и использовались в исследованиях российских ученых (в частности, сам Туган-Барановский использовал некоторые идеи К. Бюхера, оказавшиеся весьма ценными для исследования истории отечественного народного хозяйства). В современных монографиях и учебниках, как российских, так и зарубежных, этому направлению уделяется непропорционально мало внимания.

Особый колорит этому изданию придают ясно и ярко выраженные чисто человеческие пристрастия или, наоборот, антипатии Туган-Барановского, его собственный нравственный идеал, во многом созвучный нашему времени, — все во имя Человека и для Человека. В ряду сухих, нередко полностью математизированных современных книг по истории экономической науки «Очерки» Туган-Барановского, думается, не затеряются, а найдут своего читателя, заскучавшего по живому человеческому слову и не забывшего, что в прошлом веке ученые занимались политической экономией.

Своеобразную форму очерка или эссе имеет и включенная в настоящий том статья «Значение биржи в современном хозяйственном строе», написанная специально для второго тома «Банковой энциклопедии», изданного в 1916 г. и никогда больше не публиковавшаяся. Очерк удивляет вполне современным взглядом на роль ценных бумаг и их рынка в растущем мировом капиталистическом хозяйстве и служит очень удачным дополнением к серьезным и исключительно сейчас значимым научным изысканиям ученого, изложенным в книге «Бумажные деньги и металл».

Работа «Бумажные деньги и металл» являет собой образец обращения ученого к читателю как исследователю, в творческой активности которого автор видит источник новых открытий, углубленного изучения происходящих в хозяйственной жизни явлений и их теоретического осмысления. Туган-Барановский не просто полемизирует с представителями различных научных школ, но очень тактично пытается подчеркнуть и донести до читателя со всей очевидностью те рациональные зерна разнообразных концепций, которые могут быть положены в строгой логичной последовательности в основу его научной теории. При этом заслуживает высочайшей оценки внутренняя российская интеллигентность и искусство ведения дискуссий, которые, к сожалению, утеряны в настоящее время как представителями научного мира, так и политическими лидерами. Рассуждая о природе бумажных денег, об их гносеологии, о ценности (цене) и взаимосвязи с металлом (золотом, серебром), автор использует большой информационный материал, в том числе представляющий собой различные экономические научные исследования абстрактного характера (Рикардо, Фишер, Тук, Вагнер и др.), работы практиков (Бозанкет, Чомерс

и др.), а также статистические данные России, Австрии, Франции и других стран.

Так что же ставит в современных условиях книгу, написанную более восьми десятилетий тому назад, в разряд актуальных и важных для российской экономической научной мысли как в теоретическом, так и в практическом смысле? Попробуем ответить на поставленный вопрос.

В этой работе исследуются не просто проблемы денежного обращения, но судьбы отечественного народного хозяйства, а быть может, и всей российской государственности, как они могли сложиться после окончания длительной, потребовавшей много жертв войны, впоследствии названной первой мировой. Именно в годы войны обнаружилось со всей очевидностью, сколь устарела структура российской экономики, как остро она нуждается в модернизации, говоря современным языком — в реструктуризации, как необходимо создание условий для нормального экономического развития после войны. Туган-Барановский это понял одним из первых, и в числе первоочередных он выдвинул идею исследования системы денежного обращения, изучения причин ее дестабилизации в условиях войны и определения путей, методов и инструментария регулирования денежной системы страны. Однако он не абсолютизировал значение денежной системы для обеспечения поступательного развития хозяйства России, не ставил во главу угла задачи подавления инфляции, в том числе любой ценой, сразу после выхода страны из войны создания механизмов сдерживания роста денежной массы. Напротив, ученый рассматривал мероприятия по реформированию и усилению государственного регулирования денежной системы в совокупности с развитием производства и восстановлением хозяйственного потенциала России, в т.ч. участием государства в международной торговле на равноправной основе.

До настоящего времени среди российских ученых идет спор о гносеологии инфляции, а следовательно, о приоритетности используемых мер ее подавления и регулирования. Для М.И.Туган-Барановского этот вопрос был абсолютно ясным, поскольку он усматривал первопричины инфляции в нарушении воспроизводственного процесса, в деформации структурного равновесия в хозяйстве, вызываемой целым комплексом как чисто экономических, так и социально-политических причин. Выражение же свое инфляция получает, по мнению ученого, в виде чрезмерного переполнения денежной массой каналов денежного обращения¹.

Автор, исследуя существующие теории ценности денег — «товарную» (представителями школы Тука выступают К.Маркс, Д.С.Милль, А.Вагнер и др.) и количественную (Д.Рикардо,

¹ Но обратим внимание читателя на то обстоятельство, что термины инфляция, ревальвация, девальвация в тот период еще не вошли в экономический словарный оборот, и нами они используются для облегчения понимания сути исследуемых явлений.

И. Фишер и др.), приходит к выводу, что ни та, ни другая не могут быть признаны удовлетворительными (с. 306 наст. изд.) для объяснения происходящих в то время в капиталистическом обществе процессов. В этой связи он выделяет три фактора практического воздействия количества денег на уровень денежных цен: изменение общественного спроса на товары; изменение дисконтного процента; влияние общественного сознания (товарные цены изменяются в этом случае благодаря изменению расценки (стоимости) людьми самих денег)¹. И разрабатывает свою, названную им конъюнктурной, теорию ценности денег, которая наиболее полно объясняет процессы в сфере денежного обращения в условиях параллельного функционирования металлических и бумажных денег². «С моей же точки зрения изменения ценности денег вызываются... изменениями общей конъюнктуры товарного рынка, иначе говоря, общими условиями товарно-денежного рынка».

В дальнейшем ученый, прогнозируя перспективы денег как политико-экономической категории, приходит к выводу, что развитие общественных производительных сил создаст устойчивые предпосылки полного замещения бумажными деньгами металлических и все функции металлических денег полностью перейдут с некоторыми специфическими изменениями к бумажным деньгам, а металлические запасы (золота, серебра) превратятся в полезные запасы общества, увеличивая его хозяйственный потенциал. Но при этом Туган-Барановский твердо отстаивает стабилизационную роль золото-валютных авуаров каждого государства для поддержания курса национальной денежной единицы. Такой вывод нам представляется сегодня несенсационным, но применительно к началу века, когда те ученые, которые расценивали в будущем повышение роли бумажных денег и говорили об упразднении параллельного хождения золотых и серебряных монет, подвергались порицанию и осуждению, позиция автора заслуживает глубокого уважения.

Автор также впервые предпринимает попытку сформулировать новые задачи центрального банка страны в условиях перехода к бумажным деньгам. И нельзя не отметить, насколько глубоко и прагматично определены им эти функции в условиях рыночного хозяйства: стабилизация (и ее поддержание) денежно-валютной

¹ Имеется в виду, что денежная масса настолько нерегулируемо возросла, что товарная масса ей не соответствует (исходя из реальных стоимостей и цен товаров), и обладатели денег перестают ценить имеющиеся у них денежные средства, определенную роль, выражаясь современным экономическим языком, играют так называемые «инфляционные» ожидания в обществе, возникающая в этой связи паника, «бегство» от денег, вызывающие шок на валютных и фондовых биржах.

² Начало века характеризуется развитием металлического денежного обращения как базового, а бумажные деньги — рассматривались как вспомогательный инструмент.

системы в государстве, стабилизация национальной валютной единицы и регулирование, в том числе с помощью интервенций¹, для удержания на должном уровне обменного (вексельного) курса национальной валюты.

На протяжении всего исследования Туган-Барановский подчеркивает существенное изменение экономической роли государства. Бывшее прежде пассивным участником денежных отношений, оно должно теперь постепенно формировать механизм активного регулирования финансово-кредитной и валютной сфер. Перед государством стоит задача выработки рациональных основ денежной политики, которая должна соответствовать этапу экономического развития страны. Характеризуя возрастание роли государства в денежно-кредитной сфере, Туган-Барановский распространяет область государственного воздействия и на валютные отношения. Он отмечает, что ни одна страна не живет вне связи с международным хозяйственным оборотом: «...она участвует в международном обороте капитала и осуществляет взаимные платежи, что фактически "создает" взаимную задолженность стран по отношению друг к другу». По нашему мнению, именно исследуя взаимозависимость национальной денежной единицы с функционирующим международным рынком капитала, с другими валютами зарубежных государств, автор приходит к весьма интересным и пионерным для своего времени выводам. К их числу мы склонны относить идею безусловной необходимости госрегулирования в рыночной экономике как всей национальной денежной системы, включая поддержание на заданном государственной политикой уровне валютного курса, так и межгосударственного согласования валютных и кредитных политик стран, имеющих устойчивую тенденцию к углублению и развитию взаимного товарооборота и услуг, а также — сотрудничеству в различных сферах хозяйственной жизни².

Полагаем также актуальным, особенно для России, вывод Туган-Барановского о том, что о болезненном состоянии экономики свидетельствует длительно удерживаемый государством (или центральным банком) курс (лаж — применительно к системе па-

¹ Автор (Т.-Б.) использует термин трассировка за счет госрезервов, в том числе бюджета.

² Не правда ли, аналогов в наши дни уже довольно много можно насчитать, и первый из них — формирование единой валютной системы в рамках ЕС и в этой связи использование такого инструментария, как определение грани колебания курсов (в %), взаимные интервенции и пр. Несомненно заслуживает внимания доказанное автором положение, что не всякое сдерживание эмиссии бумажных денег будет способствовать стабилизации курса национальной валюты и что без обеспечения свободной конвертируемости национальной денежной единицы, без свободной котировки на международных валютных биржах государственное регулирование не сможет в полной мере обеспечить эффективность национальной денежно-валютной системы, необходимой для динамизма развития народного хозяйства как составной части мировой экономики.

раллельного обращения бумажных и металлических денег) национальной валюты на внутреннем и внешнем денежных рынках. И в этой связи автор доказывает, что лишь меры интервенционного характера, направленные на регулирование валютного курса, без комплексного воздействия на всю систему денежного обращения — это фактическое нанесение вреда экономике. Необходимо, например, производить изъятие денег из обращения (однако, если следовать его логике, отнюдь не путем развития кризиса неплатежей) не только путем разумного сдерживания и регулирования эмиссии сообразно с ценами, предложением и спросом на товарном рынке и скоростью обращения денег, в том числе кредитных, но и методом займов, в том числе у фирм, коммерческих банков и населения (лишь в исключительных случаях прибегая к помощи международных займов для выравнивания платежного баланса). И что особенно важно, на наш взгляд, для современного этапа выхода России из кризиса — это недопущение абсолютизации эффективности воздействия денежно-валютного инструментария на процесс нормализации хозяйственной жизни, поскольку только поступательное развитие производительных сил выступает объективным условием дальнейшего «существования» (Т.-Б., «бытия») государства.

Туган-Барановский рассматривает меры стабилизации монетарной системы в качестве приоритетных, но в условиях существования уже института частной собственности и правового поля рыночного механизма хозяйствования. В современных же условиях преобразования экономики России вряд ли бы Туган-Барановский согласился с такой постановкой вопроса. Полагаем, он бы поставил задачу органически сочетать методы сдерживания инфляции и регулирования денежного обращения с механизмом стимулирования и развития национального производства, притом конкурентоспособного как на внутреннем рынке, так и на мировом. В рассматриваемой нами работе он ни на минуту не сомневается в том, что производимые в России товары имеют спрос на мировых товарных рынках, что они обладают конкурентоспособностью, а потому ценные бумаги, как-то правительством гарантированные или выпущенные им, или же акции российских предприятий, имеющих тесные прямые контакты с зарубежными партнерами, могут быть с легкостью размещены на мировом рынке капитала. А отсюда рекомендуемые им меры — займы, преимущественно производительно-го характера и идущие напрямую в адресном направлении на предприятия, нуждающиеся в модернизации и структурной перестройке, избегая международных займов для целей бюджетирования. Однако следует подчеркнуть, что он оценивал международные государственные заимствования в качестве позитивных лишь при использовании их в производстве непосредственно, все остальные кредиты, ссуды и займы для целей покрытия дефицита платежного баланса — он считал балластом общества и долгами будущих поколений.

Концепция Туган-Барановского в вопросе привлечения и использования инвестиционных ресурсов на кредитной основе, в том числе за счет международных организаций, в современных условиях реализуется в кредитной деятельности Мирового банка в отношении стран, кредитуемых им в целях формирования устойчивых предпосылок трансформации хозяйственных комплексов. Этот же подход сохранен Банком в качестве базового направления в процессе предоставления «финансовой помощи» России. Так, на 1.10.1996 г. общая сумма целевого выделения средств России составила на возвратной основе по ставке LIBOR + 0,25% при сроке погашения в течение 7–8 лет – 5,924 млрд долл. США, а с учетом техпомощи – около 6,4 млрд долл. США. При этом на цели покрытия дефицита госбюджета в 1993 г. 600 млн долл.; и в 1995 г. – 600 млн долл. Остальные же средства носили четко связанный целевой характер и предназначались для реструктуризации нефтегазовой промышленности, угледобывающей, развития банковско-финансовой сферы и т.д. (см. газ. Финансовая Россия, 1996. № 13. Октябрь).

Интересной для читателя, полагаем, является идея введения золотой монеты в условиях экономического кризиса в России, в начале 20-х годов, использованная большевистским правительством («червонец»), которая, с одной стороны, не должна была зависеть от международных финансовых бирж (с. 123), с другой – именно государство должно было обеспечивать регулирование и поддержание на стабильном уровне ее валютного курса. Однако напомним читателю, что эффективность подобной меры могла иметь место в условиях параллельного хождения металлических и бумажных денег, их самостоятельной котировки и наличия вексельного (обменного) курса между ними. Туган-Барановский подчеркивает, что «активная валютная политика должна быть признана одной из важнейших составных частей правильной экономической программы. Строение вексельного курса не должно быть предоставлено случайным биржевым воздействиям, но взято в руки государства», «...Власть же последнего ограничивается хозяйственными силами», проведение активной валютной политики, по мнению автора, является самой прямой функцией центрального банка. Таким образом, как лейтмотив данной работы мы можем определить идею государственного регулирования в сфере денежно-валютных отношений в условиях рыночной модели хозяйствования, а также разработку механизма этого воздействия, исходя из специфики развития экономики России в рамках мирового экономического взаимодействия государств капиталистической ориентации. В развитие этих целей автор, одним из первых ученых-экономистов, выдвигает идею регулирования изменения общественного спроса на товары, дисконтного процента как составных частей процесса управления экономическим развитием и вводит такое понятие, как влияние количества денег в обращении на товарные цены через общественное сознание (позднее в экономической науке получили развитие такие понятия, как инфляция, инфляци-

онные ожидания, стагфляция и др.). Другими словами, идеи Туган-Барановского, мы можем с уверенностью сказать, были предвестником разработанной в 30-е годы теории Кейнса, в основе которой также заложены идеи госрегулирования процентной ставки, денежной массы и установления взаимных пропорций между спросом и предложением, зарплатой и ценами на рынке товаров и услуг.

И в заключение нам бы хотелось особо подчеркнуть современность позиции автора работы «Бумажные деньги и металл» в части исследования роли и значения иностранных инвестиций для развития национальной экономики. Здесь дана комплексная оценка, которая заключается в том, что международные кредиты, займы направлены на выравнивание платежного баланса, ликвидацию дефицита бюджета, — это своеобразный экономический балласт для будущего периода развития хозяйства. К ним надо прибегать лишь в исключительных случаях и при одновременной разработке системы мер оживления общеэкономической конъюнктуры (а мы сегодня могли бы уточнить, назвав формированием благоприятного национального инвестиционно-предпринимательского климата в стране). Регулирование учетной ставки центральным банком выступает действенным инструментом привлечения или оттока инвестиций. Производительное иностранное инвестирование, преимущественно по линии частных инвесторов, — это эффективный фактор оживления национальных производительных сил. Но именно задача центробанка определить оптимальную точку недопущения «перегрева» экономики (путем регулирования валютного курса, дисконтного процента и других мер) по мере достижения «пика» экономического развития, после которого, согласно теории циклических экономических кризисов, наступает фаза рецессии (спада) и наблюдается массивный отток иностранного и национального капитала в регионы и отрасли, обладающие потенциалом развития и прироста доходов их владельцев.

Лишь кратко мы попытались ответить читателю на главный вопрос, — в чем же актуальность предложенного ему исследования, и в какой степени идеи профессора политической экономии М.И.Туган-Барановского начала XX в. могут быть использованы в современной жизни российского общества, переживающего фазу глубочайших преобразований на пороге XXI в. При этом мы не сомневаемся в том, что читатель оценит пионерность русской экономической мысли, незаслуженно забытой или отрицавшейся советской экономической школой, и в то же время самостоятельно сможет сделать определенные поправки с учетом исторической специфики экономического состояния общества, а соответственно и мер, предлагаемых автором, носящих несомненно важный прикладной характер, но лишь в условиях параллельного функционирования металлических и бумажных денег.

д.э.н., проф. *В.В.Перская*

д.э.н., проф. *Г.Н.Сорвина*

ОЧЕРКИ
ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ
И СОЦИАЛИЗМА

М. Туганъ-Барановскій.

ОЧЕРКИ

изъ

НОВѢЙШЕЙ ИСТОРИИ

ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ.

Генрихъ Маллтусъ, Рикардо, Спенсингъ, историческая школа, Кетчеръ-сиддханти, Эвереддайла школа, Буэнъ, Сенъ-Симонъ, Фурье, Прудонъ, Родригусъ, Карлсъ.

СЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ

10-ти портретовъ наиболее выдающихся экономистовъ.

Издание журнала „МІРЪ ВСЯКО“.

— — — — —
Цѣна 2 руб. н.
— — — — —

САНКТЪ-ПЕТЕРЪ.

Типографія В. В. Соловьева, на Далекаго моста, 43.
1903.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предисловие есть единственное место, где автор имеет не только право, но и обязанность говорить о том, что не может ему не быть близким и дорогим, — произведении своей собственной мысли. Книга написана, напечатана и поступила в книжную лавку. Что ждет ее впереди? Быть может, ей удастся найти читателя-друга, заинтересовать кого-либо собою, затронуть чье-либо чувство, не пройти совершенно бесследно в общественном сознании; или же ей суждено иное — остаться лишним и незванным гостем на роскошном пиру человеческой мысли, пополнив собой огромную груды книг, спящих мирным сном на полках, никем не читаемых и никому не нужных... Как знать? И книги имеют свою судьбу!

Работа, предлагаемая вниманию читателей, не есть учебник — для этого она слишком несистематична. Но она и не научное исследование обычного типа — не только по той причине, что в ней отсутствует внешний аппарат учености — обильные ссылки на источники, многочисленные цитаты и пр., — но также и потому, что далеко не все вопросы, затрагиваемые в этой книге, разработаны в ней с подробностью, которой требует исследование специалиста. Я не могу, однако, отнести свою работу и к научно-популярной литературе. Популяризация науки стремится не к расширению, а к распространению научного знания; популяризатор не самостоятельный исследователь, — он послушно и скромно идет за другими, за признанными авторитетами науки. Я же отнюдь не считал себя обязанным согласовывать свое изложение с какими бы то ни было авторитетами и не боялся высказывать свое личное мнение, как бы резко оно ни расходилось с господствующими взглядами. На свой собственный страх и риск стремился я проложить свою особую дорогу в извилистом и запутанном лабиринте социальной мысли. Хороша или дурна эта дорога — судить не мне. Но читатель должен иметь в виду, что положительные выводы лишь слегка намечены в этой книге, являющейся как бы историческим введением к будущей работе, в которой мне бы хотелось представить систематическую критику, с точки зрения социального идеализма, господствующего ныне во всех цивилизованных странах хозяйственного строя — капиталистического.

Форма отдельных очерков удобна в том отношении, что она избавляет автора от необходимости останавливаться, ради систематической полноты, над тем, что он считает менее важным и существенным. Как увидит читатель, я широко воспользовался этой свободой: о некоторых экономических учениях я говорю очень подробно, других касаюсь только слегка, а о третьих, обычно находящих себе место в курсах истории политической экономии, совсем умалчиваю. Мое отношение к разбираемым и неразбираемым мною экономическим и социальным системам определялось важ-

ностью положительных выводов, которые, как мне казалось, возможно было извлечь из рассмотрения этих систем. Я не стремился быть систематизирующим историком прошлого: прошлое интересовало меня лишь постольку, поскольку оно является творцом настоящего и учителем будущего.

Исходным пунктом своего исследования я беру первую мировую экономическую систему, разработанную теоретически и практически, — систему великого шотландского мыслителя Адама Смита. Я считал возможным начать прямо со Смита, ибо, говоря грубо, до Смита была, с одной стороны, экономическая практика, лишенная серьезной теоретической основы (меркантилизм), с другой — экономическая теория, лишенная действительной практики (учение физиократов). Только в системе Смита экономическая теория и практика вступили в тесную связь и образовали одно стройное научное целое, почему общественное мнение не совсем неправо, так упорно сохраняя за автором «Богатства народов», несмотря на все доводы враждебной критики, почетное звание отца политической экономии.

Но если читатель (или критик — не всякий читатель есть критик, но и не всякий критик есть читатель), рассерженный отсутствием в этой книге изложения и разбора до-смитовских учений, не удовлетворится этим объяснением и предъявит мне иск в неисполнении мною моих авторских обязательств, то я спокойно сошлюсь на заглавие моей работы. Покупая «Очерки из новейшей истории политической экономии», мой недовольный читатель знал, за что платит деньги, и не моя вина, если он не получил искомого.

В заключение несколько слов pro domo sua. Быть может, те, кто лишь понаслышке знаком с моими прежними работами, увидят в моей новой книге решительную перемену фронта, разрыв с моим собственным прошлым. Этим лицам я замечу, что в области теории ценности я развиваю на нижеследующих страницах те же взгляды, которые высказал и в своей первой печатной работе, статье о теории предельной полезности в «Юридическом Вестнике» за 1890 г. В магистерской диссертации, «Промышленные кризисы в современной Англии» (1894), я изложил теорию рынков, которую продолжаю считать истинной и теперь. В докторской диссертации, «Русская фабрика в прошлом и настоящем» (1898), я попытался дать общий очерк развития крупной капиталистической промышленности в России, исходя из убеждения в неизбежности этого развития и его прогрессивном характере — по отношению к высшим задачам нашей общественной жизни. И по этому вопросу мои взгляды не изменились. Следовательно, о перемене фронта с моей стороны не может быть и речи.

Но, конечно, я не стану утверждать, что мое общее мирозерцание не испытало за последнее время никакой перемены. Я никогда не был правоверным учеником Маркса, но еще очень недавно чувствовал себя гораздо ближе к марксистам, чем теперь. Я избегал называть себя марксистом, но общественное мнение призна-

до меня таковым — и я не протестовал против этого. Дальнейшее развитие моих взглядов привело меня, однако, мало-помалу к полному разрыву с ортодоксальным марксизмом, который, по моему глубокому убеждению, сделал свое дело и никакой будущности не имеет. Величайшей задачей социальной мысли нашего времени я считаю критическое преодоление марксизма, долженствующее повести к созданию новой социальной системы, в которую войдет много элементов марксизма, но в переработанном, очищенном и преобразованном виде.

Таким образом, я разошелся со своими прежними идейными товарищами и расхожусь с ними все больше и больше. Мои прежние теоретические друзья становятся врагами. Об этом я не могу не пожалеть, но так как твердая и вечная истина не может не быть единственным маяком добросовестного ученого, то я и буду продолжать, насколько мне позволяют силы и умение, по-своему искать объективной истины, не игнорируя критики, но и не отклоняясь ради нее от своего пути.

*Автор
Село Позники
5-го сентября 1902 г.*

ИЗ ПРЕДИСЛОВИЯ КО ВТОРОМУ ИЗДАНИЮ

Читатель не найдет в этой книге систематической истории экономических и социалистических учений. Я начинаю свои «Очерки» с Адама Смита и останавливаюсь в них лишь на том, что мне казалось более важным и существенным. Поэтому моя книга не может быть учебником; но именно благодаря отсутствию в ней того материала, который обычно загромождает учебники и делает их такими непригодными для чтения, она может, как я надеюсь, оказаться небесполезной в качестве книги для чтения и руководства для самообразования. Я старался сделать ее общедоступной без ущерба серьезности содержания. Говоря о немногом, я мог сравнительно дольше останавливаться на каждом отдельном предмете изложения и стремился дать хотя и отрывочную, но достаточно определенную картину движения общественно-экономических идей в закончившемся столетии.

20 февраля 1905 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ШЕСТОМУ ИЗДАНИЮ

Текст шестого издания воспроизводит без всяких перемен текст пятого издания.

20 февраля 1918 г.

Очерк I*

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

Во всех цивилизованных странах господствует в настоящее время своеобразный экономический строй, называемый капиталистическим потому, что в основе его лежит господство капитала над трудом, наемный труд рабочего в пользу капиталиста, владельца предметов, необходимых для производства^{2*}.

Как же возник этот строй, столь привычный нам теперь и столь тесно связанный со всем дурным и хорошим современной цивилизации? Первым представителям экономической науки — экономистам XVIII и начала XIX века — капиталистический строй казался естественной и как бы необходимо присущей человеческой природе формой хозяйства. Но теперь мы знаем, что это не так. Капиталистический строй — продукт не только исторического развития, но и сравнительно недавнего развития: чтобы проследить происхождение современного капитализма, не нужно восходить к седой древности.

Возьмем капиталистическую страну по преимуществу, хозяйственная история которой изучена, к тому же, всего лучше, — Англию. Достаточно отойти в глубь английской истории на несколько столетий, чтобы потерять всякие следы современного капитализма. Англия XII—XIII века — это совсем другой мир, не имеющий ничего общего с современной Англией крупного капитала, которая нам так хорошо известна.

Перед нами чисто земледельческая страна, совсем не ведущая самостоятельной иностранной торговли. В ней около сотни городов: но большинство городов мы назвали бы крупными деревнями. Одним из главных занятий горожан является земледелие. Число жителей даже первоклассных городов (кроме Лондона) не превышает 7—8 тысяч. Деревня безусловно господствует в экономической жизни страны.

Деревенское хозяйство слагается в прочную организацию, устойчивую и неподвижную, истинный фундамент всего социального строя средневековой Англии. Земля поделена между отдельными поместьями-манорами. Во главе манора стоит господин, лорд; в состав манора входит деревня и частные земли лорда, — лежащие чересполосно с деревенскими землями. Деревенские жители вначале были крепостными лорда, обязанными 2—3 дня в неделю работать на земле господина (кроме добавочных работ во время весенней и осенней пахоты и жатвы); затем их обработки заменя-

ются раз навсегда определенными и неизменными денежными платежами в пользу лорда. Отличительной чертой манориальной жизни является ее почти полная экономическая автономность и независимость. Манор был замкнутым экономическим миром, жившим своей особой жизнью и почти не вступающим в соприкосновение со всем, что было вне его. В состав деревни входят не только земледельцы, но и ремесленники. Большинство сел имеет своих кузнецов и плотников, которые первоначально были должностными лицами общины и держали землю под условием исполнения работ в пользу помещика и поселян; затем они стали работать по найму за определенную плату. Каждый крестьянский двор обрабатывал для своих нужд добываемое им сырье и почти не нуждался в покупке продуктов чужого труда. Только соль, железо, деготь и немногие другие менее важные товары поселяне манора должны были покупать на стороне.

Все отношения между поселянами и лордом были прочно закреплены законом и обычаем. Для индивидуальной свободы, личного усмотрения, произвола не было места; стародавний обычай опутал со всех сторон неразрывными сетями всякого обитателя манора и поставил его в строго определенные отношения к другим членам той же экономической группы.

Скудная промышленность и торговля были сосредоточены в городах. В XII веке в городах создаются организации торгового класса — купеческие гильдии^{1*}, монополизировавшие городскую торговлю. Предметом торговли были, главным образом, те произведения ближайших деревень, в которых чувствовалось недостаток городского населения: зерно, шерсть и т.п. Столетием позже возникают организации городских ремесленников — ремесленные гильдии. Первыми самыми влиятельными ремесленными гильдиями были гильдии ткачей и сукновалов. Все эти организации выполняли чрезвычайно важную хозяйственную функцию: регулирование торгово-промышленного оборота страны. Мы видели, что в земледелии неподвижный обычай создавал определенные и закончившие формы хозяйственных отношений. Во главе земледельческой группы стоял лорд, объединявший хозяйство манора и сосредоточивавший в своих руках нити управления манором. В городе не было такого господина и не могло быть, так как городское население состояло не из крепостных, а из свободных людей. Городские купцы и городские ремесленники представляли собой самостоятельных хозяев, не обязанных подчиняться какому-либо одному господствующему лицу. Но откуда не вытекло хозяйственной свободы, а, наоборот, создавалась весьма сложная и удивительно выработанная система общественного принуждения и всестороннего регулирования городской торговли и промышленности.

Всем известно, что такое представлял собой средневековый цех^{2*}. Школа Смита, выступившая с требованием экономической свободы, видела в цехах только порождение узко-эгоистических и вредных для экономического прогресса стремлений городских ремесленников и торговцев монополизировать в свою пользу наибо-

лее выгодные роды занятий. Но более глубокое изучение истории цехов привело экономическую науку к совершенно иной оценке цеха. Цех был удивительно стройным и совершенным общественным учреждением, вполне приспособленным к условиям средневекового городского хозяйства. На основе цеховой организации выросла цветущая городская промышленность средних веков. Смелая фигура средневекового ремесленника, умеющего стойко отстаивать интересы родного города и грудью отразить нападения хищных рыцарей, трудолюбивого и зажиточного, проникнутого сознанием права каждого на обеспеченный заработок, относящегося к своему ремеслу с почти артистическим чувством, любящего это ремесло и гордящегося им, полна своеобразной прелести и красоты. Гармоничный строй жизни средневекового города покоился на цеховой организации, задачи которой, в лучшую пору цехов, сводились к обеспечению всем производителям — членам цеха — достаточного и равномерного заработка, а потребителям — товара хорошего качества за умеренную цену. Цели эти достигались строжайшим регламентированием цеховой власти, под более или менее действительным контролем городского управления, всего хозяйственного процесса, с его начала — покупки сырья — до конца — продажи товара потребителю. Город или цеховая власть пользовались правом прямого таксирования¹ всех товаров, поступающих в оборот городской торговли, равно как и регулирования заработной платы.

Капитал — денежные средства — играл незначительную роль в хозяйстве средневекового ремесленника. Орудия труда были очень просты и не требовали больших затрат. Что касается до сырья, то оно весьма часто или даже в большинстве случаев не было собственностью ремесленника и принадлежало заказчику, который доставлял это сырье ремесленнику для обработки за известную плату. Ремесленник получал плату за свой труд, но он не был наемным рабочим заказчика, так как работал своими инструментами и стоял в социальном отношении совершенно на одинаковом уровне с заказчиком, приобретающим продукт для собственного потребления. Благодаря регулированию промышленности цеховыми властями никто из ремесленников не мог рассчитывать на значительное расширение производства, но, поскольку возможен был успех, успех определялся не капиталом, а искусством и добросовестностью ремесленника.

Рабочего класса в современном смысле слова, т.е. обособленного класса людей, не располагающих капиталом и потому живущих продажей своей рабочей силы, средневековый город в свою лучшую пору совсем не знал. Разумеется, цеховой мастер работал не один — его помощниками в работе были подмастерья и ученики. Но и те и другие не были особым рабочим классом, так как ученик, по окончании срока ученичества, делался или прямо мастером, или же подмастерьем, а подмастерье, через более или менее продолжительный срок, обыкновенно становился мастером. Таким образом, ученики, подмастерья и мастера не были различ-

ными социальными классами, а лишь различными возрастными группами одного и того же класса.

В более позднее время, при упадке цехового строя, когда цехи стали пользоваться своей экономической силой в интересах своих членов и начали ставить различные преграды для достижения прав мастера, подмастерья обособились в особый класс, враждебный мастерам. Но в золотую пору цехов подмастерье был членом семьи мастера и менее всего видел в нем своего врага: заработная плата подмастерья нормировалась обычаями и обыкновенно составляла половину платы, получавшейся самим мастером.

Городские рынки, по определенным базарным дням, были пунктами обмена сельских и городских произведений. Периодические ярмарки, приурочивавшиеся обыкновенно к осени, служили местом продажи произведений отдаленных графств, а также иностранных товаров. Что касается до этих последних, то они попадали в Англию исключительно через посредство иностранных купцов. Компания голландских и фландрских купцов образовывалась в Лондоне Лондонскую ганзу; компания германских купцов называлась Тевтонской ганзой. Эти компании представляли собой сплоченные и замкнутые торговые общества, в руках которых был сосредоточен не только ввоз иностранных товаров в Англию, но и вывоз английских товаров за границу. Только со второй половины XIII века английские торговцы начинают принимать активное участие в иностранной торговле и создают собственные организации для вывоза туземных произведений на иностранные рынки.

Такова была Англия в последний период средневековья. Над всем царил обычай, и твердые, определенные формы права давали мало простора для индивидуальной свободы. Страна слагалась в экономическом отношении из множества замкнутых экономических групп, внутри которых все было закреплено и урегулировано общественной властью.

Современному человеку, привыкшему к экономической свободе и широким меновым сношениям, связывающим в одно целое хозяйство не только всей страны, но даже всего мира, узкий и стеснительный средневековый строй может казаться странным и непонятным. Экономисты XVIII века находили его даже противостественным. И однако, этот строй обладал удивительной живучестью. Остатки его продержались вплоть до XIX века. В эпоху Адама Смита цехи и гильдии были еще вполне реальным экономическим злом, значительно стеснявшим свободное развитие частной предприимчивости; регулирование производства общественной властью вызывает в течение всего XVIII века жалобы крупных предпринимателей; местные власти сохранили вплоть до XIX века право нормирования заработной платы; мелкое производство было господствующим в английской промышленности вплоть до великих технических изобретений конца XVIII века, возвестивших человечеству новую эру — машинного производства.

Потребовалось около пяти столетий, чтобы окончательно разрушить средневековую организацию промышленности. Эпохой

наибольшего расцвета цехов нужно считать XIV столетие. Затем начинается медленный упадок средневекового городского строя. Упадок этот был вызван весьма сложными причинами и выражался различными признаками, но господствующим и основным фактом всей последующей экономической эволюции следует признать рост торговли и торгового капитала.

Торговля не играла большой роли в хозяйстве средневекового города. Вся мелочная регламентация производства, сбыта и цены ремесленных продуктов покоилась на близости потребителя к производителю, между которыми не было промежуточного посредника — торговца. Так как в ремесле долгое время преобладала работа по непосредственному заказу потребителя, из собственного материала последнего, то для купца в этой сделке не было места. Но если даже ремесленные изделия работали для продажи, все же они предназначались в большинстве случаев для узкого местного рынка: покупателями и потребителями были, главным образом, жители данного города и его окрестностей. Поэтому и в этом случае особому торговому посреднику делать было нечего — ремесленник был вместе и торговцем. Купечество, правда, было и в средневековом городе самым влиятельным и богатым классом, но оно вело торговлю не местными городскими изделиями, а частью сельскими продуктами, частью же изделиями отдаленных местностей и городов — в том числе и других стран.

Но чем больше развивались меновые сношения между отдельными городами и отдельными странами, тем важнее становилась роль торговца и тем большее количество продуктов, раньше чем перейти к потребителям, стало проходить через канал торговли. Рост городской промышленности естественно привел к тому, что некоторые отрасли производства, находившие почему-либо в данном городе особенно благоприятные условия для своего развития, переросли местный рынок и стали нуждаться в более отдаленных рынках. Эти рынки были доступны лишь при посредстве купца. О росте торговых сношений между отдельными городами Англии можно судить по торговым договорам, которые города заключали с целью обеспечить своим жителям свободу торговли за пределами родного города. К концу средних веков Англия была покрыта целой сетью таких договоров, которые были до известной степени аналогичны современным договорам между отдельными государствами. Договоры эти связывали в одно экономическое целое отдельные города и всю страну, и, таким образом, из городского хозяйства постепенно выросло народное хозяйство.

Одновременно с внутренней торговлей развивалась и внешняя торговля. Долгое время важнейшим предметом английского вывоза была шерсть; затем на место шерсти становится сукно. Важнейшим фактом в развитии английского суконного производства, а вместе и всей английской промышленности, и даже земледелия (ибо условия суконного производства оказали, как мы увидим ниже, глубочайшее влияние на состояние английского земледелия), следует считать появление во второй половине XIV века но-

вого влиятельного общественного класса — крупных суконных торговцев. Одновременно с этим создается в Англии и специальная организация для вывоза сукна за границу. Английское сукно появляется на европейском континенте и вступает в упорную борьбу с фландрским сукном.

Борьба эта продолжается несколько столетий, сопровождаемая иногда войнами, и заканчивается полной победой английского сукна и разрушением фландрской промышленности.

Изменение условий сбыта сукна не замедлило повлиять и на формы производства его. Пока сукно продавалось самим ремесленником местному потребителю, цеховая организация с ее мелочной регламентацией всего хозяйственного процесса работала превосходно. Мастера, не располагавшие сколько-нибудь значительным капиталом и работавшие на узкий местный рынок, легко мирились с теми преградами к расширению производства, которые создавались цехом. Но крупный суконный торговец, капиталист, находился в ином положении. В его распоряжении был сравнительно большой капитал, и для него был открыт сравнительно широкий рынок. Купец продавал сукно далеко за пределами родного города и был совершенно независим от цеха по отношению к сбыту своих товаров. Как продавец, купец не мог пользоваться защитой цеха; как покупатель, он терпел ущерб от цеховых правил, стремившихся к ограждению интересов городского ремесла. Поэтому крупный суконный торговец не мог не стать элементом, враждебным цеховой организации.

И действительно, мы видим, что по мере роста суконного экспорта и возрастания могущества купеческого капитала совершается медленная, но чрезвычайно многозначительная эволюция.

В городе не было места для иного производства, кроме цехового. И вот, промышленность, чтобы избежать власти цеха, уходит из города в деревню. Деревенская промышленность не подлежала цеховой регламентации; деревня представляла собой, поэтому, открытое, свободное поле для развития новых форм промышленности.

Таким образом, возникает первая чисто капиталистическая форма промышленности — так называемая домашняя промышленность. Отличительные черты ее заключаются в следующем. Руководителем промышленного предприятия является более или менее крупный капиталист, раздающий материал для обработки на дом мелким производителям. Последние за известную плату превращают этот материал в готовый продукт, который и возвращается заказчику-капиталисту. С чисто формальной стороны, домашняя система крупной промышленности сходна с ремеслом — и в том и в другом случае мелкий производитель обрабатывает по заказу материал заказчика. Но по своему экономическому содержанию ремесло глубоко отличается от домашней промышленности: в ремесле заказчиком является потребитель, а в домашней промышленности заказы поступают от крупного капиталиста, имеющего в виду дальнейшую перепродажу продукта, получение

барыша. Поэтому в ремесле мелкий производитель сохраняет свою самостоятельность, а в домашней системе производитель есть такой же наемный рабочий капиталиста, как и при работе в капиталистической мастерской. Домашняя промышленность по заказу торговца есть несомненно капиталистическая промышленность, ибо в ней все отличительные черты капиталистического способа производства имеются налицо.

Образование капиталистического класса крупных суконных торговцев сопровождалось и развитием капиталистической домашней суконной промышленности. Купцы раздавали шерсть деревенским ткачам, полученную ткань окончательно обрабатывали в своих мастерских и затем пускали сукно в продажу. Эта форма промышленности энергично развивается в Англии начиная с XV столетия и достигает своего наибольшего расцвета в XVIII веке. Цеховая промышленность хиреет, и цеховой мастер уступает место капиталисту-предпринимателю. Образуется новый предпринимательский класс, частью из торговцев, присоединивших к торговле промышленное производство, частью же из более предприимчивых городских ремесленников, расширивших свои операции путем раздачи работы на дома.

Совершенно сходная эволюция наблюдается и в других отраслях промышленности, кроме суконной. Так, в половине XVIII века система крупной промышленности господствует в производстве бумази^{1*}. Манчестерские купцы раздавали пряжу сотням экономически вполне зависимых от них деревенских ткачей. В Стаффордшире и Ворчестершире такой же характер имелаковка гвоздей: торговцы железом раздавали его деревенским гвоздарям, которые за известную плату ковали гвозди для купцов у себя на дому. Подобные же отношения наблюдались в льняной промышленности, шелковой, обработке кожи и пр.

В то же время крупная промышленность развивалась в Англии и в другой форме — в форме мануфактуры^{2*}. Уже в XVI веке в Англии появляются крупные капиталистические мастерские для выделки сукна, в которых разделение труда было проведено очень далеко. Законодательство боролось с такими капиталистическими предприятиями, опасными конкурентами для мелких суконщиков, но остановить развития их не могло. При Елизавете число суконных мануфактур значительно увеличилось; при Стюартах возникло много новых мануфактур того же рода в восточных графствах Англии, особенно в Норвиче, несмотря на то, что общественное мнение Англии было настроено к таким мануфактурам очень враждебно и мелкие мастера неоднократно подавали петиции в парламент с просьбами принять меры против распространения крупных мастерских. Но капиталисты-суконщики были уже важными и влиятельными господами. По словам одной современной книги, «они принимали гостей у себя дома так, как король при дворе», и парламент был отчасти под их влиянием.

Вот как описывается в одном стихотворении XVI века суконная мануфактура некоего Джона Ньюбери:

В горнице, просторной и длинной,
Стоят двести ткацких станков,
И двести человек — истинная правда —
Работают рядом на этих станках.
У каждого стана хорошенький мальчик
Радостно работает над челноком,
А в горнице рядом сотня женщин
Без усталы чешет шерсть.
Распевая звонкими голосами веселые песни.
А в другой горнице двести девушек,
В красных юбках и белоснежных платках,
Прядут и поют сладко, как соловьи.

Это наивное описание прелестей недавно возникшего крупного капиталистического производства исходило, разумеется, не от рабочих, которые всего менее были склонны воспевать «неустанную» работу. Мануфактура развивалась рядом с домашней промышленностью в течение всего XVIII столетия, но домашняя промышленность все же была в течение этого времени в Англии преобладающей формой капиталистического производства.

Великие географические открытия XVI века были поворотным пунктом истории и ознаменовали собой наступление новой мировой эпохи. Последствием их было перемещение центра тяжести международной торговли с берегов Средиземного моря к Атлантическому океану, к морскому пути в Америку и Индию. Сначала Голландия, затем Англия становятся первыми морскими и торговыми державами мира. Класс крупных торговцев-капиталистов быстро растет. Новая могучая социальная сила — капитал — мало-помалу завоевывает господствующее положение в хозяйственном и социальном строе Англии. Начинается эпоха меркантилизма: иностранная торговля, дающая легкую возможность наживы, признается единственно производительным занятием, и вся государственная политика сводится к поощрению всеми мерами этой торговли. Так как торговля эта сопровождалась большим риском, требовала большой затраты капитала и потому была не под силу отдельному предпринимателю, то стали возникать крупные торговые компании, получавшие исключительное право вести торговлю в той или иной стране, благодаря чему они легко наживали огромные капиталы. В течение всего XVI, XVII и XVIII столетий Англия захватывает земли во всех частях света и создает свою колоссальную колониальную империю. Крупная промышленность Англии получает огромный обеспеченный внешний рынок. Сокровища, собираемые в заморских странах, приливают в метрополию, пополняя ее капиталы. Благодаря открытию Америки запасы драгоценных металлов в Европе, уменьшавшиеся со времени падения Римской империи, увеличиваются в огромной пропорции; происходит настоящая революция товарных цен¹.

Прилив золота и серебра дает мощный толчок развитию денежно-го хозяйства.

Таким образом, ход развития английской крупной промышленности был, вкратце, таков. Международная торговля создала крупный купеческий капитал. Крупный купеческий капитал подчинил себе ремесленника и деревенского производителя, которые стали брать материал для работы у торговцев и прекратили работу из собственного материала. Мелкое самостоятельное производство частью постепенно превратилось, рядом незаметных переходов, в домашнюю систему крупной промышленности; частью оно было поглощено мануфактурой, которая создалась купеческим капиталом, перешедшим от торговли к производству тех продуктов, которые вывозились за границу. Частью же оно продолжало существовать в прежнем виде и более или менее успешно отстаивало свою позицию.

Мы видели, как сложился в Англии класс крупных капиталистов. Но капиталист предполагает рабочего; это — различные полюсы одного и того же общественного отношения. Средневековая Англия, в период расцвета городского строя, почти не знала рабочего класса. Откуда же взялись в XVII—XVIII веках многочисленные промышленные рабочие, работавшие по найму у себя дома и в мастерских капиталистов?

Уже со второй половины XV века в Англии создаются элементы для будущего промышленного пролетариата. В лучшую пору цехов подмастерья не были особым социальным классом, так как всякий или почти всякий подмастерье мог рассчитывать достигнуть с течением времени положения мастера. Но увеличение конкуренции со стороны подмастерьев и ухудшение условий существования цеховой промышленности повели к тому, что цеховые власти стали намеренно затруднять доступ в сословие мастеров. Только дети мастеров легко достигали этого важного звания, без которого при цеховом строе ремесла не было возможности сделаться самостоятельным хозяином промышленного предприятия. Чем более усиливались монополистические тенденции цеховых мастеров, тем резче обособливались мастера от подмастерьев. Потеряв доступ к званию мастера, подмастерья стали рабочим классом в современном смысле слова.

Социальное дифференцирование мастеров и подмастерьев не замедлило обнаружиться весьма резкими и недвусмысленными признаками. Пока те и другие были одним классом, подмастерья не образовывали своих особых обществ, враждебных мастерам. Но уже с XV века в Англии возникают такие общества, с которыми мастера упорно, но безуспешно боролись. Эти общества вполне аналогичны современным рабочим союзам; они преследовали те же цели — улучшение условий продажи рабочей силы — и теми же средствами, из которых стачка¹ была и остается могущественнейшим орудием воздействия рабочих на хозяев. Общества (или «братства») подмастерьев в Англии не были так многочисленны, как в Германии, но все же существование их обнаружено в целом

ряде цеховых ремесел. Подмастерья сложились, таким образом, в особый экономический класс наемных рабочих, находившийся в резком антагонизме к классу хозяев.

Ряды промышленного пролетариата пополнялись еще сельским пролетариатом, созданным аграрной революцией XVI века. С XV столетия манориальный строй начинает быстро разлагаться. К этому времени уже все крепостные повинности приняли денежную форму. Лорд обрабатывал свои земли наемным трудом, но огромное большинство сельских рабочих было мелкими собственниками или арендаторами земельных участков. Прежний единый манор распался на частное владение лорда, общинные земли, пользование которыми принадлежало всей общине (то были, главным образом, пустоши, а также выгон и луга), и мелкие крестьянские участки, находившиеся или в собственности, или в постоянном пользовании крестьян. Право собственности, на большинство участков, которыми крестьяне пользовались из поколения в поколение за точно определенные и фиксированные платежи в пользу лорда, оставалось неопределенным. Аграрная революция XV века заключалась, преимущественно, в экспроприации лордами крестьян этой категории и в разделе значительной части общинных земель. Права крестьян, державших земельные участки по обычаю, основывались только на обычном праве и были лишены строго юридического, законного обеспечения. Пока лорды не имели достаточных мотивов нарушать вековые обычные права своих держателей, права эти не терпели ущерба от отсутствия законной защиты. Но в XV столетии в Англии стала быстро развиваться суконная промышленность. Шерсть сделалась самым выгодным продуктом сельского хозяйства. Лорды ответили на это превращением своих пахотных полей в пастбища для овец. Так как земля приобрела очень большую ценность, то лорды, не довольствуясь своими старинными владениями, воспользовались своим политическим и экономическим могуществом для захвата участков обычных держателей, насильственно экспроприируя земледельческое население. Крестьянские хижины сносились с лица земли, и место их заступали овчарни. Этот наглый грабег исторического достоинства крестьянина совершался на законном основании — судьи были на стороне лордов, что и неудивительно, ибо сами судьи были заинтересованы в этом грабеже, принадлежа к земельному дворянству. Раздел общинных земель был также фактической экспроприацией деревенского населения, ибо беднейшая часть крестьянства не получила при этом никакого вознаграждения за утрачиваемые права пользования выгоном для пастьбы скота и пр., а более достаточные крестьяне получали все же гораздо меньше, чем лорды, которые в качестве сильнейшей стороны умели обеспечить себе львиную долю общинной земли^{1*}.

Таким образом, к концу XVI столетия Англия уже далеко отошла от твердых и определенных форм средневековья. Новый социальный строй — капитализм — прокладывает себе дорогу. Главной твердыней капитала все еще остается иностранная торгов-

ля; но уже и внутренняя торговля подпадает влиянию крупного капитала. Капитализм дает первые ростки в промышленности — в форме домашней системы и мануфактуры. В земледелии крестьянское хозяйство далеко не исчезает (еще в начале XVIII века крестьянское хозяйство едва ли не преобладало в Англии), но терпит жестокие удары от крупного землевладения и отступает перед натиском этого последнего. В то же время в городе создается многочисленный пролетариат, постоянно пополняемый свежим притоком сельского пролетариата.

Процесс разложения крестьянского хозяйства был особенно энергичен в XVI веке; затем он замедлился на несколько столетий, чтобы возобновиться с новой силой в конце XVIII столетия. XVII век и первая половина XVIII века были периодом сравнительного благополучия английского сельского населения, благодаря тому, что рост домашней промышленности в деревнях оставил важные подсобные заработки крестьянину. Есть полное основание думать, что положение трудящихся масс в Англии во всяком случае не ухудшилось в промежуток между концом XVI и половиной XVIII столетия.

В XVI веке сложилось новое экономическое и социальное законодательство Англии, еще сохранявшее тесную связь со средневековой организацией производства, но уже проникнутое новым духом: государственная власть заступает место городской власти. Законодательство это продержалось несколько столетий. В центре его стоит знаменитый закон Елизаветы об ученичестве (изданный в 1562 г.), который был отменен только в начале XIX века. Важнейшие постановления этого закона были следующие: право самостоятельно заниматься ремеслом или быть подмастерьем присваивается только лицам, прошедшим семилетний курс учения; в ученики могли приниматься только дети достаточных родителей, и притом на трех учеников хозяин непременно должен был давать работу одному подмастерью, взрослому рабочему, окончившему семилетний курс: на всякого ученика, превосходившего это число, должен был содержаться лишний подмастерье. Рабочий день был установлен: летом — в 12 час., зимой — от восхода до заката солнца. Рабочие договоры должны были заключаться не менее как на год, а заработная плата устанавливалась ежегодно мировыми судьями и городскими властями. При известных условиях мировым судьям было предоставлено право принуждать к работе, по требованию хозяев, взрослых подмастерьев; все же не имевшие средств к жизни взрослые мужчины, не занимавшиеся никаким ремеслом, могли быть принуждаемы к исполнению земледельческих работ. Рабочим было запрещено менять свое местожительство без разрешения надлежащих властей.

Закон Елизаветы имел целью, во-первых, оградить мелких промышленников от опасной для них конкуренции крупных предпринимателей-капиталистов; во-вторых, обеспечить хозяевам, главным образом землевладельцам, достаточный контингент рабочих по ценам, устанавливаемым самими землевладельцами. Этим

законом не только ограничивалось число лиц, находивших себе занятия в промышленности (благодаря чему вся масса труда должна была скопляться в земледелии), но и передавалось назначение заработной платы землевладельцам, которые занимали все должности по местному самоуправлению, в том числе и должности мировых судей. Землевладельцы получали законные права над земельными рабочими.

Но, конечно, закон об ученичестве противоречил интересам крупных предпринимателей-капиталистов. Если бы закон соблюдался строго, то развитие мануфактуры стало бы почти невозможным. Однако капиталисты были уже важными господами, и при столкновении с законом уступали не они, а закон. Дело устроилось следующим образом: закон был истолкован в ограничительном смысле и совсем перестал применяться ко всем отраслям промышленности, которые не имели большого значения в эпоху издания закона. Так, напр., хлопчатобумажное производство никогда не подчинялось этому закону. В новых промышленных городах Англии, как, напр., в Манчестере, Бирмингеме, Вольвергэмптоне и др., существовало множество производств, в которых законы об ученичестве не имели никакой силы.

Что касается до старинных отраслей промышленности, вроде суконного производства, полотняного, шелкового и пр., то относительно их закон номинально оставался в силе, но фактически свободно нарушался крупными предпринимателями. Многочисленные петиции мастеров в течение всего XVIII века доказывают, что закон Елизаветы обходился очень часто. Даже в мелком производстве постановления закона об ученичестве плохо исполнялись на практике (хотя все-таки большинство мелких мастеров проходили семилетний курс). В отдельных же случаях, когда эти постановления соблюдались, они нередко являлись источником совершенно бессмысленных стеснений для самих рабочих.

Другие постановления закона исполнялись еще меньше. Рабочая плата должна была, как сказано, устанавливаться по закону мировыми судьями. Это постановление закона применялось, главным образом, в земледелии. В XVII и XVIII веках плата земельными рабочими, действительно, определялась мировыми судьями. Но в обрабатывающей промышленности установление рабочей платы мировыми судьями было возможно лишь до тех пор, пока производство было несложным, не имело крупных размеров и одни и те же рабочие служили у хозяев по десяткам лет. С развитием крупной промышленности все эти условия изменились, и требование закона о заработной плате скоро перестало выполняться. В суконной промышленности заработная плата в последний раз была установлена мировыми судьями в 1720 г.

Старинная организация английской промышленности в начале XVIII века продолжала держаться, но уже пришла в полный упадок и, хотя и была очень стеснительна для развивавшихся новых форм промышленности, не могла воспрепятствовать их развитию. Богатые предприниматели были такой крупной силой, что при

всяком столкновении закона с их интересами уступали не они, а закон. В другом положении была рабочая масса. Она мало пользовалась выгодами нового порядка вещей и в то же время тяжело чувствовала стеснительность старинного законодательства, не признававшего свободы личности. Со времени Елизаветы приходы должны были сами заботиться о содержании своих бедных. Вполне понятно, что приходские власти очень неохотно допускали на свою территорию малообеспеченных людей, могущих сделаться бременем для прихода. И вот, при Карле II приходу предоставляется важное право высылать на первоначальное местожительство всех неимущих пришельцев. Благодаря этому английский рабочий был совершенно лишен свободы передвижения и отдан в распоряжение приходских властей — представителей местного крупного землевладения.

Непригодность старинной организации промышленности к новым условиям производства и сбыта была так очевидна, что, наконец, и парламент должен был уступить. В 1756 г. парламент подтвердил постановление закона Елизаветы, чтобы заработная плата в суконном производстве западных графств Англии устанавливалась мировыми судьями. Но немедленно же парламент был завален петициями суконщиков-капиталистов, неопровержимо доказывавших неисполнимость попытки парламента вернуться к старым забытым порядкам. Мелкие мастера-суконщики были за закон, но хозяева-капиталисты решительно требовали свободы от всякого вмешательства государства. Парламент колебался: сначала он издал дополнение к закону, еще более ограничивавшее свободу рабочего договора. Но новое направление победило: через несколько месяцев парламент принял меру огромного принципиального значения — только что изданный закон был отменен без всяких ограничений, и этим самым рабочий договор был признан свободным. Мировые судьи лишились права регулировать заработную плату рабочих в суконном производстве. С этого времени экономическая политика Англии направилась по новому пути, приведшему уже в следующем веке к глубочайшему преобразованию всего социального и экономического строя страны.

Точно так же и в общем строе внешней торговли Англии наблюдаются в половине XVIII века глубокие перемены. Торговые компании не могут отстоять своих исключительных прав на торговлю и отступают перед конкуренцией частных торговцев. Африканская компания совсем прекращает существование, другие клонятся к упадку. Ост-Индская компания, несмотря на свои колоссальные богатства и могущество, принуждена терпеть быстрый рост частной торговли с Ост-Индией. Вообще же в XVIII веке общественное мнение Англии видимым образом изменяет свое отношение к привилегированным компаниям. В начале этого века необходимость таких компаний не подвергалась сомнению, и вопрос был только в том, какую организацию им следовало придать. Но несколько позже новые привилегированные компании совсем не разрешались парламентом, а сохранение старых становилось все

более затруднительным. Развитие частной предприимчивости, не останавливавшейся пред нарушением закона, делало привилегии компаний мертвой буквой.

Гораздо устойчивее было направление таможенной политики, которому Англия упорно следовала в течение многих столетий. В этой области опека государства не показывала никаких признаков ослабления. Государство по-прежнему признавало своей обязанностью поощрение туземной промышленности путем запрещения ввоза или обложения высокой пошлиной иностранных фабрикантов, выдачи премий за вывоз туземных произведений и предоставления им монопольного рынка в колониях. Таможенный тариф Англии разросся до такой степени, принял такой хаотический и беспорядочный вид, вследствие нагромождения все новых и новых пошлин, что, когда Питт¹ в 1787 г. предпринял громадный труд приведения в систему и порядок таможенного тарифа, для этого потребовалось не менее 3.000 отдельных парламентских постановлений.

Таково было положение Англии в ту эпоху, когда политическая экономия сложилась в законную науку в системе великого шотландца — Адама Смита. Капиталистический строй энергично развивался, но еще был далек от господства: старинные формы промышленности еще не утратили своей жизненности. Старинное законодательство, регулировавшее отношения труда и капитала, еще сохраняло юридическую силу, несмотря на свое полное несоответствие новым условиям экономической жизни. Капиталистическая эра уже началась, но полный расцвет капитализма был еще впереди.

Очерк II

АДАМ СМИТ

Политическая экономия исследует стихийные законы, управляющие товарным хозяйством. Холодный дух расчета веет в суровом царстве капитала, которое изучает экономическая наука. Казалось бы, если есть научная дисциплина, предмет которой не дает простора фантазии, воображению, мечте, то это именно политическая экономия. Как хозяйство является самым прозаическим из занятий человека, так и наука о народном хозяйстве должна была бы, по-видимому, быть самой прозаической, трезвой и сухой из общественных наук¹.

И однако, это не так. Среди великих экономистов было много людей с творческой мечтой, истинных поэтов в области мысли. Тот, кого обыкновенно считают создателем экономической науки, — автор «Богатства народов» Адам Смит — быть может, и не был художественной натурой; но, во всяком случае, Смита нельзя упрекнуть в том, что он смотрел на мир из-за купеческого прилавка. Это был человек созерцательного склада ума, любивший уединение, замкнутый в себе, мягкий, скромный и уступчивый, избегавший шума больших городов и предпочитавший мирную жизнь в провинциальной глуши, жизнь, посвященную упорной, но спокойной умственной работе. Его мечтой была жизнь в деревне. «Красота деревни, удовольствия деревенской жизни, обещаемое ею спокойствие духа и действительно доставляемая ею независимость всюду, где последняя не стесняется несправедливыми законами, представляются для всех самыми заманчивыми прелестями. А так как первоначальное назначение человека состояло в возделывании земли, то он и сохранял, кажется, во все эпохи своего существования предрасположение к этому первобытному занятию своей природы». Так писал Смит о деревенской жизни на склоне своих лет в «Богатстве народов».

В натуре Смита было что-то тихое и женственное, пассивное и боязливое. Сын таможенного чиновника (род. в 1723 г., ум. в 1790 г.), умершего еще до рождения ребенка, он вырос под женским влиянием. Женщина играла выдающуюся роль в его жизни; но этой женщиной была не любовница и не жена, а мать, с которой Смит почти не расставался до глубокой старости. Женат он не был, и мы ничего не знаем о его любовных увлечениях. Ребенком он был хилым и болезненным и уже с ранних лет отличался удивительной рассеянностью, которая дала повод к стольким анекдотам впоследствии, когда Смит стал знаменит. Одной из его странных привычек была привычка говорить вслух. В большом

обществе он легко робел, говорил путаясь и запинаясь и вообще отнюдь не производил блестящего впечатления.

Долгое время Смит был профессором университета в Глазго; но преподавал он не политическую экономию — такой кафедры и не было в Глазговском университете. Он читал «нравственную философию», т. е., главным образом, этику^{1*} и естественное право. В 1759 г. Смит выпустил свой философский труд, доставивший ему громкую известность, — «Теорию нравственных чувств». Через несколько лет после этого великий ученый, совершенно добровольно, без всяких внешних побудительных причин, оставил кафедру и поехал в скромной должности домашнего наставника одного молодого лорда во Францию, где и прожил более двух лет. Здесь он познакомился, между прочим, с Кенэ — главой школы так называемых физиократов — и многими другими выдающимися французскими мыслителями и учеными. Через два года Смит опять на родине, но он не возвращается в университет, хотя этот путь оставался для него, по-видимому, открытым. Ему было в это время 43 года, и он почувствовал, что наступило время осуществить дело жизни. Он поселяется в том же маленьком шотландском приморском городке, где и родился, — в Киркальди. Здесь, в полном уединении, в обществе старой матери и кузины, которая была немногим его моложе, наш философ проводит более 7 лет в работе над «Исследованием о природе и о причинах богатства народов».

Уединение Смита было так глубоко, что даже его ближайший, а может быть, и единственный друг — великий мыслитель Давид Юм^{2*} — не знал, чем он занят. Через три года после возвращения Смита из Франции Юм пишет ему в дружеском письме: «Я хочу знать, что Вы сделали за это время, и намерен потребовать серьезного и полного отчета в том, как Вы распорядились временем в своем уединении. Я положительно уверен, что Вы наделали много ошибок в своих рассуждениях, в особенности в тех случаях, когда имели несчастье не соглашаться со мной». Через несколько лет Юм снова пишет: «Я не принимаю в оправдание Ваших заявлений о расстроенном здоровье и смотрю на них лишь как на отговорку, подсказанную ленью и страстью к уединению. В самом деле, мой любезный Смит, если Вы будете поддаваться недомоганиям подобного рода, то кончите тем, что совсем порвете всякие связи с человеческим обществом к великому вреду обеих сторон».

В этих письмах обращает внимание, между прочим, тон несомненного превосходства, с которым Юм обращается к Смигу. Так может говорить учитель с любимым учеником. И чрезвычайно характерно, что творец «Богатства народов» занял в своих личных отношениях к Юму такую позицию, несмотря на то, что как экономист он был несравненно выше Юма. Труды Юма по политической экономии не представляют собой ничего выдающегося и теперь забыты^{3*}, между тем как слава Смита как экономиста несколько не померкла с годами.

В тоне письма Юма к Смигу ярко сказались различие их натур. Юм был энергичным и бестрепетным бойцом, настойчивым и упорным, умевшим подчинять других людей. Неудивительно, что в этой дружеской связи господствующая роль досталась Юму.

Смит не обладал большим нравственным мужеством. Незадолго перед смертью Юм обратился к нему с просьбой позаботиться об издании некоторых его сочинений, имевших антирелигиозный характер. Смит уклонился от исполнения поручения своего умирающего друга. Недостаток нравственного мужества отразился и на его взглядах — на его склонности к компромиссу, на его неуверенности в осуществимости его собственных любимых идей. И тем не менее, Смит был благородной натурой. Благо человечества было единственным маяком, по которому направлялся жизненный путь великого экономиста. Ни тщеславие, ни жажда популярности, ни заискивание перед могущественными людьми, ни классовый эгоизм не омрачали его мысли, остававшейся всегда чистой, как струя горной воды. Все, что он говорил, он говорил с глубоким убеждением в своей правоте. Он не унижал науку до прислужничества господствующим классам, как это так часто делали его последователи. По возвышенности, ясности и гармоничности своего духа Смит напоминает древних мудрецов Эллады.

Что же представляла собой экономическая система Смита, изложенная им в «Богатстве народов» (1776)? Мы постараемся охарактеризовать хозяйственное положение Англии в эпоху Смита. Система его явилась концентрированным выражением социальных особенностей и духа его времени, — и в этом секрет ее поразительного успеха среди современников и могущественного влияния на умы.

Мы уже говорили, что первая половина XVIII века была для Англии, прежде всего, переходной эпохой. Старые формы хозяйства — мелкое самостоятельное производство — уступали место новым — капиталистической промышленности. Обмен быстро развивался и втягивал в свой круговорот все новые отрасли производства. Социальное и экономическое законодательство Англии, сложившееся еще в период господства мелкого производства, стесняло развитие новых хозяйственных форм и было неудобно как крупным предпринимателям, так и рабочим. Технические преимущества нового хозяйственного строя — капиталистического и, в частности, крупного производства — были очевидны, но социальные последствия этого строя еще не успели обнаружиться.

И вот, мы видим, что с первых же строк «Богатства народов» Смит указывает на крупное производство как на главнейшее средство увеличения народного богатства. Классический пример булавочной мануфактуры является для нашего экономиста подходящей иллюстрацией колоссального роста производительности труда благодаря разделению последнего. Но разделение труда, в глазах Смита, неразрывно связано с обменом. «На разделение труда, — читаем в «Богатстве народов», — доставившее такие громадные выгоды, не следует смотреть как на результат человеческой муд-

рости, предвидевшей то общее благосостояние, которое будет вызвано им; оно было необходимым, хотя и весьма медленным, постепенным последствием известного стремления, свойственного всем людям, помимо какой бы то ни было, заранее рассчитанной, общей выгоды, стремления, побуждающего их к торгу, к обмену одной вещи на другую вещь». Обмен представляется Смиту важнейшей силой, двигающей вперед человеческое хозяйство. «Человек непрерывно нуждается в помощи ближних, но тщетно ожидал бы он ее исключительно от их благорасположения... "Дай мне то, что мне нужно, и ты получишь то, что нужно тебе", — большая часть всех столь необходимых для нас услуг получается именно таким образом. Не от расположения к нам мясника, пивовара или булочника ожидаем мы нашего обеда, а от пристрастия их к своим собственным выгодам. Мы обращаемся не к гуманным чувствам их, а к эгоистическим; мы говорим им не о наших нуждах, а об их выгоде»¹.

Степень возможного разделения труда ограничивается распространением обмена, иначе говоря — обширностью рынка. Если обмен, рынок, невелик, то специализации занятий полагаются узкие пределы. В глухой деревушке каждый крестьянин должен быть и плотником, и мясником, и булочником, так как, занимаясь только одним промыслом, он не мог бы себя прокормить. В деревенской лавке можно найти всевозможные товары — гвозди и деревянное масло², деготь и ситцы, веревки и стеклянную посуду — товары, которые в городах продаются в разных лавках. Причина этого различия понятна: если бы деревенская лавка попробовала специализироваться на продаже гвоздей, или ситцев, или стеклянной посуды, то скоро должна была бы прекратить торговлю по недостатку покупателей, т.е. по ограниченности рынка.

Итак, развитие обмена является важнейшей причиной возрастающего разделения и увеличивающейся производительности труда, или, что то же, роста народного богатства. От обмена и разделения труда выигрывает не только одна часть общества, владеющая средствами производства, но и все классы общества, без исключения. «Огромное увеличение количества произведений во всех искусствах и ремеслах, вытекающее из разделения труда, вызывает в благоустроенном обществе общее благосостояние, развивающееся до самых последних классов населения. У каждого работника является излишек в произведениях его труда...» «Между домашней утварью какого-нибудь европейского государя и утварью трудолюбивого и порядочного крестьянина окажется, быть может, меньшее различие, чем между обстановкой последнего и обстановкой какого-нибудь африканского короля, царствующего над десятками тысяч нагих дикарей».

Таким образом, с первых же страниц «Богатства народов» Смит намечает свою основную идею. Обмен — самая великая и прогрессивная хозяйственная сила; свободная игра хозяйственных интересов приводит к наибольшему благополучию всех. Отсутствие общего плана и единой мысли в хозяйственном строе, покоя-

щемся на свободном обмене, порождает хозяйственную гармонию, недостижимую для сознательной воли и мысли законодателя. Идеализация свободного товарохозяйственного строя и признание его самым совершенным типом человеческого общежития — вот в чем заключается, следовательно, основная идея «Богатства народов».

Идея эта находилась в связи со всем мирозерцанием Смита, как оно выразилось не только в «Богатстве народов», но и в его философском труде «Теория нравственных чувств». Смит глубоко проникнут убеждением в эгоистической природе человека. Автор «Истории цивилизации Англии» — Бокль^{1*} — высказал мнение, что в «Теории нравственных чувств» наш философ, по методологическим соображениям, исходит из противоположного представления о человеческой природе, чем в «Богатстве народов», а именно: в первом своем труде Смит принимает основным мотивом человеческой деятельности чувство симпатии, между тем как во втором он кладет в основание всех своих рассуждений о действиях человека посылку эгоизма. Однако мнение Бокля не может быть поддерживаемо. Симпатию, о которой говорится в «Теории нравственных чувств», никак нельзя смешивать или даже отождествлять (как это делает Бокль) с благожелательством, любовью к ближним, готовностью жертвовать личными интересами ради интересов других людей. Наоборот, во многих местах своего философского труда Смит выражает убеждение, что чувство бескорыстной любви к ближним не только играет совершенно ничтожную роль в жизни людей вообще, но даже и в качестве стимула нравственного поведения отступает на задний план перед другими, более могущественными мотивами. «Не нежное чувство гуманности, не слабая искра благожелательности, которую природа заронила в нашу душу, дает нам возможность побеждать сильнейшие стремления себялюбия: более могучая сила, более сильные побудительные мотивы действуют в подобных случаях. Этой силой является разум, наша совесть, наш собственный зритель в нашей душе, человек внутри нас, великий судья и ценитель нашего поведения. Если я хочу причинить зло другим людям, то этот судья возвышает свой голос, способный заглушить сильнейшую страсть, и говорит мне, что я являюсь такой же человеческою личностью, как и другие, что я не лучше других и что бесстыдное и слепое себялюбие повлечет за собой возмездие, негодование и презрение ко мне со стороны других». Под симпатией, на которой основывается наше нравственное чувство, Смит понимает нашу способность воспроизводить в своей душе, путем воображения, чувства и ощущения других людей. Делая дурной поступок, мы невольно представляем себе и то осуждение, которое этот поступок должен встретить со стороны других людей. Таким образом, мы, помимо своей воли, носим своего судью внутри нас, — и боязнь этого внутреннего суда, а не любовь к людям является основой нравственного поведения. Смит отнюдь не считает безнравственными такие чисто эгоистические чувства, как честолюбие,

стремление к превосходству над другими людьми, к победе над соперниками, к улучшению своего социального положения — при том, разумеется, условии, чтобы это стремление не приводило к причинению вреда соперникам. Словом, добросовестная конкуренция не встречает никакого осуждения со стороны Смита. Вся его этическая система построена на признании эгоистических побуждений главными двигателями человеческого поведения.

Итак, человек является в глазах автора «Теории нравственных чувств» своекорыстным существом. Отсюда легко было прийти к мысли, что лучшее средство достигнуть общего благополучия — это предоставить каждому свободу осуществлять свои интересы. Законодательная опека выступала в эпоху Смита в слишком неблагоприятном свете, чтобы истинный друг народа, каким был великий экономист, мог относиться к ней без недоверия. Смит знал, что забота об общих интересах, об интересах государственного могущества, о национальной славе, развитии отечественной промышленности и пр. так часто прикрывала собой эгоистические стремления немногих осуществить свои частные выгоды в ущерб справедливым интересам огромного большинства. Ничего нет удивительного, что для Смита, как и для других лучших людей XVIII века, свобода стала священным лозунгом, который заставлял сильнее всего биться их сердца и переполнял энтузиазмом их души. Учение об естественном праве давало теоретическое обоснование этой веры в свободу. Учение это утверждало, что каждый человек, в силу своей разумной природы, обладает известными прирожденными правами, которые для государственной власти должны быть святыней. Единственным справедливым обоснованием государственной власти является добровольное согласие членов общества на отчуждение в пользу государства, в общих интересах, некоторой доли той присущей разумному существу свободы, которая составляет естественное достояние человека. Ограничение свободы отдельного лица допустимо лишь постольку, поскольку этого требует обеспечение свободы других лиц.

Такова была доктрина естественного права, профессором которого был, между прочим, и Смит. Однако легко видеть, что в применении к историческому государству доктрина эта могла иметь смысл лишь в качестве постулирования должного, идеала, но никак не в качестве констатирования существующего. Историческое государство целиком основывалось на насилии, и это прекрасно сознавалось всеми. Конструирование норм политической жизни при предложении свободного договора имело, поэтому, лишь идеальный интерес — оно не могло сложиться в положительную науку о реальных отношениях общежития. По этой причине доктрина естественного права в учении о государстве, несмотря на свое великое историческое значение в качестве одного из могущественных идейных факторов революции, не повела к созданию положительной науки государственного права. Эта последняя наука, поскольку таковая вообще существует, скорее выросла из противоположной концепции, так называемой историчес-

кой школы права^{1*}, величайшим представителем которой был Савиньи^{2*}.

Другое дело, область народного, иначе говоря — товарного хозяйства. Каким бы стеснениям ни подвергался обмен (а стеснения эти в эпоху меркантилизма были, действительно, громадные), все же в экономическом обороте область свободы всегда была очень велика. Для нового хозяйственного строя — капиталистического — быстро развивавшегося в XVIII веке, свобода была воздухом, без которого жизнь невозможна. Этот строй был прямо немыслим без свободы договора, которая составляла такую недостижимую утопию в области государственного права. И потому развитие этого строя не могло не сопровождаться ростом экономической свободы. Мы видели в предыдущем очерке, как бессильно было устарелое законодательство Англии, построенное на принципе законодательной опеки и регламентирования хозяйственной жизни, остановить распространение свободного духа капиталистического хозяйства, разрушавшего исторически сложившиеся формы общежития и лишавшего внутреннего содержания враждебные ему юридические институты, если последние номинально и оставались в силе.

Итак, в товарном хозяйстве свобода договора была не только теоретической предпосылкой естественного права, но в значительной мере объективной реальностью. Даже в эпоху Смита область свободы в экономической жизни Англии была несравненно шире области государственного принуждения. Поэтому изучение взаимных отношений частных хозяйств, при предположении их свободными и самоопределяющимися единицами, приобретало вполне реальный смысл и значение. Из этого изучения и возникла теория политической экономии.

Некоторые исследователи истории экономических идей обратили в недавнее время особое внимание на тесную связь доктрины естественного права^{3*} с теоретической политической экономией. В важнейших трактатах естественного права в XVIII веке имелись отделы, посвященные изучению законосообразностей свободного товарного обмена. Уже теоретики естественного права — Гуго Гроций^{4*}, Пуффендорф^{5*}, Христиан Вольф^{6*} и др. — выяснили некоторые из важнейших законов, управляющих стихийным товарным обращением, предоставленным самому себе. Так, учение о цене было одним из весьма детально разработанных отделов естественного права; роль спроса и предложения как факторов цены и труда как регулятора средних цен была известна предшественнику Смита в Глазго по кафедре моральной философии и естественного права — Гетчисону^{7*} — не менее, чем Смигу. Вообще нельзя не согласиться с немецким экономистом Гасбахом, что «зачатки систематической теоретической политической экономии заключены в другой науке, естественном праве. Система теоретической экономической науки постепенно развилась из составной части естественного права».

Политическая экономия, как наука о законах, управляющих товарным хозяйством, имеет, так сказать, два корня. С одной стороны, она возникла из практических нужд государственного и частного хозяйства. Меркантилизм — экономическое учение, господствовавшее в течение нескольких столетий и достигнувшее особого развития на пороге нового времени, в XVI и XVII веках, — был не столько теорией, сколько системой практической политики своего времени. И потому трудно указать теоретиков меркантилизма. Практики — государственные деятели, как Кромвель^{1*} и Кольбер^{2*}, — могут считаться самыми яркими выразителями меркантилизма. Развитие денежного хозяйства в связи с ростом государства выдвинуло для государственной власти на первый план заботу о привлечении в страну звонкой монеты. Меркантилизм и был системой способов достижения этой цели. А так как всякая практика предполагает какую-либо теорию, то создалась и теория меркантилизма, признававшая звонкую монету — золото и серебро — преимущественной или даже исключительной формой народного богатства.

Экономические и финансовые потребности естественно вызывают попытки объяснения экономических явлений. Но человеческий разум, каким бы целям он ни служил, все же остается самим собой; честная и серьезная умственная работа не может не сопровождаться стремлением к познанию истины, законов бытия, ради них самих, независимо ни от каких практических видов. Поэтому усложнение задач экономической политики со времени развития денежного хозяйства вело постепенно, хотя и медленно, к созданию новой научной дисциплины — политической экономии, вырабатывавшей теоретические отправные пункты практических мероприятий, требовавшихся временем.

Таким образом, политическая экономия, подобно прочим наукам, выросла на почве нужд и потребностей своего времени. Но одновременно с этим создание политической экономии шло и совсем другим путем. Если одной своей стороной экономическая наука соприкасается с шумом и гамом уличного базара или биржи, то своей другой стороной политическая экономия близка к бесстрастному покою философского созерцания. Экономическая наука должна была решить чисто абстрактную проблему: в какие формы сложится игра человеческих интересов, если предположить свободу этой игры? Отдельные частные хозяйства являлись как бы атомами товарно-хозяйственного мира. Психические силы, управляющие этими атомами, предполагались известными. Важнейшей из этих сил можно было считать личный интерес. Надлежало установить, путем чистого умозрения, каковы будут законы взаимодействия и равновесия хозяйственного целого. Задача эта напоминала задачи механики, с той разницей, что место мертвых частиц материи и физических сил заступали мыслящие и чувствующие личности и психические силы.

Такая задача была достаточно грандиозна, чтобы увлечь воображение философа. И мы видим, что величайшими экономистами

были именно люди с широкими философскими интересами и любовью к абстрактному мышлению. Среди великих экономистов можно указать очень немногих, на своем личном опыте испытывавших суету рынка, явления которого были предметом их изучения. Большинство же этих людей, лучше всех других понимавших законы так называемого «практического дела», были наиболее непрактичными людьми на свете. Самым ярким образчиком экономистов этого типа был, как видно из предыдущего, тот, кого обыкновенно считают творцом экономической науки, — Адам Смит, философ, совершенно равнодушный к богатству, живший интересами, бесконечно далекими от каких бы то ни было практических дел.

Итак, идеализация свободного, нерегулируемого, стихийного товарного хозяйства непосредственно вытекала у Смита из его философского мирозерцания, которое было, вместе с тем, мирозерцанием века. Физиократы¹⁷ — предшественники Смита в области построения экономической теории — стояли на почве того же мирозерцания, равно как и почти все лучшие умы Франции и Англии эпохи революции. Центральным пунктом мирозерцания была вера в свободу и вражда к государственной опеке. Человеческое общество рассматривалось не как исторически развившийся организм, а как договорный союз автономных личностей, обладающих прирожденными неотчуждаемыми правами. Мирозерцание это находилось в самой тесной связи с социальным строем своей эпохи. Для социального творчества XVIII века время выдвинуло огромную задачу — освобождения личности от государственной опеки. Борьба велась под знаменем свободы; свобода была впереди, была целью, к которой стремились, и идеализация хозяйственного строя, основанного на свободе договора, была неизбежна.

«Богатство народов» с начала до конца проникнуто мыслью, что лучшее или даже единственное средство обеспечить общее благополучие заключается в предоставлении каждому свободы заботиться о своих интересах. В конце II тома «Богатства народов» Смит поясняет, в чем заключается «простая и не хитрая система естественной свободы», рекомендуемая им на место всевозможных систем поощрения и стеснения. «Всякий человек, — говорит наш автор, — пока он не нарушает законов справедливости, имеет бесспорное право следовать по пути, указанному ему его личным интересом, и употреблять по своему усмотрению свой труд и капитал... Государь совершенно освобождается благодаря этому от обязанности, исполнить которую он не имеет средств и для надлежащего исполнения которой не хватило бы никакой человеческой мудрости и никаких познаний, — обязанности руководить трудом людей и направлять его самым выгодным образом для целого общества. При системе естественной свободы государю остается исполнить три обязанности, правда — важные, но ясные, простые и доступные для обыкновенного понимания. Первая состоит в защите общества от всякого насилия или нашествия со стороны других независимых обществ. Вторая состоит в защите каждого члена общества от несправедливостей и притеснений со стороны другого

члена общества, или в установлении справедливого суда. Наконец, третья его обязанность состоит в приведении в исполнение и поддержании общественных предприятий и некоторых учреждений, которые не могут быть исполнены и содержимы на счет одного или нескольких людей»^{1*}.

В другом месте своего труда Смит замечает, что «забота о личной выгоде естественно и необходимо побуждает человека избрать именно тот путь, который оказывается наиболее выгодным для общества». «Преследуя свою собственную выгоду, человек часто работает на общую пользу более действительным образом, чем если бы задался такою целью... Государственный человек, который принял бы на себя труд указывать частным лицам, как они должны употреблять свои капиталы, мало того, что занялся бы совершенно бесполезным делом, но он присвоил бы себе власть, которую было бы безрассудно поручить не только одному лицу, но какому бы то ни было совету или сенату». Подобного рода замечания в изобилии рассеяны во всех отделах «Богатства народов».

Всем известно, что Смит был величайшим защитником свободы как внутренней, так и внешней торговли. На этой защите и основался беспримерный успех «Богатства народов». Для огромного большинства читателей автор этого трактата был только апостолом свободы торговли. Критика Смита направлялась, главным образом, на систему меркантилизма и государственной опеки во всех ее проявлениях. Теоретическое обоснование меркантилизма — мысль об исключительной важности в народном хозяйстве денег — признается Смитом безусловно ложным. Деньги — такой же товар, как все другие товары. Поэтому стремление меркантилистов к обеспечению выгодного товарного баланса, т.е. перевеса вывоза товаров над ввозом, благодаря чему деньги могли бы приливать в страну, — ложно в самом своем корне. Наибольшая сумма богатства может быть достигнута предоставлением каждому полной свободы продавать и покупать по своему усмотрению. К торговой политике государства вполне приложимо правило, которым руководствуется каждый купец: покупать на самом дешевом рынке и продавать на самом дорогом. Поэтому всякие покровительственные пошлины, удорожающие товары, равно как и вывозные премии, поощряющие одни отрасли промышленности в ущерб другим, вредны для общества. Не менее вредны всякие стеснения свободы передвижения и приложения труда внутри страны. Каждый должен быть свободным в выборе занятия и местожительства. Цеховые привилегии, законы об оседлости, стеснявшие передвижение рабочих, законы об ученичестве и монополии разного рода должны быть отменены.

Как видно из предыдущего, почти все эти требования экономической политики были выдвинуты жизнью, и заслуга Смита заключалась только в отчетливом формулировании и теоретическом обосновании их. Мы уже указывали, что закон об ученичестве, сохраняя свою номинальную силу, почти перестал соблюдаться на практике в XVIII веке; до такой степени сила вещей — иначе го-

норя, новые экономические отношения — была против него. Как было упомянуто, английский парламент задолго до появления «Богатства народов» вступил в области рабочего законодательства на новый путь, отменив в 1756 г. для суконного производства закон о регулировании заработной платы мировыми судьями. Вообще, вся унаследованная от эпохи меркантилизма система регулирования промышленности внутри страны вызывала в Англии в XVIII веке недовольство общественного мнения; система эта была выгодна многочисленным и, притом, падающим общественным классам и противоречила интересам растущего класса капиталистов и, отчасти, рабочих. Система государственной опеки отмирала сама собой и держалась, в значительной мере, лишь в силу социальной инерции; нередко сохранялась только внешняя форма этой системы, только мертвая буква закона, в то время как его живое содержание давно отлетело. Достаточно было могущественного идейного удара, каковой был нанесен бессмертным трудом Смита, чтобы устаревшее, подгнившее, почти необитаемое здание государственного регулирования промышленности и внутренней торговли Англии рухнуло.

В области внешней торговли Англии система государственной опеки была гораздо живучее и в конце XVIII века не обнаруживала никаких признаков упадка; но это еще не доказывает, что она действительно соответствовала потребностям английской промышленности. Как бы мы ни оценивали преимущества протекционизма^{1*} и свободной торговли, во всяком случае ясно, что протекционизм имеет значение только на известной стадии развития туземной промышленности, когда промышленность эта недостаточно окрепла, чтобы выдержать конкуренцию иностранной. Но нет никакого смысла охранять то, на что никто не нападает. А в эпоху Смита важнейшие отрасли английской промышленности стояли уже так высоко, что только застарелая боязнь иностранного соперничества, привычка к государственной опеке побуждали английских промышленников настаивать на сохранении покровительственных пошлин, которые были для них совершенно излишни. Лучшим доказательством ненужности протекционизма для английской промышленности служит последующий быстрый успех идеи свободной торговли именно среди английских промышленников. Об этом нам еще придется говорить впоследствии, теперь же достаточно указать на то, что, хотя во время Смита английский таможенный тариф имел более запретительный характер, чем тариф какой-либо иной страны Европы, не прошло и сорока лет со времени смерти Смита, как Англия стала во главе движения в пользу свободной торговли и по сие время остается единственной европейской страной, в которой покровительственные пошлины совершенно отсутствуют.

Мы уже указывали, что Смит занял вполне определенную позицию в разыгрывавшейся на его глазах великой борьбе старых и новых форм хозяйства — мелкого самостоятельного производства и капитализма: он был всей душой на стороне нового промышлен-

ного строя. Благотетельные последствия для всех классов населения от развития обмена и крупного производства кажутся ему настолько очевидными, что он почти не обсуждает вопроса, соответствует ли происходящая промышленная революция интересам массы населения или нет. Новые формы хозяйства выше в техническом отношении, они увеличивают народное богатство, и потому Смит без всяких колебаний становится на их сторону. Распадение общества на три класса — землевладельцев, капиталистов и рабочих — кажется Смицу вполне естественным строем общества, не требующим объяснения, хотя он и признает, что на более низших ступенях развития общество не распадается на классы и продукт труда принадлежит самому производителю, владеющему землей и необходимыми орудиями производства. Интересы этих трех классов, по мнению Смита, относятся очень различно к интересу всего общества в совокупности. А именно, доход землевладельцев — рента — возрастает по мере накопления народного богатства: чем общество богаче, тем больше спрос на продукты земледелия, тем выше цена последних, а следовательно, и рента землевладельца. Успехи обрабатывающей промышленности также выгодны землевладельцам, выигрывающим в данном случае в качестве потребителей мануфактурных изделий. Таким образом, землевладельческий класс выигрывает при возрастании народного богатства и проигрывает при его падении. Интересы этого класса совпадают, следовательно, с общественными.

Рабочий класс точно так же заинтересован в общем преуспевании, так как чем скорее накапливаются капиталы, тем больше спрос на труд и тем выше заработная плата; целым рядом исторических примеров Смит старается твердо установить свое основное положение, что высота заработной платы находится в прямом отношении к росту народного богатства — не к абсолютной величине богатства, а именно к темпу его нарастания. Самые высокие цены на труд наблюдаются не в самых богатых странах, а в тех, которые более всего преуспевают в промышленности и торговле, где богатство растет всего быстрее. Необычайная высота заработной платы в Северной Америке объясняется именно быстрым ростом богатства этой страны. Если же богатство какой-либо страны и очень велико, но не возрастает, то заработная плата не может быть в ней высока, так как увеличение населения при неподвижном состоянии богатства быстро приводит к переполнению рабочего рынка, к превышению предложения рабочих рук сравнительно с требованием на них и к падению заработной платы. Еще хуже положение рабочего в тех странах, богатство которых сокращается. Нищета и голод массы населения составляют неизбежный удел таких стран, так как в них спрос на рабочие руки падает значительно ниже предложения.

Отсюда видно, что главный интерес рабочих заключается, по мнению Смита, в быстром накоплении богатства и капиталов — иными словами, интересы рабочего класса точно так же, как и землевладельческого, вполне совпадают с интересами всего обще-

ства как целого. В другом положении, говорит Смит, находится класс предпринимателей, капиталистов. Накопление капиталов, поднимающее заработную плату, стремится понизить прибыль. Прибыль на капитал выше всего в бедных странах, где капиталов мало, и ниже всего в богатых странах, где капитал в избытке. Зависит это от того, что увеличение предложения капиталов, по закону спроса и предложения, понижает плату за пользование капиталом — процент. Повышение заработной платы, увеличение доли рабочих, вызываемое ростом капиталов, не может не сопровождаться сокращением прибыли, доли капиталистов. Поэтому интересы класса капиталистов не только не совпадают с интересами всего общества, но прямо противоположны им.

Эти соображения Смита выясняют, каким образом он мог быть горячим сторонником нового промышленного строя, оставаясь другом рабочих. Теоретические убеждения приводили его к выводу, что от успехов промышленности выигрывает больше всего сам рабочий.

Во всяком случае, искренность сочувствия Смита рабочим классам не может быть заподозрена. «Всегда, — говорит он, — когда законодательство вмешивается в разбирательство споров между хозяевами и их работниками, оно спрашивает мнения первых; поэтому, когда издается постановление в пользу работников, оно бывает справедливо и благоразумно; но не всегда бывает так же, когда законодательство высказывается в пользу хозяев». Ничто не вызывает такого негодования Смита, как стеснение свободы рабочего находить себе заработок там и таким образом, где и как он этого желает. «Самое священное и неприкосновенное право собственности, — говорит с глубоким убеждением Смит, — есть право на свой собственный труд, потому что из этого права вытекают все прочие права собственности. Все имущество бедного состоит в его силе и ловкости его рук; мешать ему употребить эту силу и ловкость так, как он заблагорассудит, если он никому не причиняет этим вреда, есть явное насилие над этой первоначальной собственностью».

Крупный капитал в эпоху Смита имел очень миролюбивый вид. В большинстве случаев работа исполнялась на дому у рабочего; рабочий начинал и кончал работу, когда хотел, жил в деревне, сохранял свой клочок земли, хотя и работал не на себя, а на хозяина. На мануфактурах условия работы были иные, но зато мануфактурные рабочие получали большой заработок, нередко больший, чем доходы мелких мастеров. Все заставляло думать, что интересы рабочего класса не только не требуют сохранения прежнего хозяйственного строя, но, напротив, именно ради рабочих следует желать как можно более скорого торжества капиталистического производства.

Единственным классом, интересы которого, по мнению Смита, не совпадают с общими, является класс капиталистов. Из «Богатства народов» можно привести очень много мест, где Смит выражает свое негодование против этого класса. Вот, напр., какими

словами он заканчивает первую книгу своего труда: «Всякое предложение нового закона, исходящее от этого разряда людей (капиталистов), должно быть встречено с крайним недоверием, ибо оно исходит от класса людей, интерес которых никогда не может вполне совпадать с интересами всего народонаселения и состоит, вообще, в том, чтобы провести общество и даже обременить его, что уже неоднократно и удавалось им делать при всяком удобном случае». В другом месте Смит говорит о молчаливой стачке для понижения заработной платы, в которой всегда находятся хозяева. «Хозяевам, по меньшему числу их, гораздо легче стакнуться; к тому же, закон позволяет им заключать условия такого рода или, по крайней мере, не запрещает им этого, между тем как он строго преследует стачки рабочих. Мы не знаем парламентских постановлений против заговора в пользу понижения заработной платы, но мы имеем множество их против заговоров, имеющих целью повысить ее». Член парламента, как бы ни был велик его личный авторитет, который рискнул бы поддерживать какую бы то ни было меру, клонящуюся к свободной торговле, рисковал бы, по словам Смита, подвергнуться клевете, оскорблениям и даже личной опасности со стороны заинтересованных промышленников. Именно вследствие этой могущественной оппозиции у Смита вырвалось малодушное признание, что «надеяться на полную свободу торговли в Великобритании было бы таким же безумием, как ожидать осуществления в ней республик Утопии или Океании».

Ввиду этого какую горькую иронию истории составляет тот непредвиденный Смитом факт, что его идеи сослужили службу именно классу капиталистов! Крупные промышленники, составлявшие оплот протекционизма в эпоху «Богатства народов», скоро стали главной опорой движения в пользу свободной торговли. Промышленная революция, идейным провозвестником которой был Смит, совершилась, главным образом, в их интересах.

В теоретической части «Богатства народов» выдающуюся роль играет учение о капитале; под капиталом Смит понимает ту долю созданных трудом запасов, которая предназначается не для собственного потребления владельца, а для дальнейшего производства. Весь общественный продукт распадается, по Смицу, на две части: одна идет на восстановление затраченного на производство капитала, другая поступает в распоряжение непродуцирующих классов общества — собственников земли и капитала и непродуцирующих рабочих, труд которых не создает новых ценностей (чиновники, солдаты, ученые, люди свободных профессий и пр.). Та часть общественного продукта, которая обращается на восстановление капитала, поступает в распоряжение производительных рабочих. Распадение общества на производительные и непродуцирующие классы соответствует распадению общественного продукта на капитал и чистый доход (прибыль и ренту). Чем большая доля общественного продукта превращается в капитал, капитализируется, иначе говоря — поступает в распоряжение производи-

тельных рабочих, тем быстрее растет народное богатство. Доказывая несущественность торгового баланса (т.е. соотношения ввоза и вывоза товаров), которому меркантилисты придавали такое значение, Смит настаивает на первенствующей важности в общественной экономии баланса между непродуцирующим потреблением и накоплением капитала, так как именно этим балансом и определяется рост общественного богатства. Поэтому Смит решительно отвергает взгляд, по которому непродуцирующие расходы правительства и роскошь богатых людей полезны для страны в качестве стимула промышленности.

Какую роль играл Смит в истории политической экономии? В новейшее время по этому вопросу устанавливается все больше согласия. Первоначальное отношение к Смицу — неограниченного преклонения или столь же безусловного осуждения — сменилось теперь более спокойной и беспристрастной оценкой его исторического значения. Конечно, несправедливо мнение, будто «Богатство народов» создало экономическую науку. Во всех важнейших частях своей системы Смит имел многочисленных предшественников; некоторые из них даже превосходили его по силе мысли. Уже давно указывалось на связь учения Смита с работами физиократов — школы французских экономистов, глава которых, Кенэ, умер незадолго до выхода в свет «Богатства народов». Действительно, заслуги физиократов в деле создания современной экономической науки громадны; по оригинальности мысли и теоретической законченности системы Кенэ стоит выше великого шотландца. Кенэ принадлежит честь первого теоретического построения системы политической экономии как органического целого. В этом отношении Смит был простым учеником Кенэ. Учение о капитале также заимствовано Смитом у физиократов. Что касается до требования экономической свободы, то в этом отношении влияние физиократов на нашего мыслителя не могло быть особенно значительным, так как раньше их, в одной речи, сказанной в 1755 г., он высказал это требование с полной определенностью и почти в той же форме, как и в «Богатстве народов». Во всяком случае, система Смита уже потому не может считаться заимствованной у физиократов, что по самому кардинальному пункту — по вопросу об исключительной производительности земледельческого труда — он расходится с физиократами (хотя и по этому пункту следы влияния физиократов ясно видны во многих местах «Богатства народов», напр., в рассуждениях Смита о большей полезности для страны земледелия, чем промышленности и торговли и пр.). Система физиократов, при всей своей стройности и логическом изяществе, страдала коренным и неустранимым недостатком — отрицанием производительности неземледельческого труда. Поэтому, как ни блестяще были разработаны ее детали и как ни гениальна была ее общая конструкция, она не могла приобрести практического значения и оказала могущественное влияние на общественную мысль лишь через посредство системы Смита.

Обвинения творца «Богатства народов» в неоригинальности многих его отдельных выводов и положений вполне справедливы; но это нисколько не умаляет значения его гениального труда. Оригинальность великого экономиста заключалась не в частностях, а в целом: его система является самым полным и совершенным выражением идей и стремлений его эпохи — эпохи падения прежнего хозяйственного строя, для которого свобода была естественной стихией. Отсюда и историческое значение, и беспрецедентное в истории политической экономии влияние «Богатства народов».

Очерк III

ПРОМЫШЛЕННАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Исходным пунктом великой промышленной революции, начало которой можно относить к концу XVIII века, было преобразование условий обмена. Мы уже говорили, что возникновение капиталистической промышленности в Англии было непосредственно вызвано ростом морской торговли под влиянием великих географических открытий XVI века. Но до половины XVII столетия торговля все-таки была очень ограничена и не играла господствующей роли в экономической жизни даже Англии по очень простой причине: море было широкой дорогой, открытой для всех предприимчивых людей, но сообщения внутри страны были крайне затруднительны вследствие плохого состояния дорог. Артур Юнг^{1*} описывает, в каком состоянии были дороги в Англии в конце прошлого века, путешествие по ним было сопряжено с опасностью для жизни. Товары между самыми важными торговыми пунктами должны были перевозиться не иначе, как на вьючных лошадях, — никакая телега не могла выдержать этих дорог. За несколько десятков миль от морского берега торговля уже падала, а внутри страны решительно преобладало натуральное хозяйство. Но со второй половины XVIII века условия внутреннего сообщения стали изменяться в Англии к лучшему; дороги по-прежнему оставались почти непроезжими, но с 1755 г. Англия энергично приступила к созданию сети каналов, сыгравших в XVIII веке такую же роль, как железные дороги в следующем веке. К концу столетия Англия получила, в виде каналов, превосходные внутренние пути сообщения, по которым дешево и быстро могли перевозиться самые громоздкие товары — могли подвозиться сырой материал и топливо для возникавших фабрик и отвозиться для продажи готовые продукты.

Каналы энергично двинули вперед экономическую эволюцию Англии. Они открыли для торговли внутренний рынок, — и с этого времени падение мелкого производства пошло быстрее, тем более, что в конце XVIII века капитал получил, наконец, то оружие, которое обеспечило ему окончательное торжество. Оружием этим была машина.

Изобретение машин было первым словом промышленной революции. Значение машин в истории человечества не может быть преувеличено. Человеческий разум знал более высокие триумфы, но никогда ни один продукт человеческой мысли не вызывал таких глубоких перемен во внешних условиях жизни человечества, как машины. Машины знаменовали собой начало новой эры — освобождения людей из-под власти внешней природы; они яви-

лись, поэтому, плодотворнейшей победой человеческого духа, той прометеевой искрой, из которой разгорелось великое пламя, охватившее со всех сторон старый мир человеческих отношений. Не существует более поразительного вещественного символа господства человеческого сознания над материей, чем стройные и блестящие массы металла, послушно повинующиеся человеческой воле и выполняющие работы, во много раз превышающие мускульные силы людей. Человек как животное, как носитель механической энергии потерял, благодаря машинам, свое прежнее хозяйственное значение сравнительно с человеком как существом разумным, как источником психической силы.

Изобретение прядильной и ткацкой машины не было делом случая или гениальности отдельного лица. И прядильная, и ткацкая машина явились результатом упорной работы целых поколений изобретателей. Чисто экономические условия — усиление спроса на хлопчатобумажную пряжу и ткань, благодаря развитию торговли, — вызвали чрезвычайную потребность в усовершенствовании орудий прядения и ткачества. Потребность в ускорении прядения повела к изобретениям Аркрайта^{1*}, Гаргривса и Кромптона; а когда машинное производство пряжи вызвало огромное увеличение предложения последней, то изобретение ткацкой машины дало возможность столь же быстро превращать эту пряжу в ткань. Сначала прядильные машины приводились в движение руками или водой, пока, наконец, Джемс Уатт^{2*}, изобретатель новой паровой машины, не снабдил прядильные фабрики той двигательной силой, в которой они нуждались, — паром. Наступила новая мировая эпоха — эпоха пара и машинного производства.

Изобретение машин радикально изменило позиции крупного и мелкого производства. Мы указывали выше на устойчивость мелкого производства в Англии XVIII века. Устойчивость эта объяснялась, в значительной мере, тем, что крупное производство стояло в техническом отношении почти на той же почве, как и мелкое. Машины все переменяли. Первые машины нашли себе применение в бумагопрядении, — и здесь уже к началу XIX века фабрика окончательно вытеснила мелкую мастерскую, и изготовление бумажной пряжи на дому совершенно прекратилось. В области ткачества борьба машины и ручного труда была гораздо упорнее и растянулась на много десятилетий, но также закончилась победой фабрики.

Изменение способов производства повело к чрезвычайному росту народного богатства.

Только благодаря удивительному развитию своей фабричной промышленности (главным образом, хлопчатобумажной) Англия могла выдержать тяжелую борьбу с Францией, потребовавшую колоссальных финансовых затрат; и потому нельзя не согласиться с известным замечанием, что Аркрайту и Уатту Англия более обязана своими морскими и сухопутными триумфами, чем Нельсону^{3*} и Веллингтону^{4*}.

Мы видели в предыдущем очерке, что для Смита возрастание народного богатства было синонимом социального прогресса. Чем быстрее растет богатство страны, тем лучше должно быть положение рабочих — таков был основной тезис Смита. И действительно, для эпохи «Богатства народов» это было вполне справедливо: страна богатела, а положение рабочих улучшалось. Промышленная революция значительно ускорила рост народного богатства Англии. Как же это отразилось на интересах различных классов населения?

Класс крупных землевладельцев много выиграл от промышленной революции. Землевладельческая техника сделала за это время значительные успехи, хотя и не такие поражающие, как в области обрабатывающей промышленности: севооборот был улучшен, воспитание скота было поставлено на рациональную почву, земледельческие орудия были усовершенствованы (был изобретен паровой плуг). Результатом этих улучшений явилось громадное возрастание землевладельческого дохода. Так как одной из важнейших причин возрастания ренты было значительное вздорожание хлеба, то вместе с землевладельцами выиграли и фермеры, особенно те, кто арендовал землю по долгосрочным контрактам. Именно в это время приобрел значение новый класс богатых фермеров-капиталистов, которые по своему общественному положению, привычкам и образу жизни не имели ничего общего с рабочими.

Еще больше выиграла от промышленной революции фабриканты и торговцы — вообще капиталистический класс. Крупные состояния наживались в это время предприимчивыми людьми с поразительной быстротой. Эпоха войны с Францией была для английских промышленников, несмотря на затруднения международной торговли, золотым временем, о баснословных барышах которого слагались впоследствии целые легенды. Только потому, что оба господствующих класса — лендлорды¹ и капиталисты — находили войну для себя выгодной, Англия могла с таким упорством вести борьбу с Наполеоном. Торговец прежнего времени, перевозивший товары на вьючных лошадях и путешествовавший для торговых сношений по окрестным городам верхом, несмотря ни на какую погоду, исчез окончательно — его место занял купец-капиталист современного типа, ведущий свои дела из торгового центра при помощи целой армии служителей: приказчиков, конторщиков и торговых агентов. Точно также мелкий предприниматель был в значительной мере вытеснен крупным фабрикантом.

Почти половина колоссального английского бюджета стала уходить на платеж процентов по государственному долгу — своего рода подать населения капиталистическому классу, ссудившему правительство нужными ему деньгами.

Вообще, не может быть сомнения, что промышленная революция была чрезвычайно выгодна имущим классам. Пожалование титула баронета Ричарду Аркрайту, изобретателю ватерной прядильной машины, и национальных наград другим изобретателям

было выражением общественного мнения страны, признавшего этих людей благодетелями своего отечества.

Но, страннным образом, рост народного богатства сопровождался не менее быстрым ростом народного обнищания. Издержки на содержание бедных увеличивались в ужасающей прогрессии, заработная плата падала. Факты решительно опровергли учение Смита о заработной плате. Возрастание национального богатства оказалось равносильным обеднению народной массы.

Средневековый хозяйственный строй не способствовал быстрому промышленному прогрессу и накоплению богатств, но он обеспечивал известный достаток всем участникам производства, как хозяевам, так и рабочим. Земледелие соединялось с обрабатывающей промышленностью, и всякий рабочий находил себе дома занятие на время, свободное от полевых работ. Капиталистическое хозяйство повело к полному разъединению земледельческой и обрабатывающей промышленности. И в городе, и в деревне заурядному английскому рабочему в 20—30 годах прошлого столетия жилось несравненно хуже, чем до промышленной революции. Все современные писатели жалуются на обеднение народа.

Ручной ткач не находил более подсобного занятия в земледелии; в то же время ему пришлось выдерживать уничтожающую конкуренцию ткацкой машины, которая хотя и медленно, но неуклонно замещала фабрикой ручное производство. С каждым усовершенствованием ткацкой машины цена ткани падала, а вместе с тем падал и заработок ручного ткача. Но все-таки основной причиной обеднения ручных ткачей было не столько усовершенствование ткацкого механизма, сколько те общие причины, которые могут быть объединены понятием развития капитализма. Развитие капитализма вызвало образование избыточного населения, которого не знала Англия прежнего времени. Сельские рабочие, которые должны были бросить земледелие (о чем речь будет впереди), мелкие производители, не выдержавшие конкуренции с крупным производством, рабочие, вытесненные машинами, представители всевозможных профессий, процветавших при прежних порядках и не приспособившихся к новым хозяйственным условиям, — вся эта масса рабочего люда лишилась своих прежних заработков и должна была устремиться в те отрасли промышленности, которые были для всех доступны. Именно это и вызвало общее переполнение рабочего рынка и падение цены чернорабочего труда.

Условия существования земледельческих рабочих были не лучше, чем ручных ткачей. Деревенские рабочие лишились своих прежних вспомогательных промыслов; ручная прялка, бывшая в XVIII веке главной опорой крестьянской семьи, не могла выдержать конкуренции с машиной и была заброшена, как ненужный хлам. Точно так же сделались невыгодными и другие мелкие промыслы, и земледельцы остались только при земледелии. Для мелкого земледельца это было тяжелым ударом, от которого он не мог оправиться.

Еще больше значения в том же смысле имел раздел общинных земель между отдельными собственниками, который пошел особенно быстро в первые десятилетия XIX века. В это время цена земельной собственности сильно возросла, что не могло не повлиять на стремление крупных землевладельцев к округлению своих поместий. Раздел общинных земель в большинстве случаев сводился просто-напросто к отбиранию общинной земли в пользу крупных землевладельцев. При этом нужно иметь в виду, что общинные земли в половине XVIII века составляли около 1/6 части всей территории Англии и представляли собой, по своим почвенным условиям, едва ли не лучшие земли страны.

Поглощение мелких ферм крупными, вызванное вздорожанием цены хлеба в начале XIX века и перестройкой всего английского земледелия на новый лад, с введением интенсивных способов обработки земли, дорогих машин и проч., также приводило к сокращению числа земледельческих рабочих. Нередко изгнание избыточного рабочего населения из деревень принимало принудительный характер и сопровождалось возмутительными жестокостями. Сисмонди¹ рассказывает историю знаменитой «очистки» поместий графини Соутерландской в 1810—1820 гг., сопровождавшейся изгнанием 15 тысяч человек коренных обитателей страны и обращением громадного имения, занимавшего почти целое графство, в несколько десятков крупных ферм, предназначенных исключительно для разведения овец. Такие «очистки» с целью обращения пахотной земли в пастбище и сенокос производились в особенно больших размерах в Шотландии и Ирландии.

Именно в эту эпоху, т.е. в конце XVIII и начале XIX века, исчез окончательно мелкий земельный собственник — йомен — слава и гордость Англии прежнего времени. Англия стала классической страной крупного землевладения; вместе с тем относительная численность земледельческого населения стала падать.

Перейдем теперь к тому, как отражались эти глубокие экономические перемены на социальных отношениях Англии. Рассматриваемая эпоха в особенности замечательна тем, что с нее начинается современная история, характеризующаяся резко выраженной борьбой классов. Классовые противоположности существовали и раньше, но никогда они не выступали так ярко на первый план истории, как в новейшее время. При средневековом феодальном строе зависимость крепостного от сеньора была сильнее, чем в наше время зависимость рабочего от капиталиста; но в отношениях между господствующим и подчиненным классом раньше и теперь была глубокая разница. Прежние отношения носили в большей или меньшей степени патриархальный характер. Что касается до рабочих и мелких мастеров, то отношения между ними были во многих случаях почти дружескими.

С торжеством капитализма единственной связью между людьми сделалось то, что Карлейль² метко окрестил названием «cash nexus» — «связь наличных денег». Предприниматель видел в рабочем не человека, но «рабочие руки», «живую машину», отли-

чавшуюся многими неудобствами сравнительно с неодоушевленной машиной, но без которой все-таки нельзя было обойтись. Для рабочего хозяин был представителем чуждой и враждебной силы, с которой нужно было бороться, насколько хватало энергии. Интересы хозяев нового типа и рабочих были совершенно противоположны. Тойнби^{1*}, автор прекрасной книги «Промышленная революция в Англии», приводит слова одного английского фабриканта начала прошлого века, характеризующие общее настроение того времени: «Соединить высшие и низшие классы общества, — заявил с уверенностью этот фабрикант, — так же невозможно, как смешать воду и масло: у этих классов ничего нет общего. Интерес предпринимателя заключается в том, чтобы выжать возможно больше работы за возможно меньшую сумму денег». Так относились фабриканты к рабочим, — и последние платили тою же монетой.

Введение нового промышленного строя не вызвало в Англии политической революции, так как политическое господство капиталистического класса было и так обеспечено. Тем не менее водворение новых хозяйственных форм осуществилось в Англии только после долгой и ожесточенной борьбы. Английское общество раскололось на две враждующих группы: крупных собственников и предпринимателей с одной стороны, и мелких предпринимателей, и рабочих — с другой. Интересы мелких мастеров и их рабочих были в данном случае солидарны. И те и другие имели верный заработок при прежнем хозяйственном строе и не могли надеяться сохранить такое же обеспеченное положение при новых условиях производства. Рабочим грозило ухудшение их материального положения, а мастера опасались потерять свою независимость и спуститься в ряды пролетариата. Поэтому и те и другие действовали вполне согласно и усердно поддерживали друг друга.

Вражда мелких мастеров и рабочих к машинному производству выразилась прежде всего в разрушении машин. Почти все изобретатели XVIII века навлекали на себя преследования толпы и должны были спасаться бегством от своих раздраженных соотечественников. Так, изобретение прядильной машины «Дженни» Джемсом Гаргривсом вызвало целое восстание в его родном городе: толпы мастеров-прядильщиков врываются в дома, где находились новые прядильные машины, и разрушали все машины, которые имели более 20 веретен. Гаргривс должен был бежать из Ноттингема. Машина Аркрайта вызвала еще больше волнений среди народа: многие из построенных им фабрик были сожжены и разграблены, власти неоднократно должны были прибегать к вооруженной силе для ограждения имущества фабрикантов. Пиль, дед знаменитого министра, бывший одним из самых ранних фабрикантов, едва спас свою жизнь от нападения толпы; его фабрика была уничтожена. Разрушения машин продолжались и в первые десятилетия XIX века; среди рабочих чулочной промышленности образовалось в начале столетия даже особое тайное общество, которое поставило своей целью уничтожение машин. Это общество, под названием «леддитов», действовало в течение ряда лет и на-

водило страх на собственников машин. Правительство прибегло, для охранения собственности фабрикантов, к мерам исключительной строгости: за разрушение машин была назначена смертная казнь, и, действительно, несколько рабочих было повешено.

Но рабочим не трудно было убедиться, что такие приемы борьбы с новыми формами производства ни к чему привести не могут. Сознавая это, рабочие пытались бороться с фабричным производством более систематически. В начале XIX века среди рабочих суконной промышленности Йоркшира возникает очень влиятельный союз, имевший свои разветвления во множестве городов Англии и Шотландии. Союз этот возбудил большую тревогу среди фабрикантов; парламентская комиссия 1806 г., исследовавшая положение суконной промышленности, признала его крайне опасным и вредным как в политическом, так и в экономическом отношении. Союз энергично выступил на защиту прежних отношений между хозяевами и рабочими. Главной его целью было проведение в жизнь, осуществление на практике номинально оставшегося в полной силе законодательства Елизаветы об ученичестве. В число членов союза входили не только рабочие, но и мелкие мастера. Несмотря на такой состав, это был несомненный рабочий союз, проявивший свою деятельность, в числе прочего, организацией целого ряда стачек.

Агитация этого союза в пользу старинного рабочего законодательства и вообще старинного экономического строя нашла себе в английской рабочей среде благодарную почву. На многочисленных митингах рабочие постановляли, что домашняя система промышленности выгоднее для страны, чем фабричная. Парламент был буквально завален петициями, покрытыми тысячами подписей, в которых испрашивалось принятие разнообразных мер для ограждения мелкой промышленности от конкуренции фабрик. Старые законы до такой степени вышли из употребления, что большинство агитаторов за семилетний курс учения сами не прошли этого курса; тем не менее движение в пользу восстановления законодательства Елизаветы все возрастало. Кроме обязательного курса учения, рабочие требовали восстановления давно забытого закона о правительственном нормировании заработной платы. Многочисленные рабочие союзы, которые в это время приобрели уже значительное влияние, поставили это своей главной целью. В 1812 г. одному из самых влиятельных таких союзов — союзу хлопчатобумажных ткачей — удалось истребовать судебное постановление, которым предписывалось властям определить заработную плату согласно точному смыслу закона. После долгих усилий было выработано расписание рабочих плат и получено законное утверждение, но хозяева отказались ему подчиниться. Последовала одна из самых обширных стачек. От Карлейля до Абердина остановились все ткацкие станки; 40.000 ткачей почти одновременно прекратили работу. Стачка продолжалась более трех недель, и конец ее был совершенно неожиданный: в один прекрасный день весь комитет стачки был арестован по обвинению в устройстве не-

законного сообщества, и все члены его были приговорены к продолжительному тюремному заключению. Это разбило стачку, и рабочие должны были покориться очевидно незаконным притязаниям хозяев, отказывавшихся подчиняться судебным решениям.

Стачка эта была одной из многих, преследовавших ту же цель — восстановление старого порядка. Между 1810 и 1812 гг. рабочие союзы возбудили ряд исков против хозяев, нарушавших законы Елизаветы. В некоторых случаях рабочим удавалось добиться от суда обвинительных приговоров против хозяев, но практических последствий эти приговоры не имели; в большинстве же случаев суды по разным формальным предлогам отказывали в исках рабочим. Тогда борьба была перенесена на парламентскую почву. Петиции рабочих и жалобы их на действия хозяев были так многочисленны, что парламент должен был образовать для рассмотрения жалоб особый комитет. Комитет опросил многих свидетелей, из которых громадное большинство показывало в пользу сохранения закона Елизаветы; в парламент поступали в этом смысле все новые петиции, число подписей на которых превысило 300.000. Напротив, число подписей на петициях крупных предпринимателей в пользу отмены закона едва достигало 2.000. И та и другая сторона устраивали публичные митинги для поддержания своих требований; рабочие говорили об интересах бедных людей, единственную собственностью которых были их мозолистые руки, а капиталисты ссылались на интересы промышленности и естественные права человека. Конец всей этой агитации оказался, однако, не тот, которого ожидали ее инициаторы: в 1815 г. елизаветинский закон об ученичестве был целиком отменен парламентом.

Движение рабочих в пользу сохранения или, вернее, восстановления старинного законодательства было с самого начала обречено на неудачу, так как рабочие стремились остановить жизнь, задержать экономическое развитие страны путем законодательных постановлений, возникших на почве совершенно иных хозяйственных условий. Вместе с тем, движение это свидетельствовало о пробудившемся классовом сознании английских рабочих. И хотя непосредственная цель означенного движения достигнута отнюдь не была, тем не менее оно не осталось без очень важного результата: оно чрезвычайно содействовало укреплению и росту рабочих союзов — настолько же специфического продукта новейшего экономического строя, насколько выставленные рабочими требования отражали собой хозяйственные условия прежнего времени.

Причина быстрого распространения рабочих союзов, начиная с последних годов XVIII века, заключалась не в чем ином, как в развитии новых форм промышленности — крупных капиталистических предприятий. Капиталистический строй повел к разъединению труда и капитала, к образованию рабочего пролетариата¹. Пока работа по найму была только переходным состоянием подмастерья, впоследствии делавшегося самостоятельным хозяином, до тех пор рабочие не составляли особого общественного класса; поэтому не могло быть и особой организации рабочих. Но как

только наемная работа стала постоянным состоянием известного класса людей, возникла и особая организация рабочих — рабочие союзы. Таким образом, народился и занял первое место в ряду великих вопросов нашего времени рабочий вопрос, которого Смит совершенно не знал.

В тех отраслях промышленности, в которых раньше всего развилось капиталистическое производство, раньше появились и союзы. Так, в западных графствах Англии суконное производство уже в XVII веке имело капиталистический характер; соответственно этому самые ранние союзы возникают именно в этой местности. В 1717 г. власти г. Браднинча жалуются парламенту, «что уже несколько лет суконные ткачи, в числе нескольких тысяч, образовали общество и при помощи возмутительных и насильственных мер собирают деньги со многих рабочих». Подобные же жалобы на суконных ткачей западных графств продолжались в течение всего XVIII века. Напротив, в Йоркшире, где господствовала мелкая промышленность, о союзах рабочих ничего не было слышно до конца XVIII столетия, когда возникновение суконных фабрик повело к образованию чрезвычайно обширного союза, о котором мы только что говорили.

Отношение английского правительства к рабочему движению лучше всего определяется законами, которые издаются в течение всего XVIII столетия один за другим для прекращения рабочих союзов; строгость этих законов все усиливалась, и, наконец, в конце века всякие союзы или стачки между рабочими с целью поднятия заработной платы или уменьшения рабочих часов были запрещены под угрозой тяжелых наказаний. Но все эти законы, хотя они давали предпринимателям в руки сильное оружие, которым последние неоднократно и пользовались (как, напр., в вышеописанной стачке хлопчатобумажных ткачей), оказались совершенно бессильными остановить развитие классовой организации рабочих.

Таким образом, промышленная революция чрезвычайно обострила классовый антагонизм рабочих и хозяев. Борьба труда и капитала, раз начавшись, уже не прекращалась. Рабочие, для которых успехи капиталистической промышленности были, на первых порах, равносильны понижению уровня существования и обеднению рабочей массы, естественно, выступили врагами промышленной революции. Не понимая всей необходимости совершавшегося экономического процесса, они пытались остановить колесо истории, ход которого причинял им столько страданий, и вернуться к старому порядку вещей, уже давно отжившему свое время и потерявшему реальную силу. И рабочие были разбиты. Но из этой борьбы они вынесли нечто такое, что, в конце концов, должно было даровать им победу, — ясное сознание своих классовых интересов и профессиональную организацию.

Как бы то ни было, в эпоху промышленной революции рабочие выступали в защиту старых идеалов, осужденных историей. Напротив, капиталисты выступили с самым новым, передовым

учением о спасительности промышленной свободы. Доктрины Смита, на успех которых так мало рассчитывал сам автор, были восприняты общественным мнением Англии с поразительной быстротой. Уже через несколько лет после выхода в свет «Богатства народов» эта книга начинает цитироваться в парламенте. Министры, мотивируя вносимые ими законопроекты, ссылаются на Смита, как на самый высокий и всеми признаваемый авторитет. Новая доктрина столь быстро овладевала умами, выставляемые ею политические и экономические требования казались такими естественными и очевидными, что не позже как в 1806 г. одна парламентская комиссия с важностью заявляет: «Право каждого человека употреблять свой капитал по собственному усмотрению, без всякого постороннего вмешательства или препятствия, поскольку этим не нарушаются права других лиц, составляет одну из тех привилегий, которую свободная и благодетельная конституция этой страны издавна приучила всякого британца считать своим прирожденным достоянием». Общественное мнение Англии успело уже совершенно позабыть, что право свободного распоряжения капиталом не только не было старинным основанием английской конституции, но что, наоборот, английская конституция была долгое время проникнута диаметрально противоположным духом и что это право было провозглашено как нечто совершенно новое и расходящееся с обычными взглядами никем иным, как Смитом. В 1811 г. другая парламентская комиссия говорит, что «стеснение свободы промышленности или свободы каждого человека располагать своим временем и трудом так, как он считает наиболее для себя выгодным, нарушает основные принципы благосостояния и благополучия страны». Идеи «Богатства народов» уже настолько вкоренились в умах господствующего класса, что признаются неподлежащими доказательству, а тем более спору. Еще через несколько лет парламент закончил дело освобождения труда и капитала от правительственных стеснений отменой всего рабочего законодательства Елизаветы.

Чем же объясняются неожиданно быстрые успехи нового экономического учения? Ответ ясен — тем, что оно было выгодно господствующим классам. Рабочие остались чужды новым идеям потому, что для них, в описываемую историческую эпоху, промышленная свобода была так же невыгодна, как она была выгодна капиталистам. Такая грубо материальная подкладка торжества новой доктрины лучше всего доказывается тем, что торжество это было далеко не полное. Рабочее законодательство Англии было преобразовано в смысле идей Смита уже в начале XIX века, — хотя те, защите которых великий экономист посвятил столько красноречивых страниц, — сами рабочие — всеми силами боролись против этих преобразований. «Эгоистический и жаждущий монополий», по выражению Смита, класс крупных фабрикантов и торговцев с восторгом ухватился за его учение о свободе труда. Напротив, учение Смита о свободе внешней торговли, о вреде протекционизма упорно отвергалось господствующими классами,

и потребовалось много десятилетий борьбы и агитации, чтобы побудить английских землевладельцев и фабрикантов допустить иностранное соперничество. Такое различное отношение господствующих классов Англии к двум нераздельным частям новой доктрины объясняется очень просто: свобода труда была им выгодна, а свободы внешней торговли они опасались. И потому труд стал свободен в Англии гораздо раньше, чем освободилась внешняя торговля.

Очерк IV

ШКОЛА СМИТА

«Богатство народов» вышло в свет до промышленной революции или, во всяком случае, в самом начале ее. Социальные противоречия капиталистического строя были неизвестны Смигу; он искренно верил, что капиталистический строй и не заключает в себе этих противоречий. Свобода товарного хозяйства являлась, в его глазах, единственным, но зато вполне надежным средством достижения общего благополучия; бедные должны были выиграть от нее еще более, чем богатые. По учению Смита, главный интерес рабочего класса заключается в росте народного богатства. Промышленная революция дала могучий толчок этому росту; естественно было ожидать, что самым знаменательным последствием промышленной революции будет чрезвычайное улучшение положения рабочего класса, общее поднятие жизненного уровня рабочего.

Действительность представила, однако, как мы видели, совершенно обратную картину. Чем скорее росло богатство, тем ужаснее становилась бедность. Мрачная нищета захватывала в свои цепкие руки все новые слои населения. Оптимистические надежды на свободу оправдались лишь наполовину: промышленная свобода оказалась, действительно, превосходным средством развития производительных сил страны; но все выгоды этого достались небольшой группе собственников. Остальная же масса населения, по мере роста богатства, глубже и глубже погружалась в нищету, из которой, казалось, не было выхода и спасения.

Вместо ожидавшейся гармонии интересов действительность обнаружила резкие и неумолимые классовые антагонизмы. Новый социальный строй, возникший на почве свободы конкуренции и крупного производства, был бесконечно далек от той идиллии, которая рисовалась в будущем людям XVIII века. Перед общественным сознанием открылась новая глубочайшая проблема, которая определила собой направление экономической мысли в течение всего последующего столетия вплоть до наших дней, — проблема бедности. Для Смита вопросы производства стояли на первом плане; почти все его внимание сосредоточено на условиях наибольшего развития производительных сил страны и на причинах, задерживающих это развитие. Законы распределения почти не были исследованы Смитом, и то немногое, что было сказано им в этом отношении, принадлежит к числу наиболее слабых мест его великого труда. Напротив, для послесмитовской политической

экономии именно явления распределения становятся центральным предметом исследования^{1*}.

Вопрос о причинах устойчивости бедности среди растущего богатства заслонил, по своей важности, все другие вопросы, поставленные капиталистическим строем экономической науке. Отвечая на этот вопрос, политическая экономия распалась на несколько школ, или направлений, сохраняющих свою обособленность и теперь. Одно направление тесно примкнуло к идеям Смита, углубило и развило его систему, существенно переработало и усовершенствовало многие важные части ее (в особенности учение о распределении), но в общем осталось верным духу «Богатства народов». Нерегулируемый товарохозяйственный строй признается этим направлением наилучшим или даже единственно возможным хозяйственным устройством современного человечества. Правда, наиболее выдающиеся ученики Смита — Мальтус и Рикардо — совершенно отказались от смитовского оптимизма, так ярко и своеобразно окрашивавшего мировоззрение их учителя. Но суть дела от этого нисколько не изменилась — хозяйственный идеал Мальтуса и Рикардо в общем тот же, что и Смита. Свобода конкуренции и частная собственность представляют и в их глазах предел, его же не преидеши, социального устройства. Другое направление — социализм — является полной противоположностью первого и усматривает именно в этих основаниях капиталистического строя коренную причину неисчислимой массы зла и страдания, органически связанных с товарным хозяйством. С точки зрения социализма частная собственность на средства производства есть корень социального зла и для уничтожения бедности необходим переход средств производства в распоряжение всего общества. Наконец, третье направление, эклектическое и занимающее позицию, промежуточную между двумя первыми, стремится сохранить товарохозяйственный строй, смягчив в то же время, путем усиления государственного вмешательства в интересах слабых, резкость классовых антагонизмов. Выразителем первого направления явилась так называемая классическая школа политической экономии — главным образом, Мальтус и Рикардо, влияние которых на развитие экономической мысли далеко не прекратилось и до настоящего времени.

I. Мальтус

Томас Роберт Мальтус (1766—1834) происходил из зажиточной английской помещичьей семьи, но, как младший сын, не унаследовал родового поместья и поступил в духовное звание. Его имя неразрывно связано с так называемым «принципом» или «законом» народонаселения. В 1798 г. он выпустил книгу под этим заглавием («Опыт о принципе народонаселения»), которая сразу обратила на себя общее внимание, выдержала ряд изданий, вызвала ожесточенные нападки и страстные похвалы и обессмертила имя автора; какого мнения мы бы ни держались о достоинствах и

недостатках этого произведения, оно должно быть признано одною из наиболее влиявших книг, когда-либо написанных.

Нет ни одного образованного человека, не знающего имени Мальтуса, хотя бы понаслышке, и не имеющего, хотя бы смутного и превратного, представления о том, что называют мальтузианством. И что удивительнее всего, в образованном мире и теперь — более, чем через сто лет, — так же мало согласия в оценке учения Мальтуса, как и в первые годы по выходе его знаменитой книги. По отношению к этому автору почти не существует среднего мнения. Его считают или гениальным ученым, или плагиатором и тупицей; благороднейшим другом человечества или бессердечнейшим эгоистом, каких когда-либо создавала история, человеком истинной религиозности или же представителем наиболее возмутительного вида религиозного лицемерия; одним из наиболее гуманных реформаторов или же наиболее опасным врагом общественных реформ.

Говорят, двое рыцарей вступили однажды в жестокий бой из-за спора, какого цвета был щит, висевший между ними. Одному щит казался красным, другому голубым. Оба были убеждены в собственной правоте и во лжи другого. И оба были правы и не правы. Щит был двух цветов: одна сторона его была красная, другая — голубая.

Мы думаем, что в основе споров о Мальтусе лежит недоразумение несколько сходного свойства. Если бы воззрения Мальтуса представляли собой законченную и логически стройную систему, один целостный и неделимый организм (как, напр., система Смита), то мы стояли бы перед альтернативой — принимать Мальтуса целиком или целиком же отвергать его. Но мы постараемся показать, что так называемое мальтузианство обнимает собой два совершенно независимых круга идей, два различных учения, из которых одно может быть истинным, в то время как другое ложно, и объективная научная ценность которых, действительно, весьма неодинакова.

По своему содержанию «Опыт о принципе народонаселения» представляется сухим и малоинтересным научным трактатом преимущественно описательного характера. Статистический и исторический материал, не имеющий никакого отношения к злобам дня, занимает большую часть «Опыта». Тем не менее сочинение Мальтуса было не бесстрастным «трудом» академического ученого, но полемической книгой, написанной в интересах определенной политической доктрины, почти политическим памфлетом. Именно так оно и было понято современниками. Эта сухая работа произвела впечатление удара молнии. Мертвые цифры и груды беспорядочно нагроможденных исторических фактов говорили современникам могучим языком, вызывавшим сильнейшие страсти людей. Любовь и вражда сразу запылали вокруг этой книги, совершенно лишенной чего бы то ни было похожего на яркое настроение или горячее чувство.

Непосредственным поводом к появлению «Опыта» было политическое брожение широких масс английского населения в конце XVIII века. Время было крайне тревожное — французская революция находила себе горячий отклик в умах и по ту сторону Ла-манша. В английской литературе распространялись идеи, не уступавшие французским по своему радикализму и беспощадной вражде к господствовавшему политическому и социальному строю. Против одного из самых влиятельных представителей английского радикализма — Вильяма Годвина^{1*} — и выступил Мальтус со своим «Опытом».

Годвин был последователем Руссо^{2*}. Он одинаково нападал как на политический, так и на экономический строй Англии. Будучи решительным республиканцем и демократом, он в то же время признавал корнем социального зла частную собственность. Причины нищеты и страданий народной массы Годвин искал в несправедливостях общественных учреждений. В идеале ему рисовался общественный строй, полный равенства, братства и свободы. — нечто вроде мирного коммунизма. Эти идеи Годвин высказывал надо заметить, весьма расплывчато, туманно и неясно — во многих сочинениях, одно из которых — «О политической справедливости» — имело большой успех и выдержало ряд изданий.

Новые идеи требовали и новых аргументов для борьбы с ними. Такие аргументы и были даны Мальтусом. Основная мысль «Опыта» казалась гениальной по своей простоте и убедительности. Автор нисколько не думал отрицать всех тех фактов, которые вызывали негодование радикалов. Да, народная нищета достигает ужасающих размеров. Да, богатства распределены чрезвычайно неравномерно. Не менее справедливо указание радикалов на отсутствие какого бы то ни было улучшения положения народной массы при всех успехах промышленности и торговли. Но следует ли отсюда, что господствующие в обществе классы несут ответственность за страдания народа? Нисколько, отвечает Мальтус, ибо причина бедности коренится не в социальном устройстве, а в самой природе вещей.

Стремление к размножению есть один из самых могущественных инстинктов нашей животной природы. Если ничто не сдерживает этого стремления, то человечество должно размножаться в геометрической прогрессии (т.е., как 1, 2, 4, 8, 16 и т.д.). Период удвоения населения Мальтус принимает, на основании примера Соединенных Штатов, при наиболее благоприятных условиях в 25 лет. Но легко понять, что средства существования населения не могут расти столь же быстро. Так, можно, пожалуй, допустить, что количество хлеба, производимого в данной стране, напр., Англии, увеличится, при благоприятных условиях, через двадцать пять лет вдвое. Но совершенно невероятно, чтобы рост производства хлеба мог идти таким же быстрым темпом неопределенно долгое время, — весьма скоро увеличение производства пищи натолкнется на непреодолимые препятствия, ибо территория страны ограничена, а для повышения урожайности данной земельной

площади существуют пределы. Поэтому, если мы допустим, что каждые двадцать пять лет количество средств существования увеличивается на одну и ту же величину, т.е. в арифметической прогрессии (как 1, 2, 3, 4 и т.д.), то мы никоим образом не уменьшим размеров возможного повышения производительности почвы.

И то, и другое положение Мальтуса кажется совершенно бесспорным. Суть дела тут, разумеется, не в геометрической и арифметической прогрессиях, которые взяты лишь для иллюстрации, а в том, что стремлению человечества к размножению нельзя указать пределов, между тем как увеличению средств существования человеческого рода положены, несомненно, пределы, и притом, довольно узкие.

Что же следует из этих столь простых и очевидных посылок? Вывод огромной, потрясающей важности, бросающий совершенно новый и неожиданный свет на социальную проблему. Население стремится размножаться быстрее, чем могут расти средства к существованию. Каково бы то ни было социальное устройство, рост населения очень быстро обгонит возможное увеличение средств существования, если только этот рост не будет задержан особыми препятствиями, как, напр., пороки, войны, болезни, нищета, голод — вообще все то, что или делает невозможным деторождение, или же убивает человека.

Иными словами, пока люди не овладеют своим инстинктом размножения, до тех пор бедность будет неизбежным уделом большинства населения. Уничтожая излишние экземпляры человеческой породы, для которых на свете не находится места, природа лишь восстанавливает равновесие между стремлением к неограниченному размножению населения и ограниченностью средств существования людей.

«Человек, пришедший в занятый уже мир, не имеет ни малейшего права требовать себе пропитания: он лишний на земле... На великом жизненном пиру нет для него места». Эта фраза Мальтуса лучше всего характеризует сущность его взглядов на социальный вопрос. Правда, фраза эта, вызвавшая свою откровенностью взрыв негодования против автора, имеется только в двух первых изданиях «Опыта» и отсутствует в последующих. Но от этого она нисколько не утрачивает своего значения. Вообще, первое издание книги Мальтуса, написанное под свежим впечатлением работы Годвина, во многом отличается от последующих изданий той же книги. Резкости первого очерка были сглажены, общий тон сделан менее решительным и определенным. Изменения коснулись не только частных, но и очень существенных.

В первом издании Мальтус признавал порок или разного рода бедствия единственными силами, восстанавливающими равновесие между знаменитыми прогрессиями. Получалась безотрадная альтернатива — моральные или социальные бедствия признавались неизбежным уделом человечества. Социальный пессимизм нашел в этом воззрении свое наиболее яркое выражение.

В последующих изданиях «Опыта» Мальтус признал, хотя и со многими оговорками и более для виду, чем всерьез, действие еще одного препятствия чрезмерному размножению населения — нравственного самообуздания человека. Как разумное существо, человек предвидит последствия своих поступков и, чтобы не подвергаться страданиям нищеты, может добровольно воздерживаться от вступления в брак и от деторождения. Таким образом, нравственное самообуздание, порок и несчастье — вот три основных силы, ограничивающие размножение человечества. Две первые силы имеют предупредительный характер (предупреждают чрезмерное размножение), последняя — разрушительный. Предупредительные и разрушительные препятствия находятся в обратном отношении друг к другу: чем слабее предупредительные препятствия, тем сильнее разрушительные, и обратно.

Легко понять, какое значение имело для Мальтуса признание действия нравственного самообуздания. Альтернатива порока или нищеты исчезает, и для человечества открывается выход к улучшению своего положения. Впрочем, сам автор относится к возможности этого выхода с большим скептицизмом; с полным основанием он сомневается в том, чтобы масса населения была способна к подавлению могучего инстинкта, вложенного в нас природой. Нравственное самообуздание как средство избежать действия жестокого закона народонаселения явилось для Мальтуса скорее лицемерной моральной уступкой, к которым наш пастор был весьма склонен. В качестве духовного лица, имеющего дело с проникнутым ханжеством английским обществом, он не мог удержаться на той безнадежно пессимистической позиции, которую занял вначале. Он не мог заявить, что Творец поставил человечество перед альтернативой порока или нищеты, — и нравственное самообуздание, в которое почтенный священнослужитель несколько не верил, явилось превосходным выходом из этого затруднительного положения.

Таково, весьма несложное, содержание знаменитого «закона» Мальтуса. В глазах самого автора его закон вполне объясняет великую проблему бедности. В предисловии ко второму изданию своего «Опыта» наш пастор говорит, что «большую часть этой причине (т.е. закону народонаселения) следует приписать как нищету и бедствия низших классов народа во всякой стране, так и бесплодность усилий, употреблявшихся до сих пор высшими классами для облегчения этих бедствий». «Почти все, — замечает он в IV книге «Опыта», — что до сих пор предпринималось для облегчения участи бедных, стремилось, при содействии изысканной заботливости, только покрыть непроницаемым покровом этот вопрос и скрыть от несчастных настоящую причину их нищеты. Между тем как заработной платы едва хватает на прокормление двух детей, работник женится, и на его руках оказываются пятеро или шестеро. Это повергает его в безвыходное положение. Он жалуется на заработную плату, недостаточную для содержания семейства... он уличает в скардности богатых, отказывающихся по-

делиться с ним своим избытком; он обвиняет общественные учреждения в пристрастии и несправедливости; он обвиняет само Провидение, предназначившее ему такую плачевную участь, со всех сторон осаждаемую лишениями и страданиями... Ему не приходит в голову обратить свои взоры на действительную причину своих страданий. Он обвиняет самого себя после всех, а между тем, на деле, он один только и достоин порицания». «Народ должен винить, главным образом, самого себя в собственных страданиях». «Главная и непрерывная причина бедности мало или вовсе не зависит от образа правления или от неравномерного распределения имущества; богатые не в силах доставить бедным работу и пропитание; поэтому бедные, по самой сущности вещей, не имеют права требовать от них работы и пропитания: вот какие важные истины вытекают из закона народонаселения. Если эти истины всюду распространятся... то низшие классы населения станут более миролюбивы и послушны; они не так легко будут готовы к возмущениям... их труднее будет волновать соблазнительными и поджигательными книжками».

Эти выписки вполне характеризуют общественное содержание учения Мальтуса. Почтенный пастор хотел разбить наголову не только Годвина, но и всех других социальных реформаторов настоящего и будущего, всех тех, кто видит причину социального зла не в бедняке, изнемогшем под тяжестью борьбы за существование, а в общественном устройстве, делающем условия этой борьбы столь неравными для богатых и бедных. И надо признать, что соображения этого остроумного защитника исторических несправедливостей, снимающие всякую ответственность с богатых и перелагающие ее целиком на самих бедняков, были такого свойства, что не могли не производить глубокого впечатления. В соображениях этих истина так искусно переплетена с ложью, что даже сильный ум подвергается опасности согласиться с хитрым пастором.

Мы уже говорили, что учение Мальтуса не обладает внутренним единством. В своем «Опыте» он исследует два различных вопроса, доказывает две совершенно разные вещи, не давая себе в этом отчета и постоянно путая их. Во-первых, он исследует моменты, регулирующие размножение населения. Свои выводы в этом отношении он формулирует в следующих трех положениях:

«1) Народонаселение неизбежно ограничивается средствами существования.

2) Народонаселение неизменно размножается всюду, где возрастают средства существования, если только не будет остановлено какими-либо чрезвычайными и явными препятствиями.

3) Эти препятствия... сводятся, в конце концов, к нравственному воздержанию, пороку и несчастию».

Вторая задача Мальтуса заключается в выяснении проблемы бедности. Чем вызывается бедность в современном обществе? На это наш автор дает категорический ответ: преимущественно, чрезмерным размножением населения. Но, конечно, вопрос об условиях размножения человеческого рода и вопрос о причинах беднос-

ти суть логически два различных вопроса, ответы на которые могут быть различны. Если и признать, что быстрое размножение должно приводить к бедности, — отсюда еще не следует, что та бедность, которая исторически сопутствует современному обществу, вызывается именно этой причиной. Чрезмерное размножение есть лишь одна из возможных, мыслимых причин бедности, но есть ли она действительная причина бедности в современном обществе? Ответ на это может быть тот или иной, но он отнюдь не предрешен вышеприведенными положениями Мальтуса^{1*} о связи размножения населения с запасом средств существования.

Итак, рассмотрим обе части знаменитого учения порознь — учение о народонаселении и учение о бедности. Первое учение сформулировано Мальтусом в трех вышеприведенных тезисах. Можно ли с ними согласиться?

Первый тезис гласит, что «население неизбежно ограничивается средствами существования». Трудно представить себе, что можно возразить против этого тезиса, так как он почти относится к категории тех, которые Кант называет аналитическими, т.е. таких, в которых только раскрывается содержание подлежащего, но ничего нового к этому содержанию не прибавляется. Понятно, что без средств существования существование невозможно, — вряд ли кто решится отрицать эту очевидную, но весьма малопродуктивную истину.

Второй и третий тезисы более содержательны. Они заключают в себе все существенно ценное в учении Мальтуса. Мальтус рассматривает стремление человечества к размножению как стихийную силу, сдерживаемую препятствиями двоякого рода — предупредительными и разрушительными. Каждый органический вид — в том числе и человек — обладает стремлением к неограниченному размножению и очень скоро заполнил бы землю, если бы его размножению не полагались внешние препятствия. Отсюда вытекает борьба за существование между организмами. Теория Дарвина, по признанию самого автора, возникла как обобщение на весь органический мир учения Мальтуса относительно законов, регулирующих размножение населения.

Мы считаем это учение, в своей основе, совершенно верным. Можно признавать неудачной формулировку, данную Мальтусом своему знаменитому закону; это относится, в особенности, к пресловутым прогрессиям. Арифметическая прогрессия увеличения средств существования есть совершенно произвольное предположение автора, имеющее за себя не более данных, чем всякий другой ряд чисел, возрастающих не очень быстро. Очевидно, выбирая эту прогрессию, автор хотел дать математическое выражение закону падающей производительности почвы, о котором нам придется говорить ниже, в очерке воззрений Рикардо. Закон этот является основанием господствующей теории земельной ренты и может считаться вполне правильным. Не нужно только забывать, что названный закон вступает в действие лишь на определенной степени развития производительных сил и что проявлению его

препятствуют все факторы, повышающие производительность общественного труда. Поэтому ни о какой абстрактно-математической формулировке означенного закона не может быть и речи.

Впрочем, и для самого Мальтуса арифметическая и геометрическая прогрессии являлись лишь иллюстрацией неизбежности столкновения между неограниченным стремлением к размножению населения и ограниченностью средств к существованию. Относительно последнего положения, т.е. того, что средства существования человеческого рода ограничены, не может быть, конечно, спора. Но следует ли согласиться с Мальтусом, что действие инстинкта размножения не имеет определенных границ? Целый ряд авторов — в том числе Спенсер^{1*} — оспаривали это положение с чисто биологической стороны. Спенсер построил даже особую теорию, согласно которой способность к размножению организмов находится в обратном отношении к высоте их индивидуального развития. Чем выше организм, тем менее способен он к размножению. Поэтому, по мере успехов цивилизации, способность человечества к размножению должна падать, и в будущем может установиться полное равновесие между ростом населения и средств существования, помимо каких бы то ни было предупредительных или разрушительных препятствий.

Это может быть и так — судить о том, что будет через многие сотни или тысячи лет, мы не беремся. Как биологическая теория взгляд Спенсера не представляет собой ничего неправдоподобного, хотя еще меньше его можно считать доказанным. Но даже если бы Спенсер был совершенно прав, его теория несколько не колебала бы закона народонаселения Мальтуса. Быть может, впоследствии способность к размножению человеческого рода будет ослаблена; но теперь и за все время исторического существования человечества способность эта была достаточно сильна, чтобы в несколько столетий переполнить земной шар; и если этого нет, если на земле много свободного места, то лишь потому, что те или иные силы противодействовали размножению населения. Что же это были за силы? Очевидно, они должны были или препятствовать деторождению, или убивать человека, т.е. должны были относиться к категории предупредительных или разрушительных препятствий, по терминологии нашего автора. Если бы теория Спенсера была неоспорима, все же она могла бы иметь значение для *будущего* человечества, *настоящее же и прошедшее* подчиняются законам народонаселения, указанным Мальтусом^{2*}.

Рассмотрим теперь учение о бедности того же автора. Бедность массы населения, замечаемая у всех народов, как у цивилизованных, так и нецивилизованных, объясняется, согласно Мальтусу, не особенностями социального устройства, но чрезмерным размножением населения. Вытекает ли это положение из изложенного учения о народонаселении? Нисколько. Если население будет размножаться без всяких задержек в течение долгого времени, то последует бедность — это несомненно, но если население бедно — значит ли это, что оно чрезмерно размножалось? Вопрос этот

может быть решен лишь специальным исследованием, и ответ на него отнюдь не предрешается предыдущими положениями. Чрезмерное размножение есть лишь одна из возможных причин бедности, и фактическое исследование бедности в известных нам исторических обществах показывает, что действие этой причины почти всегда покрывается другими, несравненно более могущественными причинами. В особенности это верно относительно современного общества — капиталистического, характернейшей особенностью которого является устойчивость бедности среди растущего богатства. Капиталистическое хозяйство страдает не от ограниченности производительных сил, не от скудости предметов потребления и орудий производства, а от избытка того и другого. Современный аграрный кризис, от которого терпят лишения земледельческие классы всего цивилизованного мира, вызывается не недостатком хлеба, а чрезмерным обилием его, приводящим к падению цены продукта и общему расстройству денежного хозяйства земледельца. Если рабочие не находят занятий во время промышленного застоя, то отнюдь не вследствие недостаточности пищи для пропитания или недостаточности орудий труда, при помощи которых работа могла бы совершаться. И того и другого больше, чем надо: земледelec не знает, куда девать свой хлеб, а машиностроительный фабрикант не может найти сбыта для своих машин. Бедность, создаваемая богатством, должна считаться характерной чертой современного хозяйственного строя; этим именно отличается бедность нашего времени от бедности в прежние исторические эпохи. Что же может дать для понимания современной проблемы бедности учение Мальтуса? Ровно ничего — оно совершенно беспомощно перед ней.

Но даже оставляя в стороне капиталистическое общество, и в других исторических обществах бедность весьма редко была следствием чрезмерного размножения населения. Это доказывается лучше всего историческим материалом, приводимым самим Мальтусом в его «Опыте». Мальтус описывает многочисленные примеры крайней бедности населения среди изобилия даров природы; бедность вызывается в этих случаях или неумением человека пользоваться силами природы, или захватом незначительной частью населения, принадлежащего к привилегированным, правящим классам общества, тех материальных благ, которых не хватает большинству. Вообще, бедность фигурирует в описательной части «Опыта» Мальтуса почти всегда в качестве *причины*, препятствующей размножению населения, но не в качестве *следствия* этого размножения. Поэтому собственные исторические и статистические исследования Мальтуса, иллюстрируя его *учение о населении*, показывая, каким образом бедность влияет на численность населения, в то же время опрокидывают его *учение о бедности*, доказывая несостоятельность его взгляда, по которому причина бедности заключается не в особенностях социального устройства, а в ходе размножения населения.

Инородческое население Сибири находится в крайней бедности и быстро вымирает. Можно ли сказать, что бедность инородцев обуславливается их чрезмерной численностью? Если бы это было так, то по мере сокращения числа инородцев их благосостояние росло бы. На самом же деле наблюдается обратное: и вымирание и обеднение инородцев идут все в возрастающей прогрессии. Другим аналогичным примером, приводимым Марксом в I томе «Капитала», является Ирландия, огромное сокращение населения которой нисколько не увеличило благосостояния народа. Обеднение народной массы в Англии в конце XVIII и начале XIX столетий было вызвано вполне определенными социальными причинами; когда эти причины перестали действовать, экономическое положение рабочего класса стало улучшаться, хотя размножение населения не прекратилось.

Ложное учение о бедности, извлеченное Мальтусом из его истинного, в своих основах, учения о населении, находилось в несомненной связи с социальными симпатиями автора. Он был одним из наиболее резких и определенных защитников классовых интересов — интересов земельной аристократии. Его работа возникла на почве социальных антагонизмов; придумывая аргументы против воззрений, колебавших основы дорогого ему социального устройства, наш пастор наталкивается на поразившую его мысль о законах, управляющих размножением населения. Быстро оценив значение этих новых соображений, он спешит воспользоваться ими как оружием против своих политических противников. Чистая наука попала в свалку общественной борьбы; и как это всегда бывает, теоретическая мысль осложнилась в этой свалке столькими посторонними практическими соображениями, что в общественном сознании эти последние совершенно скрыли теоретическую основу учения.

Вряд ли существует писатель, вызвавший столько ненависти к себе, как Мальтус, — и мы не можем не считать эту ненависть вполне заслуженной. Ибо Мальтус не был чистым ученым; он выступил в роли борца за определенные социальные интересы и проявил готовность жертвовать ради этих интересов самыми святыми и высокими чувствами человека. Мы видели, что, по его взглядам, никто не виновен в лишениях бедняка, кроме самого бедняка; отсюда естественно вытекало холодное, безучастное отношение к страданиям бедности. И действительно, никто не проповедовал бездушия и эгоизма с такой откровенностью, с таким цинизмом, как Мальтус. Эгоизм получал в мальтузианстве научную санкцию; если частная благотворительность и допускалась хитрым пастором на словах, то для всякого проницательного читателя было очевидно, что почтенный служитель церкви делает в данном случае лицемерную уступку общественному мнению, не имея нравственного мужества признать естественные выводы своих посылок. Впрочем, и в том, что говорит Мальтус, имеется достаточно материала для характеристики бессердечного духа, проникающего все его учение. Так, во многих местах своего

«Опыта» наш христианин предостерегает от «слишком щедрой» помощи страдающим от нужды. Умиравшие от голода дети не заслуживают в его глазах заботы государства, ибо «для общества один ребенок легко заменяется другим». «Ответственность детей, — замечает Мальтус, — нисколько не виновных в дурном поведении отца семейства, быть может, покажется слишком жестокой. Но это опять один из неизменных законов природы, и следует несколько раз подумать, прежде чем решиться на систематическое противодействие ему». Такого рода тирады, приправляемые ссылками на добродетель и Провидение (и в данном случае Мальтус опирается на слова Библии о наказании детей за грехи отцов), достаточно оправдывают чувство негодования, с которым люди с сердцем и душой отнеслись к проповеди лицемерного пастора.

Отрицая полезность радикальных мер, предлагавшихся Годвином и другими утопистами, наш защитник существующего тем энергичнее настаивал на реформе, не менее радикальной в своем роде, все выгоды которой должны были бы, однако, достаться тому общественному классу, представителем которого он являлся, — земельной аристократии. А именно, Мальтус выступил энергичным противником так называемых «законов о бедных» — старинного елизаветинского законодательства, согласно которому приходы были обязаны содержать на счет сборов с местной недвижимой собственности всех лиц, неспособных к прокормлению собственными средствами. Так как расходы на содержание бедных ложились, главным образом, на землевладельцев, то понятно, что землевладельцы были крайне заинтересованы в отмене законов о бедных. Несмотря на то, что законы эти существовали в течение столетий и совершенно вошли в сознание английского народа, столь консервативный писатель, как Мальтус, не побоялся предложить столь решительную меру, как совершенный отказ государства от какой бы то ни было помощи бедным. Государство должно, по его мнению, открыто заявить, что оно не признает ни за кем *права* содержаться на общественный счет; с этою целью мог бы быть издан закон, согласно которому в приходских пособиях будет отказано всем родившимся после обнародования закона. Таким образом, расходы на содержание бедных станут постепенно сокращаться и, наконец, совсем исчезнут; землевладельцы избавятся от лежащего на них бремени содержания своих неимущих сограждан.

Отмена законов о бедных была важнейшим пунктом социальной программы Мальтуса. Классовый характер этого требования очевиден. Те же интересы защищались нашим автором и в других частях его программы. Так, будучи, в общем, верным последователем Смита, он резко расходится со своим учителем по такому существенному вопросу, как вопрос о свободе торговли. Мы видели, что Смит был сторонником свободы торговли без всяких ограничений. Мальтус также признает свободу торговли идеалом торговой политики; но *лоха*, для переживаемой исторической эпохи, он требует одного изъятия из общего правила свободной торговли:

торговля хлебом не должна быть свободна — национальное земледелие должно быть ограждено от соперничества иностранного хлеба высокими пошлинами. Чтобы понять значение этого отступления Мальтуса от основного учения смитовской школы, нужно иметь в виду, что после окончания войны с Францией в Англии были установлены, в интересах английских землевладельцев, огромные пошлины на иностранный хлеб. Борьба из-за свободы торговли велась главным образом на этой почве: английская промышленность не нуждалась в таможенной охране, но английское земледелие имело полное основание опасаться иностранной конкуренции. Протекционизм имел в Англии преимущественно аграрный характер, и защитником этого протекционизма выступил такой выдающийся ученик Смита, как Мальтус. Очевидно, интересы землевладельческого класса были в вопросах практической политики ариадниной нитью Мальтуса.

В том же смысле, т.е. в смысле выяснения классовой окраски учения Мальтуса, весьма характерно, что он резко разошелся со школой Смита и по другому пункту — по вопросу о фабричном законодательстве. Господствующая школа политической экономии сделала в Англии в первые десятилетия XIX века все возможное, чтобы затормозить издание фабричных законов, охранявших труд женщин и детей. Оппозиция эта вызывалась понятной причиной: фабриканты были против фабричных законов, а за ними шли и их друзья — экономисты школы Смита. Только один Мальтус, со стороны которого, казалось бы, труднее всего было ожидать сочувствия государственному вмешательству в интересах рабочего класса, высказался за фабричные законы. Но странная непоследовательность Мальтуса становится совершенно понятной, если иметь в виду социальные отношения его времени. Земельная аристократия и торгово-промышленная буржуазия были в Англии борющимися классами в течение всей первой половины XIX века. Эта борьба оставила глубочайший след на всем социальном законодательстве Англии. Борьба велась из-за политического и экономического преобладания того и другого класса. Хлебные законы, фабричные законы и парламентская реформа являлись важнейшими предметами этой борьбы. Фабричные законы были лучшим козырем в политической игре землевладельцев — на все доказательства гибельности хлебных пошлин для народного благосостояния землевладельцы отвечали ссылкой на эксплуатацию труда на фабриках. Вполне естественно, что Мальтус, в качестве представителя землевладельческого класса, занял по вопросу о фабричных законах позицию, определявшуюся землевладельческими интересами.

Итак, на примере Мальтуса мы видим, что политической экономии не удалось сохранить после Смита того беспристрастного отношения к классовым интересам, которое так своеобразно характеризует позицию великого шотландца. Экономические учения приняли в XIX веке вполне определенную классовую окраску — благодаря большей классовой дифференцированности общества.

То же самое мы увидим и на примере другого, еще более замечательного ученика Смита — Рикардо.

II. Рикардо

Давид Рикардо (1772 — 1823) оказал такое влияние на развитие политической экономии, как ни один другой писатель после Смита. Наведенный на исследование экономических законов чисто практическими соображениями, он создал абстрактную теорию, которая на долгое время совершенно вытеснила наблюдение из области научного изучения хозяйственных явлений. Будучи типичным представителем интересов капиталистического класса, он в то же время больше, чем кто-либо другой из не социалистов, содействовал развитию научной теории социализма. Влияние Рикардо почувствовалось во всех сферах экономической мысли; трудно сказать, какая экономическая школа в большей мере обязана Рикардо, ибо все они заимствовали существенные элементы своих учений из воззрений этого замечательного мыслителя. И даже его враги должны были, против своей воли, следовать указанным им путем. Одно время, под влиянием так называемой исторической школы политической экономии, стало модой отрицать значение Рикардо. Но лучшим опровержением этих нападок на величайшего теоретика экономической науки могут служить собственные работы его порицателей. Если удалить из ходячих учебников и курсов политической экономии исторической школы загромождающий их описательный и исторический материал, то все наиболее существенное в области теории окажется заимствованным у Рикардо. Все теоретические нововведения сведутся к скромным размерам ограничений основных положений Рикардо.

Интересна биография этого замечательного человека. Сын банкира-еврея, переселившегося в Лондон из Голландии, он не получил никакого систематического образования. Уже с 14 лет Рикардо начинает заниматься биржевыми операциями, что, разумеется, указывает на быстрое и преждевременное умственное развитие. Но какое странное применение находит эта столь рано созревшая умственная сила! Биржа — вот тот храм науки, где получает воспитание великий экономист. Через несколько лет молодой Рикардо делает решительный шаг, который грозит лишить его всяких средств к жизни: он принимает христианскую религию и порывает, поэтому, всякие связи со своим убежденным евреем-отцом. Почти мальчик, без посторонней помощи, без руководства, без денег, он делается биржевым маклером и принимается за биржевые спекуляции. Конечно, никогда биржа не видела на своей службе более благородную умственную силу. Могучий мыслитель в роли биржевого дельца — такие зрелища не часто представляет история.

И биржа оказалась благосклонной к своему самому великому служителю. Уже через несколько лет Рикардо приобретает огромное богатство, к 25 годам он уже миллионер, уже один из самых

известных банкиров Лондона. Но здесь и сказывается, что Рикардо был создан из иного материала, чем биржевые дельцы. После таких блистательных успехов, в виду еще более грандиозных перспектив того же рода впереди, он внезапно охладевает к наживе. Его перестает интересовать шумный и изменчивый мир, в котором он вырос и вращался. Он ликвидирует дела, приобретает поместье и начинает знакомиться с научной литературой; сперва его привлекает математика, затем он заинтересовывается химией и зоологией. Окончательный выбор его останавливается на политической экономии, причем решающую роль сыграло чтение «Богатства народов». Такому сильному логичу, как Рикардо, было нетрудно заметить логические промахи Смита, общая система которого произвела на него глубокое впечатление. Желая исправить очевидные недочеты этой системы, Рикардо пришел к построению своей собственной теории, отличительной чертой которой была необыкновенная точность, ясность и логическое изящество выражения мысли. Как логический ум Рикардо не знает себе соперника в экономической литературе. По количеству его литературная деятельность была малопродуктивна: все его литературные труды образуют собой небольшой том, большую часть которого занимают полемические памфлеты по вопросам денежного обращения, почти не представляющие теперь интереса. Но по своему значению в истории экономической науки главная работа Рикардо «Начала политической экономии и налогов» (1817 г.) может быть с полным правом поставлена рядом с «Богатством народов» Смита.

В этой работе автор дал общий очерк теории политической экономии. Современная наука ввела существенные изменения во многие положения Рикардо, но, в своих основных чертах, последние и доныне образуют собой то, что называют наукой о народном хозяйстве. Единственным крупным шагом вперед в области общей теории политической экономии после Рикардо можно считать новую теорию ценности, выдвинутую в 70-х и 80-х годах рядом ученых и пользующуюся теперь почти общим признанием в академических сферах: мы имеем в виду так называемую теорию предельной полезности, о которой у нас будет речь впереди. Вообще можно думать, что мы находимся теперь накануне полной перестройки теоретического здания политической экономии. Но это дело будущего, — закончившийся же XIX век в области экономической науки может быть назван веком Рикардо.

Краеугольным камнем экономической системы Рикардо является его учение о ценности. Меновая ценность (т.е. среднее отношение, в котором обмениваются предметы) свободно воспроизводимых товаров устанавливается затраченным на производство этих товаров трудом. Это положение Рикардо отнюдь не представляет собой великого научного открытия, каковым его склонны считать многие. Если даже признавать названное положение, с ограничениями, указанными самим Рикардо, правильным, все же оно слишком банально, чтобы быть научным открытием. Что меновые отношения товаров до известной степени регулируются сто-

имостью производства, а следовательно, и трудом — честь открытия этой истины не может быть приписана никому отдельному экономисту, ибо последняя была всегда всем известна. Она принадлежит к числу тех элементарных выводов из повседневного хозяйственного опыта, без которых само хозяйство было бы немислимо. Так как хозяйство представляет собою планомерную и разумную деятельность человека, то знание основных и простейших хозяйственных соотношений должно считаться существенным условием возможности самого хозяйственного процесса.

Далее, нужно иметь в виду: во-1-х, что, с точки зрения Рикардо, труд регулирует ценность только части товаров, а именно, свободно воспроизводимых (ценность тех товаров, количество которых не может быть увеличено в желаемых размерах, зависит, по словам Рикардо, исключительно от их относительной редкости); во-2-х, что труд является регулятором лишь средних, а отнюдь не рыночных цен, и в-3-х, что даже по отношению к средним ценам свободно воспроизводимых товаров — труд есть важнейший, но отнюдь не единственный регулятор.

О связи ценности с трудовыми затратами говорят многие писатели задолго до Рикардо. Так, остроумный английский экономист конца XVII столетия — Вилльям Петти^{1*} — формулирует это учение не менее ясно, чем Рикардо. В самом начале XVIII века та же мысль высказывается вполне определенно Франклином. У предшественника Смита Стюарта^{2*} и французского писателя Кантильона^{3*} мы встречаем то же объяснение ценности. Учение Смита о ценности страдает спутанностью и неопределенностью, которая отличает многие места его труда. Тем не менее, не подлежит сомнению, что такой триумф, как зависимость средних цен товаров от стоимости производства, а следовательно, и от труда, был хорошо знаком Смигу, как, повторяем, и всякому экономисту, когда-либо задумывавшемуся над вопросом о факторах, регулирующих цены товаров.

Оригинальность Рикардо заключалась не в том, что он признал связь между трудовой стоимостью и ценностью, а в том, что он положил трудовую теорию ценности в основание учения о распределении. Учение о распределении, как мы указывали, было и остается главным предметом исследования политической экономии после Смита. «Определить законы, регулирующие распределение, составляет главную задачу политической экономии», — говорит Рикардо в предисловии к своим «Началам политической экономии». У предшественников Рикардо учение о распределении не находилось ни в какой связи с учением о ценности. Рикардо привел оба эти учения в тесную связь.

К трудовой теории ценности не только русский читатель относится со своего рода мистическим чувством. Она является для многих чем-то заветным и дорогим, как бы принципом справедливости к трудящимся. Только этим и можно объяснить ту страстность, которая и поныне неизменно отличает споры о таком, казалось бы, абстрактном предмете, как ценность. Страстность эта

объясняется вполне понятными причинами. Для огромного большинства сторонников трудовой теории ценности она служит научным обоснованием правового требования первенствующей важности — права рабочих на весь продукт производства.

Не подлежит, однако, сомнению, что Рикардо был совершенно чужд такого этического понимания трудовой теории ценности. Если Рикардо строит свою теорию распределения на трудовой теории, то лишь по вполне понятным соображениям методологического свойства. Распределение общественного продукта между различными классами общества совершается при посредстве ценности — каждому классу достается определенная доля ценности продукта в виде заработной платы, прибыли или ренты. Важнейшим (но не единственным) фактором ценности является труд. Для простоты исследования можно принять, отвлекаясь от второстепенных факторов ценности, что ценность пропорциональна труду, затраченному на производство продукта; к аналогичному методу прибегает механика, изучая движение тела в безвоздушном пространстве, хотя сопротивление воздуха сопутствует каждому движению в воздушной среде. В таком случае учение о распределении сведется к исследованию пропорций, в которых создаваемая в процессе производства трудовая ценность распределяется между общественными классами, принимающими тем или иным способом участие в производстве. Изучением этих пропорций и занят Рикардо. Трудовая теория ценности представляет для него не более как методологическое допущение, условное значение которого вполне сознается им. Он отнюдь не утверждает, будто ценность создается *только* трудом; но, изучая законы распределения ценности, он считает удобным свести ценность к какому-либо простому началу, и таковым он признает человеческий труд. Во всяком случае, Рикардо совершенно чужд мысли, будто ценность, *реально*, есть не что иное, как труд, вложенный рабочим в предмет труда.

Допустив, что ценность продукта пропорциональна затраченной на его производство работе, Рикардо приступает к изучению законов, регулирующих распределение этой ценности между различными классами населения. Остановимся прежде всего на распределении ценности между капиталистами — владельцами созданных человеком средств производства — и рабочими. Доход первых — прибыль, доход вторых — заработная плата. Так как подлежащую распределению ценность мы признаем, исходя из трудовой теории ценности, трудом, вложенным рабочим в предмет труда, то ясно, что капиталисты не могут ничего прибавить к этой ценности. Прибыль и заработная плата суть, следовательно, доли, на которые распадается ценность, созданная рабочим. Рикардо несколько не интересуется вопросом, по какому праву капиталисты получают свою долю в общем продукте труда. Получение прибыли капиталистом есть для него реальный факт, происхождения которого он не исследует. Все внимание Рикардо сосредоточено

на изучении *пропорций*, в которых распределяется общественный продукт.

Итак, отчего зависит высота прибыли? Прибыль есть доля капиталистов в общем трудовом продукте; эта доля должна быть тем меньше, чем выше доля рабочих. Таким образом, Рикардо приходит к выводу, что высота прибыли находится в обратном отношении к заработной плате как доле рабочих в трудовом продукте.

Это теоретическое положение было равносильно признанию наличности коренного, неустранимого антагонизма интересов труда и капитала. Классовая борьба рабочих и капиталистов получала научную обосновку. Повышение прибыли равносильно понижению заработной платы, выигрыш рабочего равносильно потере капиталиста — такова доктрина Рикардо, высказанная им прямо и резко, без всяких фиговых листков, без всяких попыток ослабить ее грозное значение сантиментальными и лицемерными соображениями морального свойства, до которых был такой охотник Мальтус.

Прибыль находится, таким образом, в тесной обратной зависимости от заработной платы. Заработная плата, в свою очередь, есть не что иное, как цена рабочей силы. Как и всякая другая цена, заработная плата может подниматься и падать под влиянием колебаний спроса и предложения. Но существует для каждой страны один общий уровень, к которому тяготеет заработная плата. Этот уровень Рикардо называет «естественной ценой труда». «Естественная цена труда есть та, которая вообще необходима для доставления рабочим средств к существованию и к продолжению своего рода». Она различна в разных странах, в зависимости от различия привычек и образа жизни рабочих; то, что в одних странах считается роскошью, составляет в других необходимую принадлежность жизни, без которой рабочие не могут обойтись. Рыночная цена труда не может на долгое время разойтись с естественной, так как если первая цена повысится сравнительно со второй, то увеличение благосостояния рабочих поведет к усиленному размножению населения; предложение рабочих рук возрастет, и рыночная заработная плата понизится до уровня естественной. Если же рыночная заработная плата упадет ниже естественной, то вымирание населения поведет к сокращению предложения труда и повышению цены последнего.

Таким образом, естественная заработная плата есть тот центр, вокруг которого колеблется рыночная цена труда. Выраженная в деньгах, естественная оплата труда должна изменяться в зависимости от цены предметов потребления рабочего класса. Чем выше цена предметов этого рода, тем выше должна быть и денежная плата рабочего.

Выраженная в предметах потребления (а не в деньгах), естественная плата мало изменяется во времени для каждой отдельной страны. Рикардо не высказывается вполне определенно по чрезвычайно важному вопросу — повышается или понижается естественная заработная плата (в своем потребительном значении)

по мере прогресса общества. Но некоторые отдельные замечания его звучат так, как будто бы он совершенно не верил в возможность такого повышения, иначе говоря, улучшения экономического положения рабочего класса. В данной области Рикардо вполне разделял взгляды Мальтуса, оказавшего на него могущественное влияние и в других отношениях.

Учение Рикардо об устойчивости естественной заработной платы было впоследствии воспринято Лассалем^{1*} и провозглашено последним «железным законом заработной платы». Закон этот гласит, по мнению Лассалья, что, какие бы усилия ни употребляли рабочие для улучшения своего экономического положения, усилия эти, при господстве капиталистического строя, должны остаться тщетными, ибо законы конкуренции неизбежно сводят заработную плату к минимуму средств существования.

Хотя Рикардо и не формулировал своего учения в такой категорической форме, как это сделал Лассаль, все же нельзя не признать формулировку Лассалья соответствующей духу воззрений Рикардо. Экономические факты начала века давали, по-видимому, полное подтверждение этому пессимистическому учению, которое для Рикардо имело еще более мрачный смысл, чем для социалиста Лассалья, ибо Рикардо не верил в возможность социалистического преобразования общества.

Кроме капиталистов, есть еще другой общественный класс, не принимающий участия в работе и тем не менее пользующийся долей в общественном продукте, — класс землевладельцев. Как прибыль есть доход капиталистов, заработная плата — рабочих, так земельная рента (т. е. плата за пользование землей) есть доход землевладельцев. Из каких же источников уплачивается рента? Мы видели, что трудовая ценность, создаваемая рабочим в процессе производства, распределяется между рабочим и капиталистом. Никакого избытка в пользу землевладельца, по-видимому, не остается, между тем землевладелец исправно получает свою ренту.

Рента сходна с прибылью тем, что обе они суть формы нетрудового дохода^{2*}: и рента и прибыль получают путем *вычета* в пользу собственников земли или капитала части трудовой ценности общественного продукта. И капиталист и землевладелец не создают никакой новой ценности, в противоположность рабочему, заработная плата которого есть не что иное, как часть ценности, созданной им же самим.

Но, с другой стороны, рента противоположна прибыли в том отношении, что высота прибыли непосредственно определяется высотой заработной платы. Прибыль и заработная плата суть две антагонистические формы дохода. Никакого антагонизма между заработной платой и рентой не существует. Если бы заработная плата поднялась так высоко, что совершенно поглотила бы прибыль, рента не потеряла бы никакой перемены. Рента вполне независима как от прибыли, так и от заработной платы и подчиняется своим особым законам.

Основанием ренты является естественное и неизбежное неравенство различных источников производительной силы природы. Так, земельные участки различаются по степени своего плодородия. Одинаковое количество труда, приложенное к почве неодинакового качества, поведет к производству неодинакового количества хлеба. На более плодородной почве то же количество труда даст более хлеба, чем на почве худшего качества. Если спрос на хлеб так велик, что нельзя довольствоваться обработкой одних лучших участков, то под обработку попадут и худшие участки. А так как цена хлеба будет одна и та же, на какой бы земле хлеб ни производился, то различие урожайности хлеба на разных участках будет сопровождаться и различием денежной выручки с каждого участка. При этом цена хлеба будет регулироваться стоимостью производства его на самом худшем из обрабатываемых участков, по следующей причине: чтобы обработка этого участка не прекратилась, денежная выручка с последнего должна окупить, с обычной прибылью, затраченный на обработку капитал, для чего, в свою очередь, требуется, чтобы цена хлеба достигла соответствующей высоты. Поэтому цена хлеба должна быть такова, чтобы производство его на наихудшем из участков, подпадающих обработке, давало как раз обычную прибыль на затраченный капитал.

Итак, денежная выручка с участков различного плодородия будет различна, причем на наихудшем из участков выручка эта будет только покрывать с обычной прибылью вложенный капитал. На лучших участках капитал будет приносить, следовательно, некоторый избыточный доход, который будет тем значительнее, чем выше плодородие участка. Кому же достанется этот избыточный доход? Очевидно, не арендатору земельного участка, так как если бы земельные собственники отдавали лучшие участки за такую же плату, как и худшие, то все брали бы в аренду только лучшие участки. Следовательно, избыточный доход с лучших, по своим природным свойствам, земельных участков должен достаться не кому иному, как землевладельцам. Доход этот и составляет земельную ренту. Наихудший из обрабатываемых участков не может дать никакой ренты, ибо сбор с него не дает никакого избыточного дохода и только восстанавливает с обычной прибылью затраченный капитал; но все участки лучшего качества будут давать ренту, высота которой будет равняться разнице между сбором с данного участка лучшего качества и сбором с наихудшего из обрабатываемых участков.

Но если бы даже вся земля была одинакового плодородия, все же земельная рента должна была бы возникнуть, благодаря различию производительности последовательных затрат земледельческого капитала. К обработке одного и того же участка земли может быть приложено больше или меньше капитала; по чисто физическим условиям, каждая последующая затрата капитала в земледелии менее производительна, чем предыдущая. Увеличение затраты земледельческого капитала не сопровождается пропорци-

ональным ростом количества собираемого продукта (если на обработку десятины затратить не 10, а 20 рублей, то продукт возрастет не вдвое, а в меньшей степени, напр., в полтора раза или на одну треть и т.д.). Поэтому если благодаря большому спросу на хлеб и повышению его цены становится выгодным увеличить затрату капитала в земледелии, т.е. перейти к более интенсивному хозяйству, то более ранние затраты начинают давать избыточный доход, который и поступает в пользу землевладельца, образуя его ренту совершенно так же, как это имеет место при переходе к обработке участков худшего качества. Последовательные затраты капитала различной производительности играют при этом роль, вполне аналогичную участкам земли различного плодородия. Высокая земельная рента есть не причина, а следствие высоких хлебных цен. Если бы землевладельцы совсем отказались от ренты, цена хлеба не понизилась бы нисколько, ибо последняя совершенно независима от ренты. «Хлеб дорог не потому, что уплачивается рента, но рента уплачивается потому, что хлеб дорог».

Такова сущность знаменитой теории Рикардо. Теорию эту можно считать в настоящее время общепринятой; в построении ее Рикардо имел предшественников (в том числе и Мальтуса), но в истории науки она останется связанной с именем Рикардо по той же причине, по которой учение о населении связывается с именем Мальтуса. Отдельные верные и даже глубокие мысли еще не составляют эпохи в науке; только когда эти мысли связываются в стройную систему, приводящую в порядок разрозненные наблюдения и остроумные догадки многих исследователей, наука торжествует победу. Теория ренты Рикардо, как и учение о населении Мальтуса, были как раз такими научными системами, почему мы можем с полным правом приписывать названные теории именно этим ученым.

Закон ренты заканчивает учение о распределении. Три основные формы народного дохода — заработная плата, прибыль и рента — находят себе полное объяснение в своих взаимных отношениях. Из этих трех форм дохода две первые тесно связаны друг с другом и находятся во взаимном антагонизме. В этой области кипит непрерывная экономическая борьба, решающая, какая доля общественного продукта достанется создателю продукта — рабочему и какая руководителю предприятия и собственнику орудий труда — капиталисту.

Напротив, рента стоит вне этой борьбы, ибо величина ренты устанавливается моментами, лежащими вне воздействия отдельных групп населения. Высота земельной ренты определяется не борьбой арендатора с землевладельцем, а общими условиями земледельческого производства в стране. Конечно, государство имеет возможность повлиять на земельную ренту: так, всякое стеснение ввоза хлеба в страну увеличивает спрос на туземный хлеб, цена хлеба растет, в обработку поступают земельные участки низшего качества, и рента повышается. Но в данном случае рента поднялась лишь потому, что повысилась цена хлеба — другими слова-

ми, изменились условия сельскохозяйственного производства. Если же условия этого рода остаются неизменными, то никакие усилия арендаторов или землевладельцев не могут повлиять на ренту.

Мы говорили выше, что Рикардо, при всей абстрактности своих теоретических построений, был вполне определенным защитником классовых интересов -- именно интересов капиталистического класса. Его учение о распределении строго объективно, но тем не менее ему очень легко может быть придан такой вид, при котором классовые симпатии автора выступают с полной ясностью. Капиталист есть собственник капитала, т.е. накопленного продукта предшествовавшего труда; в то же время капиталист -- руководитель предприятия. Право собственности капиталиста на капитал может основываться на его личном предшествовавшем труде; капиталист может рассматриваться (и действительно рассматривается Рикардо и его школой) как особенно бережливый и предприимчивый рабочий, сберегающий плоды своей работы. Руководя предприятием, капиталист исполняет чрезвычайно важное хозяйственное дело, без которого было бы немыслимо никакое производство. Поэтому, несмотря на признание неизбежного антагонизма между заработной платой и прибылью, Рикардо совершенно чужд мысли, что получение прибыли есть, с этической точки зрения, менее правомерная форма извлечения дохода, чем получение заработной платы. И капиталист и рабочий, в глазах школы Рикардо, суть два противника, одинаково необходимые для работы хозяйственного механизма.

Совсем иное положение землевладельца. Это -- монополист, владелец даровой силы природы, в создании которой он не принимал никакого участия. Столь же мало он участвует и в руководстве предприятием, всецело лежащем на арендаторе. Хозяйственная роль землевладельца сводится, следовательно, к простому присвоению продуктов чужого труда. Землевладелец никому не нужен, и единственным юридическим основанием его участия в дележе общественного продукта является право силы.

Это впечатление несправедливости землевладельческого дохода еще усиливается учением Рикардо относительно влияния общественного прогресса и роста народного богатства на различные формы народного дохода. Мы указывали, при очерке воззрений Смита, что, с точки зрения этого экономиста, интересы землевладельцев и рабочих солидарны с интересами всего общества, а интересы капиталистов противоположны последним. Рикардо рассматривает тот же вопрос, но решает его иначе.

Заработная плата в предметах потребления мало изменяется при росте народного богатства. Но по своей трудовой ценности заработная плата имеет стремление повышаться благодаря тому, что повышается ценность пищи -- главным образом, хлеба. Чем гуще население, тем большая площадь земли поступает в обработку. При первоначальном заселении страны обрабатываются лишь наиболее плодородные земли, но, по мере роста населения начинают культивироваться все худшие и худшие участки. Благодаря этому

цена сельскохозяйственных продуктов растет; вместе с тем растет и рента, и растет по своей ценности, но не по количеству предметов потребления, заработная плата.

Итак, общественный прогресс ведет к росту богатства землевладельческого класса. Благополучие рабочего класса, выражаемое количеством предметов потребления, которыми располагают рабочие, нисколько не прогрессирует. Но так как по своей ценности рабочая плата растет, то прибыль капиталистов падает. Поэтому процент прибыли имеет естественное стремление по мере прогресса общества понижаться.

Чем быстрее идет рост народного богатства и сопутствующий ему рост населения, тем ниже опускается процент прибыли. На известной ступени этого роста падение процента прибыли приводит и к абсолютному сокращению общей суммы доходов капиталистического класса: с большого капитала капиталисты получают меньшую абсолютную прибыль.

Таким образом, общественный прогресс следующим образом влияет на интересы различных классов населения. Рабочие от него не выигрывают нисколько, капиталисты проигрывают. Кому же достаются все плоды успехов промышленности и культуры? Кто остается в барышах? Ответ ясен: только землевладельцы, единственный общественный класс, не принимающий ни прямо, ни косвенно никакого участия в производстве. Они жнут, где не сеяли, и им достаются плоды усилий всех остальных групп населения.

Правда, Рикардо не делает крайних выводов из своей теории ренты, которые напрашиваются сами собой: он не утверждает, что частная земельная собственность есть зло, а землевладельцы — истинные враги общества. Эти выводы из теории Рикардо были сделаны впоследствии многими его последователями, из которых достаточно упомянуть апостола национализации земли — Генри Джорджа¹.

По вопросам практической политики Рикардо нередко выступал противником аграрных интересов. Самым важным из этих вопросов был, с точки зрения землевладельцев, вопрос о хлебных пошлинах.

На почве хлебных законов оба господствующих класса Англии — капиталистическая и сельскохозяйственная аристократия — вступили в ожесточенную борьбу, растянувшуюся на несколько десятилетий. Мы видели, что Мальтус выступил защитником хлебных пошлин. Рикардо не менее энергично нападал на хлебные законы. Отмена последних была боевым кличем рикардянцев, почти безраздельно господствовавших среди политико-экономов второй четверти XIX века. По этому пункту Мальтус и Рикардо являются двумя антиподами. Тем трогательнее согласие обоих ученых по вопросу о законах о бедных: Рикардо не менее категорически, чем Мальтус, отвергал государственную помощь бедным. Все это находит себе объяснение в классовых симпатиях того и другого ученого. Интересы буржуазии и аристократии сталкивались на хлебных за-

конах и были вполне солидарны в законах о бедных. И потому Рикардо расходился с Мальтусом по первому вопросу и вполне сходил по второму.

Не подлежит сомнению, что в вопросах практической политики Рикардо был идеологом капиталистического класса. Тем не менее он был одним из беспристрастнейших исследователей общественных явлений, каких мы только знаем. Объективизм нашего мыслителя проявился особенно ярко в важном вопросе о влиянии машин на интересы рабочих классов. Мы говорили выше о сопротивлении, которое рабочие оказали введению машин. Рабочие отнеслись к машинам как к своим опасным конкурентам, отбивавшим у них заработок. Напротив, ученые экономисты доказывали, что машины не могут быть никому вредны. Все классы населения должны выиграть от введения машин; землевладельцы выигрывают в качестве потребителей машинных изделий; капиталисты, сверх того, получают дополнительную прибыль при самом введении машин, пока цены продукта не понизились до уровня новых издержек производства; рабочие же также выигрывают в качестве потребителей, и в то же время денежная плата их не может понизиться, так как капитал, освободившийся благодаря сокращению числа рабочих в отраслях промышленности с машинным производством, переходит в другие отрасли промышленности, которые и дают занятие всем рабочим, вытесненным машинами. Кто же был прав в этом споре — невежественные рабочие или ученые экономисты?

Рикардо вначале вполне примкнул к господствующему взгляду. Но его научная голова была сильнее его капиталистического сердца. Обдумав вопрос, он заметил грубый софизм в аргументации, доказывавшей, что рабочие, вытесняемые машиной из одной отрасли промышленности, находят себе занятия в другой. Ну, а если машины будут вводиться во *всех* отраслях промышленности, — и тогда спрос на труд не сократится? Мы не будем останавливаться на соображениях Рикардо, побудивших его признать правыми рабочих, а заблуждающимися — ученых. Для нас достаточно отметить, что по вопросу огромной важности и в теоретическом, и в практическом отношении Рикардо высказал взгляд, несогласный с буржуазными интересами, и имел мужество открыто признать свою ошибку. Конечно, это делает великую честь уму и сердцу Рикардо и доказывает, что классовые симпатии не суть нечто непреодолимое для честного мыслителя. Но было бы весьма неосновательно вывести из этого, во всяком случае, редкого примера огульное заключение о независимости научной мысли от классовых влияний.

При оценке взглядов Рикардо нельзя не остановиться на его методе.

Все его рассуждения имеют совершенно абстрактный характер: он исходит всегда из общих, точно установленных посылок, число которых крайне ограничено — вроде аксиом геометрии, — и шаг за шагом, путем строгой дедукции, приходит к выводам, которые

в глазах его самого имели точность и неоспоримость выводов математики. Благодаря этому методу самые затруднительные практические вопросы решались Рикардо с такою легкостью, что его современники были просто ослеплены этим поразительным искусством. Один из них, лорд Брум, сказал как-то, что «Рикардо кажется человеком, упавшим с другой планеты». Каким же образом этот банкир и биржевой делец, человек практического дела, явился творцом абстрактного метода в экономической науке? На это можно ответить, что именно на бирже он и усвоил свой метод. Игра на бирже есть самая абстрактная хозяйственная деятельность, какую только можно себе представить. Биржевая игра совершенно оталекает от конкретного значения биржевых бумаг, являющихся на бирже воплощением абстрактной ценности — и ничего больше. Биржа есть тот идеальный рынок, из предположения которого исходил великий теоретик политической экономии, — рынок, на котором царит полная свобода конкуренции, на котором капитал без всяких задержек переходит из одной формы помещения в другую, благодаря чему становится возможным пропорциональное размещение капитала между отдельными родами предприятий соответственно их относительной выгодности. Сам биржевой деятель представляет собой то разумное эгоистическое существо, руководимое одним стремлением к приобретению, которое лежит в основании всех дедукций Рикардо.

По той же причине Огюст Конт в своих фантастических планах будущего общественного устройства предоставлял высшую административную власть в государстве будущим банкирам как людям наиболее привыкшим к абстрактным операциям. Неудивительно, что Рикардо, выросший в мире биржи, усвоил и специфический метод этого мира.

В исключительном пользовании этим методом лежит и сила и слабость великого экономиста. В области абстрактной экономической теории — иначе говоря, в области установления абстрактных законов стихийного, не регулируемого товарного хозяйства — Рикардо не знает себе соперников. Все самое существенное и ценное в этой области сделано им. Но как социолог он представляет собой совершенно ничтожную величину. Обладая крайне скудным общим образованием и будучи знаком, по личному опыту, только с узким и ограниченным, однообразным и тусклым миром биржи, — миром, лишенным соприкосновения с живыми производительными силами природы и общества, Рикардо не мог понимать сложности общественной жизни. Немногочисленные и скудные по своему содержанию абстракции заменяли ему живого человека. Он не мог себе представить никакого другого общественного или хозяйственного устройства, кроме того, с которым был знаком по личному опыту. Мальтус выступил горячим защитником исторического строя Англии и боролся с социальными утопистами; Рикардо не мог принимать участия в этой борьбе по той простой причине, что самая мысль о возможности иного, не капиталистического строя не укладывалась в его голову.

Мальтус и Рикардо были самыми замечательными представителями послесмитовской политической экономии, оставшейся верной доктринам «Богатства народов». Но мы видели, как глубоко изменилась в учениях школы оценка результатов той самой свободы, на которую возлагал столько надежд Смит. Глубокий, безнадежный пессимизм сменил прежний радостный, бодрый оптимизм. Ни Мальтус, ни Рикардо не верили, чтобы возможен был какой-либо иной общественный строй, кроме капиталистического. Какую же перспективу открывал рабочим классам капиталистический строй? Перспективу вечной нищеты, без выхода и просвета. Таков был приговор науки. Но люди, которых этот приговор непосредственно касался, не могли с ним помириться. Политическая экономия становится в рядах английских рабочих в первые десятилетия XIX века крайне непопулярной. Рабочие не писали книг и потому протестовали не словом, а делом против всякого рода «железных законов», открывавшихся экономистами: не смущаясь тем, что наука объявила их положение безнадежным, они упорно и успешно боролись за улучшение своей участи. Но не одни рабочие отказались принять мрачные предсказания экономистов за голос истинной науки. К ним присоединились люди с горячим сердцем и могучим полетом ума, люди с творческой мечтой и художественным воображением — великие утописты.

Очерк V

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Со времени появления знаменитой полемической книги Энгельса о Дюринге¹ в социалистической литературе утвердилась мысль, что социализм прошел в своем развитии два фазиса: до Маркса он представлял собой утопию, после Маркса стал наукой. И так как, по мнению того же Энгельса, утопия есть нечто, исключающее науку, то Маркс оказывается истинным творцом современного научного социализма. Эта точка зрения может считаться в настоящее время более или менее общепринятой, что не мешает ей заключать в себе если не глубокую ошибку, то, по меньшей мере, значительную дозу преувеличения.

На самом деле, утопический социализм гораздо научнее, чем допускал Энгельс, а в так называемом научном социализме гораздо больше утопии, чем думал автор «Капитала». Противопоставление науки утопии несостоятельно в том отношении, что наука и утопия отнюдь не являются противоречащими понятиями. Утопия не есть вздор или нелепость. Утопия — это идеал. Всякий идеал содержит в себе нечто неосуществимое, бесконечно далекое и недоступное, мечту, некоторое присущее нашей духовной природе стремление выйти из пределов возможного, подняться над миром явлений. Осуществленный, или, что то же, *осуществимый*, идеал потерял бы всю свою красоту, всю свою особую и чарующую притягательную силу. Идеал недостижим, ибо в противном случае это не был бы идеал, а простое эмпирическое понятие. Идеал принадлежит к числу таких идей нашего разума, как идеи бесконечности, свободы, долга, которые выходят за пределы опытного познания или ближайшей пользы и назначение которых заключается в указании направления, пути, следуя которым наш разум достигает своих высших целей — приведения к верховному единству нашего опытного познания и практического дела. Идеал играет роль звезды, по которой в ночную пору заблудившийся путник выбирает дорогу; сколько бы ни шел путник, он никогда не приблизится к едва мерцающему, удаленному на неизмеримые расстояния светилу. Но далекая, прекрасная звезда верно указывает путь, и ее не заменит прозаический и вполне доступный фонарь под руками.

Если идеал можно сравнить со звездой, то наука играет роль фонаря. С одним фонарем, не зная куда идти, не выйдешь на истинную дорогу; но и без фонаря ночью рискуешь сломать себе шею. И идеал и наука в равной мере необходимы для жизни.

Идеал дает нам верховные цели нашей деятельности; наука указывает средства для осуществления этих целей и снабжает нас верным критерием для определения, что в наших целях и в какой мере, в какое время осуществимо.

Ввиду этого мы никак не можем согласиться с противопоставлением утопического социализма научному. Великие утописты — Оуэн, Сен-Симон и Фурье — далеко не были только утопистами. Что касается до Оуэна, то этот утопист оказался, перед судом истории, величайшим практиком. Он явился инициатором и творцом самого трезвого, самого рассудочного, самого практического — слишком практического — рабочего движения наших дней, так называемого кооперативного движения. Современные продолжатели дела Оуэна упрекают в утопизме именно марксистов, противопоставляя свои ограниченные, близкие и успешно достигаемые цели мечтательным задачам социал-демократов. А Сен-Симон и Фурье были величайшими исследователями социальных явлений, каких мы только знаем.

Таким образом, существуют серьезные основания, чтобы совсем отказаться от обычного деления социализма на утопический и научный. И если мы, тем не менее, объединяем трех названных социальных мыслителей общим названием утопистов, то это лишь потому, что и Оуэну, и Сен-Симону, и Фурье свойственна одна чрезвычайно характерная черта: вера во всемогущество человеческой мысли, в силу идеи. Первые социалисты закончившегося века еще не вполне порвали связь с рационалистическим мировоззрением XVIII столетия. Этот рационализм чувствуется даже в Сен-Симоне, хотя именно Сен-Симон, более чем кто-либо другой, поработал для построения противоположного, исторического мировоззрения. Все три великих утописта, при своей гениальности и глубине понимания человеческой природы и современного им общества, были проникнуты прямо трогательным по своей наивности доверием к разуму человека. Сен-Симон был одним из творцов философии истории. Это не помешало ему, как и Оуэну и Фурье, верить, что его собственные литературные произведения представляют собой более могущественную историческую силу, чем все сложившиеся веками и тысячелетиями общественные формы, чувства, привычки, симпатии и антипатии, верования, нравы и убеждения людей. И Оуэн, и Сен-Симон, и Фурье придумывали, *изобретали* новый общественный строй, как механик изобретает новую машину. Они верили в превосходство своих изобретений перед всякими другими, и для применения этих изобретений на практике — для перестройки всего человечества на новых началах — оставался только сущий пустяк: растолковать неумным и невежественным людям, как хорошо им будет житься при новых условиях. Отсюда вытекал и специфический метод осуществления нового социального порядка, характерный для всех утопистов: метод мирной пропаганды, путем печати, новых взглядов, без всякого посредства политической борьбы. Политические формы, с точки зрения утопистов, имели столь же мало значения по отно-

шению к осуществимости нового строя, как и вообще исторические отношения общежития. Пока истина скрывалась от взоров человечества, люди могли коснеть в невежестве и угнетать друг друга. Но теперь истина показалась во всем блеске — новый, блаженный общественный порядок придуман, и люди, если только они не совершенные безумцы, должны поспешить устроить свою жизнь на новых началах.

Это мировоззрение было более или менее обще трем названным социальным мыслителям, и оно дает нам право называть их утопистами. При этом нужно, однако, оговориться, что наша характеристика утопизма требует значительных ограничений по отношению к Сен-Симону, который был наиболее научен из трех. В числе утопистов Оуэну принадлежит первое место по практическому влиянию его идей на рабочее движение.

Г. Оуэн^{1*}

История — большая фантазерка. Она любит неожиданные, причудливые комбинации, которых не придумаешь по заказу. Мы уже видели малообразованного биржевого игрока в роли замечательнейшего теоретика политической экономии^{2*}. Теперь перед нами богатый фабрикант, проповедующий общность имущества, восстающий против зла наемной работы; человек с поразительными способностями к практическому делу, с совершенно исключительной коммерческой сметкой в роли самого смелого, фантастического утописта. Роберт Оуэн был очень плодовитым автором и написал на своем веку огромное множество книг, брошюр, памфлетов, адресов, статей по самым различным поводам и вопросам. Но, без сомнения, самое интересное, поучительное и глубокое его произведение — это его собственная жизнь. Писатель совершенно исчезает в Оуэне перед борцом и социальным реформатором. В его личности, поразительной по своей деятельной мощи и трогательной доброте и любви к людям, лежит ключ к пониманию его единственной в своем роде исторической роли.

Одной из своих статей Оуэн дал характерное название, которое можно было бы поставить эпиграфом ко всей его литературной деятельности, даже более — ко всей его жизни: «Попытка превратить этот сумасшедший дом в разумный мир». На склоне лет Оуэн не мог не прийти к убеждению, что эта попытка безнадежна; но весь его чрезвычайно богатый жизненный опыт только подтверждал его невысокое мнение о человеческом роде. Его ошибка заключалась, главным образом, в том, что он постоянно забывал, с кем имеет дело, и говорил с безумцами, как с людьми, вполне владеющими умственными способностями.

Первые шаги Оуэна на жизненном пути (род. в 1771 г., умер в 1858 г.) тесно связаны с ростом фабричной промышленности. Сын бедного ремесленника в маленьком уэльском городке, он был

всем обязан самому себе. Его успехи на поприще обогащения были столь же быстры и блистательны, как и успехи другого знаменитого деятеля в области общественной мысли — Рикардо. Но в то время, как Рикардо, банкир и биржевой делец, был далек от серой народной массы, которая своим потом и трудом создает богатство, Оуэн сам вышел из этой массы и до конца жизни не терял тесного соприкосновения с ней. 10 лет он поступил в суконную лавку, затем сделался приказчиком. Ему было только 18 лет, когда он решился начать самостоятельное дело и устроил в одном из тесных переулков Манчестера маленькую бумагопрядильную фабрику с несколькими незадолго перед тем изобретенными прядильными (мюльными) машинами. Его дело пошло отлично, но, будучи человеком смелой инициативы, Оуэн скоро бросил свое крохотное предприятие для того, чтобы поступить управляющим на настоящую большую бумагопрядильную фабрику с несколькими сотнями рабочих. В это время ему еще не было 30 лет; затем его жизненная карьера идет быстрыми скачками. Вскоре он покупает, во главе компании капиталистов, одну из старейших в Шотландии огромную бумагопрядильную фабрику в Нью-Ланарке и становится полновластным распорядителем ее. С этого времени начинается и реформаторская деятельность Оуэна, сначала стлавшая ему общее уважение и почет, сделавшая его одной из наиболее влиятельных и авторитетных личностей в Англии, а затем приведшая к совершенному разрыву неисправимого утописта с современным ему образованным обществом и потере им всякого авторитета.

Первый и самый блестящий период деятельности Оуэна связан с Нью-Ланарком. Он стал во главе обширного фабричного населения в 2—3 тысячи человек, населения, представлявшего собой наиболее деградированную группу людей, какую только можно себе представить. Все ужасы нерегулируемой фабричной системы имелись в концентрированном виде в Нью-Ланарке. Почти четверть рабочих были детьми пауперов, купленными у приходов; это были в полном смысле слова белые рабы, с которыми обращались, как с рабочим скотом, и которых только такое обращение могло побудить к работе. В числе этих детей, работавших по 12 и более часов в день, были семи-, шести- и даже пятилетнего возраста. Взрослые рабочие состояли из всевозможного общественно-го отброса, так как при начале фабричной промышленности сколько-нибудь порядочный рабочий не шел на фабрику, представлявшуюся ему чем-то вроде кромешного ада, где губили и тело и душу людей. Преступники, бродяги, пьяницы, пауперы — вот из кого слагалось население Нью-Ланарка. Эта разношерстная, грубая, дикая и своевольная толпа сдерживалась сколько-нибудь в порядке только железной дисциплиной и суровыми наказаниями и штрафами. Положение Оуэна затруднялось еще тем, что рабочие-шотландцы видели в нем, как англичанине, иностранца и относились к нему с сугубым недоверием.

И несмотря на все это, чрез несколько лет управления фабрикой Оуэну удалось достигнуть поразительных, прямо феерических результатов. Как будто он обладал волшебной силой для искоренения дурных свойств людей и их нравственного возрождения! Два года, по словам Оуэна, длилась горячая битва между ним и подвластным ему фабричным населением Нью-Ланарка. Рабочие видели в нем своего злейшего врага; он решил держать себя с ними как искренний друг. Его неизменного доброжелательства не могло победить никакое проявление ненависти рабочих. Оуэн сократил рабочий день, повысил заработную плату, уменьшил детскую работу, организовал целую сеть учреждений воспитательного характера, общественные кухни, столовые и жилища, лавки для снабжения рабочих за дешевую цену провизией лучшего качества, позаботился о пенсиях для престарелых, кассах взаимопомощи, медицинской помощи для больных и т.д. и т.д. В результате получилось полное пересоздание рабочего населения. Нью-Ланарк стал единственной в мире фабрикой по своему образцовому устройству, по благосостоянию, довольству и образованности своих рабочих, по высокому уровню их умственного и нравственного развития. Можно было бы усомниться в действительности достигнутых Оуэном успехов, если бы не свидетельства многих частных лиц и нескольких правительственных и общественных комиссий, осматривавших учреждения Нью-Ланарка и воздававших самые восторженные хвалы его руководителю и патрону. Слава Нью-Ланарка гремела во всем свете, и ежегодно около 2.000 лиц, в числе которых были и царственные особы, посещали эту удивительную фабрику, на которой производились в огромных размерах любопытнейшие социальные эксперименты, какие когда-либо видел мир.

И что всего поразительнее, — эти эксперименты не только не вредили коммерческому успеху дела, не только не шли в ущерб барышам фабриканта, но приводили к еще более быстрому росту богатства последнего. Нью-Ланаркская фабрика была куплена Оуэном в 1798 г. за 60 тысяч ф.с.; в 1812 г. она ценилась уже в 200 тысяч ф.с. (т.е. около двух миллионов рублей), причем доход с нее достигал 12% этой последней суммы.

Все это время Оуэн еще не выступал в литературе. Он был в полном смысле слова самоучкой, и его образование оставалось до конца жизни скудным. Его деятельность в Нью-Ланарке не вытекала ни из какой теории; но теория естественно вытекала из нее. Эту теорию Оуэн и изложил в своем первом литературном произведении — «Новый взгляд на общество или опыт о принципах образования человеческого характера», вышедшем в 1813—1816 гг. и содержащем, несмотря на свою краткость, все существенное в его основных теоретических воззрениях, которым он оставался верен в течение всей своей жизни.

Отправным пунктом Оуэна в его рассуждениях является постоянно повторяемое им положение, что человек не создает и не может сам создать своего характера. Характер человека слагается

под влиянием условий его жизни и воспитания, причем сам человек играет вполне пассивную роль. Тезис этот, который отнюдь не может считаться оригинальной мыслью Оуэна и был внушен ему господствовавшей в то время утилитарной философией Бентама¹, приводит нашего автора к выводу, что человек не может считаться ответственным за свои достоинства или недостатки, ответственность за которые всецело падает на общество. Все люди могут быть сделаны добродетельными, если только они будут поставлены в обстановку, благоприятствующую развитию их хороших свойств. «С помощью надлежащих мер, — говорит Оуэн, — можно приучить человека жить в какой угодно стране без нищеты, без преступлений и без наказаний; потому что все эти несчастья происходят из ложных систем воспитания, основанных на грубом незнании человеческой природы... В человеке можно воспитать какие угодно чувства, свойства и какой угодно характер... Причина всех зол — невежество, происходящее от заблуждений, переданных нашему поколению предшествующими, и, главным образом, от величайшего из заблуждений — от того взгляда, будто личности сами образуют свой характер».

Оуэн дает яркую картину бедствий рабочего населения Англии под влиянием фабричной системы. «С тех пор, как на британских фабриках были повсеместно введены машины, — с негодованием говорит он, — на человека стали смотреть как на машину второстепенную и низшую. Стали обращать гораздо больше внимания на усовершенствование дерева, металла и сырых материалов, чем на человеческое тело и душу».

Вопрос об уничтожении бедности связался для Оуэна с более широким вопросом о нравственном перевоспитании человечества.

Кто же должен выступить в роли спасителей человечества из глубины бедствий и порока, в которую оно впало? Те самые, кто теперь получает выгоды от этого порядка вещей. «Стоит только обнаружить страдания миллионов, — надеется Оуэн, — чтобы вынудить у лиц, управляющих миром, восклицание: "может ли существовать подобное положение вещей, и могли ли мы не знать о нем?..." При существовании верных средств для предупреждения преступлений можно ли предполагать, чтобы британские законодатели отказались приводить эти меры в действие, как скоро узнают их? Нет, я уверен, что ни государь, ни министры, ни парламент, ни одна из религиозных и политических партий не захочет обнаружить такой наклонности к вопиющей несправедливости». Далее наш наивный утопист обращается и к фабрикантам и капиталистам с тем же, с чем он обращается к правительству. По его мнению, возможно искоренить нищету и нравственно воскресить рабочее население без всякого ущерба для кого бы то ни было. Доказательством этого является, в глазах Оуэна, его опыт в Нью-Ланарке. Его богатство не потерпело никакого ущерба от его социальных опытов. Почему же невозможно повторить такой же опыт в больших размерах для всей страны? «Привилегированные классы докажут свою мудрость, если будут искренно содейст-

новать лицам, не желающим тронуть ни ноты из их теперешних мнимых выгод, напротив, старающимся доставить возможное счастье как этим привилегированным классам, так и всему обществу».

В этом своеобразном сплетении верных и глубоких мыслей с самым детским незнанием людей обнаруживается весь Оуэн, с его ясным пониманием общественных недугов и человеческих слабостей и непоколебимой, простодушной верой в хорошие свойства человеческой природы. Обращаться к парламенту и фабрикантам с предложением выступить на защиту рабочих было так же остроумно, как увещавать волков позаботиться об овцах. Непонимание социальных антагонизмов и глубоких причин классовой борьбы в современном капиталистическом обществе было коренным недостатком мирозерцания не только Оуэна, но и всего утопического социализма. И Оуэн никогда не мог избавиться от этого недостатка, несмотря на горькие разочарования, которые ему пришлось перенести впоследствии.

В 1818 г. он обратился с двумя адресами к государям, собравшимся на ахенский конгресс, в которых увещавал их принять меры к прекращению бедствий рабочего класса. Само собою разумеется, что адреса эти остались без всякого ответа со стороны государей; но ответ Оуэн все-таки получил. На одном обеде, данном в его честь во Франкфурте, Оуэн указал на нищету и невежество рабочих классов и на необходимость помочь рабочим; один из участников обеда, официальное лицо, секретарь германского сейма Гейнц тонко и насмешливо заметил на это: «Правительствам хорошо известно все то, о чем вы говорите. Но зачем им искоренять невежество и бедность? Разве это поможет им управлять народом?»

Блестящий успех Нью-Ланарка являлся, в глазах Оуэна, доказательством осуществимости в самых широких размерах предлагаемых им социальных преобразований. Но наш утопист упускал из виду одно коренное различие: во главе Нью-Ланарка стоял человек такой огромной духовной мощи, направленной на благо людей, как он сам. И понятно, если бы все фабриканты, или хотя многие из них, походили на Оуэна, то в планах его не было бы ничего утопического. К сожалению, таких фабрикантов, как хозяин Нью-Ланарка, мы знаем не очень много — точнее говоря, не знаем никого, кроме него самого.

В период управления Нью-Ланарком Оуэн был лучшим и благороднейшим типом гуманного фабриканта-филантропа, но не более. Его еще нельзя было назвать социалистом; все его планы улучшения участи рабочего класса покоились на существующих отношениях труда и капитала. Он выступил инициатором некоторых важных социальных реформ; так, ему принадлежит великая заслуга проведения фабричного закона 1819 г., регулировавшего труд детей на фабриках. С этого закона начинается фабричное законодательство Англии (более ранние законы не имели никакого практического значения), завершившееся, после нескольких деся-

тилетий упорной борьбы, великой и славной победой рабочего класса — биллем 1847 г. о десятичасовом рабочем дне. Но все это было социальной реформой, а не социализмом. Решительный шаг в сторону социализма Оуэн сделал лишь в 1817 г., докладом комитету, исследовавшему меры помощи нуждающемуся населению Англии.

Образование этого комитета было вызвано тяжелым промышленным кризисом, повлекшим за собой безработицу и обострение нужды рабочих классов. Массы голодных рабочих волновались во всех крупных промышленных центрах страны. Разрушения и поджоги фабрик, столкновения рабочих с полицией и войсками, демонстрации, оканчивавшиеся побоищами и выстрелами, были обычными явлениями. Оуэн попал в число членов комитета, образованного из известнейших лиц Англии, для выработки средств борьбы с нищетой, рост которой пугал общественное мнение, и выступил с грандиозным планом переустройства всего хозяйственного строя страны на новых началах. Вместо того, чтобы тратить совершенно непроизводительно огромные суммы на содержание нищих, не занимающихся никаким полезным трудом, ничего не производящих и развращающихся морально, государство должно, по мнению Оуэна, приступить к систематической организации труда нищих. Для этой цели государство должно заняться устройством общин одновременно земледельческого и промышленного характера. Население каждой общины не должно превышать 1.500 человек. Все жители общины должны жить в одном здании и обрабатывать собственными силами общинную землю в размере 300—400 дес. на каждую общину. Хозяйственные работы должны производиться сообща за счет общины, причем изготовляемые продукты поступают в распоряжение общины. Каждая семья имеет свою особую квартиру в общинном доме, но дети с трехлетнего возраста воспитываются сообща. Обед должен получаться из общественной кухни. Община всецело берет на себя содержание каждого своего члена, требуя от него соответствующей его силам и способностям работы. Так как все производство и потребление будут организованы в крупных размерах, то последует огромная экономия в расходах и огромный выигрыш в производительности труда. Благодаря этому общины, при первоначальной поддержке со стороны государства, получают возможность сами себя содержать, доставляя своему населению такие удобства и такое благосостояние, которые совершенно недоступны рабочему классу при современных условиях производства. *Преимущества* общинной работы должны быть так велики, что Оуэн надеется на постепенное вытеснение этим новым типом хозяйственных организаций господствующей системы наемного труда. Таким образом, мало-помалу, без всякого принуждения и без ущерба кому бы то ни было, наемная работа прекратится, и кооперативные общины (как Оуэн называет их) станут единственными формами хозяйственных предприятий. Планомерная организация труда заменит существующую свободу конкуренции, сводящуюся к борьбе всех со

всеми. Незанятые капиталы, не находящие работы рабочие, пустующие земельные участки найдут выгодное применение. Пауперизм исчезнет благодаря тому, что производительные силы общества, которые теперь остаются без надлежащего использования вследствие неорганизованности общественного хозяйства, будут утилизироваться по определенному плану в общих интересах.

Этот проект знаменовал собой решительный поворот в деятельности Оуэна. Перед нами уже не гуманный фабрикант, рассчитывающий на поднятие благосостояния рабочего класса путем частичных улучшений условий труда. Новые задачи открываются перед великим утопистом; дело идет о создании нового мира общественных отношений, в котором не должно быть ни хозяев, ни рабочих, ни господ, ни слуг, ни богатых, ни бедных. Историческое здание нерегулируемого обществом частного хозяйства должно пойти на слом, как не удовлетворяющее своему назначению — обеспечения наибольшего богатства и благосостояния всем членам общества. На смену существующего хозяйственного строя должен быть создан новый, в основу которого будет положена разумная планомерная организация общественного хозяйства в интересах всех.

С этого времени кипучая общественная деятельность все более и более захватывает Оуэна. Он превращается в самого неутомимого агитатора, какого только можно себе представить. Из-под его пера выходят массы памфлетов, статей, записок, проектов, он устраивает по всей стране митинги, где произносит длинные речи и ведет дебаты со своими противниками, он участвует, через посредство друзей, в парламентской деятельности, стремясь воздействовать на правительство, организовывает всевозможные общества для распространения и практического осуществления своих идей. Мало-помалу отношение господствующего общества к Оуэну изменяется; честность его намерений, бескорыстие его побуждений еще не заподозриваются (впоследствии ему пришлось пережить и это), но его авторитет как богатого фабриканта и удачного общественного реформатора исчезает, ввиду нового характера его деятельности. В этом апостоле новой веры видят уже не благоразумного и заслуживающего доверия практического человека, а вредного и опасного безумца и мечтателя. Восторженные похвалы, к которым так привык Оуэн в начале своей карьеры, сменяются все более резкими порицаниями, которые постепенно переходят в ожесточенную брань и клевету. Пропасть между смелым реформатором и образованным обществом быстро растет; от его былой популярности среди влиятельных и богатых людей, лордов, архиепископов и даже принцев крови, не остается и следа. Он теряет своих прежних друзей, многие из которых делаются его непримиримыми врагами.

Но одиночество не грозит Оуэну! Если богатые от него отворачиваются, то тем более горячие симпатии несутся к нему от бедняков. Идеи, с которыми благородный мечтатель обращался к королям и фабрикантам, находят себе в другой среде благодарную

почву и дают богатые ростки. Тысячи английских рабочих проникаются взглядами Оуэна и становятся его одушевленными учениками и последователями. Английский рабочий делается энтузиастом нового евангелия, проповедуемого богатым фабрикантом, отрекшимся от своего класса, принявшим в свои руки дело слабых и угнетенных. И чем полнее отчужденность Оуэна от людей науки и капитала, тем сильнее, интимнее и неразрывнее его связь с обширным, жалким и страдающим миром бедных и невежественных, жадно ищущих и не находящих выхода из окружающего их мрака.

Для характеристики взглядов Оуэна, а вместе и всего утопического социализма, весьма поучительно его отношение к политическим реформам. Двадцатые годы были временем чрезвычайно энергичного политического движения в Англии, имевшего целью парламентскую реформу — расширение числа избирателей в парламент. Оуэн всегда выступал против этого движения, равно как и против позднейшего политического движения 30-х и 40-х годов — чартизма¹. С точки зрения Оуэна, форма правления не имела никакого значения по отношению к экономическому положению народной массы и к осуществлению проектируемых им социальных реформ. На конгрессе своих последователей в 1832 г. он даже заявил, что «деспотические правительства нередко оказываются лучшими, чем так называемые демократические... по отношению к кооперативной системе не имеет ровно никакого значения, деспотично ли правительство или нет».

Вместе с тем Оуэн до конца жизни остался чужд идеи классовой борьбы. Он неизменно настаивал на том, что его планы отнюдь не враждебны богатым. При господстве кооперативной системы все выиграют, всем станет лучше. Рабочие выиграют, разумеется, гораздо больше, чем хозяева, так как положение тех и других сравняется. Но и хозяева не проиграют: жизнь в новом мире, исполненном свободы, братской любви и общего благополучия, при огромном росте народного богатства благодаря соединению труда и производству в крупных размерах, благодаря разумному и планомерному использованию сил природы, применению машин, усовершенствованию самого человека путем рационального воспитания и обучения будет настолько счастливее, богаче наслаждением и прекраснее, чище и выше во всех отношениях жалкой жизни в современном обществе, страдающем от бедности, преступлений, пороков и угнетений всякого рода, которые не могут не отравлять существования даже и богатого человека, что и богатые имеют все основания пламенно желать этого нового мира. «Те, кто проводит новые принципы общества, — сказал Оуэн в заседании одного кооперативного конгресса, — не желают причинять зла кому бы то ни было и не желают что бы то ни было отнимать у богатых, ибо они имеют возможность создать больше нового богатства, чем кто-либо в состоянии потребить». По словам Голайока², ученика Оуэна и автора «The History of the Co-operation in England», «Оуэн всегда оставался верен той идее, что ко-

операция не засовывает руки ни в чей карман и не посягает ни на чью личность».

Никакие разочарования, никакие горькие уроки, которые ему в таком изобилии преподносила жизнь, не могли разрушить в этом удивительном человеке его прирожденной веры в людей. По своей натуре он не мог проповедывать вражды; со словом любви он обращался ко всем, — и если богатые оставались глухи к его проповеди, то это вызывало в великом социалисте только жалость к этим неразумным людям, не понимающим своих собственных интересов.

Поэтому вполне естественно, что Оуэн не сочувствовал всяким проявлениям классовой борьбы. Он не был другом стачек и хотя сам принимал энергичное участие в рабочих союзах и даже стоял во главе многих из них, но видел задачу их не в борьбе с хозяевами, а во взаимопомощи рабочих и накоплении денежных средств для устройства кооперативных предприятий. С этой целью Оуэн образовал в 1833 г. огромную федерацию рабочих союзов, число членов которой считалось около полумиллиона. Федерация эта, называвшаяся «General Union of the Productive Classes», просуществовала недолго и через несколько лет распалась. Но несмотря на эту неудачу, влияние Оуэна на рабочие союзы было очень глубоко и, в общем, благотворно, так как социалист Оуэн внес в английское рабочее движение дух энтузиазма, которого оно раньше было чуждо. Что же касается до ошибок Оуэна, то они не были восприняты рабочим классом.

В 1823 г. наш социальный реформатор выпустил очень интересный памфлет «An Explanation of the Causes of the Present Distress»¹, в котором он, между прочим, с полной ясностью формулирует центральный факт промышленной революции. Этим центральным фактом является, по мнению Оуэна, разрушение прежнего мелкого производства, при котором производитель был собственником орудий производства и продукта своего труда. Новый промышленный строй основывается на соединении в одном предприятии обширных групп рабочих, причем никто из них в отдельности не может сказать, что в окончательном продукте их совместной работы принадлежит ему и что другим. Таким образом, коллективное владение является естественным дополнением коллективного производства, и Оуэн предлагает закончить дело промышленной революции передачей в общее пользование земли и капитала.

К двадцатым годам относятся и практические попытки нашего социалиста создать ячейку будущего социального строя — кооперативную общину. Самая крупная из таких попыток была сделана в Америке. Старая Европа оказалась малопривлекательной почвой для восприятия нового учения. И вот, Оуэн, в несокрушимой уверенности в осуществимости своих социальных утопий, покидает родину и едет в новый мир — в Америку. Здесь, в штате Индиана, в глухой, малонаселенной местности, он приобретает 10.000 дес. земли, принадлежавшей раньше одной религиозной общине. Посе-

лок носил символическое имя «Гармони» (Гармония). Оуэн переименовывает его в Нью-Гармони и приступает к устройству своей общины. Принципы, положенные в ее основу, были сформулированы одним из ее участников следующим образом:

1. «Цель ассоциации состоит не в том, чтобы богатых подвести под уровень бедных, а в том, чтобы всем обеспечить наибольшую сумму истинного богатства, физического и духовного».

2. «Кооперативная община должна быть устроена на началах самой неограниченной свободы. Никто не может быть принуждаем вступать в нее или оставаться в ней».

3. «Все труды будут добровольны; вместе с тем будут приняты все меры к тому, чтобы сделать по возможности привлекательными занятия в общине; будут употребляться все механические средства для исполнения необходимых работ неприятных, нездоровых или слишком тяжелых».

4. «Будет кооперативная общность в изготовлении продуктов физического или умственного труда; всякий будет работать в соответствии со своими влечениями и в согласии с интересами всех».

5. «Будет общность собственности относительно всех земель, домов и всякого другого недвижимого имущества, равно как всех инструментов, сырых материалов, предназначенных для производства, и всяких других предметов, известных под именем капитала в самом обширном значении слова, т.е. всего того, что не предназначается для непосредственного потребления».

6. «Предметы, предназначенные для непосредственного потребления, будут получаться из общественных магазинов и могут сделаться собственностью только в момент потребления. Что касается до предметов, которые потребляются не сразу, как, напр., жилые покои или мебель, то они могут принадлежать отдельному лицу только на время потребления их».

7. «Община будет сама управлять своими делами или непосредственно, или посредством во всякое время сменяемых уполномоченных. Права и обязанности всех взрослых членов совершенно равны; права женщин вполне равны правам мужчин».

8. «Несогласия между членами общины будут оканчиваться в недрах общества посредством дружеского соглашения, без употребления каких бы то ни было мер строгости, кроме удаления из общины».

9. «Воспитание детей будет общее с того времени, когда для них не будут нужны заботы матерей; но при этом родители не лишаются возможности наблюдать за детьми и оказывать им ласки».

Таков был выработанный Оуэном план коммунистической общины, в которой общность имущества должна была соединяться с общностью труда, без всякого определенного принципа распределения продуктов между членами общины, кроме потребностей каждого. Неудивительно, что опыт Нью-Гармони, в конце концов, окончился полным фиаско; удивительнее, что такое фантастическое предприятие могло осуществиться и хотя несколько лет держаться не без некоторого блеска. Около 1.000 человек — энтузи-

астов, бедняков и просто проходимцев и искателей приключений — откликнулось на зов Оуэна. Община вскоре распалась на несколько меньших, некоторые из которых, на первых порах, оправдывали самые горячие надежды искателей новой правды. Вот, напр., в каких привлекательных красках описывает жизнь в одной из таких общин, образовавшейся преимущественно из более интеллигентных людей, один из ее участников в 1862 г.

«После трудов мы почти каждый вечер устраиваем балы, концерты или общие беседы. У нас есть прекрасный оркестр, равно как и другие утонченности общественной жизни. Наши ученые и литературные собрания хотя немногочисленны, но согласием и гармонией превосходят собрания в больших городах. Забава служит вознаграждением труду, и деятельность находит в отдыхе вознаграждение, неизвестное ленивым. Наши молодые женщины, встав из-за фортепиано, идут доить коров или стряпать на кухне, что весьма забавляло герцога Саксен-Веймарского, который прожил у нас с неделю. Его секретарь танцевал на всех наших балах в костюме общины; этот костюм состоит из изящной греческой тунники и широких панталон для мужчин. Женский костюм также походит на этот. Тот и другой сделаны так, чтобы нисколько не стеснять движений человека.

...Может быть, на всем земном шаре нет столь большого числа людей, соединенных в одном месте, свободных от предрассудков и столь далеких от всех старых ошибок, политических и религиозных... Мы имеем от пяти до шести тысяч томов лучших сочинений и довольно времени для того, чтобы просвещать себя чтением и разговорами. Из будущих поколений мы надеемся образовать человеческую расу, более совершенную, чем те, которые существовали до сих пор, и на развалинах старого общества создать новое, устройство которого будет согласно с природой и потребностями человека».

В 1827 г. в разных пунктах Соединенных Штатов существовало уже до 20 кооперативных общин сходного характера. Но все они, как и следовало ожидать, благополучно распались через несколько лет. Неудача попыток такого рода — создать на началах братской любви маленький новый мир, как цветущий и благоуханный оазис среди беспредельной и мрачной пустыни старого мира, — не представляет собой ничего удивительного. Жители Нью-Гармони воспитались и выросли в совершенно иной социальной обстановке, чем та, которую они стремились создать в своей кооперативной общине. Их нравы, привычки, характеры, симпатии, потребности развились на почве борьбы за существование и закона конкуренции верховных владык капиталистического мира. Как же они могли годиться для создания нового общества, основной закон которого требовал бескорыстного служения общим интересам? Порыва энтузиазма могло хватить на несколько лет, но огонь воодушевления не принадлежит к числу прочных и устойчивых строительных материалов. Новый социальный строй требу-

ет и нового человека, который не может явиться по первому зову благородного мечтателя.

Итак, американский опыт окончился полным крушением. Столь же неудачны были попытки устройства кооперативных общин и в Англии. Но все это нисколько не поколебало непобедимой веры Оуэна в свое дело. Каждая новая неудача только прищипывала его почти нечеловеческую энергию; его пропаганда развертывалась все шире и шире, захватывала все новые и новые слои общества. О кипучей деятельности этого замечательного человека можно составить себе представление по следующему расчету, приводимому Ребо, автором книги «Etudes sur les Reformateurs». По словам Ребо, Оуэн за время 1826—1837 гг. произнес около 1.000 публичных речей, издал около 500 адресов разным классам общества, написал около 2.000 газетных и журнальных статей и сделал от 200 до 300 путешествий. В 30-х годах число последователей Оуэна в Англии считалось уже сотнями тысяч; идеи великого социалиста глубоко вкоренились в умах английской рабочей массы, смотревшей на него как на нового Моисея^{1*}, обещающего вывести свой народ из капиталистического пленения.

Около этого времени Оуэн занялся новым предприятием, на которое он, по своему обыкновению, возлагал великие надежды, — устройством «рабочей биржи». Под этим названием он разумел весьма своеобразное учреждение, идея которого возникла у него под влиянием тяжелых промышленных кризисов, причинявших такие страдания английскому рабочему населению. Непосредственной причиной или, во всяком случае, наиболее очевидным симптомом этих кризисов было переполнение рынка товарами и невозможность сбыта последних, несмотря на то, что общественная потребность в этих товарах была далека от удовлетворения. В кризисах особенно выпукло обнаруживается своеобразный парадокс капиталистического хозяйства — парадокс бедности, вызываемой богатством. Так называемое перепроизводство товаров отнюдь не означает собой, что товаров имеется больше, чем общество может потребить их; у огромного большинства населения остается масса неудовлетворенных потребностей. Товары не находят сбыта только потому, что у тех лиц, которые испытывают нужду в них, не хватает средств для покупки этих товаров. С другой стороны, отсутствие сбыта товаров расстраивает промышленность, ведет к сокращению производства, безработице и еще большей бедности.

Отсюда легко прийти к мысли, что возможно уничтожить кризисы увеличением покупательных средств в руках населения. Но откуда взять эти средства? Оуэн решил, что эти средства могут быть созданы, если только отказаться от употребления как менового посредника денег. Вместо денег меновым посредником должны стать просто бумажные знаки, на которых обозначено, какое количество среднего человеческого труда заключено в данном товаре. Естественное мерило ценности есть труд. Однако при существующих способах обмена ценности товаров сравниваются лишь при посредстве денег. Кто не имеет денег, тот не может ничего ку-

пить, хотя бы он и располагал трудовой ценностью, заключенной в товаре. Чтобы избавить производителей от губительной власти денег, достаточно создать учреждения, в которых трудовая ценность товаров выражалась бы не деньгами, а ничем не стоящими бумажными знаками, причем обмен товаров совершался бы при посредстве этих бумажных знаков. Таким учреждением и должна была стать «рабочая биржа» Оуэна.

Каждый клиент этой биржи имел право доставить в нее любой товар для сбыта. Сведущие лица устанавливали, какое количество труда было потрачено на производство этого товара, и выдавали собственнику товара квитанцию, на которой было обозначено это количество труда. Эта квитанция могла быть обмениваема на любой другой товар равной трудовой ценности, имевшийся в распоряжении биржи. Таким образом, обмен совершался без всякого посредства денег, и ценность товаров измерялась только трудом. «Рабочая биржа» должна была, по мнению Оуэна, произвести полный переворот в условиях товарного сбыта, прекратить кризисы, уничтожить зависимость производителя от денежного капитала и обеспечить каждому рабочему пользование продуктами его труда.

Теперь для нас вполне ясна ошибочность основной идеи «рабочей биржи». Невозможность сбыта товаров зависит не от недостатка денег, а от непропорционального распределения общественного производства¹. Оуэн рассчитывал организовать обмен, оставляя неорганизованным общественное производство. Но именно в неорганизованности общественного производства и лежит корень зла, основная причина промышленных кризисов. Если производитель изготавливает не те товары, которые требуются потребителем, то товары эти должны остаться непроданными, какова бы ни была организация обмена. Затруднение сбыта указывает на непропорциональность распределения общественного производства; гарантировать сбыт всех товаров, независимо от того, соответствуют ли они спросу или нет, значило бы уничтожить тот естественный механизм, которым в настоящее время восстанавливается пропорциональность общественного производства. Если бы каждый мог рассчитывать продать свой товар, все равно, нужен этот товар или не нужен потребителю, то предложение товаров перестало бы приспособляться к спросу, производитель перестал бы руководствоваться вкусами и нуждами потребителя, и всякая пропорциональность должна была бы исчезнуть в народном хозяйстве.

Поэтому все подобные попытки организации обмена без посредства денег при неорганизованности общественного производства неизменно кончались неудачей. «Рабочая биржа» стояла перед альтернативой: или принимать только такие товары, на которые имелся спрос, и по той цене, по которой покупатели соглашались эти товары приобретать, но в таком случае биржа не удовлетворяла своему назначению — обеспечить сбыт всех товаров по их трудовой ценности, или же биржа, оставаясь верной своей задаче, должна была без разбора принимать всякие товары по их

трудоустройству, не имея никакой возможности сбыть эти товары, за отсутствием на них спроса.

«Рабочая биржа» была новой неудачей Оуэна. Она продержалась около двух лет благодаря денежной поддержке со стороны, но, в конце концов, должна была ликвидировать свои дела с большим убытком.

Последующая деятельность Оуэна тесно связана со всеми движениями английских рабочих 30-х и 40-х годов. Он близко стоял к агитации в пользу 10-часового рабочего дня; с чартизмом Оуэн боролся, хотя из рядов его последователей вышли некоторые вожди чартистов. Главным литературным произведением Оуэна этой эпохи может считаться его работа «A book of the new moral world»^{1*}. «Новый нравственный мир», картину которого рисует наш уже убежденный сединой мечтатель, не имеет ничего общего со старым миром. Каждый гражданин нового общества будет занят в возрасте от 12 – 25 лет каким-либо полезным производством; затем деятельность его найдет себе применение в других сферах – в области общественного управления, художественного и научного творчества и т.д. Современные большие города должны исчезнуть. Их заменят общины, рассеянные по всей стране, с населением в 500 – 3.000 человек, в руках которого земледелие будет соединяться с обрабатывающей промышленностью. Обмен будет происходить только между отдельными общинами, но вообще его область сократится. Обитатели «нового нравственного мира» будут жить вместе, в обширных роскошных домах, частная собственность совершенно исчезнет, женщины будут пользоваться полной равноправностью с мужчинами, воспитание детей будет лежать на общине. Брак станет вполне свободным, и люди будут сходиться и расходиться только по взаимному влечению. Само собою разумеется, что тюрьмы, наказания, полиция, войско и вообще все средства насилия старого мира не найдут себе места в мире будущего.

Эти социальные фантазии, значение которых заключалось в новом социальном идеале, показываемом Оуэном человечеству, не мешали великому утописту деятельно работать над практическим улучшением нашего старого мира. Мы подходим теперь к главному практическому делу Оуэна, блестящий успех которого покрывает все неудачи, которыми судьба так щедро усеяла жизненный путь бедного мечтателя, наивно поверившего в возможность сокрушить силою любви древнего могучего дракона, столько тысячелетий терзающего человечество, — бедность.

Мы видели, как далеко заносился Оуэн в своих социальных фантазиях. Но в натуре этого поразительного человека было единственное в своем роде соединение необузданного полета воображения с самым трезвым пониманием практического дела. Утопист Нью-Гармони был в то же время расчетливым хозяином Нью-Ланарка. Эта драгоценная черта, составлявшая главную силу Оуэна, спасла дело его жизни. Среди общего крушения начатых им предприятий мало-помалу упрочилось и крепло могучее и

практическое *кооперативное* движение, которое представляет в настоящее время, наряду с трэд-юнионизмом, одну из главных форм самопомощи рабочих во всем мире и которое в огромных размерах содействовало несомненному подъему за последнее время экономического благосостояния и социальной мощи рабочего класса Запада.

Неутомимая пропаганда Оуэна повела к тому, что сотни тысяч трезвых и практических английских людей поверили в проповедуемое им новое евангелие. Но усвоив новую веру, они не перестали быть практическими людьми. Они верили в будущее наступление «нового нравственного мира». Что же делать, однако, теперь, пока мир еще не изменился? Ждать они не могли и искали немедленного дела. И такое ближайшее практическое дело нашлось. Оуэн объяснил им, в какой огромной мере возрастают экономические силы вследствие их соединения; разрозненные бедняки, соединившись вместе, могут достигнуть благосостояния. Задача заключалась в том, чтобы дать возможность мелким производителям и потребителям воспользоваться выгодами крупного производства и потребления, в таких заманчивых красках рисуемыми Оуэном. Но для крупного производства требуется и крупный капитал, — откуда же его взять? Ощупью и шаг за шагом практическая мысль англичанина искала решения этой трудной задачи. Наконец, мало-помалу, путь к достижению цели стал выясняться. Если рабочий не располагает ни шиллингом капитала, то все же он представляет собой некоторую экономическую силу в качестве потребителя. Лавочник, продавший рабочему провизию, живет барышами, получаемыми со многих подобных бедняков. В своей совокупности бедняки эти достаточно богаты, чтобы поддерживать лавочника и давать ему высокие барыши. Почему же потребители, соединившись вместе, не могут заменить лавочника и сохранить все эти барыши в своих карманах? Таким образом может возникнуть фонд, который постепенно, после ряда лет, может превратиться в крупный капитал, необходимый для организации производства на кооперативных началах.

Итак, первым шагом к кооперативному производству является кооперация потребителей. Потребители соединяют свои средства, заводят кооперативную лавочку, из которой берут товары и сберегают в свою пользу прибыль лавочника. Вот основная идея так называемых кооперативных потребительных обществ, получивших в настоящее время повсюду такое развитие.

Когда идея этой организации достаточно выяснилась, во всей Англии стали возникать потребительные товарищества среди рабочих. В 1832 г. таких товариществ насчитывалось уже около 500. Большинство из них были очень мелкими и плохо организованы. Все они были проникнуты идеями Оуэна и рассматривали кооперацию потребления только как первый шаг к кооперативной организации производства; поэтому они стремились накапливать свои дивиденды для образования фонда будущей производительной ассоциации.

В несколько лет Англия покрылась целой сетью потребительных товариществ. Связью между ними являлись различного рода общества, непрерывно возникавшие по инициативе Оуэна и так же быстро распадавшиеся; кооперативное движение имело несколько своих газет, тщательно следивших за всеми успехами кооперативного дела и стремившихся улучшить его организацию.

Однако первые успехи оказались весьма эфемерными. Огромное большинство первоначальных потребительных ассоциаций не продержалось и нескольких лет и быстро распалось, вследствие ли неумелости руководителей, неподготовленности рабочих, необеспеченности имущества ассоциаций в юридическом отношении, неудовлетворительности внутренней организации или других причин.

Но семя, брошенное Оуэном, не заглохло. Прошел десяток лет, и кооперативное движение возобновилось с новой силой. Колыбелью этого нового движения был маленький ланкаширский городок Рочдэль, где в 1844 г. 28 рабочих основали крошечное потребительное общество с несколькими фунтами капитала. Из этого слабого ростка выросло современное могущественное кооперативное движение Англии, с его миллионами членов, многими десятками миллионов фунтов ежегодного оборота и миллионами фунтов ежегодной прибыли.

Мы не будем останавливаться на этой поучительной и славной странице новейшей социальной истории Англии. Нам достаточно констатировать, что, по общему мнению, современное кооперативное движение всецело вытекло из пропаганды Оуэна. Правда, оно далеко не осуществило возвышенного идеала отца английского социализма. Оно не послужило переходной ступенью к «новому нравственному миру». То, что великий утопист считал только первым шагом к цели, — кооперация потребителей, — является для современных продолжателей его дела конечной целью. Вообще, юношеский энтузиазм, отличавший первые робкие шаги кооперативного движения, совершенно чужд последнему в настоящее время. Но все же это несколько не колеблет знаменательного факта, что миллионы рабочих Англии и всего мира, извлекающие ныне вполне реальные экономические выгоды из кооперативного движения, обязаны благодарностью не кому иному, как наивному мечтателю Оуэну, вызывавшему в свое время столько издевательств со стороны людей так называемого здравого смысла, отлично понимающих свои ближайшие выгоды, но совершенно лишенных способности проникать взором в грядущее. Как евангельский сеятель, наш утопист рассеял много семян, большинство которых упало на каменистую почву, заглохло и не дало ростков. Но одному семени посчастливилось: оно укоренилось и мало-помалу выросло в роскошное и могучее дерево, укрывшее своею сенью миллионы тружеников, для которых работал Оуэн. Этим семенем было кооперативное движение. И, таким образом, мечта облеклась в плоть и кровь, превратилась в действительность и стала трезвой правдой, ко-

торая теперь у всех на глазах и всем кажется такой простой и будничной вещью. А далеко ли то время, когда эта обыденная действительность была несбыточной мечтой?

II. Сен-Симон и сеи-симонисты^{1*}

Политическая экономия долгое время была по преимуществу английской наукой — не вследствие какой-либо прирожденной склонности британцев к изучению хозяйственных явлений, а благодаря особенностям социального строя Англии. Англия была и остается авангардом человечества в области социального прогресса. Политическая экономия — специфический продукт капиталистического строя. В Англии раньше, чем в других странах, этот строй достиг преобладания — неудивительно, что и политическая экономия нашла себе самую благодарную почву в Англии. Но по мере того, как капитализм охватывал все новые и новые территории Старого и Нового света, стало распространяться и изучение политической экономии. В XVIII веке и в первой половине XIX века капиталистическое хозяйство было наиболее развито, среди стран европейского континента, во Франции. Франция шла в этом отношении непосредственно вслед за Англией. Для Франции политическая экономия не была чуждой наукой, привозным товаром английского происхождения. В лице физиократов, особенно Кенэ^{2*} и Тюрго^{3*}, Франция имела в XVIII веке экономистов, превосходивших Ад. Смита^{4*} силою теоретической мысли, хотя и далеко уступавших этому последнему по пониманию практических задач своего времени и по отзывчивости к социальным течениям эпохи. Физиократы были слишком теоретичны — они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языком, непонятным для толпы, и создавшими теории, непригодные для применения к практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теории физиократов, была несравненно выше физиократических учений, как система практической политики; и потому Смит быстро затмил не только у себя на родине, но и во Франции своего гениального предшественника — Кенэ. В лице Жана Батиста Сэ^{5*}, Смит нашел во Франции популяризатора, или, скорее, вульгаризатора, обладавшего даром ясного изложения при значительной неясности мысли, неспособной к абстракции и теоретическому углублению. Эта слабость Сэ, еще больше, чем его сила как выдающегося стилиста и талантливое излагателя чужих мыслей, содействовала успеху учений Смита на континенте. Расплывчатое, многословное, несистематичное, местами глубокое и почти гениальное, а в общем цельное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое творение Смита было превращено Сэ в распланированный, с обычным французским мастерством, упрощенный и обесцвеченный «курс» политической экономии, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманию. Одним из секретов успеха Сэ было также и то, что в его обработке учение Смита утратило столь характерную для велико-

го шотландца струю горячей симпатии к рабочим классам. Смит был переработан в интересах буржуазии, — и буржуазия европейского континента, принявшая этого обезвреженного Смита из рук Сэ, провозгласила автора «Богатства народов» своим умственным Аллахом, а его вульгаризатора Сэ — пророком новой религии свободной конкуренции и наибольшего барыша.

Но та же Франция выдвинула и людей иного духа. Если классическая политическая экономия была преимущественно творением англичан, в котором на долю французов выпала второстепенная роль, то утопический социализм может считаться духовным чадом Франции. Правда, англичане имели своего великого утописта Оуэна; но сила и значение Оуэна были не в теории, а в практике. Его прочным памятником остается развернувшееся ныне во весь свой могучий рост кооперативное движение; как теоретик Оуэн стоит гораздо ниже представителей французских утопистов — Фурье и, особенно, Сен-Симона.

Мы не знаем в истории человеческой мысли более ослепительной и блестящей всеми красками фигуры, чем граф Генрих де-Рувруа Сен-Симон (1760—1825), потомок Карла Великого^{1*} и внучатый племянник герцога Сен-Симона, автора знаменитых мемуаров о французском дворе. В Сен-Симоне есть что-то чуждое нашей эпохе, что-то слишком яркое и вдохновенное, как бы отголосок давно минувшего времени. Историческое имя, связывающее Сен-Симона с величавой личностью Карла Великого, так пристало гениальному утописту. В Сен-Симоне воскресает перед нами средневековый рыцарь, с его гордостью, бесстрашием, чувством чести, верностью своей даме, любовью к славе, блеску и шуму боя. Правда, он не мечом завоевал свою славу; героическая борьба, которую он вел, не сопровождалась пролитием крови; и если у него была дама, которой он служил всю свою жизнь как верный до гроба любовник, то эта дама не требовала человеческих жертв. Ибо Сен-Симон был рыцарем Святого Духа и Истина была его дамой. Пророк и рыцарь — в этих двух словах вся характеристика этого истинного героя мысли.

Он родился в знатной семье и получил блестящее воспитание. В числе учителей, приходивших давать ему уроки, были такие люди, как Даламбер^{2*}. Когда Сен-Симону не было и 13 лет, он внезапно объявил отцу, что изменил свои религиозные убеждения и не желает причащаться. Суровый отец заключил его в тюрьму. Смелый юноша бежал оттуда после удара ножом тюремщику.

Любовь к славе и сознание своего высокого призвания очень рано пробудились в Сен-Симоне. Говорят, лакей обязан был будить молодого графа следующими словами: «Вставайте, граф, вас ждут великие дела». Действительно, великие дела предстояли Сен-Симону, но время для них наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможных лишений; и только на закате, когда косые лучи вечернего солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшие небосклон, и весь долгий жизненный путь стал представляться бедному искателю новой

правды длинной цепью неудач, унижений и разочарований, он вышел на дорогу, приведшую его в храм славы.

Едва юношей, Сен-Симон отплыл в Америку офицером французского корпуса, отправленного для помощи восставшим английским колониям. В течение пяти лет он храбро дрался с англичанами и, наконец, попался в плен. По заключении мира двадцатитрехлетний воин вернулся на родину с чином полковника королевских войск, Французским орденом св. Людовика и американским орденом Цинцината^{1*}. Перед ним открывалась блестящая военная карьера. Его назначают комендантом такой важной крепости, как Мец. Но Сен-Симон быстро пресыщается служебными успехами. Его честолюбие больше — он не ищет славы на военном поле. Он еще сам не знает, где его истинный путь, но чувствует постоянную неудовлетворенность, ломает свою жизнь, теряет колею и начинает лихорадочно переходить от одного дела к другому. Он бросает Францию, путешествует по Европе и, наконец, попадает в Испанию, где обращается к королю с фантастическим предложением: взять на себя прорытие канала, долженствующего соединить Мадрид с морем, причем работы должны исполняться иностранцами, которых Сен-Симон обязуется завербовать на военную службу королю.

Между тем, во Франции разражается революция. Наш искатель приключений возвращается в свое родовое имение, отклоняет свой выбор в общинные мэры, на том основании, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству, и отказывается от графского титула. Революция лишила Сен-Симона его родового состояния, но дала ему возможность заняться некоторыми спекуляциями, которые должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великого огромное богатство, если бы не его чрезмерное доверие к своему компаньону Редерну. Дело кончилось тем, что Редерн получил несколько миллионов, а Сен-Симон должен был удовольствоваться сравнительно скромной суммой в 150.000 франков, что для такого важного барина, привыкшего к роскошной жизни и не считавшего денег, было сущим пустяком. Но Сен-Симона несколько не смутила потеря состояния; он увидел в этом доказательство различия между такими людьми, как он, и такими, как Редерн. «Дороги, которыми мы следовали, — писал он по этому поводу позднее, — были совершенно различны: он (Редерн) направился в грязные трясины, где богатство построило свой храм, в то время как я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершине которой находится алтарь славы».

Около этого времени Сен-Симон приходит к убеждению, что у него есть высшее призвание — преобразовать науку, объединить в одно гармоничное целое разрозненные знания человечества, и принимается за изучение точных наук, но довольно необыкновенным способом: приглашает к себе профессоров политехнической и медицинской школы, дает им роскошные обеды, угощает тонкими винами и в промежутке между двумя блюдами разговаривает с учеными о всемирном тяготении, законах неорганических и орга-

нических тел и пр. Конечно, изучение такого рода не могло сообщить Сен-Симону никаких серьезных знаний; но ни к какому ученичеству наш философ и не был способен по самой своей натуре. Он мог жить только в своем особом мире, созданном его фантазией, и его единственным учителем был его собственный гений.

После такого своеобразного курса точных наук Сен-Симон приходит к убеждению, что ему нужно расширить свой жизненный опыт, познать все страсти людей, изучить их слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самого разнообразного общества — светских людей, художников, артистов, игроков, красивых женщин и пр. и пр. Но он не женат — его салон лишен хозяйки. И вот, Сен-Симон, ради успеха своих наблюдений над ярмаркой человеческого тщеславия, женится на красивой и привлекательной даме. Намеченная программа выполняется блестящим образом: достаточно было одного года, чтобы остатки состояния Сен-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими приемами. Он остается нищим и расходится со своей женой.

С этого времени, когда Сен-Симону было уже более 40 лет, для него начинается трудный и тернистый путь лишений и нужды. Судьба позаботилась о том, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомые им познания выбранным им самим методом: заставив его испытать в своей личной жизни все разнообразные положения, в которые только может попасть человек. Вторая половина жизни Сен-Симона представляет собой такой глубокий контраст с первой, какой только можно себе представить.

Перед нами уже не богатый знатный барин, покровительственно принимавший ученых, не занимавшийся никаким определенным делом и слегка интересовавшийся всем. Он даже больше не граф, так как официально отказался от этого титула, он не имеет никакого состояния и в то же время совершенно лишен способности зарабатывать деньги скромным трудом. В его голове постоянно возникают планы научных работ, один другого грандиознее, и он с неутомимым жаром работает над развитием своих идей. Но увы! Счастье от него отвернулось. Одна неудача следует за другой. Его попытки обратить на себя внимание ученого мира кончаются уничительными фиаско. Его восторженность вызывает веселый смех, а научные доводы — улыбку сожаления. Жизнь начинает производить над нашим философом свои жестокие опыты, как бы в отместку за его опыты над своей собственной жизнью.

Последняя попытка Сен-Симона к самостоятельному экспериментированию над жизнью стоит того, чтобы о ней рассказать. В это время во всем мире гремела слава г-жи Сталь^{1*}, как умнейшей и образованнейшей женщины Европы. И вот, Сен-Симон, расставшись со своей женой, едет в Женеву к г-же Сталь, которая вряд ли когда-либо слышала его имя, и обращается к ней с речью приблизительно в таком роде: «Вы — замечательнейшая женщина своего времени, я замечательнейший мужчина. Почему бы нам не

стать мужем и женой?» Сталь имела настолько ума, чтобы только рассмеяться над этим удивительным предложением, которое можно было принять за поступок сумасшедшего.

В Женеве Сен-Симон издает свой первый литературный труд — «Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains»^{1*} — маленькую брошюру из трех писем, неясную, вдохновенную и почти безумную, в которой мысль великого социалиста еще только расправляет свои крылья для могучего полета впоследствии. Первое письмо так коротко, что мы приведем его почти целиком.

«Я не молод, — начинает Сен-Симон свое обращение к современникам, — я много наблюдал и думал в течение всей своей жизни, и целью моих работ было ваше благо: я придумал план, который мне кажется полезным для вас, и я изложу вам его».

«Откройте подписку над могилой Ньютона: подписывайтесь все, сколько хотите!»

«Пусть каждый назовет трех математиков, трех физиков, трех химиков, трех физиологов, трех писателей, трех живописцев, трех музыкантов».

«Каждый год возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будет свободен называть хотя бы тех же самых лиц».

«Разделите сумму, собранную по подписке, между тремя математиками, тремя физиками и т.д., получившими наибольшее число голосов».

«Попросите президента Лондонского Королевского Общества принять вносимые деньги».

«В следующие годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подписке».

«Потребуйте от тех, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денег от кого бы то ни было, и оставьте их безграничными господами своих сил».

.....

«Этой мерой вы создадите вождей для тех, кто работает над прогрессом человеческого знания, вы облечете этих вождей величайшим авторитетом и передадите в их распоряжение огромную денежную силу».

Во втором письме Сен-Симон говорит, что он имел видение. Ночью он услышал голос, который ему возвестил:

«Рим перестанет быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанут говорить от моего имени... Я запретил Адаму различать добро от зла — он не послушался меня. Я его изгнал из рая, но я оставил потомству Адама средство утолить мой гнев; пусть люди работают над усовершенствованием познания добра и зла — и я улучшу их участь. Наступит день, когда земля будет раем...»

«Узнай, что я поместил Ньютона рядом с собой, доверил ему управление светом и поручил ему владычество над людьми всех планет».

«Собрание 21 избранника человечества получит название совета Ньютона. Совет Ньютона будет представлять меня на земле; он разделит человечество на 4 части, которые будут называться: английской, французской, германской и итальянской. Каждая из этих частей будет иметь совет, образованный так же, как и верховный совет. Всякий, где бы он ни жил, выберет себе одну из этих частей и будет избирать верховный совет, а также совет своей части».

«Женщины также будут избирать и будут избираемы».

Эти выдержки дают представление об общем тоне этого странного литературного произведения. Можно думать, что Сен-Симон его написал в состоянии крайнего, почти болезненного экстаза. Но, как увидим ниже, несмотря на свою экзальтированную и бессвязную форму, первая работа Сен-Симона уже содержит в зародыше некоторые глубокие, даже прямо гениальные идеи, более полно развитые им впоследствии.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сен-Симону ни славы, ни денег... А деньги ему были нужны для жизни. С большим трудом ему удалось приискать себе место переписчика в ломбарде, с жалованьем в 1.000 франков в год за 9-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. К счастью, судьба вскоре свела его с его бывшим слугою Диаром, который сжалился над бедственным положением своего прежнего господина и предложил ему даровую квартиру и содержание. И вот, Сен-Симон поселяется у Диара.

Ему нисколько не кажется унижительным жить милостыней своего прежнего слуги. Он весь поглощен задуманными им великими трудами: на средства Диара он печатает несколько научно-философских работ, не обративших ничего внимания. Вскоре судьба наносит бедному искателю истины новый удар: Диар умирает. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведения, и он возвращается к первобытному способу распространения человеческого слова: собственноручно переписывает свои сочинения в нескольких десятках экземпляров и рассылает их выдающимся ученым, сопровождая посылку письмами такого содержания:

«Милостивый государь! Будьте моим спасителем. Я умираю с голоду. Мое положение отнимает у меня возможность изложить мои идеи достойным образом; но значение моего открытия не зависит от способа изложения. Достиг ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вот вопрос. Если вы возьмете на себя труд прочитать мое сочинение, я спасен. Преданный в продолжение многих лет отысканию нового пути в области мысли, я по необходимости должен был удалиться от школы и от общества... Я сделал открытие чрезвычайной важности... Занятый единственно общим интересом, я пренебрегал своими собственными делами и через это дошел до следующего положения: мне нечего есть, я работаю без огня. Я продал даже свою одежду для того, чтобы иметь возможность переписать свое сочинение. Стремление

к науке и общественному благу, желание найти средства для мирного окончания страшного кризиса, в котором находится европейское общество, привели меня в столь несчастное положение, и потому я не краснея признаю свою бедность и прошу помощи для того, чтобы продолжать свою работу».

Итак, гордый потомок Карла Великого открыто просил милостыни у незнакомых людей. Но этого мало: он просил милостыни и не получал ее. И еще более: он не только не получал милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унижительными посланиями, оставались непрочитанными. Казалось, все соеднилось для того, чтобы сокрушить самоуверенность Сен-Симона. Но тут и проявилось во всей своей силе величие его духа; ничто на свете, ни крайняя нищета, ни общее равнодушие и невнимание к его работам, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неизвестности будущего, не могли в этот самый тяжелый период жизни Сен-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь с просьбами о помощи и рассказывая о своих бедствиях, он держит себя со спокойным достоинством избранника неба и прирожденного повелителя людей.

В посвящении своему племяннику Виктору, приложенном к одному его сочинению, изданному в это время, Сен-Симон говорит в вдохновенном тоне о «великих обязательствах», возлагаемых на их семью их высоким происхождением. «Я бросил меч, чтобы взяться за перо, — говорит о.т., — так как чувствовал, что природа влекла меня к великим целям на научном поприще». История показывает, что все великие дела были исполнены людьми знатной породы. Сен-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела их с высоты престола до самых низших рядов подданных. Однажды, в эпоху террора, когда Сен-Симон сидел в тюрьме, ему явился ночью Карл Великий и сказал: «С тех пор, как существует мир, ни одной семье не выпало чести создать и героя и философа первого разряда; моему дому досталась эта честь. Сын мой, твои успехи как философа сравнятся с теми, каких я достиг как воин и политик».

В письме к тому же Виктору наш философ высказывает следующее: «Безумие, мой дорогой Виктор, не что иное, как высшая экзальтация, и эта высшая экзальтация необходима для совершения великих дел... В храм славы входят только клиенты домов сумасшедших, но не все клиенты сумасшедшего дома попадают в храм славы... На миллион одному удастся войти — остальные свертывают себе шею».

Одной из самых поражающих черт характера этого удивительного человека была прямо беспредельная наивность, с которой он относился к людям. Редери обобрал его и лишил состояния. Сен-Симон поссорился с Редерном, отзываясь о нем крайне резко, как о человеке самом ничтожном и заслуживающем полного презрения. И вот, очутившись в крайности, бедный философ составляет проект привлечь к изданию своих научных работ не кого иного, как этого самого Редерна. Сен-Симон пишет своему врагу длин-

ное послание, в котором излагает сущность своих философских воззрений и просит обеспечить ему жизнь и научную деятельность. Какое дело было Редерну до теории обобранного им неудачного спекулянта? Но наш философ детски простодушен в вопросах практической жизни; с подобными же просьбами он обращается решительно ко всем, даже к Наполеону. И характер всех этих просьб неизменно один и тот же: вдохновенные, запутанные и неясные рассуждения об общих вопросах, и в заключение трогательное по своей наивности предложение (именно скорее предложение, чем просьба) помочь умирающему от голода философу. Со всеми Сен-Симон говорит совершенно одинаково — со своим бывшим слугой Диаром так же, как и с Наполеоном. Со всеми он говорит как высший избранник, как потомок и наследник Карла Великого, ничего не боящийся и сознающий, что ничто на свете не может его унижить.

В обращении к Наполеону Сен-Симон обещает указать средство сокрушить морское могущество Англии; этим средством оказывается отказ Наполеона от завоевательных планов. Если же Наполеон не послушает советов дружески расположенного к нему философа, то погубит себя и Францию. Неудивительно, что в ответ на это Наполеон приказал полиции следить за Сен-Симоном.

Крайняя наивность и вера в людей, непонимание их психологии и навязывание им своих собственных настроений и чувств вытекали у нашего утописта из чрезвычайного богатства его внутреннего мира. Грандиозные планы непрерывно возникали в его мозгу и поглощали все его внимание. Он был в состоянии постоянного экстаза, его умственный взор был обращен так далеко, что почти не различал близких предметов. И потому каждый раз, как гениальному мыслителю приходилось вступать в соприкосновение с практической жизнью, он оказывался детски беспомощным и смешным.

Вслед за тем положение Сен-Симона несколько улучшается: благодаря тому, что его восторженная проповедь находит себе, наконец, некоторый отклик, у него появляются ученики. Правда, их немного, но зато среди них были люди такой огромной умственной силы, как философ Огюст Конт¹ и историк Огюстен Тьерри². Последний даже присвоил себе в печати название «приемного сына Сен-Симона». Такие ученики могли заменить недостаток внимания к идеям Сен-Симона среди мира официальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бывают более глубоких ран — жизнь подачками богатых покровителей стала невыносимой для бедного чудака философа, уже одряхлевшего и лишившегося своей прежней гордой силы: в мае 1825 г. он проделал свой последний и самый печальный жизненный опыт — выстрелил в себя из пистолета. Но он не умер, а только лишился глаза. После этого он прожил еще около двух лет и вскоре после выхода в свет своего последнего сочинения «Le nouveau christianisme»³ скончался, как истый мудрец, на руках своих учеников.

Последние слова Сен-Симона были обращены к его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрело, — сказал он, — вы его сорвете. Мой последний труд "Новое христианство" не будет понят немедленно. Думали, что религия должна исчезнуть, потому что католицизм одряхлел. Это ошибка: религия не может исчезнуть из мира; она только преобразуется... Родриг, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великие дела, нужно быть вдохновенным... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям наиболее свободное развитие их способностей». Затем наступило короткое молчание, и умирающий прибавил: «Через двое суток после нашей второй публикации партия рабочих образуется. Будущее принадлежит нам». С этими словами он положил руку на голову и умер.

В чем же заключалось духовное наследство, которое завещал своим ученикам этот необыкновенный человек? Что давало Сен-Симону эту несокрушимую уверенность в себе, эту силу переносить самые унижительные положения с гордостью короля? Какова была философия этого нового Сократа¹, отвергнутого современниками, но с такой бодрой верой смотревшего в будущее?

Значение Сен-Симона в истории мысли так громадно, что не может быть преувеличено. Мы считаем его гениальнейшим социальным мыслителем нового времени, глубоко заложившим верной рукой прочный фундамент научного знания, над завершением которого предстоит трудиться еще многим поколениям. Идеи Сен-Симона оплодотворили не одну какую-либо науку, но весь цикл наук, изучающих человеческое общество. Философия истории, социология, политическая экономия, отчасти право в своих высших обобщениях и до настоящего времени непосредственно примыкают к Сен-Симону. Этот замечательный мыслитель с гораздо большим основанием, чем Маркс, должен быть признан создателем современной науки в обществе.

Уже в первой своей странной и загадочной работе «Lettres d'un habitant de Genève» Сен-Симон высказывает глубокие мысли, значение которых для нас ясно только теперь, после Маркса. В своем фантастическом воззвании к человечеству Сен-Симон обращается к трем общественным классам, на которые распадается современное человечество. Первый класс «идет под флагом прогресса человеческого разума; он слагается из ученых, художников и всех тех, кто стоит за либеральные идеи. На знамени второго класса начертано: "Никаких нововведений!". В состав этого класса входят все собственники, не принадлежащие к первому классу. Третий класс, лозунгом которого является равенство, охватывает собой остальную часть человечества».

Итак, Сен-Симон указывает 3 класса, из которых состоит общество нашего времени. Первый класс движет вперед человеческую мысль; второй по своему существу консервативен и является опорой порядка; третий — враждебен господствующему историческому строю, основанному на неравенстве и подчинении, и тре-

бует нового общественного устройства, в основание которого должна быть положена идея равенства.

Как мало слов в этих нескольких строках Сен-Симона и как поразительно много в них содержания! Чтобы оценить их значение, нужно знать, как редки оригинальные идеи в сокровищнице человеческого знания. Новые идеи походят на крупинки блестящего золота среди серых груд грубого песка, которого нужно промыть сотни пудов, чтобы отыскать несколько золотников благородного металла. В словах Сен-Симона содержится в зародыше одно из важнейших социологических обобщений нового времени — учение об *общественном классе*, как составном элементе современного общества, и о *классовой борьбе*, как составном элементе современного общества и о *классовой борьбе* как естественном результате классового сложения общества. Для взглядов Сен-Симона крайне характерно, что в основу своего деления общества на классы он кладет не один, а два различных признака: с одной стороны, экономический признак (владение имуществом — класс собственников и не-собственников), с другой — интеллектуальный признак (характер занятий и взглядов — класс ученых и вообще сторонников либеральных идей — приблизительно то, что у нас называют интеллигенцией). Эта двойственность отнюдь не случайна у нашего автора; она вытекала из всего его понимания процесса общественного развития. Как увидим ниже, Сен-Симон признавал две основных силы, движущие вперед человечество: прогресс человеческого знания и развитие хозяйства. Сен-Симон как социолог был не монистом, а дуалистом; подмечая с чрезвычайным остроумием экономические причины социальных переворотов, он в то же время считал успехи знания особой и самостоятельной причиной общественного прогресса^{1*}.

В своей первой брошюре наш мыслитель высказывает и свою другую любимую идею: разделения общественной власти на духовную и светскую, причем духовная должна принадлежать людям знания и мысли, а светская — тем, кто является руководителем хозяйственного процесса производства. Наиболее странное место брошюры — обоготворение Ньютона^{2*} — тоже не лишено глубокого смысла. Здесь находит себе выражение заветная мечта Сен-Симона — уничтожить антагонизм религии и науки, засыпать пропасть между ними, привести их к гармоническому единству, создать позитивную религию, основывающуюся на науке, но не лишаящую человечество высшего духовного дара — энтузиазма к добру.

Все эти мысли, едва намеченные в первой работе Сен-Симона, получили блестящее развитие в его последующих трудах, из которых наиболее важны три — «*Système industriel*»^{3*}, «*Catéchisme des Industriels*»^{4*} и «*Nouveau Christianisme*»^{5*}.

В «*Промышленной системе*» Сен-Симон дает поистине гениальный очерк философии европейской истории. Человечество, — говорит он, — неизменно проходит в своем развитии три стадии. Первая стадия характеризуется господством духовенства в облас-

ти духа и военного класса в светской области. Для последней стадии характерно господство ученых и точных наук в области духовных интересов и промышленных классов — в сфере интересов материальных. Промежуточная стадия характеризуется преобладанием в сфере духовной — метафизиков, в сфере материальной — юристов и законовевов.

В средние века господствующими классами в Европе были феодальная военная аристократия и духовенство. На чем же основывалось преобладание этих классов?

На том, что именно в этих классах сосредоточивались источники национальной силы.

Аристократия была самым необходимым классом общества, ибо на ней лежала важнейшая обязанность того времени — военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и ценными работниками, в которых всего более нуждалось общество. Они защищали трудящиеся классы, которые без помощи рыцарского меча и копья погибли бы от вражеских нападений. Баярд¹ был полезнейшим человеком своего времени. Что касается до духовенства, то в его руках был другой источник силы — знание. Оно сосредоточивало в себе все просвещение, все знания средних веков. Этот социальный строй держался в течение многих веков потому, что он был в полной гармонии с состоянием общественных сил.

Промышленность была во младенчестве и война — важнейшим занятием народа, то как средство обогащения, то как средство отражения нападений врагов.

Неудивительно, что при таких условиях военные преобладали в обществе, что в их руках сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно так же понятно, при низком уровне умственного развития и при детском состоянии точных наук, преобладание духовенства в сфере высших духовных интересов.

Но мало-помалу промышленники, бывшие долгое время рабами феодалов, достигли сначала личной свободы, а затем и экономического благосостояния. Около этого времени рыцарству как военному классу был нанесен смертельный удар не на поле брани, а в лаборатории скромного монаха. Изобретение пороха покончило с рыцарством и подчинило военную силу промышленности. Деньги и вообще экономическая мощь становятся решающим фактором военного могущества. Соответственно этому значение промышленных классов растет, а феодальной аристократии падает; выражением этого процесса явилось постепенное перемещение земельной собственности из рук аристократии в руки промышленников. Мало-помалу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленных классов. Вместе с тем и политическое влияние должно было перейти классу экономически преобладавшему, т.е. к тем же промышленникам.

В то же время развитие точных наук привело, в духовной области, к утрате преобладающего положения духовенства. Ученые

стали умственными вождями общества. Таким образом, и светская и духовная власть переместились в обществе из одних классов в другие. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемена, а не действия тех или иных министров или народных вождей, и была основной причиной великой французской революции. *Грандиозный политический переворот конца XVIII века!* был вызван не отдельными случайными политическими событиями, а тем, что политический строй, раньше соответствовавший внутреннему соотношению общественных сил, перестал соответствовать этому последнему. Политическая революция была естественным следствием общественных перемен, медленно совершавшихся на протяжении нескольких веков.

Но так как феодальная система, основанная на преобладании военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системе, то феодализм не может перейти в высшую общественную фазу без промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть некоторая переходная система — метафизическая. Политический и общественный строй, вышедший из революции, — парламентаризм — и является такой переходной системой. Парламентаризм есть метафизическое создание юристов и философов, чуждых положительной науке. Этот образ правления не открыт из изучения общественного развития, а придуман метафизиками, поставившими себе совершенно ненаучную задачу — изобрести идеальное политическое устройство. Действительно, что такое знаменитая декларация прав человека, как не применение высшей метафизики к высшей юриспруденции?

Но европейское общество не достигнет внутреннего мира, пока революция не будет завершена. До сих пор революция только разрушала — теперь она должна созидать. Метафизический переходный период должен закончиться возникновением нового политического и общественного порядка, гармонирующего с новым состоянием общества. Этим строем будущего должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться в руках ученых, а светская перейти в руки фактических руководителей производства — предпринимателей, промышленников. «Истинная конституция, — говорит Сен-Симон, — не может быть изобретена — она должна быть открыта. Истинным законодателем является не король и не законодательные собрания. Таким законодателем следует считать философа, изучающего движение цивилизации и резюмирующего свои наблюдения в общественном законе, который и становится руководящим принципом законодательства». Конституция прочна только тогда, когда она выражает собой внутреннее состояние общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признание или, говоря иначе, законодательная санкция господствующих в обществе сил и есть то, что называют конституцией, которая, в противном случае, является только метафизической мечтой. Так, напр., палата лордов в Англии есть действительная

политическая сила, так как лорды выражают собой характерную черту английского социального строя — именно, концентрацию земельной собственности в руках немногих лиц. Значение палаты лордов в Англии основывается не на теориях политического равновесия и тому подобных метафизических измышлениях, а на реальном факте — на факте существования общественной силы, которая находит себе выражение в этом учреждении. Напротив, во Франции, где палата пэров была придумана по политическим соображениям, это учреждение не имеет никакого значения, потому что за ним не скрывается никакой общественной силы. Поэтому и конституция Франции должна быть иная, чем конституция Англии. Королевская власть должна опираться во Франции на те общественные классы, которые во Франции действительно преобладают, т.е. на промышленников и ученых.

Читателю, незнакомому с состоянием исторической науки в начале XIX века, трудно достойным образом оценить значение нового освещения, в котором выступает у Сен-Симона история Европы. Как остроумно указание Сен-Симона на связь политического устройства с состоянием внутренних сил данного общественного организма. И как глубока и блестяща его критика французской конституции! Знаменитый социологический «закон» развития человеческого ума — прохождение всяким человеческим знанием трех стадий: теологической, метафизической и позитивной — этот «закон», открытием которого так гордился Огюст Конт и который был положен им в основу «позитивной философии», — был формулирован гораздо раньше вполне отчетливо не кем иным, как Сен-Симоном. Вообще, все основные идеи «позитивной философии» были заимствованы Контом у Сен-Симона, к которому Конт обнаружил впоследствии такую низкую неблагодарность.

Так называемое материалистическое понимание истории, связываемое обыкновенно с именем Маркса, также нашло себе задолго до Маркса гениального выразителя в Сен-Симоне. Правда, автор «Нового христианства» был, в противоположность Марксу, не монистом, а дуалистом: он не считал эволюцию хозяйства единственным решающим моментом общественной эволюции и рядом с развитием хозяйства ставил в качестве самостоятельной движущей силы прогресса развитие человеческого знания. Но это не мешало Сен-Симону ничуть не хуже Маркса подмечать экономические причины исторических событий. Таково, например, его материалистическое объяснение причин великой революции; всем последующим историкам оставалось в этой области только дополнять и развивать идеи нашего мыслителя.

Значение классовой борьбы в истории также было понято Сен-Симоном. В «Catéchisme des Industriels» наш философ изображает французскую историю как борьбу землевладельческой аристократии с промышленным классом. Королевская власть со времени Людовика XI¹ примкнула к промышленникам (городским общинам); это и дало ей успех в борьбе с феодалами. Но Людовик XIV² и его пресмнники изменили старинной политике фран-

цузских королей и заключили союз с феодалами против промышленников, что и повело к революции. В новейшее время промышленники распались, в свою очередь, на два класса. Из их среды выделились денежные капиталисты, банкиры, составившие новую денежную аристократию, столь же враждебную остальной трудящейся массе промышленных классов, как и старая земельная аристократия. Таким образом создан антагонизм владения и труда. Денежная аристократия вместе с юристами образует в настоящее время средний класс общества, составляющий опору либеральной партии. Революция пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгом либералов по отношению к правительству является «*ôte-toi de la que je m'y mette*» («освободи мне место, чтобы я его занял»). Партия промышленников не имеет ничего общего с либералами. Ее задачи заключаются в создании нового хозяйственного и общественного строя, в котором работающие классы займут господствующее место, соответствующее их преобладающей роли в создании богатства и знания. Все существовавшие до сих пор общественные системы основывались на господстве человека над человеком, монополиях, привилегиях. Напротив, промышленная система должна уничтожить всякие общественные привилегии и доставить возможность совершенно свободного развития человеческих способностей, труда и таланта.

Но кого же понимает Сен-Симон под названием «промышленников», в защиту которых он возвышает свой голос? Здесь господствует в воззрениях нашего философа значительная неясность, зависевшая от того, что, выступивши с совершенно новыми воззрениями на природу общественных отношений, он не довел своей мысли до конца и остановился на полдороге. Он понимал социальные антагонизмы и угадал значение классовой борьбы; но как ни глубоко проникала его мысль, глубочайшего антагонизма современного общества — антагонизма труда и капитала — он не усматривал с полной ясностью. Под промышленными классами общества Сен-Симон обыкновенно разумеет не только рабочих, но и предпринимателей-капиталистов, противопоставляя и тех и других классу землевладельцев и праздных капиталистов, к которым он причисляет представителей денежного капитала. Таким образом, в корне всех рассуждений Сен-Симона об отношениях общественных классов лежала некоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность делать из этих рассуждений диаметрально противоположные выводы. Смотри по тому, кого считать промышленниками — капиталистов или рабочих, можно было истолковать его идеи в смысле, благоприятном представителям труда или капитала. Но не подлежит сомнению, что сам Сен-Симон, по мере большего и большего углубления в природу современного общества, все более и более суживал понятие «промышленников» представителями уиственного и физического труда.

Так, в своем последнем предсмертном сочинении «*Nouveau Christianisme*» он следующим образом формулирует основную за-

поведь своей религии — преобразованного христианства: «Религия должна направлять общество к высокой цели возможно скорого улучшения участи самого бедного и самого многочисленного общественного класса». Эта заповедь должна быть положена в основу всех общественных учреждений. Недостатком существующих религиозных систем является то, что они не преследуют цели улучшения участи бедняков.

Но не только в «Nouveau Christianisme» Сен-Симон признавал важнейшей задачей общества помощь беднейшему классу. В том же смысле он высказывался и раньше. Так, в «Промышленной системе» Сен-Симон говорит, что государство должно, прежде всего, позаботиться об «обеспечении участи пролетариев, причем работоспособным должна быть гарантирована работа, а неспособным к работе — содержание». Правда, средства достижения этой цели не выяснены у Сен-Симона. Может показаться странным, что, становясь на сторону пролетариев, Сен-Симон приглашает передать правление страной предпринимателям. Но странность эта вполне объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочих во Франции эпохи реставрации. В это время мелкое производство еще решительно преобладало в стране, и экономический антагонизм труда и капитала маскировался политическим антагонизмом старинной феодальной аристократии и привилегированных классов, с одной стороны, и труда, включая сюда как буржуазию, так и рабочих, с другой.

Свои воззрения на относительную социальную ценность различных общественных классов Сен-Симон выразил в красивом сравнении: «Часто сравнивают общество с пирамидой. Действительно, общество походит на пирамиду, построенную из различных материалов, достоинство которых тем ниже, чем дальше удален данный слой от основания и чем он ближе к вершине. Основание общественной пирамиды состоит из гранита, затем идет несколько слоев также ценного материала, но верхняя ее часть, поддерживающая прекрасный бриллиант, есть не что иное, как позолоченный гипс. Основание пирамиды образуют производительные рабочие; первые слои над ними слагаются из предпринимателей, ученых, артистов. Высшие же слои, — позолота которых не может скрыть того, что они простой гипс, — это придворные, аристократия разного рода, старая и новая, праздные люди, кто бы они ни были, все участники правительства, начиная от первого министра и кончая последним чиновником. Прекрасный же бриллиант, венчающий пирамиду, — это королевская власть».

Мы изложили, в общих чертах, учение Сен-Симона. Весьма возможно, что читатель спросит: почему же мы называем этого замечательного мыслителя утопистом и в чем заключалась его утопия? На это можно ответить, что воззрения Сен-Симона представляют собой изумительнейшую смесь самых трезвых, реалистических построений с порывами самой необузданной фантазии. Что может быть утопичнее его приглашения открыть подписку над могилой Ньютона и таким путем преобразовать мир? Или его позд-

нейшие мечты о передаче духовной власти ученым, а светской — промышленникам? Правда, он не создал таких детальных планов будущего общественного устройства, какие мы находим у других утопистов, напр., у Оуэна или Фурье. Не кто иной, как Сен-Симон, признал глубокую истину, что конституция государства должна быть не изобретена, а открыта. Но всякий, знакомый с сочинениями великого мыслителя, согласится, что сам автор не был верен своему тезису. Фантазия постоянно влекла его к мечте и утопии. Экстаз был привычным состоянием души Сен-Симона, а в состоянии экстаза легче создавать воздушные замки, чем готовить кирпичи для жилых построек.

Отвращение Сен-Симона к организованной политической борьбе и вообще к политике также сближает его с другими утопистами. Как Оуэн обращался со своими проектами к государям Европы, так и Сен-Симон упорно пытался убедить Людовика XVIII¹, что собственный интерес французской монархии требует отождествить ее дело с делом всего народа. Наш утопист не понимал, что политика королевской власти диктуется только реальным соотношением общественных сил, тесно связавшим во Франции дело Бурбонов с феодальной аристократией. Подобно Оуэну, Сен-Симон признавал только один путь социального преобразования — путь мирной пропаганды новых идей. «Новое христианство» достигнет господства так же, как и старое, — силой внутренней правды и высшей красоты своего учения. «Новые христиане могут стать мучениками, но они никогда не будут палачами». Богатые классы сами придут к убеждению, что их интересы не пострадают от преобразования общества на началах новой заповеди — «улучшения участи беднейшего класса», так как при новом общественном устройстве, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшению человечества, выиграют все классы населения.

Но, однако, в чем же заключается этот новый общественный строй, эта промышленная система, апостолом которой выступил Сен-Симон? Сам он не дал на это ясного ответа.

И если бы он не оставил после себя школы, продолжившей дело учителя, то сен-симонизм следовало бы считать скорее замечательной историко-философской теорией, чем определенной социалистической доктриной.

Умирая, Сен-Симон сказал ученикам, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обеспечить всем людям возможно большее развитие их способностей, и указал способ, которым можно достигнуть этого, а именно — организацией особой партии рабочих. Завещание это было воспринято небольшой кучкой учеников, обладавших тем даром, который Сен-Симон ценил выше всего, — даром энтузиазма. Во главе сен-симонистов стояло двое людей — Базар² и Анфантен³.

Первый был долгое время политическим заговорщиком и одним из вождей так называемых карбонариев⁴. Сделавшись сен-симонистом, он не утратил своего революционного темперамента и

политических интересов. Это была чрезвычайно замечательная личность и по уму, и по характеру. Второй был чужд политической жизни и видел в сен-симонизме преимущественно новое нравственное учение и новую религию. Анфантен был во всех отношениях ниже Базара.

До революции 1830 г.^{1*} сен-симонисты почти не обращали на себя общественного внимания. Но вот трон Бурбонов опрокинут, и Франция должна выбрать себе новый государственный строй. Через несколько дней после революции парижане увидели на стенах домов манифест никому неизвестной школы или секты, подписанный именами «Базар — Анфантен, провозвестники учения Сен-Симона». В манифесте требовалось уничтожение всех привилегий рождения, в том числе и наследственной собственности, провозглашался новый принцип распределения: «от каждого по его способности и каждому по его делам» и возвещалось в пророческом тоне много другого, столь же странного и непонятного. Манифест вызвал удивление и смех, но о сен-симонистах заговорили даже в палате депутатов, где некоторые представители народа сочли весь этот эпизод достаточно серьезным, чтобы обратить внимание правительства на опасность для общественного порядка от пропаганды новой секты.

Первые годы июльской монархии были коротким временем быстрого расцвета и столь же быстрого падения сен-симонистской школы. Восторженная речь, смелые и новые мысли, высказываемые в блестящей и образной форме, указывавшей на душевный подъем и глубокую веру, — все это не могло не заинтересовать публику. Некоторая театральность и искусственность сен-симонистского культа привлекла праздных любопытных. Не только в Париже, но и в провинциальных городах возникло несколько центров сен-симонистской пропаганды. В Тулузе, Монпелье, Дижоне, Лионе, Меце образовались церкви сен-симонистов, тесно связанные с главной церковью в Париже. Проповеди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливых и достаточных людей вошло в общину Сен-Симона. «Оставляя свои занятия, свои стремления к богатству, свои привязанности детства, — говорит Луи Блан^{2*} в своей известной «L'histoire de dix ans», — инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднейшие надежды... Это был опыт религии братства!.. Отсюда отправлялись миссионеры, чтобы сеять слово Сен-Симона по всей Франции, и эти миссионеры везде оставляли свои следы: в салонах, замках, отелях, хижинах. Одними они были встречаемы с энтузиазмом, другими с насмешкой или враждой. Но миссионеры были неутомимы в своей деятельности».

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочие? Отчего о них не упоминает Луи Блан? Исполнилось ли предсказание великого учителя?

Нет. В противоположность оуэнизму, сен-симонизм остался до конца чуждым рабочему классу. Это было чисто интеллигентское

движение, объединившее в себе на некоторое время многих талантливых людей из достаточных классов. Из среды сен-симонистов вышли блестящие ученые, философы, публицисты, — но никакого прямого влияния на рабочее движение сен-симонизм не оказал. Сен-симонизм был слишком аристократичен — отрицая родовую аристократию, Сен-Симон провозгласил аристократию духа — ума и таланта. Гениальный автор «Нового христианства» был чужд практической жизни, и потому из его дела не могло получиться практических результатов.

«Семейство» Сен-Симона получило характер правильно организованной религиозной общины. Анфантен и Базар получили титулы «верховных отцов». Анфантен венчал сен-симонистов, совершал религиозные обряды при погребении. В мастерских общины работало временами до 4.000 человек, а ежегодный бюджет ее превышал 200.000 франков. Но все эти успехи были мимолетны. Уже в конце 1831 г. в «семействе» произошел раскол: верховные отцы — Базар и Анфантен — решительно разошлись по вопросу о положении женщины в новой церкви. Анфантен утверждал, что мужчина и женщина составляют один нераздельный социальный индивид, почему во главе церкви должна стоять пара, из мужчины и женщины. Вместе с тем он провозгласил новое нравственное учение — *réhabilitation de la chair* (восстановление прав плоти). И тело и дух равно прекрасны — чувственность так же законна и нравственна, как и стремления нашего духа. Базар, отказавшийся принять это учение, должен был выйти из «семейства» и скоро умер.

Анфантен остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядом с ним в собраниях общины, красноречиво говорило, что церкви не хватает подруги верховного главы — женщины-первосвященника. Наступает последний и самый грустный период истории сен-симонизма. Возвышенное учение вырождается в смешной фарс. Община повсюду ищет женщины, согласной и достойной занять высокое место матери сен-симонистов. Делается все возможное, чтобы привлечь эту недостижимую и недоступную женщину. К ней обращаются с горячими мольбами в религиозных собраниях, ее ищут на балах, устраиваемых «семейством» специально с этой целью, для ее отыскания устраиваются поездки в разные города Франции. Не мешает заметить, что тот, подругу которого так пламенно искали, — Анфантен был молодым и очень красивым мужчиной, с черными глазами и выразительными чертами лица. В этих поисках расходуются значительные суммы, собранные путем пожертвований разных богатых людей, сочувствовавших сен-симонизму.

Затем следует финансовый крах, и «семейство» оказывается несостоятельным. Но история последних жалких дней сен-симонизма еще не кончена. Несколько десятков оставшихся до конца верными адептов Анфантена удаляются со своим учителем во главе в его наследственное имение Менильмонтан вблизи Парижа и устраивают последнюю сен-симонистскую общину. Не видно,

чем занимались члены этой общины: как кажется, главное внимание было обращено на внешность, которой Анфантен стремился поразить воображение соседей и этим снова привлечь к себе охладевший общественный интерес. Был выдуман для членов «семейства» особый живописный костюм, было обращено особое внимание на куафюру: мужчины носили бороды, что было в то время большой редкостью, и волосы до плеч. Работали мало, но зато тщательно заботились о том, чтобы обставить работу возможно красивее, привлекательнее и эксцентричнее, во время работы пелись особые песни, совершались особые обряды. Живой дух совершенно отлетел от сен-симонизма, и идейное движение утасло среди пошлости и актерства.

Окончание пьесы вышло эффектным: в дело вмешался суд и доставил Анфантену возможность еще раз покрасоваться перед публикой.

Мениймонтанское «семейство» подверглось обвинению в безнравственности и пропагандировании вредных учений. Члены «семейства» отправились в суд, пришедшийся им как нельзя более кстати, живописной процессией со своим «отцом» Анфантеном во главе. Судебный диалог был в таком вкусе.

Председатель (обращаясь к Анфантену). «Не называете ли вы себя отцом человечества?»

Анфантен. «Да, я называю себя отцом человечества».

Председатель. «Не утверждаете ли вы, что вы живой закон?»

Анфантен. «Да, я утверждаю, что я живой закон», и т. д. и т. д.

Анфантен пробовал силу своего взора, который он имел претензию считать неотразимым, на судьях и присяжных. Судьи сердились — Анфантен видел в этом доказательство действительности своих приемов. «Я вас покори!» — обратился он к присяжным. Последние ответили ему присуждением главы и адептов мениймонтанского «семейства» к тюремному заключению.

Этим и закончилась история сен-симонистского «семейства». Но история сен-симонизма как определенного круга идей не завершилась и поныне. Мы уже говорили, что так называемое материалистическое понимание истории есть не что иное, как дальнейшее развитие некоторых мыслей Сен-Симона.

Во главе учеников Сен-Симона стоял, как мыслитель и теоретик, Базар. Он был главным автором коллективного труда школы «Exposition de la doctrine de Saint-Simon»¹. Это в полном смысле слова замечательное произведение, стоящее на уровне лучших работ учителя.

В истории человечества, — говорит Базар, — можно подметить смену двух различных состояний общества, двух различных периодов — органического и критического. В период органический человеческое общество, в своей массе, религиозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей в умах и руководящей деятельностью каждого отдельного человека. Общество образует собой связуемое общей верой целое. В критический период общая вера, религия утрачивается, и общество превраща-

ется в собрание отдельных личностей, преследующих разные цели и потому неминуемо приходящих к столкновению между собой. История показывает, что и органический и критический периоды уже дважды сменяли друг друга. Первый органический период продолжался в древней Греции до возникновения первых философских систем. Политеизм был господствующей религией, признаваемой как высшими, так и низшими классами населения. Политический и социальный строй был так же прочен и устойчив, как и религиозные верования. Но новые философские учения поколебали наивную веру в олимпийцев. Наступил критический период, выразившийся в упадке древней религии и распадении прежнего общественного строя. Христианство снова вернуло человечество в органический период. Опять единая верховная религия подчинила себе ум и душу человека, и люди объединились в одном общем чувстве, в одной общей вере. Средневековый строй был высшим выражением органического периода христианства. Но вот уже несколько веков, как христианство вступило в критический период, начавшийся с Лютера и реформации¹. Французская революция была кульминационным пунктом этого критического периода. Преступный социальный строй, основывавшийся на преобладании церкви и феодальной аристократии, окончательно рухнул. Революция превосходно исполнила свою отрицательную задачу — она нанесла смертельный удар старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нет и нет. Наше время характеризуется общественным разложением, расстройством и анархией во всех областях жизни. Лозунгом нашего времени является знаменитое изречение — *laissez faire, laissez passer*². Экономисты воображали, что личный интерес всегда совпадает с общим интересом. Но это неверно. Разве, например, введение машин не противоречит интересам тех рабочих, которые вытесняются машиной? На это экономисты возражают, что машины приводят к развитию промышленности и в будущем дадут новые источники заработка для населения. Но если бы даже это было верно, — чем будут существовать рабочие в переходное время? Не дождавшись лучшего времени, они умрут от голода. Руководители современного общества провозгласили «*saue qui peut!*» (спасайся, кто может!), — и великая человеческая семья распалась на отдельных лиц, взявших себе девизом: «каждый — за себя, Бог — ни за кого».

Любовь отлетела от людей, и грубый эгоизм воздвигнул свой храм в современном обществе. Религиозное чувство угасло, и с ним вместе исчезла преданность общим интересам. Средние века, несмотря на невежество народа, несмотря на свирепствовавшую национальную вражду, могли подвинуть народы Европы к одной общей великой цели — напр., к освобождению гроба Господня. Теперь такой общей цели нет и быть не может, ибо нет общей веры. Французская революция поставила знак минуса перед всеми членами символа веры средних веков, но нового символа веры не дала.

«Историки, — продолжает Базар, — любят объяснять великие события случайными причинами. Они любят ссылаться на появление гениального человека, случайное научное открытие. Историки не видят в этих фактах следствия общественного состояния, сделавшие данные факты необходимыми, не видят, что каждое развитие есть необходимый результат предшествовавшего развития, каждый новый шаг обусловлен предшествовавшими шагами. Французская революция, с точки зрения таких историков, была вызвана расточительностью двора, легкомыслием Калонна¹, расстройством финансов, причем только самые глубокие из таких историков доводят свои исследования до эпохи разделения Польши². Это-то понимание истории привело к известной поговорке: "Aux grands effets — petites causes" (у великих событий — малые причины). Но история, изучаемая по нашему методу, есть нечто совсем иное, чем волнующий воображение рассказ о драматических фактах прошлого. Для нас история — таблица последовательной смены физиологических состояний человеческого рода, рассматриваемого в своем коллективном существовании. Такая история — точная наука».

Эта история учит нас, что в основе всех известных нам общественных организаций лежала и лежит эксплуатация одних общественных классов другими. На почве этой эксплуатации вырастает классовый антагонизм, проникавший во все времена общественную жизнь. Задача будущего заключается в замене эксплуатации человека эксплуатацией человеком природы, причем начало ассоциации должно заменить начало антагонизма. И эта задача предписывается самой историей, ибо если мы обратимся к истории, то увидим, что область антагонизма постоянно ограничивается, а ассоциации — расширяется. Как ни тягостно современное положение рабочего класса, прежде оно было еще хуже. Современные отношения рабочего к хозяину суть результат долгого развития, первой ступенью которого было рабство. Затем положение раба улучшилось — он превратился в крепостного. Личное освобождение рабочего и переход его к работе по найму были дальнейшим улучшением его участи и уменьшением антагонизма между господствующими и подчиненными классами. История говорит, следовательно, что хотя эксплуатация человека человеком и не исчезла, но все же историческое развитие выражается не ростом, а ослаблением эксплуатации. Современному человечеству остается сделать последний шаг — совсем и навсегда покончить с эксплуатацией. Социальные антагонизмы должны исчезнуть, и начало ассоциации должно стать единственной основой общественного устройства.

На чем же покоится эксплуатация в современном обществе? На это Базар дает категорический ответ: «На господствующей организации права собственности». Обыкновенно думают, что право собственности есть нечто незыблемое и не изменяющееся во времени. Это совсем неверно: право собственности, как и все другие общественные институты, подлежит закону развития. Государст-

венная власть во все времена регулировала право собственности, а также предметы, которые могут быть предметом собственности, а также определяла и самое содержание этого права. Первоначально предметом собственности мог быть человек, теперь человек изъят из области права собственности. Раньше собственность передавалась по завещанию совершенно свободно, затем было учреждено право первородства, и, наконец, французская революция установила равный раздел наследства между детьми. В современном хозяйстве право собственности, в сущности, есть не что иное, как привилегия получения дохода, не основанного на труде, — процента или ренты. Но значение такой привилегии уменьшается по мере прогресса хозяйства благодаря сопутствующему этому прогрессу падению процента на капитал.

Современному обществу предстоит осуществить последнюю и окончательную реформу права собственности, а именно, совсем уничтожить право наследства. Единственным наследником всего национального имущества должно стать государство.

Современный хозяйственный строй покоится на принципе свободы конкуренции. Но свободная конкуренция есть не что иное, как новая форма беспощадной войны всех со всеми. Неограниченное господство свободной конкуренции приводит к подавлению слабых сильными, перепроизводству товаров и промышленным кризисам, от которых всего больше страдают рабочие. Государство должно положить конец этому порядку вещей и заменить господствующую анархию производства планомерной организацией производительных сил общества в интересах многочисленного и беднейшего класса общества — рабочих. Задача эта будет осуществлена, когда в руках государства, как единственного наследника, сосредоточатся все средства производства страны. Тогда государство получит возможность распределять эти средства производства между отдельными группами производителей соответственно способностям и потребностям каждой группы. Верховным принципом распределения будет правило: «от каждого — по его способностям, каждой способности — по ее делам». Более способные и полезные работники должны и получать больше; им должно принадлежать и руководство работами. Распределение средств производства между производителями могло бы совершаться при посредстве центрального национального банка, который должен находиться в тесной связи с местными банками, а через посредство их — со всеми группами производителей.

Социально-политическая программа сен-симонистов была формулирована ими, в сжатой форме, в одной из статей их органа «Le Globe» следующим образом:

«Мы стремимся к уничтожению всех наследственных привилегий, без исключения; мы стремимся к освобождению рабочих и прекращению праздного существования на счет рабочих; мы стремимся к тому, чтобы почет, уважение, благосостояние доставались в удел лишь тем, кто питает общество, просвещает, возвышает его своим вдохновением, — иными словами, производителям, уче-

ным, артистам; мы стремимся к тому, чтобы жатва доставалась тому, кто посеял; чтобы плоды трудов рабочих классов не поглощались праздными классами, ничего не делающими, ничего не знающими, ничего не любящими, кроме самих себя; мы хотим общественного строя, всецело основанного на принципе: от каждого — по его способностям, каждой способности — по ее делам; мы хотим постепенного уничтожения всех налогов, которые труд уплачивает праздности под различными названиями — арендной платы, наемной платы, процента на капитал».

Таково было учение сен-симонистов. Все наиболее существенное, характеризующее современный социализм и в области критики капиталистического строя, и в области положительных требований, было намечено школой Сен-Симона.

III. Фурье¹

Давно замечено, что гениальные люди сплошь и рядом кажутся современникам дураками. И это прискорбное недоразумение, от которого страдают обе стороны, объясняется не только тупостью и ограниченностью людей золотой середины, создающих общественное мнение. Гениальные люди нередко обладают крайне неуравновешенными натурами; их мысль не горит ясным и спокойным пламенем, как у простых талантливых людей, не владеющих высшим небесным даром вдохновения, а дрожит и трепещет, то вспыхивает ослепительным светом, то гаснет и обволакивается дымом. Отличительной чертой гения является бесстрашная смелость мысли, дерзновение, не отступающее ни перед какими трудностями. Это дерзновение открывает гениальному уму великие тайны мира; но оно же может завести и в такие дебри нелепости, в которые никогда не попадут люди здравого смысла, не мудрствующие лукаво и идущие проторенной дорогой. Заметить эти нелепости нетрудно, — и здравый смысл хохочет над глупостью гения.

Таким гением, давшим пищу остроумцам многих поколений, и был Фурье². Высмеять его нетрудно. Он достигал предела нелепости, за которым уже начинается настоящая болезнь — безумие. Он совершенно серьезно утверждал, что через некоторое время морская вода превратится в приятный напиток вроде лимонада, что на земле появятся новые животные — антильвы и антилитигры, которые заменят людям лошадей и будут в несколько часов перевозить седоков из Парижа в Лион, антикиты, которые будут тащить на буксире корабли по морю, и т.п. Он высчитывал, что в будущем социальном строе можно будет погасить весь огромный английский государственный долг половиной куриных яиц, ежегодно производимых в фаланстерах. Все работы по ассенизации и очистке от грязи помещений фаланстера Фурье возлагал на «маленькие орды» (*petites hordes*) детей, которые под предводительством «маленьких ханов» будут добровольно, из любви к грязи и

пачкотне, исполнять эти обязанности, представляющиеся столь мало привлекательными современному человеку.

Самым строгим объяснением всего этого было бы признание Фурье сумасшедшим. Но нет никаких оснований предполагать у него психическую болезнь — во всяком случае, она не проявлялась у него ни в чем ином, кроме сочинительства указанного рода. Все заставляет думать, что автор всех этих небылиц был в медицинском смысле человеком вполне здоровым.

Но если так, то не был ли он просто «идиотом», каким его решительно объявляет известный Евгений Дюринг в своей «Истории национальной экономики и социализма»? Но такой приговор о писателе, могущественно повлиявшем на общественные движения своего времени, создавшем огромную школу, относившуюся к своему учителю с благоговением, писателе, остающемся и поныне, через много десятков лет после смерти, одним из самых славных социальных мыслителей всего мира, — не может затронуть Фурье и свидетельствует лишь о легкомыслии или дурном вкусе самого Дюринга. Только сильный ум может подчинять себе умы других людей, — а этот «идиот» владел, как никто, умами многих и многих тысяч людей, и не просто людей толпы, а лучших и талантливейших представителей человеческого рода не только на своей родине, но и всюду, где шевелилась мысль человека и где жизнь выдвигала те же вопросы, которые волновали и великую душу Фурье.

Нам остается одно: не смущаться странностями и нелепостями, которые мы можем найти на страницах Фурье, и твердо помнить, что писателя следует судить не по тому, что он не дал, а по тому, что он дал. Космогония Фурье — его рассуждения о морском лимонаде и антильвах — никуда не годится. Много слабого, а подчас и детски наивного, смешного содержится и в его социальной доктрине. Но все это не мешает последней быть, наряду с учением Сен-Симона, одним из самых поразительных созданий человеческого гения, какие мы только знаем. Знаменитый германский ученый Лоренц Штейн¹ никак не может быть заподозрен в особом пристрастии к социальному утопизму. И тем не менее, Штейн дает следующую характеристику исторического значения Фурье: «Ни в одной стране, — говорит Штейн, — не появлялось сразу двух таких замечательных людей в истории общества, как Сен-Симон и Фурье. Оба они не были поняты своим временем, оба стремились с непоколебимой верой к своей цели, оба умерли без всякой другой награды за работу своей жизни, кроме внутреннего удовлетворения. Им обоим принадлежит слава стоять на пороге нового времени, сущность и противоречия которого они одни, среди всего своего народа, поняли вполне ясно и заявили об этом с полной определенностью. Им обоим нет места в обычной истории, но, когда будет понята история общества, они займут в ней более почетное место, чем кто-либо иной».

Жизнь Фурье (1762 — 1873) так же скучна и лишена ярких красок, как богата красками жизнь Сен-Симона. О ней совсем не-

чего рассказать. Вся биография его исчерпывается несколькими анекдотами, которые всегда пристают к памяти великих людей и, по большей части, ничего не характеризуют. Мы знаем о Фурье, что он происходил из купеческой семьи, был очень беден, долгое время жил скудным заработком приказчика в лавке и не был женат. Быть может, именно вследствие бессодержательности, однообразия и серого тона его собственной скучной и неинтересной жизни он с такой поразительной яркостью рисовал прелести будущего социального порядка, красоту фаланстера, гармоничную организацию в нем работ, сопровождаемых музыкой, пением, красивыми процессиями, не могущих никогда наскучить и дающих все новую и новую пищу уму и воображению. Читая эти описания, легко понять, как мог Фурье выносить в течение многих лет монотонное существование за купеческим прилавком; его дух был далеко от этого прилавка — от ничтожного мира, в который поместила его судьба, — и он жил в созданном им самим и блещущем всей радугой цветов прекрасном мире будущего.

Первая работа Фурье, «*Théorie des quatre mouvements*»^{1*} (1808), была посвящена, главным образом, его космогоническим мечтаниям, образчики которых мы видели. Тем не менее, уже в этой работе были намечены некоторые мысли относительно нового устройства общества на началах ассоциации, более полно развитые во втором и главном труде Фурье, «*Traité de l'association domestique agricole*»^{2*} (1822). Новая доктрина получила свое завершение в вышедшей через несколько лет его последней большой книге «*Nouveau monde industriel*» (1829). В «Трактате о домашней земледельческой ассоциации» Фурье подробно, до мельчайших деталей, изложил план организации производительно-потребительной ассоциации, ячейки будущего социального строя. Для первого приступа к устройству фаланстера (так назвал Фурье здание, в котором должна найти помещение эта ассоциация будущего) требовалась суцая безделица — миллион франков. Наивный мечтатель напечатал приглашение богатым людям, располагающим деньгами, доставить ему этот миллион. И в течение целого ряда лет Фурье оставался в определенный час дома и ждал мифического капиталиста, долженствовавшего превратить мечты в действительность и дать деньги для постройки первого социального дворца.

Этот капиталист, увы, не явился. Но все же такая горячая вера и такой пламенный призыв не остались без отклика. Вокруг Фурье стали группироваться поклонники и ученики. Среди них нашлись люди достаточные, не располагавшие, впрочем, требуемым миллионом. Один из них имел большое имение и предложил его для устройства фаланстера. Началась постройка здания, но по недостатку средств дело не было доведено до конца. Эта неудачная попытка осуществления на опыте идей Фурье была далеко не единственной. В Америке возникло довольно много общин последователей нашего утописта, просуществовавших, впрочем, недолго

и имевших такой же конец, как знаменитая «Новая Гармония» Оуэна.

Впрочем, если до постройки фаланстера дело и не дошло, то идея устройства огромной производительной ассоциации, живущей в одном здании и сообща организующей свое потребление, не осталась без некоторого практического осуществления. В одном из северных департаментов Франции процветает уже много лет замечательное предприятие такого рода — знаменитый «фамилистер», устроенный горячим поклонником Фурье, богатым фабрикантом Годеном, владевшим крупным металлургическим заводом. Годен построил для рабочих здание, несколько напоминающее по плану фаланстер, и передал на льготных условиях завод и все постройки ассоциации рабочих. Опыт оказался, до известной степени, удачным: правда, большая часть рабочих на заводе в настоящее время не принадлежит к ассоциации и работает по найму, но все же несколько сот рабочих входят в состав ассоциации (всего на заводе рабочих около двух тысяч), и завод идет в коммерческом смысле вполне хорошо, постоянно расширяя свои обороты.

Разумеется, все это бесконечно далеко от проектированных Фурье фаланстеров — еще дальше, чем современные потребительные общества от кооперативных общин Оуэна. Жизнь безжалостно урезывает и искажает утопию. Но даже и в таком искаженном виде утопия не проходит бесследно для жизни, а возвышает и облагораживает ее.

Но сила фурьеризма как общественного движения заключалась не в подобных, в общем, все же неудачных опытах. Фурьеризм стал приобретать значение в политической жизни Франции в конце 30-х годов, после окончательного крушения сен-симонизма. Во главе школы, после смерти учителя, стал талантливый и энергичный Виктор Консидеран¹. Его книга «Destinée Sociale²», выдержавшая 3 издания, является бесспорно лучшим изложением социальной доктрины Фурье, освобожденной от мистического бреда и космогонических и иных нелепостей, присущих сочинениям этого последнего. В 30-х и 40-х годах фурьеристы имели несколько довольно распространенных периодических органов. Фурьеризм был самым влиятельным социалистическим направлением во Франции в эпоху февральской революции³, когда, хотя и на короткое время, парижские рабочие стали господами положения. Революция доставила кратковременное торжество одному из основных правовых требований, выдвинутых школой Фурье, — так называемому праву на работу. Право на работу и организация труда — вот два наиболее популярных лозунга 40-х годов. Что касается до права на работу, то эта идея, без сомнения, принадлежит Фурье, причем выдающуюся роль в распространении ее в массах сыграла книга Консидерана «Théorie du droit de propriété et du droit au travail». Вторая идея — организации труда — исходила от сен-симонистов и была воспринята в 40-х годах многими писателями, в том числе и Луи Бланом, замечательным ученым, историком и общественным деятелем, любимцем парижских

рабочих и одним из членов временного правительства, в руки которого перешла власть после крушения трона Луи-Филиппа.

Одним из первых актов временного правительства было торжественное провозглашение права на работу. Луи Блан, в своей «Истории французской революции 1848 г.» рассказывает следующим образом об обстоятельствах, вызвавших издание знаменитого декрета:

«Во вторник, 25 февраля, мы (члены временного правительства) были заняты обсуждением организации мэрий, как вдруг ратуша наполнилась страшным шумом. С треском распахнулась дверь, и перед нами появился человек с ружьем в руках... Кто его послал? Что ему было нужно? Он заявил, что его послал народ, указал повелительным жестом на переполненную толпой площадь перед ратушей и потребовал, сильно стукнув прикладом ружья о пол, признания права на работу... Ламартин¹ старался успокоить пришельца. С сладкой миной подошел он к нему и пустил в ход все обычные ресурсы своего красноречия. Марш² — так звали рабочего — посмотрел на него с явно нетерпеливым видом. Он еще раз стукнул ружьем о пол и сердито вскричал: "довольно слов!". Я поспешил к ним, отвел Марша к окну и написал тут же, перед ним, следующий декрет, к которому Ледрю Роллен³ прибавил последний пункт:

"Временное правительство французской республики обязуется обеспечить рабочему существование работой".

"Оно обязуется обеспечить работу всем гражданам; оно признает, что рабочие должны образовывать ассоциации между собой для того, чтобы пользоваться плодами своих трудов".

"Временное правительство возвращает рабочим, по праву, миллион, следуемый по цивильному листу королю".

Через несколько дней этот декрет был опубликован в "Монитере". Естественным последствием его была организация временным правительством "национальных мастерских" и разного рода общественных работ в обширных размерах для исполнения взятого государством на себя обязательства — доставить работу безработным, число которых, под влиянием промышленного кризиса и застоя в делах, было громадно. Мы не будем останавливаться на истории национальных мастерских, которые всего менее могут считаться серьезным опытом государственной организации промышленных работ. Как известно, большинство членов временного правительства относилось к мастерским крайне враждебно и только под влиянием страха перед парижскими рабочими признало право на работу и организовало национальные мастерские, имея при этом тайную цель доказать неудачей последних неосуществимость подобных предприятий. Около сотни тысяч парижских рабочих находили небольшой заработок в национальных мастерских, в которых не производилось никакой серьезной работы; дело свелось к тому, что парижский пролетариат просто-напросто получал содержание из средств государственного казначейства, как бы состоял на государственной пенсии. Подобное положение

вещей не могло долго продолжаться, и, как только правительство окрепло, оно поспешило распустить мастерские, что, в свою очередь, повело к страшным июньским дням¹⁾, безнадежному и тем более отчаянному восстанию парижских рабочих, которое было подавлено со свирепостью, исключительной даже для гражданских войн. Наступила реакция, унесшая все социальные завоевания февральской революции, в том числе и право на работу — обязательство, принятое на себя в трудную минуту республиканским правительством, не придававшим этой вынужденной словесной уступке серьезного значения, никогда не думавшим о выполнении своего обязательства, да и не имевшим возможности его выполнить, ибо действительное осуществление права на труд потребовало бы глубочайшего преобразования всего капиталистического хозяйства, для чего время — в эпоху революции 1848 г. — еще далеко не созрело».

В кратковременную, но такую прекрасную революционную весну 1848 г. идеи Фурье были главным ферментом социального брожения. Луи Блан проектировал даже нечто вроде фаланстеров — устройство в Париже, в рабочих кварталах, на государственный счет 4 обширных зданий, в которых могло бы поместиться в каждом до 400 рабочих семейств. В этих зданиях, устроенных не только с комфортом, но даже с роскошью, рабочие должны были пользоваться выгодами потребления в крупных размерах, общественной организации приготовления пищи, отопления, освещения, стирки белья и пр. Проект этот не был осуществлен.

Точно так же влиянию фурьеристских идей следует приписать и энергичное движение того же времени, направленное к учреждению разного рода производительных ассоциаций — организаций рабочих, предпринимающих за свой общий счет, без участия хозяина, производство на продажу или для собственного потребления тех или иных продуктов. В 1848 г. среди французских рабочих возникло более сотни подобных ассоциаций, большинство которых распалось, но некоторые сохранились и до настоящего времени и процветают, утратив, правда, свой первоначальный характер и только тем отличаясь от обыкновенных капиталистических товариществ, что большинство пайщиков их принимает личное участие в работе. Вообще, как показывает опыт, производительные ассоциации рабочих только в том случае могут, не превращаясь в капиталистические товарищества, иметь успех, если они связаны с потребительными обществами. В этом последнем случае производительное предприятие принадлежит на правах собственности потребительному обществу. Рабочие работают по найму общества, являющегося их предпринимателем и хозяином. Поэтому мастерские потребительных обществ (напр., бельгийские кооперативные булочные и пр.) не могут считаться в строгом смысле слова производительными ассоциациями, характерным признаком которых является отсутствие хозяина и работы по найму. Что же касается до собственно производительных ассоциаций, то в развитых капиталистических странах жизнь приводит к

одному из двух: или к крушению предприятия, или же к превращению его в замкнутую компанию пайщиков-хозяев, имеющих наемных рабочих и, следовательно, уже не составляющих производительной ассоциации в чистом виде.

После февральской революции фурьеризм быстро сходит со сцены. Посмотрим же, в чем заключалось это учение, обаяние которого чувствовалось далеко за пределами Франции и отзвуки которого доходили даже до нашей родины.

Мы ставим в стороне все те части доктрины Фурье, которые не имеют непосредственного отношения к социальному вопросу, напр., его космогонию, а также и его хотя и менее фантастичное, но все же не представляющее в настоящее время серьезного научного интереса учение о страстях и движущих силах человеческой души. Сам автор, а также и его ближайшие ученики и последователи, редко бывает справедливым судьей своего дела. Нередко более слабое, но своеобразное и эксцентрическое, заслоняет в глазах школы сильные стороны нового учения, менее бьющие в глаза, но имеющие несравненно большую ценность перед судом исторической критики.

На надгробном памятнике Фурье его верные ученики поместили два изречения учителя, которые в их глазах резюмировали всю его жизнь и его учение:

Les Attractions sont proportionnelles aux Destinées.

La Série distribue les Harmonies.

(Влечения пропорциональны своим назначениям.

Серия распределяет гармонию).

Это кажется чем-то вроде кабалистики. Неужели, действительно, фурьеризм сводится к тому, что «серия распределяет гармонию»? Конечно, нет, — не этими непонятными тезисами, содержание которых, в конце концов, довольно скудно (объяснять его мы не будем, так как это завело бы нас в самые дебри психологического учения Фурье), этот странный человек вызывал в течение многих десятилетий столько энтузиазма, столько благородных чувств, сколько негодования против социального зла и столько веры в лучшее будущее человеческого рода. Нас интересует не историческая оболочка фурьеризма, не странная и крайне неуклюжая форма, в которой это учение появилось на свете, — не «серии», «пivотальные и кардинальные движения», «композиционные, кабалистические и мотыльковые страсти» и прочие излюбленные, но непонятные без длинных разъяснений формулы Фурье. Для нас важно социальное ядро этого учения, и мы постараемся освободить это ядро от твердой скорлупы, в которую оно заключено самим автором.

В социальном учении Фурье одинаково замечательны как критическая, так и положительная часть. Обе части неразрывно связаны между собой и исходят из одного общего положения: человек создан для счастья, и задача общественного устройства сво-

дится к обеспечению ему возможно большей суммы счастья. Несчастье, которое мы видим вокруг себя, зависит не от натуры человека, не от природы, а от недостатков того, что Фурье презрительно называет цивилизацией.

Мы созданы для счастья, и гармоничное удовлетворение всех наших потребностей — как ума, так и тела — должно доставить нам это счастье. Но удовлетворение потребностей невозможно без внешних средств, — иначе говоря, невозможно без *богатства*. Богатство дает свободу делать то, что считаешь самым важным и нужным. Оно есть не только источник чувственных наслаждений, но и необходимое условие, материальная основа для осуществления самых высоких стремлений нашего духа. Богатство — это досуг, владычество над природой. Бедность не только причиняет человеку физические страдания, но она унижает его морально, пригибает к земле, приковывает к оупляющим ум и иссушающим сердце повседневным заботам о куске хлеба, уничтожает чрезмерным физическим трудом всякую возможность упражнять наши высшие способности. Бедность — самое ужасное проклятие человечества, и пока люди не победят бедности, до тех пор они не достигнут и счастья. «Богатство есть первый источник счастья, и материальная свобода есть основа всякой иной свободы».

Как должны мы относиться с этой точки зрения к господствующему социальному строю — цивилизации? Освободила ли цивилизация человечество от бедности? Мы знаем, что нет; огромное большинство человечества страдает ныне от бедности, которая не уменьшается, а увеличивается по мере успехов цивилизации. Первобытный человек был свободнее и богаче современного рабочего.

Но не коренится ли причина бедности в условиях внешней природы, в недостаточности предметов потребления, которыми может располагать общество? Действительно, национальное богатство даже самых богатых стран, сравнительно, очень велико. Если бы весь национальный доход разделить поровну между всеми жителями страны, на долю каждого пришелся бы доход весьма незначительный. Теперь богато лишь меньшинство, а при равном разделении дохода не будет никакого богатого — наступит общее равенство бедности. Это доказывается статистикой даже самых богатых стран. Так, если равномерно распределить национальный доход Франции, то на долю каждого француза придется в день 55 сантимов (20 копеек). Это — настоящая бедность. Не следует ли отсюда, что причины бедности заключаются не в общественном устройстве, а в условиях самой природы?

Отнюдь нет. Действительно, цивилизация способна обеспечить обществу только весьма скудный национальный доход. Но это зависит лишь от недостатков общественного устройства цивилизации. Этот строй частью не утилизирует имеющихся уже общественных производительных сил, частью прямо разрушает их. Цивилизация не удовлетворяет «первому требованию, которое следует предъявить к хорошей социальной организации, — требованию создания возможно большей суммы богатства». Посмотрим же, в

чем заключаются « пороки цивилизации » — особенности современного устройства, приводящие к тому, что общественный продукт так ничтожно мал.

Прежде всего, при господствующей организации общества огромное количество человеческой рабочей силы или пропадает без всякой пользы обществу, или же прямо направляется к разрушению богатства. Цивилизованное общество состоит в своей большей части из непроизводительных элементов. Такими паразитами являются:

1) *Домашние непроизводительные элементы* — женщины, дети и прислуга. « Три четверти городских женщин и половина деревенских должны считаться непроизводительными, так как рабочая сила их утилизируется крайне недостаточно домашним хозяйством ». То же следует сказать « о трех четвертях детей, совершенно бесполезных в городах и мало полезных в деревне », и « трех четвертях домашней прислуги, работа которой, в сущности, бесполезна ».

2) *Социальные непроизводительные элементы*: а) военные всякого рода, « армию держат без всякого производительного дела, пока ее не употребят на дело разрушения »; б) легионы чиновников и служащих по сбору податей; в) « добрая половина промышленных рабочих, признаваемых полезными, но относительно непроизводительных, (ввиду плохого качества изготовляемых ими продуктов) »; г) « 9/10 торговцев и служащих у них »; д) « 2/3 участвующих в транспорте по суше и морю »; е) не имеющие занятий или работы по какой бы то ни было причине; ж) « софисты и пустые болтуны »; з) люди праздные, « так называемые *comme il faut*, проводящие жизнь в ничегонеделании, сюда же входят и лакеи таких людей и вся их прислуга »; и) заключенные в тюрьмах представляют собой класс людей вынужденной праздности; к) и, наконец, все отверженцы современного общества, находящиеся в открытой вражде с ним, — мошенники, игроки, публичные женщины, нищие, воры, разбойники и другие враги общества, « число которых несколько не уменьшается и борьба с которыми требует содержания полиции и администрации, одинаково непроизводительных ».

К числу непроизводительных общественных элементов следует отнести и рабочих « отрицательного производства », служащего не для удовлетворения, естественных потребностей человека, а вызываемого несовершенством господствующей социальной организации. Таким отрицательным производством является, напр., постройка стены, ограждающей сад от воров, рубка леса, необходимого для страны и уничтожаемого жадным собственником, не думающим об общих интересах, устройство нескольких конкурирующих предприятий, когда одного достаточно для удовлетворения данной общественной потребности, и пр. и пр.

Итак, большую часть населения современного государства Фурье относит к числу непроизводительных классов, несколько не содействующих, а иногда и препятствующих созданию общест-

венного богатства!^{1*} При этом обращает на себя внимание, что Фурье признает непроеводительными почти всех служителей торговли. Отрицательное отношение Фурье к торговле объяснялось тем, что в капиталистическом обществе торговля из подчиненного хозяйственного элемента по отношению к производству и потреблению, каковой она должна была бы быть, становится элементом господствующим. Торговец, наряду с ростовщиком, воплощает в себе самые отрицательные стороны капиталистического строя. Торговец ничего не производит, не создает никакой новой ценности, он только покупает и продает; но тем не менее, господствуя над рынком, он держит в своей власти действительного производителя. Так как торговля дает возможность легкой наживы и не требует тяжелого физического труда, необходимого для производства, то торговля притягивает к себе худшие общественные элементы, избегающие производительного труда и жаждущие денег и богатства. Поэтому торговая армия повсеместно быстро растет на счет производительной части общества. Торговля, конечно, исполняет полезную общественную функцию, но плата, которую она требует и получает за это от общества, чрезмерно высока. Улицы всякого большого города пестрят вывесками всевозможных лавок и магазинов; центральные кварталы почти сплошь застраиваются помещениями для торговли. Но есть ли какая-нибудь выгода для общества от того, что рядом с одним магазином вырастает другой, торгующий теми же товарами и за ту же цену и разоряющий первый?

Один магазин так же хорошо удовлетворял общественной потребности, как и два, — второй был ненужен. Гипертрофия торговли есть необходимое следствие свободной конкуренции и составляет крупное общественное зло, приводя к торговым и промышленным кризисам.

Исторически торговля выросла из грабежа и разбоя. Морской торговец древних греков был вместе с тем и пиратом. И до настоящего времени ни у одного класса населения не существует таких растяжимых понятий о чести, дозволенном и недозволенном, как у торговцев. Обман составляет и поныне почти неизбежную принадлежность торговли, показывающую, что цивилизованный коммерсант нашего времени сохранил многие черты духовного сродства со своим отдаленным предком.

Что касается до отверженцев современного общества — преступников всякого рода, то существование этого класса, по мнению Фурье, должно быть всецело поставлено в вину господствующему общественному строю — цивилизации. «Кто решится утверждать, что эти несчастные создания вышли бы такими, каковы они теперь, если бы они были поставлены в благоприятные условия жизни, если бы общество пребывало, по отношению к ним, с самого их детства нежной и предусмотрительной матерью, если бы они нашли воспитание, достаток и интересную работу? Разве над этими существами тяготеет проклятие? Разве они рождены разбойниками, негодьями, проститутками? Но если так, то в чем

же их вина? А если это не так, то следует согласиться, что хорошая социальная организация могла бы сделать этих людей полезными обществу. Нужно не кричать против порока, преступления, зла — уже много тысяч лет мы слышим эти крики, и добродетель могла бы от них охрипнуть. Нужно найти корень зла, открыть общественные причины пороков, преступлений и уничтожить эти причины».

Таким образом, «первая порочная черта цивилизации — это колоссальная потеря человеческой рабочей силы... создание бесчисленных легионов непроизводительных или разрушительных общественных элементов». Этого, однако, мало: цивилизация не умеет утилизировать и тех немногих рабочих, которые заняты производительным трудом.

Всем известны выгоды производства в крупных размерах, — выгоды, зависящие, главным образом, от разделения труда, более полного утилизирования рабочей силы, капитала и применения машин. Но мелкое производство все еще существует даже в самых передовых странах. Особенно страдает от этого земледелие. Во Франции большая часть территории принадлежит мелким хозяйствам — крестьянам. Какую страшную растрату человеческой силы представляет собой современное крестьянское хозяйство!

Раздробленность хозяйства крайне затрудняет всякие общие предприятия, которые нередко необходимы для земледелия, как, напр., ирригация, дренирование почвы, осушение болот и пр.

Если бы эти сотни мелких участков были соединены в одно крупное поместье, если бы вместо этих сотен жалких хижин было построено одно огромное здание, если бы вся земля обрабатывалась сообща, по одному общему плану и за общий счет, всеми этими сотнями производителей, то можно ли сомневаться, что количество собираемых продуктов возросло бы в огромной степени и что та же площадь земли доставила бы несравненно больше богатства своему населению?

Еще очевиднее выгоды крупного производства в промышленности; а так как и здесь мелкое производство еще далеко не исчезло, то, значит, во всех областях хозяйства мы наблюдаем неспособность цивилизации утилизировать наилучшим образом производительные силы общества!».

Но раздробленность производства далеко не единственный недостаток господствующей организации хозяйства. Не меньшим злом является самый характер хозяйственной работы. Работа эта совершенно лишена привлекательности, человек соглашается исполнять ее только под влиянием необходимости, нужды, голода и, разумеется, исполняет крайне плохо. Мы так привыкли к этому, что считаем хозяйственный труд по самому существу чем-то тягостным и неприятным. Причина нашего отвращения к труду коренится, однако, не в самом существе этого рода деятельности, а в неудовлетворительной социальной организации труда, в тяжелой обстановке хозяйственного труда при господстве цивилизации. Не видим ли мы, что люди добровольно, ради наслаждения

деятельностью, берут на себя труды, далеко превосходящие затратой силы самый упорный хозяйственный труд? Охотник-любитель часто утомляет себя более, чем любой наемный рабочий; однако он не тяготится этим трудом. Почему же? Потому что труд соответствует его влечению, начинается и кончается по желанию человека. Всякая работа неприятна, если она исполняется по принуждению; и, наоборот, всякий труд, в том числе и хозяйственный, может доставлять наслаждение, если он не слишком продолжителен, исполняется добровольно и соответствует вкусам и способностям человека.

Непривлекательность хозяйственного труда при господстве цивилизации зависит, следовательно, от плохой организации хозяйства. Рабочий, работающий из-под палки, произведет, конечно, гораздо меньше, чем человек, наслаждающийся самым процессом труда и работающий с увлечением. Итак, вот еще один «порок цивилизации», приводящий к уменьшению общественного продукта.

Но перечень «пороков цивилизации» еще далеко не исчерпан. Всем известно, насколько энергичнее труд собственника труда наемного рабочего. Цивилизация стоит перед альтернативой: или труд собственника и мелкое производство, не дающее возможности пользоваться завоеваниями техники, или крупное производство и плохая, небрежная работа по найму. Соединить выгоды крупного производства с преимуществами работы не по найму, а для себя, в свою пользу, цивилизация оказалась не в силах.

Затем, посмотрим на весь хозяйственный организм цивилизации в его целом. Единственной связью между отдельными хозяйствами является товарный обмен, в области которого царит так называемая свободная конкуренция. Никакого общего плана общественного производства не существует; каждый заботится только о себе и не заботится об остальных. В результате получается не гармония интересов, как утверждают экономисты, а ожесточенная война всех против всех, обогащение одних на счет других, разорение неудачных предпринимателей, банкротства, принимающие массовый характер во время торговых и промышленных кризисов, когда фабрики закрываются одна за другой и рабочие терпят неслыханные лишения.

Все это дает право на заключение, что «господствующая форма общественного устройства противоречит общим интересам как отдельных личностей, так и народов; она истощает и убивает общественный организм... И однако, дело не в недостатке средств для достижения лучшего: земля, капиталы, промышленность, могучая сила машин, искусств и наук, мускулистых рук и мысли человека находятся в распоряжении общества. Весь вопрос сводится к лучшей организации производства. Нужно ее найти, эту организацию, и испытать на опыте. Это великий вопрос судеб человечества, вопрос спасения или гибели, богатства или нищеты, быть может, жизни или смерти современного человечества!»

Итак, мы нашли причины ничтожности общественного богатства, даже у самых богатых народов нашего времени. Причины эти

всцело коренятся в господствующей социальной организации. Она сковывает производительные силы общества, превращает большую часть населения в паразитов, а остальной, производительной части не дает возможности вполне использовать свои силы, создающие, таким образом, только ничтожную долю богатства, которое общество могло бы произвести при лучшей организации. Неудивительно, что при таких условиях бедность должна быть, даже при самом справедливом распределении общественно-го дохода, неизбежным уделом человечества.

Какой же выход из этого безотрадного положения вещей? Фурье находит выход в создании новой социальной организации, план которой выработан им во всех деталях. Но прежде, чем перейти к положительному решению социального вопроса у Фурье, остановимся на философии истории этого оригинального мыслителя.

Жизнь общества, говорит Фурье, подобна жизни отдельного человека. Человечество также переживает детство, достигает зрелости, потом клонится к упадку и смерти. До сих пор человечество еще не пережило детства и далеко от зрелости. Даже период детства еще не закончен. Этот первый фазис развития человечества — фазис детства — слагается из 7-ми периодов:

- 1 — эденизма;
- 2 — дикого состояния;
- 3 — патриархата;
- 4 — варварства;
- 5 — цивилизации;
- 6 — гарантизма;
- 7 — простой ассоциации, зари счастья.

О первом периоде, эденизме, у всех народов сохранились воспоминания как об утраченном золотом веке. В этом периоде земельная собственность еще не существует, природа в изобилии дает человеку свои дары, и потому в человеческом обществе господствует согласие, отсутствуют внутренние раздоры и войны. Образцом такого состояния человечества может служить жизнь таитян и других жителей Полинезии. Человек в этом периоде счастлив, но это состояние не может долго длиться. Увеличение народонаселения мало-помалу приводит к тому, что первоначальное изобилие сменяется голодом. Гармония интересов исчезает, развиваются противообщественные страсти, и первобытная община распадается. Только то чувство, которое необходимо для продолжения человеческого рода, именно семейные привязанности, переживает общее крушение. Это-то чувство и становится узким и ограниченным основанием общества в последующие периоды.

Изобретается оружие, и человечество вступает во второй фазис — фазис дикости. Начинается война. Отдельные семьи соединяются, чтобы увеличить силу своего сопротивления и нападения, и таким образом возникает племя. Промышленность в этом периоде ограничивается охотой, рыбной ловлей и изготовлением оружия. Женщина делается рабой; частной собственности на

землю в этом периоде все еще нет. Все члены племени свободно добывают себе пропитание и пользуются «естественными правами», обеспечивающими им существование. Эти естественные права суть: право свободной охоты, свободной ловли рыбы, свободного собирания плодов и свободной пастьбы скота. Без них невозможна была бы жизнь человека в этом фазисе истории.

Права эти могут, поэтому, рассматриваться как естественное достояние человеческого рода. Что же случилось с этими правами теперь, в цивилизованном состоянии общества? Пользуются ли ими все члены общества? Нет! Но если так, «если социальная организация (нашего времени) лишает этих прав часть граждан, то она должна гарантировать им в обмен некоторый эквивалент, каковым является *право на работу*».

«Пролетарий цивилизованного общества, лишенный, без всякого вознаграждения, своих естественных прав, раздираемый своими обязанностями, присоединяющий к тягостям сегодняшнего дня заботу о завтрашнем, пожираемый беспокойством относительно своей участи и своего семейства, находится, конечно, в гораздо худшем положении, чем дикарь. Неудивительно, что цивилизация противна дикарю». Известно, что дикари не выносят скуки и монотонности цивилизованной жизни, между тем как матросы цивилизованных наций, попавшие к островитянам Полинезии, не хотят возвращаться к себе на родину.

Переход к 3-му и 4-му периодам — патриархату и варварству — вызывается изобретением нового орудия производства — плуга. Охота перестает давать достаточно средств к жизни, возникает земледелие, и вместе с тем частная собственность на землю, которой до этого времени человечество не знало. Человек прикрепляется к земле, образуется государство, земледелие и обрабатывающая промышленность делают первые успехи. Но над всем господствуют люди меча, владычество грубой силы достигает своего апогея. Более слабые находятся в рабстве у более сильных. Приобретает большое влияние класс духовенства; жрецы сосредоточивают в своих руках знания и искусства своего времени и начинают исследовать природу. Храмы являются колыбелью науки. Правда, жрецы стремятся скрыть знания от людей, но это им не удается. Развитие науки приводит к новому периоду истории человечества, цивилизации.

В этом периоде мы находимся в настоящее время. Рабство сначала заменяется крепостным правом, а затем рабочий получает личную свободу; женщина выходит из гарема, и ее гражданские права все более приравниваются к правам мужчины.

«Историческая задача цивилизации — создание наук, искусств и крупной промышленности. Цивилизация преобразовала технику производства, поставив ее на научную почву. Естествознание становится, благодаря цивилизации, базисом промышленности. Но вследствие вышеуказанных коренных пороков, присущих цивилизации как особой форме социальной организации, успехи наук и

промышленности покупаются крайне тяжелой ценой — ценой счастья большинства населения.

«Цивилизация — не конечный фазис истории человечества, а лишь промежуточный между варварством и ассоциацией. Можно заметить два периода в движении цивилизации — восходящий и нисходящий. Мы находимся в нисходящем периоде, в периоде отживания господствующего социального строя и рождения нового. Признаки упадка старого и могучего роста нового видны всюду. Отличительной чертой цивилизации является господство частной собственности, единоличного предпринимательства и свободной конкуренции. Но что мы видим теперь? Везде растут ассоциации капитала, под названием акционерных компаний. Везде мелкая собственность, мелкое производство экспроприируются крупным капиталом и создаются новые монополии. Свободная конкуренция становится пустым звуком. Могущество крупных капиталов, умноженное слиянием их в акционерные компании, раздавливает, при помощи машин и приемов крупного производства, средних и мелких промышленников и торговцев. Пролетариат и пауперизм идут вперед гигантскими шагами. И так как капиталисты живут в городах, то в городах раньше всего и достигает господства промышленный феодализм и обнаруживаются раньше всего его губительные последствия; в городах скопляются массы пролетариев, живущих изо дня в день без всякой связи с хозяином, соединявшей в былые времена сеньора и вассала. Батальоны нищеты угрожают цивилизации».

В восходящем периоде цивилизации революции имеют политический характер; в нисходящем «революция принимает характер социальный; дело идет не о форме правления, а о форме собственности и самом праве собственности. Дело идет о глубочайшей основе социального устройства».

Новый социальный строй естественно, сам собой, развивается в недрах старого. Собственность меняет свою форму: «из индивидуальной, простой и исключительной она становится акционерной, сложной и общественной». Производство становится общественным благодаря поглощению мелкого производства крупным, которое начинается в промышленности, но затем должно распространиться и на сельское хозяйство. Цивилизованные страны идут к тому, чтобы превратиться в огромную территорию, эксплуатируемую и утилизируемую рабочими массами в интересах небольшой кучки всемогущих собственников.

«Капиталы неудержимо следуют закону взаимного притяжения. Тяготая друг к другу пропорционально своим массам, общественные богатства все более концентрируются в руках крупных собственников. Иначе и быть не может при общей раздробленности интересов, потому что мелкая мануфактура, мелкая фабрика не могут бороться с крупной мануфактурой, крупной фабрикой; потому что мелкое земледелие, все более и более раздробляясь, не может бороться с крупным земледелием, с его орудиями производства, капиталами, объединенным производством; потому что

все открытия наук и искусств суть, фактически, монополия богатых классов и постоянно увеличивают могущество этих классов; потому что, наконец, капиталы увеличивают силу того, кто обладает ими, и раздавливают того, кто ими не обладает... Современное социальное движение экспроприрует все более и более низшие и беднейшие классы в интересах высших и богатых классов... Пролетариат и пауперизм возрастают вместе с населением и даже быстрее его, вместе с прогрессом промышленности... Конкуренция рабочих связывает пролетария по рукам и ногам и передает его во власть новых владык (капиталистов); народные массы становятся новыми крепостными». И однако, равенство перед законом остается первым параграфом конституции; все различные виды свободы — свобода личности, свобода совести, свобода печати — остаются неприкосновенными...

Такова данная Фурье, поистине гениальная (несмотря на свои преувеличения), характеристика социального развития нашего времени. Правда, история не оправдала этих мрачных предсказаний; темные краски наложены в этой замечательной картине слишком густо, и общая концепция развития слишком схематична. Жизнь частью опровергла эту схему, частью усложнила ее. Но как мало осталось Марксу прибавить к схеме Фурье, чтобы создать свое знаменитое учение о законах развития капиталистического хозяйства!

Переходом к новому социальному строю является «гарантизм» — период урегулированного капиталистического хозяйства, как сказали бы мы теперь. В этом периоде, который еще не наступил, крупное капиталистическое производство окончательно разрушит мелкое, и явится возможность планомерной организации общественного производства под руководством крупных капиталистических компаний. Это вызовет огромное увеличение общественного богатства. В то же время, отношения труда и капитала приблизятся к характеру ассоциации благодаря распространению таких форм оплаты труда, как участие рабочих в прибылях. Собственность, благодаря полному господству коллективного предпринимательства, примет социальный характер, и таким образом мало-помалу создадутся условия для социального строя будущего — ассоциации.

Какой же социальный строй придет на смену цивилизации? Ячейкой его будет организованная община, коммуна. Коммуна и в современном обществе является самым важным социальным элементом; но она не организована, и потому общественное хозяйство идет так плохо. Коммуны — это камни, из которых строится общественное здание. Если камни не отесаны, не пригнаны друг к другу, то для их скрепления нужно много цемента; напротив, для хорошо отесанных камней не требуется большого количества скрепляющего материала — они держатся собственной тяжестью. При дурном устройстве или полном нестройстве коммуны требуется много чиновников, сильная правительственная власть, сложная администрация, для того чтобы общественная машина могла

работать; при хорошем устройстве коммуны правительству останется мало дела. Коммуна создает богатство, — вот почему и главное внимание социальных реформаторов должно быть обращено на коммуны. Отсюда ясна бессодержательность политических революций, направленных на преобразование формы правления и оставляющих незатронутым самый важный социальный элемент — коммуны.

Важнейшей задачей всякой общественной организации является создание богатства, материальной основы прогресса. Социальный вопрос сводится к такой организации коммуны, при которой возможно было бы наибольшее производство богатства. Для этого требуется достигнуть гармонического соединения в коммуне трех факторов производства — земли, труда и капитала.

Если мы обратим внимание на организацию хозяйства в современном обществе, то увидим, что в нем имеются два различных вида хозяйства: крупное — при помощи наемного труда и мелкое — при помощи труда собственников. И тот и другой вид хозяйства имеют свои недостатки и достоинства. Крупное хозяйство выше в техническом отношении, но зато в нем рабочий не заинтересован в результатах труда и работает плохо. Мелкое хозяйство стоит на низком техническом уровне, но зато в нем человек трудится для самого себя.

Задача в том, чтобы воспользоваться преимуществами крупного производства и не утратить выгод мелкого. Образцовая коммуна должна удовлетворять поэтому следующим требованиям: 1) собственность не должна быть в ней раздроблена; 2) все земельные участки коммуны и все отрасли промышленности должны эксплуатироваться под руководством одной власти; 3) система наемного труда, при которой рабочий не заинтересован в продуктах своего труда, должна быть заменена системой общего участия всех в общем продукте пропорционально участию каждого в производстве.

Нужно создать ассоциацию нескольких сот семей (Фурье берет 400 семейств), которая могла бы совместно вести хозяйство. Для этого не требуется экспроприировать кого бы то ни было. Собственник не лишается своей собственности, он получает акции, доход которых, по расчетам Фурье, будет несравненно выше, чем доход с собственности при индивидуальном владении.

Такую коммуны, организованную согласно его плану, Фурье называет фалангой, а социальный дворец, который предназначен для жизни членов фаланги, — фаланстером.

Хозяйство фаланги не должно иметь характера коммунизма. Коммунизм стремится к полному равенству, отрицает права капитала и таланта и признает только права труда. Коммунизм рассчитывает достигнуть общего довольства не путем гармонического развития всех страстей человека, а путем подавления некоторых из них, притом наиболее содействующих материальному и интеллектуальному прогрессу, каковы стремление к превосходству, честолюбие, жажда богатства и пр.

Основная идея коммунизма есть не более, как половина социальной идеи, — именно, принцип коллективности ассоциации, и притом в своей грубой, неразвитой форме, точно так же, как основная идея современного строя — принцип индивидуализма — есть другая половина социальной идеи. Гармоничное соединение этих двух несовершенных элементов в высшей и сложной комбинации должно стать основной идеей ассоциации будущего, фаланги.

Мы уже сказали, что в фаланге частная собственность отнюдь не уничтожается, но только принимает иную форму — форму права участия в общих доходах, а не права исключительного пользования тем или иным орудием производства. Последнее право, естественно, отпадает, так как производство в фаланге ведется сообща: предметы потребления могут быть, однако, объектом индивидуальной собственности. Вообще, индивидуальная свобода в фаланстере не испытывает никакого ограничения. Каждый живет так, как хочет, может обедать в своем собственном углу и не принимать участия в общих обедах, если этого пожелает, хотя собственная выгода и должна побуждать его к участию в коллективной организации потребления, которая представляет такие же огромные преимущества, как и коллективная организация производства. Именно ввиду выгодности производства и потребления в крупных размерах и то и другое будет организовано в фаланстере на коллективных началах.

Фурье подробно описывает, какие огромные сбережения получатся, если сотни отдельных маленьких кухонь будут заменены одной огромной кухней в фаланстере, если сотни прачечных, кладовых, подвалов будут соединены в одно огромное целое в будущей коммуне. Политико-экономы относятся обыкновенно с презрением к организации домашнего хозяйства: это кажется им делом мелким, тривиальным. На самом же деле трудно и оценить, какая масса капитала и труда бесполезно растрачивается благодаря раздроблению потребления.

Что касается до преимуществ коллективного производства, как оно будет организовано в фаланге, то выгоды его должны быть еще больше. Всем известно, что крупная промышленность вытесняет мелкую именно благодаря большей производительности труда в крупном производстве. Но фаланга будет иметь одно важное преимущество перед современным крупным предприятием: ей будет выгодно вводить такие машины, такие усовершенствованные приемы производства, которые не могут быть усвоены современной промышленностью потому, что этому препятствует низкая заработная плата (делающая ручную работу более дешевым способом производства, чем машинную) и сопротивление рабочих введению новых машин. Машина перестанет быть врагом человека, каким она является при современном несовершенном устройстве общества, и станет его помощником и слугою.

Точно так же будет преобразовано и земледелие. Соединение в фаланстере земледелия с промышленностью даст возможность из-

бежать еще одного огромного недостатка хозяйственного устройства цивилизации, именно — вынужденной праздности земледельца в зимнее время.

Наконец, в области торговли преимущества фаланги не менее очевидны. Покупки в розницу, небольшими партиями, через частые промежутки, при огромной затрате времени, будут заменены правильно организованным приобретением продуктов, нужных для фаланги, и таковым же сбытом ее собственных произведений.

Все эти огромные сбережения дадут возможность достигнуть, при гармоничном устройстве общества, таких степеней богатства, о которых мы теперь и не мечтаем. На месте теперешних хижин будут воздвигнуты роскошные дворцы. Фурье с особенною любовью останавливается над описанием социального дворца будущего, фаланстера.

Это прекрасное здание, план которого Фурье дает во всех мельчайших деталях. Фаланстер окружен садами, рядом с ним помещаются промышленные мастерские, сельскохозяйственные постройки, распланированные таким образом, чтобы не портить общего вида. Сам фаланстер и все хозяйственные постройки соединены закрытой галереей, каналом, по которому циркулирует жизнь фаланги. Галерея эта широка и просторна, обставлена тропическими цветами, полна света и воздуха; в ней устраиваются общественные собрания, выставки, балы, концерты. В фаланстере помещается храм и театр.

Каждый выбирает себе в фаланстере квартиру по своему вкусу, причем предоставляется усмотрению каждого меблировать ее собственной мебелью или получать обстановку от фаланги за известную плату.

Каким же образом должна быть организована работа фаланги? Вопрос этот является основным для всей системы Фурье, и в разрешении его наш автор проявляет наибольшую оригинальность. Не забудьте, что Фурье не признает вредных страстей или влечений. Человек устроен таким образом, что все его страсти естественно образуют гармоничный ряд. Наши страсти суть элемент неизменяемый и постоянный, а общественные формы — преходящий и изменчивый. Поэтому не страсти людей должны приспособляться к общественному устройству, а социальное устройство должно быть таково, чтобы страсти человека направлялись не во вред обществу, а на пользу ему. Соответственно этому принципу — представления полной свободы всем страстям и стремлениям человека — должен быть организован и труд в фаланге. В ней должна быть для всех членов фаланги полная свобода в выборе занятий. Прирожденные способности, симпатии, привычки, знания определяют, какое занятие изберет себе каждый член фаланги.

Так как все работы фаланги будут совершаться сообща, то, естественно, возникнут группы рабочих, занимающихся тем или иным делом. Чтобы объяснить, каким образом возникнут группы, Фурье указывает на детей. Возьмите любую гимназию или пансион. Какое зрелище представляют собою школьники в то время,

когда они свободны от занятий? Одни не разбредаются порознь, но среди них сами собой возникают группы. Одни заняты одною игрою, другие — другою, одни — одним делом, другие — другим. Каждый присоединяется к той группе, которая кажется ему наиболее привлекательной.

То же самое должно происходить и среди взрослых людей, если они будут предоставлены собственным влечениям, если над ними не будет висеть внешней силы, противодействующей этим влечениям. Современная организация труда, делающая невозможной такую естественную группировку рабочих, уже по одному этому должна быть признана никуда негодной. Она порождает отвращение к труду, являющееся такой характерной чертой нашей эпохи. Гармоничная община будет в этом отношении противоположно современному строю. Каждый будет выбирать себе занятие по вкусу, присоединяется к той группе, которая ему всего более нравится.

Обыкновенно думают, что существуют известные роды труда, которые по самому своему характеру неприятны для человека. Мы уже говорили, что это неверно. Труд Данаид¹ не может быть привлекательным, но не потому, что он требует исключительных усилий, а потому, что он безрезультатен. Высшая задача социальной организации — полное и гармоничное развитие сил человека — будет разрешена только тогда, когда будет открыто средство сделать всякий труд привлекательным. А это и будет осуществлено в фаланге. Каждая группа производителей фаланстера работает сряду не более 2-х часов. Как только труд становится утомителен и теряет свою привлекательность, группа прекращает работу, ее члены входят в состав новых групп и с новой энергией принимаются за новую работу.

То, что теперь называют ленью, в сущности есть не что иное, как отвращение к однообразной, монотонной работе; это отвращение, точно так же, как и честолюбие и жажда первенства, будут не ослаблять, а усиливать энергию труда в фаланстере. Те силы, которые в цивилизованном обществе действуют разрушительно, в фаланге будут служить общим интересам.

Каким же образом будет совершаться распределение продуктов в фаланге? Весь продукт будет делиться на 3 неравные части: $5/12$ будет идти труду, $4/12$ — капиталу и $3/12$ — на вознаграждение таланта. Хотя все работы будут производиться сообща, равенства вознаграждения в фаланстере не будет. Каждый будет получать соразмерно своему участию в производстве. И хотя, сравнительно с современным состоянием, доход от труда возрастет в гораздо большей степени, чем доход от капитала, тем не менее и капиталисты не потерпят никакого убытка. Доход рабочих увеличится в 6—8 раз, а капиталистов — в 3—4 раза. Сверх того, во много раз увеличится вознаграждение таланта.

Мы не будем останавливаться над описаниями прелести жизни в фаланстере, которые так увлекали самого Фурье и его учеников. Наш утопист рисует эту жизнь как постоянный светлый и ра-

достный праздник, которого не будут омрачать никакие тени, никакое страдание, никакой диссонанс. И все это будет достигнуто благодаря тому, что организация производства и потребления в крупных размерах, вместе с увеличением энергии труда вследствие его привлекательности, дадут человечеству столько богатства, что люди не будут испытывать ни в чем недостатка!

Как только возникнет первая фаланга, гармоничность устройства ее подействует так завлекательно на остальное население, что мало-помалу, без всякого насилия и принуждения, сами собою начнут возникать новые и новые фаланги. Постепенно они покроют весь мир, сделают плодородной Сахару и заселят пустыни Сибири. Настанет земной рай, — и человек благословит свою судьбу: люди убедятся на опыте, что их удел на земле — счастье, полное, глубокое, безграничное, ибо несчастье, горе, зло коренятся не в человеческой природе, а в несовершенствах социальной организации...

Научное значение всей этой утопии заключается в том, что Фурье в яркой и выпуклой форме показал, в каких огромных размерах возможно увеличение общественного богатства при планомерной организации производительных сил общества. Фурье сделал популярной идею широкой производительной и потребительской ассоциации, охватывающей все стороны человеческой жизни. В своей утопии Фурье выше Сен-Симона и его школы. Сен-симонисты не могли выработать определенного плана устройства нового социального мира, а план Фурье был так тщательно разработан в деталях, казался таким практичным и осуществимым, обещал так много, что общественное влияние Фурье не могло не быть более глубоким, чем влияние Сен-Симона. Первый был скорее изобретателем, второй — исследователем. Фурье влиял на массы, а Сен-Симон на избранных. Что касается до чисто критической части учения Фурье, то и она заключала в себе много глубокого и замечательного. В ней замечается много общего со взглядами Сен-Симона, хотя не подлежит сомнению, что оба великих социалиста выработали свои системы совершенно независимо друг от друга.

Несмотря на остроту своего критического взгляда, Фурье остается, в общем, утопистом. В своих социальных построениях он совершенно обходит глубочайший антагонизм нашего времени — антагонизм труда и капитала — и предается утопической надежде гармонически соединить оба эти враждебные общественные элементы в строе будущего. С точки зрения Фурье, указанный антагонизм не имеет значения, так как ассоциация будущего — фаланга — обладает такими колоссальными производительными силами, что богатства хватит на всех. Но в этом и заключалась утопия.

Очерк VI

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

Мы видели, что двум наиболее выдающимся ученикам Смита — Мальтусу и Рикардо — не удалось удержаться на оптимистической позиции своего учителя. Правда, нельзя сказать, чтобы идеализация капиталистического строя в его конкретной исторической действительности, с его ужасающей нищетой и жестокими классовыми противоречиями, была вообще чужда последователям великого шотландца. Даже более — большинство представителей этой школы принадлежало к числу хвалителей капитализма. Но крайне характерно, что единственные, после Смита, замечательные теоретики школы — оба названных экономиста — были решительными социальными пессимистами. Огромное же большинство оптимистов школы Смита не совершило ровно ничего выдающегося в области экономической науки. Они были не столько популяризаторами, сколько вульгаризаторами учения Смита, — и не обнаружили никакого серьезного интереса к разработке экономической теории. Это оптимистическое направление свило себе гнездо, главным образом, во Франции, где оно господствует и поныне, чем и объясняется поразительное бесплодие французской академической экономической науки. Типичнейшим представителем выродившегося экономического либерализма, доведшего до крайней утрировки веру Смита в спасительность свободного обмена, является остроумный и даже блестящий, но крайне поверхностный и не серьезный французский писатель Бастиа^{1*}, автор книги «Экономические гармонии» (1850). Бастиа поставил себе смелую, но недостижимую цель — доказать, что хозяйственный строй, основанный на частной собственности и неограниченной свободе конкуренции, — стихийное, нерегулируемое капиталистическое хозяйство, — приводит не к классовым противоречиям и социальной борьбе, а ко всеобщей экономической и социальной гармонии. Нечего и говорить, что попытка Бастиа не увенчалась успехом. Идеализация капиталистического строя была неизбежна в эпоху Смита, когда этот строй еще не имел времени обнаружить свои темные стороны, но отрицать наличие этих темных сторон после промышленной революции, когда повседневная жизнь прямо вопияла о беспощадной жестокости всеобщей экономической борьбы, развернувшейся во всю ширь под флагом свободы конкуренции и приведшей к порабощению и обнищанию экономически слабейших общественных элементов — большинства населения, — отрицать все это можно было только при умышленном игнорировании всем известных фактов. Самой естественной пози-

цией добросовестного представителя науки, не допускающего возможности иного строя, кроме нерегулируемого товарного хозяйства, был в этом случае социальный пессимизм, к которому и пришли Рикардо и Мальтус.

Но такой пессимизм представлял для друзей существующего порядка значительные опасности в социально-политическом отношении, давая могущественное оружие врагам господствующего социального строя. Разумеется, это соображение не могло повлиять на искреннего и убежденного искателя истины, каким должен быть человек науки — бесстрастной и бесстрашной, не отступающей ни перед какими выводами, сколько бы разочарований они нам ни приносили. Много ли, однако, таких искателей истины среди мира ученых? Ни на одну науку классовые интересы не оказывали такого подавляющего влияния, как на политическую экономию. Неудивительно поэтому, что социальный пессимизм Рикардо и Мальтуса нашел мало сторонников в густой толпе буржуазных экономистов, предпочитавших неблагодарному служению гонимой и преследуемой богине истины — служению, приводящему иногда в храм славы, но только после трудного и исполненного лишений пути, — легкую и приятную дорогу почестей и богатств. Официальная экономическая наука, преподававшаяся с высоты университетской кафедры, долгое время была в руках ученых этого направления, превративших науку в арсенал доводов и соображений в пользу господствующего экономического порядка и в защиту интересов господствующих экономических классов.

Но восхваление существующего, конечно, не могло иметь ничего общего с истинной наукой. Вот почему классическая политическая экономия быстро достигла своего завершения в трудах Рикардо и затем не сделала ни шагу вперед, несмотря на многочисленность экономистов школы свободной торговли. Однако несостоятельность правила *laissez faire* как руководящего принципа экономической политики не могла не обнаружиться даже в глазах тех, кто по своим общественным симпатиям и образу мыслей отнюдь не был склонен к радикальным воззрениям. Мало-помалу среди господствующей политической экономии намечается новое направление, постепенно набиравшее силы и, наконец, поведшее к полному разрыву науки с преданиями смитовской школы. Принцип *laissez faire* теряет кредит и заменяется противоположным началом государственного вмешательства в интересах экономически слабейших классов населения. Идеал неограниченно свободного товарного хозяйства, в который так горячо верил Адам Смит, потерпел полное крушение. В настоящее время разве во Франции находятся защитники во всей его неприкосновенности этого совершенно отжившего идеала. Социальные реформы стоят на знамени большинства современных экономистов. Социально-политическое направление господствует в университетах. С особым блеском оно развернулось в последние три десятилетия в Германии.

Уже гораздо раньше, однако, требование социальных реформ на основе существующего народохозяйственного строя нашло себе замечательного выразителя в лице швейцарского ученого начала XIX века — Симонда де-Сисмонди.

1. Сисмонди

Жан Шарль Леонард Симонд де-Сисмонди (1773—1842) родился в Женеве, в семье протестантского пастора. Революционные бури заставили его на некоторое время покинуть Швейцарию и поселиться в Англии. Большую часть жизни он провел, однако, в деревне, в окрестностях Женевы, где у него было небольшое имение. Он был одним из самых неутомимых научных тружеников, причем его исследования охватили не только политическую экономию, но и общую историю. По объему исторические труды Сисмонди далеко превосходят его экономические сочинения (его «История французов» включает в себе 31 том), но для потомства швейцарский ученый остается, главным образом, экономистом — и одним из самых замечательных первой половины XIX века. Бескорыстная преданность Сисмонди науке ярко обнаружилась в его добровольном отказе от профессуры (ему дважды предлагали кафедру сначала в Виленском университете¹, затем в Париже в Сорбонне, но он предпочел уединенную научную работу в деревне более блестящей и шумной, но оставляющей менее времени для самостоятельного труда деятельности профессора). Таким образом, в лице Сисмонди мы имеем перед собой лучший тип ученого, не гонящегося за внешним успехом и находящего удовлетворение в самом научном труде. Его жизненные впечатления были весьма своеобразны и доставили ему богатый материал для выработки оригинального общественного мировоззрения. Получив воспитание и проведя большую часть жизни в деревенской обстановке, в стране, где господствовало мелкое хозяйство и крестьяне обладали значительной зажиточностью, полюбив этот мир и проникнувшись симпатией к патриархальному строю жизни и старинному экономическому укладу, Сисмонди близко ознакомился с новыми хозяйственными отношениями в Англии, в ту эпоху, когда еще юный, необуздываемый ни государственной властью, ни рабочими организациями капитализм развернул во всю мощь свою сокрушительную силу в стране Аркрайта и Уатта. Мы привыкли в настоящее время к промышленным кризисам, и они никого не поражают. Но для Сисмонди, бывшего в Англии во время жестокого кризиса 1817 г., когда все большие города Англии были полны безработными, буквально умиравшими с голоду, когда повсюду проповедовалось восстание и пламя гражданской войны, казалось, готово было вспыхнуть, чтобы поглотить твердыню капиталистического мира, для Сисмонди промышленный кризис не мог не показаться самым беспощадным осуждением нового хозяйственного строя, какое только можно себе представить. Этот кризис (сыгравший решающую роль в выработке мировоз-

зрения и Оуэна) заставил Сисмонди порвать с его прежними экономическими взглядами, сводившимися к признанию системы Смита венцом человеческой мудрости, и выступить с новым экономическим учением.

Учение это было изложено швейцарским мыслителем в двухтомной работе «Nouveaux principes d'économie politique» (1819) и в значительно более позднем собрании отдельных очерков и статей «Etudes sur l'économie politique» (1837). В предисловии ко второму изданию своих «Новых начал политической экономии» Сисмонди ярко и сжато формулирует различие между своими воззрениями и господствовавшей в то время школы политической экономии. «Я разошелся, — говорит он, — с друзьями, политические воззрения которых разделяю, я обратил внимание на опасность тех нововведений, которые они рекомендуют; я указал, что некоторые учреждения, на которые они долго нападали как на злоупотребления, имели благодетельные последствия, я призывал, наконец, во многих случаях вмешательство общественной власти для регулирования роста богатства, вместо того чтобы свести политическую экономию к принципу более простому и с виду более либеральному — *laissez faire*... Изучение Англии укрепило меня в моих новых началах. Я видел, как в этой изумительной стране, переживающей грандиозное испытание, словно для поучения всего остального мира, производство увеличивалось, а благополучие населения падало. И масса населения, и мыслители этой страны забывают, кажется, что увеличение богатства не есть цель политической экономии, а только средство для доставления счастья всем... Ни в одной стране банкротства не так часты, нигде колоссальные состояния, которых хватило бы на то, чтобы покрыть государственный заем, поддержать империю или республику, не разрушаются с такой быстротой. Все жалуются, что дела редки, трудны и мало прибыльны. Два ужасных кризиса, с промежутком всего в несколько лет, разорили часть банкиров и привели в отчаяние всех английских фабрикантов... Послужило ли национальное богатство, успехи которого бросаются в глаза всякому, на пользу бедному? Отнюдь нет! Народ в Англии лишен довольства настоящим и уверенности в будущем. В деревнях нет более крестьян: их заставили уступить место поденщикам; в городах нет более ремесленников или независимых хозяев маленьких мастерских — есть только фабриканты. Фабричный рабочий не знает, что значит обеспеченное положение; он получает только заработную плату, а так как эта плата не может быть достаточной для него во все времена года, то он почти каждый год принужден просить милостыни у государства».

Эти красноречивые строки достаточно выясняют отношение нашего автора к новому социальному строю, образчик которого он увидел в Англии. Сисмонди не ослеплен ростом национального богатства, вызванным развитием капиталистического способа производства. Успехи эти не отрицаются Сисмонди, но он пробует оценить новый хозяйственный строй не с той точки зрения, с

какой оценивается капитализм школой Смита — с точки зрения роста общей суммы национального богатства, — а с точки зрения благополучия большинства населения. Результаты оценки оказываются крайне неблагоприятными для капитализма. Критика капиталистического строя со стороны Сисмонди имеет то преимущество перед более резкой и глубокой критикой капитализма со стороны Оуэна и Фурье, что она несравненно более документальна, фактически обоснована. Сисмонди приводит массу фактов, ярко рисующих губительное влияние промышленной революции на благосостояние большинства английского народа. Как историк промышленной революции Сисмонди не потерял своего значения и поныне.

Новый хозяйственный строй, получивший наиболее полное развитие в Англии, страдает, по мнению Сисмонди, двумя органическими болезнями: 1) отсутствием равновесия между производством и потреблением и 2) отсутствием равновесия между ростом национального дохода и ростом населения. Оба эти недостатка присущи капиталистической организации хозяйства как таковой; ими объясняются кризисы и бедность массы населения — эти истинные бичи английской народной жизни.

Первая из названных болезней капиталистического строя составляет, по мнению нашего автора, основную причину промышленных кризисов. Теория кризисов Сисмонди в высшей степени замечательна; до настоящего времени большинство экономистов, исследовавших кризисы, повторяют сознательно или бессознательно идеи этого автора.

Главная ошибка Рикардо и Сэ, говорит Сисмонди, заключается в том, что они совершенно игнорируют действительную цель всякого хозяйства. Из их учения выходит, будто цель хозяйственной деятельности заключается в накоплении богатства. Но богатство есть не цель в себе, а только средство для удовлетворения наших потребностей. Конечная цель хозяйства заключается в потреблении. «Сэ и Рикардо пришли к выводу, что потребление не имеет других границ, кроме производства; на самом же деле потребление ограничено доходом...^{1*}. Самое удивительное явление, поражающее нас в революции, переживаемой ныне хозяйством, заключается в чрезмерном росте производительных сил, не соответствующем потребностям рынка, — в избытке предложения товаров и бедности тех, кто путем своей работы создал слишком много богатства. Констатирование этого явления заключает в себе, по-видимому, внутреннее противоречие. Богатство состоит из продуктов труда, как же может быть увеличение богатства — причиной бедности?»

Чтобы понять этот парадокс современной хозяйственной жизни, нужно рассмотреть хозяйственный процесс в его простейшей форме. Богатство каждого отдельного лица, очевидно, измеряется его доходом. Величина дохода определяет высшую границу потребления, допустимого для данного лица; потребление не может перейти этой границы без разрушения капитала — потре-

бительного фонда. Но «нации слагаются из отдельных лиц; то, что верно относительно отдельного лица, должно быть верно и относительно их совокупности. Национальное потребление — по крайней мере, такое потребление, которое может идти непрерывно из года в год, без сокращения национального богатства, — есть не что иное, как потребление всех входящих в состав общества лиц, в пределах, полагаемых доходами этих лиц... Ежегодный доход нации предназначен для обмена на ежегодное национальное производство, путем этого обмена каждый обеспечивает свое потребление, восстанавливает израсходованный капитал, предъявляет спрос на товары и делает возможным потребление других лиц. Но если ежегодный доход общества не расходуется на покупку всего количества ежегодно производимых продуктов, то часть общественного продукта останется непроданной, капиталы будут парализованы, и национальное производство встретит задержку».

Между тем, современная организация народного хозяйства направлена на уменьшение национального дохода. Ожесточенная конкуренция принуждает предпринимателей выискивать всевозможные способы для понижения издержек производства и удешевления товаров. С этой целью хозяева заменяют ручной труд машинным и лишают заработка тысячи рабочих. Это приводит не только к сокращению числа занятых рабочих, но и к понижению заработной платы. В то же время сокращаются и доходы мелких самостоятельных предпринимателей, благодаря конкуренции крупных фабрикантов, грозящей совсем уничтожить мелкую промышленность... Точно так же разоряется и сельское население — крестьяне. Таким образом, сокращаются доходы низших классов народа, т.е. огромного большинства. Что касается доходов высших классов общества, то эти доходы могут абсолютно расти, но все же не в той пропорции, в которой растет производство, ибо та же конкуренция побуждает предпринимателей довольствоваться все меньшим и меньшим процентом прибыли.

«Внутренний рынок сокращается благодаря сосредоточению собственности в руках небольшого числа владельцев, и промышленность приходит в необходимость все больше и больше опираться на внешний рынок». Действительно, разве может быстро растущая масса товаров найти сбыт на внутреннем рынке, когда покупательная сила общества падает благодаря падению доходов? По этой причине все страны с развивающейся промышленностью стремятся овладеть внешними рынками, найти за границей сбыт для товаров, для которых нет места в самой стране. «Нация, первая применившая технические изобретения, может многие годы расширять свои внешние рынки... Но должен же наступить момент, когда весь цивилизованный мир образует один рынок, и никакая страна не будет в силах находить новых покупателей. Спрос всего мирового рынка образует тогда покупательную силу определенной величины, и все промышленные нации будут бороться из-за этого рынка. Увеличение сбыта товаров одной стра-

ны должно покупаться в этом случае уменьшением сбыта товаров остальных стран».

Таким образом, естественный механизм спроса и предложения в свободном, нерегулируемом общественной властью товарном хозяйстве неизбежно приводит, по мнению Сисмонди, к общему перепроизводству товаров, превышению общего предложения товаров сравнительно со спросом, в чем и заключается сущность промышленного кризиса. Совершенно неправильно признавать кризисы непредвидимым бедствием, не связанным органически с господствующим строем хозяйства, и искать причины их во внешних обстоятельствах вроде войн, неурожаев, перемен торгово-промышленной политики и тому подобных случайных событиях, как это делают экономисты школы Рикардо. Промышленный кризис происходит не из нарушения свободы конкуренции в сфере товарного обмена, а именно из этой самой свободы конкуренции. Общее перепроизводство товаров есть закономерный результат свободной игры экономических сил в капиталистическом хозяйстве¹.

Сисмонди упрекает школу Сэ-Рикардо в том, что она забыла истинную цель хозяйства — повышение благосостояния населения — и превратила науку о народном хозяйстве, политическую экономию, в науку о накоплении богатства — «хрематистику».

Другой основной болезнью капиталистического хозяйства Сисмонди признает отсутствие равновесия между ростом дохода и ростом населения. Наш автор разделяет взгляд Мальтуса, что чрезмерное размножение населения есть одна из причин бедности населения. Но, в противовес Мальтусу, Сисмонди ставит способность человечества к размножению в связь с особенностями социального устройства. В капиталистической организации хозяйства наш автор усматривает моменты, нарушающие равновесие между ростом общественного дохода и ростом населения. В капиталистическом обществе большинство населения состоит из пролетариев — людей, живущих изо дня в день наемной работой. Наемные рабочие легко обзаводятся большими семьями, что можно наблюдать во всех крупных фабричных центрах. Объясняется это тем, что рабочему терять нечего — он не имеет собственности — и в то же время он не видит никакой связи между численностью своей семьи и легкостью приискания для нее заработка. Никто не знает, как велик будет через несколько лет спрос на рабочие руки, и рабочий по своей привычной беспечности, легко преувеличивает шансы нахождения заработка для своих детей и не боится большой семьи. Это приводит к чрезмерному размножению рабочего класса, падению заработной платы и обеднению рабочей массы. Причины всего этого коренятся, следовательно, не в природе человека, а в господствующей организации хозяйства, убивающей в

¹ Критическую оценку теории кризисов Сисмонди читатель может найти в моих книгах «Промышленные кризисы» и «Теоретические основы марксизма».

рабочем всякую предусмотрительность и делающей его беспечным и не заботящимся об участи своих детей.

Итак, бедность рабочего класса и промышленные кризисы — естественные спутники капиталистического хозяйства. Но Сисмонди не принадлежит к числу социальных пессимистов и не приходит к тому выводу, что большинство населения навсегда осуждено на нищету и страдания ради блага немногих. Для англичан Мальтуса и Рикардо не существовало иного общественного строя, кроме капиталистического. Сисмонди вырос в другой обстановке; в своей родной стране он видел зажиточное крестьянское население, среди которого не было богачей, но не было и совершенных бедняков. Промышленность развивалась медленно и не делала таких колоссальных успехов, как в Англии, но зато она была избавлена и от кризисов, приводивших в расстройство английскую промышленность. Рост богатства не мог идти в сравнение с английским, но зато не возрастал и пауперизм. И вот, Сисмонди приходит к мысли, что капиталистическая организация хозяйства, несмотря на блестящие успехи промышленности, связанные с этим способом производства, не должна считаться неизбежным и желательным строем хозяйства для всякой страны. Напротив, пример Англии должен служить для других стран уроком, к каким бедствиям приводит неограниченная и ничем не регулируемая свобода конкуренции.

Все симпатии Сисмонди на стороне того хозяйственного строя, который он называет патриархальным и который господствовал на его родине. Не нужно забывать, что литературная деятельность швейцарского ученого принадлежала к той эпохе, когда во всей Западной Европе (кроме Англии) царил жестокая реакция и всякого рода романтические попытки воскресения старого и отжившего были весьма обыкновенны. По своим политическим убеждениям Сисмонди был умеренным либералом с весьма сильными, однако, аристократическими симпатиями. Он был врагом всеобщего избирательного права и в борьбе аристократии и демократии в Женеве был на стороне первой. Он находил, что цензура для периодических изданий необходима для большинства стран Европы и что свободой народных собраний могут пользоваться лишь немногие наиболее просвещенные народы. Таким образом, политические воззрения Сисмонди предрасполагали его к сочувствию исторически сложившимся старинным формам общественной жизни и хозяйства.

В противность английским экономистам, для которых народное хозяйство выражалось, главным образом, миром промышленности и торговли, наш автор сосредоточивает свое главное внимание на земледелии. Из различных форм землепользования и землевладения он особенно сочувствует крестьянскому хозяйству. «Ни одна общественная организация, — говорит он, — не гарантирует больше счастья, больше добродетелей самому многочисленному классу населения, ни одна не обеспечивает за ним большего достатка и не содействует в большей мере прочности общественно-

го порядка». Последний довод в пользу крестьянского хозяйства не лишен интереса в смысле характеристики политических взглядов Сисмонди. Преимущества «патриархальной системы землепользования» с чисто технической стороны сводятся, по мнению автора «Новых начал», к тому, что только крестьянское хозяйство способно к наиболее интенсивному использованию сил земли. «В стране, где сами собственники возделывают свою землю, где плоды безраздельно принадлежат тем самым людям, которые совершили все работы, в стране, где существует так называемая патриархальная система обработки земли, мы на каждом шагу встречаем признаки той привязанности, которую земледелец питает к своей избе и земле. Он не задается вопросом, сколько дней труда будет стоить прокладываемая им дорожка, устраиваемый колодезь, беседка или цветник, которые он украшает цветами: сам труд доставляет ему удовольствие, и благодаря довольству он находит и время и силы, чтобы совершить его. За деньги он не совершил бы того, что, благодаря его привязанности к собственности, кажется ему легким. Проезжая по Швейцарии и некоторым провинциям Франции, Италии и Германии, нет надобности спрашивать, глядя на участки земли, возделываются ли они собственниками или арендаторами. Внимательный уход ясно указывает на то, что участки эти принадлежат не арендаторам, а мелким собственникам.

Патриархальная система обработки земли улучшает нравы и характер той самой многочисленной части нации, которая должна заниматься земледельческим трудом... Многочисленный класс крестьян собственников служит лучшей гарантией для сохранения установленного порядка. Как бы обеспечение собственности ни было выгодно обществу, это — идея отвлеченная, с трудом постигаемая теми, которым она обеспечивает как будто только лишения. Когда земельная собственность отнята у земледельцев, а собственность на орудия производства у рабочих, все те, кто создает богатства и через руки которых оно проходит, остаются чуждыми всех наслаждений собственности. Они образуют собой самую многочисленную часть нации; они считают себя самыми полезными и наиболее обездоленными. Постоянная зависть возбуждает их против богатых. В их присутствии едва решаются обсуждать вопрос о политических правах из опасения, что они от этого перейдут к обсуждению вопроса о праве собственности и потребуют разделения капиталов и земель. В такой стране нужно бояться революции».

Арендная система обработки земли, естественно, не пользуется симпатиями Сисмонди, причем наихудшей земледельческой системой он признает крупную аренду. «Батраки, совершающие все земледельческие работы по распоряжению богатых арендаторов, находятся не только в более зависимом положении, чем полонники, но в некоторых отношениях даже в худшем, чем крепостные, платящие оброк или отбывающие барщину. Каковы бы ни были притеснения, переносимые крепостными, у них, по крайней мере,

были надежды, была собственность... Батраки же не имеют никакой собственности».

Что касается до обрабатывающей промышленности, то, сравнивая положение фабричных рабочих с положением ремесленников в период господства цехового строя, Сисмонди отдает решительное предпочтение ремеслу. Положение мелких самостоятельных производителей-ремесленников было во всех отношениях лучше, чем положение фабричных пролетариев нашего времени; ремесленники имели прочный и верный заработок, жили в известном довольстве, пользовались свободой и независимостью. Всего этого лишены фабричные рабочие. Ученики и подмастерья могли с уверенностью рассчитывать на то, что в свое время и они будут самостоятельными мастерами. Благодаря этому хозяева и рабочие не образовывали двух особых ненавидящих друг друга общественных классов, как это мы видим теперь.

Итак, Сисмонди решительный враг капиталистического хозяйства как в земледелии, так и в промышленности. Но ничего не может быть ошибочнее сближения швейцарского ученого с социалистами. Правда, социалисты подвергали капиталистическую организацию хозяйства не менее резкой критике, чем автор «Новых начал политической экономии». Но идеал, из которого они исходили, не имел ничего общего с идеалом Сисмонди. «Назад! к патриархальному крестьянскому хозяйству!» — говорит Сисмонди, в то время как социалисты зовут вперед, к строю будущего. И Сисмонди вполне сознавал свое отличие от социалистов. «Мы сходимся с ними, — говорил он, — лишь в одном пункте, во всех же других отношениях между нами нет ничего общего. Я так же, как и они, желал бы, чтобы между теми, кто трудится над созданием одного и того же продукта, существовала известная связь, вместо того, чтобы интересы их были противоположны друг другу. Но предлагаемые ими средства кажутся мне непригодными для достижения этой цели. Я желаю, чтобы фабричная, как и земледельческая, промышленность была разделена на большое количество самостоятельных мастерских, а не сосредоточена в руках одного предпринимателя, управляющего сотнями или тысячами рабочих. Я желаю, чтобы промышленные капиталы были разделены между большим количеством средних капиталистов, а не сосредоточивались в руках одного человека, обладающего миллионами».

Итак, вот каков идеал Сисмонди. Сисмонди не только не враг собственности, но, наоборот, желает, чтобы по возможности большая часть населения стала собственниками, ибо мелкие собственники, по справедливому мнению Сисмонди, лучшая опора существующего порядка.

Но благодаря отличающему его практическому смыслу и живому чувству действительности Сисмонди прекрасно понимает невозможность восстановления старого порядка в его прежнем виде. Капиталистическое хозяйство вызвало к жизни такие огромные производительные силы, что нечего и мечтать о ликвидации нового хозяйственного строя. Остается путь компромисса: сохраняя

го хозяйственного строя. Остается путь компромисса: сохраняя новые формы хозяйства, пытаться путем целого ряда социальных реформ ослабить вредные стороны капитализма. И Сисмонди развертывает в высшей степени интересную программу этих реформ.

Во главе ее он ставит новый принцип государственного вмешательства в народохозяйственные отношения в интересах слабейших, главным образом, в интересах мелких производителей, страдающих от конкуренции крупного капиталистического производства, а также и в интересах наемных рабочих.

В области аграрного законодательства Сисмонди предлагает систему мер, направленных к раздроблению крупного землевладения. Государство должно всячески поощрять крестьянское землевладение и приобретение крестьянами земли у крупных владельцев. Майораты и разного рода юридические препятствия ликвидации крупного землевладения не должны существовать. Там же, где крупное землевладение настолько укоренилось, что масса сельского населения состоит из сельскохозяйственных рабочих, законодательство должно ограждать интересы рабочих путем тех же мероприятий, которые должны применяться к промышленным рабочим. В то же время путем разделения между сельскохозяйственными рабочими государственных и общественных земель государство может значительную часть рабочих превратить в крестьян.

Что касается до промышленного законодательства, то и тут существует обширное поле для государственного вмешательства. Средневековые ремесленные цехи были корпоративными организациями в интересах трудящихся. Теперь рабочие лишены таких организаций; законодательство должно облегчить восстановление их. Иными словами, Сисмонди рекомендует государству поддержку рабочих союзов. Затем, законодательная власть должна охранять воскресный отдых, ограничивать детский труд и продолжительность рабочего дня взрослых рабочих. Вместе с тем, нужно стремиться к тому, чтобы фабричный рабочий получил некоторую обеспеченность заработка и был избавлен от лишений, угрожающих ему теперь в случае потери работоспособности. Для этого следует возложить на фабрикантов обязанность заботиться о своих рабочих в случае их болезни, старости, несчастных случаев или безработицы. Фабриканты могли бы быть соединены в особые корпорации, обязанные путем взносов образовать фонд для покрытия расходов на указанные цели. Такая организация была бы не чем иным, как принудительным страхованием рабочих из средств самих предпринимателей.

Но конечной целью, к которой должно стремиться промышленное законодательство, как и аграрное, должно быть постепенное превращение наемных рабочих в собственников. Переходной мерой для этого может служить участие рабочих в прибылях предприятия. Таким путем рабочий вступит в более тесную связь с предприятием, в котором участвует своим трудом.

В области финансовой политики государство тоже должно охранять интересы беднейшей части населения. Доходы ниже известного уровня должны быть изъяты из обложения, доходы более крупные обложены пропорционально больше. Система косвенных налогов, тяжелее всего ложащаяся на беднейших, должна иметь только ограниченное применение.

Влияние Сисмонди на современников было не велико, он почти не встретил отклика и не помешал успеху школы *laissez faire*. Но теперь, через много лет после смерти автора «Новых начал политической экономии», интерес к нему не только не исчез, а значительно усилился. Его идеи живут и поныне. Самые влиятельные представители университетской политической экономии — немецкие катедер-социалисты — признают себя продолжателями дела швейцарского ученого. И действительно, Сисмонди может считаться родоначальником того направления в экономической науке, на знамени которого написано: «социальные реформы!» и которое занимает промежуточное положение между социализмом и школой свободной конкуренции^{1*}.

Но не только по своей социальной программе Сисмонди был предшественником новейших германских экономистов — и по своему методу он указал им дорогу. В противоположность другим экономистам начала XIX века, Сисмонди изучил экономические явления с *исторической точки зрения*. Экономисты школы Смита были совершенно чужды исторического духа, и замечательнейший из них — Рикардо — даже и не задавался вопросом, возможен ли иной общественный и экономический строй, кроме капиталистического. Что касается до утопистов, то они пытались поставить свою критику капиталистического хозяйства на историческую почву, но, не будучи историками по специальности и недостаточно зная исторические факты, должны были заменять более или менее остроумными — иногда прямо гениальными, как у Сен-Симона и Фурье, — догадками фактическое изучение современного хозяйственного строя с исторической точки зрения. Напротив, Сисмонди, не отличавшийся особой философской глубиной или смелостью и силой мысли, был превосходным знатоком исторических фактов. В этом опять его сходство с современными экономистами так называемой исторической школы.

Для нас, русских, произведения знаменитого автора «Новых начал» особенно интересны потому, что нигде идеализация мелкого производства и крестьянского хозяйства, ведущая свое начало от Сисмонди, не получила такого широкого распространения в образованных кругах общества, как у нас. Сисмонди жадно читался и усваивался небольшой кучкой образованных русских читателей еще в двадцатых годах закончившегося века. Затем он был у нас забыт, но его идеи, пройдя через много рук, нашли для себя в России благоприятную почву и мало-помалу завоевали умы большей части нашей прогрессивной интеллигенции. Так называемое народничество представляет собой не что иное, как перенесенное в русские условия учение Сисмонди.

II. Экономические и социальные успехи рабочего класса во второй половине XIX века

Мы знаем, как повлияла промышленная революция на положение рабочего класса и как далека была действительность от осуществления тех розовых мечтаний относительно будущего, которым предавались мыслители XVIII века. Успехи свободной конкуренции и принципа *laissez faire* сопровождалась, правда, огромным ростом производства, но не менее быстро рос и пауперизм^{1*}. Положение рабочих классов прогрессивно ухудшалось в течение всей первой половины XIX века. Обнищание английских рабочих дошло до апогея в 40-х годах. На почве этого обнищания возникло грозное революционное движение в Англии — чартизм, которое угрожало сокрушить весь исторически сложившийся политический и социальный строй этой страны.

Социальной революции, однако, не произошло, и чартизм оказался не более, как кратковременной вспышкой революционного огня, который быстро погас за недостатком материала. Со второй половины XIX века явственно намечаются во всех передовых капиталистических странах новые пути социального развития. В то время, как первые шаги капитализма повели к значительному ухудшению положения рабочего класса, дальнейшие успехи капиталистической промышленности пошли на пользу рабочих. Безнадежный взгляд на судьбу рабочего класса при капиталистическом строе хозяйства был решительно разбит жизнью. «Железный закон заработной платы», столь правдоподобный в эпоху Рикардо и Мальтуса, оказался научным заблуждением.

В области социального и экономического законодательства Англии в первой половине XIX века явственно замечаются два течения, прямо противоположные по своим отправным пунктам и по своему идеологическому смыслу. С одной стороны, это было время успехов свободной торговли. То, что казалось Смиуту утопией, через несколько десятилетий после его смерти стало действительностью. Свобода рабочего договора была достигнута всего скорее — уже в 1814 г. законы об ученичестве были отменены. Затем началась упорная борьба из-за свободы торговли в международном обмене. Борьба эта велась, главным образом, между двумя господствующими классами — землевладельцами и торгово-промышленными капиталистами. Английская промышленность не боялась иностранного соперничества, и потому английские фабриканты могли без всякого самопожертвования отказаться от покровительственных пошлин. Напротив, английские землевладельцы с полным основанием усматривали в хлебных пошлинах^{2*} необходимое условие поддержания земельной ренты на высоком уровне, установившемся во время войны с Наполеоном. Фабриканты, в свою очередь, с неменьшим основанием считали хлебные пошлины, удорожавшие предметы потребления внутри страны и сокращавшие международный обмен, чистым убытком для себя. Между капиталом и землевладением началась упорная борьба, за-

кончившаяся полной победой капитала: в 1846 г. хлебные законы были отменены. Пошлины на фабрикаты были еще раньше значительно понижены. К 60-м годам международная торговля в Англии стала совсем свободна, покровительственные пошлины в английском тарифе совершенно исчезли.

Итак, свобода конкуренции восторжествовала. Но торжество это было неполным. Существовала чрезвычайно важная область социальных отношений, в которой наблюдалось не расширение, а систематическое ограничение свободы. Этой областью был рабочий договор. Неограниченная свобода рабочего договора, установившаяся в Англии со времени отмены законов об ученичестве, удержалась очень недолго.

Правда, наука, в лице экономистов, всей силой своего авторитета сопротивлялась вторжению государственной власти в отношения предпринимателей к рабочим. Но ужасы эксплуатации детского труда на фабриках были так велики, что незаинтересованные лица не могли не почувствовать необходимости положить конец такому порядку вещей, при котором маленькие дети зарабатывались насмерть и все фабричное население быстро шло к полному физическому и моральному вырождению.

Оппозиция фабричным законам со стороны политико-экономов повела лишь к дискредитированию науки в глазах рабочих и их друзей. Один из вождей движения в пользу фабричных законов, Садлер^{1*}, в таких выражениях отзывался о почтенных служителях экономической науки своего времени: «Политико-экономы — настоящая общественная чума и гонители бедных людей — надеюсь, без злого умысла. Но с умыслом или нет — это не касается судьбы их несчастных жертв. Все их научные принципы и практические предложения ведут к унижению и неминуемой гибели рабочих».

Общественное движение, принудившее парламент выступить в защиту интересов рабочих и ограничить свободу рабочего договора, сложилось из следующих элементов. Во-первых, люди, обладавшие чутким и восприимчивым сердцем, естественно, не могли равнодушно относиться к истязаниям, которым десятки тысяч детей ежедневно подвергались на фабриках. Религиозное чувство протестовало против этих жестокостей, и потому в рядах вождей движения мы встречаем много религиозных и гуманных людей, отличавшихся консервативными воззрениями и выступивших на защиту фабричных законов по побуждениям исключительно морального свойства. Самый выдающийся и влиятельный руководитель агитации в пользу десятичасового рабочего дня — Ричард Остлер — признавал себя старым тори, защитником трона и алтаря. Этот благородный человек, отдавший десятки лет своей жизни на борьбу со злом, которого он стал случайным свидетелем, одержавший, наконец, победу и умерший в крайней бедности, всеми забытый, является типом бескорыстнейшего общественного деятеля, действующего под влиянием самого высокого и чистого альтруизма. Живое и горячее чувство сострадания, а не

какая-либо теория или интерес какого-либо общественного класса, толкнуло Остлера на борьбу. То же следует сказать и о великом социалисте Оуэне, который сам был фабрикантом, но отдал себя делу рабочих. Таким же бескорыстным другом людей был и другой рабочий вождь 30-х годов — методический пастор Стефенс^{1*}, называвший себя, подобно Остлеру, тори.

От этих и других лиц, не принадлежавших к рабочему классу, исходила инициатива движения в пользу законодательного регулирования фабричного труда. Рабочие далеко не сразу поддержали эту инициативу; некоторое время они оставались глухи к голосу благородных людей, призывавших их к защите их собственных интересов. Но мало-помалу рабочая масса была вовлечена в движение, — и тогда оно стало непреодолимым. Когда же участие рабочих доказало общественному мнению неизбежность широкого фабричного законодательства, тогда и в парламенте образовалась могущественная партия, сочувствовавшая этому законодательству. Партия эта сложилась, главным образом, из консерваторов — представителей землевладельцев, не заинтересованных в эксплуатации фабричного труда и усмотревших в фабричных законах отличное оружие для борьбы с фабрикантами, настоявшими на отмене хлебных пошлин.

Итак, гуманные люди, рабочие, землевладельцы — вот из каких разнообразных элементов сложилось движение, достигнувшее в 1847 г. ограничения на английских фабриках труда женщин и несовершеннолетних 10 часами в сутки. Детский труд был ограничен еще раньше. Билль о 10-часовом рабочем дне имел огромное историческое значение. Он нанес смертельный удар принципу государственного невмешательства в отношения труда и капитала и открыл государству новый путь социальных реформ.

Противники этого билля, — к числу которых принадлежали почти все влиятельные представители экономической науки, — предсказывали всевозможные ужасы от сокращения рабочего дня. Принудительное ограничение времени работы объявлялось ими святотатственным нарушением священнейших принципов политической экономии, кощунственным покушением на главного политико-экономического идола — свободу конкуренции. Экономисты пытались, но тщетно, убедить рабочих, что от вмешательства государства в условия рабочего договора жестоко пострадают сами рабочие, свобода которых разрушается в корне. В то же время они старались запугать общественное мнение гибельными последствиями фабричного законодательства для промышленных интересов страны. По знаменитому вычислению Нассау Сэниора^{2*}, вся прибыль ланкаширских фабрикантов покоилась на одиннадцатом часе рабочего дня; ограничение времени работы десятью часами в сутки объявлялось равносильным такому сокращению выработки продукта, при котором продолжение производства станет невозможным без убытка для фабриканта. Десятичасовой билль убьет всю фабричную промышленность страны! — вопияли фабриканты и их друзья — ученые экономисты.

Однако парламент имел мужество не испугаться всех этих воплей и зловещих пророчеств и принять десятичасовой билль. Как же вынесла английская промышленность этот тяжелый удар?

К общему изумлению, сокращение рабочего дня не только не помешало успехам фабричного производства Англии, но сопровождалось необычайным подъемом последнего. 50-е и 60-е годы, последовавшие за проведением в жизнь новых фабричных законов, были для английских промышленников эпохой неслыханного благополучия. Это было время, когда, по выражению Гладстона¹, «национальное богатство страны росло прыжками и скачками». Сокращение рабочего дня было более чем уравновешено увеличением напряженности труда и введением новых усовершенствованных машин, благодаря чему производительность труда значительно возросла и рабочий стал выделять в десять часов больше продукта, чем раньше он выделял в одиннадцать или двенадцать часов. Соответственно этому возросла и реальная заработная плата, при одновременном повышении доходов капиталиста.

Опыт принудительного ограничения времени работы оказался настолько удачным, что оппозиция фабричным законам скоро замолкла. Прошло немного лет, — и тот же Нассау Сэниор, рисовавший раньше такие мрачные картины будущего от пропедения 10-часового билля, выступил горячим сторонником распространения фабричных законов и на те отрасли промышленности, которые еще оставались им не подчинены. Начало государственного вмешательства победило.

Фабричные законы, возникшие в Англии вопреки доводам политико-экономов и находившиеся в полном противоречии с духом школы Смита, не замедлили распространиться и в других странах с капиталистической промышленностью. В настоящее время они повсеместно составляют важнейшую часть более или менее широко развитого в разных странах законодательства по охране труда. Они регулируют не только продолжительность рабочего дня, но и многие другие существенные условия рабочего договора.

Влияние фабричных законов на положение рабочего класса было во всех отношениях громадным. Запрещение детского труда и ограничение труда взрослых избавило рабочий класс от непомерного труда, разрушавшего организм рабочего. Огромное значение имело уже само по себе увеличение досуга, так как только в часы отдыха рабочий может пополнять свое образование, находить время для исполнения своих общественных и политических обязанностей и вообще жить жизнью, достойной человека. Переутомленный рабочий прежнего времени не мог пользоваться благами современной культуры и принимать энергичное участие в общественных делах. И только благодаря досугу, созданному сокращением рабочего дня, стал возможен тот необычайный умственный подъем рабочего класса, который характеризует вторую половину истекшего века.

Не менее существенно другое, косвенное влияние фабричных законов. Заработная плата регулируется спросом и предложением труда. Все, что уменьшает предложение труда или увеличивает спрос, должно повышать цену труда. Фабричные законы воспретили работу детей ниже известного возраста; этим самым они уменьшили число конкурентов на рабочем рынке. Сократив рабочий день взрослых рабочих, они увеличили спрос на рабочие руки, так как при более коротком рабочем дне требуется более рабочих для исполнения определенной работы, чем при рабочем дне большей продолжительности. Под влиянием всего этого заработная плата должна была возрасти.

Предъявляя фабрикантам определенные санитарные и гигиенические требования, с соблюдением которых должна совершаться работа в рабочих помещениях, фабричные законы непосредственно охраняют здоровье рабочего. В то же время фабричное законодательство могущественно повлияло на поднятие и усовершенствование техники производства, так как фабриканты только этим путем могли бороться с неблагоприятным влиянием сокращения рабочего дня на выработку рабочего. Одним из важных благотворительных действий фабричных законов было также вытеснение мелких предприятий крупными, так как крупные предприятия, обладающие большими капиталами и имеющие большую возможность повысить технику производства, с гораздо большей легкостью приспособляются к требованиям закона, чем мелкие. На крупных фабриках положение рабочих, в то же время, как общее правило, гораздо лучше, чем на мелких.

В итоге, фабричное законодательство благотворно действует не только на рабочих, которых оно охраняет от злоупотреблений капиталистической эксплуатации, но и на самую капиталистическую промышленность, побуждая ее к техническому прогрессу и к повышению производительности труда. В настоящее время почти никем не оспаривается необходимость фабричного законодательства, представляющего собой новое начало принудительного регулирования государственной властью хозяйственного процесса в области отношений труда и капитала. Принцип *laissez faire* был разбит жизнью.

В том же направлении, хотя и с другого конца, действует и другое могущественное социальное течение нового времени. Путем фабричных законов свобода конкуренции была ограничена государством; рабочие союзы достигают того же самого путем организованного воздействия самих рабочих на предпринимателей. И в этой области новым формам социального регулирования хозяйственного процесса пришлось преодолеть упорное сопротивление экономистов старого толка — поклонников *laissez faire*. Тысячи раз ученые экономисты доказывали рабочим безумие и нелепость их стремления регулировать высоту заработной платы, продолжительность рабочего дня и вообще условия рабочего договора. Как уничтожающий аргумент против рабочих союзов выдвигалось знаменитое учение о фонде заработной платы, о котором стоит ска-

зять несколько слов. Согласно этому учению, размер заработной платы определяется двумя условиями: величиной всего национального капитала, предназначенного для содержания рабочих, и их числом в стране. Отсюда следовал вывод что, так как фонд заработной платы не может быть увеличен рабочими союзами, а число рабочего населения страны не может быть ими уменьшено, то, значит, союзы рабочих не в силах поднять заработной платы.

Учение это было почти общепринятым среди экономистов 30-х и 40-х годов. Теоретическая несостоятельность его так очевидна, что удивляешься, как оно могло держаться столько времени. В основании его лежит совершенно неверная посылка, будто капитал для содержания рабочих страны есть в каждый данный момент определенная величина, неспособная к возрастанию. На самом же деле не фонд заработной платы определяет высоту платы каждого отдельного рабочего, а наоборот, высота платы отдельных рабочих устанавливает размер суммы этих плат — фонда заработной платы. Не ясно ли, что этот фонд может возрасти на счет прибыли? Если рабочие потребуют большую плату, то капиталисты имеют возможность удовлетворить их требование, сократив долю продукта, поступающую в собственное пользование капиталистов, — прибыль. Иными словами, рабочие могут увеличивать фонд заработной платы путем уменьшения прибыли капиталистов. А если так, то учение о фонде заработной платы превращается в невиннейшую тавтологию, столь же несомненную, сколь и бесплодную: слагаемые (заработные платы отдельных рабочих) равны в совокупности своей сумме (фонду заработной платы).

Однако, несмотря на свою слабость, учение о фонде заработной платы долгое время провозглашалось незыблемым законом науки. Рабочие были плохими теоретиками, да им было и не до теоретических споров, когда дело шло об их существовании. Доводам экономистов они противопоставили молчаливый, но достаточно убедительный аргумент — факты. Не смущаясь «законами» науки, дерзкие невежды неумоимо развивали свою классовую организацию. В 1824 г. английский парламент отменил запретительные законы относительно соглашений рабочих, и рабочие союзы получили возможность существовать открыто. Тем не менее, они еще долгое время должны были бороться с разного рода легальными препятствиями, и только в 1869 г. тред-юнионы¹ получили в Англии права юридической личности — получили возможность приобретать имущество на свое имя. Но уже значительно ранее рабочие союзы в руководящих отраслях английской промышленности могли весьма действенным образом регулировать условия рабочего договора.

Рабочими союзами или тред-юнионами называются организованные сообщества рабочих, имеющие своей главной целью регулирование условий рабочего договора. Союзы стремятся поднять заработную плату или противодействовать ее понижению, сделать ее более устойчивой. С этой целью союзы вырабатывают таксы нормальных расценок рабочей силы и настаивают на принятии их

предпринимателями. Затем, союзы стремятся к ограничению рабочего дня нормальным временем работы, требуют соблюдения предпринимателями известных мер предосторожности при работах, устройства здоровых мастерских и пр. и пр. Наилучше организованные союзы стремятся (и вполне успешно) превратить рабочий договор из индивидуального соглашения хозяина с отдельным рабочим в коллективный договор хозяина со всеми рабочими в лице их представителя — союза, причем такого рода договоры имеют силу иногда не только для одного предприятия, но и для всех предприятий того же рода в данном районе. Благодаря таким коллективным соглашениям, устанавливающим высоту заработной платы, способы расценки труда, продолжительность рабочего дня и пр. и пр., рабочий договор совершенно утрачивает свой индивидуальный характер: как отдельный рабочий, так и отдельный капиталист исчезают в качестве самостоятельных договаривающихся сторон, и место их заступают организованные сообщества представителей труда и капитала.

Влияние рабочих союзов на условия рабочего договора ограничивается не только членами союзов. Выработанные ими нормы договора быстро делаются общепринятыми в данной отрасли промышленности для всех рабочих, даже и не принадлежащих к союзам. «Коллективные сделки охватывают значительно большую часть промышленности, чем тред-юнионы. Точной статистики по этому предмету не существует, но наше впечатление, — говорят С. и Б. Вебб¹*, — таково, что во всех областях промышленности, которые дают занятия обученным рабочим, работающим совместно в помещении предпринимателей, у 90% рабочих высота заработной платы, длина рабочего дня и многие другие условия предопределяются коллективными сделками. Лично эти рабочие не принимали никакого участия в таких сделках, но интересы их защищены представителями их класса».

Рабочие союзы достигают своих целей путем образования, при посредстве сборов со своих членов, денежных фондов, которые облегчают стачку, совместный отказ от работы, чем союз угрожает предпринимателям, не соглашающимся подчиниться требованиям союза. Обыкновенно до стачки дело не доходит, и стачка является только угрозой, к осуществлению которой союз переходит лишь в крайнем случае. Правильная и прочная организация рабочих в союзы скорее уменьшила, чем увеличила число стачек, так как, при отсутствии союзов, рабочие каждого отдельного предприятия могут по своему почину устроить стачку и бросить работу, между тем как при существовании влиятельных союзов, число членов которых считается десятками и даже сотнями тысяч, стачка на отдельной фабрике возможна лишь в случае решения подлежащих властей союза, выбираемых всеми членами рабочего союза, — а большинство последних прямо заинтересовано в том, чтобы стачки, тяжело ложащиеся на кассу союза, не предпринимались без достаточного повода.

Денежные фонды, собираемые рабочими союзами, служат не только для стачек, но и для разнообразных видов взаимопомощи, которые обыкновенно практикуются союзами. Так, английские тред-юнионы обыкновенно практикуют в широких размерах помощь своим безработным членам, оказывают им поддержку во время болезни, при несчастных случаях, при переселении, выдают пособия вдовам и пр.

В настоящее время членов тред-юнионов в Великобритании около 2 миллионов. В Северо-Американских Соединенных Штатах число организованных рабочих еще больше. В Германии их также около двух миллионов. Во всем капиталистическом мире можно насчитать около 12 миллионов организованных рабочих.

Блестящие успехи тред-юнионизма лучше всего доказывают целесообразность рабочих организаций. Теперь уже нельзя сомневаться, что в споре рабочих с экономической наукой первой половины истекшего века истина была на стороне рабочих. Факты вполне доказали, что путем организации рабочие могут значительно изменить в свою пользу условия рабочего договора. Пока рабочие были разьединены и конкурировали друг с другом в предложении рабочей силы, цена последней спускалась до уровня голого существования. Каждый отдельный рабочий несравненно слабее капиталиста, и потому, пока труд не сплотился, при каждом столкновении его с капиталом победителем выходил капитал. Проповедуемая экономистами свобода конкуренции была губельна для рабочих и превращалась на практике в самый суровый деспотизм нужды. Заменяв эту мнимую свободу коллективной организацией и отказавшись от индивидуального участия в выработке рабочего договора, рабочие чрезвычайно усилили свою экономическую и социальную мощь и этим расширили свою действительную свободу!*

Влияние тред-юнионов на установление более благоприятных для рабочих условий рабочего договора видно из того, что английским рабочим удалось достигнуть, благодаря союзам, огромного сокращения рабочего дня (при повышении заработка рабочего) даже в тех отраслях промышленности, которые совершенно не регулируются фабричным законодательством. Английские законы, как известно, нормируют работу лишь женщин и детей; продолжительность труда взрослых мужчин не подлежит государственному регулированию. Поэтому в тех отраслях промышленности, в которых женщины и дети совсем не работают, закон не препятствует любому удлинению рабочего дня. Тем не менее, именно в этих отраслях промышленности наблюдается наиболее короткий рабочий день. Так, в угольной промышленности уже давно господствует 8-ми часовой и даже более короткий рабочий день, достигнутый исключительно благодаря влиянию на предпринимателей рабочих союзов. Сила последних в Англии так велика, что среди английского рабочего класса наблюдается даже весьма неразумное равнодушие к законодательной охране своих интересов, благодаря уверенности рабочих в возможности охранить свои ин-

тересы при посредстве собственных организаций. Союзы идут впереди законодательства, которому остается только закреплять результаты, уже достигнутые коллективной инициативой рабочих.

В том же направлении действует и третий могущественный фактор подъема рабочего класса в новейшее время — кооперативное движение, зерно которого было брошено великим Оуэном. Тред-юнионы организовали рабочих как продавцов рабочей силы; потребительные общества достигли того же самого по отношению к рабочим как к потребителям. По объему английское кооперативное движение, охватывающее около двух миллионов рабочих, стоит во главе кооперативного движения всего мира. Но по совершенству организации самой замечательной следует признать, по нашему мнению, бельгийскую кооперацию. Преимуществом бельгийского кооперативного движения перед всеми другими является тесная связь движения с политической организацией рабочих — бельгийской рабочей партией. В то время как в Англии кооперация стоит совершенно особняком от политической жизни, в Бельгии и то и другое составляет одно неделимое целое.

Бельгийские (как и английские) потребительные общества не ограничиваются покупкой продаваемых ими товаров, но, вместе с тем, в широких размерах производят товары сами. Особенное значение имеют кооперативные булочные, дающие самые крупные доходы бельгийским кооперативам. Но значение последних не только экономическое. Такие учреждения, как «Народный Дом» в Брюсселе — самое крупное потребительное общество Бельгии, насчитывающее более 20.000 членов, играют огромную роль во всей общественной и духовной жизни рабочих. При «Доме» имеются отделения по продаже готового платья, угля, мяса, мелочных, мануфактурных, галантерейных товаров и пр. К «Народному Дому» примыкает целый ряд учреждений, имеющих целью оказывать помощь рабочим в случае болезни или несчастья. «Народный Дом» имеет в своем распоряжении целый медицинский персонал из нескольких десятков врачей, акушерок и фармацевтов.

При «Доме» имеются хоры, оркестры, и часто устраиваются общедоступные спектакли с самой ничтожной платой за вход; играют сами рабочие. Многие университетские профессора, симпатизирующие рабочей партии, читают в «Доме» лекции по разным вопросам общественной жизни и естествознания.

Учреждения подобного рода составляют главную опору бельгийской рабочей партии. Общее число членов кооперативных учреждений в Бельгии около 400 тысяч. В Германии в потребительных обществах участвует более 1 миллиона членов, во Франции — немногим менее. Эти цифры дают представление о могуществе кооперативного движения, охватывающего во всем капиталистическом мире около 8 миллионов лиц, преимущественно рабочего класса.

Эти факторы — законодательство по охране труда, рабочие союзы, кооперативное движение (в связи с огромным повышением

производительности труда благодаря успехам промышленной техники) — вызвали подъем благосостояния рабочего класса. Безнадежный взгляд на будущность рабочего класса при капиталистическом строе хозяйства не разделяется в настоящее время, можно сказать, никем. Германская социал-демократическая партия, много лет остававшаяся под обаянием могучей личности Лассалля, долго считала формулированный им знаменитый «железный закон заработной платы» последним словом экономической мудрости. Но и она должна была признать, что мнимый «закон» не согласуется с новейшими фактами, и в 1890 г., на конгрессе в Галле, вычеркнула его из своей экономической программы.

III. Современное социально-политическое направление в Германии

Экономическая теория развивается в тесном взаимодействии с практической жизнью. Влияя на хозяйственный быт, политическая экономия еще более подчиняется его влиянию. Подобно тому, как политическая экономия начала XIX века ярко отразила происходивший в то время колоссальный экономический и социальный переворот, вызванный первыми шагами капитализма, так и на современной экономической науке не могли не отразиться новые экономические и социальные отношения, созданные дальнейшими успехами того же капитализма, сопровождавшимися, как мы видели, огромным увеличением социального могущества рабочего класса и практическим банкротством принципа *laissez faire*.

Уже в самом начале капиталистической эры раздался голос Сисмонди, призывавшего государство к новой политике — социальных реформ. Политическая экономия долгое время оставалась глуха к этому призыву; но жизнь требовала социальных реформ, и они явились вопреки ученым теоретикам, оставшимся верными старой смитовской догме. Так, мало-помалу, сложилась в Англии стройная система фабричного законодательства при ожесточенном сопротивлении представителей экономической науки. То же следует сказать и о профессиональной организации рабочих, для дискредитирования которой в общественном мнении экономисты сделали все, что могли.

Жизнь шла вопреки науке, — и наука пошла на уступки, сначала робкие, затем все более решительные. В настоящее время социально-политическое направление торжествует среди тех представителей экономической науки, которые признают товарохозяйственный строй необходимой формой общежития. Защитников никем не регулируемого, вполне свободного товарного хозяйства осталось очень мало. И теория и опыт достаточно обнаружили, к каким губительным последствиям для массы населения ведет неограниченная хозяйственная свобода. Изучение законов свободной игры экономических сил — в чем заключается важнейшее содержание политической экономии — привело к признанию необходи-

мости планомерного регулирования этой игры общественной властью^{1*}.

Новое направление в политической экономии получило особое развитие в Германии. Национальная идея играла такую выдающуюся роль в новейшей германской истории, что космополитизм Смита не мог не встретить оппозиции среди немецких экономистов. В то время, как в английской политической экономии неограниченно царила школа свободной торговли, Германия уже в 30-х годах истекшего века имела замечательного экономиста, выступившего со смелой и резкой критикой учения Смита именно с национальной точки зрения. Этим экономистом был автор «Национальной системы политической экономии» (1841) Фридрих Лист^{2*}.

Лист упрекает Смита в космополитизме и отвлеченности его выводов. Для творца «Богатства народов» нация есть не что иное, как механическое скопление отдельных лиц. В основание экономической политики государства Смит хотел бы положить те же самые принципы, которыми руководствуется в своей хозяйственной деятельности каждый лавочник. Но, возражает Лист, нация есть некоторое высшее целое, стоящее между отдельной личностью и человечеством, — целое, объединенное языком, нравами, историческими судьбами, государственными учреждениями. Национальная политика не может исходить из тех же оснований, как и частно-хозяйственная деятельность. Охрана интересов нации как целого должна стоять для государства на первом плане. Жизнь нации может считаться практически неограниченной во времени, — и потому целью национальной политики должно быть не накопление возможно большего количества меновых ценностей (в чем усматривал национальное богатство Адам Смит), а возможно полное развитие национальных производительных сил.

Свобода торговли не дает возможности такого развития для более отсталых наций. Свобода торговли ведет к тому, что вполне окрепшая промышленность более старых стран подавляет еще юную промышленность стран, позже выступивших на дорогу экономического прогресса. Последние страны становятся поставщиками сырья для первых и не могут выйти из земледельческой стадии; однако для полного развития национальных производительных сил необходимо, чтобы к земледелию присоединялась промышленность и торговля. Земледельческо-промышленно-торговое государство — таков хозяйственный идеал национального развития. Достижение этого идеала невозможно для более молодых стран при сохранении свободы международной торговли. Поэтому Лист выступает горячим защитником протекционизма, покровительства национальной промышленности путем таможенных пошлин.

Защита германских национальных интересов, не только в теории, но и на практике (Лист был одним из главных творцов промышленного объединения Германии путем знаменитого таможенного союза германских государств в 1833 г.), сделала Листа

одним из самых популярных и влиятельных экономистов в Германии. Национальная идея была в течение всего XIX столетия излюбленным лозунгом немецкой интеллигенции: она окрасила собой и немецкую экономическую науку. Даже самое название науки было изменено. «Политическую экономию» англичан и французов немцы переименовали в «Национальную экономию».

Другой особенностью германской экономической науки являлась тесная связь этой науки с изучением истории. Космополитическая и абстрактная политическая экономия Смита не нуждалась ни в каком историческом основании, так как она претендовала на всеобщую применимость в любой стране и в любое время. Национальная экономия немцев стремилась стать исторической наукой. Уже Лист сделал в этом отношении очень много, дав общую схему исторического развития хозяйства. Но главным источником умственного влияния, поведшего к образованию так называемой исторической школы политической экономии, был не Лист, а знаменитый германский юрист Савиньи.

Савиньи основал историческую школу права, и под влиянием этой школы возникла историческая школа и в политической экономии. Основателями этой последней школы могут считаться Бруно Гильдебранд^{1*}, Рошер^{2*} и Книс^{3*}. Школа эта не внесла ничего существенно нового в теорию хозяйства, но зато собрала необозримый фактический материал по истории хозяйства. Рошер и Книс возбудили среди германских экономистов живейший интерес к изучению хозяйственной истории, и результатом этого идейного толчка явилось множество превосходных исторических монографий, восстановивших с чрезвычайной детальностью картину прошлого экономического быта. Особенно ценны в этом смысле работы по истории германских цехов. Однако сторонникам исторической школы не удалось использовать этого богатого исторического материала не только для экономической теории, но даже и для широких исторических обобщений. Можно сказать, что распространение исторического направления в политической экономии повело не к образованию новой экономической теории, на что рассчитывали Рошер и Книс, а к временному охлаждению интереса к экономической теории или даже к полному отрицанию ее. Поэтому вполне понятна замечаемая в самые последние годы реакция против крайности исторической школы и возрастание интереса к чисто теоретическим экономическим исследованиям абстрактного характера — реакция, создавшая заслуженный успех блестящим работам так называемой австрийской школы политической экономии, с Карлом Менгером^{4*} во главе.

Историческое направление, вместе с национальной идеей, оказало могущественное влияние на германскую экономическую мысль. Третьим фактором, положившим свой отпечаток на всю германскую общественную науку, явился своеобразный строй германской государственной жизни — чрезвычайное развитие в современной Германии мощной государственной власти. Система Смита создавалась в Англии — совершенно иной социальной среде.

чем новейшая Германия. Англия — страна широкого развития индивидуальной самопомощи. Средний англичанин уже давно освоился с мыслью, что все, достижимое частной инициативой, должно и достигаться ею без всякого вмешательства государства. Государство может ограждать лиц физически более слабых, как дети и женщины, но взрослый мужчина должен быть избавлен от государственной опеки. Представление о государстве только как о «ночном стороже», ограничивающем свои задачи простой охраной имущества и личной безопасности граждан, но отказывающемся от каких бы ни было положительных задач в сфере народного хозяйства, находило себе благодарную почву во всем строе английской общественной жизни.

Германия представляет собой в этом отношении прямую противоположность Англии. Национальное единство могло быть завоевано немцами только мечом, а война требует крепкой власти. Общественное мнение привыкло в Пруссии к самому энергичному участию государственной власти в народнохозяйственной деятельности страны. Прусское государство никогда не отступало перед положительными задачами в экономической и социальной области и не боялось социальных реформ, глубоко захватывающих народную жизнь. Все это не могло не отразиться и на германской экономической науке.

Наконец, в ряду влияний, создавших современное социально-политическое направление германской политической экономии, следует упомянуть еще об одном, быть может наиболее могущественном, — о социал-демократическом движении. Всем известны удивительные успехи германской социал-демократии. Непрерывность этих успехов не могла не убедить правящие круги Германии, что одними репрессивными мерами невозможно бороться с таким широко распространенным народным движением и что политика социальных реформ, удовлетворяющая на почве существующего социального строя некоторым требованиям рабочих, является политикой, наиболее благоразумной во всех отношениях. По собственному признанию Бисмарка, его социальное законодательство создалось под непосредственным влиянием соображений этого рода.

Итак, национальная идея, историческая школа, крепкая государственная власть, социал-демократическое движение — вот разнообразные влияния, определившие современное направление германской экономической мысли. Его характернейшей чертой является требование и защита социальных реформ. К социально-политическому направлению принадлежат в настоящее время все сколько-нибудь выдающиеся немецкие профессора политической экономии. При таком обширном круге сторонников рассматриваемое направление должно включать в себе множество разнообразных оттенков взглядов. Общим для них всех является признание необходимости широкого государственного почина, на почве существующего экономического строя, в деле развития национальных производительных сил, поднятия народного благосостояния и ох-

ранения слабейших общественных элементов. Социально-политическое направление совершенно чуждо преклонения перед принципом свободной конкуренции и требует ограничения этой свободы в интересах представителей труда. Оно отказалось от смитовского идеала свободного нерегулируемого товарного хозяйства. Оно признает исторический характер господствующего ныне капиталистического хозяйственного строя и допускает возможность в нем глубоких изменений. Но для данного времени и предвидимого будущего оно считает неизбежным сохранение основ этого строя — частной собственности и частно-хозяйственного предпринимательства. Государственная власть должна ставить границы злоупотреблениям хозяйственной свободой, но не убивать последнюю в корне. Товарный обмен представляется социально-политическому направлению еще на неопределенно долгое время необходимой формой общественного сотрудничества.

Таким образом, рассматриваемое направление занимает средину между школой *laissez faire* и социализмом. Оно является синтезом обеих крайних школ политической экономии, соединяя их здоровые элементы и избегая их ошибок, — говорят друзья этого направления. Наоборот, по мнению противников, социально-политическое направление есть не более, как компромисс, попытка эклектического соединения двух противоположных общественных начал, из которых то или другое должно получить перевес. Либеральные экономисты прежнего толка ядовито окрестили ученых представителей нового направления «катедер-социалистами».

Кличка эта была дана Оппенгеймом^{1*}, немецким фритредером^{2*}, выступившим в 1871 г. со статьями, наделавшими много шума, которые затем вышли особой брошюрой под заглавием «Der Katheder-sozialismus». Оппенгейм находил, что ученые, защищающие широкие социальные реформы на началах государственного вмешательства в частно-правовые отношения, в сущности, не что иное, как сознательные или бессознательные друзья социализма, распространению и развитию которого должны содействовать все эти реформы. Экономисты, подвергшиеся нападению, ответили, и завязалась полемика, в которой приняли участие главы нового направления — Вагнер^{3*}, Brentano^{4*}, Шенберг^{5*} и другие. Результатом споров было образование этими учеными, вместе с Шмоллером^{6*}, Гнейстом^{7*}, Рошером, Книсом и др., нового учено-политического общества «Verein für Sozialpolitik».

В 1872 г. в Энзенахе собралось 158 друзей социал-политического направления, среди которых было 25 профессоров, а остальные принадлежали к разнообразным кругам немецкого образованного общества. Задачи учреждаемого союза были сформулированы во вступительной речи Шмоллером. Шмоллер заявил, что общим для членов союза является, прежде всего, определенное представление о государстве, одинаково далекое как от либерального индивидуализма, выше всего ставящего свободу личности, так и от социалистического идеала государства, поглощающего личность. Новое направление признает блестящие успехи современной про-

мышленности и не отрицает их значения, но оно не закрывает глаз и на социальные бедствия, вызванные ростом крупного производства. Основную причину этих бедствий оно усматривает в том, что в новейшее время, при всех успехах разделения труда, всех нововведениях производства, при новой организации предприятия и новой форме рабочего договора, имелось в виду достижение лишь наибольшего производства, но отнюдь не наиболее справедливого распределения. Вновь учреждаемый союз не желает нивелирования общества, не мечтает о каких-либо социалистических экспериментах; он признает существующие формы хозяйства, существующее законодательство и существующее классовое сложение общества отправными пунктами своей деятельности, но он рассчитывает на реформы и считает возможным значительное улучшение современного положения вещей. Промышленная свобода должна быть сохранена, так же как и принцип наемного труда, но необходимо планомерное и энергично проводимое в практической жизни фабричное законодательство, действительная, а не только юридическая свобода рабочего в установлении условий рабочего договора, контроль этой свободы общественным мнением, фабричная инспекция, государственное вмешательство в банковое и страховое дело, государственные исследования по социальным вопросам. Государство должно также взять на себя заботу об улучшении воспитания и образования, а также и жилищных условий рабочего класса.

«Союз социальной политики», существующий и поныне, оказался весьма жизнеспособным общественным учреждением. К союзу принадлежали и принадлежат лица различных политических убеждений — от консерваторов до решительных прогрессистов (социалисты, естественно, чужды «Союзу»); деятельность «Союза», объединяющего собой, главным образом, умеренных сторонников социальных реформ, выражается в изучении социального вопроса и пропаганде социальных реформ путем обсуждения их на съездах «Союза», а также в организации и издании научных работ социально-политического характера. «Союз» играет выдающуюся роль в движении немецкой экономической науки и оказывает значительное влияние на общественное мнение и законодательство страны.

Отчасти под влиянием «Союза», а главным образом под давлением социал-демократии, германское правительство осуществило за два последних десятилетия довольно широкую программу социальных реформ, оставляющую за собой скромные пожелания Шмоллера во вступительной речи на первом собрании «Союза» в 1872 г. В ряду этих реформ имеет особое значение принудительное страхование рабочих от болезней, несчастных случаев, при наступлении старости и неспособности к труду, созданное законами 1883, 1884 и 1889 гг. Государство отчасти приняло на себя в Германии те обязанности по обеспечению рабочих от случайностей, соединенных с заработком наемного рабочего, которые в Англии ложатся на тред-юнионы. Средства для выдачи пенсий рабо-

чим собираются путем обязательных вычетов из заработной платы, сборов с предпринимателей и приплат из средств государственного казначейства. Таким образом, благодаря принудительному страхованию рабочих в Германии отчасти признается принцип права на существование, провозглашенный еще Сен-Симоном и Фурье, — государство отчасти принимает на себя обязательство давать средства к жизни рабочим, неспособным к труду.

Социально-политическое направление в Германии складывается из нескольких течений или школ. Правое крыло «катедер-социалистов», представляемое, главным образом, Шмоллером и Шенбергом, менее всего заслуживает упрека в пристрастии к социализму. Оба эти экономиста — убежденные поклонники прусского государственного строя. Шенберг высказывается за обычную в Германии социально-политическую программу — страхование рабочих, фабричное законодательство и, с значительными ограничениями, за свободу рабочих союзов. Но вместе с тем, он желает «установления наказаний за публичное приглашение к противозаконному прекращению работ, подвергающее опасности общественное благо, с усилением наказания за совершение данного деяния в виде постоянного занятия», рекомендует соединение работодателей в предпринимательские союзы, которые «обязывали бы своих членов не принимать к себе рабочих, нарушивших договор, и выдвигали бы в крайних случаях против общих противозаконных рабочих забастовок, поддерживаемых рабочими других предпринимателей, угрозу и действительное осуществление общей остановки производства».

Государственные мероприятия по улучшению рабочего быта встречают со стороны Шенберга больше сочувствия, чем самостоятельная коллективная самопомощь рабочих через посредство союзов. «Деятельность рабочих союзов, — заявляет наш автор, — может оказаться вредной для общества. Если союзы являются лишь орудиями борьбы, защищают только эгоистические классовые интересы, то они могут усилить антагонизм между работодателями и рабочими, постоянно угрожать социальному миру, нанести большой вред предпринимателям, промышленности, справедливым интересам капитала и потребителей и даже ухудшить положение рабочих. Опасность такого вредного действия рабочих союзов тем значительнее, чем ниже образование рабочих и чем меньше их экономическая предусмотрительность; эта опасность неодинакова для разных стран. Поэтому вопрос, нужно ли и насколько нужно содействовать, в интересах рабочих и народного блага, развитию рабочих союзов, не может быть решен одинаково для всех стран и для всех отраслей фабричной промышленности».

Эти выдержки достаточно характеризуют классовые симпатии Шенберга. Его требования в области социальных реформ весьма скромны, и к проявлению самодеятельности и самопомощи рабочих он относится с нескрываемыми опасениями. Социальная политика германского правительства, сделавшего очень много в области государственного страхования рабочих, но до сих пор не да-

ющего полной свободы рабочим союзам, вполне соответствует его вкусам.

Довольно сходную позицию занимает и Шмоллер. Его влияние на современную экономическую науку громадно; ни один современный германский экономист не имеет столько преданных учеников, как Шмоллер. Но как теоретик он не представляет собою чего-либо выдающегося. Его главная заслуга, как и многих других современных представителей немецкой экономической науки, заключается в превосходных исторических работах фактического характера. Для широких исторических обобщений Шмоллеру не хватило силы теоретической мысли.

Единственная замечательная работа по общей теории развития народного хозяйства, вышедшая в новейшее время, — «Происхождение народного хозяйства» Карла Бюхера^{1*}, — не может быть поставлена в актив немецкой исторической школе, так как автор ее отнюдь не противник абстрактного метода в политической экономии. Но и Бюхера нельзя считать вполне самостоятельным и оригинальным теоретиком, ибо его основные идеи заимствованы у иных, несравненно более могучих представителей экономической мысли — Родбертуса^{2*} и Карла Маркса.

Представителями второй школы социал-политиков могут считаться Адольф Вагнер и Шеффле^{3*}. Это — школа государственного социализма. Оба названных ученых, в *противность* «этической» группе Шмоллера и Шенберга, отнюдь не заражены презрительным отношением к теоретической политической экономии и являются сами выдающимися теоретиками. В своем замечательном труде «Grundlegung der politischen Oekonomie» (1876) Вагнер набрасывает широкую картину экономического строения современного общества.

Современное народное хозяйство, говорит он, покоится и еще долго будет покоиться на трех различных хозяйственных принципах, ведущих к трем различным хозяйственным системам — частно-хозяйственной, общественно-хозяйственной и каритативной, или благотворительной. Частно-хозяйственная система складывается из совокупности частных хозяйств, основным принципом которых является стремление к наибольшему доходу данного хозяйства. Связь между отдельными частными хозяйствами устанавливается обменом. Общественные хозяйства бывают двоякого рода: добровольные и принудительные. Образцом первых может служить любое общество взаимопомощи, образцом вторых — государство. Принципом общественного хозяйства является не частный, а общий интерес — более или менее обширной общественной группы. Особо важное значение имеет именно принудительное общественное хозяйство — в частности, государственное хозяйство. Государство преследует цели общего интереса, собирая нужные для того средства принудительным образом со своих граждан. Государственное хозяйство отнюдь не руководствуется частно-хозяйственным принципом наибольшего барыша и может делать затраты,

не дающие никаких доходов казне, но зато содействующие благосостоянию населения или развитию производительных сил нации.

Каритативная или благотворительная система восполняет недостаточность двух предшествующих систем, так как обе они неспособны устранить из современного общества незаслуженную бедность и нищету. Борьбой с этими бедствиями и занята благотворительность.

Итак, современное народное хозяйство складывается не из одной частно-хозяйственной системы, которую только и изучают политико-экономы, но из трех в равной мере необходимых систем. Задача социальной политики заключается в наиболее целесообразном соединении этих систем.

Школа Смита стремилась свести роль государства к чисто отрицательной задаче охраны имущественной и личной безопасности граждан. Она исходила из мысли, что наибольшее благополучие общества может быть достигнуто наибольшим развитием частно-хозяйственной системы. Это — глубокая ошибка. Принцип частного хозяйства слишком узок и недостаточен для достижения целей общего блага. Опыт показал, что неограниченная свобода частно-хозяйственной деятельности ведет к подавлению слабых сильными и к бедности большинства населения. В частности, эта свобода благоприятствует победе капитала над трудом. Отсюда следует, что, в общих интересах, следует стремиться не к ограничению, а к развитию общественно-хозяйственного принципа. Необходимо ограничение свободы конкуренции. Широкий рост государственного хозяйства должен восполнить недостатки частного.

Тем не менее, нечего рассчитывать, в предвидимом будущем, на полную замену частного хозяйства общественным. Дело в том, что хотя частно-хозяйственный принцип — стремление к наибольшему барышу — ведет в области распределения народного дохода ко многим губительным последствиям, зато он дает новый побудительный мотив к развитию национального производства. Современное человечество не может обойтись без такого поощрения хозяйственной энергии, которая, в противном случае, грозит угаснуть. Поэтому полное прекращение действия частно-хозяйственной системы было бы равносильно экономическому, культурному и вообще социальному упадку. Частно-хозяйственная система должна быть сохранена, — но коррективом к ней должна служить система принудительно-общественного хозяйства.

Какое же сочетание трех названных систем наиболее соответствует интересам общества? Этот вопрос не допускает общего ответа. Абсолютно истинного и всеобщеприменимого сочетания не существует. Тем не менее, Вагнер считает возможным формулировать, как общий закон развития народного хозяйства, неизбежность роста системы общественно-принудительных хозяйств на счет частных хозяйств.

Статистика вполне подтверждает обобщение Вагнера. Государственное хозяйство росло за истекшее столетие гораздо быстрее частного — государственный бюджет поглощает все большую и

большую долю народного бюджета каждой страны. Таким образом, развитие народного хозяйства идет в обратном направлении сравнительно с ожиданиями школы Смита: область государственного хозяйства не сокращается, а быстро растет на счет области частного хозяйства.

Вагнер совершенно отрицает обычное юридическое представление о частной собственности как о неограниченном и безусловном праве собственника распоряжаться предметом своей собственности. Право собственности ничем не отличается от других юридических институтов, содержание которых определяется государством. История показывает, что неограниченного права собственности никогда не существовало. Государство определяет предметы, на которые может распространяться это право, и самое реальное содержание последнего. Так, человек в настоящее время не может быть предметом собственности. Право собственности на землю всегда ограничивалось государством в больших или меньших размерах. Вообще же, институт частной собственности должен быть сохранен постольку, поскольку он полезен для общества.

Если собственники не выполняют никакой полезной социальной функции, то они не должны ожидать от государства сохранения за ними их исключительных прав. С этой точки зрения Вагнер подвергает критике право собственности на городские земельные участки и городские дома и находит, что «с социально-политической точки зрения и в интересах распределения следовало бы желать устранения этой формы частной собственности». Уничтожение права собственности на землю вообще и на орудия производства Вагнер не считает, при существующих хозяйственных условиях, ни возможным, ни желательным.

Из этого беглого очерка основных взглядов Вагнера можно видеть, как широко он смотрит на задачи социальной политики. Несмотря на то, что, как член прусского ландтага, он принадлежал к консервативной партии и был долгое время слодвижником известного антисемитического консервативного деятеля пастора Штеккера^{1*}, Вагнер является представителем такого социально-политического направления, которое приближается к социализму. Это обстоятельство вызвало разрыв Вагнера с «Союзом социальной политики»^{2*}, члены которого держались более умеренных воззрений.

Как теоретик, Вагнер понимает важность абстрактно-дедуктивного метода в политической экономии и чужд теоретической ограниченности исторической школы. Что касается до Шеффле, то этот замечательный ученый, взгляды которого в социально-политической области близки ко взглядам Вагнера, является сторонником так называемого «органического» метода в социологии — объяснения социальных явлений путем аналогии с биологическими. Огромная четырехтомная работа Шеффле «*Von und Leben des sozialen Körpers*» (1875—1878 гг.) представляет собой попытку дать широкую картину анатомии, физиологии и психологии человеческого общества как единого социального организма. Не буду-

чи социалистом, Шеффле немало содействовал распространению этого учения своей известной популярной брошюрой «Die Quintessenz des Sozialismus», выдержавшей множество изданий.

Представителем наиболее прогрессивной группы социал-политиков, мы считаем знаменитого мюнхенского профессора Луйо Брентано. Вагнер и Шеффле, несмотря на свой экономический радикализм, не прочь заключать союзы с самими реакционными общественными элементами. В особенности Вагнер слишком проникнут бюрократическими и националистическими традициями государства Гогенцоллернов¹, и его социализм нередко трудно отличить от деспотического пренебрежения поклонника сильной власти к частным правам граждан. Мощное государство пользуется таким обаянием в глазах Вагнера, что он готов пожертвовать ради него и гражданской свободой.

Государственный социализм как нельзя более соответствует старинным традициям Пруссии, и это прекрасно понял типичнейший и величайший представитель прусского государственного духа — князь Бисмарк². Но политика Бисмарка, встретившего деятельную поддержку со стороны Вагнера, имела во внутренней жизни Германии глубоко реакционное значение. Современная Германия нуждается в широком просторе для развития своих общественных сил, наталкивающихся на стену бюрократических стеснений. Государственная власть выступает в немецких государствах врагом демократических течений, и потому все прогрессивные партии Германии стремятся в настоящее время к усилению влияния общества на государство, к расширению общественной самодеятельности во всех областях народной жизни.

Защите этих стремлений в экономической области и посвящена научная деятельность Брентано. Если Вагнер выражает в немецкой экономической мысли прусское начало государственного социализма, то Брентано служит выражением в ней либерального духа Англии. Первая выдающаяся работа Брентано «Die Arbeitergilden der Gegenwart» (1871 — 1872 гг.) посвящена английским рабочим союзам, с которыми он познакомился во время своего пребывания в Англии. Свободная английская жизнь, сравнительное благосостояние английских рабочих, их энергия и удивительная способность к самопомощи, благодаря которой им удалось создать свои мощные организации, ограждающие их интересы лучше всякого закона, произвели глубокое впечатление на немецкого экономиста. Английская фабрика, победоносно разносящая английское влияние по всем частям света и создавшая колоссальное богатство страны, показала Брентано экономическую мощь крупного капиталистического производства. Все успехи Англии покоятся на ее быстром усвоении передовых форм промышленности; в центре мировой торговли, рядом с колоссальными прядильными и ткацкими фабриками Манчестера и Ольдгэма, романтические симпатии к старинным формам хозяйства, к ручной прялке и грубому ткацкому станку в крестьянской избе какой-нибудь живописной горной деревушки, не могли не растаять, как ночной туман при

ясном блеске солнца. Окунувшись в английскую жизнь, Brentano вынес из нее твердое и законченное экономическое мирозерцание, которому он остался верен и поныне.

Будучи сторонником свободного развития общественной самостоятельности, Brentano отнюдь не служит идолу свободной конкуренции. Наоборот, он признает настоятельную необходимость ограничения последней путем сплочения конкурирующих лиц в мощные организации. При свободной конкуренции побеждает сильнейший, поэтому интерес слабых требует поставить на место слабой личности сильную группу. История показывает, — говорит Brentano, — что слабейшие общественные элементы всегда стремились сплотиться в такие группы. Это имело место в средние века, когда подмастерья образовывали обширные общества самопомощи, это же мы видим и ныне в рабочих союзах.

Экономисты-классики рассматривали рабочую силу человека как товар. Но если она и товар, то товар совершенно особого рода. Все прочие товары ничем не связаны с личностью владельца; напротив, товар рабочая сила есть сам человек. Это ставит продавцов рабочей силы в очень неблагоприятное положение, еще усиливаемое тем, что рабочие лишены средств к существованию. Они не могут ждать с продажей своего товара и, при полной свободе конкуренции, не могут ограждать своих интересов в борьбе с покупателями рабочей силы, капиталистами.

Помочь этому злу могут союзы рабочих. Изучение английских тред-юнионов показало Brentano огромное значение их в смысле поднятия материального и культурного уровня жизни рабочих. В противность консервативному крылу социал-политиков, Brentano является самым горячим сторонником распространения профессиональной организации также среди немецких рабочих. Но вместе с тем, Brentano требует широкой социально-политической деятельности со стороны государства. Социальное законодательство и самопомощь рабочих должны идти рядом рука об руку. Рабочие союзы бессильны, без помощи государства, оградить интересы обширной массы чернорабочего, необученного труда, так как членами союзов являются лишь избранные рабочего класса, рабочая аристократия; но и государство, без помощи самих рабочих, не может достигнуть многого в деле их охраны, так как при пассивном отношении рабочих самые лучшие законы не будут иметь практического применения. Самоохрана рабочих есть необходимое условие охраны их государством.

Одной из теоретических основ экономического мирозерцания Brentano является его убеждение, что технический прогресс есть основа социального. Развитие капиталистического хозяйства только на первых порах ведет к ухудшению положения рабочих. Последующие же шаги капитализма сопровождаются поднятием заработной платы, сокращением рабочего дня и вообще подъемом рабочего класса. Интересы предпринимателей отнюдь не страдают от этого, ибо высокая заработная плата и короткий рабочий день в огромной мере повышают производительность труда. Этим объ-

ясняется тот факт, что на мировом рынке побеждают страны с лучше оплачиваемыми рабочими. В противоположность взгляду Рикардо, что выгода рабочих есть убыток капиталистов, Brentano утверждает, что выгоды обоих враждующих ныне классов, в конце концов, совпадают.

Эта точка зрения, впервые высказанная автором в небольшой, но чрезвычайно содержательной брошюре: «Über das Verhältniss von Arbeitslohn und Arbeitszeit zur Arbeitsleistung» (1876), есть источник и силы и слабости экономического мировоззрения Brentano. С одной стороны, она делает мюнхенского профессора решительным противником всяких открытых или явных попыток воскрешения отживших форм хозяйства. В противность многим социал-политикам, боящимся революционного характера капитализма и потому сочувствующих консервативному строю мелкого производства, Brentano всецело на стороне капитализма. По этой же причине — вследствие убеждения в солидарности интересов капиталистов и рабочих — Brentano искренно сочувствует рабочим организациям и требует для них самой широкой свободы. Он — несомненный и решительный защитник экономического прогресса, и в этом его сила.

Слабость Brentano и всей его школы (среди которой выделяется талантливый фрейбургский профессор Шульце-Геве-рниц¹*, автор переведенных на русский язык интересных работ «Крупное производство» и «Очерки общественного хозяйства и экономической политики России») заключается в чрезмерном экономическом и социальном оптимизме. Стремясь к «социальному миру», Brentano усматривает мир и там, где на самом деле кипит ожесточенная борьба. Картина современной действительности представляется нашему ученому в слишком розовом свете. На самом же деле, если интересы капиталистов и рабочих в некоторых отношениях вполне солидарны (и те и другие заинтересованы, напр., в благоприятных условиях сбыта продуктов производства), то в других отношениях эти интересы прямо противоположны; классовый антагонизм продавцов и покупателей рабочей силы коренится в самом существовании наемного труда и потому исчезнуть никогда не может. Все рассуждения Brentano и его ученика Шульце-Геве-рница о «социальном мире» выражают лишь благие пожелания авторов, но мало характеризуют действительность. Даже для Англии картина социального прогресса, рисуемая школой Brentano, слишком подслащена и является в значительной мере «нас возвышающим обманом», которым социальные гармонисты хотят заставить читателя забыть о «горькой истине». Классовая борьба в Англии нашего времени приняла, правда, более культурные и целесообразные формы (рабочие теперь уже не разрушают машин и не поджигают фабрик), но не стала от этого менее энергичной, и условия рабочего договора, как раньше, так и теперь, диктуются в конечном счете силой.

Очерк VII

АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

Мы указали в предыдущем очерке, что историческое направление в политической экономии встретило в новейшее время сильную оппозицию в лице знаменитого австрийского экономиста Карла Менгера и его школы. По своим социально-политическим взглядам австрийские экономисты мало отличаются от своих немецких коллег и подобно последним являются сторонниками социальных реформ. Оригинальность австрийской школы всецело коренится в области экономической теории. Быть может, не будет преувеличением сказать, что в трудах школы Менгера абстрактная экономическая теория сделала самый крупный шаг вперед со времени Рикардо.

Из работ признанного главы школы, профессора Венского университета Карла Менгера (род. в 1840 г.) наиболее замечательны две: «Grundsätze der Volkswirtschaftslehre» (1871) и «Untersuchungen über die Methode der Socialwissenschaften und der Politischen Oekonomie insbesondere» (1883). Во второй работе Менгер выступает с блестящей критикой германской исторической школы. Он не отрицает важности и необходимости изучения истории хозяйства, не указывает на то, что описательная наука истории хозяйства не имеет ничего общего с абстрактной наукой теории хозяйственного процесса. Надежды, которые германские экономисты возлагали на исторический метод как на средство преобразования экономической теории, свидетельствуют лишь о непонимании ими задач этой последней. Теоретическая политическая экономия отнюдь не задается целью описать хозяйственные явления в их индивидуальной сложности в различных странах и в различные исторические эпохи. Это дело описательных наук — статистики и истории хозяйства. Абстрактная экономическая теория стремится к иному — к установлению общих типов хозяйственных явлений и к открытию, путем абстракции, точных экономических законов, которые характеризуют хозяйственный процесс в его идеальном виде, т.е. не так, как он совершается в действительности, а как он совершался бы при отсутствии осложняющих обстоятельств. Поэтому экономические законы не выражают действительности в ее полноте. В этом отношении политическая экономия разделяет лишь общую слабость точных наук. Физика и химия всеми признаются образцом точного изучения явлений природы. Исследуют ли, однако, эти науки реальные конкретные явления или же абстрактные типы явлений? Несомненно, последнее. Законы газообразных тел, напр., закон Бойля и Мариотта^{1*}, не применимы в полной мере ни к одному реальному газу и ха-

рактизируют лишь некоторые идеальные, представляемые состояния, к которым реальные явления приближаются в большей или меньшей степени. Точно так же химия трактует об элементах, но абсолютно чистых элементах, абсолютно чистого кислорода, водорода, золота не существует в природе — всякое реальное тело есть смесь или соединение нескольких элементов; следовательно, и химия изучает не реальные явления, а лишь абстрактные типы их, почему и выводы химии могут считаться точными лишь по отношению к этим идеальным типам. Таким образом, абстракция отвлечение от осложняющих обстоятельств, есть метод всех точных наук, выводы которых абстрактно, в применении к представляемым явлениям, совершенно точны, но конкретно, в применении к реальным фактам природы, точны лишь приблизительно.

Теоретическая политическая экономия есть именно такая абстрактная точная наука. Экономист исходит из предположения, что человек руководствуется в своей хозяйственной деятельности лишь одним мотивом эгоизма, или, что одно и то же, хозяйственным расчетом. Все другие мотивы человеческой деятельности игнорируются экономистом; конечно, экономист знает, что посылка эгоизма есть лишь условное допущение, абстракция, не охватывающая всей сложности конкретного явления. Но абстракция эта методологически совершенно законна и правильна, ибо эгоизм есть действительно важнейший (хотя и не единственный) мотив хозяйственной деятельности человека. Правда, благодаря тому, что экономист строит свои выводы на абстракции, выводы его не могут вполне совпадать с действительностью. Но этот же недостаток присущ, как мы видели, и всем законам естествознания.

Отсюда ясна несостоятельность попыток создать научную экономическую теорию из индуктивного изучения хозяйственных явлений в их конкретной сложности. Всякая точная наука абстрактна — абстрактной наукой должна быть и политическая экономия. Политическая экономия установила целый ряд точных законов экономических явлений, найденных при помощи дедуктивного абстрактного метода, который не может быть заменен никаким иным.

Книга Менгера вызвала горячую полемику. Сторонники исторической школы отвечали в более или менее резком тоне, но не могли не признать, что указания Менгера на теоретическую слабость экономистов исторической школы не совсем несправедливы. Однако методологические соображения, подобные вышеприведенным, несмотря на свое большее или меньшее остроумие, никогда не могут иметь такой убедительной силы, как успешное применение защищаемых методологических приемов на практике. Подобно тому, как победа есть лучшее доказательство искусства полководца, так и правильность научного метода лучше всего обнаруживается его плодотворностью, научными результатами его применения. Исторический метод остается пока в экономической теории совершенно бесплодным. Экономисты-историки не только не произвели в политической экономии революции, которую они воз-

вестили с таким шумом, но и не внесли в науку никаких существенных изменений, не выдвинули никакой новой экономической теории, хотя бы и частного характера. Напротив, школа Менгера, пользуясь абстрактно-дедуктивным методом, пришла к совершенно новым и чрезвычайно важным теоретическим выводам. Она дала новую теорию ценности, которая имеет все шансы стать общепринятой в науке¹.

Теория эта имеет свою длинную историю. Основания ее впервые были установлены немецким экономистом Госсеном² в сочинении «*Entwicklung der Gesetze des menschlichen Verkehrs*» (1854), совершенно непонятым современниками и незамеченным при своем выходе никем. О Госсене вспомнили только в последнее время, когда та же теория ценности была вновь развита независимо друг от друга несколькими экономистами: Девонсом³ («*Theory of Political Economy*», 1871), Менгером («*Grundsätze der Volkswirtschaftslehre*», 1871) и Леоном Вальрасом⁴ («*Éléments d'économie politique pure*», 1874). Ученики Менгера — Визер⁵ (в сочинениях: «*Ueber den Ursprung und die Hauptgesetze des wirtschaftlichen Werthes*», 1884, и «*Der natürliche Werth*», 1889) и Бем-Баверк⁶ («*Grundzüge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerthes*», *Jahrbücher*, Конрада, 1886 и «*Kapital und Kapitalzins*», II Theil, 1889) прибавили к рассматриваемой теории много существенных дополнений. За последние годы литература новой теории ценности разрослась в огромных размерах, и приводить ее мы не будем.

Теория ценности австрийской школы принадлежит к числу теорий, выводящих ценность из полезности предметов нашего хозяйства. Существование известной связи между полезностью хозяйственного предмета и его ценностью кажется почти очевидным с точки зрения простого здравого смысла. Мы ценим только то, что нам полезно, и чем выше, чем больше получаемая нами польза, — вот что нам говорит, по-видимому, неспорченный никакой теорией здравый смысл.

Однако более внимательное изучение проблемы ценности обнаруживает значительные трудности, к которым приводит эта точка зрения. Дело в том, что мы совершенно не ценим многие предметы, полезность которых не подлежит ни малейшему сомнению. Так, мы не ценим воздуха, воды, без которых жизнь невозможна. Далее, мы нередко высоко ценим предметы, полезность которых, по-видимому, весьма невелика, и низко ценим предметы, несравненно более полезные. Хлеб полезнее алмаза и железо полезнее золота, а между тем цена алмаза или золота во много тысяч раз превосходит цену хлеба или железа. Эти факты находятся, по-видимому, в неустрашимом противоречии с выводами «простого здравого смысла».

Многие экономисты (особенно Сэ и Шторх)⁷ пытались построить теорию ценности на базе полезности хозяйственных предметов. Попытки эти, однако, были совершенно безуспешны — указанные факты не находили себе никакого объяснения с точки зрения теории полезности.

Невозможность объяснить явления ценности, исходя из полезности хозяйственных предметов, привела к тому, что в науке утвердилась так называемая трудовая теория ценности, в том виде, как она была развита Рикардо. Основным недостатком этой теории является то, что она признает два различных источника ценности: 1) затраченный на производство труд для всех свободно воспроизводимых продуктов, и 2) спрос и предложение для предметов невозпроизводимых свободно (как, напр., земля, все предметы, находящиеся в монопольном владении, продукты индивидуального творчества — предметы искусства и пр.). Той же двойственностью отличается, с точки зрения теории, и объяснение товарных цен: средние цены товаров регулируются, согласно трудовой теории ценности, трудом, но рыночные товарные цены колеблются под влиянием спроса и предложения.

Таким образом, трудовая теория ценности не в силах объяснить все явления ценности, во всем их объеме, и принуждена признавать наряду с трудом действие совершенно иного начала, чем труд, — спроса и предложения. Между тем, очевидно, что процесс оценки воспроизводимых и невозпроизводимых предметов по существу один и тот же; точно так же очевидно, что средние товарные цены слагаются из рыночных цен, почему и нельзя исходить при объяснении цен того и другого рода из различных принципов.

Таким образом, обе названных теории ценности — теория полезности, или, что одно и то же, спроса и предложения, и трудовая теория — были недостаточны для полного объяснения основного экономического явления ценности. Это вело к нескончаемым спорам между экономистами. Все экономисты делились на два лагеря: одни, практики, сосредоточившие свое внимание на индивидуальных, рыночных товарных ценах, утверждали, что спрос и предложение, иначе говоря — относительная полезность товаров, регулируют их цены; другие, теоретики, более интересовавшиеся средними ценами, признавали труд производства основным фактором цены. Каждая из спорящих сторон могла привести в свою пользу серьезные соображения и с успехом опровергнуть противоположную теорию. Но так как оба противника были в одинаковом положении, то и дело соглашения не подвигалось ни на шаг.

Теоретический спор осложнился социальными симпатиями и политическими страстями. Мы говорили выше, что трудовая теория ценности легко допускает этическое толкование: из положения, что ценность создается трудом, можно вывести право рабочего на весь вырабатываемый им продукт. С этой точки зрения, прибыль капиталиста есть не что иное, как неоплаченный труд рабочего. Такое истолкование трудовой теории ценности вызвало к ней горячие симпатии в лагере рабочих и сделало ее крайне непопулярной в буржуазном лагере. Возникло совершенно неверное представление, основанное на смешении задач науки и политики, будто социализм связан каким-то таинственным образом с трудовой теорией ценности и будто бы, доказав или опровергнув трудо-

вую теорию ценности, можно нанести удар современному общественному строю или поддержать его. Понятно, что все это только подливало масла в огонь, и спор о природе ценности разгорался и принимал более ожесточенный характер.

Оставляя в стороне политику, следует признать, что обе спорящие стороны были правы в своей критике противника и неправы в своей исключительности. Сторонники теории спроса и предложения неопровержимо доказывали ссылками на общеизвестные факты, что труд не может объяснить рыночных колебаний товарных цен, а также и средних цен множества предметов экономического оборота, напр., хотя бы земли; точно так же защитники трудовой теории совершенно верно указывали на невозможность понять, с точки зрения полезности или спроса и предложения, почему средние цены товара так различны и многие предметы, в высшей степени полезные, совсем не имеют цены.

При таком положении вещей можно было думать, что наука совсем должна отказаться от законченной монистической теории ценности и что единственным выходом остается эклектизм. Великая заслуга австрийской школы, вместе с вышеназванными учеными Госсеном, Джевонсом и Вальрасом, заключается в том, что школа эта обещает навсегда покончить споры о ценности, дав полное, исчерпывающее объяснение тем явлениям процесса оценки, исходя из одного основного принципа.

Отправным пунктом новой теории является точное определение понятия полезности хозяйственного предмета. Неудача всех предшествовавших попыток установить зависимость ценности от полезности проистекала из того, что не различали общей абстрактной полезности того или иного рода вещей от действительной пользы, приносимой данным конкретным предметом. Поясним примером. Мы говорим, что вода полезна. И это совершенно верно по отношению к воде вообще как определенному роду вещей или по отношению ко всему запасу воды как целому. Но можно ли утверждать, что каждое ведро воды в реке приносит нам пользу? Правда, любой стакан воды может утолить жажду, но фактически не вся вода, а только ничтожная ее часть служит для удовлетворения наших потребностей. Поэтому, если речь идет о родовой полезности воды или о полезности всего запаса воды, то мы должны признать воду полезной. Но если дело идет о полезности той или иной конкретной части общего запаса воды, то вопрос решается совершенно иначе: не подлежит сомнению, что большая часть воды в реке мне совершенно не нужна и для меня совершенно бесполезна.

Итак, конкретная, действительная польза данного предмета есть совершенно иное, чем абстрактная, возможная полезность данного рода вещей. Вода принадлежит к числу предметов, необходимых для жизни, — но только ничтожная доля воды действительно удовлетворяет нашим потребностям и приносит нам пользу.

Конкретная польза, извлекаемая нами из различных конкретных предметов одного и того же рода, в равной мере пригодных по своим физическим свойствам к тому, чтобы удовлетворить нашим потребностям, весьма различна. Первая кружка воды из реки служит мне для питья — она поддерживает мою жизнь; ее пользу можно считать наибольшей. Вторая кружка служит мне для умывания; она удовлетворяет моей потребности в чистоте — полезность ее уже несравненно меньше. Третью кружку я, быть может, употреблю на поливку цветов — она послужит для удовлетворения еще менее важной потребности. Наконец, для четвертой или пятой кружки я могу не найти никакого употребления — полезность ее будет равна нулю.

Легко понять, что эти соображения применимы решительно ко всем предметам, с которыми мы имеем дело в хозяйстве. Возьмем, например, хлеб. Действительная польза, извлекаемая нами из каждого фунта имеющегося в нашем обладании хлебного запаса, не одинакова, но образует собой убывающий ряд. Чем больше запас, тем менее важные потребности удовлетворяются продуктами того же рода, тем ниже спускается полезность последнего члена этого ряда. Эту наименьшую полезность единицы данного запаса хозяйственных предметов Джевонс и Визер назвали *предельной полезностью* предмета (*final degree of utility*, *Grenznutzen*).

Теперь мы можем перейти к проблеме ценности. Мы ценим тот или иной предмет благодаря сознаваемой нами зависимости нашего благополучия от обладания данным предметом. Если утрата известного предмета причиняет нам страдание или уменьшает наше благосостояние, если при отсутствии данного предмета какая-нибудь наша потребность останется неудовлетворенной, то мы, понимая, в качестве разумных существ, связь следствия с причиной, не можем не придавать обладанию данным предметом тем больше значения, важности, чем более важная потребность останется неудовлетворенной в случае утраты предмета. Хозяйственная ценность предмета есть не что иное, как сознаваемое нами его значение, важность по отношению к нашему хозяйственному благополучию. Процесс оценки естественно вытекает из нашей рассудочной способности, в связи, с одной стороны (субъективной), с нашим стремлением к увеличению своего благополучия и уменьшению страдания, с другой (объективной), с зависимостью нашего благополучия от обладания внешними предметами. Внешним выражением нашей оценки предмета является наша деятельность, направленная на приобретение данного предмета или сохранение его. Чем выше наша оценка, тем больше труда мы согласимся затратить на приобретение или сохранение предмета, тем большим количеством других ценных предметов мы пожертвуем ради него.

Мы видели, что конкретная полезность отдельных единиц хозяйственного запаса образует понижаящийся ряд; каждая последующая единица запаса удовлетворяет менее важной потребности. Допустим, что в нашем распоряжении имеется ограни-

ченный запас полезных предметов известного рода. Спрашивается, какая потребность останется неудовлетворенной, если мы утратим единицу из данного запаса? Она может удовлетворять более важным и менее важным потребностям: стакан воды может служить для питья или употребляться для поливки цветов. От удовлетворения какой потребности я откажусь, если лишусь единицы из данного запаса предметов? Ответ ясен: утрата некоторой части запаса поведет, конечно, к неудовлетворению *наименее важной потребности из числа могущих быть удовлетворенными при помощи данного запаса*. Если у меня мало воды, то я откажусь от поливки цветов, но не лишу себя питья. Итак, не наибольшая и не средняя полезность предмета, но его *предельная полезность* (в вышеуказанном смысле) определяет важность потребности, остающейся неудовлетворенной в случае утраты этого предмета.

Мы сказали, что наша оценка предмета есть не что иное, как признание зависимости нашего благополучия от обладания данным предметом. Мы только что видели, что от обладания предметом зависит удовлетворение *наименее важной потребности* из всех, удовлетворенных при помощи запаса предметов этого рода, которым мы располагаем.

Таково решение проблемы ценности. Предельная полезность, а не общая полезность запаса или же средняя полезность предметов известного рода, регулирует их ценность. Конкретная польза каждой единицы общего запаса различна, но ценность всех этих единиц не может не быть одинаковой. Поэтому следует строго различать понятия ценности и полезности. Вследствие смешения этих понятий наука долгое время не могла выбраться из запутанного лабиринта сложных и разнообразных факторов ценности; понятие предельной полезности дает нам ариаднину нить для выхода из этого лабиринта.

Теория предельной полезности легко разрешает все трудности, которые казались непреодолимыми с точки зрения предшествовавших теорий полезности. Почему вода и воздух не имеют никакой ценности? Потому, что большая часть воды и воздуха для нас совершенно бесполезна, — предельная полезность их равна нулю. Почему алмаз ценится гораздо дороже хлеба, а золото дороже железа? Потому что, хотя потребность в хлебе несравненно сильнее потребности в алмазах, а потребность в железе сильнее потребности в золоте, но зато потребности в хлебе и в железе удовлетворяются гораздо полнее, чем потребности в алмазах или золоте. Максимальная полезность хлеба несравненно выше полезности алмаза, но предельная полезность хлеба ниже, чем алмаза.

Потребность в алмазах у тех классов населения, которые покупают их, очень далека от удовлетворения, между тем, как потребность в пище у достаточных классов удовлетворяется до конца.

Абстрактная, возможная полезность предмета не зависит от величины запаса предметов этого рода в нашем распоряжении. Но предельная полезность — иными словами, действительная

польза последнего члена понижающегося ряда — должна быть тем меньше, чем больше запас. Не следует, однако, думать, что предельная полезность падает в случае увеличения запаса строго пропорционально этому увеличению. Ни о какой математической пропорциональности не может быть в данном случае и речи. Предельная полезность одних товаров, в особенности предметов необходимости, падает гораздо быстрее увеличения запаса, благодаря тому, что потребность в них легко насыщается. Количество пищи, которое может потребить человек, ограничивается вместимостью желудка. Если пищи очень много, то ее предельная полезность быстро спускается до очень низкой величины — иногда почти до нуля. По этой причине мясо не имеет почти никакой цены у пастушеских народов. Напротив, потребность в предметах роскоши и украшения почти никогда не достигает полного насыщения. Увеличение запаса драгоценностей не сопровождается быстрым понижением их предельной полезности, благодаря тому, что потребность в них всегда остается далекой от удовлетворения.

Все это объясняет, почему цена предметов необходимости испытывает такие резкие колебания под влиянием колебаний предложения, в то время как цена предметов роскоши отличается сравнительной устойчивостью. Каждый товар имеет свою шкалу насыщения соответствующей потребности, — и эта шкала определяет, какое влияние колебания предложения оказывают на цену товара. Вот почему так называемый закон спроса и предложения не может быть выражен в математической форме.

Такова сущность новой теории ценности, развитие которой составляет заслугу, главным образом, австрийской школы. Мы могли наметить только основную идею теории предельной полезности, оставляя в стороне подробности и не показав применения этой теории к разрешению всех самых трудных и запутанных случаев образования цен в современном меновом хозяйстве. Последнее потребовало бы слишком много места, и мы должны были ограничиться сказанным. Но и этого немногого достаточно, чтобы оценить великое значение теории предельной полезности. Она впервые дала исчерпывающее объяснение механизму оценки, выяснила психические процессы, результатом которых является цена. Предшествовавшие теории ценности почти не занимались субъективным моментом, лежащим в основании цены. Все знали, что чем больше запас хозяйственных предметов известного рода, тем ниже мы ценим каждый из них, но почему мы расцениваем предметы именно так, а не иначе, почему увеличение предложения понижает, а не повышает расценку — это оставалось невыясненным. Существовал некоторый перерыв в объяснении механизма строения цен: между объективным моментом предложения продуктов на рынке и субъективным моментом расценки была ничем не заполненная пустота. Теория предельной полезности заполнила эту пустоту — она показала передаточные ремни, которые связывают в субъекте объ-

ективные факторы цены с ценами. А так как, при огромной сложности социальной жизни, понимание ее законов невысказимо без понимания психических процессов, определяющих поведение индивида, его мотивацию (вся дедуктивная политическая экономика исходит из посылки хозяйственного расчета как руководящего мотива хозяйственной деятельности), то выяснение субъективного, психического процесса оценки не могло не пролить нового света и на объективный механизм строения цен¹.

¹ Критику теории предельной полезности и трудовой теории см. в моей книге «Теоретические основы марксизма».

польза последнего члена понижающегося ряда — должна быть тем меньше, чем больше запас. Не следует, однако, думать, что предельная полезность падает в случае увеличения запаса строго пропорционально этому увеличению. Ни о какой математической пропорциональности не может быть в данном случае и речи. Предельная полезность одних товаров, в особенности предметов необходимости, падает гораздо быстрее увеличения запаса, благодаря тому, что потребность в них легко насыщается. Количество пищи, которое может потребить человек, ограничивается вместимостью желудка. Если пищи очень много, то ее предельная полезность быстро спускается до очень низкой величины — иногда почти до нуля. По этой причине мясо не имеет почти никакой цены у пастушеских народов. Напротив, потребность в предметах роскоши и украшения почти никогда не достигает полного насыщения. Увеличение запаса драгоценностей не сопровождается быстрым понижением их предельной полезности, благодаря тому, что потребность в них всегда остается далекой от удовлетворения.

Все это объясняет, почему цена предметов необходимости испытывает такие резкие колебания под влиянием колебаний предложения, в то время как цена предметов роскоши отличается сравнительной устойчивостью. Каждый товар имеет свою шкалу насыщения соответствующей потребности, — и эта шкала определяет, какое влияние колебания предложения оказывают на цену товара. Вот почему так называемый закон спроса и предложения не может быть выражен в математической форме.

Такова сущность новой теории ценности, развитие которой составляет заслугу, главным образом, австрийской школы. Мы могли наметить только основную идею теории предельной полезности, оставляя в стороне подробности и не показав применения этой теории к разрешению всех самых трудных и запутанных случаев образования цен в современном меновом хозяйстве. Последнее потребовало бы слишком много места, и мы должны были ограничиться сказанным. Но и этого немногого достаточно, чтобы оценить великое значение теории предельной полезности. Она впервые дала исчерпывающее объяснение механизму оценки, выяснила психические процессы, результатом которых является цена. Предшествовавшие теории ценности почти не занимались субъективным моментом, лежащим в основании цены. Все знали, что чем больше запас хозяйственных предметов известного рода, тем ниже мы ценим каждый из них, но *почему* мы расцениваем предметы именно так, а не иначе, *почему* увеличение предложения понижает, а не повышает расценку — это оставалось невыясненным. Существовал некоторый перерыв в объяснении механизма строения цен: между объективным моментом предложения продуктов на рынке и субъективным моментом расценки была ничем не заполненная пустота. Теория предельной полезности заполнила эту пустоту — она показала передаточные ремни, которые связывают в субъекте объ-

ективные факторы цены с ценами. А так как, при огромной сложности социальной жизни, понимание ее законов невысказимо без понимания психических процессов, определяющих поведение индивида, его мотивацию (вся дедуктивная политическая экономика исходит из посылки хозяйственного расчета как руководящего мотива хозяйственной деятельности), то выяснение субъективного, психического процесса оценки не могло не пролить нового света и на объективный механизм строения цен¹.

¹ Критику теории предельной полезности и трудовой теории см. в моей книге «Теоретические основы марксизма».

Очерк VIII

ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬЗУ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ

Первым провозвестником современного движения в пользу национализации земли^{1*} обыкновенно считают Томаса Спенса^{2*}, бывшего в молодости учителем в Ньюкастле (в Англии), а затем посвятившего жизнь агитации в пользу этой идеи. Агитация его приняла более энергичный характер и обратила на себя внимание английского общества и правительства в тревожное время начала XIX века, хотя Спенс, по его собственному показанию, впервые высказал свою мысль еще в 1775 году, в докладе, перепечатанном значительно позже, в 1796 году, под заглавием «The meridian Sun of Liberty» («Полуденное солнце свободы»).

В этом докладе Спенс доказывает, что живущие в данной стране имеют равное право на землю этой страны какового права они не могут быть лишены людьми, раньше их жившими там же. Поэтому земля, естественно, должна принадлежать всему обществу; захват земли частными собственниками в пользу свою равносителен нарушению естественных прав общества. Общество должно поэтому восстановить свое нарушенное право и вернуть себе землю. При этом земля должна перейти во владение не всего государства в его целом, но отдельных приходов, из которых состоит страна. Каждый приход должен образовать собой особую общину, участия в которой может требовать каждый постоянный житель данной местности. Земля общины не должна, однако, обрабатываться сообща ее членами, а должна отдаваться в аренду^{3*} отдельными участками на определенные сроки с торгов всем желающим. Получаемые общиной суммы должны служить для покрытия всех издержек^{4*} как государства, так и самой общины. Таким образом, все существующие налоги^{5*} заменяются, по плану Спенса, арендной платой с общинной земли.

Суммы, остающиеся за покрытием расходов государства и общины, должны ежегодно распределяться поровну между всеми членами общины. По мнению Спенса, землевладельцы не имеют никакого права на вознаграждение со стороны общины за отчуждаемую у них землю, так как те лица, которые впервые присвоили себе землю, совершили насильственное похищение чужой собственности, а те, кто получил землю по наследству, дару или покупке от этих первых похитителей, являются укрывателями чужого, не принадлежащего им имущества.

Идеи Спенса приобрели известную популярность в народных массах Англии в первые десятилетия закончившегося века; прави-

тельство утверждало даже, что в 1817 г. сторонники Спенса подготавливали восстание с целью насильственным путем осуществить предполагавшуюся земельную реформу. Но, по-видимому, все это восстание было только выдумкой правительства для оправдания разного рода стеснительных мер, принимавшихся им в это время крайней политической реакции.

Через некоторое время, однако, движение в пользу земельной реформы приобрело в Англии большое общественное значение. В 30-х и 40-х годах развивается в Англии до сих пор еще мало исследованное и понятое, могущественное народное движение чартизма. Чартизм быстро достиг такой силы, что угрожал, по мнению очень многих, опрокинуть весь политический и социальный строй государства, но затем так же быстро пламя чартизма погасло. Социальной почвой чартизма было крайнее ухудшение экономического положения массы английского населения, вызванное развитием капитализма и тяжелыми промышленными кризисами 30-х и 40-х годов, сопровождавшимися безработицей промышленных рабочих, небывалой по своей продолжительности и огромному распространению. Эта безработица особенно обострилась в конце 30-х и начале 40-х годов, и именно в это время движение чартизма достигло своей наибольшей силы.

По своей политической программе чартизм был движением в пользу реформы английского парламента на демократических началах (всеобщее, равное и тайное голосование, отмена имущественного ценза для депутатов, однолетний парламент и жалование депутатам — таковы были пункты «хартин»); по своему же экономическому содержанию чартизм был протестом английского рабочего против новых условий жизни, в которых он был поставлен промышленной революцией и быстрым ростом фабричной промышленности. Общей экономической программы чартизм не имел, так как различные группы чартистов выставляли и различные требования экономического характера. Среди этих требований огромной популярностью пользовалось и требование национализации земли.

Оно было выдвинуто самой выдающейся головой движения — огненным и страстным защитником интересов угнетенного народа, ирландцем Бронтерром О'Бриеном¹). Среди всех чартистских вождей О'Бриен был единственным, ясно сознававшим, какие экономические цели могут быть поставлены движению, если будет достигнута политическая реформа. Еще до начала чартистского движения О'Бриен, бывший неутомимым агитатором и журналистом, издавал весьма влиятельный радикальный рабочий орган с ясно выраженной социалистической окраской «The Poor Man's Guardian» («Страж бедняка»). Центральным пунктом экономической программы О'Бриена было, как сказано, требование коренной земельной реформы.

Земельная рента чрезвычайно повысилась в Англии в первые десятилетия XIX века. В то же время, благодаря отмене в 1834 году старинных законов о бедных, значительно сократились ло-

жившиеся на землевладельцев расходы по содержанию бедных: бедные, получавшие содержание от прихода, должны были, согласно новому закону, жить в рабочем доме, представлявшем собой настоящую тюрьму. Не желавшие соглашаться на это лишались помощи, которую они привыкли рассматривать как свое право.

Развитие промышленности и торговли повело к быстрому росту народного богатства в Англии, но английский народ не только не получал от этого никаких выгод, но все глубже погружался в нищету. Естественно было спросить, чем же вызывается эта бедность, увеличивающаяся среди богатства?

Прежде всего, частной собственностью на землю, отвечает О'Бриен. «Допустите только, — говорит он в своей книге «The Rise and Progress of Human Slavery» («Рост и развитие человеческого рабства»), — чтобы территория известной страны, созданная Господом для всех на ней живущих и их потомков, была куплена отдельными лицами или монополизирована другим способом, и ваше общество распадется на тиранов и рабов, плутов, не желающих работать, и вычужных животных, готовых исполнять всякую работу. Никакие позднейшие законы, никакие самые искусные меры помощи не улучшат этой системы, в основе которой лежит возмутительная несправедливость».

Другой причиной социального неравенства и народной нужды является, по мнению О'Бриена, денежное ростовщичество — процент на капитал. «Наш рабочий класс, — говорит он, — как земледельцы, так и промышленные рабочие уже доведены жадностью хозяев до такого низкого состояния, какое только возможно без совершенной гибели народа; но денежное чудовище еще не насытилось, как последний ресурс это чудовище создало новый закон о бедных, чтобы низвести рабочих до самого низкого уровня жизни. Этот закон обращается с жертвами бедности так, как в других странах обращаются с осужденными преступниками; этот закон дает одежду преступника и тюрьму преступника изнемогающему человеку, труд которого обогатил чудовище и вина которого заключается только в том, что он не задушил чудовище столетие тому назад... Таковы последние ресурсы промышленной Англии... Да, мои друзья, новый закон о бедных есть последняя кровавая попытка денежного чудовища поддержать разваливающееся строение этой бесчеловечной системы — беспощадной и безжалостной системы, делающей вас бедняками среди произведенного вами самими богатства».

Во главу угла социальной реформы О'Бриен ставит возвращение всему обществу земли, насильственно захваченной землевладельцами. Однако, в противность Спенсу, О'Бриен не считает возможным отобрать землю у землевладельцев без всякого вознаграждения. Правда, землевладельцы не имеют на это вознаграждение никакого нравственного права, так как у них отбирается нечто, не созданное ими самими. Но все же по соображениям целесообразности, чтобы не вызывать слишком энергичного сопро-

тивления, следует вознаградить землевладельцев за отбираемую у них землю.

Землевладельцам могло бы быть предоставлено, по их усмотрению, сохранять до своей смерти свою землю в своих же руках или же продать ее государству. После смерти владельца его земля поступает в собственность государства, выплачивающего наследникам ее полную ценность.

Но при этом государство отнюдь не должно уплачивать покупную сумму земли немедленно в полном размере. Столь же мало обязано государство уплачивать проценты землевладельцам на эту сумму, ибо процент на капитал основан на такой же эксплуатации трудящихся, как и землевладельческий доход. Государство вполне исполнит свои обязательства по отношению к землевладельцам, если оно за известный ряд лет — напр., за 30 лет — погасит целиком, но без всяких процентов, покупную сумму земли. В течение этих 30 лет государство будет передавать землевладельцам или их наследникам получаемую им ренту с отчужденных участков, а затем все обязательства государства по отношению к прежним землевладельцам будут признаны ликвидированными.

Земля, поступающая в распоряжение государства, не должна обрабатываться им за свой счет, но отдаваться, как это предлагал и Спенс, в аренду желающим с торгов. Никто, однако, не должен иметь право арендовать землю в большем размере, чем он может ее обработать собственными средствами; передача арендуемых участков должна быть устранена.

Несмотря на обязательства, принимаемые на себя государством по отношению к землевладельцам, переход земли в распоряжение государства и отдача ее мелкими участками в аренду должны, по мнению О'Бриена, до такой степени повысить государственные доходы, что возможно будет уничтожение всех налогов — все государственные расходы будут покрываться арендной платой с государственной земли.

Хотя О'Бриен вел неумолимую агитацию за свой план национализации земли, имевший среди чартистов много сторонников, как о том свидетельствуют многочисленные резолюции чартистских митингов в его пользу, план этот не входил в официальную программу партии до 1852 г., когда чартистское движение уже было в упадке и ему остались верны лишь немногие, наиболее крайние элементы партии. Влиятельнейший вождь чартистов, Фергус О'Коннор^{1*}, противопоставил плану национализации земли свой собственный план аграрной реформы, под знаменем которой и боролись чартисты во второй половине 40-х годов.

О'Коннор, как и О'Бриен, видел в аграрном вопросе центр социального вопроса. Вообще чартизм был, как сказано, протестом английских рабочих масс против ужасов фабричной системы. Неудивительно, что провозглашенный О'Коннором клич: «Назад на землю!» («Back to the land!») встретил такое сочувствие английского рабочего, видевшего в фабрике своего главного врага. Противопоставление голодающей массы богатым фабрикантам было

обычной темой чартистских ораторов. Горячая ненависть к фабричной системе, указание на губительное влияние машин, на ошибочность торговой политики, стремящейся к развитию вывоза, вместо расширения внутреннего рынка, — всем этим были полны столбцы главного органа чартистов, «The Northern Star» («Северная звезда»). Газета эта вела упорную кампанию против «партии расширения торговли» и доказывала, что внутренний рынок важнее внешнего и что именно развитие внешней торговли и вызвало нищету английских рабочих.

Вместе с тем, О'Коннор и большинство чартистских вождей были горячими поклонниками земледелия и крестьянского хозяйства. Обезземеленье английской рабочей массы делало невозможным, по мнению О'Коннора, улучшение положения английского рабочего, так как скопление массы рабочих в городах вызывает при каждом сокращении торговли массовую безработицу, благодаря чему заработная плата занятых рабочих падает до самого низкого уровня. Пока рабочий рынок в городах не будет освобожден от постоянного наплыва рабочих из деревни, до тех пор промышленный рабочий не будет в силах отстоять себе сносное существование на фабрике.

Исходя из этих соображений О'Коннор утверждал, что интересы всей массы английских рабочих требуют широкого развития в деревне мелкого крестьянского хозяйства. По его мнению, правительство должно было бы заключить заем в 100 мил. ф. ст. (1 миллиард рублей) и на эту сумму выкупить у крупных землевладельцев землю, достаточную для образования 1 миллиона крестьянских хозяйств. Таким образом, значительная часть английского населения вернулась бы к земледелию, к выгоде, как своей собственной, так и тех, кто останется в городе.

Но так как английское правительство не обнаруживало никакой склонности совершить операцию, предлагавшуюся О'Коннором, а вождю чартистов нужно было предложить своим последователям нечто осуществимое в ближайшем же будущем, то он скоро отказался от своего первоначального проекта и выступил в начале 40-х годов с новым «земельным планом», быстро приобретшим широкую популярность и принятым на конференции чартистских делегатов в Бирмингеме в 1843 году.

Для пропаганды своего аграрного плана О'Коннор стал издавать особый орган «The Labourer» («Работник»). В этом органе он заявлял себя решительным врагом коммунизма, но другом кооперации. Он враг мелких ферм, сдаваемых в аренду, но друг мелкой крестьянской собственности. Мелкая собственность должна, по его мнению, чрезвычайно повысить производительность земледельческого труда, примером чего может служить бельгийское крестьянское хозяйство. С земледелием должна соединяться и обрабатывающая промышленность. «Жилище каждого поселенца, во время длинных зимних вечеров, должно стать местом оживленной домашней промышленности. Портной или сапожник не утратят своего искусства оттого, что научатся обращаться с ло-

патов. Они будут выделывать, во время, свободное от полевых работ, разные изделия для продажи». Вроде же земледелие, а не промышленность, должно стать основанием общественного хозяйства и давать занятие большей части населения.

Самый «земельный план» О'Коннора заключался в следующем. Рабочие должны образовать общество для покупки земли. Достаточно собрать по подписке 2 тысячи ф. ст. (20.000 р.), чтобы общество начало свои операции. Оно покупает землю, разбивает ее на мелкие участки, строит на каждом участке дома и сельскохозяйственные постройки, снабжает участки инвентарем, необходимым для сельского хозяйства. Жребий решает, кому из членов общества достаются эти участки. Владельцы участков уплачивают обществу 5% с ценности своих участков, построек и инвентаря. Общество закладывает приобретенную землю, покупает на вырученную сумму новую землю, которую опять распределяет по жребию между участниками, снова закладывает и т. д.

Рабочие горячо отозвались на призыв О'Коннора. Подписчики являлись тысячами. 14 марта 1846 года земельная ассоциация приобрела первое имение для разбивки его на мелкие участки. За первый год существования ассоциации ей удалось собрать с рабочих для покупки земли 11.678 ф. ст. (около 111 тысяч р.).

Успех подписки побудил О'Коннора несколько изменить свой план. А именно, вместо закладывания приобретаемых имений было решено привлекать от публики деньги под залог земельной собственности ассоциации.

Если вспомнить, что весь этот план насаждения крестьянского хозяйства на собственные средства рабочих без всякой помощи от государства предлагался полунизишим английским фабричным рабочим сороковых годов, то можно оценить всю его непрактичность. Но чрезвычайно характерно, что столь фантастичный план имел некоторое время крупный успех. Исстрадавшийся фабричный рабочий устремился за обманчивым призраком воскрешения исчезнувшего в Англии крестьянского хозяйства. За три года, к началу 1848 г., О'Коннору удалось собрать с рабочих по грошам крупную сумму в 94.184 ф. ст., причем число подписчиков превзошло 100 т. чел. Несколько имений было куплено и разбито на мелкие участки.

Неизбежное крушение этого предприятия было ускорено правительством. Присуждение земельных участков путем жребия было признано незаконной лотереей. Рабочие потеряли свои деньги, и вместе с «земельным планом» О'Коннора рухнул и чартизм. Чартистские вожди попытались тогда выставить другой лозунг — национализации земли, — но время чартизма уже миновало, и движение быстро угасло под влиянием наступившего в 50-х годах общего улучшения экономического положения английского рабочего класса.

Чартизм не вызвал никакой аграрной реформы, однако идея ее отнюдь не умерла.

Ни один экономист после Рикардо не пользовался в Англии таким всеобщим признанием и уважением, как Джон Стюарт Милль^{1*}. Его «Основания политической экономии» остаются и по настоящее время — через много десятилетий после их написания — классическим и, быть может, всего более читаемым руководством экономической науки. И вот, этот влиятельнейший и авторитетнейший представитель буржуазной политической экономии обнаружил самым недвусмысленным образом сочувствие идее коренной реформы частной собственности на землю.

«Земля, — говорит Милль в своем известном курсе, — не создана никем из людей, она коренное наследие человеческого рода. Ее присвоение частным лицом — исключительно вопрос общей пользы. Когда частная собственность на землю невыгодна для общества, она несправедлива. Лишить человека участия в том, что произведено другими, не значит поступить с ним жестоко; другие не были обязаны производить для него, и он ничего не теряет, не получая доли из того, что вовсе не существовало бы, если бы не было произведено трудом других. Но должно назвать жестоким положение того, кто, родившись на свет, находит, что все дары природы уже захвачены другими, не оставившими места новому товарищу... Поземельная собственность не похожа на другие роды собственности, это понимают даже упорнейшие защитники ее прав... Право землевладельцев на землю совершенно подчинено общей государственной политике. Принцип собственности вовсе не дает им права на землю, а дает только право на вознаграждение за ту часть получаемых ими от земли выгод, которую государство по своим надобностям найдет полезным взять у них».

По мнению Милля, государство имеет право совершенно свободно располагать земельной собственностью (при условии полного вознаграждения землевладельцев) сообразно общественным нуждам. «Если законодательная власть захочет, то может у всего класса землевладельцев отобрать землю, дав за нее облигации государственного долга».

Единственным справедливым обоснованием права собственности, — говорит Милль, — является трудовой принцип — право человека на продукты его труда. Земля не есть продукт человеческого труда — следовательно, этическое обоснование земельной собственности отпадает. Остаются соображения целесообразности: общество может находить, что для него выгодно, чтобы земля находилась в собственности отдельных лиц. Но это может быть лишь в том случае, если земельные собственники каким-нибудь способом участвуют в создании национального богатства и содействуют экономическому благополучию населения. Но что сказать о крупных землевладельцах, хотя бы Ирландии? Их отношение к земле выражается лишь взиманием арендной платы с арендаторов их имений. Они не только не улучшают техники земледелия, но, напротив, препятствуют таковому улучшению, делая невозможным производство арендаторами меллиораций. «За немногими исключениями, ирландские землевладельцы только истощают произ-

водительность земли. К ним буквально применяется эпиграмма, сказанная кем-то при совещаниях о том, чем обременены земли: "величайшее обременение для земель — землевладельцы"... Когда поземельная собственность стала в такое положение, то прекращается возможность защищать ее».

Исходя из этих соображений, Милль основал в 1870 г. общество, поставившее себе целью земельную реформу. Сохраняя принцип вознаграждения землевладельцев за отчуждаемую от них землю, общество признавало, что государство должно стремиться сохранить за всем населением выгоды естественного прироста земельной ренты, не вызываемого деятельностью самих землевладельцев. Для этого государство должно было бы облагать землю особым налогом, возрастающим по мере естественного прироста доходности земли.

Взгляды Милля не могли не оказать большого влияния на образованные классы английского общества. О несправедливости земельной собственности высказался с еще большей определенностью и Герберт Спенсер в одном из своих ранних сочинений «Социальная статика». Частная собственность на землю должна, по его мнению, так же исчезнуть, как уже исчезла собственность на человеческую личность.

В более недавнее время выступил в Англии с энергичной агитацией в пользу национализации земли знаменитый натуралист Альфред Уоллэс^{1*}. Его книга «Land Nationalisation, its Necessity and its Aims» («Национализация земли, ее необходимость и цели») вышла в 1882 г. Уоллэс предлагал государству выкупить всю частную земельную собственность, причем выкуп должен заключаться в обеспечении государством землевладельцам их земельной ренты, но не навсегда, а лишь на время жизни владельцев и их наследников, родившихся до смерти этих владельцев. Самый выкуп должен быть произведен на следующих основаниях. Государство устанавливает, путем специальной оценки, какая часть ценности имущества создана землевладельцем (напр., ценность построек, разных улучшений и т.п.) или арендатором и какая связана с самой землей как даром природы. Только эта последняя часть ценности имущества и выкупается государством на указанных основаниях. Вся же ценность, созданная тем или иным лицом, признается его неотъемлемой собственностью.

Выкупленная государством земля остается в наследственном владении и распоряжении тех лиц, которые ею пользуются и в настоящее время. Если земля в аренде, то она поступает в распоряжение арендатора; если землей пользуется сам землевладелец, то — в распоряжение землевладельца. Никакого ограничения размера участков, поступающих во владение и пользование отдельных лиц, не назначается. Но арендатор может получить в свое пользование арендуемую землю лишь в случае уплаты собственнику всей ценности, созданной землевладельцем на этой земле и признанной собственностью последнего. Государство может оказывать помощь для уплаты арендатором этой суммы путем долговс-

рочной ссуды. Лицо, пользующееся землей, обязуется уплачивать государству ежегодную ренту, и, пока оно исправно вносит эту ренту, до тех пор земля остается в полном распоряжении этого лица, с тем лишь ограничением, что оно не имеет права передавать землю третьим лицам.

Наряду с этим, всем гражданам государства предоставляется, раз в жизни, выбрать в свое владение на известных условиях участок земли размером не свыше 5 акров¹ и не ниже 1 акра. За пользование этим участком следует такая же рента, как и за всякую другую землю. Имена ниже известного размера освобождаются от обязательства предоставлять желающим такие участки. Относительно имений больших размеров соблюдается правило, чтобы общая площадь имения не уменьшалась в течение жизни владельца, вследствие отвода названных участков, более, чем на 10% своих размеров. Владельцы имений вознаграждаются за отводимые участки согласно правительственной расценке.

Уоллэс основал «Общество национализации земли», которое, однако, вскоре лишилось своих самых деятельных членов, примкнувших к идеям американца Генри Джорджа, появление книги которого «Прогресс и бедность» (1879) знаменует собой новую эпоху в рассматриваемом движении.

Свободная государственная земля, имевшаяся в огромном количестве в Соединенных Штатах, долгое время играла роль предохранительного клапана американского капитализма. С востока на запад тянулся в Америке эмиграционный поток, уносивший излишнее население из восточных штатов, центров капиталистической промышленности, на дальний Запад, где земли имелось в изобилии и где каждый мог легко основать свое собственное земледельческое хозяйство. Но наступило время, когда этот клапан стал действовать менее успешно. И что особенно важно, это время наступило гораздо раньше истощения запаса незанятых, пустующих земель. Уже в 70-х годах закончившегося столетия поселенцы в западных штатах начинают жаловаться на трудность приискать свободный участок земли, несмотря на то, что огромные пространства земли остаются необработанными. Государственная земля была скуплена капиталистами восточных штатов в целях спекулирования на повышении ее цены, а также захвачена железнодорожными обществами, которым государство отводило огромные земельные участки даром. И те и другие находили выгодным держать землю в своих руках со спекулятивными целями, без всякого производительного употребления ее.

Грандиозные рабочие стачки в Америке в конце 70-х годов, в эпоху тяжелого промышленного кризиса, показали всему миру, что социальный вопрос является таким же грозным сфинксом в Новом Свете, как и в Старом. Эти стачки имели характер настоящего восстания американского пролетариата. В Питсбурге железнодорожные рабочие, вместе с городским пролетариатом, захватили город в свою власть, сожгли все имущество железнодорожной компании, постройки, сооружения, уничтожили более полуторы

тысячи вагонов и более сотни локомотивов, разграбили несколько товарных поездов. Только после кровавых столкновений правительству удалось усмирить рабочих. Подобные же сцены разыгрались и в других городах Америки.

Стачки 70-х годов наглядно доказали всем, что предохранительный клапан американского капитализма перестал действовать; они поставили американское общественное мнение лицом к лицу с великим социальным вопросом нашего времени.

Книга Джорджа, написанная под непосредственным влиянием этих событий, является американской попыткой решения социального вопроса. Корень социального вопроса заключается, по мнению Джорджа, в присвоении землевладельцем избыточного продукта, создаваемого успехами техники производства, ростом цивилизации и культуры. Как бы быстро ни шел рост народного богатства, рабочие и предприниматели ничего от него не выиграют, ибо плоды их труда и изобретательности, по неумолимым законам общественного строя, основанного на частной земельной собственности, достаются классу, не принимающему никакого участия в создании богатства. «Так как земля необходима для труда, производящего богатство, то владеть землей значит владеть всеми плодами труда, за вычетом доли, необходимой для существования рабочего. Труд не может воспользоваться теми благами, которые приносит с собой развивающаяся цивилизация, ибо блага перехватываются по пути... Причина того явления, что заработная плата, несмотря на рост производительных сил, постоянно стремится к наинизшему уровню, при котором возможно лишь голое существование, заключается в том обстоятельстве, что с ростом производительных сил в еще большей мере стремится расти и земельная рента».

Не капитал угнетает рабочего, а земельная собственность; интересы капиталиста и рабочего вполне солидарны, и оба они одинаково страдают от общего врага — землевладельца. Промышленные кризисы всецело вызываются земельной собственностью, а именно земельными спекуляциями капиталистов, захватывающих огромные земельные участки с целью спекулировать на увеличении их цены.

Противоположность интересов труда и капитала решительно отрицается Джорджем. Стачки и организации рабочих, направленные против капиталистов, не встречают сочувствия Джорджа, относящегося с полным осуждением и к социализму вообще. У рабочих и капиталистов, говорит он, есть один враг — частная собственность на землю; когда этот враг будет побежден, тогда капиталисты и рабочие будут жить в полном согласии и мире друг с другом. Борьба труда и капитала основана на недоразумении: и капиталисты и рабочие одинаково необходимы для хозяйственного благополучия страны, и потому им следует не враждовать, а помогать друг другу.

Итак, бедность вызывается всецело и исключительно частной собственностью на землю. Отсюда вытекает и «средство исцеле-

ния» от роковой болезни, бедности, предлагаемое Джорджем. Если бедность создается частной земельной собственностью, то для уничтожения бедности нужно, очевидно, уничтожить этот социальный институт. Но каким образом? Очень простым, отмечает Джордж, — обложением земли налогом, равным земельной ренте. Землевладельцы не имеют никакого права на вознаграждение за потерю ренты, так как рента создается не ими, а обществом, которое, отбирая в свою пользу ренту, возвращает себе свое собственное детище, свое создание. Государство может осуществить великую социальную реформу, последствия которой Джордж рисует самыми радужными красками, путем простого преобразования системы налогов. В настоящее время налоги крайне разнообразны и стремятся охватить всевозможные источники дохода; они ложатся тяжелым бременем на труд и капитал и крайне стесняют хозяйство. Если бы все эти налоги были уничтожены и переложены на землю, то все классы населения, кроме, конечно, крупных землевладельцев, чрезвычайно выиграли бы. Выгода рабочих заключалась бы в том, что, имея свободный доступ к земле, от которой отказались бы все землевладельцы, не эксплуатирующие теперь своих значительных участков (ибо кто стал бы удерживать в своих руках землю, за которую приходится дорого платить без надежды что-либо выиграть?), рабочие не стали бы продавать свой труд за меньшую сумму, чем доход, получаемый при самостоятельном ведении сельского хозяйства. Кроме того, рабочие выиграли бы в качестве потребителей, благодаря удешевлению всех предметов, обложенных пошлинами, акцизами и другими налогами, обременяющими промышленность. Предприниматели, капиталисты выиграли бы потому, что переложение всех налогов на землю дало бы огромный толчок промышленности. Мелкие землевладельцы точно так же выиграли бы, ибо их потери от конфискации ренты были бы с избытком покрыты удешевлением предметов потребления, освобожденных от налогов. «Для наиболее трудящихся фермеров, как бы парадоксально это ни казалось, переложение всех налогов на земельную ренту в сущности было бы равнозначуще освобождению их от всякого налога». Вообще все фермеры, которые более рабочие, чем землевладельцы, выиграли бы от этой реформы. Кто же проиграл бы от нее? Только крупные землевладельцы, — «только те стали бы беднее от указанной меры, кто мог бы обеднеть без существенного ущерба для себя. Большие состояния пострадали бы, но никто в действительности не впал бы в бедность».

Таково учение Джорджа, произведшее огромное впечатление на общественное мнение, как это доказывается колоссальным успехом его книги. Как бы мы ни оценивали заслуг Джорджа как теоретика (по нашему мнению, в теоретическом отношении книга Джорджа представляет собой, сравнительно с работами его предшественников, скорее шаг назад, чем вперед), за ним нельзя отнять славы самого влиятельного пропагандиста и популяризатора идеи земельной реформы. Появление его книги было выдающим-

ся общественным событием своего времени. И сам Джордж видел в своей книге не просто литературное произведение и не только ученый труд, но, прежде всего, призыв к практическому делу.

Немедленно по выходе в свет «Прогресса и бедности» Джордж приступает к энергичной агитации в пользу своих идей. В самой Америке деятельность его вначале сопровождалась шумным успехом. В Нью-Йорке вскоре образовалась влиятельная партия «United Labour Party» («Соединенная рабочая партия»), принявшая в основных чертах программу Джорджа. В 1886 г. красноречивый борец против социального зла выступил кандидатом на должность мэра города Нью-Йорка и получил около 70.000 голосов, но был побит кандидатом демократов, собравшим около 90.000 голосов. Если вспомнить, что автор «Прогресса и бедности» стоял вне обеих могущественных партий, делящих власть в Соединенных Штатах, республиканской и демократической, то нельзя не согласиться со сторонниками Джорджа, усматривавшими в его поражении огромную нравственную победу. Несомненно, что выборы 1886 г. не только не ослабили влияния нашего социального реформатора, но, напротив, содействовали дальнейшему росту вызванного им движения. Во второй половине 80-х годов к последователям Джорджа примыкает несколько влиятельных лиц из духовенства, в том числе католический патер ирландец Мак Глинн, красноречивый оратор, защищавший планы апостола национализации земли с церковной кафедры. Вместе с Джорджем Глинном основал «Anty-Poverty Society» («Общество борьбы с бедностью»), задачей которого было устранение бедности путем введения единого поземельного налога.

Но успехи всего этого движения были непродолжительны. Среди «Соединенной партии рабочих» обнаружился раскол: социалисты, вошедшие в партию, энергично высказались против церковного направления, приданного движению Мак Глинном. На общем собрании партии в Сиракузах, в августе 1887 г. было решено исключить из партии социалистов, пугавших более умеренных сторонников Джорджа. Партия старалась опереться на мелких фермеров, так как промышленные рабочие не обнаруживали никакой склонности войти в нее; но и фермеры остались чужды движению. На ноябрьских выборах 1887 г. Джордж получил во всем Нью-Йоркском штате не более голосов, чем год тому назад в одном городе Нью-Йорке. По городу ходила острота: «Джордж поднялся как ракета и опустился как обгорелая жердь».

Но все эти неудачи не убили движения, вызванного смелым защитником народных интересов. Если у себя на родине Джордж и имел мало успеха, зато в других странах идеи его нашли для себя благодарную почву.

Вскоре после появления его знаменитой книги он совершил поездку с агитационной целью в Ирландию и Англию; затем он побывал в Европе еще несколько раз, читая с огромным успехом лекции, участвуя в публичных митингах и всячески пропагандируя идею «единого налога». Народные массы встречали его вос-

торженно, и уже в 1883 г. в Англии основалась «Land Restoration League» («Лига возвращения земли»), всецело примкнувшая ко взглядам Джорджа. Вслед за тем такое же общество возникло и в Шотландии.

Среди английского населения никогда не умирало стремление к возрождению крестьянского хозяйства. Промышленные рабочие мало-помалу оставили химерическую надежду, столь манившую их в эпоху чартизма, вернуться опять к земле. Но для земледельческих рабочих идеалом оставалось собственное хозяйство на собственной земле. Это лучше всего видно из того, что могущественное организационное движение 70-х годов среди земледельческих рабочих, созданное Джозефом Арчем^{1*}, признало своей конечной целью «три акра и корову» — создание мелкого крестьянского хозяйства. В своей автобиографии Арч следующим образом формулирует свой последний завет рабочим: «Добивайтесь земли, но своими собственными средствами, — я не верю в государственную помощь и национализацию земли. Берите участок земли за справедливую ренту и подвергайте его наилучшей обработке, вот что должен делать рабочий. Лишь в последней крайности я рекомендовал бы насилие. Самопомощь и свобода, порядок и прогресс, вот что советуем вам».

Таким образом, и в наше время, как и в эпоху чартизма, перед земледельческим населением Англии стоят два плана аграрной реформы: один требует фактического уничтожения самого института частной земельной собственности, а другой признает возможным создание крестьянского хозяйства на почве существующего права.

Оба эти течения встречают поддержку в различных кругах английского общества и народа. «Лига возвращения земли» продолжает и поныне вести энергичную агитацию в пользу национализации земли. Крайне интересен способ, которым ведется эта агитация. В 1891 г. лига образовала особый фонд для пропаганды своих идей при помощи «красных фургонов» («Red Vans»). Каждое лето фургоны эти разъезжают по земледельческим округам Англии. Сами фургоны красного цвета, покрыты афишами, воззваниями, рисунками, пропагандирующими идею национализации земли. Приехав в деревню, фургон останавливается, и член лиги, руководящий движением фургона и живущий в нем, старается разузнать местные деревенские нужды и интересы, поводы к недовольству местным землевладельцем, предметы жалоб рабочих и проч. Через несколько дней устраивается митинг под открытым небом, причем в речах ораторов принципы лиги иллюстрируются обстоятельствами местной жизни. На митинге продаются издания лиги, распространяются рисунки и т.д.

Фургон направляется преимущественно туда, где население особенно страдает от притеснений землевладельцев, где мелкие арендаторы вступают в спор с помещиком из-за условий аренды, где рабочие недовольны фермерами, где помещики оказывают давление на политические убеждения населения или препятствуют его самостоятельности и т.д. и т.д.

Митинги собирают многочисленных слушателей, но так как землевладельцы не могут относиться ко всему этому благосклонно, то весьма часто собрания получают шумный характер. Как видно из ежегодно печатаемых отчетов «With the Red Vans», агенты землевладельцев нередко организуют настоящие облавы на пропагандистов лиги; иногда страдают и самые фургоны, в которых пропагандистам приходится выдерживать атаки нанятой помещиками толпы, но члены лиги нисколько не смущаются этим, веруя, что «сила не аргумент» и что побои не могут опровергнуть доводы рассудка.

Результаты каждой кампании «красных фургонов» публикуются в особой брошюрке в красной обложке, которая, в свою очередь, является превосходным средством агитации; в этих небольших брошюрках сообщаются сведения о всех замеченных случаях угнетения рабочего люда землевладельцами и приводятся данные об экономическом положении сельского населения и т.п.

Вся эта агитация не может, разумеется, не оказывать влияния на народную массу. Но все же, пока успехи лиги невелики. На английское законодательство агитация лиги пока почти не повлияла.

Более определенные результаты достигнуты движением, вызванным Джорджем, в области муниципальной политики городов. Совет лондонского графства уже с начала 90-х годов закончившегося столетия признал, что наиболее желательной формой городского обложения является обложение частновладельческой земельной ренты. Но правительство оказывало сопротивление введению такого налога. Тем не менее совету удалось добиться, после упорной борьбы с палатой лордов, частичного, по крайней мере, осуществления принципа налога на прирост ренты собственников городской земли. Во многих городах Англии и Шотландии среди городских представителей имеются убежденные последователи Джорджа, а в городском муниципалитете Глазго, крупнейшего, после Лондона, города Великобритании, таковые образуют даже большинство. В 1899 г. в Глазго был конгресс сторонников земельной реформы, на который собралось 557 делегатов. В числе этих делегатов, наряду с представителями разных обществ и союзов, было 216 представителей городских муниципалитетов. Вообще же, в области городского самоуправления мы замечаем в Англии быстрое движение вперед в духе все большего развития начал муниципализации земельной собственности.

Рабочие союзы в Англии относятся очень сочувственно к идее национализации земли. На конгрессе 1887 г. в Сванси национализация земли вошла, как один из важнейших пунктов, в официальную программу тред-юнионов.

Что касается до германского движения, то по собственному признанию основателя германского «Союза земельной реформы» («Bund für Bodenbesitzreform»), бывшего фабриканта и крупного капиталиста Флюршейма¹, вдохновителем его был Джордж. Однако Флюршейм воспринял воззрения Джорджа лишь с сущест-

венными изменениями. Так, он враг экспроприации землевладельческого дохода путем простого обложения земли налогом, равным ренте. По его мнению, национализация земли должна совершиться в разных странах разным путем. Относительно Англии и Америки Флюршейм признает возможной частичную экспроприацию земельной ренты, причем остальная часть ренты подлежала бы выкупу; но относительно Германии Флюршейм решительно отвергает экспроприацию ренты без выкупа. Государство должно произвести в Германии точную расценку земли по существующим ценам и оставить за собой предпочтительное право покупки, пока вся земля не перейдет таким образом, мало-помалу, в руки государства. Затем государство должно свою землю сдавать в аренду желающим.

Флюршейм написал несколько книг, в которых не только развивал свой план земельной реформы, но и пытался, подобно Джорджу, реформировать экономическую науку, предлагая свои собственные разрешения таких основных проблем науки, как проблема капиталистической прибыли, промышленных кризисов и т.д. Но как теоретик Флюршейм еще слабее Джорджа; теории его теперь никого не интересуют, а созданное им практическое дело живет. «Союз земельной реформы» продолжает развивать весьма энергичную деятельность; движение уже вышло из области отвлеченных рассуждений и привело к важным практическим результатам.

Весьма знаменательно и характерно, что германское движение в пользу земельной реформы почти лишено аграрного характера. Оно направлено на защиту не землевладельца, а городского жителя, и борется не с сельскохозяйственной, а с городской рентой, непомерный рост которой, приводящий к столь же быстрому росту квартирной платы, является настоящим бедствием для менее достаточной части городского населения.

Движение это имеет своей целью не столько национализацию, сколько муниципализацию городской земли. Обложение недвижимой собственности в городах прямыми налогами всецело представлено в Пруссии городским управлениям. От города зависит придать этому обложению тот или иной характер. И городские управления прусских городов все более и более склоняются к убеждению, что одной из задач этого обложения должно быть удержание в руках города незаслуженного прироста ценности, создаваемого вздорожанием городской земли.

В самой рациональной форме налог этот рисуется в такой форме. Город решает, напр., обложить налогом в 50% незаслуженный прирост земельной ренты. Для этого через определенные и заранее указанные промежутки времени производится расценка всех земельных участков (как застроенных, так и незастроенных) в городе. Данный участок земли возрос, допустим, в цене с 200 тысяч марок до 250 тыс. марок. Если собственник докажет, что часть этого увеличения ценности вызвана какими-либо улучшениями, произведенными им на сумму, скажем, 20 тыс. марок, то

город взывает в свою пользу 15 тыс. марок, рассрочивая платежи этой суммы на известный ряд лет.

В такой форме налог на прирост ренты еще нигде не осуществлен в Германии, но во многих городах делаются попытки более или менее приблизиться к нему. Во всяком случае, эта форма обложения привлекает все более и более сочувствия со стороны городского населения.

Любопытно, что обложение прироста земельной ренты осуществлено в наиболее рациональной форме в германской колонии в Китае — в Киаочао. С 1898 г. здесь введено земельное обложение, вызывающее горячее одобрение сторонников земельной реформы. При всякой продаже земли государство взимает в свою пользу $1/3$ всего прироста ценности земли, не вызванного деятельностью владельца. Для того же, чтобы владелец не уменьшал действительной ценности своей земли, государство сохраняет за собой право преимущественной покупки всей продаваемой земли по ценам, объявляемым продавцами. Если земля сохраняется в руках того же владельца, то каждые 25 лет государство отбирает в свою пользу $1/3$ прироста ценности этой земли. Земельный налог является почти единственным налогом этой колонии, в которой идея «единого налога» Генри Джорджа достигла, таким образом, своего частичного осуществления.

Итак, движение в пользу земельной реформы в Германии уже принесло крупные плоды на практике и обещает еще больше принести их в будущем. Но крайне характерно, что оно почти исключительно сосредоточилось в городах и не проявило никакой силы в деревне.

Иную форму приняло то же движение в самых молодых и самых прогрессивных демократиях нашего времени — в австралийских колониях. Нигде идеи Генри Джорджа не встретили такого горячего сочувствия и такой поддержки, как в этих новых странах, не связанных традициями, не страдающих от исторических преступлений старой Европы, свободных от подчинения крупному землевладению и крупному капиталу и удивляющих весь мир смелостью своего социального законодательства. Земельное обложение в австралийских колониях преследует, на первом плане, определенные социально-политические цели, а именно борьбу с крупной земельной собственностью и с земельными спекуляциями и развитие мелкого крестьянского хозяйства.

Во главе австралийских колоний идет в этом отношении Новая Зеландия. Влиятельнейший современный политический деятель этой страны, Седдон, говорил в конце 80 годов закончившегося столетия, когда он еще не был у власти, что «истинным проклятием Новой Зеландии являются крупные компании, сосредоточивающие землю в своих руках... Земля все более и более собирается в их руках, и правительство оказывается не в силах бороться с этим... Большинство крупных состояний в Новой Зеландии возникает из прироста ценности земли, создаваемого из недели в не-

делю и из года в год народом колонии, а отнюдь не какими-либо умственными усилиями землевладельцев».

Энергичное народное движение против крупного землевладения привело к чрезвычайно важному законодательному акту 1892 г., установившему в колонии новый земельный налог на следующих основаниях. Все земельные участки, ценность которых во владении одного хозяина 500 ф. с. (5.000 р.), освобождаются от всякого налога. Земельные же участки высшей ценности облагаются прогрессивным налогом, доходящим до 1,26% ценности земли (для самых крупных владений).

Результаты этой законодательной меры оказались весьма благоприятными; новый налог дал возможность понизить некоторые косвенные налоги и содействовал раздроблению крупных имений. Правительство, проведшее налог, приобрело огромную популярность в народных массах и получило на выборах 1899 г. подавляющее большинство голосов, причем оппозиция налогу в стране почти исчезла, и многие избиратели настаивали на дальнейшем развитии принципа налога и усилении его прогрессии.

В 1894 г. в Нозой Зеландии был принят закон, разрешающий правительству производить принудительный выкуп частновладельческой земли, но правительству пришлось мало пользоваться этим правом, так как земли предлагалось в продажу больше, чем правительство считало нужным приобретать.

Подобные же законы были изданы и в других австралийских колониях. В общем австралийское аграрное законодательство несомненно идет в сторону национализации земли. Пока достигнуто еще очень немного — только указано общее направление аграрной реформы и сделан первый шаг; но этот первый шаг знаменателен, и, говоря словами новозеландского премьера, шаг этот направлен «к установлению цивилизации в этих молодых странах на более широкой основе более глубокого сочувствия нуждам человечества»¹.

¹ Подробности о движении в пользу национализации земли, а также критическую оценку движения см. в моей книге «Национализация земли».

Очерк IX

КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

Великие утописты — Оуэн, Сен-Симон, Фурье — были не только утопистами, рисовавшими в голубой дали облитый солнечным светом новый чудный мир, который должен прийти на смену тяжелого и мрачного старого мира, но и глубокими критиками современного социального строя. Однако утопия стояла у них, несомненно, впереди критики. Утописты призывали не к социальной борьбе, а к социальному творчеству; они смотрели так далеко вперед, что окружающее их взволнованное море политической жизни почти не попадало в их поле зрения. Поэтому неудивительно, что учения утопистов не вызвали никаких крупных классовых общественных движений и не стали лозунгом никакой могущественной политической партии. Характерной чертой утопического мировоззрения была непоколебимая уверенность в возможности гармонического примирения всех общественных интересов. Утописты были глубоко убежденными — не за страх, а за совесть, — проповедниками *социального мира*, служащего темой стольких фальшивых мелодий в буржуазном лагере. Но в отличие от «социальных гармонистов» типа Бастиа, утописты искали мира не в царстве капитала, а в царстве будущей свободной ассоциации.

Утописты стояли в стороне от политической классовой борьбы, отрицали неизбежность ее и видели в ней продукт человеческого невежества. Борьба, однако, продолжалась — голоса немногих мечтателей не могли изменить течение исторического потока. Это не значит, чтобы проповедь утопистов не имела практических результатов, — но сфера влияния утопистов лежала не в политике, а в положительном творчестве новых общественных форм. Мы видели, что Оуэну удалось создать великое кооперативное движение, охватывающее в настоящее время миллионы рабочих всего света. Точно так же не подлежит сомнению и влияние Фурье на образование производительных ассоциаций. Таким образом, практическое дело утопистов уже и теперь громадно. Еще неизмеримо большее значение оно должно приобрести в будущем. Создание нового социального идеала нужно считать самым крупным завоеванием общественной мысли XIX столетия.

Насколько творчество выше критики, настолько утописты выше своих продолжателей — критиков капиталистического строя — Прудона, Родбертуса, Маркса. И если Маркс заставил на долгое время забыть своих более великих предшественников и

учителей, то это лишь потому, что условия исторической жизни выдвинули в наше время на первый план классовую политическую борьбу, значения которой не понимали утописты.

Правда, подобно тому, как утописты были одновременно и критиками, так и Маркс был не только критиком, но и последователем социального идеала утопистов. Однако критические, отрицательные элементы, несомненно, берут в учении Маркса перевес над положительными, творческими. В «Капитале» утопия складывает свои крылья и опускается с неба на землю; в этом и сила и слабость Маркса. Утописты стремились угадать цель, к которой движется современное общество; Маркс сосредоточил свое внимание на изучении пути к этой цели. Путь исторического развития казался утопистам простым; мирная пропаганда новых взглядов — дальше этого не пошли утописты. Для продолжателей их дела выдвинулась на первый план иная огромная задача — открытие закона развития современного общества¹. Исходя из критических идей самих утопистов, в особенности Сен-Симона и Фурье, критическое направление пришло к выводу, что важнейшим содержанием истории является борьба различных общественных групп за свои экономические интересы. Отсюда вытекло и иное отношение к этой борьбе. Утописты обращались со своей проповедью ко всему обществу, без различия классов. Критическое направление попыталось слить в одно целое дело осуществления нового социального идеала с защитой интересов одного общественного класса, составляющего большинство населения, — пролетариата. Направление это быстро стало одним из самых могущественных факторов политической жизни Западной Европы, благодаря тому, что оно сумело сделаться выразителем политических и экономических требований рабочего класса. Полного развития рассматриваемое направление достигло в трудах Маркса; хотя в настоящее время ортодоксальный марксизм пережил апогей своего успеха и находится в периоде разложения, тем не менее и теперь марксизм остается господствующим социальным мировоззрением среди рабочих масс Германии. Как бы мы ни оценивали положительных заслуг автора «Капитала», не подлежит сомнению, что по своему влиянию на умы современников Маркс далеко оставляет за собой всех социальных мыслителей нового времени. Провозглашенная Марксом политическая борьба как средство осуществления классовых интересов пролетариата поглотила лучшие силы рабочего класса континента. Положительное экономическое творчество, к которому призывали утописты, не пользовалось никаким сочувствием политиков школы Маркса. И только в последнее время наблюдается в этом отношении реакция — кооперативное движение признается многими выдающимися немецкими последователями Маркса не менее важным делом, чем политическая организация рабочих. Таким образом, даже в главной твердыне марксизма возникает новое течение и вырабатывается новая тактика, объединяющая в себе сильные и жизнеспособные элементы

утолизма и марксизма, — тактика, уже давно нашедшая блестящее практическое выражение в деятельности бельгийской рабочей партии.

І. Прудон!*

Бывают исторические фразы, как и исторические события. Одна из таких фраз принадлежит Прудону. Его сочинения теперь почти забыты; но кто не знает, что Прудон решился дерзновенно провозгласить — «la propriété c'est le vol»^{2*}. Эти несколько слов больше содействовали знаменитости автора, чем десятки написанных им толстых томов.

Но если вообще трудно охарактеризовать парой слов содержание богатой и разнообразной жизни человека, то это в особенности верно по отношению к Прудону. Его всем известная фраза не только не дает нам ключа к пониманию мировоззрения автора, но способна внушить совершенно превратное представление о взглядах этого замечательного человека. Прудон вовсе не был крайним революционером; он не проповедывал грабежа и расхищения имущества богатых, как можно было бы подумать по его дерзкому сопоставлению собственности с кражей. Как общественный деятель Прудон всего менее мог быть обвинен в беспощадном радикализме; его упрекали, и с полным основанием, в обратном — в угодливости правительству, в склонности к компромиссу, в оппортунизме. Правда, фраза прозвучала в свое время, как звон набата. От нее пахнет кровью и дымом пожаров, она способна нарушить сон мирного буржуа и внушить его испуганному воображению картины гражданской войны и всеобщего разрушения. Но самое лучшее средство покончить с этими страхами — это познакомиться с сочинениями самого автора знаменитой фразы.

Пьер-Жозеф Прудон (1809—1865) был сыном мелкого городского ремесленника. Он сам называл себя мужиком, и, когда в 1848 г. ему случилось возражать в национальном собрании одному легитимисту^{3*}, хваставшемуся знаменитостью рода, он с гордостью заявил: «У меня 14 предков мужиков — назовите мне хоть одно семейство, имеющее больше благородных предков!» Жизнь Прудона была далеко не из легких. Судьба его не баловала. Главным бичом его жизни была постоянная нужда. В молодости он перепробовал несколько профессий — был наборщиком, затем содержал небольшую типографию, разорившись, поступил секретарем к одному богатому барину. Затем для него стал главным источником заработка литературный труд, который, однако, не мог обеспечить ему достаточного дохода, благодаря тому, что Прудон был во вражде со всеми партиями и не имел опоры в прессе. Поэтому он очень тяготился литературным заработком и неоднократно пытался получить место в каком-нибудь торговом предприятии; так, несколько лет он управлял делами одной торговой фирмы. Ему приходилось много претерпеть от гонений правительства, хотя он был совершенно чужд принципиальной оппо-

зидии власти. Наоборот, он постоянно носился с мыслью привлечь правительство на свою сторону и с его помощью осуществить свои проекты. Незадолго до февральской революции он выразил уверенность, что эра революций миновала навсегда и что трону Луи-Филиппа¹ не угрожает никакая опасность. Февральская революция, в которой Прудон не принимал никакого участия, сделала нашего автора депутатом национального собрания. Но благодаря своей обычной тактике — наносить удары с одинаковым ожесточением направо и налево — радикализму и консерватизму — Прудон не преуспел на политической трибуне. Только один раз ему пришлось выступить в собрании со своим собственным проектом коренной реформы налогов. Он произнес горячую речь, и в результате голосования на стороне проекта оказалось... два голоса, включая и голос самого Прудона.

Политическая деятельность Прудона закончилась присуждением его к трехлетнему тюремному заключению за нападки на президента республики — Луи-Наполеона². С наполеоновским правительством наш автор никак не мог поладить. Он не считал себя непримиримым врагом империи, столь же мало, как и монархии Луи-Филиппа. Но империя считала его своим врагом — и не останавливалась перед суровыми карами, чтобы зажать рот беспокойному публицисту. Через несколько лет после своего освобождения он опять навлекает на себя неудовольствие бонапартовской полиции и только бегством в Бельгию спасается от угрожавшего ему нового тюремного заключения.

В то же время, республиканская партия обвиняла Прудона в заискивании перед империей. Действительно, в одной брошюре, вышедшей вскоре после переворота 2-го декабря, Прудон обнаружил довольно благосклонное отношение к виновнику этого позорного акта и признал возможным, при известных условиях, оправдать переворот. Авансы по адресу империи встречаются и в некоторых последующих сочинениях преследуемого автора. Непримиримые враги бонапартовского режима ставили, также с полным основанием, в вину Прудону, что он воспользовался амнистией Наполеона и вернулся во Францию после того, как раньше публично заявлял о своем решении ни в каком случае не принимать амнистии из рук правительства, присудившего его к тюрьме.

Все это, несомненно, доказывает отсутствие политической стойкости у Прудона. Но помимо недостатка гражданского мужества, поведение его объясняется и другими соображениями, не бросающими столь неблагоприятного света на личность автора знаменитого мемуара о собственности. Прудон не был вполне чужд утопического мировоззрения, типическими выразителями которого могут считаться Оуэн, Сен-Симон и Фурье. Это мировоззрение, отрицавшее значение политической борьбы, дало возможность Оуэну, чистота побуждений которого стоит выше всяких подозрений, обращаться с адресами к реакционным правительствам священного союза, а благородному и рыцарственному Сен-Симону посвящать свои сочинения Людовику XVIII. Точно так же и Пру-

дон был равнодушен к политике и, несмотря на свой собственный, достаточно, казалось бы, убедительный опыт, не покидал несбыточной надежды заставить правительство служить своим идеям.

В общей же сложности Прудон отнюдь не был героической натурой. Его социальные идеалы также не отличались высотой; на них ярко отразилось мирозерцание того класса, откуда вышел Прудон, — мелкой буржуазии. В этом отношении весьма характерно отношение Прудона к женщине и семье. Великие утописты стремились к такой же коренной реформе семьи, как и современного общественного строя. Они требовали не только освобождения труда, но и освобождения женщины. Напротив, мнения Прудона о так называемом женском вопросе нисколько не возвышались над уровнем обычных буржуазных взглядов на брак и семью. Он сам был женат на простой работнице и нашел в ней свой идеал хорошей хозяйки и любящей матери своих дочерей, об образовании которых он совершенно не заботился. Женщина была, в его глазах, низшим существом; к образованным женщинам он относился с нескрываемым отвращением и заявлял, что предпочитает им куртизанок. Семья представлялась ему прочным и неразрывным хозяйственным союзом, в котором должен неограниченно царить мужчина; на долю мужчины выпадает высшая духовная деятельность, между тем как женщина должна быть только хозяйкой и матерью. Так называемая эмансипация женщины повела бы, по мнению Прудона, лишь к разврату, ибо только суровый долг и узы брака могут ввести в границы и сдержать стихийную чувственность, заложенную в женщину.

Перейдем к рассмотрению сочинений Прудона. Из них самым блестящим является его юношеская работа о собственности — «*Qu'est ce que la propriété? Le memoire*»^{1*} (1840), написанная на тему, данную академией, подобно знаменитой книге Руссо о влиянии цивилизации на нравы людей^{2*}.

Прудон рассматривает в этой работе одну за другой так называемые теории собственности — юридические обоснования этого социального института. Среди юристов наиболее популярна теория первого завладения. Сущность этой теории сводится к следующему. Чтобы работать и добывать пищу, человек должен обладать орудиями труда, а также участками земли, подвергаемыми обработке. Вначале земля не принадлежала никому. Поэтому всякий мог захватить себе столько земли, сколько ему нужно было для обработки, и, мало-помалу, земля перешла в частную собственность без нарушения чьих-либо прав и интересов. Но когда земля была, таким образом, поделена, положение вещей резко изменилось. Завладеть было нечем, потому что никто не имеет права пользоваться той вещью, которая уже принадлежит другому. Общество распалось на имущих, собственников, и пролетариев.

Но завладение, говорит Прудон, может давать человеку право лишь на то, что ему действительно необходимо для существования и к чему он лично приложил труд. Как же оправдать, с этой точки зрения, захват одним лицом огромных земельных про-

странств, требующих для своей обработки сотен и тысяч рук? Теория завладения, юридически обосновывая мелкую собственность, тем самым отрицает правомерность крупной собственности.

Экономисты со времен Локка^{1*} приводят обыкновенно в защиту частной собственности доводы другого рода. Они придерживаются так называемой рабочей теории. Из этой теории исходят, напр., в своей защите собственности Тьер^{2*} и Бастиа. Право собственности, говорят они, основывается на праве рабочего бесконтрольно распоряжаться продуктами своего труда. Бастиа прямо так и определяет сущность права собственности: «Собственность есть право рабочего на ценность, созданную его трудом». Но если так, то вся земельная собственность должна быть признана незаконной и несправедливой. Нам говорят, что человек приобретает право собственности на землю, потому что он ее обрабатывает, прилагает к ней свой труд. Но разве продуктом его труда является земля, а не хлеб, сено, вино и пр.? Почему же право собственности простирается не только на продукты, но и на средства производства? Почему в прежнее время приложение труда к земле могло давать земледельцу право собственности на землю, а в настоящее время оно не приводит уже к этому праву? Почему в настоящее время арендатор не признается собственником земли, которую он десятки лет обрабатывал и улучшал?

Так же несостоятельна так называемая «легальная» теория права собственности — обоснование этого права волей законодателя. Требуется указать высший нравственный или юридический принцип, на котором покоится институт собственности. Ссылка на закон есть признание, что такого высшего принципа не существует и что право собственности основывается просто на силе. Попытка иначе обосновать, с точки зрения легальной теории, право собственности возвращает нас к теории завладения или рабочей теории.

Итак, существующие теории собственности бессильны оправдать это право. В действительности, оно есть не что иное, как право получения дохода, не основанного на труде, иначе говоря — право получения, без всякого возмещения, продуктов, произведенных другими лицами. Собственник, в силу своего права, жнет, где не сеял, потребляет то, чего не произвел, и пользуется наслаждениями, когда другие умирают с голода. Доход, вытекающий из права собственности, принимает различные формы в зависимости от своего источника. Доход этот называется арендной платой, когда его источником является земельная собственность, наемной платой, когда он вытекает из собственности на здания, процентом, если он извлекается из денежного капитала, наконец, прибылью, если получение его основывается на пользовании торговым или промышленным капиталом. Но во всех этих случаях сущность дела остается одна и та же — извлекаемый доход не основывается на труде.

Откуда же получается названный доход? Очевидно, какова бы ни была форма этого дохода, источник его может быть лишь

один: рабочие создают больше ценностей, чем получают их в виде заработной платы, излишек поступает в пользу собственника и составляет его доход — арендную или наемную плату, прибыль или процент. Следовательно, «la propriété c'est le vol»^{1*}.

Нужно, однако, иметь в виду, что несправедливость и угнетение заключаются не в том, что человек завладевает орудиями труда или земельным участком, а в том, что один человек лишает того и другого других людей. Поскольку владение одного человека не нарушает прав другого, постольку собственность является вполне плапомерной формой пользования орудиями и предметами хозяйства. Но существующая историческая собственность неизменно основывалась на насилии и эксплуатации. Частная собственность была глубочайшей причиной общественного неравенства, а следовательно, и всех революций, посредством которых люди стремились восстановить равенство.

Но если собственность разрушает равенство, ведет к порабощению слабого сильным, то коммунизм привел бы к другому неравенству, еще более губительному. В таком обществе, о котором мечтают социалисты, слабые угнетали бы сильных, ленивые и неспособные жили бы на счет трудящихся и способных. Коммунизм есть система рабства, так как общность владения требует принудительной организации труда, лишает членов общества свободы действий и превращает их всех в рабов государства.

Таково содержание знаменитой книги Прудона. В ней впервые с полной ясностью и резкостью высказана мысль, что центральным правовым институтом современного общества, институтом, на котором все основывается, из которого все исходит и хорошее и дурное, составляющее цивилизацию, которой мы так гордимся, является институт частной собственности и что критика современного социального строя должна быть прежде всего направлена на этот основной социальный институт, одинаково присущий всем цивилизованным народам.

Право собственности до такой степени привычно человеку нашего времени, что оно кажется не исторически развившейся, а потому и подлежащей дальнейшему развитию юридической нормой, а как бы первоначальным и неотъемлемым условием самого общественного существования человека. Этот институт, вкоренившийся глубочайшим образом в современную жизнь, подчинил своему влиянию все нравственное миросозерцание цивилизованного человека. На этой почве возникло условное чувство чести, более гнушающееся нарушения права собственности, чем нарушения самых естественных прав человеческой личности.

И вот, является писатель, осмелившийся посягнуть на это святая святых современного общества, порвать со всеми установившимися представлениями о дурном и хорошем, честном и бесчестном! Если собственность есть кража, если почтенный бережливый рантье ничем не отличается от рыцаря большой дороги, то, значит, все рушится, все теряет смысл и значение, наступает хаос, в котором бедный буржуа чувствует себя совершенно не в силах ра-

зобратъся. Немудрено, что дерзновенные слова Прудона прогремели по всему свету. Сам автор был так горд ими, что не обинуясь объявил их самым великим событием своего времени.

Однако слова эти были не так уж новы. Знаменитая фраза о собственности была впервые сказана еще в XVIII веке вождем жирондистов^{1*} Бриссо^{2*}. Но у Прудона она была выражением целого общественного мировоззрения, венцом социальной системы, чего отнюдь нельзя сказать о Бриссо. Слова Прудона заключали в себе определенную теорию происхождения нетрудового дохода. Согласно этой теории, нетрудовой доход основывается на эксплуатации рабочего, присвоении собственником доли трудовой ценности, создаваемой рабочим. Учение это естественно вытекает из трудовой теории ценности, понимаемой абсолютно и механически, т.е. не как определенное методологическое допущение, а как выражение реального свойства труда быть единственной субстанцией ценности; теория неоплаченного труда была развита уже школой Оуэна^{3*}, а свое завершение она получила у Родбертуса и Маркса. Что касается до Прудона, то он, несомненно, исходил из нее, хотя в его мемуаре о собственности, как и в последующих сочинениях, теория эксплуатации труда не сделала ни шага вперед сравнительно с более ранними сочинениями английских социалистов. Вообще, знаменитая книга Прудона о собственности более замечательна по блеску изложения, сильному, полному воодушевления и страсти языку, ярким, остроумным, парадоксальным оборотам мысли, чем по новизне и глубине содержания. В теоретическом отношении наиболее ценным в разбираемой работе можно признать самую постановку вопроса, темы исследования.

Но, правильно поставив задачу, Прудон мало сделал для ее разрешения. Его критика института частной собственности, в общем, слаба. Действительно, в чем заключается эта критика? Главным образом, в разборе господствующих юридических теорий обоснования права собственности. Но если бы даже Прудону удалось совершенно разбить эти теории, откуда вытекало бы не то, что институт собственности заслуживает отвержения, а лишь то, что собственность защищается учеными плохо. Вместо исследования социальных результатов права собственности, значения этого права для интересов различных классов населения и всего общества в целом, наш автор дает нам юридический анализ рассматриваемого права, и анализ, к тому же, весьма неудачный. Прудон, конечно, не доказал невозможности юридического обоснования права собственности. Его критические удары направляются, главным образом, против двух теорий собственности — теории завладения и рабочей теории. Но самой сильной в научном отношении теории собственности — так называемой легальной теории — Прудон почти не затрагивает своей критикой. Согласно этой теории, право собственности имеет за себя верховную юридическую санкцию не какого-либо отвлеченного этического начала, а общественной пользы. Общество нуждается в институте частной собственности не в силу его справедливости, а в силу его социальной

плодородности. Чтобы разбить этот аргумент в пользу собственности, следовало бы доказать, что общество, в целом или в лице большинства, не пострадает или даже выиграет от уничтожения частной собственности. Ничего подобного Прудон не исполнил, да и не мог исполнить, так как — и это самое главное — он отнюдь не принципиальный враг частной собственности, как это можно было бы подумать, судя по резкости его критики.

Мы видели, что, отвергая частную собственность в современной ее форме, Прудон не менее решительно высказывается против социализма. Никакого положительного решения автор не дает, и читатель остается в недоумении, что же, собственно, защищает критик. Рассеять этого недоумения не сумел бы и сам Прудон, так как он, как можно с уверенностью утверждать, и сам определенно не знал, каким образом можно предотвратить эксплуатацию одних членов общества другими, возникающую при господстве собственности, и в то же время избежать указываемых им бедствий коммунизма. Правда, его умственному взору представлялась некоторая туманная утопия коренной реформы права собственности при сохранении личного владения, но утопия эта облекалась в разное время в разные формы. Прудон до конца жизни не терял надежды придумать такое социальное устройство, которое одинаково обеспечивало бы личную свободу каждого и благосостояние всех. Свобода и равенство были основными политическими догматами Прудона. Он не соглашался пожертвовать ни одним из них. Во имя равенства он отвергал частную собственность в существующей форме; во имя свободы он отвергал социализм. Нужно было, следовательно, найти такое общественное устройство, в котором и свобода и равенство были бы обеспечены в равной мере.

Задача была не из легких, и немудрено, что Прудон постоянно колебался между различными решениями ее. Интересно, что под конец жизни он нашел, наконец, свой идеал не в чем ином, как... в русской общине. В своем посмертном сочинении «*Théorie de la propriété*»¹ Прудон говорит, что истинное решение проблемы собственности дано славянской расой, создавшей общинную собственность, при которой земля принадлежит всей общине, а право пользования отдельными земельными участками — каждому члену общины.

«Требованием владения такого рода, — заявляет наш автор, — я закончил свой первый мемуар о собственности, не дав этому требованию вполне ясной формулировки. Распространить славянскую форму владения было бы большим шагом вперед в цивилизации. Эта форма более пригодна для применения в жизни, чем абсолютное "*dominium*" римлян, которое воскресло в нашем праве собственности. Никакой разумный экономист не может желать большего. При господстве славянского права владения рабочий получает должное вознаграждение, и плоды его трудов вполне обеспечены. Этот принцип славянской цивилизации есть самый славный факт в истории этой расы».

Самым ценным в научном отношении трудом Прудона мы считаем его «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*»^{1°} (1846). Эта работа произвела огромное впечатление на современников; в Германии быстро появилось три перевода ее, и даже ученые буржуазного лагеря, как, напр., один из основателей исторической школы, знаменитый Бруно Гильдебранд, признали Прудона выдающимся экономическим мыслителем эпохи.

В «*Экономических прогиворечиях*» Прудон дает критическое исследование основных категорий современного экономического строя. Под влиянием Гегеля^{2°}, он видит задачу науки об обществе в исследовании *процесса общественного развития*. «Социальная наука, — говорит он, — есть систематическое и рациональное познание не того, чем общество было, и не того, чем оно будет, но того, что оно *есть* во всей своей жизни, т.е. в совокупности своих последовательных проявлений».

Социальная наука одинаково чужда как консерватизма, так и утопии. Она исследует самый процесс общественного движения и свои практические требования выводит из открываемых ею законов этого движения. «Краеугольным камнем экономического здания является ценность». Со времени Ад. Смита экономисты различают два рода ценности — потребительную и меновую. В каком же отношении друг к другу находятся эти два вида ценности? Увеличение предложения товаров увеличивает общую сумму их полезности, их потребительной ценности, но понижает их рыночную цену. Уменьшение предложения повышает цену, хотя полезность становится меньше. Следовательно, между меновой и потребительной ценностью существует внутреннее противоречие.

Противоречие это разрешается конституированием ценности — приведением ее в соответствие с трудом, затраченным на производство каждой вещи.

Но задача конституирования ценности еще далеко не разрешена обществом. От этого зависят все отрицательные явления современного хозяйственного строя — расстройства товарного обращения, потрясения кредита, промышленные, денежные и торговые кризисы, неравенство вознаграждения рабочих, эксплуатация одних членов общества другими, бедность большинства населения. Если бы товары обменивались в соответствии с трудом, то всякий получал бы вознаграждение пропорционально своим заслугам; теперь же мы видим, что представители физического труда вознаграждаются ничтожно, между тем как те профессии, которые составляют достояние привилегированных, достаточных классов общества, оплачиваются во много раз выше. Если бы обмен совершался на основании трудовой равноценности, то рабочий, отдавая свой труд капиталисту, получал бы от него всю созданную трудом ценность и эксплуатация труда капиталом должна была бы прекратиться. Существование в современном обществе непроизводительных классов, потребляющих, но не производящих, есть результат того, что конституирование ценности еще далеко не достигнуто.

Но, с другой стороны, весь прогресс общества заключается в борьбе за эту великую цель. «Политическая экономия есть не что иное, как история этой борьбы. Поскольку политическая экономия освящает и желает упрочить аномалию ценности и притязания эгоизма, она есть, поистине, теория несчастья и организация бедности; но поскольку она указывает средства, открытые цивилизацией, к уничтожению лауперизма (хотя эти средства монополия непрерывно стремится обратить в свою пользу), она предвещает организацию богатства».

Учение о ценности является основанием всей системы «Экономических противоречий» Прудона. Последовательно, одну за другой, рассматривает Прудон экономические категории, и так как в корне их лежит противоречивая категория ценности, то все они оказываются содержащими в себе внутренние противоречия. Подобно тому, как человеческий ум изобретает одну гипотезу за другой для разрешения трудной задачи, так и мировая мысль, — говорит наш автор, — последовательно создает новые социальные категории, все более полно разрешающие противоречия социального строя.

Социальная эволюция начинается с разделения труда. Разделение труда дает возможность человечеству осуществить идею равенства, так как только при дифференциации профессий каждый может заниматься тем, к чему он наиболее способен или к чему он чувствует наибольшее влечение. Специализация труда увеличивает в огромных размерах его производительность и открывает человечеству широкую дорогу к накоплению богатства и знания. Но, с другой стороны, разделение труда порабощает рабочего, делает его слепым орудием в руках хозяина, увеличивает нищету и невежество низших классов народа и ведет к сосредоточению всех благ цивилизации у небольшой кучки избранных. Новое противоречие, разрешаемое новой экономической категорией — машинами.

Изобретением машин промышленный гений человека протестует против раздробления и специализации труда. Действительно, что такое машина? Это — соединение в одном целом тех инструментов, которыми раньше работало несколько рабочих. В этом смысле введение машин, по своим результатам, прямо противоположно действию разделения труда. Машина должна уменьшить человеческий труд, понизить цены продуктов и сделать их доступными всем классам населения. «Машина есть символ человеческой свободы, знак господства человека над природой, атрибут нашего могущества, выражение нашего права, эмблема нашей личности».

«Но тем самым, что машины уменьшают труд рабочего,* они урезают и сокращают возможность труда, благодаря чему спрос на труд все более и более падает и не достигает предложения». Вытеснение рабочего машиной есть хроническое бедствие, непрерывное и неизбежное, «нечто вроде холеры, которая появляется то под видом Гутенберга¹, то Аркрайта; здесь она называется

Жаккардом^{1*}, там Джемсом Уаттом, в другом месте маркизом Жоффруа».

«Машины, так же как и разделение труда, суть, при господствующей системе социальной экономии одновременно источник богатства и постоянная и фатальная причина нищеты». Нередко машины вводятся со специальной целью борьбы с рабочими; так, станок Шарпа и Робертса был введен в Манчестере для того, чтобы победить стачку рабочих, не соглашавшихся на понижение заработной платы. Но, вытесняя рабочих машинами, фабриканты сами себе роют яму, ибо рабочие суть потребители машинных изделий, и сокращение числа рабочих равносильно сокращению рынка для сбыта изделий.

Машинная работа оказывает губительное действие на организм рабочего и вызывает в фабричных странах прямо вырождение населения. В Англии наблюдается, одновременно с развитием фабричного производства, такое увеличение пауперизма, что рост налогов в пользу бедных идет быстрее роста населения.

Пролетариат есть прямое порождение машин. «Крупная мастерская есть первая, простейшая и самая могущественная машина». Увеличивая применение машин, мы не делаем труд рабочего легче, напротив, фабричная работа и тяжелее, и неприятнее прежнего ручного труда. Вместе с тем, машина унижает рабочего, превращая его из искусного ремесленника в простого чернорабочего. «Каков бы ни был прогресс механического знания, сколько бы ни изобретали машин еще во сто раз более удивительных, чем прядильная машина "Дженни"^{2*}, паровой ткацкий станок и цилиндрический печатный станок, какие бы новые силы, еще в сотни раз могущественнее пара, ни открывали, — все же все эти изобретения не только не дадут свободы человечеству, не увеличат его досуга и не улучшат потребления, но, напротив, умножат труд, усугубят рабство, удорожат жизнь и еще более углубят пропасть, разделяющую господствующий и наслаждающийся класс от класса подчиненного и страдающего».

Свободная конкуренция представляет собой следующую категорию экономического строя. Всем известны выгоды свободной конкуренции, столь восхваляемые экономистами. Но экономисты упускают из виду основную истину, что «конкуренция убивает конкуренцию». Геометрия не знает истины более несомненной. Правда, социалисты говорят нам, что во всем нужно различать правильное пользование от злоупотребления. Есть конкуренция благородная, заслуживающая высокой похвалы — это соревнование. Но есть конкуренция гибельная, безнравственная и разрушительная — это своекорыстие. Точно так же экономисты требуют, чтобы мы сохранили хорошую сторону конкуренции и устранили дурную. Экономисты не отрицают, что конкуренция приводит к своей противоположности — монополии; но они видят в этом лишь злоупотребление. Однако, говорит Прудон, монополия не есть злоупотребление конкуренцией, а естественный и неустрашимый принцип последней. «Монополия есть фатальное завершение

конкуренции, непрерывно порождающей монополию как свое отрицание; в этом заключается и оправдание монополии. Так как конкуренция присуща обществу, как движение присуще живым существам, то и монополия, следующая за конкуренцией, составляющая ее цель и предел, без которых конкуренция была бы неприемлема, должна быть признаваема столь же законной». В ожесточенной экономической борьбе побеждает сильнейший, становящийся монополистом. Чем сильнее конкуренция, тем неизбежнее монополия. И мы видим, что монополия захватывает все новые и новые области хозяйства. И в земледелии, и в промышленности, и в торговле монополия становится господствующей. Благодаря этому растут производительные силы общества; коллективные рабочие, объединенные монополистом, производят больше разьединенных рабочих. Но монополия в то же время есть могущественнейшая причина общественного упадка. *Latifundiae perdidere Italiam!* Монополия стремится не к созданию наибольшей суммы общественного благосостояния, а к доставлению наибольшего дохода монополисту. Ради увеличения своего дохода монополисты готовы сократить сумму производимых продуктов — иначе говоря, пожертвовать общим благосостоянием ради своего собственного. Монополия в корне противоположна равенству.

Подобным образом Прудон последовательно разбирает экономические категории — налоги, торговлю, кредит и, наконец, собственность и коммунизм. Во всем он находит внутренние противоречия, разрешение которых возможно будет лишь тогда, когда будет разрешено лежащее в основе современной хозяйственной системы противоречие ценности, когда закон трудовой ценности получит свое полное осуществление. В заключение Прудон критикует учение Мальтуса и противопоставляет его формуле, — что население растет в геометрической, а средства существования в арифметической прогрессии, — свою собственную, гласящую, что средства существования растут как квадраты числа рабочих. Нечего и говорить, что обе формулы — и Мальтуса и Прудона — одинаково произвольны.

Таково содержание «Экономических противоречий», далеко оставляющих за собой по глубине и зрелости мысли первое экономическое сочинение Прудона. Хотя автор совершенно произвольно распределяет свои экономические категории, которые не только не соответствуют последовательности исторического развития, но и не подчинены никакому логическому правилу и столь же успешно могли бы быть размещены в обратном или в каком-либо ином порядке, все же «Экономические противоречия» содержат в себе такую глубокую критику капиталистического строя, что большинству последующих критиков капитализма оставалось только развивать или видоизменять мысли Прудона. Не подлежит сомнению, что, несмотря на крайне пристрастную критику Прудона Марксом, «Капитал» Маркса создан под непосредственным влиянием «Экономических противоречий». И это неудивительно,

так как Прудон был первым замечательным экономистом, применившим гегелевский диалектический метод к исследованию системы экономических категорий во всей их совокупности. Тому же методу следовал и Маркс.

Задача «Экономических противоречий» была чисто критическая. Правда, Прудон уже и в этом сочинении довольно ясно дал понять, в чем он видит решение социального вопроса. Конституирование ценностей всех товаров — вот в чем заключалось искомое решение. Но как этого достигнуть? На это Прудон отвечает в другой книге «Résumé de la question sociale» (1849). Он подымает свой старый вопрос — что такое собственность — и решает его в том смысле, что собственность, при современных условиях хозяйства, есть не что иное, как своего рода привилегия на получение сбора, пошлины с продуктов, поступающих в оборот, с циркуляции товаров.

Реформируя механизм товарного обращения, мы вместе с тем реформируем и право собственности, со всеми его губительными последствиями.

Но какая сила руководит в настоящее время обращением товаров и деспотически управляет их движением? Эта сила — деньги. Следовательно, и решение социального вопроса должно заключаться в реформе денежного обращения. Денежный капитал должен утратить свою деспотическую власть.

Для достижения этой цели Прудон предлагает устройство менового банка, во многом напоминающего рабочую биржу Оуэна, с тем различием, что Оуэн стремился только к устранению денег в роли менового посредника, между тем как Прудон, вместе с тем, хотел достигнуть своим меновым банком и другой цели — дарового, беспроцентного кредита.

Мы не будем повторять сказанного выше (по поводу рабочей биржи Оуэна) о невозможности обеспечить сбыт всех товаров путем замены денег какими-либо условными знаками, путем организации безденежного обмена. Не организация сбыта, а организация общественного производства, замена анархического единоличного хозяйства планомерным общественным хозяйством — вот что требуется для того, чтобы продукты всегда находили сбыт. Меновой банк Прудона был, несомненно, утопией, хотя отнюдь не социалистической. Прудон надеялся сохранить в неприкосновенности индивидуальную свободу производителя и в то же время, избавить рабочего от власти предпринимателя путем беспроцентного кредита. Но где найти капиталы для неограниченного кредита? Прудон повторяет здесь ошибку многих буржуазных экономистов, приписывавших кредиту чудесную способность создавать богатство из ничего. Классическим и неподражаемым примером и, вместе, родоначальником этих утопистов кредита был кредитный Калдстро XVIII века — шотландец Джон Лоу¹, заразивший своим безумием чуть не всю французскую нацию, закруживший ее в вихре неистовой биржевой игры, ослепивший ее миражем фантастических сказочных богатств, лопнувших, как мыльный пузырь.

Весьма характерно, что Прудон относился с большой симпатией к Лоу и даже заявлял в «Экономических противоречиях», что истинные идеи Лоу еще никем не поняты надлежащим образом и что, будучи правильно поняты, они могут произвести настоящий переворот в народном хозяйстве.

Такой переворот должен был осуществить меновой, или, как впоследствии его назвал Прудон, народный банк¹. Со своим обычным избытком темперамента, наш автор в следующих выражениях возвестил о своем новом предприятии: «Я начинаю дело, равного которому не было и не будет в мире. Я хочу изменить основание общества, повернуть ось цивилизации, сделать так, чтобы мир, который, по воле Божества, движется с запада на восток, начал двигаться, по воле человека, с востока на запад». И все эти чудеса должен был произвести скромный «народный банк» с капиталом в 50.000 франков!

К счастью для Прудона, судьба избавила его от разочарования и некоторого конфуза, который не мог не сопровождать неизбежного жалкого крушения предприятия, начатого с такими необычайными обещаниями. В дело вмешалось попечительное правительство Луи Бонапарта, позаботившееся о том, чтобы «ось цивилизации» не пострадала: как раз в самое горячее время, накануне открытия операций банка, Прудон был арестован и посажен в тюрьму. За отсутствием главного руководителя, «народный банк», акции которого парижский рабочий класс раскупал очень охотно, должен был немедленно закрыться.

В заключение отметим, что Прудон считается создателем теории анархизма, превосходящей по своей утопичности все социалистические теории, к которым наш автор относился с таким осуждением.

II. Родбертус²

Классовые интересы, несомненно, оказали глубокое влияние на экономическую науку, но все же политическая экономия далеко не составляет простого идеологического отражения классовой борьбы. Интересы различны, но истина одна; интересы рабочего класса могут быть противоположны интересам капиталистов, но то, что является объективной истиной для капиталиста, должно быть объективной истиной и для рабочего. Законы логики всеобщезначательны, и самый сильный интерес не может не склониться перед ними. Не существует двух политических экономий — буржуазной и социалистической, а есть одна наука о народном хозяйстве, правда, еще очень несовершенная и потому распадающаяся на несколько направлений, различия между которыми хотя и велики, но не настолько, чтобы для объективной и потому единой науки не оставалось места. Теоретические построения защитника капиталистических интересов Рикардо легли в основу так называемого научного социализма, долгое время опиравшегося на трудовую теорию ценности³; в новейшее время некоторые выдающиеся

теоретики социализма приняли новую теорию ценности — теорию предельной полезности¹, развитую учеными буржуазного лагеря. Таким образом, невзирая на различие классовых интересов, объективная и единая наука прокладывает себе путь, следуя своим собственным логическим законам развития и повинаясь одному голосу — истине.

Ученый может иметь классовые симпатии; но истина должна быть для него всего выше. Именно таким ученым, сумевшим подняться над своими классовыми симпатиями, не пожертвовавши ради них ни крупицей того, что он считал объективной истиной, был один из гениальнейших экономистов XIX века — Карл Родбертус-Ягцов (1805 — 1875 гг.).

По своему происхождению, общественному положению, условиям жизни и всей жизненной обстановке этот, наряду с Марксом, замечательнейший представитель критического социализма был совершенно чужд рабочим классам. Отец его был профессором римского права в грейфсвальдском университете. По окончании университета Родбертус поступил на службу по министерству юстиции. Но вскоре он вышел в отставку и в 1832 г. купил в Померании крупное дворянское имение Ягцов, где и жил, с небольшими перерывами, до конца жизни. Он был деятельным и успешным сельским хозяином, благодаря чему пользовался значительным престижем среди местного дворянства, неоднократно выбиравшего его на разные почетные должности. В 1847 г. Родбертус был представителем дворянства в ландтаге². Как парламентский деятель он обращал на себя внимание, главным образом, своей горячей преданностью общегерманским национальным интересам. Революционные бури выдвинули нашего ученого на короткое время на первый план политической арены. Он с жаром выступил на защиту верховных прав народного представительства и национальной германской идеи. Когда образовалось умеренно-прогрессивное министерство Ауэрсвальда-Ганземана³, Родбертус получил в нем портфель министра народного просвещения.

Но министром он пробыл всего несколько дней: реакция скоро восторжествовала, и наступил период трусливых попыток парламентских либералов бороться с прусской солдатчиной. Родбертус принимал некоторое участие в этой борьбе и издал в начале 1849 г. брошюру, в которой защищал права народного представительства и отрицал законность действий прусского правительства. В скором времени он был избран депутатом одного берлинского округа. Когда собрание представителей было распущено правительством, Родбертус высказался против участия своей партии в выборах и уже больше не играл активной роли в политической жизни страны. Он сблизился с консерваторами и разошелся с либералами; поэтому, когда в 1862 г. партия прогрессистов предложила Родбертусу кандидатуру в одном округе, он отклонил это предложение.

Вся его последующая жизнь была посвящена упорному, единственному научному труду в деревне и отчасти практической дея-

тельности в качестве сельского хозяина. Вначале научные работы Родбертуса не имели никакого успеха; его первая статья «Die Forderungen der arbeitenden Klassen» (1837) не была принята газетой, для которой предназначалась, и появилась в печати только почти полвека спустя в посмертном издании. «Социальные письма» к Кирхману^{1*} — работа, в полном смысле, гениальная — были напечатаны в ограниченном числе экземпляров и остались совершенно незамеченными публикой. Только в 60-х годах одинокий мыслитель начинает находить друзей и последователей. С ним завязывает сношения Лассаль^{2*}, стремившийся, но безуспешно, вовлечь Родбертуса в свою агитацию, поведшую к образованию германской рабочей партии. Несмотря на все усилия, Лассаль не удалось побудить Родбертуса вступить в члены «Всеобщего германского рабочего союза». В ответ на один вопрос комитета союза Родбертус издал брошюру, в которой выразил мнение, что рабочие вполне правы в своем отрицательном отношении к Шульце-Деличу^{3*}, но что и рекомендуемые Лассалем производительные ассоциации с государственной помощью не в силах разрешить социальный вопрос. В особенности неодобрительно отнесся Родбертус к тому, что рабочие, под влиянием Лассалья, поставили в первую очередь своих требований всеобщее избирательное право; политические задачи — говорил Родбертус — не должны ни в каком случае заслонять социальных. Рабочим не следует тратить время на блуждание окольными путями политики, а нужно напрямик идти твердым шагом к своим социальным целям.

Крепкая монархическая власть отнюдь не представлялась Родбертусу помехой к достижению его социальных идеалов. Напротив, в его глазах особенностью нашего времени является близость политического консерватизма к экономическому радикализму. Поэтому Родбертус одновременно поддерживал сношения с создателем немецкой социал-демократии Лассалем и с консервативными политиками вроде Рудольфа Мейера^{4*} и Вагнера^{5*}. Он искренно верил в утопию социальной монархии и думал, что прусская королевская власть может взять на себя миссию осуществления требований рабочих классов.

Все это, разумеется, отнюдь не свидетельствует о проницательности Родбертуса как политика и о глубине его социально-политических воззрений. Его сила лежала в совершенно иной области, чем практическая политика, — в области теоретической мысли. Классовые симпатии тесно связывали его с консервативными и даже реакционными общественными элементами, а как теоретик он был провозвестником общественного строя будущего. Этим и объясняется противоречивая общественная позиция великого экономиста.

Как теоретик Родбертус стоит очень высоко. В особенности замечательно его учение о распределении, которое он развивает в самом строгом соответствии с трудовой теорией ценности.

Результатом производительной деятельности общества, говорит Родбертус в своих «Социальных письмах», является коллек-

тивное создание общественного продукта. Часть этого общественного продукта совсем не предназначена для общественного потребления и идет на возмещение израсходованного и уничтоженного во время процесса производства общественного капитала — иначе говоря, средств производства. Другая часть распределяется между общественными классами, владеющими тремя основными производительными факторами — трудом, капиталом и землей, — рабочими, капиталистами и землевладельцами. «Рабочая плата, земельная рента, прибыль на капитал суть социальные факты и понятия, — говорит Родбертус, — т.е. факты и понятия, которые существуют лишь потому, что соответствующие лица соединены узами разделения труда в одно общество. При принципиальном объяснении заработной платы, ренты и пр. можно рассматривать всю общественную заработную плату, всю ренту и пр. как целое, так что можно мыслить все общество как состоящее из одного рабочего, одного землевладельца и одного капиталиста. Ибо законы, регулирующие дальнейшее разделение заработной платы, земельной ренты и прибыли между отдельными рабочими, отдельными землевладельцами и отдельными капиталистами, суть иные законы, чем те, которые устанавливают распадение общественного продукта вообще на рабочую плату, земельную ренту и прибыль».

«Ренту образует всякий доход, получаемый без собственного труда, исключительно в силу владения имуществом. Что такой доход имеется в обществе, это не может быть никем оспариваемо, хотя некоторые и утверждают, что имущество, которым собственники владеют, есть результат собственного труда владельца. Рентой является, поэтому, как земельная рента, так и прибыль, процент на капитал».

Каким же образом возникает рента? С точки зрения Родбертуса, единственной производительной силой является труд, всякая ценность создается трудом, и только трудом. Между тем, рента, несомненно, есть ценность, но она не есть результат труда получающего ее лица. Следовательно, рента есть часть трудового продукта другого лица. Для возникновения ренты необходимы два следующих основных условия: «Во-первых, не может быть ренты, если труд не создает больше того, что требуется, по крайней мере, для продолжения труда рабочего, ибо если такого избытка нет, то никто не может получать доход, не работая лично. Во-вторых, не может быть ренты, если не имеется учреждений, лишающих рабочих всего или доли этого избытка и передающих его другим, лично не работающим, ибо рабочие, по самому существу дела, являются первичными обладателями своего продукта. То обстоятельство, что работа дает этот избыток, основывается на хозяйственных причинах, повышающих производительность труда. То же, что этот избыток частью или целиком отбирается у рабочих и поступает в пользу других, основывается на положительном праве, которое с самого своего возникновения покоилось на силе и поныне лишь путем принуждения лишает рабочих части созданного ими продукта».

Этой силой, создавшей нетрудовые формы дохода, первоначально было рабство. Рабочие, изготовлявшие общественный продукт, были рабами своего господина, оставлявшего рабам лишь такую долю их продукта, которая была строго необходима для поддержания их жизни и работоспособности. Но рабство возникает лишь на определенной ступени производительности труда, благодаря тому, что на более ранних ступенях труд слишком малопроизводителен и не мог бы создать никакого избыточного продукта. Поэтому наиболее первобытные племена не обращают своих пленников в рабство, а просто убивают их.

В настоящее время рабства не существует, но отсутствие средств производства у рабочих и принадлежность земли и капитала другим лицам оказывают на рабочих такое же принудительное действие, как и рабство. «Приказания рабовладельца заменены договором рабочих со своим хозяином, но этот договор только формально, а не материально свободен, и голод почти вполне заменяет плеть. Что называлось раньше кормом для рабов, теперь называется заработной платой».

Причиной увеличения производительности труда, сделавшей возможной ренту, было разделение труда. «В изолированном состоянии — до разделения труда — наши потребности превосходят наши силы; в общественном состоянии — при разделении труда — наши силы превосходят наши потребности». Но вместе с разделением труда возникает и эксплуатация одних членов общества другими, распадение общества на работающие и неработающие классы, причем последние присваивают себе большую или меньшую долю продукта первых. «Утверждение экономистов, что, по крайней мере первоначально, земля, капитал и рабочий продукт принадлежали самим рабочим, не только не согласуется с историей, но даже, наоборот, история показывает, что первоначально не только земля, капитал и рабочий продукт, но даже и сам рабочий принадлежали другим лицам, что первичная система эксплуатации была настолько же тяжелее современной, насколько рабство тяжелее земельной и капитальной собственности».

Получив свободу, рабочий не получил ничего, кроме свободы. Он не получил ни земли, ни капитала, требуемых для производства. И то и другое было собственностью других лиц. Такое положение вещей должно было неизбежно привести к тому, что собственники земли и капитала стали руководителями производства и собственниками трудового продукта, рабочему же было предоставлено пользование частью произведенного им продукта как своей заработной платой. «Если труд достаточно производителен и существует право собственности на землю и капитал, то неизбежно должно произойти само собой, что рабочие будут получать как свой доход только часть своего трудового продукта, а остальная часть поступит в доход землевладельцев и капиталистов».

Таким образом объясняет Родбертус происхождение ренты — нетрудового дохода вообще. Но в развитом капиталистическом хозяйстве рента, в свою очередь, распадается на два различных до-

хода — доход капиталистов и землевладельцев — прибыль и земельную ренту. На чем же основывается это распадение?

Если мы обратимся к хозяйственному строю, предшествовавшему капиталистическому, напр., к хозяйственному строю античного мира или средних веков, то мы не найдем этого распадения ренты. Возьмем, напр., хозяйство римского патриция. Патриций был собственником земли, средств производства и рабочих. Рабы не только добывали сырье, но и превращали его в окончательный продукт. Весь этот продукт, за вычетом содержания рабов и расходов по возмещению уничтожившихся в процессе работы средств производства, составлял доход патриция, очевидно не имевшего ни повода, ни возможности различать в своем доходе долю прибыли на капитал и долю земельной ренты. К тому же этот доход имел натуральную форму, благодаря чему строгая расценка его была вообще неосуществима. С точки зрения патриция, источником его дохода было имущество, в действительности же создателями этого дохода были рабы.

При таком положении вещей даже самое понятие капитала и прибыли на капитал не может достигнуть ясности. Только одна категория капитала выделяется и приобретает определенность уже в античном мире — это денежный капитал. Так как и при господстве натурального хозяйства обмен не совершенно исключен и потребность в деньгах существует иногда даже очень сильная, благодаря тому, что денег мало, — то и на самых ранних ступенях хозяйства мы замечаем существование ростовщического денежного капитала. Ростовщический денежный процент есть почти единственно известная в античном мире форма прибыли на капитал. Но размер этой прибыли — ростовщического процента — не находится ни в какой зависимости от дохода промышленного предприятия, так как высота процента устанавливается при этих условиях исключительно нуждой заемщика, почему и процент может достигать чудовищных размеров. Благодаря этому общественное мнение древнего мира не признавало процента правомочным, нормальным видом народного дохода и видело в нем нечто противоестественное и заслуживающее порицания.

Современное хозяйство имеет совершенно иной характер. Вместо натурального производства для собственного потребления в нем господствует и дает тон экономической жизни производство для сбыта на продажу. Отсюда вытекает необходимость строгой расценки всех предметов хозяйства. Вместе с тем, первоначально неделимое производство продукта с начала до конца в одном и том же хозяйстве распадается на две основных ступени. На одной ступени изготавливается сырье, на другой — сырье превращается в фабрикат. Изготовление и обработка сырья принадлежат различным предприятиям.

Первоначальная единая рента должна теперь распаться на две части, так как и производители сырья, и фабриканты должны получить свою долю. Какое же начало управляет разделением ренты? Начало трудовой ценности, создаваемой на каждой ступе-

ни производства, — отвечает Родбертус. «Я исхожу из предположения, — говорит наш автор, — что меновая ценность как каждого готового продукта, так и на каждой ступени изготовления продукта равна соответствующей трудовой затрате, так что не только готовые продукты, но и сырье, и фабрикат обмениваются между собой пропорционально своим трудовым стоимостям; если, напр., изготовление сырья потребовало столько же труда, как и превращение его в фабрикат, то готовый фабрикат будет расцениваться вдвое выше сырья». При этом условии очевидно, что рента должна распределиться между собственниками сырья и фабрикатов пропорционально трудовой затрате на каждой ступени производства, ибо рента есть доля ценности продукта, и если ценность пропорциональна труду, то и рента должна быть, при прочих равных условиях, пропорциональна труду.

Итак, если производство сырья стоило такого же труда, как и превращение сырья в фабрикат, то сумма ренты на первой ступени производства должна быть равна сумме ренты на второй ступени. Но капитал, на который начисляется рента, неизбежно должен быть больше на второй ступени, чем на первой, так как на первой ступени в расходы производства не входит сырье, а на второй ступени сырье есть необходимая составная часть этих расходов.

Отсюда следует, что процент прибыли должен бы быть выше в производстве сырья (ибо капитал, на который начисляется прибыль, меньше), чем в производстве фабрикатов.

Совместимо ли, однако, с законами капиталистической конкуренции существование в двух основных отделах национального производства двух различных процентов прибыли? Конечно, нет. Избыточная прибыль, извлекаемая из производства сырья и, в частности, из сельского хозяйства, не может достаться капиталу. Согласно закону равенства прибыли, на сельскохозяйственный капитал должен начисляться лишь такой же процент прибыли, как и на промышленный капитал. Кому же достанется избыточная прибыль в земледельческом производстве? Очевидно, *землевладельцу*, собственнику естественных сил, без помощи которых невозможно производство сырья. Эта избыточная прибыль и образует земельную ренту, доход землевладельца. И земельная рента, и прибыль суть составные части ренты вообще, доли собственников в трудовом продукте, которая в предшествовавшие исторические эпохи поступала собственнику в неразделенном виде, а затем, вследствие обособления земельной и капитальной собственности, стала распределяться, согласно закону трудовой стоимости, между землевладельцами и капиталистами и получила название земельной ренты и прибыли на капитал.

Легко понять различие этой теории земельной ренты от теории Рикардо. По Рикардо, земельная рента зависит лишь от различия естественного плодородия земельных участков или от различия производительности последовательных затрат земледельческого капитала. Родбертус несколько не отрицает очевидного факта, что

земельная рента должна быть тем выше, чем участок плодороднее, точно так же, как и того, что рента повышается при большей интенсивности сельского хозяйства. Таковую земельную ренту, возникающую благодаря естественным различиям условий земледельческого производства, Родбертус называет *дифференциальной* рентой. Законы дифференциальной ренты выяснены Рикардо. Но в противность последнему, Родбертус утверждает, что, кроме дифференциальной ренты, существует и абсолютная земельная рента, совершенно не зависящая от указанных различий и неизбежно возникающая в сельском хозяйстве непосредственно в силу того, что сельское хозяйство, производя сырье, требует меньшей затраты капитала, чем обрабатывающая промышленность, в состав капитала которой входит это самое сырье^{1*}. Поэтому не только более плодородные участки земли дают ренту, но и наименее плодородная земля, если только она обрабатывается, не может не приносить ренты.

Однако, несмотря на многие верные частности и замечательно глубокое социологическое освещение вопроса о происхождении землевладельческого дохода, теория земельной ренты Родбертуса, в целом, безусловно несостоятельна. Она построена на предположении, что цена продукта определяется не *издержками производства*, а трудовой стоимостью. Но сам Родбертус признает в других своих работах ошибочность этой точки зрения. Центром тяготения средних цен является в современном хозяйстве не трудовая стоимость, а издержки производства.

Если же — так, то все учение о земельной ренте Родбертуса падает. Нужно согласиться, что в земледельческом производстве отсутствуют затраты на сырье, между тем как в обрабатывающей промышленности эти затраты входят в состав издержек производства. Но что же из этого следует? Большая прибыльность земледельческого производства, как думает Родбертус? Отнюдь нет. Большая прибыльность получилась бы в том случае, если бы цены сырья и фабриката устанавливались на основе трудовых затрат. А так как этого нет и быть не может, так как цены в капиталистическом хозяйстве управляются не затратами труда, а затратами капитала, издержками производства, то сравнительно более высокие затраты капитала на производство фабрикатов приведут лишь к более высоким ценам последних. Если фабрикат имеет вдвое высшую трудовую стоимость, чем сырье, то цена его будет более чем вдвое превышать цену сырья, благодаря тому, что издержки производства фабриката, как показал Родбертус, должны в этом случае более чем вдвое превышать издержки производства сырья. Указанное Родбертусом обстоятельство (относительно меньшая затрата капитала в производстве сырья сравнительно с производством фабрикатов) ведет не к возникновению земельной ренты, а к отклонению средних товарных цен от трудовых стоимостей.

Таким образом, желая опровергнуть теорию земельной ренты Рикардо, Родбертус опроверг трудовую теорию ценности в ее аб-

солютной форме. Наш автор совершенно прав, утверждая, что его теория земельной ренты есть безусловно необходимый логический вывод из признания труда единственным фактором ценности. Но это говорит лишь против этой последней теории, ибо легко показать, что теория земельной ренты Родбертуса есть экономическая нелепость. В самом деле, согласно этой теории, первые ступени производства должны давать больший доход предпринимателю сравнительно с последующими. Родбертус делит в данном случае весь процесс производства на две ступени — производство сырья и производство фабриката. Но, конечно, ступеней производства, в действительности, гораздо больше. Так, хлопок, раньше чем превратится в предмет одежды, должен подвергнуться целому ряду промежуточных производств, каждое из которых может быть предметом независимого промышленного предприятия (производство хлопка, пряденье, ткачество, окраска и набивка, фабрикация предметов одежды). Из теории Родбертуса вытекает, что каждая предшествующая ступень производства должна давать избыточный доход сравнительно с последующей, ибо по мере того, как продукт поднимается по ступеням производства, ценность его растет, а следовательно, растут и затраты на приобретение материала для обработки. Если бы рассматриваемая теория была справедлива, то красильщик получал бы избыточный доход сравнительно с портным, ткач сравнительно с красильщиком, прядильщик сравнительно с ткачом и т.д. На каждой ступени производства, кроме последней, возникала бы добавочная рента — иначе говоря, процент прибыли был бы различен, и тем выше, чем ближе эта ступень к началу производства — изготовлению сырья. Нечего и говорить, что ничего этого не бывает в действительности и быть не может, ибо признаваемый Родбертусом закон равенства прибылей приводит цены продуктов на всех ступенях производства к соответствию с издержками производства.

Весьма своеобразную позицию занимает Родбертус по отношению к центральному вопросу в социально-политическом отношении — вопросу о правомерности дохода, вытекающего из права собственности. Мы видели, что автор «Социальных писем» отнюдь не склонен прикрывать вуалью разного рода истины, грустные или позорные для современной цивилизации, от которых стыдливо отворачиваются буржуазные писатели. Его критический нож режет смело и глубоко; вскрывая самые основы современного социального строя. Родбертус менее всего склонен замалчивать или отрицать, что доход, вытекающий из права собственности на средства производства, поκειται всецело на праве силы и что все попытки подыскать для этого дохода какое-нибудь иное основание, более согласное с этическими воззрениями нашего времени, должны остаться, по необходимости, безуспешными. Вместе с тем, Родбертус отнюдь не считает права собственности на землю и капитал неустранним условием хозяйственной деятельности вообще. Даже больше, — наш автор выработал в одной из своих работ план организации общественного хозяйства при отсутствии

частной собственности на средства производства. И в то же время, Родбертус выступал защитником классовых интересов крупных землевладельцев. Каким образом согласовать это противоречие?

Для Родбертуса тут никакого противоречия нет. Капиталистический хозяйственный строй, в глазах Родбертуса, есть историческая форма хозяйства, подлежащая дальнейшему развитию, долженствующему привести к замене существующей стихийной свободы частнохозяйственного предпринимательства — планомерной организацией всего национального производства под руководством общественной власти; но для данного исторического момента частнохозяйственное предпринимательство необходимо. «Хотя я думаю, — писал Родбертус в «Капитале»¹, — что современное общество уже целиком попало в коммунистический поток, все же я отнюдь не рассчитываю на уничтожение земельной и капитальной собственности в ближайшем будущем. Противоположные экономические и правовые убеждения, могущество интересов, связанных с земельной и капитальной собственностью, умственное и нравственное состояние как господствующих классов собственников, так и подчиненных рабочих классов, делают невозможным еще на много десятков лет крушение столь глубоко корнящихся социальных учреждений. Я не думаю также, чтобы «свободный труд» достаточно обеспечивал сохранение науки и искусства и большинства других высших благ цивилизации. Прекрасно было бы, если бы воспитание человеческого рода... уже закончилось, так что человек мог бы добровольно и по собственной инициативе исполнять прибавочную работу. Но с того времени, как лучшие умы признали неправомочность рабства, потребовалось тысячелетие, чтобы даже в цивилизованных странах Европы изгладилась последние следы рабства. И хотя теперь история движется быстрее, зато и собственность на землю и капитал гораздо прочнее срослась с обществом».

Современный хозяйственный строй может, поэтому, по мнению Родбертуса, с уверенностью рассчитывать на несколько столетий существования. Собственность пока необходима в высших интересах человечества. Собственники земли и капитала в качестве руководителей национального производства исполняют, в глазах автора «Социальных писем», чрезвычайно важную хозяйственную функцию. Без упорной работы ума частного предпринимателя не мог бы работать хозяйственный механизм нашего времени.

«Для того, чтобы с успехом руководить производством при господстве разделения труда, требуются не только познания, но и моральная сила и энергия. Те же свойства необходимы и для того, чтобы следить за потребностями рынка, соответственно направлять производство и быстро удовлетворять общественную потребность. Редко бывает, чтобы капиталист или землевладелец, так или иначе, не действовали в этом смысле. Деятельности этого рода рабочий не исполняет и не может исполнять по самому характеру своего занятия. Однако она абсолютно необходима в на-

циональном производстве. Поэтому, поскольку всякая общепользная деятельность вправе ожидать оплаты, нельзя сомневаться, что капиталисты и землевладельцы, предприниматели и руководители предприятий имеют полное право требовать от общества оплаты своей вышеуказанной деятельности. Они имеют на это такое же право, как и министр торговли, если только он исполняет свои обязанности хорошо. Вместе с тем, очевидно, что указанная деятельность, как и деятельность судьи, школьного учителя, врача и т.д., может быть оплачена только путем вычета из трудового продукта рабочих, — ибо нет другого источника материального богатства».

Вместе со всеми экономистами, социальное мировоззрение которых сложилось во вторую четверть закончившегося века — в период падения заработной платы и роста нищеты, — Родбертус разделяет пессимистическое учение о тяготении заработной платы к минимуму средств существования.

«Распределение национального продукта, — говорит он, — подчиняющееся "естественным" законам обращения; приводит к тому, что при растущей производительности труда заработная плата составляет все меньшую долю продукта; ибо, сколько бы ни произвел рабочий, жестокие законы обмена принуждают его довольствоваться одной и той же скромной суммой средств существования, безусловно необходимой для жизни. А так как при большей производительности труда то же абсолютное количество продуктов должно иметь меньшую трудовую стоимость, то, следовательно, рабочий, получая, несмотря на все успехи промышленности, одно и то же количество предметов потребления, отдает в пользу владеющих классов все большую долю своего трудового продукта...» В этом тяготении заработной платы к минимуму средств существования Родбертус находит объяснение роста нищеты, замечаемого именно в наиболее прогрессирующих странах.

Но этот же закон объясняет, по мнению нашего автора, и другую, не менее характерную черту господствующего хозяйственного строя — постоянное возвращение промышленных кризисов, от которых так жестоко страдают передовые страны. «Нищета и промышленные кризисы, — читаем во втором "Социальном письме", — вызываются одной и той же причиной; одно и то же свойство современного товарного обращения создает оба этих величайших препятствия равномерному и непрерывному общественному прогрессу».

Представим себе, что производительность труда возросла. Это значит, что одинаковое количество труда создает теперь большее количество товаров, поступающих на рынок. Если бы рабочие классы имели возможность закупить это возросшее количество товаров, то, очевидно, спрос на товары соответствовал бы предложению. Но, согласно учению, принимаемому Родбертусом, реальная заработная плата остается неизменной. Если количество производимых рабочими продуктов возрастает и цена продуктов соответственно падает, то законы обращения приводят к соответству-

ющему понижению *денежной* заработной платы. При этом условии очевидно, что при каждом успехе промышленной техники рабочие классы должны предъявлять спрос все на меньшую *долю* национального продукта. Следствием этого должна явиться невозможность сбыть рабочим возросшее количество товаров — иначе говоря, должно получиться перепроизводство всех товаров, предназначенных для потребления низших классов населения; а так как главная масса товаров, обращающихся на рынке, относится именно к этой категории, то переполнение рынка товарами примет форму общего промышленного кризиса. «Покупательная сила большей части общества уменьшается по мере возрастания производительности труда, и следствием этого является производство потребительных ценностей, не имеющих рыночной цены и покупательной силы, несмотря на то, что потребности в них большинства населения не удовлетворены».

Таким образом, кризисы вызываются, по мнению Родбертуса, сокращением, по мере возрастания производительности труда, доли рабочих в национальном продукте. При этом важно иметь в виду, что Родбертус решительно отрицает, чтобы кризисы были в какой бы то ни было связи с абсолютным размером заработной платы. «Я утверждаю, — говорит он, — что причина промышленных кризисов заключается не в недостаточности доли рабочих в общем продукте, но в падении этой доли по мере успехов техники, и также утверждаю, что кризисы не могли бы наступить, если бы эта доля была столь же мала, как и ныне, но не изменялась бы при повышении производительности труда, и, далее, что кризисы будут происходить, как бы ни была велика эта доля, если только она будет падать при росте производительности труда».

Теория Родбертуса была бы правильна, если бы его послышки соответствовали действительности. Если бы доля рабочих классов в национальном продукте падала при каждом успехе промышленности, то перепроизводство предметов потребления рабочих масс, а следовательно, и общий промышленный кризис были бы неизбежны. Но в том-то и дело, что эта посылка не соответствует действительности. Можно признавать или отрицать факт повышения реальной заработной платы за продолжительные исторические периоды, но одно несомненно: для небольших периодов времени *денежная* заработная плата гораздо устойчивее реальной. Вся теория кризисов Родбертуса построена на предположении, что сокращение доли рабочих в национальном продукте происходит настолько быстро и внезапно, что национальное производство не успевает приспособиться к изменившемуся спросу и капиталы не успевают перейти от производства предметов потребления рабочих к производству предметов потребления господствующих общественных классов (доля которых в национальном продукте возросла). Всего этого на самом деле нет: прогресс техники идет не скачками, одновременно во многих отраслях производства, а постепенно и понемногу, и в разное время в различных отраслях труда. Промышленные кризисы отнюдь не вызываются промышленными изо-

брениями; наоборот, крупные изобретения делаются и входят в общее употребление обыкновенно *после* промышленных кризисов, в периоды застоя, когда низкая прибыль побуждает фабрикантов принимать меры к понижению издержек производства. Периоды торгового и промышленного оживления, предшествующие кризисам и непосредственно вызывающие их, характеризуются не ускорением технического прогресса и удешевлением фабрикатов, а, наоборот, замедлением технического прогресса и повышением цен фабрикатов. Денежная заработная плата не понижается в периоды, предшествующие кризисам, а, наоборот, повышается.

Исходя из мысли, что главное зло существующего хозяйственного строя заключается не столько в недостаточности доли рабочих в национальном продукте, сколько в ее непрерывном падении по мере прогресса техники, Родбертус предлагает ряд мер, долженствующих предотвратить это зло. В «Письме к конгрессу рабочих при всемирной выставке в Лондоне» Родбертус советует рабочим выработать нормальный рабочий день, долженствующий выражать нормальное и среднее количество рабочих часов в сутки, соответствующее силам рабочего и его интересам как человека и члена общества. Когда этот нормальный рабочий день будет установлен, следует определить, смотря по тягостности и утомительности труда в разных занятиях, сколько часов труда в каждом из этих занятий соответствует нормальному рабочему дню; это даст норму для рабочего дня в различных родах труда. Затем, нужно выяснить средний трудовой продукт нормального рабочего дня для каждого производства в отдельности. Таким образом определится нормальная производительность труда. Исходя из этих данных можно выработать, применительно к господствующим условиям жизни рабочих в разных странах, нормальную заработную плату (т.е. плату, пропорциональную производительности труда, но отнюдь не равняющуюся всему трудовому продукту). Дело рабочих настоять на принятии предпринимателями этих нормальных расценок труда, которые должны каждые десять лет пересматриваться и изменяться соответственно происшедшим переменам производительности труда. Таким образом удастся достигнуть устойчивости доли рабочих классов в национальном продукте и предотвратить понижение этой доли.

В этом направлении, по мнению Родбертуса, должно работать наше время, чтобы путем компромисса уменьшить бедствия, создаваемые свободой товарного хозяйства, превращающей самого человека в такой же товар, как и предметы человеческого потребления.

В одном из позднейших сочинений Родбертуса, изданном после его смерти, во второй части «Zur Beleuchtung der sozialen Frage»^{1*} содержится интересная попытка статистического освещения законов распределения народного дохода в капиталистическом обществе по данным английской статистики подоходного налога. Родбертус пользуется работой английского статистика Бакстера^{2*}, графически изобразившего социальное сложение англий-

ского общества в начале 60-х годов. Пьедестал «общественной пирамиды» образует многочисленный класс рабочих, охватывающий около 77% населения, но владеющий только 40% национального дохода; на этом пьедестале возвышается пирамида имущих классов, вершину которой образует небольшая кучка миллионеров, сосредоточивающая в своих руках около 14% национального дохода. Средние классы общества по своей численности играют совершенно ничтожную роль сравнительно с рабочими, а по общей сумме дохода далеко уступают классу богатых людей.

Но эти данные, характеризующие распределение английского национального дохода в определенный исторический момент, ничего не говорят о тенденциях исторического развития, об изменениях, претерпеваемых общественной пирамидой под влиянием роста капиталистического хозяйства. Для этой последней цели необходимо сравнить распределение национального дохода в одной и той же стране в различные моменты времени. Родбертус пользуется для сравнения данными Колькуна, относящимися к Британскому королевству в 1812 году.

Сравнение это приводит Родбертуса к следующему заключению: «Общество все более и более развивается в противоположных направлениях. Все возрастающая неимущая масса снизу! Все более накапливающая огромные богатства, относительно сокращающаяся, небольшая группа наверху! Соединяющие эти противоположности, промежуточные, примиряющие классы в быстром падении и по своей численности, и по своему доходу!»

И Родбертус дает свой рисунок социального сложения капиталистического общества. Внизу, на самых низах, залегает как бы придавленный тяжестью социального здания толстый пласт пауперов, нищих, бесполезных для общества и содержимых на его счет в состоянии крайней скудости и нужды. Затем возвышается мощный фундамент, в котором сосредоточена истинная сила нации, — классы рабочих, которых Родбертус изображает трудолюбивыми муравьями, питающими все остальные классы общества и воздвигающими своим трудом национальное здание. На рабочем фундаменте покоится узкая подставка — средние классы общества, — поддерживающая богатые классы — огромный денежный мешок, венчающий всю постройку...

Рисунок Родбертуса очень остроумен и изобразителен. Жаль только, что статистические данные, из которых исходит наш автор, частью мало надежны, а частью и несомненно неверны — как, напр., данные Колькуна; весьма возможно, что движение национального дохода в Англии за рассматриваемое время шло в направлении, указанном Родбертусом, т.е. что общество все резче раскалывалось на богатых и бедняков, а средние классы теряли почву. Но доказать этого статистическим путем Родбертусу не удалось. И потому его статистические сопоставления следует считать лишь произвольной цифровой иллюстрацией вероятного направления общественного развития.

Родбертус был не только экономистом, но и замечательным историком. Его исследования хозяйственной истории Рима составили эпоху в изучении истории классического мира. Но исследования эти важны не только для понимания *прошлого*; одновременно с этим они подкрепляют и глубже обосновывают гениальные обобщения Родбертуса относительно *настоящего и будущего* нашего хозяйственного развития. В противоположность экономистам так называемой исторической школы¹, совершенно не сумевшим связать в одно целое экономическую *историю* и экономическую *теорию*, воспользоваться историческими обобщениями для установления новых теоретических посылок, Родбертус дает грандиозную картину исторического развития народного хозяйства, которая проливает новый и яркий свет на экономическую теорию вообще.

В настоящем Родбертус ищет зачаточных элементов будущего; в прошлом он видит зародыш, из которого развилось настоящее. Но так как история заключается в непрерывном творчестве новых социальных форм, то Родбертус чужд нередкой ошибки историков — конструирования социальных форм одной исторической эпохи по формам другой. Напротив, великая заслуга Родбертуса в том и заключается, что он с чрезвычайною резкостью и отчетливостью противопоставил друг другу три основных типа хозяйственного устройства — «ойкосного» хозяйства древности, современного капиталистического менового хозяйства и социалистического хозяйства будущего.

Социальный строй древнего мира покоился на натуральном хозяйстве, картину которого Родбертус воссоздает с неподражаемым искусством. Хозяйственной единицей был *ойкос* — античная семья, владевшая более или менее обширным участком земли, орудиями труда и рабами, исполнявшими хозяйственные операции. И земледелие и обработка сырья сосредоточивались в ойкосе. «Благоустроенный ойкос сам удовлетворял всем потребностям своей обширной домохозяйственной сферы и потому настолько обеспечивал ей самостоятельность, самообеспеченность, что владыка ойкоса, глава семьи, первоначально бывший единственным полноправным гражданином, мог всецело и бескорыстно посвящать себя служению государству». Не было никакой нужды в деньгах для того, чтобы подымать национальный продукт со ступени на ступень в процессе производства, потому что в течение всего этого процесса продукт не менял владельца. Достаточно было воли господина ойкоса, приказывавшего своим рабам-ремесленникам продолжать работу над произведениями рабов-земледельцев. В распределении национального дохода деньги принимали ничтожное участие. Рабочего класса не было на рынке, так как в ойкосном хозяйстве рабочий получал содержание натурой. Не имело места и деление ренты между землевладельцем и капиталистом (так как одно и то же лицо совмещало в себе владение капиталом и землей). Деньги существовали, но играли совершенно второстепенную роль в хозяйстве ойкоса: они служили лишь для обмена избыточных продуктов, оставшихся за покрытием потреб-

ностей ойкоса, и обращались в международной торговле, значение которой также было весьма ограничено. Рабочего вопроса общество не знало, так как не было класса свободных рабочих. Общество распадалось только на богатых и бедных, причем богатство зависело, главным образом, от размера землевладения. Не имевший земли был бедняком и пролетарием. Ему противостоял богатый землевладелец, владевший множеством рабов, благодаря чему античная культура достигла высокой степени материального совершенства. Рабы, среди которых были искусно и даже художественно обученные рабочие, создавали ту обстановку неслыханной роскоши, удовлетворявшую самому утонченному, изысканному вкусу, среди которой жил, напр., богатый римский патриций.

Ойкос был ячейкой античного государства. Разложение ойкоса повлекло за собой гибель и античного государства. В эпоху Римской империи разложение античного социального строя идет быстрыми шагами, и на развалинах ойкоса вырастает новая хозяйственная организация. Рабство превращается сначала в колонат — в систему прикрепления земледельческого рабочего к земле, крепостное состояние. Из колонатов образовался мало-помалу класс свободных крестьян. Вместе с тем класс прежних собственников-рабовладельцев дифференцируется и раскалывается на два класса — землевладельцев и капиталистов; возникает класс свободных рабочих. Денежное хозяйство приобретает все большее значение, и, таким образом, создаются зачатки социального строя нашего времени.

Все это изложено Родбертусом с удивительным мастерством и на основании самого детального изучения первоисточников; его картина развития античного хозяйства не априорное построение дилетанта-историка, а строго фактическая, документальная история специалиста. Но в то же время — что так редко бывает в подобных работах — она вся освещена и проникнута теоретической мыслью. В центре ее лежит теория ойкоса как основной ячейки античного социального строя. Теория эта является в настоящее время почти общепринятой не только среди экономистов, но, в значительной мере, и историков древности.

Родбертус принадлежит к числу тех истинно великих мыслителей, влияние которых на потомство гораздо сильнее влияния их на современников. При жизни он стоял в стороне от широкой дороги общественной жизни. В политической борьбе он не мог принимать участия благодаря своей противоречивой социально-политической программе. Крупный землевладелец, защитник аграрных интересов, он не мог стать во главе рабочего движения; радикально-консервативная партия, — радикальная в социальных вопросах и консервативная в политических, образования которой желал Родбертус, есть несомненная политическая нелепость. Если бы Родбертус был сколько-нибудь политиком, он быстро разочаровался бы в своих социально-политических планах. Но в том-то и дело, что уединенный мыслитель Ягцов был всего менее политиком. Он был одним из самых оригинальных и глубоких со-

циальных философов нового времени; уже по одному этому он не мог иметь быстрого успеха. Слабость его социально-политической программы должна была еще более препятствовать влиянию его идей на умы современников.

Если сравнивать Родбертуса с Марксом, то нельзя не признать, что теория нетрудового дохода нашла у Родбертуса более точное и лирически стройное выражение, чем у Маркса. Родбертусу требуется несколько страниц для выражения того, что Маркс излагает на десятках и сотнях страниц. Несмотря на свою сжатость и краткость, на свой лапидарный стиль, теория ренты автора «Социальных писем» глубже и богаче содержанием всего того, что написал по тому же вопросу Маркс. Вообще, в области отвлеченной экономической теории Родбертус оригинальнее и выше Маркса, далеко уступая последнему в более широкой сфере социологических обобщений. Что же касается до значения обоих мыслителей как политиков, то в этом отношении их нельзя, конечно, и сравнивать. Померанский помещик Родбертус совсем не понимал политической жизни и не пошел дальше совершенно несбыточной и не имеющей никакого практического значения утопии «социальной монархии»; а Маркс был и остается вдохновителем величайшего социального движения нового времени.

III. Маркс^{1*}

Критический социализм насчитывает столько же великих представителей, как утопический социализм. Прудон, Родбертус и Маркс могут быть противопоставлены Оуэну, Сен-Симону и Фурье. Но среди критиков далеко не замечается того сходства общего мирозерцания, которое характерно для утопистов. Анархист Прудон, вышедший из полукрестьянской среды, сохранивший всю жизнь тяготение к мелкобуржуазным идеалам, имеет весьма мало общего по своему социальному мировоззрению с крупным землевладельцем и сторонником крепкой государственной власти Родбертусом; еще глубже отличается от них обоих величайший представитель критического социализма, вдохновитель новейшего рабочего движения — Карл Маркс.

В лице Маркса мы имеем перед собою удивительно законченную и цельную фигуру, как бы всю вылитую из бронзы. Что-то мощное, непоколебимое и безгранично самоуверенное, но в то же время угловатое, жесткое, резкое сквозит во всякой черте его характерного нравственного облика. Видно, что перед вами человек, привыкший царить над умами людей и не допускающий ни минуты сомнения в своем праве на это. Его портрет несколько напоминает изображение Юпитера Олимпийца. И действительно, таким олимпийцем, повелителем неба, держащим в своих руках громозносные стрелы, должен был казаться Маркс своим многочисленным ученикам и последователям. В своем собственном царстве он был не конституционным монархом, но самодержавным владыкой. Его умственное руководство превращалось в железную

диктатуру, которой должен был подчиняться каждый, поддерживавший с ним духовное общение.

По внешним фактам своей жизни Маркс может показаться типом самоотверженного борца за идеал. Большую часть жизни он прожил политическим эмигрантом, в бедности, нередко в тяжелой обстановке политического одиночества. Его первые шаги на жизненном пути сопровождались большими успехами, но затем наступили трудные, долгие годы изгнания, среди полного равнодушия публики к научной работе великого мыслителя и при невнимании рабочего класса к его социальной проповеди. Все это, однако, нисколько не сломило энергии Маркса, который в минуты невзгоды оставался таким же твердым и непоколебимым, как и во время успехов. Его социальное мировоззрение сложилось очень рано — когда ему не было и 30 лет; но, умирая 64-летним стариком, он ни одним словом, ни тем более делом, не изменил этому мировоззрению и оставался ему верен до конца; никаких компромиссов не было в его политической карьере. Неуклонно шел он выбранным им самим путем и мог с полным правом применить к себе гордые слова Данте^{1*}:

Segui il tuo corso, e lascia dir le gentili

(Следуй своему пути, и пусть люди говорят, что хотят!)

И все же идеализм был не свойствен натуре Маркса. Не был он и фанатиком идеи, ибо не идея владела им, но он владел своей идеей. Из всех страстей, волнующих душу людей, его холодная душа была всего доступнее одной страсти — страсти к познанию. Упорная умственная работа привела Маркса к выработке законченного мировоззрения, и вся его жизнь превратилась в борьбу за торжество этого мировоззрения. Но, несмотря на настойчивость и поразительную энергию, которую Маркс проявил в своей жизненной борьбе, борьба эта не освещалась тем высшим светом, о котором говорил своим ученикам умиравший Сен-Симон, — светом энтузиазма. В лице Маркса мы имеем перед собой не вдохновенного бойца за лучшее будущее человечества, не пророка и не проповедника новой социальной веры, но упорного и настойчивого мыслителя, непоколебимо убежденного, что им открыты законы развития человеческого общества, что завеса будущего спала перед его умственным взором и что люди должны идти указанным им путем, ибо такова железная необходимость. Литературный талант Маркса был перворазрядным; многие страницы его произведений блещут такой сжатой энергией выражения и таким блеском и остроумием сравнений и метафор, что должны быть причислены к лучшим образчикам художественной прозы. Но как ни разнообразны и ни могущественны душевные струны Маркса, одна струна никогда не звучала в его душе — энтузиазма, вдохновения.

Ненависть, презрение, сарказм — вот те чувства, из которых слагался пафос Маркса. Творец «Капитала» был глубоким психологом, но нельзя не согласиться с Зомбартом, что человеческая душа была раскрыта для него лишь наполовину: все темное и

злое находило в нашем мыслителе удивительного ясновидца, но по отношению к благородным движениям человеческой души он страдал чем-то, весьма похожим на умственную слепоту. Ему было знакомо негодование против зла, — но в этом негодовании чувству симпатии к угнетенным почти не было места.

Каким глубоким контрастом является душевный облик Маркса сравнительно с обликами великих утопистов! Непобедимая любовь к людям Оуэна, рыцарское благородство Сен-Симона, вдохновенные мечты Фурье о прекрасном гармоническом строе будущего общества — все эти движущие силы идеалистического мировоззрения утопистов были чужды Марксу. И если он сошелся с утопистами в своем социальном идеале, то это, с одной стороны, — потому, что научный анализ объективного хода исторического развития оправдывал в его глазах предвиденье утопистов; с другой же стороны, — Маркс не был лишен чувств, толкавших его в ту же сторону, куда шли и утописты. Правда, чувство любви к людям было ему мало доступно. Но зато он был чрезвычайно способен ко вражде, — и вражда к угнетателям заменяла в его душе любовь к угнетенным.

К своим политическим врагам Маркс был беспощаден; а врагом его было сделаться легко — для этого было достаточно не быть его последователем. Одной из самых грустных страниц биографии великого экономиста являются его отношения к разным выдающимся людям, с которыми его сталкивала судьба и с которыми он расходился во взглядах. Все полемические столкновения Маркса отличаются чрезвычайным избытком личной злобы к противнику и производят тягостное впечатление своим недостатком морального такта. Трудно указать другого такого мастера в уничтожении противника путем выражения ему самого ядовитого презрения и трудно указать другого писателя, пускавшего это оружие в ход так часто и так охотно.

Со своими друзьями, в своей частной жизни, Маркс был совсем иным. Подобно многим сильным людям, он был мягок и добродушен с теми, кто ему покорялся и признавал его авторитет. Суровый политический боец преображался у своего домашнего очага, в интимном кругу, среди своей семьи, которую он очень любил, в веселого, остроумного и приветливого хозяина и собеседника. По словам Либкнехта¹, одной из трогательных черт Маркса была его любовь к детям — он чувствовал большую потребность в детском обществе и мог целыми часами играть с детьми. Обладая крепким, здоровым организмом, уравновешенным, хотя и желчным, характером, Маркс любил простые непритязательные развлечения, и веселье было частым гостем в его доме. Трудно сказать, внушал ли он к себе любовь; но, несомненно, многие перед ним преклонялись и были ему преданы. Со своими верноподданными он был милостивым повелителем; но ничего похожего на равенство не было в интимном кругу Маркса. Он один царил, а все прочие были его покорными слугами и учениками. И горе было ученику, который осмелился бы ослушаться учителя!

Карл Маркс (1818 — 1883) происходил из еврейской семьи, из которой в течение ряда поколений выходили замечательные раввины. Отец его был адвокатом и вскоре после рождения Карла принял крещение вместе со всей семьей. В университете молодой Маркс специально изучал философию и право и получил степень доктора философии. Он предполагал открыть курс лекций по философии в Боннском университете, но созданные правительством затруднения для академической деятельности его друга Бруно Бауэра¹ (который был доцентом богословия) побудили молодого ученого отказаться от этой мысли.

Итак, Маркс получил философское образование и первоначально думал посвятить себя специальному изучению философии. Его первая работа — докторская диссертация о философии Эпикура² — была написана на философскую тему. Серьезная философская школа, которую прошел Маркс, несомненно, глубоко отразилась на всей последующей литературной деятельности великого экономиста. Тем не менее, философа в узком смысле слова из него не вышло. Несмотря на свою огромную умственную силу и крайне широкую область своих исследований, охватывающих всю общественную жизнь, никакой законченной системы своих философских воззрений Маркс не дал. В истории философии для нашего доктора философии почти нет места.

Философская непроизводительность нашего мыслителя зависела от его быстрого разочарования в философии как особой области познания. Будущий творец материалистической теории общественного развития вышел из идеалистической школы Гегеля. В конце 30-х годов, когда наш юный студент проходил в Берлине свой философский курс, Гегель был венчанным королем философской мысли Германии. Метафизика праздновала свои самые пышные триумфы, и за ее победной колесницей скромно шла наука. Но молодой философ ненадолго присоединился к этому торжественному шествию. В свойствах своего ума и характера он обладал талисманом, охранявшим его от метафизических увлечений. Трудно указать в истории мировой мысли другой выдающийся ум, который был бы до такой степени чужд всяких идеалистических порывов, как ум Маркса. Никакого искания вечного и абсолютного, никакого стремления за пределы опыта, никакой жажды веры, никакого чувства тайны, наполняющей мир! Прямотаки странно, каким образом такой сильный ум мог мыслить так грубо-реалистически! Быть может, Маркс был единственным в истории примером гениального мыслителя, совершенно лишенного религиозного чувства. И конечно, только философская непродуманность его мирозерцания давала ему возможность с таким высокомерным презрением относиться к верховным проблемам человеческого духа, неотступно привлекающим к себе возвышенные умы. Вообще, по своему общему мирозерцанию и душевному складу Маркс более всего напоминает французских материалистов XVIII века, с их моралью разумного эгоизма и реалистической ограниченностью философского мышления. Но французские

материалисты были людьми малого духа, между тем как Маркс был мыслителем огромной силы. И в этом глубокое различие между ними.

При таких умственных симпатиях Маркс не мог проникнуться идеалистическим духом философии Гегеля. Тем не менее, гегелианская школа не прошла для него бесследно. Отвергнув наиболее существенную идеалистическую часть системы Гегеля — все положительное содержание этой системы, наш философ усвоил диалектический метод Гегеля — представление о мировом процессе как о непрерывном развитии путем противоположностей. Однако марксистская диалектика существенно отличается от гегелианской. У Гегеля процесс природы есть внешнее обнаружение процесса мысли. «Для меня же, — говорит Маркс в предисловии ко второму изданию «Капитала», — идеальное начало является, наоборот, лишь прошедшим через человеческий мозг материальным началом... Диалектика стоит у Гегеля вверх ногами. Нужно ее перевернуть, чтобы найти рациональное начало в мистической оболочке».

Подвергнувши гегелевскую диалектику этой рискованной операции, Маркс признал ее вполне пригодным методом исследования общественного развития. Диалектическое развитие предполагает постоянную смену трех фазисов — тезиса, антитезиса и синтезиса: данная ступень развития (тезис) влечет свое отрицание (антитезис), за которым следует высшая ступень, отрицающая отрицание и примиряющая противоречие двух предшествовавших ступеней в высшем единстве (синтезис), в свою очередь отрицаемом дальнейшей ступенью развития и т.д. Внутренние противоречия, присущие каждому бытию, являются движущими силами развития. Развитие не имеет конца — все находится в непрерывном движении, возникает для того, чтобы погибнуть, и погибает для того, чтобы возникнуть в новом виде, — неподвижна лишь голая абстракция от всякого движения — «бессмертная смерть».

Этот метод Маркс думал применить к изучению исторического развития общества. Но, строго говоря, автор «Капитала», как он и сам признавался, только «кокетничал гегелевской манерой выражаться». От гегелевского метода у него осталась под конец почти одна терминология.

Гораздо глубже повлиял на Маркса другой философ, также вышедший из школы Гегеля, но чуждый гегелевскому идеализму, — Людвиг Фейербах^{1*}. Его книга «Сущность христианства» пришла как нельзя более по вкусу юным гегелианцам, стремившимся освободиться от метафизического плена. Не нужно забывать, что дело происходило в начале 40-х годов, когда вся умственная атмосфера Европы была насыщена приближавшейся революционной грозой. Книга Фейербаха показалась откровением. «Нужно самому пережить освобождающее действие этой книги, чтобы составить себе представление об ее значении, — писал Энгельс. — Воодушевление было всеобщее; мы все моментально сделались фейербахианцами».

И действительно, в лице автора «Сущности христианства» Маркс нашел философа, значительно более родственного себе по духу, чем Гегель. Главное, что влекло юного отрицателя к Фейербаху, — это общее направление философии последнего. В области морали Фейербах был утилитаристом, в области философии — материалистом. Одному из своих сочинений Фейербах дал характерный подзаголовок: «Человек есть то, что он есть». Философское значение этого оригинального мыслителя Энгельс характеризует следующим образом: «Путь развития Фейербаха идет от гегелианства — правда, далеко не правоверного — к материализму, — развития, приводящего на известной своей ступени к совершенному разрыву с идеалистической системой Гегеля. С непреодолимой силой в уме Фейербаха возникает убеждение, что принимаемое Гегелем домировое существование абсолютной идеи, вечное бытие логических категорий, есть не что иное, как остаток фантастических суеверий, что материальный, чувственно-воспринимаемый мир, к которому принадлежим мы сами, есть единственно реальное бытие и что наше сознание и мышление, какими бы сверхчувственными они нам ни казались, суть продукты материального, телесного органа — мозга. Не материя продукт мозга, но дух есть не что иное, как высший продукт материи».

Все эти идеи, вплоть до знаменитого тезиса «человек есть то, что он есть» (зерно материалистического понимания истории), были восприняты Марксом. Но для нашего радикального мыслителя даже Фейербах был слишком идеалистичен. Несмотря на свой материализм, автор «Сущности христианства» признавал необходимость религии — хотя бы только религии человечества. Он был не чужд энтузиазма: отвергнув поклонение высшему началу, он склонял колена перед величием любви, которая была венцом его системы, верховной силой, управляющей человеческим обществом. На этом базисе несколько сентиментальный, несмотря на свой атеизм, философ стремился обосновать свою систему морали...

Как презрительно должен был относиться к этим слабостям добродушного немецкого философа молодой Маркс! Он столь же мало верил в любовь, как и в абсолютную идею. Человеческая история, насыщенная насилием и кровью бесчисленных поколений, казалась ему лучшим опровержением религии любви. Он возлагал свои надежды не на любовь, а на силу, которая должна, наконец, избавить людей от тяготеющего над ними тысячелетнего беспощадного, безжалостного гнета.

Уже в 1842 г. (т.е. всего 24-х лет от роду) наш радикальный философ становится редактором большой оппозиционной газеты в Кельне — «*Rheinische Zeitung*»¹. Газета была органом оппозиционной буржуазии и просуществовала недолго — правительство поспешило ее закрыть.

На родине Марксу делать нечего, он едет в Париж и вместе с Арнольдом Руге² основывает орган «*Deutsch-französische Jahrbücher*»³, из которого появилась, однако, только одна книжка. Журнал пре-

кратился частью вследствие трудности доставления его в Германию, частью вследствие принципиальных разногласий между редакторами. Разногласия состояли, по словам Энгельса, в том, что Руге оставался гегелианцем и буржуазным радикалом, между тем как Маркс, под влиянием изучения французских социалистов, переходит к социализму.

Около этого времени Маркс начинает упорно изучать экономические вопросы. Первый толчок к экономическим исследованиям был дан нашему мыслителю, по его собственным словам, необходимостью высказываться по экономическим вопросам в редактируемой им газете «Rheinische Zeitung». Пребывание в Париже доставило молодому немецкому эмигранту случай ближе познакомиться с французскими социалистами, из которых наибольшее влияние на него оказал, вероятно, Прудон. Вместе с тем существенное значение в выработке социального мировоззрения Маркса имела, по-видимому, и книга Лоренца Штейна «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (1842 г.)^{1*}.

В числе сотрудников «Deutsch-französische Jahrbücher» был и Фридрих Энгельс^{2*}, с которым Маркс хорошо сошелся в Париже в 1844 году; между ними установилась тесная дружба, основанная на сходстве воззрений и на полном подчинении Энгельса своему несколько более старшему сверстнику. В истории трудно указать другой пример такой тесной духовной связи двух выдающихся людей. Что Энгельс сам по себе представлял крупную величину, это достаточно доказывается его работами, исполненными до сближения с Марксом. Одна из них «Die Lage der arbeitenden Klasse in England»^{3*} представляет собой, бесспорно, замечательное произведение, оригинальное и глубокое. Но в натуре Энгельса не хватало, по-видимому, самостоятельности и энергии; после сближения с Марксом он как бы утрачивает свою индивидуальность, совершенно отходит на второй план, довольствуясь скромной ролью сотрудника своего великого друга и популяризатора его взглядов. Только после смерти Маркса Энгельс перестал играть «вторую скрипку» и занимает в руководительстве рабочим движением его место.

Первым совместным трудом обоих друзей была книга, направленная против их прежнего товарища — Бруно Бауэра («Die heilige Familie. Gegen Bruno Bauer und Konsorten», 1845 г.)^{4*}, написанная в том резко полемическом тоне, который характеризует все произведения Маркса.

В Париже Маркс пробыл недолго. Прусскому правительству удалось выхлопотать у министерства Гизо^{5*} высылку молодого публициста из Франции за редактирование небольшой немецкой оппозиционной газеты «Vorwärts»^{6*}, издававшейся в Париже. Преследуемый писатель переселяется в 1845 году в Брюссель и здесь издает в 1847 г. полемическую книгу против Прудона. Маркс и Энгельс становятся членами одного тайного политического общества^{7*} и выпускают в начале 1848 г., по поручению этого общества, знаменитый «Коммунистический Манифест».

Затем следует февральская революция, арест Маркса в Брюсселе и возвращение его в Париж по приглашению одного из членов временного правительства. Вся Европа полна революционной смуты, Германия волнуется. Маркс спешит вернуться на родину и возобновляет в Кельне издание газеты «Neue Rheinische Zeitung», просуществовавшей, однако, меньше года. Победа реакции повела к высылке молодого революционного публициста из Кельна, а вслед за тем и французское правительство запретило ему пребывание в Париже.

Тут наступает решительный поворот в жизни нашего мыслителя; на политической арене ему делать нечего, и он удаляется в обычное убежище политических эмигрантов европейского континента — в свободную Англию, в Лондон, который и делается его окончательным и постоянным местом жительства.

Революционные бури затихли. Скитанья Маркса кончились, и он живет несколько десятков лет не преследуемый и не тревожимый никем в мировой столице. Но это внешнее спокойствие было тяжелым испытанием для творца «Капитала». По своей натуре он был борцом; его мощная воля требовала энергичной деятельности, а между тем политические условия Европы обрекали его в течение длинного ряда лет на полное политическое бездействие. Когда Маркс покинул континент, ему едва исполнился 31 год; несмотря на такую молодость, он был уже одним из самых видных радикальных публицистов Германии и пользовался огромным влиянием и авторитетом среди своих единомышленников. Он принимал деятельное участие в революционном движении 1848 г., когда даже самым скептическим людям могло казаться, что наступил огромный социальный переворот, за которым последует рождение мира будущего. Но революционный вихрь пронесся, — и старая Европа устояла: только обломки революционных партий свидетельствовали о неудавшейся революции.

Первые годы реакции были особенно тяжелы для политических эмигрантов, скопившихся из всех стран Европы в Лондоне. Разочарование было глубоко. После стольких блестящих успехов — такое уничтожающее поражение! После стольких светлых надежд — такая удручающая действительность! Бывшие диктаторы, главнокомандующие революционных армий, министры, члены временных правительств превратились в жалких изгнанников, искавших и не находивших заработка. Такое падение было трудным испытанием стойкости политических убеждений многих революционных деятелей. Более слабые пали и «поклонились тому, что сжигали»; но и самые сильные поколебались, утратили энергию и прежнюю веру, поддались унынию, которое охватило всю европейскую демократию. Вспомним, например, какой тяжелый душевный кризис пережил в это время Герцен — человек выдающейся энергии и светлого ума. И, быть может, среди всех усталых, измученных, колеблющихся или совсем изменивших своему делу ветеранов и инвалидов революции один Маркс остался таким же бодрым, каким он был в минуты наибольшего подъема

революционной волны. Его социальное мировоззрение только крепнет под влиянием пережитых испытаний. В тех событиях, которые другим казались крушением движения, он видел лишь последовательные фазисы развития движения. За отливом должен последовать прилив, — и чем сильнее реакция, тем выше должна подняться грядущая революционная волна.

Политический застой 50-х годов был для Маркса периодом самой упорной, бодрой и плодотворной умственной работы. Уже в конце 40-х годов он обладал серьезной экономической эрудицией и, как показывает его книга о Прудоне, был хорошо знаком с английской экономической литературой. Пребывание в Лондоне и постоянные занятия в Британском музее доставили ему возможность расширить его экономическую эрудицию в колоссальных размерах. По всей вероятности, никто до и после Маркса не знал в таком совершенстве и в такой полноте английскую экономическую литературу. Французскую экономическую литературу он также знал хорошо, немецкую же гораздо меньше, как показывает засвидетельствованное Энгельсом его незнание с первыми работами Родбертуса.

В 50-х годах Маркс деятельно сотрудничал в «New York Tribune»^{1*} и выпустил несколько брошюр, из которых особенно замечательна «Die 18 Brumaire des Louis Bonaparte» (1852 г.)^{2*} — мастерский анализ событий, поведших к диктатуре Бонапарта. Наконец, в 1859 г. он представил первый очерк своей критики капиталистического строя в работе под заглавием «Zur Kritik der Politischen Oekonomie»^{3*}. Книга эта должна была быть первым выпуском задуманного Марксом обширного экономического сочинения, но последующих выпусков не появилось, благодаря тому, что автор изменил план своей работы. Вместо продолжения «Zur Kritik der Politischen Oekonomie» он выпустил в 1867 г. первый том своего главного, в полном смысле слова гениального труда «Das Kapital». Второй том «Капитала» вышел после смерти своего великого автора, в 1885 году, третий — в 1894 г.

В 60-х годах, в то время, когда Маркс работал над «Капиталом», обстоятельства позволили ему вернуться к практической общественной деятельности. В 1864 г. в Лондоне была основана «Международная ассоциация рабочих»^{4*}. Инициатива создания «Интернационала» не принадлежала Марксу, но так как Маркс был велик, а прочие члены «Интернационала» были людьми обыкновенного роста, то руководство обществом естественно перешло к нему. Задачей «Интернационала» было объединение рабочего движения в разных странах капиталистического мира и поддержка этого движения общими силами пролетариата. Со стороны Маркса требовалась большая ловкость и хитрость для того, чтобы корабль «Интернационала» не разбился с первых же шагов о подводные камни партийных раздоров среди рабочих. Но великий экономист был вместе с тем искусным дипломатом. Он умел, когда нужно, скрывать свои мысли и прибегать к туманным выражениям, чтобы заставить людей согласиться с тем, с чем они не-

согласны. Вступительный адрес общества и его статуты, принадлежащие перу Маркса, были составлены так ловко, что самые противоположные рабочие течения могли примкнуть к «Интернационалу».

Деятельность общества вначале выразилась, главным образом, в поддержке стачек. Однако с каждым годом Маркс все более и более забирал в свои руки нити управления обществом, постепенно проникшимся идеями автора «Капитала» и подчинявшимся его социально-политической программе. Но вместе с тем росла и оппозиция, группировавшаяся преимущественно вокруг Бакунина¹ и приведшая, в конце концов, к крушению «Интернационала». В 1872 г. на конгрессе в Гааге было постановлено, под внушением Маркса, лично ненавидевшего Бакунина, исключение последнего из состава общества. Это повело к расколу «Интернационала» — целый ряд секций высказался за Бакунина, и «Международная ассоциация рабочих» фактически прекратила существование.

Падением «Интернационала» заканчивается публичная политическая деятельность Маркса; но его влияние на рабочее движение всего мира росло и росло. К концу жизни гениальный экономист был на вершине своей славы. Его мысли стали символом веры германских рабочих; его практическая программа легла в основание политической борьбы пролетариата. Все его бывшие соперники сошли со сцены или были забыты. И он оставался единственным общепризнанным верховным авторитетом, творцом и главой самого могущественного социального движения, какое только знает новейшая история.

Учение Маркса охватывает собой не только экономическую теорию, но и общую философию истории; в то же время, из теоретических основ этого учения вытекает определенная программа политической и общественной деятельности. Поэтому марксизм может быть изучаем с разных точек зрения. Но мы не будем говорить о философии истории Маркса — так называемом материалистическом понимании истории¹, а остановимся только на его экономической теории — учении о природе и законах развития капиталистического хозяйства.

В основание всей своей экономической системы Маркс кладет учение о труде как единственной и абсолютной субстанции ценности. «Величина ценности какой-либо полезной вещи определяется только количеством общественно необходимого труда или общественно необходимого для ее производства рабочего времени», — говорит Маркс. «Общественно же необходимым рабочим временем является то рабочее время, которое, при существующих нормальных в данном обществе условиях производства и средней степени умелости и напряженности труда, необходимо для изготовления той или иной полезной вещи... Товары, в которых содержатся

¹ Критическая оценка исторического материализма дана в моей книге «Теоретические основы марксизма»^{2*}.

одинаковые количества труда или которые могут быть произведены в одинаковые промежутки рабочего времени, имеют, поэтому, одинаковую ценность. Ценность одного товара относится к ценности другого товара, как рабочее время, необходимое для производства одного, относится к рабочему времени, необходимому для производства другого. Как ценности, все товары суть только определенные количества застывшего рабочего времени». Итак, ценность товара — это застывшее в нем рабочее время. Человеческий труд есть не один из моментов, влияющих на высоту ценности, как учил Рикардо; нет, труд образует самое существо, самую субстанцию ценности.

Но ведь конкретный человеческий труд так же различен, как различны и продукты труда. Труд сапожника, в своей конкретной форме, есть нечто иное, чем труд врача. Различные конкретные виды труда столь же несоизмеримы между собой, как и продукты труда в своей потребительной форме. Все разнообразные виды труда становятся, однако, вполне соизмеримыми друг с другом, если мы отвлекаемся от их конкретной формы и рассматриваем их как простое выражение абстрактного человеческого труда, как затрату человеческой рабочей силы вообще.

Сложный, искусный труд, требующий обучения со стороны рабочего, содержит в себе, как бы в сжатом виде, умноженное количество простого труда. В этом смысле все виды труда соизмеримы между собой и могут быть выражены в одних и тех же единицах человеческого труда в его абстрактной форме. Именно этот абстрактный человеческий труд, освобожденный от конкретных форм своего обнаружения, и образует субстанцию ценности.

Итак, ценность — это кристаллизованный в товаре человеческий труд. Понятно, что, с точки зрения Маркса, ничего не могло быть нелепее вопроса о том, какое участие принимает природа в создании ценности. «Так как меновая ценность есть только определенный общественный способ выражать потраченный на какую-нибудь вещь труд, то в меновой ценности может содержаться столько же данного самой природой вещества, сколько, напр., в вексельном курсе».

Но ценность есть не просто человеческий труд. Хозяйственный труд есть необходимая основа всякого хозяйства, независимо от исторической формы его. Ценность же есть историческая, преходящая экономическая категория, свойственная только определенной исторической форме хозяйства — товарному хозяйству.

Экономическая категория ценности предполагает два момента: 1) затрату человеческого труда на производство данного хозяйственного продукта и 2) выражение этой затраты не непосредственно в рабочем времени, а опосредованно, в трудовом продукте, обмениваемом на данный трудовой продукт. Представим себе, напр., что общество слагается не из товаропроизводителей, обменивающихся продуктами своего или чужого труда, а образует собой социалистическую общину, владеющую сообща средствами производства и всеми предметами своего потребления. В таком об-

шестве количество труда, заключенного в продукте, вовсе не потребовало бы для своего определения окольного пути (обмена); ежедневный опыт непосредственно указывал бы такому обществу, сколько труда заключено в продукте. Общество могло бы просто вычислить, сколько рабочих часов стоила данная паровая машина, гектолитр пшеницы, сто квадратных метров сукна. Никому не могло бы прийти в голову выражать непосредственно известное количество труда, заключенное в продукте, в относительном, колеблющемся и недостаточном мериле — другом продукте, а не в естественном, адекватном и абсолютном мериле труда — времени... Правда, обществу было бы необходимо знать, сколько труда требуется для производства того или иного предмета потребления. Оно должно было бы установить общий план производства, принимая в соображение полезность разных нужных предметов и потребное для их производства количество труда. Но люди могли бы достигнуть всего этого очень просто без посредства знаменитой ценности. Понятие ценности есть, таким образом, самое общее и всеобъемлющее выражение экономических условий товарного производства.

Итак, обмен продуктов труда есть необходимое условие для возникновения экономической категории ценности. Теперь нам ясно, чем отличается категория ценности от категории трудовой затраты. Трудовая затрата есть факт всеобщий, не связанный с историческими особенностями данной формы хозяйства; ценность же есть исторический факт. Для превращения трудовой затраты в ценность требуется, чтобы устройство общества не давало возможности людям выражать трудовую затрату иначе, как окольным путем, сравнением одного трудового продукта с другим трудовым продуктом.

Возьмем, напр., натуральное хозяйство, потребляющее свои собственные продукты; в этом случае всякий хозяин непосредственно знает, сколько труда он потратил на изготовление потребляемого им продукта. То же следует сказать и о социалистической общине, сообща владеющей средствами производства. Но в товарном хозяйстве производитель потребляет продукт не своего, а чужого труда и потому не может непосредственно знать, сколько труда заключено в этом продукте. Трудовая затрата остается, однако, по-прежнему основным моментом хозяйства. Но выражается она в товарном хозяйстве не прямо — в приравнивании одного количества труда другому количеству труда, а косвенно — в приравнивании одного трудового продукта другому трудовому продукту, в объективировании труда в *ценности* товара. Поэтому хотя субстанцию ценности образует человеческий труд, но он становится ценностью лишь тогда, когда застывает в вещной форме товара. «Человеческий труд, правда, образует ценность, но не является сам ценностью. Он становится ценностью лишь в застывшем состоянии, в вещной форме».

Отсюда вытекает та своеобразная особенность товарного хозяйства, которую Маркс называет *фетишизмом товарохозяйст-*

венного строя. Дело в том, что основой товарного хозяйства, как и всякого иного, остается человеческий труд — взаимная работа членов общества друг на друга. Но эта взаимная работа скрывается в обществе товаровладельцев под совершенно иной категорией — обмена товаров. В товарном хозяйстве не труд, а продукт труда — товар — является связующим звеном между отдельными хозяйственными единицами.

Общественные отношения объективируются в товаре, который как будто одухотворяется и приобретает самостоятельную жизнь.

Обращение товаров на рынке есть несомненный результат человеческой деятельности. Однако никакой отдельный товаропроизводитель не может управлять этим обращением. Наоборот, оно само управляет деятельностью товаропроизводителя; не человек господствует над товарным рынком, а товарный рынок господствует над человеком. Не производитель устанавливает цену, а цена устанавливает размеры производства. Товар и его цена как бы совершенно вырываются из-под власти человека и становятся его повелителями. Это объективирование в сознании товаропроизводителей их собственных общественных отношений в отношении вещей, товаров, Маркс и называет фетишизмом товарного хозяйства.

Товарный фетишизм выступает с наибольшей ясностью в господствующем товаре товарного мира — в деньгах. Золотой телец кажется истинным владыкой капиталистического мира. Неудивительно, что первые теоретики товарного хозяйства — меркантилисты — признали золото единственной абсолютной формой богатства. На чем основана ценность денег? Это кажется решительной загадкой, но факт возможности приобрести на деньги все, что угодно, стоит у всех перед глазами. Отсюда вытекает ненасытная жажда денег, характеризующая психологию товаропроизводителя. «Загадка денежного фетиша есть та же загадка товарного фетиша, которая лишь стала вполне видимой и ослепляет взор своим металлическим блеском».

Товарный фетишизм коренится в самой природе товара и потому не исчезает из сознания товаропроизводителей даже тогда, когда загадка товара как фетиша разгадана. Сложные общественные отношения, выражением которых является товарная цена, скрыты от сознания товаровладельца. Отсюда возникает необходимость рассматривать цену не как общественное отношение, но как свойство вещи, товара. Таким образом, товар как бы получает в придачу к своим физико-химическим свойствам, которыми он обладает в качестве материального тела, еще новое общественное свойство — ценность. На самом же деле ценность отнюдь не есть свойство товара как материальной вещи, а определенное общественное отношение, отношение затраты человеческого труда.

Товарный фетишизм коренится в основной товарохозяйственной категории — ценности, ибо ценность есть *вещное* выражение общественных отношений. Экономическая критика вскрывает тайну товара как фетиша, объясняет происхождение товарного

фетишизма, показывает иллюзию, которая лежит в его основании, но самой иллюзии убить не может. Луна на горизонте кажется нам большего диаметра, чем посреди неба. Мы знаем, что это иллюзия, но поддаемся обману чувства, но все наше знание бессильно рассеять иллюзию и изменить обманчивые представления. То же следует сказать и о товарном фетишизме. Открытие закона ценности, объяснение товарного фетишизма составляет, по словам Маркса, «эпоху в историческом развитии человечества, но отнюдь не рассеивает вещной видимости общественных свойств труда. Определение величины ценности рабочим временем есть тайна, скрытая под явными движениями относительных ценностей товаров. Раскрытие этой тайны устраняет видимую случайность в определении величины ценности продуктов труда, но нисколько не устраняет ее вещной формы».

Однако, кто понял тайну товарного фетишизма, того эта иллюзия не может ввести в обман. Иное следует сказать о буржуазной политической экономии, всецело остающейся во власти указанной иллюзии, порождающей такие проникнутые фетишизмом учения, как учение о способности средств производства создавать процент, земли — создавать ренту и т.п. Один из экономистов, находившихся во власти товарного фетишизма, даже прямо заявил, что «ценность есть свойство вещи, богатство же (потребительная ценность) есть свойство человека... Жемчужина или алмаз имеют ценность как жемчужина или алмаз». Но, — замечает по этому поводу Маркс, — «до сих пор еще ни один химик не открыл меновой ценности в веществе жемчуга или алмаза».

Вещи самой по себе столь же чужда ценность, сколь чужды божеские свойства сделанному дикарем деревянному чурбану. И если для товаропроизводителя вещь является ценностью, а деревянный чурбан для дикаря богом, то это лишь потому, что в среде самих товаропроизводителей (а отнюдь не вещей) имеются общественные отношения, выражаемые категорией ценности, а среди дикарей (а не чурбанов) имеются условия, заставляющие дикарей обоготворять чурбаны.

Какое же общественное отношение выражается ценностью? Отношение общественного труда, взаимной работы членов общества друг на друга, и притом работы не непосредственной, но при посредстве обмена продуктами труда, становящимися, в силу этого, товарами. Присущая всякому хозяйству категория трудовой затраты тем отличается от исторической категории ценности, что последняя предполагает *материальное* выражение трудовой затраты в продукте труда. Отсюда вытекает товарный фетишизм, своеобразный общественный мираж, который исчезнет лишь с падением товарного хозяйства.

«Общественный процесс жизни, т.е. материальный процесс производства, лишь тогда сбросит с себя мистическое покрывало, когда он, как продукт свободно соединившихся людей, станет под их сознательный и планомерный контроль. Но для этого требуется такая материальная основа общества или такой ряд материаль-

ных условий его существования, которые, в свою очередь, являются лишь естественным продуктом долгого и мучительного исторического развития».

Мистическое покрывало окутывает собой все социальные отношения, возникающие на почве товарного производства. Отличительной категорией капиталистического строя является капитал. Капиталистическое хозяйство есть доведенное до своего завершения товарное хозяйство, такое товарное хозяйство, в котором не только продукты человеческого труда, но и самая рабочая сила человека становится свободно отчуждаемым товаром. Что же такое капитал?

Прежде всего, капитал не есть вещь и не есть свойство вещи, подобно тому, как ценность не есть вещь и не есть свойство вещи.

«Накопленный труд, служащий для нового производства, — вот что такое капитал. Так говорят экономисты».

«Что такое раб негр? Человек черной расы. Один ответ стоит другого».

«Негр есть негр. Но только при известных условиях он становится рабом. Бумагопрядильная машина есть машина для прядения хлопка. Но только при известных условиях она становится капиталом. Вне этих условий она настолько же не капитал, насколько золото само по себе не составляет еще денег».

Если бы орудие труда само по себе было капиталом, в таком случае капиталистическое хозяйство было бы не исторической, преходящей, а постоянной и неизменной формой хозяйства. Нужно было бы говорить о капиталистах каменного периода, когда человек начал пользоваться орудиями труда.

Нет, капитал не есть та или иная вещь. Как ценность есть некоторое общественное отношение, скрытое под маской товара, так и капитал есть некоторое общественное отношение, скрытое под вешней маской.

Коротко говоря, капитал есть ценность, приобретающая в силу известных общественных отношений способность к самовозрастанию. Капитал есть ценность, которая создает в пользу своего собственника некоторый избыток ценности. Это приращение, этот излишек ценности Маркс называет *прибавочной ценностью*.

Существование такой прибавочной ценности не подлежит сомнению. В наиболее упрощенной форме прибавочная ценность проявляется в виде ростовщического или ссудного процента. Ростовщический капитал есть, вместе с тем, одна из древнейших форм капитала. Античному миру была хорошо знакома (и надо прибавить, была ненавистна) фигура ростовщика, ссужающего свои деньги и получающего их обратно с прибавкой огромного процента. В ссудном капитале загадка прибавочной ценности выступает наиболее ярко. Капиталист бросает в обращение определенную сумму денег — и через некоторое время сумма эта возвращается к своему исходному пункту в увеличенном виде. Создается прибавочная ценность, которая и поступает в распоряжение капиталиста. Откуда же берется эта прибавочная ценность? Не порож-

дает ли ее сам капитал, подобно тому, как курица кладет яйца или как на яблоне растут яблоки?

В ссудном капитале капиталистический фетиш достигает своей наиболее законченной формы, подобно тому, как товарный фетиш достигает полноты своего развития в деньгах. Как ценность кажется естественным свойством денежного металла, так и способность создавать процент кажется свойством ссудного капитала. Мистическая оболочка совершенно скрывает в ссудном капитале его общественное содержание. Ослепленные чудесной способностью ссудного капитала порождать процент, экономисты доходили иногда в своих расчетах самовозрастающей силы капитала до геркулесовых столбов нелепости. Вспомним, напр., знаменитые соображения экономиста XVIII века Ричарда Прайса о погашении английского национального долга.

Достаточно положить на продолжительный срок ничтожный капитал для возрастания по сложным процентам, и самый огромный долг будет погашен, — так учил Прайс, ослепленный силой самовозрастания капитала. «Пенни, выданный в ссуду при рождении Спасителя и возрастающий по сложным процентам из 5%, превратился бы к настоящему времени в сумму денег, превосходящую по своим размерам 150 миллионов земных шаров, состоящих из чистого золота». Какой бездельницей сравнительно с этими фантастическими золотыми мирами является английский национальный долг! Нужно только предоставить полный простор самовозрастающей силе капитала, — и труднейшие финансовые вопросы будут разрешены шутя.

Капитал-фетиш, капитал, несущий золотые яйца, рождающий сам из себя процент, находит свое наиболее яркое и наглядное выражение в ссудном капитале. Но чтобы понять тайну процента, чтобы разгадать капиталистический мираж, нужно обратиться к другим формам капитала. Подобно тому, как в товаре скрыта разгадка денежного фетиша, так и разгадку капитала-фетиша нужно искать не в ссудном, а в промышленном капитале. Промышленный капитал выступает на историческую арену гораздо позже ростовщического и торгового капитала. Торговый капитал появляется одновременно с ростовщическим, но эра капиталистического способа производства начинается лишь с XVI века. Несмотря на свое позднее появление, промышленный капитал есть капитал по преимуществу. Пока ростовщический и торговый капитал были единственно известными формами капитала, до тех пор общий строй народного хозяйства не был капиталистическим. Ростовщик и торговец представляют собой характерные фигуры хозяйственного мира древних и средних веков, но не они определили собой общий тип античного и средневекового хозяйства. Пока ростовщический процент был главнейшей формой капиталистического дохода, до тех пор капиталистический доход признавался общественным мнением противоестественной и безнравственной формой дохода. И только с тех пор, как капиталистический способ произ-

водства преобразовал все основы хозяйства, общественное правосознание перестало возмущаться капиталистическим доходом.

Откуда же возникает прибыль промышленного капиталиста? Ответ на этот вопрос даст нам решение всей загадки прибавочной ценности.

Не возникает ли прибавочная ценность из самого обращения товаров, из того, что товары продаются по ценам, превышающим действительные ценности? Если бы это было так, то выигрыш одного капиталистического предпринимателя был бы равносителен убытку другого. Капиталисты в своей совокупности, как класс, ничего не выигрывали и не проигрывали бы — только отдельные представители класса были бы в выгоде или в убытке. Но так как капиталисты как общественный класс извлекают прибавочную ценность, то, следовательно, источником прибавочной ценности не может быть обращение товаров, несовпадение цены и ценности товаров.

Остается искать источник прибавочной ценности в производстве товаров. Приступая к производству, капиталист должен приобрести товары двойного рода: во-первых, средства производства, которые не могут создать никакой новой ценности, только переносят на продукт ценность, заключенную в них самих; и во-вторых, рабочую силу человека, которая является источником всякой ценности. Ценность человеческой рабочей силы определяется на товарном рынке так же, как и всякого иного товара; трудовая стоимость производства товара — рабочей силы и есть его ценность. Приобретший этот товар на рынке капиталист приобретает и право пользования им. Допустим, что ценность товара — рабочей силы равна 6 часам в сутки, т.е., что ежедневно требуется шестичасовой труд для поддержания работоспособности и жизни рабочего и его семьи. Если рабочий будет работать в пользу капиталиста те же 6 часов, то капиталист получит от рабочего такую же ценность, какую он сам выдал рабочему в виде заработной платы; иными словами, никакой прибавочной ценности не возникает. Но ничто не обязывает капиталиста ограничить рабочий день таким коротким сроком. Он купил право пользования рабочей силой в течение всего дня и, естественно, постарается извлечь возможно большую выгоду из своего права. Если он заставит рабочего работать 12 часов в сутки, то это будет вполне согласно с условиями рабочей сделки. В 12 часов рабочий создает в пользу капиталиста двенадцать единиц ценности; расход же капиталиста на приобретение рабочей силы выразился 6 единицами ценности. Разница в 6 единиц ценности есть чистый выигрыш нашего капиталиста — прибавочная ценность, извлеченная им из капиталистического процесса производства.

Итак, тайна прибавочной ценности раскрыта. Рабочий работает в пользу капиталиста более продолжительное время, чем то, которое требуется для восстановления полученной им заработной платы. Этот неоплаченный капиталистом прибавочный труд и есть источник прибыли капиталиста.

Мы видим, таким образом, что прибавочная ценность отнюдь не есть создание средств производства. Средства производства существовали всегда с тех пор, как человек возвысился над чисто животным состоянием; но средства производства превратились в капитал лишь с того времени, как на товарном рынке появился новый род товаров — человеческая рабочая сила. Для этого же, в свою очередь, требуются определенные социальные отношения, возникающие путем исторического развития. Чтобы продавать свою рабочую силу, рабочий должен быть, во-первых, лично свободен, так как можно продавать лишь то, на что имеешь право собственности (раб не мог себя продавать, так как был сам собственностью господина). Вторым условием появления на рынке товара — рабочей силы является невозможность для рабочего продавать что-либо, кроме своей рабочей силы, — отсутствие у него средств производства. Рабочий должен быть, следовательно, свободен в двояком смысле: свободен лично и свободен от средств к существованию. Ему противостоит капиталист, располагающий средствами производства и готовый приобрести рабочую силу нашего пролетария, но, конечно, не из филантропии, а с вполне ясным коммерческим расчетом — извлечь из рабочего возможно большую сумму прибавочного труда.

Теперь нам ясно, какое общественное отношение скрыто под вещной маской капитала: отношение присвоения владельцами средств производства, без соответствующего эквивалента, более или менее значительной части общественного труда и общественного продукта — присвоения, вытекающего из капиталистической купли — продажи труда, работы по найму в пользу капиталиста.

Капиталист начисляет свою прибыль на весь затраченный в производстве капитал, как на ту долю капитала, которая превратилась в рабочую силу, так и на средства производства. Но средства производства играют в образовании прибавочной ценности пассивную роль — они только переносят на готовый продукт свою ценность, не создавая новой ценности; поэтому Маркс называет их *постоянным* капиталом. Напротив, рабочая сила, занятая в процессе производства, создает большую ценность, чем та, которая была потрачена на приобретение рабочей силы; поэтому эту часть капитала Маркс называет *переменным* капиталом. Лишь труд создает прибавочную ценность, а следовательно, и прибыль капиталиста. Отношение прибавочной ценности к переменному капиталу образует собой *уровень прибавочной ценности*. Очевидно, уровень прибавочной ценности должен быть выше уровня прибыли (т.е. отношения прибавочной ценности, образующей прибыль, ко всему затраченному капиталу).

Капиталистическая прибыль есть одна из форм прибавочной ценности, но совершенно неправильно отождествлять прибавочную ценность с прибылью. Капиталистический предприниматель не имеет никакой возможности присвоить себе всю прибавочную ценность, выкачанную им из рабочего. Только часть этой прибавочной ценности остается в руках промышленного капиталиста и

образует его прибыль; остальная же часть распределяется между другими классами общества. Капиталист-торговец требует своей доли в прибавочной ценности и получает ее, покупая товар у промышленного капиталиста по пониженной цене, сравнительно с истинной ценностью товара; продавая товар потребителю по его истинной ценности, торговец сохраняет в свою пользу разницу в цене и таким образом реализует свою прибыль. Если капиталистический предприниматель ведет свое предприятие при помощи заемного капитала, то его кредитор, денежный капиталист, получает свою долю прибавочной ценности в виде ссудного процента, который должен уплачивать кредитору наш предприниматель. Земельная рента есть доля прибавочной ценности, уплачиваемая землевладельцу арендатором и реализуемая им в цене продукта земли. Точно так же налоги, взимаемые государством, представляют собой прибавочную ценность, присваиваемую государством; из прибавочной же ценности черпаются и доходы непродуцируемых классов общества, т.е. классов, не производящих своим трудом иной ценности. Сюда входят не только праздные лица, но и чрезвычайно полезные работники, труд которых, однако, не имеет хозяйственного характера, — как, например, ученые, врачи, судьи, артисты, учителя и пр. Все они живут на счет прибавочной ценности, создаваемой трудом рабочих, занятых в производстве.

Чтобы правильно понять теорию прибавочной ценности, нужно помнить, что она имеет в виду объяснить распределение народного дохода не между отдельными лицами, а между общественными классами. Когда мы говорим о рабочем, промышленном капиталисте, торговце и пр., то всегда нужно подразумевать не отдельного рабочего, промышленника, торговца, но *класс* рабочих, *класс* промышленников и пр. Именно в этом смысле теория прибавочной ценности утверждает, что прибыль капиталиста создается не всем его капиталом, а только переменной частью последнего, — рабочей силой, занятой в производстве. Это может быть верно только в применении ко всему классу капиталистов, но отнюдь не к отдельному представителю капиталистического класса.

Распределение прибыли между отдельными капиталистами подчиняется совершенно иным законам, чем создание прибыли всего капиталистического класса. Если бы прибыль каждого капиталиста была пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности, то в таком случае процент прибыли в различных предприятиях неминуемо было бы различен, благодаря различию того, что Маркс называет органическим строением капитала, т.е. распределения капитала на постоянную и переменную часть. Чем большую долю капитала составляет его переменная часть, тем выше должен бы быть процент прибыли, так как только переменный капитал создает прибавочную ценность. Но условия капиталистической конкуренции не допускают различия процента прибыли — капиталистические предприятия должны да-

вать, в среднем, одинаковый процент прибыли, как бы ни были велики различия органического строения капитала. Поэтому не подлежит сомнению, что прибыль отдельного капитала отнюдь не пропорциональна создаваемой в данном предприятии прибавочной ценности и не определяется только переменной частью капитала. Маркс представляет процесс образования прибыли в отдельном предприятии следующим образом. Для всего класса капиталистов единственным источником прибыли является прибавочная ценность, создаваемая производительными рабочими. Но отдельные капиталисты распределяют между собой эту прибыль пропорционально всему затрачиваемому капиталу, а не только переменной его части. Капиталисты, в предприятиях которых преобладает переменный капитал, побуждаются конкуренцией уступать часть создаваемой в их предприятиях прибавочной ценности тем капиталистам, в предприятиях которых преобладает постоянный капитал. Таким образом, путем перераспределения прибавочной ценности между отдельными капиталистами осуществляется основной капиталистический закон равенства прибылей. Прибыль каждого отдельного капиталиста зависит в такой же мере от постоянного, как и переменного капитала, но для всего капиталистического класса труд рабочих, занятых в производстве, иначе говоря — переменный капитал, есть единственный источник прибыли.

Теория прибавочной ценности вскрывает нам тайну капитала-фетиша, высшим выражением которой является чудесная способность ссудного капитала к самовозрастанию, созданию процента. Если мы обратимся к хозяйственным эпохам, предшествовавшим капитализму, то увидим тот же прибавочный труд, но без всякого мистического покрывала. «Весь мистицизм товарного мира, все то волшебство и колдовство, которое окружает продукты труда, производимые на основе товарного производства, исчезают тотчас, как только мы обращаемся к другим формам производства». Возьмем, напр., античную организацию хозяйства, покоившуюся на рабском труде. Может ли прийти в голову господина или раба сомнение, что господин не живет за счет труда раба? То же следует сказать и о средневековом строе, когда рабочий был крепостным своего сеньора. «Крепостной труд так же хорошо измеряется временем, как и труд, производящий товары; но каждый крепостной знает, что он тратит определенное количество своей личной рабочей силы на службе своего господина». Когда три дня в неделю крестьянин работает на своем поле, а три дня на помещицком, то существование прибавочного труда очевидно для всех.

«Капитал не изобрел прибавочного труда. Везде, где одна часть общества имеет монополию на средства производства, рабочий, свободный или несвободный, должен к рабочему времени, необходимому для поддержания его собственной жизни, прибавить излишнее рабочее время, идущее на производство средств существования для владельца, средств производства, будет ли это афинский нуадо, этрусский теократ, римский гражданин (civis romanus), норманнский барон, американский рабовладелец, валаш-

ский боярин, современный лэндлорд или капиталист». Но капитал скрыл прибавочный труд под специфической капиталистической категорией прибавочной ценности. Благодаря этому возникла иллюзия, будто капиталистическая прибыль, процент на капитал, создается не неоплаченным, прибавочным трудом рабочего, но самими средствами производства. Эксплуатация крепостного помещиком бросается в глаза; напротив, капиталист и рабочий кажутся равноправными участниками гражданской сделки, купли — продажи рабочей силы. Сделка эта юридически вполне подобна всякой другой товарной сделке; и как при обмене пшеницы на сукно нет основания предполагать эксплуатацию одной стороны другой, так и при купле — продаже рабочей силы эксплуатация рабочего капиталистом совершенно скрывается под обманчивой видимостью гражданской равноправности обоих участников договора. Но это юридическое равенство есть только правовая оболочка экономического неравенства. Капиталистический способ производства точно так же основывается на присвоении прибавочного труда, как и предшествующие ему способы производства — рабский и крепостной.

Таково существенное содержание теории ценности и прибавочной ценности Маркса. Переходим теперь к его теории развития капиталистического хозяйства.

Прежде всего, устраним одно недоразумение. Многие думают, что социальные требования Маркса логически связаны с теорией прибавочной ценности. Против этого энергично протестовал Энгельс. Не на теории прибавочной ценности, а на теории развития капиталистического строя, представляющей собой обобщение реальных исторических фактов нашего времени, покоится, по мнению Энгельса, система практической политики марксизма, столь могущественно повлиявшая на современное рабочее движение.

В предисловии к I тому «Капитала» Маркс говорит, что его главной задачей является открытие «экономического закона движения современного общества». По своему социальному идеалу творец «Капитала» был последователем утопических социалистов. Утописты не только создали этот идеал, но и подвергли острой и смелой критике господствующий социальный строй — капиталистическое хозяйство. Тем не менее, путь, ведущий от общества нашего времени к обществу будущего, оставался туманным и неясным. Мир будущего является в изображении утопистов таким глубоким контрастом сравнительно с миром настоящего, что казалось непонятным, как переберется человечество через бездну, отделяющую оба эти мира. Кто выведет человечество из «дома сумасшедших», в который оно заключено теперь, по словам Оуэна? Фурье дал поразительно яркую картину «пороков цивилизации», но где же найти в цивилизованном обществе силы, способные рассечь «порочный круг» цивилизации, как железными тисками сковывающий общественную жизнь и общественное развитие? Утописты черпали свое вдохновение в противопоставлении светлого, лучезарного, гармоничного будущего темному и мрачному настоящему.

Однако в практической политике приходилось исходить из того самого классового общества, из того самого «сумасшедшего дома», все ужасы которого так гениально изобразили утописты. Нужно было указать в капиталистическом обществе элементы и силы, способные осуществить великое социальное преобразование, к которому с таким энтузиазмом утописты призывали человечество.

Для решения этой задачи требовалось открыть «закон движения современного общества», к чему и стремился Маркс. Путем обобщения реальных фактов исторического развития Маркс попытался выяснить, в каком направлении идет это развитие, какие новые общественные формы с железной необходимостью вырастают из недр старого общества. При этом Маркс, естественно, исходил из своей философии истории — из доктрины социального материализма, признающей основным и решающим моментом социального прогресса развитие материальных условий хозяйственного труда. Если хозяйственное развитие определяет собой все остальное, то рождение нового общественного строя должно быть результатом закономерного развития формы хозяйства, господствующей в настоящее время. Таковой является капитализм. Отсюда получался вывод, что движущие силы грядущего социального преобразования должны быть созданы развитием капиталистического хозяйства.

Таким образом, проблема осуществления социалистического строя была сведена социальным материализмом к открытию закона развития капиталистического способа производства. В наличии такого развития нельзя было сомневаться. Уже самое поверхностное наблюдение новейшей хозяйственной истории обнаруживало глубокие последовательные изменения, которые претерпевает капиталистическое хозяйство. В сочинениях утопистов (особенно у Фурье) было разбросано множество отдельных указаний на общее направление капиталистического развития. Но заслуга построения законченной и систематической теории развития современного хозяйственного строя, несомненно, принадлежит Марксу.

Капиталистический способ производства отмечает собой новейший фазис в прогрессивном развитии человечества. Капиталистическому производству предшествовало мелкое самостоятельное производство, с одной стороны, и принудительное производство, основывавшееся на крепостных отношениях, — с другой. Обе эти формы производства, с чисто технической стороны, стоят несравненно ниже капитализма. Буржуазия сыграла в высшей степени прогрессивную роль в истории человечества. «Буржуазия, где она достигла господства, разрушила все феодальные, патриархальные, идиллические отношения. Она безжалостно порвала разнообразные феодальные узы, которые связывали человека с человеком, и не оставила между людьми никакой иной связи, кроме голого интереса, кроме бесчувственной «уплаты наличностью». Буржуазия в течение своего менее чем столетнего классового господ-

ства создала более всеобъемлющие и колоссальные производительные силы, чем все предшествующие поколения в совокупности. Подчинение сил природы, введение машин, применение химии к промышленности и земледелию, паровое судоходство, железные дороги, электрический телеграф, подчинение культуре целых частей света, улучшение рек, внезапно выросшие из земли целые народы — какой из предшествующих веков мог предчувствовать, что такие огромные производительные силы таятся в недрах общественного труда!»

Но эти изумительные успехи были куплены дорогой ценой — ценой разорения и пролетаризации огромных масс населения. Развитие капиталистического способа производства равносильно уничтожению мелкого производства. Мелкое производство было господствующей формой промышленности в докапиталистическое время. Капитализм экспроприровал мелкого производителя, лишил его орудий производства и сделал из прежнего самостоятельного ремесленника, крестьянина, кустаря — наемного слугу капитала.

Однако чем шире развивается капиталистическое производство, чем полнее оно охватывает все роды общественного труда, тем ярче выступает коренное противоречие, заложенное в самом существе капиталистической формы хозяйства. При господстве мелкого производства форма присвоения, форма собственности была в полной гармонии со способом производства. Собственность была индивидуальной, и таким же индивидуальным было и производство. Напротив, в капиталистическом хозяйстве производство принимает все более общественный характер, а собственность остается по-прежнему индивидуальной. Никто из отдельных рабочих, занятых на фабрике, не может сказать: «это мой продукт, я это сделал», ибо всякий продукт, создаваемый фабрикой, есть результат общей работы многих лиц. Но этот общий продукт многих поступает в частную собственность одного — капиталиста. Таково неустранимое противоречие капиталистического способа производства. И «чем больше новый способ производства подчиняет своей власти различные отрасли промышленности, чем больше он низводит до жалких остатков прошлого прежнее единоличное производство, тем ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением».

В то же время, в пределах самой капиталистической промышленности происходит чрезвычайно многозначительная перемена. Законы капиталистической конкуренции (благодаря большей производительности крупного производства) требуют постоянного расширения оборотов капиталистического предприятия. Средством для этого служит капитализация большей или меньшей доли прибыли. Таким образом, происходит то, что Маркс называет *аккумуляцией* средств производства — увеличение размера капиталистического предприятия путем накопления капитала. От аккумуляции средств производства следует отличать их *централизацию* — слияние нескольких или многих капиталов в один капи-

тал. В первом случае каждый капитал растет собственными средствами — один капитал не поглощает другого. Во втором случае происходит уничтожение индивидуальной самостоятельности капиталов — «превращение многих мелких капиталов в небольшое число крупных. Этот процесс тем отличается от первого, что он предполагает лишь изменение в распределении имеющихся уже и функционирующих капиталов и что его поле действия не ограничено, следовательно, абсолютным ростом общественного богатства или абсолютными границами накопления. Капитал нарастает в одних руках здесь, потому что там он исчез из многих рук».

Централизация капиталов вызывается конкуренцией капиталистических предприятий между собой. Капиталистический мир не знает мира — в нем кипит неустанная ожесточенная борьба, в которой сильный экспроприрует слабого и капитал побежденного становится прекраснейшим трофеем победителя. «Независимо от этого, с развитием капиталистического производства создается новая сила — кредит, который вначале робко прокрадывается в виде скромного пособника накопления, невидимыми нитями стягивает в руки индивидуальных капиталистов или ассоциаций капиталистов денежные средства, рассеянные на поверхности общества в больших или меньших массах; но вскоре становится новым и страшным орудием конкуренции и, наконец, превращается в громадный социальный механизм для централизации капиталов».

Конкуренция капиталов и кредит являются двумя могущественнейшими рычагами централизации. Централизация довершает дело накопления, давая возможность промышленным капиталистам расширять размеры своих операций. «Будет ли этот последний результат следствием накопления или централизации, произойдет ли централизация насильственным путем присоединения, при котором некоторые капиталы становятся такими сильными центрами притяжения для других, что побеждают их индивидуальное сцепление и притягивают к себе их разрозненные куски, или же слияние массы уже образовавшихся или еще образующихся капиталов произойдет более гладким путем, посредством образования акционерных обществ, — экономическое действие от этого не изменится».

Без помощи централизации образование очень крупных капиталистических предприятий было бы почти невозможно. «Мир оставался бы еще и до сих пор без железных дорог, если бы ему пришлось ждать, пока накопление поставит отдельные капиталы в возможность построить железную дорогу. Централизация же, напротив, произвела это сразу посредством акционерных компаний».

Аккумуляция и централизация средств производства чрезвычайно повышают производительность общественного труда. Но чем могущественнее производительные силы капитала, тем большее значение в жизни капиталистического общества приобретает другое основное противоречие капиталистического способа производства — «противоречие между организованностью производства

н отдельной фабрике и анархией производства во всем обществе». На почве обоих указанных противоречий капитализма возникают периодические промышленные кризисы, от которых так жестоко страдает капиталистическое хозяйство. «В кризисах противоречие между общественным характером производства и капиталистическим присвоением насильственно прорывается наружу. Товарный обмен как бы уничтожается; орудие обращения — деньги — становится препятствием обращению; все законы производства и обращения товаров превращаются в свою противоположность. Экономическая коллизия достигает своего апогея: способ производства восстает против способа обмена, производительные силы восстают против способа обмена, который они переросли».

Капиталистическая промышленность принуждена с роковой неизбежностью повторять один и тот же цикл развития: за спокойным состоянием идет оживление промышленности, затем следует промышленная горячка, неизбежно заканчивающаяся крахом и кризисом, после которого та же история начинается сызнова.

«Как небесные тела, будучи раз приведены в известное движение, неизменно повторяют его, так и общественное производство, раз оно брошено в это движение попеременного расширения и сокращения, также постоянно повторяет его... До настоящего времени период этих циклов составляет 10—11 лет, но нет никакого основания считать эту величину постоянной. Наоборот, на основании законов капиталистического производства, следует предположить, что она изменяется и что продолжительность циклов будет постепенно сокращаться»^{1*}.

Таким образом, Марксу рисуется в будущем хронический кризис, который совершенно остановит движение капиталистического производства и этим нанесет смертельный удар всему капиталистическому строю. «Гот факт; что общественная организация производства в пределах фабрики должна достигнуть пункта, на котором она становится несоединимой с сопутствующей ей анархией производства в целом обществе, — этот факт обнаруживается самим капиталистом в насильственной концентрации капиталов, совершающейся во время кризисов путем разорения многих крупных, а еще более мелких капиталистов. Весь совокупный механизм капиталистического способа производства отказывается работать под давлением созданных им самим производительных сил. Он не может превратить в капитал всю эту массу средств производства; они остаются без употребления. Таким образом, капиталистический способ производства приводится, с одной стороны, к сознанию собственной неспособности к дальнейшему руководительству производительными силами общества. С другой же стороны, эти самые производительные силы стремятся с нарастающей силой к разрешению этого противоречия, к своему освобождению от капиталистической оболочки, к фактическому признанию за ними их характера общественных производительных сил».

«Современное буржуазное общество, создавшее такие могущественные средства производства и сообщения, походит на волшебника, который не может совладать с подземными силами, вызванными им самим. Уже в течение многих десятков лет история промышленности и торговли есть история возмущения современных производительных сил против современных отношений производства, против современных отношений собственности, которые суть условия жизни и господства буржуазии... Производительные силы, которые находятся в распоряжении общества, не могут более содействовать развитию буржуазных отношений собственности; наоборот, они становятся слишком могущественными для этих отношений, они связываются последними: преодолевая эти узы, производительные силы приводят в расстройство все буржуазное общество, подвергают опасности самое существование буржуазной собственности. Буржуазные отношения становятся слишком узкими, чтобы охватить создаваемое ими богатство. Каким путем преодолевает буржуазия кризисы? С одной стороны, путем насильственного уничтожения массы производительных сил; с другой же стороны, путем захвата новых рынков и более глубокого использования старых. Другими словами, путем приготовления новых и более могущественных кризисов и путем сокращения средств борьбы с этими кризисами. Таким образом, оружие, которым буржуазия повергла в прах феодализм, обращается теперь против самой буржуазии».

Итак, чисто экономические силы, заложенные в капиталистической организации общественного хозяйства, влекут ее с роковой необходимостью к превращению в социалистическое хозяйство. Рядом с этими слепыми, стихийными силами хозяйственного развития действуют в том же направлении и сознательные, социальные силы, порождаемые тем же процессом капиталистического развития. Капитализм не только приходит к экономическому конфликту, неразрешимому на почве существующей организации хозяйства и требующему обобществления средств производства, но тот же капитализм создает и общественный класс, непосредственно заинтересованный в таком обобществлении. Этим классом является пролетариат.

Огромную историческую заслугу капитализма составляет вызванный новым способом производства гигантский подъем производительности общественного труда. Но чем выше подымается общественное богатство, тем ниже падает тот, кто создает это богатство, — рабочий.

Ухудшение положения рабочего есть необходимое следствие основного закона капиталистического накопления, — того, что по мере успехов техники все меньшая доля капитала превращается в заработную плату и все большая — в средства производства. Переменный капитал образует все меньшую долю всего общественного капитала, а так как спрос на рабочие руки создается лишь переменным капиталом, то, следовательно, и спрос на рабочие руки, по отношению ко всему общественному капиталу, дол-

жен падать (абсолютно он возрастает, но возрастает, согласно сказанному, гораздо медленнее роста общественного капитала и общественного богатства). «Капиталистическое накопление постоянно создает, пропорционально своей энергии и своим размерам, относительно, т.е. для потребностей капитала в самовозрастании, излишнее рабочее население».

«Крепостной, несмотря на господство крепостного права, достиг того, что стал членом общины, подобно тому, как мелкий буржуа стал крупным буржуа, несмотря на иго феодального абсолютизма. Напротив, современный рабочий, вместо того чтобы подыматься с успехами промышленности, падает все ниже условий существования своего собственного класса. Рабочий становится нищим, и нищета растет быстрее населения и богатства. Все более становится очевидным, что буржуазия неспособна оставаться господствующим классом в обществе, так как она неспособна обеспечить существование своему рабу в пределах его собственного рабства, так как она не имеет возможности воспрепятствовать такому падению этого раба, при котором он сам поступает на содержание буржуа, вместо того чтобы содержать его».

«Накопление богатства на одном полюсе есть в то же время накопление нищеты, мук, труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения на противоположном полюсе, т.е. на стороне класса, производящего свой собственный продукт в виде капитала». Законы капиталистического производства вызывают образование избыточного населения, которое, как свинцовая гиря, все глубже и глубже затягивает рабочего в безвыходную трясиину нищеты. «Рабочее население, вместе с производимым им же самим накоплением капитала, создает в возрастающих размерах средства, делающие часть населения избыточной. Это есть закон народонаселения, характерный для капиталистического способа производства; вообще, всякому историческому способу производства свойственны особые законы народонаселения, имеющие историческое значение. Абстрактный закон народонаселения существует только для растений и животных до тех пор, пока они не подвергаются историческому влиянию человека».

В чем же заключается закон народонаселения капиталистического способа производства? В том, что этот способ производства по неизменным экономическим, социальным (но не естественным, физиологическим) законам порождает избыточное население, для которого нет места ни в общественном труде, ни в общественном потреблении, совершенно независимо от того, каким темпом идет размножение населения. Это избыточное население образует промышленную резервную армию капитализма, без которой капиталистический способ производства со свойственными ему периодическими сокращениями и расширениями производств не мог бы существовать. Всякое сокращение производства неизбежно выталкивает на мостовую тысячи рабочих, которые опять возвращаются к активной службе капиталу при оживлении промышленности, предшествующем кризису. Капитал попеременно то притягивает,

то отталкивает рабочих. Без промышленной резервной армии капиталистическая промышленность не могла бы быстро расширять производство при оживлении рынка, что является, в свою очередь, условием существования капиталистической промышленности любой страны, конкурирующей на мировом рынке. Поэтому промышленный резерв столь же необходим капиталу, как необходим военный резерв государству, охраняющему силою оружия свои интересы. «Характерный жизненный путь современной промышленности... покоится на постоянном образовании, большем или меньшем поглощении и новом образовании промышленной резервной армии. В свою очередь, превращения промышленного цикла создают человеческий материал для перенаселения и служат одним из самых энергичных факторов его воспроизведения».

Но кроме этого перенаселения, находящегося в связи с фазами промышленного цикла, капитализм создает и иные формы избыточного населения. Маркс указывает три такие формы — текучее, скрытое и стационарное перенаселение. *Текучее* перенаселение вызывается неодинаковостью спроса, предъявляемого капиталистическим производством на различные возрастные группы рабочих. Наибольшим спросом со стороны капиталистической промышленности пользуется несовершеннолетний труд, благодаря чему массы рабочих теряют работу по достижении совершеннолетия и входят в состав текучего избыточного населения; из них вербуются главная армия эмигрантов. Далее, капитал чрезвычайно быстро потребляет рабочую силу человека. Рабочий, приближающийся к старости, более не нужен капиталу и также становится элементом текучего перенаселения.

Существование *скрытого* перенаселения в капиталистическом обществе всего ярче обнаруживается постоянным притоком рабочих из деревни в город. Этот приток не мог бы иметь места, если бы в деревне не имелся постоянный контингент скрытого избыточного населения — рабочих, не находящих себе занятия в деревне и ожидающих только благоприятного момента, чтобы покинуть родную деревню, не обеспечивающую заработка, и перейти в город.

Третью, *стационарную* форму перенаселения образует собой многочисленная группа хронических безработных или же рабочих, работающих крайне нерегулярно, изредка и случайно. Из этой группы вербуются рабочие в домашней промышленности, в пределах которой капиталистическая эксплуатация достигает своих крайних пределов. Сюда же входит и низший слой современного общества — бродяги, преступники, проститутки, нищие. «Нищие представляют собой инвалидный дом активной рабочей армии и балласт промышленной резервной армии... Чем больше общественное богатство, чем значительнее функционирующий капитал, размеры и энергия его возрастания, а следовательно, чем больше и абсолютная величина пролетариата, и производительная сила труда, тем больше промышленная резервная армия. Рабочая сила, готовая к услугам капитала, развивается вследствие тех же

причин, что и сила расширения капитала. Относительная величина промышленной резервной армии возрастает, следовательно, вместе с силами общественного богатства. Но чем больше эта резервная армия в сравнении с активной рабочей армией, тем больше стационарное перенаселение, а нужда его жертв обратно пропорциональна мукам их труда. Наконец, чем больше инвалидов и пр. — этих Лазарей рабочего населения — и вообще чем значительнее вся промышленная резервная армия, тем больше официальный пауперизм. *Это — абсолютный всеобщий закон капиталистического накопления*».

К чему же должно привести это накопление нищеты, сопутствующее росту богатства, рост пролетариата, все более погружающегося в бедность по мере того, как сокращающаяся группа капиталистов сосредоточивает в своих руках все более колоссальные средства производства? Капиталистическому способу производства предшествовало мелкое производство, достигшее наибольшего процветания «только там, где рабочий является свободным частным собственником своих условий труда, которые он сам пускает в ход, крестьянин — собственником земли, которую он обрабатывает, ремесленник — собственником орудий, с которыми он справляется, как виртуоз с инструментом. Этот способ производства предполагает раздробление земли и других средств производства. Он исключает как концентрацию последних, так и кооперацию, т.е. он не допускает разделения труда внутри одного и того же процесса производства, общественного господства над природой и управления ее силами, свободного развития общественных производительных сил. Он совместим только с очень узкими, стихийными рамками производства и общества. Увековечить его значило бы... декретировать всеобщую посредственность. На известной степени своего развития он сам порождает материальные средства своего уничтожения... Его уничтожение, превращение индивидуальных и разрозненных средств производства в концентрированные и общественные, т.е. мелкой собственности многих в крупную собственность немногих, отнятие средств существования и орудий труда у народных масс, эта ужасная экспроприация народной массы составляет доисторический период в жизни капитала».

Но, экспроприровав мелких производителей, капитал еще не завершает своего развития. За экспроприацией рабочего следует экспроприация самого капиталиста капиталистом же. «Один капиталист побивает многих». Средства производства концентрируются в руках все меньшей и меньшей группы капиталистов. «Вместе с постоянным уменьшением числа капиталистов-магнатов... увеличивается масса нищеты, угнетения, рабства, но, с другой стороны, увеличивается также и сопротивление постоянно возрастающего рабочего класса, вышколенного, объединенного и организованного механизмом самого капиталистического способа производства. Монополия капитала превращается в путы для дальнейшего развития того способа производства, который разви-

вался вместе с нею и под ее господством. Централизация средств производства и обобществление труда достигают такой точки, на которой они становятся несовместимыми с капиталистической частной собственностью. Экспроприаторы экспроприруются»^{1*}.

«Капиталистический способ производства... есть первое отрицание индивидуальной частной собственности, основанной на собственном труде. Но капиталистическое производство создает с необходимостью естественного процесса свое собственное отрицание. Это отрицание отрицания. Оно восстанавливает не частную собственность, но индивидуальную собственность на основе всех приобретений капиталистической эры, на основе кооперации и общественного владения землей и средствами производства».

«Превращение раздробленной частной собственности, основанной на собственном труде производителей, в капиталистическую — есть, конечно, процесс несравненно более продолжительный, тяжелый и трудный, чем превращение капиталистической собственности, фактически уже покоящейся на общественном производстве, в собственность общественную. Там дело шло об экспроприации народных масс немногими узурпаторами, здесь же идет дело об экспроприации немногих узурпаторов народными массами».

Резюмируя все сказанное, мы можем свести теорию развития капиталистического строя, разработанную Марксом и, отчасти, Энгельсом, к следующим положениям:

1) Рост капиталистического производства непосредственно вызывает уничтожение мелкого самостоятельного производства. Прежние мелкие самостоятельные производители становятся наемными рабочими капиталистов и пополняют собой ряды пролетариата.

2) Соответственно этому производство принимает все более общественный характер и все ярче выступает наружу несовместимость общественного производства с капиталистическим присвоением.

3) В среде капиталистического производства происходит аккумуляция и централизация средств производства. Общественное богатство все более сосредоточивается в руках сокращающейся кучки капиталистов-магнатов.

4) Периодические промышленные кризисы с возрастающей силой приводят в расстройство капиталистическое хозяйство. В кризисах обнаруживается неспособность капитализма руководить общественным процессом производства и неизбежность крушения капитализма.

5) Параллельно росту общественного богатства растет, при капиталистическом способе производства, и нищета рабочего класса. Капиталистический способ производства порождает избыточное население, принимающее различные формы. Промышленная резервная армия является условием существования капиталистического производства.

6) Увеличение нищеты и страданий численно все возрастающего пролетариата сопровождается ростом организации рабочего класса под влиянием условий самого капиталистического производства.

7) Таким образом, капитализм, с одной стороны, становится тормозом дальнейшего развития производительных общественных сил; с другой же стороны, капитализм организует и общественный класс, непосредственно заинтересованный в превращении капиталистического хозяйства в социалистическое.

В противоположность утопистам, Маркс не придавал никакого значения выработке планов будущего социального устройства. Будущий социальный строй явится естественным результатом экономического развития современного строя. Общий характер общественного строя будущего уже и теперь ясен, ибо законы развития капиталистического хозяйства открыты. Что же касается до подробностей, то они пока еще непредвидимы и определяются конкретной экономической и социальной обстановкой того исторического момента, когда совершится ликвидация капиталистического способа производства.

Практическая программа марксизма (лежащая в основании практической деятельности германской социал-демократии) сводится, почти исключительно, к политической организации рабочего класса и к политической борьбе за его интересы. Правда, Маркс неоднократно выражал свое сочувствие и профессиональной организации рабочих. Но сочувствие это было совершенно особого рода. Маркс не придавал большого значения рабочим союзам как средству поднятия заработной платы и вообще улучшения положения рабочего класса, и если он признавал желательным распространение такого рода организаций среди рабочего класса, то это лишь потому, что он видел в них могущественное средство классового объединения рабочих. Рабочие союзы превращают борьбу отдельного рабочего с отдельным капиталистом в классовую борьбу рабочего класса с классом капиталистов. Они могут служить опорными пунктами для политической организации рабочего класса, — и только поэтому Маркс считал нужным их поддерживать.

С гораздо меньшим сочувствием Маркс относился к кооперативному движению в его господствующей форме — потребительных обществ.

Женевский конгресс^{1*} «Интернационала» принял, согласно предложению Маркса, следующую резолюцию по вопросу о кооперативном движении среди рабочих:

«Мы советуем рабочим обратить гораздо больше внимания на кооперативное производство (производительные ассоциации. — *М. Т.-Б.*), чем на кооперативные лавки (потребительные общества. — *М. Т.-Б.*). Что касается последних, то они лишь поверхностно затрагивают современный хозяйственный строй, между тем как первые захватывают самое его основание».

В III-м томе «Капитала» имеется следующее любопытное замечание о производительных ассоциациях. «Кооперативные фабрики, — пишет Маркс, — представляют собой, в пределах старой формы, первое изменение этой формы, хотя они, естественно, воспроизводят и должны воспроизводить, в своей фактической организации, все недостатки существующей системы. Но в них уничтожается антагонизм капитала и труда. Они показывают, как на известной ступени развития материальных производительных сил и соответствующих последним общественных форм производства естественно развивается и организуется из одного способа производства новый способ производства. Без фабричной системы, созданной капиталистическим способом производства, так же как и без системы кредита, вытекающей из того же способа производства, не могла бы развиваться кооперативная фабрика. Кредит, являясь основой постепенного превращения частных капиталистических предприятий в капиталистические акционерные общества, дает в то же время средства для постепенного распространения кооперативных предприятий в более или менее национальном масштабе. Капиталистические акционерные предприятия, так же как и кооперативные фабрики, являются переходными формами из капиталистического способа производства в ассоциированное».

Таким образом, Маркс придавал производительным ассоциациям известное значение, в качестве первых зачатков новых, коллективных форм хозяйства, и не придавал в этом смысле почти никакого значения потребительным обществам. Несмотря, однако, на это частичное признание со стороны Маркса важности кооперации, кооперативное движение не играет в практической программе марксизма почти никакой роли. Объясняется это тем, что та форма кооперации — на практике не получила и не может получить, при условиях капиталистического хозяйства, сколько-нибудь значительного развития и распространения, между тем как потребительные общества, к которым Маркс относился более чем холодно, сделали гигантские успехи.

Переходя к критике изложенной теории развития капиталистического строя, мы прежде всего остановимся на входящей в ее состав «теории обнищания» (*Verelendungstheorie* — этот термин не принадлежит самому Марксу, но он очень удачно характеризует суть дела). Приведенные цитаты из сочинений Маркса не оставляют никакого сомнения, что Маркс смотрел крайне мрачно на возможность улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства¹. Он не только не верил в эту воз-

¹ Правда, Маркс был горячим сторонником фабричного законодательства и видел в законодательном ограничении рабочего дня одну из важных целей рабочего движения: он приветствовал английский закон о десятичасовом рабочем дне, как великую победу английского рабочего класса. Но это лишь одна из многих непоследовательностей автора «Капитала» — один из многих примеров несогласованности теории и практики марксизма.

возможность, но утверждал даже обратное, — что благосостояние рабочего класса падает по мере развития капиталистического производства — рабочий погружается глубже и глубже в нищету.

Утверждение это находится в самом резком противоречии с фактами последних десятилетий. Сознавая это, многие правые марксисты нашего времени пытались и пытаются изменить смысл «теории обнищания» и придать ей более невинный вид. С особым искусством это делает Каутский^{1*} в своей известной книге о Бернштейне^{2*}. По толкованию этого остроумнейшего представителя современного марксизма, теорию «обнищания» нужно понимать лишь как выражение *тенденции*, а не положительного факта, и притом тенденции не к абсолютному понижению уровня экономического благосостояния рабочего класса, а лишь к *относительному* ухудшению положения рабочих сравнительно с положением капиталистов. Нищета, по объяснению Каутского, может быть понимаема в двояком смысле: физиологическом — по отношению к удовлетворению человеком своих физиологических потребностей, и в социальном — по отношению к несоответствию между потребностями человека и возможностью их удовлетворения. Факт увеличения нищеты в этом последнем смысле кажется Каутскому бесспорным, ибо «сами буржуа признают рост нищеты в социальном смысле, давая ему лишь другое название — требовательности рабочих. Но дело не в названии. Дело в том, что несоответствие между потребностями рабочего и возможностью удовлетворения этих потребностей при помощи получаемой рабочим заработной платы постоянно возрастает... Социальное обнищание растет, выражаясь в более медленном повышении уровня жизни пролетариата, сравнительно с подъемом жизни буржуазии... Возрастает, и постоянно, не физическая, а социальная нищета, и именно противоречие между культурными потребностями рабочего и имеющимися у него средствами для удовлетворения этих потребностей; иными словами, масса продуктов, приходящаяся на одного рабочего, может становиться больше, но *доля* рабочего в создаваемом им продукте становится меньше» («Bernstein und das sozialdemokratische Programm», 120, 127, 128).

Это может быть верно или неверно, но, во всяком случае, это не теория Маркса. Нищета, о которой говорит Маркс, отнюдь не есть «требовательность» рабочих, как толкует теорию обнищания Каутский, и рост нищеты, в смысле Маркса, далеко не равносителен росту потребностей рабочего класса. Ни о каком повышении потребностей рабочего класса, с точки зрения авторов «Коммунистического Манифеста», не может быть и речи, так как рабочий «становится нищим и нищета растет быстрее населения».

Рост капиталистического богатства признается в «Капитале» равносильным «накоплению нищеты, мук труда, рабства, невежества, одичания и нравственного падения» рабочего класса. Язык Маркса во всех этих случаях так ясен и выразителен, что никаких кривотолков не допускает. Автор «Капитала» говорит не о тенденциях, которые могут и не осуществляться в действительнос-

ти; а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Маркс категорически утверждает, что чем могущественнее производительные силы капитализма, тем хуже удовлетворяются насущные, физиологические потребности рабочего; более того — рабочий не только низводится капиталистическим развитием до положения нищего, но он регрессирует в физическом, умственном и моральном отношениях — он «вырождается», все более погружается в невежество и нравственное одичание.

Такова истинная доктрина Маркса, — и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов — в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус^{1*} смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировывая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла.

В своем первоначальном виде теория эта, очевидно, не может быть поддерживаема ни одним серьезным экономистом. Даже Каутский должен признать, что «нельзя констатировать общего увеличения физической нищеты в передовых капиталистических странах; все факты скорее говорят в пользу того, что физическая нищета в этих странах уменьшается, хотя крайне медленно и не повсеместно. Уровень жизни работающих классов в настоящее время выше, чем пятьдесят лет тому назад». Действительно, вряд ли даже самый правоверный марксист решился бы отстаивать теорию обнищания в том виде, как она изложена в «Коммунистическом Манифесте» и «Капитале»; вряд ли, например, может встретить сочувствие в настоящее время с чьей бы то ни было стороны (кроме разве крайних реакционеров) мнение Маркса о растущем невежестве, нравственном одичании и вырождении рабочего класса. Социал-демократия всего менее может защищать этот тезис, ибо эта защита была бы для нее самоубийственной и равносильной признанию безнадежности своего собственного дела: победа в общественной борьбе не может принадлежать классу, регрессирующему в умственном, моральном и экономическом отношениях. Сильнейшего венчает победа, но не численно сильнейшего, а сильнейшего мужеством, энергией, знанием, самопожертвованием, героизмом, преданностью общим интересам. Вырождающиеся, одичавшие, невежественные рабы, каковыми Маркс рисует рабо-

чих, как бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы в себе мужества для самоосвобождения. Если бы теория вырождения рабочего класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачные социальные фантазии иных социологов и романистов, предвидящих распадение человеческого общества на два вида, две породы — господ, владеющих волей и знанием, и рабов, превратившихся в тупых и покорных домашних животных, — были бы самой вероятной картиной социального будущего. Но, к счастью, вся эта безнадежная теория вырождения большей части человечества есть фантазия и ложь, опровергнутые фактом несомненного экономического, морального и умственного подъема рабочего класса в новейшее время.

Мы можем согласиться с Каутским, что нижеприводимая характеристика изменения положения рабочего класса в Англии применима и к другим капиталистическим странам. «Значительная часть рабочего класса, — говорит Сидней Вебб в своей брошюре «Labour in the longest reign», — сделала со времени 1837 г. большие успехи, другие же слои рабочих сделали меньшие успехи или даже совсем не приняли участия в общем прогрессе цивилизации и богатства. Если мы возьмем различные условия жизни и работы и установим уровень, ниже которого невозможно сносное существование, то мы увидим, что по отношению к заработной плате, рабочему времени, жилищам и общей культуре процент живущих ниже этого уровня теперь меньше, чем был в 1837 г. Но мы также найдем, что и общее число тех, кто живет ниже установленного нами уровня, в настоящее время, вероятно, выше по своей абсолютной величине, чем в 1837 г.»

Центральной идеей марксизма как теории современного общественного развития следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению, капиталистический способ производства экспроприрует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства, как бы под влиянием взаимного притяжения, сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и не организованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства, и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства легче всего объяс-

ти; а о конкретных законах капиталистического развития, выражающихся в реальных исторических фактах. Маркс категорически утверждает, что чем могущественнее производительные силы капитализма, тем хуже удовлетворяются насущные, физиологические потребности рабочего; более того — рабочий не только низводится капиталистическим развитием до положения нищего, но он регрессирует в физическом, умственном и моральном отношениях — он «вырождается», все более погружается в невежество и нравственное одичание.

Такова истинная доктрина Маркса, — и если эту доктрину не решается в настоящее время поддерживать даже Каутский, то это лишь доказывает ее полную несовместимость с новейшими фактами истории рабочего класса. Все основные социальные воззрения Маркса сложились в эпоху 40-х годов — в период понижения заработной платы, хронической безработицы и огромного роста бедности и нищеты. Выражая свое убеждение в невозможности существенного и прочного улучшения положения рабочего класса в пределах капиталистического хозяйства, Маркс стоял на почве современных ему исторических фактов и высказывал взгляд, общий всем серьезным экономистам того времени. Рикардо и Мальтус^{1*} смотрели на положение и будущность рабочих классов не менее мрачно. Но последующие исторические факты лишили теорию обнищания всякого значения и привели к тому, что даже самые горячие сторонники марксизма должны, как мы видели, отказаться от нее, замаскировавая свой отказ от теории Маркса искажением ее смысла.

В своем первоначальном виде теория эта, очевидно, не может быть поддерживаема ни одним серьезным экономистом. Даже Каутский должен признать, что «нельзя констатировать общего увеличения физической нищеты в передовых капиталистических странах; все факты скорее говорят в пользу того, что физическая нищета в этих странах уменьшается, хотя крайне медленно и не повсеместно. Уровень жизни работающих классов в настоящее время выше, чем пятьдесят лет тому назад». Действительно, вряд ли даже самый правоверный марксист решился бы отстаивать теорию обнищания в том виде, как она изложена в «Коммунистическом Манифесте» и «Капитале»; вряд ли, например, может встретить сочувствие в настоящее время с чьей бы то ни было стороны (кроме разве крайних реакционеров) мнение Маркса о растущем невежестве, нравственном одичании и вырождении рабочего класса. Социал-демократия всего менее может защищать этот тезис, ибо эта защита была бы для нее самоубийственной и равносильной признанию безнадежности своего собственного дела: победа в общественной борьбе не может принадлежать классу, регрессирующему в умственном, моральном и экономическом отношениях. Сильнейшего венчает победа, но не численно сильнейшего, а сильнейшего мужеством, энергией, знанием, самопожертвованием, героизмом, преданностью общим интересам. Вырождающиеся, одичавшие, невежественные рабы, каковыми Маркс рисует рабо-

чих, как бы многочисленны они ни были, никогда не нашли бы в себе мужества для самоосвобождения. Если бы теория вырождения рабочего класса была сколько-нибудь обоснована, то мрачные социальные фантазии иных социологов и романистов, предвидящих распадение человеческого общества на два вида, две породы — господ, владеющих волей и знанием, и рабов, превратившихся в тупых и покорных домашних животных, — были бы самой вероятной картиной социального будущего. Но, к счастью, вся эта безнадежная теория вырождения большей части человечества есть фантазия и ложь, опровергнутые фактом несомненного экономического, морального и умственного подъема рабочего класса в новейшее время.

Мы можем согласиться с Каутским, что нижеприводимая характеристика изменения положения рабочего класса в Англии применима и к другим капиталистическим странам. «Значительная часть рабочего класса, — говорит Сидней Вебб в своей брошюре «Labour in the longest reign», — сделала со времени 1837 г. большие успехи, другие же слои рабочих сделали меньшие успехи или даже совсем не приняли участия в общем прогрессе цивилизации и богатства. Если мы возьмем различные условия жизни и работы и установим уровень, ниже которого невозможно сносное существование, то мы увидим, что по отношению к заработной плате, рабочему времени, жилищам и общей культуре процент живущих ниже этого уровня теперь меньше, чем был в 1837 г. Но мы также найдем, что и общее число тех, кто живет ниже установленного нами уровня, в настоящее время, вероятно, выше по своей абсолютной величине, чем в 1837 г.»

Центральной идеей марксизма как теории современного общественного развития следует признать учение о концентрации средств производства. Согласно этому учению, капиталистический способ производства экспроприирует мелких производителей, а в пределах самой капиталистической промышленности крупный капитал поглощает мелкий. Благодаря этому средства производства, как бы под влиянием взаимного притяжения, сливаются во все более и более обширные скопления и конгломераты, планомерно организованные и объединенные изнутри, но разъединенные и не организованные в своих внешних отношениях. Общество все резче раскалывается на растущую массу пролетариев внизу и на сокращающуюся группу капиталистов вверху, сокращающуюся по своей численности, но растущую по своему богатству и экономическому могуществу. Процесс концентрации средств производства одновременно создает почву для будущего социалистического производства, ибо благодаря ему производство становится все более крупным, все более общественным, каждое отдельное предприятие захватывает все большую долю общественного производства, и, в то же время, этот процесс усиливает общественные элементы, заинтересованные в социалистическом перевороте, а также численно ослабляет элементы, враждебные такому перевороту. Растущая концентрация общественного производства легче всего объяс-

няет, каким образом капиталистический хозяйственный строй превратится в свою противоположность, каким образом из беспощадной борьбы, угнетения, эксплуатации и ненависти, царящих ныне, вырастет, с необходимостью естественного процесса, семя мирной, свободной и равноправной социалистической ассоциации будущего. Капитализм является, при таком понимании условий развития социализма, суровой, но необходимой школой человечества, в которой человечество дисциплинируется и накапливает силы для того, чтобы взять в свои руки руководство общественным производством и заменить господствующую ныне анархию общественно-хозяйства планомерной, сознательной организацией его.

Мы сказали, что это учение является центральной и — теперь мы можем прибавить — самой сильной идеей марксизма. История промышленности всех капиталистических стран, несомненно, свидетельствует о растущей концентрации средств производства. Правда, мелкое производство в большинстве случаев почти не уменьшается по своим абсолютным размерам. Но по своему относительному значению в народном хозяйстве оно быстро падает. Крупное производство растет повсеместно гораздо энергичнее мелкого. Этот рост совершается частью на счет мелкого производства, представители которого разоряются и опускаются в ряды пролетариата. Частью же рост крупной промышленности не препятствует одновременному существованию мелкой промышленности. И наконец, в некоторых своих отделах крупное производство, развиваясь и расширяя свои операции, непосредственно содействует и росту мелкой промышленности, поставляя последней новые материалы для обработки или удешевляя старые, создавая запрос на продукты мелкой промышленности, предъявляя требования на разные работы, исполняемые мелкими производителями, вызывая новые промыслы и т. д. и т. д. В результате получается, как свидетельствует промышленная статистика всех капиталистических государств, быстрый рост крупного производства и значительно более медленный рост, а иногда и упадок мелкого производства, которое в одних отраслях промышленности уничтожается крупным, в других, куда еще не проникла машина, растет и развивается. Фабрика и завод энергично и неудержимо подвигаются вперед, захватывают одну отрасль промышленности за другой, но так как одновременно с этим для мелкой промышленности открываются новые отрасли производства, то более быстрый рост фабрично-заводской промышленности иногда не препятствует, во всяком случае, гораздо более медленному росту мелкого производства.

Но если по отношению к промышленности теория Маркса, в общем, подтверждается новейшими фактами, то этого отнюдь нельзя сказать про земледелие. Благодаря разнообразным техническим и экономическим условиям (большей зависимости сельскохозяйственного производства от природы, меньшей применимости к нему машины и разделения труда, большего значения в области сельской промышленности натурального хозяйства и пр. и пр.) крупное сельскохозяйственное производство отнюдь не представ-

ляет таких экономических преимуществ сравнительно с мелкими, как крупное промышленное производство. К этому присоединяются различного рода социальные препятствия, с которыми приходится бороться крупному сельскому хозяйству (достаточно упомянуть хотя бы о своеобразном «рабочем вопросе» крупного земледелия — недостатке сельских рабочих, бегущих из деревни в город) и которых не существует для мелкой сельскохозяйственной промышленности. В силу всех этих причин, останавливаясь над которыми мы не можем, в сельском хозяйстве не наблюдается ничего подобного концентрации производства, которая так характерна для эволюции промышленности. Крестьянское хозяйство не только не уничтожается крупным капиталистическим земледелием, но даже растет в большинстве случаев на счет этого последнего.

Даже такие горячие последователи Маркса, как Каутский, не могут отрицать этот факт. «Ожидания, выраженные Марксом при открытии "Интернационала", — пишет Каутский, — не сбылись; упрощения аграрного вопроса путем концентрации всей земельной площади в немногих руках не произошло... Мы никогда не достигнем в сельском хозяйстве той простоты и той ясности отношений, которые характерны для промышленности. Бесчисленные влияния в том и другом направлении перекрещиваются в сельском хозяйстве и взаимно уничтожают действие друг друга, классовые отношения остаются колеблющимися, в особенности там, где мало развита арендная система, где масса предпринимателей, а часто также и сельских рабочих, еще владеет землей. Смена времени года нередко приводит и к перемене классовых отношений. Один месяц тот же деревенский житель может быть предпринимателем, другой месяц — наемным рабочим».

Статистика показывает, что, напр., в Германии энергичнее всего развивается зажиточное крестьянское хозяйство. Точно так же в Англии среднее и мелкое сельское хозяйство растет на счет крупного (и, отчасти, очень мелкого). Ничего подобного систематическому поглощению мелкого сельского хозяйства крупным мы не наблюдаем в настоящее время ни в одной стране.

Таким образом, к сельскому хозяйству схема Маркса совершенно не приложима. Но это только ослабляет, а не уничтожает значение этой схемы по отношению ко всему общественному хозяйству в совокупности. В своей интересной и содержательной книге «Die Agrarfrage»¹ Каутский рисует яркими чертами необходимый и наблюдаемый во всех капиталистических странах процесс подчинения сельского хозяйства промышленности; промышленность завоевывает все более господствующее положение в народном хозяйстве, и, вместе с тем, промышленное население быстро растет на счет земледельческого. Сельское хозяйство повсеместно дает занятие все меньшей и меньшей доле населения. Опыт всех стран указывает на неизбежность этого процесса, приводящего к тому, что условия существования и развития промышленности в возрастающей степени определяют направление развития всего общественного хозяйства. Благодаря этому, особенности

сельскохозяйственного развития могут совершенно поглощаться преобладающим характером промышленного развития. Несмотря на упадок капиталистического земледелия, капиталистический способ производства все более подчиняет себе общественное хозяйство.

До сих пор мы говорили о марксизме как научной системе, как определенном понимании причинных законов социального строя; но марксизм есть не только объективная научная система. Марксизм есть, вместе с тем, и система практической политики, именно в этом тесном соединении объективной науки с политикой заключается самая характерная особенность и, вместе, причина исключительного общественного влияния марксизма, сравнительно со всеми другими социологическими системами. Мы не будем останавливаться над рассмотрением и оценкой практической программы марксизма, заметим только, что стремление марксизма свести все рабочее движение к капиталистической борьбе рабочего класса за свои классовые интересы представляется нам односторонней политикой. Профессиональные организации рабочих, равно как и кооперативные учреждения в своей господствующей форме — потребительных обществ, — являются столь же существенными факторами социальной мощи рабочего класса, как и представительство рабочей партии в парламенте. Но, повторяем, критика практической программы марксизма не может быть предметом нашего рассмотрения. Мы остановимся лишь на общем принципиальном вопросе: возможно ли построение какой бы то ни было практической программы общественной деятельности всецело на научной почве — на почве познания объективных законов исторического развития?

Марксисты очень гордятся тем, что они освободились от утопизма. У Энгельса есть брошюра, заглавие которой — «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft»¹ стало излюбленным трафаретом марксистской популярной литературы. Маркс превратил утопию в науку, — как утверждают его последователи. Поэтому многие из них считают себя вправе относиться с большим пренебрежением ко всякого рода социальному идеализму, ибо сами они, по их мнению, не нуждаются в социальном идеале — социальный идеал заменяется для них пониманием законов исторического развития. Стоя на почве материалистического понимания истории, марксисты полагают, что новый социальный строй должен с неизбежностью естественного процесса вырасти из недр старого, в силу законов экономического развития, перед которыми не только воля отдельных лиц, но даже и целых общественных классов бессильна. Обобществление средств производства совершится не потому, что частная собственность на средства производства будет признана большинством общества несправедливым и нецелесообразным учреждением; этого обобществления требует всемогущее экономическое развитие, и потому оно должно совершиться, чтобы мы ни делали, как бы мы ни относились к грядущему социальному перевороту.

В предисловии к немецкому изданию «Нищеты философии»^{1*} Энгельс говорит, что социальные требования Маркса вытекают отнюдь не из признания капиталистического и землевладельческого дохода несправедливой и нежелательной формой дохода, а из признания неизбежности крушения капиталистического строя. «Согласно законам буржуазного хозяйства, — пишет Энгельс, — большая часть продукта, произведенного рабочим, принадлежит не ему. Если мы говорим: "это несправедливо, этого не должно быть", то до всего этого хозяйству нет никакого дела. Мы выражаем лишь то, что данный экономический факт противоречит нашему нравственному чувству. Маркс основывал свои социальные требования не на этом, а на необходимости крушения капиталистического строя, которое с возрастающей силой происходит на наших глазах».

Итак, Маркс, по словам Энгельса, основывает свои социальные требования на законах социальной необходимости. Конечно, все на свете необходимо и подчинено закону причинности, не знающему никаких исключений. Социальный материализм приписывает решающую роль в процессе исторического развития экономической необходимости. С этим можно соглашаться или нет, но, во всяком случае, нельзя отрицать, что закон причинности безусловно господствует в истории человечества, как и вообще в природе, и что социальное будущее так же детерминировано, необходимо, как и социальное прошлое.

Но Маркс объясняет экономическим развитием не только историю — он исходит из того же и в своих социальных требованиях. Он пробует построить систему практической политики на основе познания законов исторического развития. Он пытается поставить на место *социального идеала* — *социальное предвидение*.

Но, как правильно указывает Штаммлер^{2*}, вся наша сознательная деятельность неразрывно связана с психологическим убеждением в возможности изменить будущее, повлиять на него, придать ему желательный для нас вид. Если бы мы рисовали себе социальное будущее, в его конкретном виде, как нечто неизменное и необходимое, если бы картина будущего была нам ясна во всех своих подробностях, то решимость следовать закону социального развития была бы совершенно равносильна «твердому решению вращаться вместе с землей вокруг солнца. При решениях подобного рода смешиваются два различных и взаимоисключающих класса наших представлений. Или я *познаю* явления и движения в их законосообразной необходимости и предвижу определенный результат как причинно неизбежный, — и тогда для воли и для решений относительно этого результата не остается места. Или же я имею твердое *решение и волю* что-либо осуществить, — и тогда это последнее не познано мною как несомненно должствующее быть в силу необходимых законов природы».

«Кто познал, что известный результат неизбежно произойдет по законам природы, тот не может содействовать достижению этого результата. В представлении содействия, помощи чему-либо

заклучено признание, что то, чему помогают или содействуют, еще не познано, как необходимо имеющее быть. Эта альтернатива не допускает никакого уклонения: если научно познано, что известное событие необходимо наступит определенным способом, то нет никакого смысла содействовать именно этому определенному способу его наступления».

«Каждый, содействующий предвидимому им в общих чертах или хотя бы лишь вероятному ходу развития, должен дать себе отчет, почему он желает оказывать такое содействие. И очевидно, он не может дать такого ответа — потому что событие, которому оказывается содействие, все равно неминуемо произойдет. Ибо поскольку событие зависит от нашего содействия, поскольку событие может не произойти, постольку оно не познано нами как причинно необходимое событие: было бы совершенной бессмыслицей содействовать тому, что мы сами признаем неизбежно долженствующим наступить по неизменным законам причинности».

На это можно возразить, что, согласно материалистическому пониманию истории, необходимость известного хода общественного развития обуславливается именно тем, что наша деятельность неизбежно принимает то или иное направление. Данного события совсем могло бы не наступить, если бы мы его не желали или не оказывали ему содействия; но так как мы необходимо *должны*, по неизменным законам причинности, желать этого события и оказывать ему содействие, то мы и предвидим его заранее как причинно-необходимое. Социальная необходимость действует не помимо нас, а через нас: мы и наша воля только орудия в руках этой необходимости, которая управляет нами через нас же самих.

Возражение это имеет очень убедительный вид, что не мешает ему быть совершенно несостоятельным. Вопрос заключается в данном случае не в том, существует ли социальная необходимость или нет, подчинен ли исторический процесс закону причинности или не подчинен. Этот вопрос уже давно решен философской и научной мыслью в утвердительном смысле. Перед нами проблема совершенно иного рода — совместима ли свобода нашей сознательной воли с сознанием необходимости того, на что наша воля направлена. И, опять-таки, дело идет не о свободе воли в философском смысле. Достаточно того, что *психологически* мы сознаем себя свободными (хотя бы это сознание было и ошибочным). Могу ли я *хотеть*, могу ли я напрягать свои силы для достижения того, что я сознаю как необходимо долженствующее произойти? Вот в чем вопрос.

И мы должны на него ответить категорическим — нет! Мне незачем помогать неизбежному, тому, что неизмеримо сильнее меня самого. Психологическая неуверенность в будущем есть необходимое предварительное условие сознательного волевого акта. Я опасаясь, что моя бездеятельность повредит дорогим мне интересам, и я надеюсь, что мои действия помогут последним. Эти опасения и эти надежды указывают на незнание того, что именно произойдет, ибо известное будущее могло бы вызывать лишь

вполне определенное отношение с моей стороны — отношение радости или грусти, — но не того и другого вместе.

Поэтому, хотя будущее так же подчинено закону причинности, как и прошедшее, хотя будущие события с такой же роковой необходимостью вытекают из настоящих, как настоящие из прошедших, все же психологическая неуверенность в будущем навсегда останется основанием нашей деятельности. А следовательно, и социальное предвидение не только не может заменить в качестве мотива к общественной борьбе социального идеала, но, наоборот, социальное предвидение, если бы оно было полным, означало бы собой прекращение всякой произвольной деятельности. Познание, доведенное до своего крайнего предела, было бы равносильно уничтожению нашего произвола, сознательной воли.

Социальное предвидение, конечно, чрезвычайно важно для успешности общественной работы. Сознательная деятельность предполагает познание, — и чем глубже познание, тем плодотворнее работа. Все это — трюизмы, которые никому не придет в голову отрицать. И тем не менее, Штаммлер глубоко прав, утверждая, что полное и абсолютное познание будущего лишило бы всякого смысла нашу деятельность и потому в корне убило бы нашу сознательную волю. Такое полное предвидение, однако, безусловно недостижимо для нашей познавательной способности, заключенной в рамках опыта. Наше познание будущего навсегда обречено быть частичным, оставляя, таким образом, широкий простор для нашей воли.

Но мало хотеть — нужно *уметь* достигать желаемого. Чем обширнее наше предвидение, тем целесообразнее направляются наши усилия, тем менее сталкиваются они с естественным и необходимым ходом вещей, тем более шансов на победу. Вот почему возможно полное предвидение будущего есть лучшее оружие в борьбе — за социальный идеал!

Только небольшая доля наших усилий достигает цели, вся же остальная наша деятельность погибает бесплодно, благодаря тому, что сталкивается с естественными законами природы. Чем лучше нам известны эти законы, тем целесообразнее мы направляем нашу деятельность. Чем обширнее наше познание социального будущего, тем более сосредоточивается социальная работа на объективно достижимом и тем значительнее ее результаты. Так, поток вздымается всего выше и бежит всего быстрее там, где берега всего более стесняют его бег. Но если бы берега совсем сомкнулись, — если бы наше предвидение будущего стало абсолютным, — то и бег потока должен был бы прекратиться, наша деятельность должна была бы остановиться по отсутствию цели. Тот же самый результат получился бы и в противоположном случае, если бы берега потока так широко раздвинулись, что вода перестала бы течь, — если бы наше познание будущего оказалось слишком ничтожным для какой бы то ни было сознательной деятельности. Абсолютное незнание, как и абсолютное познание, не оставляет места для целесообразной работы. Нельзя работать, нельзя ста-

вить себе сознательные цели, если мы ничего не знаем о средствах и способах достижения этих целей, но нельзя работать, нельзя ставить себе сознательные цели, если мы заранее знаем, что будет завтра, через год, через десятки лет, если мы читаем в будущем, как в раскрытой книге. Наша деятельность заключена в этих пределах — относительного и ограниченного знания, — и она тем плодотворнее, чем это относительное знание полнее.

Итак, не социальное предвидение, а социальный идеал является верховным вождем в социальной борьбе. Познание есть только верный слуга, выполняющий приказание своего владыки. Но этот сверххлытный владыка — социальный идеал — не создается руками своего слуги.

Прекрасно, если предвидимое нами направление исторического развития совпадает с нашим идеалом. Тогда в нашем социальном мировоззрении нет никаких диссонансов, и оно все проникнуто здоровым оптимизмом. Но если картина будущего, раскрывающаяся перед нашим умственным взором, идет грубо вразрез с тем, что мы считаем святым и высоким, если мы не видим впереди приближения к нашему идеалу, то решимся ли мы изменить наш идеал, чтобы привести его в согласие с действительностью? История сохранила нам примеры благородных людей, идеалы которых оказались в непримиримом противоречии с современной им действительностью благодаря тому, что эти люди были выше своего времени. Подчиняли ли эти люди свое нравственное сознание каким бы то ни было требованиям текущей жизни? Нет и нет! Чем глубже была окутывавшая их ночь, тем дороже становился им единственный могучий луч света, прорезывавший тьму и исходящий из них самих, из их собственного внутреннего мира, из их непобедимого идеала. Ни для чего в мире не согласится человек с нравственно развитым сознанием поступиться своим идеалом, который есть единственное верховное, чистейшее и прекраснейшее благо, единственная абсолютная ценность, нечто бесконечно и безусловно обязательное — то, ради чего всем можно пожертвовать, но что само никогда, ни для кого и ни для чего не может быть предметом жертвы.

Ничего не может быть несправедливее презрительного отношения многих марксистов к социальному идеализму вообще и к идеализму великих утопистов в частности. От утопистов Маркс получил (не говоря уже об остальном) самое важное и ценное — социальный идеал. И лишь при свете этого идеала Маркс мог выработать свое замечательное учение об объективных законах капиталистического развития. Пренебрежение к социальному идеализму не только теоретически неправильно, но и практически вредно. Теоретически неправильно потому, что в своей практической работе марксизм столь же мало может обойтись без социального идеала, как и другие исторические общественные движения. Практически же вредно потому, что великая борьба требует и великого напряжения сил личности. Откуда же человеческая личность может взять эти силы, как не из преданности идеалу? Без

энтузиазма, без бескорыстного, религиозного подчинения себя, своей личности, всех интересов, всей своей жизни чему-то более высокому, чем мы сами, нельзя достигнуть великих социальных целей, которые марксизм получил, как драгоценное наследие, от утопистов. А только идеал — прекраснейшее достояние духа — может порождать энтузиазм.

Борьба с идеализмом ведет к равнодушию к широким общественным задачам, требующим самоотверженной работы и самопожертвования личности. Эгоистический интерес не может не занять в нашей душе пустого места, остающегося после исчезновения идеала. И если марксизм на практике не утратил энтузиазма, то лишь потому, что, вопреки всякой теории, марксистское движение осталось проникнутым могучей струей социального идеализма. Серая теория оказалась не в силах заглушить прекрасный рост золотого дерева жизни. Но этот результат был достигнут лишь пожертвованием логической стройностью марксизма.

Мы переживаем теперь знаменательную эпоху, когда старое рушится и отовсюду растут побеги новой жизни. Идет новый мир, все большие народные массы собираются вокруг красного знамени социализма. Пока — это знамя отчаянной борьбы, знамя революции. Но придет время, когда для социализма, победившего капиталистическое рабство, на первый план выступят положительные, творческие задачи. Как устроить жизнь на новых началах свободы, правды и справедливости? Марксизм не интересовался подробностями будущего социального строя, потому что этот строй казался ему далеким. Но чем ближе мы к нему будем, тем важнее для нас будут задачи, которые привлекали к себе все внимание создателей современного социализма — великих утопистов. И именно в этом направлении социалистической мысли нашего времени предстает огромная творческая работа. Предстоит великое возрождение утопического социализма.

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ
И МЕТАЛЛ

Проф. М. Н. Туганъ-Барайковскій.

БУМАЖНЫЯ ДЕНЬГИ
И
МЕТАЛЛЪ.

Посмертное издание, съ измѣненіями и дополненіями автора.

ОДЕССА.
Издательство „Русская Культура“
1919.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Глава I. Товарная теория ценности денег

Теоретическое разногласие в вопросе о ценности денег. Товарная теория ценности денег, принадлежащая Туку. Основная идея этой теории. Критика теории Тука.

Глава II. Количественная теория ценности денег

I. Теория Фишера. Математическое содержание этой теории. Критика ее. — II. Три гипотетических примера умножения количества денег, рассматриваемых Фишером. Критика этих гипотетических примеров. — III. Каким образом увеличение количества денег влияет на товарные цены. Иллюстрация этого влияния на примере России.

Глава III. Конъюнктурная теория ценности денег

I. Невозможность объяснения ценности денег по аналогии с ценностью товаров. Ценность денег как социальное явление. — II. Граница количественной теории денег. — III. Объяснение «великой революции цен». — IV. Ценность денег как отражение конъюнктуры товарного рынка. Ценность денег и промышленный цикл. Изменение ценности денег в более продолжительные исторические периоды.

Глава IV. Бумажные деньги в их отношениях к металлическим

I. Случай паритета бумажных и металлических денег. Случай дефляции бумажных денег на металл. Русская денежная реформа. Девальвация и сверхэвалюация. — II. Австрийская денежная реформа. Дефляция на серебро. — III. Лаж. Его экономическая природа. Различные теории лажа. — IV. Положительное разрешение проблемы лажа.

Глава V. Факторы нормального лажа

I. Три фазиса развития бумажных денег. — II. Выпуски ассигнаций в эпоху революционных и наполеоновских войн в разных странах. Русские ассигнации. — III. Диаграммы движения лажа русских ассигнаций за 1790—1823 гг. Исключительная роль в истории русских ассигнаций 1810 года. Чем было вызвано падение курса в этом году. — IV. Объяснение менее значительных колебаний курса русских ассигнаций. — V. Диаграммы движения лажа русских кредитных билетов за 1854—85 гг. — VI. Диаграмма движения лажа бумажных гульденов в Австрии за 1854—73 гг. — VII. Теории лажа Вагнера и Фельдеса. — VIII. Абстрактная теория лажа. Связь количества денег, торгового баланса, платежного баланса и лажа. — IX. Объяснение конкретных факторов строения лажа в России и Австрии на основе абстрактной теории лажа. — X. Теория конкретного строения лажа.

Глава VI. Предстоящая денежная реформа в России

I. Состояние русского денежного обращения во время войны. — II. Неизбежность повышения лажа с окончанием войны. Полезное действие высокого лажа. Почему теперь лаж не высок. — III. Чем отличается падение ценности денежной единицы от законодательного понижения денежной единицы. — IV. Две основные задачи предстоящей денежной реформы — прекращение дальнейшего падения ценности денежной единицы и создание устойчивости курса русского рубля. Необходимость изъятия из обращения кредитных билетов на несколько миллиардов рублей. Важность активной валютной политики. — V. Новая денежная система после войны.

Предисловие к первому изданию

Великая европейская война произвела целую революцию в явлениях денежного обращения. Кроме Англии, все воюющие державы должны были прекратить размен своих денежных знаков и перешли от традиционной золотой к бумажной валюте. Но и Англия только номинально сохранила размен, фактически же его прекратила; разница только в том, что в Англии это произошло не путем издания соответствующего закона, а способом для Англии очень характерным — путем отказа частных лиц от пользования своим правом предъявлять к размену билеты Английского банка.

Так или иначе, но денежные рынки всей Европы переполнились бумажными деньгами. Что будет с этими деньгами по окончании войны? Как избежать полного расстройтва денежного обращения и вернуться к нормальным условиям денежного рынка? Во время войны об этом думать не приходится, так как повелительная необходимость предписывает выбрасывать на рынок все новые и новые массы неразменных денежных знаков. Но с наступлением мира — который все же когда-нибудь придет — для экономической мысли на первый план выдвинется новая задача — рациональной организации денежной системы. Не нужно быть пророком, чтобы с полной уверенностью предвидеть, что в течение ближайших лет экономическая литература всего мира переполнится работами, посвященными денежному вопросу, и что этот вопрос станет в центре общественного внимания.

Теория денежного обращения уже давно признана самым трудным отделом политической экономии. Гладстон как-то сказал, что лучший способ в кратчайший срок сойти с ума — это заняться вопросами денежной теории. Однако волей-неволей приходится заниматься этими вопросами вплотную, ибо практика неизбежно и по самой своей природе всегда предполагает какую-либо теорию, в особенности в такой области, как явления денежного обращения. Разница между практиком и теоретиком заключается только в том, что теоретик дает себе отчет в теории, из которой он исходит, между тем как практик, отправляясь от определенной теории, не сознает ее в законченном и систематическом виде. Иными словами, узкий практик неизбежно отправляется от плохой теории, ибо всякая теория, неясно сознаваемая и не продуманная, будет плоха. Так уж лучше отправляться от теории, продуманной и логически разработанной.

В настоящей книге сделана попытка, отправляясь от теории, придти к практике — исходя из теории денег вообще и бумажных денег в частности, установить основные черты денежной реформы, которая предстоит России.

До своего появления отдельным изданием эта книга печаталась по частям в различных периодических изданиях.

1 ноября 1916 г. Автор.

Глава I.

ТОВАРНАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ

Теоретическое разногласие в вопросе о ценности денег. Товарная теория ценности денег, принадлежащая Туку^{1}. Основная идея этой теории. Критика теории Тука.*

Центральным вопросом в теории денежного обращения и вместе отправным пунктом для всех дальнейших соображений является вопрос о факторах, управляющих ценностью денег. Ибо если в данном пункте имеется неясность, то и все дальнейшие выводы должны быть шатки и неопределенны.

Все практические вопросы устройства денежной системы неизбежно связаны с тем или иным представлением о факторах ценности денег. Вот почему и практика, и теория денежного обращения в высшей степени заинтересованы, чтобы в этот центральный вопрос была внесена возможно большая ясность.

Между тем, вопрос этот не только не может считаться вполне выясненным наукой, но и доныне вызывает всего более споров среди экономистов. Экономическая наука не обладает общепризнанной теорией ценности денег. В данной области конкурируют две теории, между которыми и разделяются экономисты, — так наз. количественная теория денег и иная теория, которая всего полнее была развита известным автором многотомной «Истории цен», Туком, и которую можно назвать «товарной теорией».

И та, и другая теория имеют в числе своих последователей ряд громких имен. Создателем количественной теории в систематически разработанной форме, является такой выдающийся экономист, как Рикардо^{1*}. Почти вся школа Рикардо, с большими или меньшими оговорками, признавала правильность этой теории. В новейшее время теория эта получила точное математическое выражение в трудах выдающегося американского экономиста Ирвинга Фишера^{2*} и встречает сочувствие у большинства современных писателей по денежным вопросам.

«Товарная» теория Тука также может привести в числе своих сторонников немало крупных авторитетов. Джон Стюарт Милль колебался между этой теорией и количественной теорией денег. Но уже решительными сторонниками Тука выступили в Германии Маркс и, особенно, Адольф Вагнер^{3*}, который долгое время признавался первым германским авторитетом по вопросам денежной теории.

Остановимся же, прежде чем перейти к положительному разрешению проблемы ценности денег, на этих двух теориях, причем будет удобнее начать с теории Тука, хотя она и возникла из критики количественной теории. За теорию Тука, хотя она далеко не является в настоящее время господствующей, высказались наиболее глубокие исследователи экономических явлений. Достаточно в этом отношении сослаться на Маркса, а также и на Вагнера, который хотя и не может быть сравниваем с Марксом, но, во всяком случае, является крупным теоретическим умом в противоположность более или менее равнодушным к теоретическим вопросам экономистам исторической школы.

И вот приходится согласиться с Кнутом Викселлем^{1*}, автором замечательной книги «Geldzins und Güterpreise» (1898), что, строго говоря, систематически разработанной теории ценности денег у Тука и всей его школы совсем нет. «Критика туковской школы, — говорит Виксель, — содержит в своей отрицательной части много верного и поучительного, но в положительной области школа эта не заходит дальше нескольких более или менее удачных афоризмов, связать которые в одно законченное целое этой школе не только не удалось, но ею даже и не было сделано в этом направлении ни малейшей попытки. Можно без всякого преувеличения утверждать, что поныне имеются многие экономисты, даже из числа наиболее выдающихся, не имеющие ровно никакой логически продуманной теории денег, что, понятно, не может содействовать успеху в спорах по денежному вопросу» («Geldzins und Güterpreise»^{2*}, стр. III).

Со всем этим, по моему мнению, следует в общем согласиться. Действительно, систематической денежной теории у Тука нет, а имеется только много правильных критических соображений по поводу слабых сторон количественной теории, а также остроумных и иногда поражающих своей парадоксальностью афоризмов.

Таким парадоксальным афоризмом, имевшим особенный успех и повторявшимся бесчисленное число раз в литературе по денежному вопросу, является знаменитый тезис Тука, что «не товарные цены зависят от количества денег, а наоборот, количество денег в обращении зависит от уровня товарных цен». (По немецкому переводу «Die Geschichte und Bestimmung der Preise» т. II, стр. 623.) Этот афоризм и представляет собой главное положительное содержание теории Тука, сводящейся на практике, в применении к объяснению конкретных явлений, к утверждению, что как цены каждого отдельного товара, так и общий уровень товарных цен в каждый отдельный момент времени должны объясняться условиями производства, равно как и условиями спроса и предложения отдельных товаров.

Тук был одним из выдающихся экономистов-историков. Он обладал колоссальными фактическими знаниями и, в ряду других экономистов, занимает почетное место, как чрезвычайно точный и осторожный исследователь фактов хозяйственной жизни. В этом

отношении он является полной противоположностью своего знаменитого современника Рикардо, который был абстрактным мыслителем и пользовался фактами только как иллюстрацией своих теорий, полученных путем дедукции^{1*} из некоторых общих положений.

Напротив, Тук приступает к своей огромной работе по истории цен без всяких заранее установленных теоретических положений. И это не только манера изложения. Нет, всякий, изучавший этот замечательный труд, должен признать, что у Тука действительно теория вырастает из фактов, а не наоборот, не факты подбираются под теорию. Мысль Тука никогда не отрывается от фактов, даже в том случае, когда ему приходится формулировать абстрактные положения.

И это, конечно, только увеличивает доверие, с которым читатель относится к положениям Тука. Абстрактным теориям Рикардо Тук умеет противопоставлять аргументы, почерпнутые из самой гущи действительной жизни. Объясняя факты, он никогда не производит насилия над ними и, указывая причины того или иного явления, всегда рассуждает по методу строгой индукции^{2*}.

Вышеприведенное общее положение Тука получено им таким же путем, как и все остальные его выводы. Когда возникает вопрос относительно изменения в ту или иную историческую эпоху общего уровня денежных цен (иначе говоря, ценности денег), то Тук, прежде всего, разлагает этот общий уровень цен на его составные части — цены отдельных товаров, и начинает исследовать причины изменения цены каждого отдельного товара. После того, как выяснены причины изменения цены каждого товара в отдельности (а эти причины, как мастерски умеет показывать Тук, всегда и неизменно сводятся к тем или иным факторам, связанным с условиями спроса и предложения или производства данного товара), то задача объяснения данного экономического явления заканчивается, ибо общий уровень товарных цен есть не что иное, как среднее из цен всех товаров. Таким образом, ценность денег объяснена как обратное отражение цен всех отдельных товаров, и никакой новой проблемы, сравнительно с объяснением товарных цен, не оказывается.

К этому и сводится для Тука теория ценности денег. Иными словами, Тук, в сущности, просто отрицает, чтобы ценность денег имела какие-нибудь свои определяющие факторы, помимо и сверх факторов, определяющих ценность каждого отдельного товара. Правда, такого именно тезиса мы у Тука не встретим. Тезис этот может показаться очевидной несообразностью. Ведь денежная цена — есть отношение двух самостоятельных величин — ценности товара и ценности денег. Каким же образом отношение может оказаться независимым от величины одного из своих членов? Это кажется логически невозможным. Тем не менее, бессознательно для себя, Тук отправляется именно от этого предположения — всегда и неизменно он ищет причин изменения общего уровня товарных цен на стороне товаров, а не на стороне денег.

Так, напр., сотрудник Тука по «Истории цен», Ньюмарч^{1*}, описывая изменения товарных цен, последовавшие за открытием в австралийской провинции Виктории богатейших золотых россыпей в 1851 г., приходит, по вопросу о причинах подъема общего уровня товарных цен в Виктории в начале пятидесятых годов в три-четыре раза, к следующему заключению. «Мы можем утверждать, что большое количество монеты и банковых билетов в Виктории в 1853—1854 гг., было следствием, а не причиной высоких товарных цен. Эти орудия обращения играли роль просто вспомогательного средства, действительными же причинами высоких товарных цен были возросшие доходы рабочих и возросшая прибыль капиталистов». Переходя, вслед за тем, к описанию последовавшего в Мельбурне кризиса в 1854 г., Ньюмарч^{2*} замечает: «Тот же закон зависимости цен от отношения спроса и предложения обнаруживается еще резче в событиях, которые сопровождали торговый кризис в Мельбурне в 1854 г.» (*Die Geschichte der Preise*, II, стр. 730).

Итак, даже в Виктории, в которой общий уровень товарных цен поднялся в 1852—1853 гг., по характеристике самого Ньюмарча, за несколько лет в три-четыре раза, увеличение золота в обращении оказывается не причиной, а следствием подъема товарных цен. Что же было причиной подъема цен? Ньюмарч отвечает — увеличение доходов рабочих и капиталистов. Это, конечно, верно, но характерно, что Ньюмарч не желает сделать последнего шага и признать, что конечной причиной подъема цен было все же увеличение добычи золота из открытых россыпей. Последнего, разумеется, Ньюмарч не отрицает, но он избегает этого признания, чтобы не разойтись с формулой Тука об увеличении золота в обращении как следствии а не причине подъема товарных цен.

Итак, основная и, прибавим, единственная общая идея Тука заключается в отрицании каких бы то ни было самостоятельных факторов ценности денег на стороне самих денег — факторы ценности денег всецело находятся, с этой точки зрения, на стороне товаров, почему эту теорию я и называю «товарной» теорией ценности денег.

Почему же это так? Почему ценность денег не может изменяться под влиянием своих собственных причин? Этому вопроса Тук себе даже и не ставит. Он исходит из указанного предположения, не пытаясь даже его определенно формулировать и не отдавая в нем себе отчета.

Если же признавать, что ценность денег способна испытывать изменения под влиянием своих собственных причин, то необходимо прийти к выводу, что вся теория Тука висит в воздухе, покоясь на предположении, которое совершенно не доказано.

Однако этих соображений еще недостаточно, чтобы покончить с теорией Тука, заключающей в себе, несомненно, нечто чрезвычайно заманчивое. Разве не заманчиво объяснять общий уровень товарных цен теми же причинами, которыми объясняется

цена каждого отдельного товара? Ведь если речь заходит об изменении цены того или другого отдельного товара, то никому не приходит в голову заговаривать о ценности денег, а все обращается к прекрасно всем известным факторам, определяющим ценность товаров. Кто, например, не знает, что понижение издержек производства понижает ценность товара? Но вот, например, перед нами наблюдавшееся в течение последней четверти прошлого века падение общего уровня товарных цен. В течение этого времени, несомненно, сильно понизились издержки по доставке в страны Западной Европы сельскохозяйственных продуктов заокеанских стран и России. Постройка сети железных дорог в России, Северной Америке, Аргентине, Индии и т.д., а также и удешевление морских фрахтов, благодаря развитию океанского пароходства, должны были значительно понизить стоимость продуктов этих стран в Западной Европе. В то же время и техника производства промышленных продуктов делала быстрые успехи. Отсюда естественно напрашивается вывод, что понижение общего уровня товарных цен было вызвано за это время теми же самыми факторами, которые понизили ценность отдельных товаров, — падением стоимости производства и транспорта важнейших товаров, обращавшихся на рынке.

И мы действительно видим, что большинство экономистов, исследовавших затяжную промышленную депрессию последней четверти прошлого века, выражавшуюся в общем падении цен почти всех товаров, объясняло ее условиями производства и транспорта отдельных товаров. Такое объяснение казалось вполне правдоподобным и никаких принципиальных возражений ни с чьей стороны не встречало.

Однако Кнут Вихсель убедительно показал, что такое объяснение не только не является правильным, но и недопустимым с методологической точки зрения, ибо оно покоится на той ошибке, которая в логике называется *petitio principii*¹.

Все дело в том, что факторы изменения относительной ценности того или другого отдельного товара по самому своему существу совершенно иное, чем факторы изменения общего уровня товарных цен. Допустим, напр., что стоимость производства данного товара понизилась. Это, как хорошо известно, создает тенденцию к понижению относительной цены данного товара, ибо если бы цена этого товара по отношению к ценам других товаров не понизилась, то предпринимательская прибыль в данной отрасли промышленности превысила бы прибыль в других отраслях промышленности, что, в свою очередь, вызвало бы прилив капиталов к данной отрасли промышленности, увеличение предложения соответствующего товара и падение его цены. Так назыв., закон равенства прибылей приводит к тому, что относительные цены всех товаров более или менее соответствуют относительным издержкам производства.

Но предположим, что понизилась стоимость производства всех или большинства товаров. Должны ли и в этом случае понизиться

денежные цены всех тех товаров, стоимость производства которых стала меньше? Тот механизм, который понижает относительную цену каждого отдельного товара при аналогичном изменении издержек его производства, в данном случае не может действовать, ибо механизм этот предполагает изменение издержек производства одного товара по отношению к издержкам производства других товаров. За изменением относительных издержек производства определенного товара должно следовать и изменение относительной цены этого товара. В данном же случае относительные издержки производства остаются прежними — закон равенства прибылей не нарушается. Почему же должны понизиться товарные цены?

Рассмотрим этот важный вопрос поближе. Пусть трудовая стоимость производства одного определенного товара падает. Это должно вызвать соответствующее падение относительной цены того же товара. Но должен ли при этом понизиться общий уровень товарных цен? Он может понизиться, но может остаться неизменным или даже повыситься. Необходимо только одно, чтобы относительная цена товара с понизившейся стоимостью производства соответственно понизилась. Результат же этот может получиться вследствие изменений в ценах тройкого рода. Во-первых, денежные цены других товаров могут остаться неизменными, а денежная цена данного товара упадет в соответствии с понизившейся трудовой стоимостью производства этого товара. Во-вторых, денежная цена данного товара может упасть в меньшей пропорции, чем понизилась трудовая стоимость его производства, причем, однако, денежные цены других товаров несколько повысятся и, таким образом, отношение денежных цен останется таким же, как и в первом случае. И, в-третьих, денежная цена товара с понизившейся трудовой стоимостью производства может остаться неизменной, а денежные цены других товаров настолько повысятся, что отношение денежных цен первого товара и других товаров останется таким же, как и в первом случае.

Во всех этих трех случаях денежные цены товаров остаются пропорциональными издержкам производства, и, значит, закон равенства прибылей не испытывает нарушения.

Может показаться непонятным, каким образом понижение трудовой стоимости производства одного товара может приводить к повышению денежной цены других товаров. Однако это вполне возможно и нередко имеет место в действительности.

Допустим, напр., что положение товарного рынка благоприятно и что промышленность находится в восходящем своем фазисе (начинается промышленный подъем). В этом случае увеличение предложения какого-либо товара на рынке, вследствие того, что количество этого товара, при той же затрате капитала, возросло, отнюдь не должно неизбежно приводить к падению его цены. Рынок легко может поглотить расширенное предложение товара по прежней или даже по высшей цене. Но если производство известного товара возросло, а цена его не упала или упала менее,

чем возросло предложение, то спрос, предъявляемый на рынке производителями данного товара, соответственно большей сумме общей выручки за продаваемый товар, должен возрасти. Возрастание спроса приводит к повышению цен других товаров. Таким образом, падение трудовой стоимости производства одного товара приводит в данном случае к подъему цен других товаров.

Возможно, однако, и обратное влияние на денежные цены понижения трудовой стоимости производства данного товара: если положение товарного рынка неблагоприятно, то увеличение предложения данного товара может вызвать резкое падение его цены и сокращение спроса на другие товары со стороны производителей этого товара, что может вызвать понижение цен и других товаров.

Таким образом, никакого общего правила в этом отношении установить нельзя: понижение трудовой стоимости производства одного товара может создавать как повышательную, так и понижательную тенденцию по отношению к ценам других товаров. Все зависит от общего положения товарного рынка, от состояния промышленной конъюнктуры.

Нельзя, следовательно, утверждать как несомненное, что понижение трудовой стоимости производства одного товара неизбежно должно приводить к понижению общего уровня денежных цен. Наоборот, данная причина может иметь своим следствием, в иной обстановке, и нечто обратное — не понижение, а повышение общего уровня денежных цен.

Но, как бы ни изменялся общий уровень денежных цен, во всяком случае, относительная цена товара с понизившейся трудовой стоимостью производства (т.е. цена этого товара сравнительно с ценами других товаров), несомненно, имеет тенденцию понизиться. Иными словами, условия производства по отношению к каждому отдельному товару определяют его относительную цену, но не оказывают такого же влияния на общий уровень денежных цен.

Этот общий уровень цен, иначе говоря, ценность денег (оба эти экономические понятия соответствуют одному и тому же экономическому явлению) определяется, следовательно, совершенно иными факторами, чем относительная товарная цена.

Отсюда следует, что теория Тука, сводящаяся к требованию рассматривать общий уровень денежных цен как функцию цены каждого отдельного товара, извращает действительное соотношение явлений. Не общий уровень денежных цен определяется денежными ценами отдельных товаров, а, наоборот, денежная цена каждого отдельного товара управляется, сверх своих индивидуальных факторов, также и общим уровнем денежных цен. Относительная цена каждого отдельного товара действительно определяется теми причинами, которые указываются Туком. Но общий уровень денежных цен управляется иными факторами, которые еще нужно установить.

Или, как говорит Кнут Виксель, «регулирующие силы денежных цен, в противоположность относительным ценам, никоим образом, не могут корениться в условиях производства продуктов, но их следует искать в отношениях товарного рынка к денежному рынку, в широком смысле слова» (Geldzins und Güterpreise, стр. 22).

Тот же автор делает остроумное сравнение, которое наглядно показывает различие факторов, регулирующих относительные цены и общий уровень денежных цен. Относительную цену каждого отдельного товара можно сравнить с маятником, который неизменно тяготеет к одному определенному положению. Если маятник вывести из равновесия, то сила тяготения вернет его в прежнее положение, и точно так же относительная цена каждого товара, если случайные условия рынка отклонят ее от соответствия со стоимостью производства, возвратится, благодаря действию так называемого закона равенства прибылей, к такому соответствию. Напротив, средние денежные цены могут быть сравнены с цилиндром, который передвигается по горизонтальной поверхности. Цилиндр этот всегда находится в равновесии, и, как бы далеко мы его ни передвинули, он никогда не имеет тенденции вернуться к своему прежнему положению.

Относительная цена каждого товара может быть изменяема действиями отдельных лиц, участвующих в меновой сделке. Ценность же самих денег не подчиняется такому влиянию. Если, напр., товар расценивается на рынке слишком низко, то товаропроизводитель может бороться с этим понижением относительной цены путем сокращения производства. Но как может владелец денег противодействовать понижению их ценности? Он не может воздержаться от их предложения, отказываться от покупок (иначе, как на короткое время), ибо деньги ни на что иное, кроме покупки, не нужны. Поэтому, как бы ни понижалась ценность денег, все равно деньги будут до конца израсходованы теми или иными их владельцами.

Ценность денег, сама по себе, есть нечто совершенно безразличное для товаровладельца. Не все ли равно, сколько денег можно получить за данный товар, важно лишь то, сколько других товаров можно получить в обмен за данный товар. Поэтому товаровладелец заинтересован не в абсолютной денежной цене товара, а в относительной цене последнего.

Правда, для владельца денег далеко не безразлично, какова ценность денег, ибо этим определяется количество товаров, которое можно приобрести на данную сумму денег. Но дело в том, что владелец денег лишен возможности влиять на повышение их ценности единственно действительным способом — снятием денег с рынка (иначе, как только временно), ибо единственная польза денег заключается в том, что они расходуются на покупку товаров, и, значит, владелец денег все равно будет их расходовать, как бы ни понижалась их ценность.

Этот вывод имеет большое значение для понимания факторов, управляющих ценностью денег. Оказывается, что ценность денег зависит от факторов иного рода, чем те, которые управляют ценами отдельных товаров. Каждый хозяин принимает ценность денег совершенно пассивно, подчиняется ей, не имея возможности ее изменить в своих интересах. Напротив, к ценности отдельных товаров заинтересованные лица относятся активно, влияют на нее в соответствии со своими интересами. Проблема ценности денег есть, следовательно, самостоятельная научная проблема, не сводимая к общей теории товарной цены.

И все же теория Тука, как это выяснится в дальнейшем изложении, в известном смысле справедлива.

Глава II

КОЛИЧЕСТВЕННАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ

I. Теория Фишера. Математическое содержание этой теории. Критика ее. — II. Три гипотетических примера умножения количества денег, рассматриваемых Фишером. Критика этих гипотетических примеров. — III. Каким образом увеличение количества денег влияет на товарные цены. Иллюстрация этого влияния на примере России.

I.

В предыдущей главе было показано, что теория ценности денег, принадлежащая Туку и его школе, является, в сущности, не чем иным, как отрицанием самостоятельных факторов ценности денег. Иными словами, Тук вместо объяснения ценности денег упраздняет самую проблему, заявляя, что ценность денег не имеет самостоятельного значения и есть только отражение ценности товаров. Но такое утверждение кажется явно несостоятельным с логической стороны, ибо деньги кажутся такой же самостоятельной ценностью, как и товары.

Остается, таким образом, количественная теория денег, которая и должна, как будто, занять пустое место, образуемое «товарной» теорией Тука. Положение, как будто, таково: или количественная теория ценности денег, или никакой теории ценности денег.

Что же такое представляет собой количественная теория? В новейшее время она нашла убежденного защитника и истолкователя в лице известного американского экономиста Ирвинга Фишера. Ничего принципиально нового Фишер не сказал и не обогатил существенно то понимание количественной теории, которое принадлежало его многочисленным предшественникам. Но он удачно завершил работу и дал точное и сжатое выражение количественной теории денег в математической форме. Сущность количественной теории денег выражена Фишером в его книге «The purchasing Power of Money» (1911), в его «уравнении обмена», которому он сам придает огромное значение^{1*}. Вот это весьма несложное уравнение:

$$ДС + D_1 C_1 = ЦК,$$

причем под D нужно понимать количество денег в народном хозяйстве, под C — скорость их обращения, под D_1 — количество орудий кредита, под C_1 — скорость их обращения, под $Ц$ — среднюю цену товаров и под K — количество товаров.

Так как задача заключается в определении факторов цены, то уравнение это может быть преобразовано таким образом:

$$* \quad C = \frac{DC + D_1 C_1}{K}$$

Эта формула выражает величину средней товарной цены. Но ценность денег есть не что иное, как количество товаров, которое может быть куплено на денежную единицу. Поэтому мы можем придать формуле Фишера такой вид:

$$\frac{1}{C} = \frac{K}{DC + D_1 C_1}$$

Это уравнение и выражает собой ценность денег¹.

Отсюда количественная теория денег делает вывод, что ценность денег определяется, при прочих равных условиях, количеством денег; иначе говоря, что эта ценность изменяется в обратном отношении к количеству денег в народном хозяйстве.

Попробуем критически рассмотреть формулу ценности денег. Прежде всего, насколько она сама по себе правильна, т.е. в какой мере названные уравнения соответствуют действительности?

Ответ на этот вопрос может быть, по моему мнению, только один. Уравнения эти не только соответствуют экономической действительности, но правильность их даже не требует никакого фактического обоснования. Понимаемые соответствующим образом, они так же бесспорны, как формула тождества, гласящая, что $A=A$.

Действительно, обратимся к «уравнению обмена» Фишера, из которого мы получили последующие формулы. По левую сторону этого уравнения помещается выраженная в деньгах сумма всех покупок; по правую сторону — выраженная также в деньгах сумма всех продаж. Но ведь всякая покупка по самому существу дела есть вместе с тем и продажа, так как оба понятия — покупки и продажи — относятся к одним и тем же сделкам, рассматриваемым лишь с различных точек зрения. Поэтому совершенно неизбежно, чтобы сумма всех покупок была как раз равна сумме всех продаж².

¹ К довольно сходным формулам приходит, независимо от Фишера, и Н.А. Морозов¹ в интересной книге «Как прекратить вздорожание жизни?» (1916).

² Формула Фишера много раз подвергалась критике, и многие экономисты пытались доказать ее несостоятельность. К числу их принадлежит и Р. Лифман², который в своей книге «Geld und Gold»³ (1916), утверждает, что названная формула представляет собою нечто чудовищное по своей произвольности и фантастичности. Я вполне согласен с Лифманом, что, применяя свою формулу к объяснению конкретных фактов строения цен, Фишер делает много совершенно произвольных допущений и что его попытки придать математическую точность величинам, с которыми он оперирует, совершенно несостоятельны. Тем не менее, понимаемая абстрактно, формула Фишера кажется мне бесспорной.

Иными словами, формула Фишера столь же бесспорна, как и бессодержательна. Она получает определенное экономическое содержание только после того своеобразного истолкования, которое ей дают сторонники количественной теории.

Теория эта утверждает, что товарные цены изменяются в прямом отношении к количеству денег в народном хозяйстве, иначе говоря, что при удвоении количества денег товарные цены должны также удваиваться и т.д. Приведенные выше формулы, сами по себе, не содержат этого вывода, ибо они устанавливают связь ценности денег не с одной переменной (количеством денег), но с пятью переменными (D, C, D_1, C_1, K). Количественная же теория обращает внимание на зависимость ценности денег только от одной переменной — количества денег. Влияние остальных факторов ценности денег не отрицается количественной теорией, но игнорируется по нижеследующим соображениям.

Для теории этой важно установить, что изменение количества денег всегда должно сказаться в соответствующем изменении ценности денег. Доказывается же этот тезис следующим образом. Возьмем формулу ценности денег

$$\frac{1}{C} = \frac{K}{DC + D_1C_1}$$

Перед нами алгебраическая дробь, в которой числитель есть величина K , а знаменатель есть сумма двух слагаемых. Фишер пытается доказать, что в действительной жизни K (количество товаров) не находится ни в какой зависимости от величины D , так как количество производимых товаров определяется общими условиями производительности в данной стране, и изменение количества денег, само по себе, не может вызвать увеличения количества товаров. Затем, C (скорость оборота денег), т.е. один из двух множителей первого слагаемого знаменателя, также является в действительности величиной, не зависящей от величины денег; то же нужно сказать о C_1 (скорости оборота орудий кредита), одном из двух множителей второго слагаемого; что же касается до величины D_1 (количества орудий кредита), то в действительной жизни эта величина изменяется под влиянием изменения D в том же направлении и в том же размере, как и D , является, иначе говоря, функцией D . Поэтому увеличение количества денег в народном хозяйстве, скажем, вдвое должно вдвое же понизить ценность денег, ибо все остальные величины нашей дроби остаются в этом случае неизменными, кроме D и D_1 — множителей обоих слагаемых знаменателя, которые увеличиваются при этом вдвое. В этом и заключается обоснование количественной теории денег, сводящейся к утверждению обратной зависимости между ценностью денег и их количеством.

Само собою разумеется, что количественная теория не отрицает возможности изменения ценности денег от иных факторов, кроме изменения количества денег. Ценность денег изменяется в обратном отношении к их количеству лишь при прочих равных

условиях, т.е. предполагая, что другие факторы ценности денег остаются неизменными. Однако в применении к объяснению конкретных факторов изменения ценности денег количественная теория считает себя вправе игнорировать изменение этих других факторов по той причине, что эти факторы либо совсем не изменяются при изменении количества денег, либо изменяются в том же направлении, и потому влияние изменения количества денег выступает в чистом виде.

В этом-то и состоит основная слабость количественной теории. Что касается формально-логического ее построения, то против него нечего возразить. Действительно, при прочих равных условиях ценность денег должна изменяться в обратном отношении к их количеству — это непосредственно вытекает из вышеприведенной формулы, которая с формальной стороны безупречна.

Но ведь понимаемая в этом формальном смысле количественная теория является в такой же мере правильной, насколько и бессодержательной. Ведь совершенно с таким же правом можно утверждать, что ценность денег, при прочих равных условиях, зависит от скорости обращения денег, от количества орудий кредита, от скорости обращения этих орудий и от количества товаров. Все эти утверждения одинаково правильны с формальной стороны. Почему же количественная теория довольствуется установлением связи между количеством денег и их ценностью и игнорирует не менее бесспорные четыре последних зависимости? В этом-то и заключается весь вопрос.

С точки зрения количественной теории, эти последние зависимости не интересны для науки, ибо реальные изменения ценности денег не могут быть объясняемы зависимостями этого последнего рода. Напротив, зависимость ценности денег от их количества объясняет, по мнению сторонников количественной теории, реальные изменения ценности денег, и потому на этой зависимости и должно быть сосредоточено внимание экономической науки.

Вот к чему на практике сводится количественная теория, и в этом смысле она должна быть подвергнута критике.

II

Можно ли утверждать, вслед за Фишером, что при изменении количества денег все остальные факторы ценности денег в действительной жизни остаются неизменными, кроме одного — количества орудий кредита, — который изменяется в том же направлении и строго пропорционально количеству денег? Ответ на это должен быть отрицательный.

Вопреки Фишеру, все остальные факторы ценности денег очень изменчивы, и один из них изменяется в обратном отношении к изменению количества денег, компенсируя влияние денежного фактора. А именно, это следует сказать относительно скорости обращения денег. Увеличение количества денег имеет естественную

тенденцию замедлять скорость обращения денег; напротив, уменьшение денег создает тенденцию к ускорению их обращения.

Фишер это категорически отрицает. «Скорость обращения, — говорит он, — как денег, так и орудий кредита не зависит от количества денег и орудий кредита. Нельзя указать ни одного основания, почему бы скорость обращения денег или орудий кредита была иная, когда количество денег или орудий кредита велико, чем когда того и другого имеется мало» (Living Fisher. The Purchasing Power of Money. 1911. Стр. 154).

Однако Фуллартон^{1*} в своей теории «денежных запасов» («hoards»)^{2*} уже давно показал, что огромные суммы денег всегда хранятся вне обращения, совсем не влияя на товарные цены. В странах некультурных эти суммы играют роль сокровища и сберегаются их владельцами как ценность, которая когда-либо может быть пущена в обращение, но фактически сберегается владельцами в полной неприкосновенности многими годами, десятилетиями или даже больше. В современном народном хозяйстве сберегаемые капиталы передаются в банки, но банки, в свою очередь, хранят в неприкосновенном виде золотые запасы, которые, в общей сложности, достигают миллиардов рублей. Прилив в страну нового золота приводит, как общее правило, к возрастанию этих запасов, хранящихся в банках вне обращения, иначе говоря, к замедлению скорости оборота денег. Напротив, отлив из страны золота немедленно приводит к сокращению золотых запасов в банках, иначе говоря, к ускорению обращения денег.

Правда, на это можно возразить, что увеличение или сокращение кассовой наличности в банках влияет на дисконтный процент^{3*}, благодаря действию которого касса банков освобождается от излишней наличности или увеличивает ее в случае надобности. Золото, приливающее в страну, не остается навсегда погребенным в кассах банков, но, в конце концов, попадает в обращение, так как банк заинтересован в том, чтобы его касса не возрастала выше известного предела, и не может не принимать мер, чтобы втолкнуть деньги опять в обращение.

Это, конечно, верно. Но процесс этот совершается весьма медленно, и приспособление происходит неполно. История показывает, что касса, напр., Английского банка испытывает очень большие и охватывающие продолжительные периоды времени колебания, в зависимости от международного движения золота, и что, следовательно, скорость обращения денег может испытывать очень значительные изменения в зависимости от международного движения золота.

Именно здесь и заключается главный пункт разногласия между количественной теорией и теорией Тука. Эта последняя теория утверждает, в противность количественной теории, что количество денег в обращении практически не зависит от колебаний количества денег в стране, благодаря тому, что это последнее количество влияет лишь на покоящиеся запасы денег в стране, а не на обращающиеся деньги.

Сторонники количественной теории думают, что, если в стране, тем или другим путем, напр., благодаря приливу в страну звонкой монеты из-за границы, возрастет количество денег, то эти деньги немедленно будут израсходованы на разного рода товары и, таким образом, спрос на товарном рынке увеличится, что и вызовет соответствующий подъем товарных цен. На самом же деле, последнего может и не быть, благодаря тому, что вновь поступившая сумма денег не будет израсходована на покупку тех или иных товаров.

Допустим, что то или иное лицо (напр., торговец, экспортирующий товары за границу), вследствие подъема за границей цен на экспортируемый товар, получает некоторый добавочный доход. Количественная теория предполагает, что данное лицо полученную добавочную прибыль немедленно употребит на увеличение своего потребления. Такое предположение совершенно не соответствует обычному образу действий предпринимателя в капиталистическом обществе. Гораздо вероятнее, что добавочная прибыль вовсе не будет израсходована на разного рода предметы роскоши, а будет помещена в банк.

Таким образом, поступившее в страну добавочное количество денег может не поступать в обращение и, значит, не влиять непосредственно на товарные цены, а скопляться в запасных денежных резервуарах. Покупательная сила денег остается, в таком случае, в покоем состоянии. Продолжительность этого покоящегося состояния может быть весьма различна.

Таким образом, скорость оборота денег является, вопреки Фишеру, функцией количества денег, и притом фактором, действующим в обратном направлении, в большей или меньшей степени компенсирующим влияние изменения количества денег: при увеличении количества денег наблюдается в большей или меньшей степени переход денег во временное покоящееся состояние, иначе говоря, замедление скорости их оборота, а при уменьшении количества денег в стране деньги поступают из денежных резервуаров в обращение, переходят из покоящегося состояния в действующее, и, таким образом, их скорость обращения возрастает. В этом и заключается тот естественный механизм, который поддерживает устойчивость ценности денег, вопреки частым колебаниям их количества.

Что касается кредита, то и размер кредита способен испытывать весьма значительные изменения, независимые от количества денег. При неизменном количестве денег кредит может в огромной мере возрастать или, наоборот, сокращаться. Именно таким образом и возникают те, всем знакомые, конъюнктурные колебания, которыми сопровождается движение промышленного цикла. В восходящем фазисе промышленного цикла наблюдается, как известно, значительное повышение общего уровня товарных цен, — иначе говоря, понижение ценности денег. Это изменение ценности денег не находится ни в какой зависимости от изменения количества денег в стране. Увеличение суммы покупок становится воз-

можным в этом случае, с одной стороны, благодаря ускорению обращения денег, но, главным образом, благодаря огромному увеличению покупок, производимых в кредит. Напротив, в нисходящем фазисе промышленного цикла, в период промышленной депрессии, общий уровень товарных цен падает, иначе говоря, ценность денег возрастает, опять-таки вовсе не вследствие уменьшения количества денег в стране, а благодаря замедлению оборотов денег (деньги скопляются в денежных резервуарах — банках), главным же образом, благодаря огромному сокращению кредита.

Таким образом, вся аргументация сторонников количественной теории денег, пытающаяся доказать, что всякое изменение количества денег должно вызвать пропорциональное изменение общего уровня товарных цен и что при неизменности количества денег этот уровень не изменяется, оказывается висящей в воздухе, ибо один из факторов ценности денег (скорость оборота денег) изменяется в обратном отношении к изменению количества денег и, следовательно, компенсирует влияние этого изменения, а другой фактор (кредит) изменяется независимо от количества денег.

III

Категоричность утверждения Ирвинга Фишера, что колебания количества денег должны полностью отражаться на товарных ценах, изменяющихся прямо пропорционально изменению количества денег, может показаться непонятной, ввиду слабости аргументов, приводимых американским экономистом в защиту этого тезиса. Однако более внимательный читатель без труда найдет ключ к уверенности Фишера. А именно, этим ключом являются те гипотетические примеры, из которых Фишер выводит свою теорию. На этих примерах необходимо остановиться, так как они проливают яркий свет не только на источник ошибочных выводов Фишера, но и вообще на теорию денег.

Фишер рассматривает три гипотетических случая увеличения количества денег в народном хозяйстве. Первый случай заключается в следующем. Государственная власть постановляет, что та монета, которая раньше именовалась одним долларом, отныне будет именоваться двумя долларами. Число монет, равно как и их вес, в этом случае не испытают ни малейшей перемены, но число долларов удваивается, ибо та монета, которая раньше была одним долларом, теперь становится двумя долларами. Как повлияет это удвоение долларов на цены? Очевидно, что такое переименование монеты несколько не повлияет на количество золота, иначе говоря, на количество монет, которое будут давать в обмен на тот или иной товар. Но так как монеты получают в этом случае иное наименование и та монета, которая раньше именовалась одним долларом, теперь станет именоваться двумя долларами, то и все товарные цены (в новых денежных единицах) повысятся как раз вдвое. Изменение товарных цен будет в этом случае строго пропорционально

изменению количества денег (числа долларов), иначе говоря, будет обратно пропорционально понижению денежной единицы.

Второй случай, рассматриваемый Фишером, почти такого же рода. Вместо того, чтобы переименовывать монету, государственная власть уменьшает вдвое вес монеты путем извлечения старой монеты из обращения и замены ее новой, причем число монет увеличивается вдвое, но каждая монета, сохраняя прежнее наименование, получает вес в два раза меньший. В этом случае происходит изменение числа монет в обращении, число монет удваивается, в то время как в первом случае число монет оставалось прежним, и только наименование их изменилось.

Однако влияние на уровень товарных цен удвоения числа монет будет и в этом случае совершенно таким же, как и в первом случае: все цены удвоятся, т.е. изменятся обратно пропорционально изменению ценности денежной единицы и прямо пропорционально изменению количества денег.

Наконец, в-третьих, можно предположить, что государственная власть снабжает каждого владельца определенной монеты другой монетой такого же достоинства. Это соответствует гипотетическому примеру, рассматриваемому Миллем в его «Основаниях Политической Экономии». Фишер утверждает, что и этот третий случай, по отношению к изменению товарных цен, не будет ничем отличаться от двух первых и что и в этом случае должно наступить повышение товарных цен, строго пропорциональное изменению количества денег.

Из этих гипотетических предположений и исходит Фишер, когда он аргументирует в пользу количественной теории денег. Конечно, Фишер понимает условность всех трех приводимых им примеров. Но ему кажется, что реальные случаи увеличения количества денег в стране принципиально не отличаются, в смысле влияния на товарные цены, от рассмотренных им гипотетических случаев. Рассмотрим же этот вопрос поближе.

Что касается первых двух случаев, предположенных Фишером, то они гораздо ближе к реальной жизни, чем третий случай, и потому заслуживают большого внимания. В истории русского денежного обращения было нечто весьма близкое к тому, что предполагает Фишер. А именно, в 1897 г. произошло, как известно, понижение ценности золотого рубля на $1/3$. Сделано это было следующим образом. Золотая монета империял, на которой было вычеканено 10 рублей, была объявлена императорским указом равной 15 рублям, а монета полуимпериял, на которой было вычеканено 5 рублей, была объявлена равной 7 р. 50 к.

Благодаря этому указу вес золотого рубля был понижен на одну треть.

Как же это повлияло на цены? Цены в кредитных рублях совершенно не изменились, русская экономическая жизнь совсем не реагировала на данный указ. Объяснялось это тем, что цены на нашем внутреннем рынке выражались не в золотых, а в бумажных рублях. Указ же изменил ценность не бумажного, а золотого

рубля, в котором цены не выражались, и притом изменил в соответствии с рыночным обесценением бумажного рубля по отношению к золотому. Поэтому и товарные цены в бумажных рублях не испытали никакой перемены. Изменение денежного наименования империала не повлияло и на изменение менового отношения между империалом и товарами: если до названного указа за монету, именовавшуюся империал, можно было купить определенное количество товара данного рода, то и после переименования империала в 15 р. можно было купить за ту же монету как раз то же количество товаров.

Однако кое-что все же изменилось: именно, изменились золотые цены всех товаров. Тот товар, за который раньше давали золотую монету, именовавшуюся империал, имел раньше цену в 10 золотых рублей. После же названного указа, в силу того, что за этот же товар нужно было дать тот же империал, цена данного товара стала равна 15 золотым рублям (т.е., конечно, 15 новым золотым рублям).

Иначе говоря, произошло как раз то, о чем говорит Фишер. Русское правительство переименовало 10-рублевую золотую монету в пятнадцатирублевую. Это вызвало пропорциональное повышение всех цен, в новых уменьшенных золотых единицах, в полтора раза. Но так как цены на внутреннем русском рынке выражались не в золотых, а бумажных рублях, то никто и не заметил этого повышения цен. Неизменность цен в кредитных билетах была равносильна повышению цен в новых золотых единицах, ибо раньше рубль кредитный был равен только двум третям рубля золотого, теперь же рубль кредитный, благодаря понижению веса золотого рубля на одну треть, стал равен рублю золотому.

Итак, в данном случае произошло повышение цен, строго пропорциональное увеличению количества золотых рублей. Вообще, нужно согласиться с Фишером, что в двух первых предположенных им случаях количественная теория денег оправдывается полностью, без малейших отклонений от пропорциональности между ростом количества денег и ростом цен.

Чем отличается, однако, реальное увеличение количества денег в стране от тех гипотетических случаев, которые рассматривает Фишер? Сам Фишер склонен думать, что принципиального различия тут нет. Действительно, в предполагаемом им третьем случае происходит уже не только номинальное, но и реальное умножение денег. Однако и в этом случае цены могут повыситься совершенно так же, как и в первых двух случаях, строго пропорционально умножению денег. Действительно, если бы мы приняли, что государство (мы должны предположить его замкнутым и не находящимся в торговых сношениях с другими государствами) издает закон, согласно которому каждый владелец золотой монеты получает, в дополнение к монете в его обладании, такое же новое количество монет равного достоинства, то весьма возможно, что и в этом случае ценность монеты автоматически понизилась бы вдвое, и все цены, следовательно, возросли бы также вдвое.

Однако с полной уверенностью этого сказать нельзя, возможен и другой результат под влиянием факторов, которые еще нужно выяснить.

Обратимся теперь к реальной жизни. В действительной жизни количество денег увеличивается совершенно иначе. Допустим, например, что в данную страну приливает из-за границы некоторое добавочное количество денег, вследствие увеличения количества товаров, экспортируемых данной страной. Не может быть ни малейшего сомнения, что в этом случае если и произойдет общее повышение цен (чего, впрочем, может и не быть), то этот подъем цен далеко не будет для каждого отдельного товара строго пропорционален росту количества денег. Одни товары повысятся в цене больше, другие меньше, третьи и совсем не повысятся. Ничего похожего на равномерное повышение всех товарных цен, которое должно происходить в двух первых гипотетических примерах Фишера, в этом реальном случае прилива денег наблюдаться не будет.

Почему? Чем отличается этот реальный пример от гипотетических примеров Фишера? Ответ на это и должен выяснить корень всех ошибок Фишера.

Различие заключается в следующем. В предположенном нами реальном случае возрастания количества денег общая сумма денег в стране так же возрастает, как и в гипотетических примерах Фишера. Но этот рост количества денег в нашем примере не входит непосредственно в сознание всех участников менового оборота как соответствующее понижение денежной единицы. В примерах Фишера государство, открыто заявляя об этом во всеобщее сведение, понижает ценность денежной единицы. Все об этом знают и, в соответствии с этим сознанием, изменяют свои денежные расценки, — полная пропорциональность изменения денежных цен происходит в этом случае потому, что в сознании каждого участника менового оборота то, что было раньше рублем, теперь стало полтинником.

Напротив, в предположенном нами реальном примере непосредственному сознанию участников менового оборота ничего неизвестно об изменении ценности денежной единицы. Правда, количество денег в обороте возросло, но и самый факт этого возрастания никому точно неизвестен, да если бы он и был известен, то ведь возрастание количества денег отнюдь не тождественно с понижением денежной единицы. Поэтому увеличение количества денег в этом реальном случае вовсе не приводит к общему изменению расценок. Расценки остаются прежними, поскольку дело идет о сознании. Правда, стихийные экономические силы и в этом случае могут вызвать, в конце концов, общее изменение расценок, благодаря росту спроса, вызванному приливом денег. Но этот результат будет очень отдаленным, и возникнет он совершенно иным образом, на другой экономической почве, чем изменение расценок в примерах Фишера. Поэтому повышение цен если и будет иметь место в этом случае, то повышение далеко не столь пропорциональное для всех товаров, как в гипотетических случаях Фишера.

Этого-то Фишер и не понимает. Ему кажется, что и при реальном приливе денег в страну подъем цен происходит так же легко, так же автоматически и так же пропорционально, как и при понижении ценности денег путем открытого акта государственной власти. На самом же деле между этими двумя случаями имеется огромная принципиальная разница: в последнем случае изменение цен есть результат общего сознания, что денежная единица понизилась. Повышение товарных цен есть в этом случае необходимое следствие понижения ценности денежной единицы, произведенного с общего ведома государственной властью. В случае же прилива денег в страну понижение ценности денежной единицы есть не причина, но следствие подъема товарных цен, подъема, вызванного игрой слепых экономических сил, управляющих ценами, — игрой спроса и предложения. И потому распространять на этот случай выводы, верные при предположении изменения денежной единицы государственной властью, безусловно недопустимо.

В этом последнем случае количественная теория денег не только приблизительно верна, но и совершенно верна — цены всех, без исключения, товаров изменяются строго пропорционально изменению количества денег. Но отсюда ни малейшим образом не следует, что количественная теория верна и в реальных случаях умножения денег, ибо эти случаи принципиально отличаются от случая изменения денежной единицы государственной властью.

Что касается третьего гипотетического примера Фишера, то относительно него нельзя заранее сказать, как изменятся цены — как в первых двух гипотетических примерах Фишера или же как в реальном случае прилива денег в страну. Вопрос заключается в том, насколько в этом третьем примере увеличение количества денег войдет в общественное сознание как понижение ценности денежной единицы. Если бы каждый, принимающий от государства новую монету в дополнение к имеющейся у него в кармане, рассматривал это как нечто равнозначное понижению вдвое ценности денежной единицы, то этот случай мог бы оказаться по своему воздействию на цены ничем не отличающимся от двух первых примеров Фишера. Но можно допустить, что в общественном сознании подобное действие власти преломилось бы иначе и лицо, получающее новую монету, рассматривало бы ее как новую добавочную ценность в дополнение к тем, которые у него уже имеются. В этом последнем случае влияние на товарные цены оказалось бы совершенно иным, и третий гипотетический случай Фишера, по своему влиянию на товарные цены, приблизился бы к реальному случаю прилива в страну звонкой монеты.

Впрочем, подробнее останавливаться над разбором этого примера Фишера не стоит, ибо пример этот, по своим условиям, совершенно расходится с реальной жизнью и ничего поучительного в себе не заключает. Ничего не сказать о нем было нельзя потому, что пример этот играл большую роль в истории развития количественной теории еще со времен Юма¹ и Милля и до сих пор не получил в экономической литературе правильного освещения.

В конечном итоге следует признать, что теория Фишера о неизбежности повышения товарных цен строго пропорционально увеличению количества денег в народном хозяйстве справедлива лишь по отношению к тем случаям, когда умножение денег является фиктивным, будучи в действительности не чем иным, как понижением ценности денежной единицы, производимым с общего ведома государственной властью.

IV

Итак, обе конкурирующие в науке теории ценности денег — «товарная» теория Тука и количественная теория — не могут быть признаны удовлетворительным решением проблемы ценности денег. Теория Тука даже и не может быть названа, в строгом смысле слова, теорией ценности денег, ибо она есть не что иное, как немотивированное отрицание самой возможности такой теории. Количественная же теория пытается дать положительное решение проблемы, но это ей далеко не вполне удается.

Если мы обратимся к современному капиталистическому хозяйству, то увидим, что количество денег в стране может влиять тройным образом на денежные цены: 1) путем изменения общественного спроса на товары; 2) путем изменения дисконтного процента; 3) через посредство общественного сознания — товарные цены изменяются в этом случае благодаря изменению расценки самих денег. Рассмотрим каждый из этих случаев отдельно.

В первом случае влияние изменения количества денег на товарные цены наиболее непосредственно. Возьмем, напр., описанные Ньюмарчем изменения товарных цен в Австралии после открытия богатейших золотых россыпей в начале пятидесятых годов прошлого века. Огромное увеличение зарплаток золотоискателей имело своим непосредственным следствием повышение заработной платы во всех отраслях чернорабочего, неискующего труда приблизительно в четыре раза. Это, в свою очередь, вызвало возрастание в несколько раз цен на все предметы непосредственного потребления рабочих, а также и на средства производства, необходимые для добычи золота. Потом повысились цены и на другие товары, но в различной пропорции.

Подъем цен привел к огромному приливу в Австралию товаров из других стран и, главным образом, из Англии, куда и стало поступать золото, добывавшееся в Австралии. Круг лиц, среди которых возрос спрос на товары, стал быстро расширяться. Сначала этот круг ограничивался странами добычи золота; затем он охватил некоторые особые районы Англии, как, напр., Ланкашир и Бирмингам, которые наиболее участвовали в производстве товаров для Австралии, затем повышательная волна распространилась на те районы, где добывались сырые материалы для ланкаширских и бирмингамских товаров. Таким образом, повышательная волна распространялась все дальше и дальше, по концентричес-

ким кругам, падая и падая в то же время по своей высоте (Тооке. Die Geschichte und Bestimmung der Preise. Т. II, стр. 420).

Таков естественный ход подъема денежных цен под влиянием прилива в народное хозяйство значительного количества новых денег; цены постепенно растут, охватывая все больший и больший круг лиц и товаров, под влиянием нового общественного спроса, который создается деньгами. При этом, однако, не наблюдается равномерного повышения всех денежных цен, но цены одних товаров растут больше, других меньше, в соответствии с реальным изменением общественного спроса на каждый отдельный товар.

Нечто подобное наблюдается и при выпусках в большом количестве неразменных бумажных денег. Цены на все товары начинают расти, но далеко не одинаково по отношению к отдельным товарам.

Возьмем Россию за первые полтора года войны (в последующее время общие условия народного хозяйства России глубоко изменились и влияние чисто денежного фактора стало маскироваться иными факторами). По последнему балансу нашего Государственного банка, до войны в обращении было на 1.633 милл. р. кредитных билетов. Кроме того, в обращении было золотой монеты приблизительно на 400—500 милл. р.; общее количество кредитных билетов и золотой монеты в обращении определялось, таким образом, приблизительно в 2.100 м. р. К 1 января 1916 г. количество кредитных билетов в обращении возросло до 5.622 милл. р. К этому нужно еще присоединить так назыв. «серии» — 4% билеты государственного казначейства, которые также играют в обороте роль денег и которых было выпущено на 600 милл. р. В общем, нужно думать, что к концу 1915 г. количество денег в обращении возросло в России почти в три раза сравнительно со временем до войны.

Как же отразилось это огромное увеличение количества денег на товарных ценах? По этому вопросу имеются интересные данные, собранные и разработанные управлением делами особого совещания по продовольственному делу. Регистрация цен была произведена по всей империи и охватила 62 рынка. В результате этой работы получилась следующая таблица («Торгово-Промышленная Газета» 2 февраля 1916 г.):

Продукты	Относительное изменение цен в декабре:		
	1913	1914	1915
Пшеница	100	107,9	162,2
Пшеничная мука	100	107,2	150,9
Рожь	100	133,6	178,5
Ржаная мука	100	127,0	180,9
Крупа гречневая	100	148,6	222,7
Пшено	100	145,1	200,8
Мясо	100	94,6	136,7

Продукты	Относительное изменение цен в декабре:		
	1913	1914	1915
Масло	100	106,0	195,4
Соль	100	140,3	242,8
Сахар-рафинад	100	115,6	155,6
Сахарный песок	100	107,4	144,9
В среднем	100	121,2	179,2

Таблица эта, прежде всего, показывает, что цены различных товаров изменились далеко не одинаково и что повышение цен далеко не соответствовало увеличению количества денег в обращении: в то время как количество денег возросло приблизительно на 200%, цены поднялись лишь на 80%.

Поскольку количественная теория утверждает, что подъем цен должен быть пропорционален увеличению количества денег, эти факты говорят не в ее пользу. Но нужно иметь в виду, что, строго говоря, количественная теория, в своей абстрактной формулировке, имеет иное содержание, она предвидит повышение товарных цен, пропорциональное увеличению количества денег, лишь при предположении прочих равных условий. Правда, эта последняя оговорка очень часто сознательно игнорируется сторонниками данной теории (в том числе и Фишером). Тем не менее, чтобы быть вполне справедливыми по отношению к количественной теории, мы должны ее рассматривать не в ее более слабой, а в ее наиболее сильной формулировке. И, понимая данную теорию в этом последнем смысле, мы должны признать, что приведенный факт несоответствия подъема русских цен увеличению в России количества денег во время войны еще сам по себе отнюдь не опровергает количественной теории.

Дело в том, что, как следует из «уравнения обмена» Фишера, кроме денег покупательным средством является также и кредит. А кредит, несомненно, очень сильно сократился в России за время войны, равно как сократилась и скорость оборота денег. Насколько значительно было сокращение покупок в кредит, сказать, разумеется, по отсутствию соответствующих данных, невозможно. Но, несомненно, сокращение кредита было очень велико и должно было более или менее компенсировать влияние увеличения количества денег на цены, благодаря чему последние должны были возрасти значительно менее, чем возросло количество денег. Именно это и случилось, почему приведенные факты реального изменения цен России во время войны и не могут считаться аргументом против количественной теории денег.

Мы можем, однако, подойти к объяснению реального изменения товарных цен в России другим путем. В конце 1915 г. война требовала из государственных средств расхода приблизительно около 1 миллиарда р. в месяц. Этот миллиард р. был в своей большей части новым добавочным спросом, предъявляемым товар-

ному рынку государством. Национальный доход России до войны можно принять приблизительно равным 15 миллиардам р. в год, т.е. около 1.250 миллионов в месяц. Правда, благодаря занятию неприятелем Польши и некоторых западных губерний национальный доход России должен был сократиться. Но, с другой стороны, далеко не весь миллиард р., расходовавшийся на военные нужды, был добавочным спросом на русском товарном рынке. Поэтому мы можем принять, что добавочный спрос на русском товарном рынке так относился к прежнему русскому национальному спросу, как 1000:1250, что составит возрастание денежного спроса на товарном рынке благодаря войне на 80%.

Полученная цифра возрастания всего общественного денежного спроса России на 80% как раз и совпадает со средним ростом товарных цен в вышеприведенной таблице. Нам как будто бы удалось с полной точностью объяснить средний рост во время войны русских товарных цен.

Но, конечно, полное совпадение обеих цифр является чисто случайным. Не случайно, однако, то обстоятельство, что между ростом общественного расхода и процентом подъема товарных цен оказалось гораздо более соответствия, чем между процентом подъема товарных цен и увеличением количества денег в стране: увеличение количества денег лишь постольку оказывает влияние на цены, поскольку растет вследствие увеличения денег, расходуемых на покупку товаров, расход по общественному приобретению разного рода товаров. Расход же этот растет обычно в гораздо меньшей степени, чем количество денег, что мы видим и в данном случае.

Такой характер имеет первый случай изменения денежных цен под влиянием изменения количества денег — случай, когда цены изменяются непосредственно под влиянием тех перемен в размерах общественного спроса на товары, которые вызываются изменением количества денег. Во втором случае изменения денежных цен изменение это вызывается ростом или падением дисконтного процента.

Если деньги приливают в страну или государство выпускает добавочное количество бумажных денег, то дисконтный процент обычно падает и стоит в течение некоторого времени на низком уровне. Объясняется это тем, что деньги, вновь поступающие в обращение данной страны, только отчасти (и нередко, в незначительной части) затрачиваются на покупку новых товаров, отчасти же капитализируются теми лицами, к которым они поступили в виде добавочных доходов, и помещаются как вклады в банки. Увеличение кассовой наличности банков побуждает эти последние понижать дисконтный процент. В свою очередь, понижение дисконтного процента оказывает известное влияние на товарные цены, вызывая усиленный спрос на капиталы и стимулируя предпринимательство.

Если дисконтный процент стоит более или менее продолжительное время на низком уровне, то это не может остаться без

влияния на общее состояние товарного рынка. Вслед за понижением процента по краткосрочным помещениям капиталов падает процент и по долгосрочным помещениям капиталов, иначе говоря, процент, из которого капитализируются разного рода капитальные ценности — недвижимая собственность, облигации, акции и пр. Все эти капитальные ценности повышаются в своей цене в соответствии с понижением процента по долгосрочным займам, и, значит, на гораздо большую абсолютную сумму, чем изменился процент. Допустим, напр., что процент по долгосрочным помещениям капитала понизился с 4 до 3. Это должно повести к повышению ценности сторублевой облигации, которая дает 4 руб. в год дохода, со 100 р. до 133 р., владелец сторублевой облигации выигрывает в этом случае целых 33 р. Соответственно этому должен возрастать и курс акций, цены земельных имуществ и т. д., и т. д.

С другой стороны, удешевление кредита должно вести к увеличению готовности со стороны лиц, нуждающихся в товаре, покупать эти товары, а со стороны лиц, продающих товары, к уменьшению готовности немедленно продавать эти товары, так как выжидание с продажей товаров требует в этом случае меньше затрат по уплате процентов за полученный в ссуду капитал.

Все это вместе создает тенденцию к росту товарных цен. Вот почему понижение дисконтного процента, связанное с приливом денег в страну и скоплением их в банках, обычно сопровождается подъемом товарных цен.

Но в этом случае уже совершенно очевидно, что повышение товарных цен отнюдь не имеет тенденции быть строго пропорциональным увеличению количества денег и равномерным для всех товаров. Влияние прилива денег на цены оказывается в этом случае очень косвенным, ибо хотя понижение дисконтного процента и создает известные психические импульсы к подъему цен, но импульсы крайне неопределенные и не поддающиеся точному учету.

Наконец, в третьем случае изменения денежных цен под влиянием изменения количества денег — процесс происходит путем понижения расценки самих денег их обладателями. Этот случай нужно отличать от первого: в первом случае товарные цены изменялись благодаря росту спроса на товары, во втором же случае цены растут потому, что каждый владелец денег начинает их меньше ценить вследствие увеличения их количества.

В чистом виде этот случай возможен только при изменении государством ценности денежной единицы, как это было выше показано при рассмотрении гипотетических примеров Фишера. Если же мы обратимся к случаям действительного, а не только номинального (благодаря понижению ценности денежной единицы) увеличения количества денег в той или иной стране, то мы должны будем решительно отвергнуть возможность, в силу этого фактора, общего подъема товарных цен, пропорционального увеличению количества денег. Однако известное действие этот чисто психический фактор изменения расценки денег все же может оказать и обычно более или менее оказывает.

А именно, если, благодаря значительному увеличению в народном хозяйстве количества денег, товарные цены начинают быстро расти и общественное мнение сознает, что этот рост неизбежен и неустрашим, то в обществе начинает распространяться убеждение в невыгодности хранить капитал в виде денег и в предпочтительности превращения его в разного рода имущественные ценности (акции разного рода предприятий, земельные имущества, товары и пр.). Иными словами, является склонность покупать и неохота продавать, что не может не создавать тенденции к подъему цен. В данном случае эта тенденция создается изменяющейся общественной расцепкой самих денег, опасением падения ценности денежной единицы и предвидением подъема цен на реальные ценности — имущества и товары.

Однако, допуская наличность или, вернее, возможность и вероятность этой третьей формы влияния изменения количества денег на цены, не нужно преувеличивать значения этого фактора. Действие его может обнаружиться лишь в случаях особенно резкого изменения ценности денежной единицы, когда цены растут у всех на глазах столь стремительно, что даже у обывателя и обычного капиталиста, чуждого каким бы то ни было экономическим теориям, возникает сознание неустойчивости ценности денежной единицы и необходимости учесть этот новый фактор в своем хозяйственном поведении.

Подводя итог сказанному, следует придти относительно количественной теории к следующим заключениям:

1) изменение количества денег имеет несомненную тенденцию оказывать влияние на денежные цены;

2) если оставить в стороне случаи номинального изменения количества денег вследствие изменения государственной властью денежной единицы, то во всех других случаях изменение денежных цен в связи с изменением количества денег требует для своего осуществления более или менее продолжительного времени и в течение всего этого переходного времени отнюдь не бывает равномерным и пропорциональным для всех товаров;

3) ввиду этого кратковременные изменения количества денег могут не оказывать заметного влияния как на общий уровень товарных цен, так и на денежные цены отдельных товаров.

V

Чтобы разграничить влияние на товарные цены изменения количества денег в чистом виде и усиленного спроса на различные товары, созданного иными причинами, попробуем выяснить, что было бы, если бы какая-либо воюющая страна покрывала расходы на войну исключительно внутренними займами, а не выпусками бумажных денег. Мы должны, следовательно, допустить, что спрос на товары, связанный с военными расходами, остается в этом случае совершенно таким же, каким он был и в том случае, когда военные расходы покрывались новыми выпусками кредит-

ных билетов. Единственной разницей в этих обоих случаях будет то, что в первом случае расходы на войну покрываются новыми выпусками бумажных денег, а во втором случае — внутренними займами (нужно предположить именно внутренние займы, так как в случае внешних займов количество денег внутри страны возрастает).

Во втором случае увеличение покупательных средств в распоряжении государства сопровождается уменьшением покупательных средств в распоряжении тех лиц, которые подписываются на государственные займы. Правда, и в этом случае должно наступить повышение товарных цен, но по иным причинам. Государство расходует собранные от частных капиталистов покупательные средства немедленно на приобретение разного рода товаров, и притом гораздо менее экономно, чем прежние владельцы этих средств; поэтому, даже при неизменности покупательных средств, которыми располагает страна, передача покупательных средств от частных лиц государству должна создавать повышательную тенденцию цен. Однако повышение цен должно быть в этом случае гораздо менее значительным, чем в том случае, когда государство покрывает военные расходы выпусками новых бумажных денег. Ибо, в случае создания новых денег, увеличение покупательных средств в распоряжении государства отнюдь не компенсируется уменьшением покупательных средств в руках частных лиц. Поэтому в случае покрытия военных расходов новыми деньгами цены товаров должны расти гораздо больше, чем в том случае, когда военные расходы покрываются внутренними займами.

Глава III

КОНЪЮНКТУРНАЯ ТЕОРИЯ ЦЕННОСТИ ДЕНЕГ

1. Невозможность объяснения ценности денег по аналогии с ценностью товаров. Ценность денег как социальное явление. — II. Границы количественной теории денег. — III. Объяснение «великой революции цен». — IV. Ценность денег как отражение конъюнктуры товарного рынка. Ценность денег и промышленный цикл. Изменения ценности денег в более продолжительные исторические периоды.

I

Трудность проблемы ценности денег заключается в том, что ценность денег управляется существенно иными факторами, чем ценность товаров, почему теория ценности денег не может быть получена путем дедукции из общей теории ценности товаров. Неприменимость трудовой теории к ценности денег явствует уже из того, что ценность имеют не только металлические деньги, сделанные из материала, имеющего трудовую ценность, но и неразменные бумажные деньги, которые никакой трудовой ценности в себе не заключают.

Но и теория предельной полезности также беспомощна по отношению к проблеме ценности денег. «Понятие предельной полезности, — правильно замечает Гельферих^{1*}, — предполагает, что определенным количеством хозяйственных предметов может быть удовлетворена определенная потребность, может быть произведен определенный полезный эффект... Это предположение верно по отношению ко всем хозяйственным благам, но не по отношению к деньгам. Тысячью тонн пшеницы можно накормить определенное количество людей совершенно независимо от цены этой пшеницы. Но полезность определенной суммы денег не только по отношению к отдельному хозяину, но и по отношению ко всему народному хозяйству находится в непосредственной зависимости от ценности этих денег. Чем больше ценность единицы денег, тем большее количество товаров может быть обменено при посредстве того же количества денежных единиц... Уже Давид Юм установил, по своему существу, совершенно верное положение, что количество денег, само по себе, совершенно безразлично по отношению к производимому им полезному общественному эффекту, что половина денег, имеющихся в народном хозяйстве, при возвышении цены

денежной единицы вдвое производит такой же полезный эффект, как и весь прежний запас»^{1*}. (Helfferich. Das Geld. 1903, стр. 488—489).

Со всем этим нельзя не согласиться. Действительно, не ценность денег есть функция их полезности, а их полезность есть функция их ценности, каковая, таким образом, должна быть объяснена как-либо иначе.

Вопрос об историческом процессе возникновения ценности денег не входит в задачу этой книги. Она должна разъяснить нечто иное — те реальные хозяйственные факторы, которые определяют большую или меньшую ценность денежной единицы.

К ценности всех товаров хозяйствующие индивиды относятся активно и сознательно: расценивая товары, хозяйствующие лица стремятся выяснить ту реальную пользу, которую они получают от приобретаемого товара, и, в соответствии с этой предполагаемой пользой лица эти направляют свое собственное хозяйственное поведение. Если цена товара на рынке превышает пользу, которую данное лицо ожидает получить от товара, то товар останется некупленным. Точно так же и продавец регулирует свое хозяйственное поведение ценой товара: если цена товара на рынке не дает продавцу обычной прибыли, то продавец воздерживается от продажи. Правда, такое воздержание от продажи возможно лишь в том случае, если у продавца есть основание ожидать, что рыночная цена товара повысится. Если этой уверенности нет, то продавец будет принужден продать товар по какой угодно цене, лишь бы товар не остался у него на руках. Но в этом случае в следующем производственном периоде товар, цена которого упала ниже нормы, будет поставлен на рынок в меньшем количестве, что и явится фактором повышения цены товара.

В этом и сказывается активное отношение покупателей и продавцов к товарной цене. Товарная цена строится, в большей или меньшей степени, на основании сознательных расценок; если же реальная рыночная цена не соответствует расценкам заинтересованных лиц, то эти лица реагируют соответствующим поведением на данную цену и изменяют ее в свою пользу.

Благодаря связи (правда, далеко не полной) между сознательными расценками и товарной ценой последняя может быть объяснена общей теорией хозяйственных расценок. Правда, и в товарной цене имеются бессознательные элементы, но эти элементы не составляют всего существа товарной цены и не препятствуют преобладанию в товарной цене чисто рационалистических элементов.

Совсем иное следует сказать относительно денег. Деньги не являются предметом самостоятельных расценок (то есть расценок вне связи с покупательной силой денег), их ценность создается совсем иным путем и воспринимается каждым участником менового оборота совершенно пассивно, как нечто объективно данное и не могущее быть измененным. Какова бы ни была ценность денег, это не влияет на хозяйственное поведение лиц, участвующих в меновом обороте. Только государство, выпускающее новые денеж-

ные знаки в обращение, может ставить себе целью повлиять на ценность денежной единицы в том или другом направлении, но и то обычно такие задачи не преследуются государственной властью, относящейся, как общее правило, к ценности денежной единицы столь же пассивно, как и любой частный человек.

Ценность денег есть всецело социальное явление, продукт стихийных бессознательных народнохозяйственных процессов. Вот почему общая теория ценности товаров не может объяснить ценности денег. Теория предельной полезности отправляется от предположения, что ценность есть результат сознательных оценок оценивающего субъекта. Между тем ценность денег является перед нами как нечто объективно данное всей совокупностью меновых отношений. Деньги сами по себе никогда не оцениваются нами. Мы их ценим лишь как средство приобрести те или иные хозяйственные предметы. Но сколько именно можно получить хозяйственных предметов в обмен на данную сумму денег, это зависит не от нашей воли, а от объективных условий рынка, и какова бы ни была ценность денег, иначе говоря, их покупательная сила, это ни малейшим образом не влияет на наше отношение к деньгам: и при малой, и при большой ценности денег они в равной мере будут израсходованы, как орудие обмена или платежное средство, ибо ни на что иное деньги не нужны.

II

От чего же зависит высота средней ценности денежной единицы в каждый данный момент? Под влиянием каких факторов ценность эта претерпевает изменения?

В предшествующей главе была указана формула для определения ценности денежной единицы. Вот эта формула:

$$\frac{1}{Ц} = \frac{К}{ДС + Д_1С_1}$$

Иными словами, ценность денег есть функция 5 переменных: количества имеющихся на рынке товаров, количества самих денег, скорости их оборота, количества орудий кредита и скорости оборота последних. Все эти величины крайне изменчивы, и притом изменчивы в самых различных направлениях, независимо друг от друга: при неизменном количестве денег может возрастать или сокращаться скорость их оборота, может возрастать или сокращаться кредит и скорость оборота орудий кредита. Что касается количества товаров, то эта величина также может значительно изменяться в различных направлениях при том же количестве денег.

Если принять, что количество денег нам известно, то все же формула ценности денег окажется уравнением с четырьмя неизвестными, а такие уравнения не допускают, как известно, определенного решения.

Однако, такой отрицательный вывод не будет правильным разрешением проблемы ценности денег. Дело в том, что между факторами ценности денег существует известная внутренняя связь, которая дает нам возможность придти к определенному решению проблемы.

Если бы мы предположили очень значительное увеличение количества денег в стране (что наблюдается почти исключительно при выпусках в стране бумажных денег), то при нормальных условиях хозяйственной жизни мы должны были бы ожидать и соответствующего расширения кредита, что должно создавать тенденцию к соответствующему подъему товарных цен (конечно, не строго равномерному и пропорциональному для всех товаров, но несколько приближающемуся к таковому). Но так как значительные выпуски бумажных денег всегда происходят при ненормальных условиях народного хозяйства, то в этих ненормальных условиях усиленные выпуски сопровождаются не расширением, а сокращением кредита. Влияние на товарные цены увеличенных выпусков бумажных денег будет в этом случае до некоторой степени компенсировано сокращением кредита. Этим объяснялся, как было показано в предыдущей главе, сравнительно незначительный подъем товарных цен в России в первое время войны.

Однако для экономической науки гораздо важнее выяснить факторы ценности денег, независимые от изменения количества денег. Дело в том, что незначительные изменения количества денег обычно не оказывают, сами по себе, никакого влияния на общий уровень товарных цен, по причинам, которые были разъяснены в предыдущей главе. Значительные же изменения количества денег происходят почти исключительно при выпусках бумажных денег.

Правда, в истории добычи драгоценных металлов мы знаем эпохи, когда мировая добыча того или иного благородного металла значительно возрастала или сокращалась. Эпохи значительного роста мировой добычи благородных металлов переживались неоднократно, напр., в XVI столетии, после открытия Америки, затем в пятидесятых годах прошлого века, после открытия калифорнийских и австралийских золотых россыпей. Напротив, первая половина прошлого века была временем значительного сокращения добычи благородных металлов, точно так же, как и семидесятые и восьмидесятые годы того же века.

Однако из весьма значительного изменения мировой добычи благородных металлов в различные исторические эпохи было бы неправильно делать заключение, что столь же значительно изменялось количество денег в народном хозяйстве. Дело в том, что наличные запасы благородных металлов в обращении всего мира так громадны сравнительно с ежегодной добычей этих металлов, что даже самые значительные колебания добычи очень слабо отражаются на величине этих запасов.

Так, напр., до войны считали, что ежегодная мировая добыча золота составляла всего около 2—3% мирового запаса золота.

Если бы мировая добыча золота внезапно удвоилась, то на общем запасе золота это отразилось бы едва заметно. Правда, если бы добыча золота возрастала в течение ряда лет, то это, в конце концов, значительно отразилось бы и на мировых запасах золота. Но ведь нужно принять в соображение, что за ряд лет изменилось бы не только количество золота, но и количество других товаров, продаваемых на рынках всего мира, а также глубоко изменились бы и общие условия мирового хозяйства. За десяток-другой лет в наше быстро идущее время вырастают целые новые отрасли промышленности, создаются совершенно новые условия кредита, открываются новые мировые рынки, делают огромные успехи промышленность и торговля и т.д., и т.д.

Все это существенно изменяет ценность денег в различных направлениях, и, таким образом, влияние увеличения добычи благородных металлов более или менее нейтрализуется и почти не чувствуется рынком. Вот почему, когда дело идет о металлических деньгах, изменение ценности их почти никогда не приходится ставить в связь с их количеством: для коротких периодов времени количество благородного металла можно практически считать стационарным, а при больших периодах времени меняется столько факторов ценности денег, что влияние количественного фактора учесть невозможно.

Только в области бумажно-денежного обращения, когда количество денег в той или иной стране изменяется очень быстро и в огромных размерах, влияние этого фактора может быть учтено в полной мере. При этом имеет значение также и то обстоятельство, что бумажные деньги, по самой своей природе, являются деньгами только в пределах данного государства и, кроме того, не могут приобретать характера товара, превращаясь в предметы потребления, как металлические деньги, которые, с одной стороны, являются мировыми деньгами, а с другой стороны, имеют промышленное применение, будучи обращаемы в предметы украшения. По всем этим причинам только в области бумажных денег влияние на ценность денег количественного фактора выступает с полной ясностью и определенностью.

В области же металлических денег о количественном факторе говорить не приходится почти никогда.

III

В истории хозяйства мы знаем две эпохи, когда количество драгоценных металлов в распоряжении цивилизованного человечества увеличилось очень значительно — это, во-первых, эпоха открытия Америки и, во-вторых, эпоха открытия калифорнийских и австралийских рудников в конце 40-х и начале 50-х годов закончившегося века.

Открытие Америки привело к полному преобразованию условий снабжения Европы драгоценными металлами. Вместе с тем, последовала и так называемая великая революция цен. По обыч-

ному взгляду революция эта была непосредственно вызвана увеличением количества денег в обращении. «Со времени Жана Бодена^{1*}, — утверждают, например, столь компетентные авторы, как Нассе^{2*} и Лексис^{3*}, в известном коллективном курсе политической экономии под редакцией Шёнберга^{4*}, — никто не возбуждал серьезного и обоснованного сомнения, что причина революции цен XVI века заключалась в американском производстве серебра». В противоположность этому я смею думать, что такое сомнение не только вполне законно, но, как увидит читатель, и может быть обосновано серьезными аргументами.

Прежде всего, каковы были размеры этой революции? Современники, и в частности Боден, думали, что в XVI веке произошло огромное общее повышение цен — по крайней мере, в десять раз сравнительно с предшествующим временем. Затем стали говорить о повышении цен в шесть раз (Ортиц). Адам Смит думал, что цены повысились в три или четыре раза. Новейший исследователь этого вопроса, располагавший значительно большим фактическим материалом, чем его предшественники, Вибе, приходит к тому выводу, что в XVI—XVII веке в Эльзасе и Франции товарные цены повысились, в среднем, приблизительно вдвое, в Англии в два с половиною раза, в Испании, быть может, так же, как и в Англии, а в Италии совсем не повысились или повысились очень незначительно. Вообще, по мнению Вибе, «замечательно, что каждое новое исследование приходит к признанию меньшего и меньшего размера происшедшего обесценения денег» (Wiebe. Zur Geschichte der Preisrevolution des XVI und XVII Jahrhunderts. 1895. Стр. 180).

Итак, размеры «революции цен» XVI века были далеко не так грандиозны, как это казалось современникам, привыкшим к устойчивости общего уровня товарных цен в средние века. Но все же факт значительного повышения товарных цен во многих странах XVI века Западной Европы, и особенно в Англии, не может подвергаться сомнению. Чем же было вызвано это повышение?

Сам Вибе приходит к тому выводу, что единственной общей причиной, которая могла вызвать такое общее явление, как повышение цен большинства товаров сельскохозяйственного производства (именно эти товары преимущественно повысились в цене, между тем как цены фабрикатов повысились гораздо менее), могло быть только увеличение производства драгоценных металлов, и в частности серебра. Однако, заключение Вибе построено всецело на том, что никакой иной общей причины происшедшего общего изменения цен он указать не может. Рассуждая по методу остатков, он признает такой причиной прилив серебра из Америки. Но заключения по методу остатков всегда мало убедительны, так как крайне трудно установить, что никакая другая причина, кроме имеющейся в виду, не могла вызвать данное явление.

В частности, можно совершенно удовлетворительно объяснить повышение уровня цен в XVI веке, и не становясь на почву количественной теории денег, как это делает Вибе, равно как и другие

исследователи этой эпохи. Прежде всего, нужно отрешиться от мысли, что повышение цен сельскохозяйственных продуктов в течение столетия на 100—150% представляет собой нечто совершенно исключительное. Возьмем, напр., Россию. Цена важнейших сельскохозяйственных продуктов поднялась за XIX век в России во всяком случае не в меньшей пропорции, мы пережили за это время несколько не меньшую революцию цен, чем Западная Европа в XVI веке и, однако, для объяснения этой революции вовсе не приходится прибегать к количественной теории денег. Причина повышения цен в России объясняется, по общему мнению, тем, что в России за это время происходило быстрое развитие денежного хозяйства, а этот процесс всегда сопровождается поднятием товарных цен. При господстве натурального хозяйства правильный и постоянный денежный спрос на продукты отсутствует. Рост денежного хозяйства выражается, прежде всего, в появлении усиленного спроса на те продукты домашнего производства, которые в прежнее время производились и потреблялись в пределах одного и того же хозяйства; именно этот усиленный денежный спрос и разбивает границы натурального хозяйства. Продукт начинает продаваться по повышенным ценам, и потому процесс превращения натурального хозяйства в денежное неизменно сопровождается, как убеждает нас повседневный опыт, повышением общего уровня цен продуктов, производившихся раньше для собственного потребления. И теперь мы нередко можем наблюдать этот процесс при проведении, напр., новой железнодорожной линии в глухой местности с натуральным хозяйством. В результате происходит общее повышение цен всякого рода продуктов местного производства, в особенности продуктов сельского хозяйства и разного рода сырья.

Именно в энергичном развитии в Западной Европе XVI в. денежного хозяйства и следует видеть основную причину связанной с этой эпохой революции цен. В XVI веке в Западной Европе закладываются основы существующего капиталистического строя — развиваются новые формы промышленности, быстро растет торговля, изменяются условия сельского хозяйства, растет город на счет деревни, и под влиянием всех этих перемен наблюдается в важнейших странах Европы прирост населения, долгое время перед этим бывшего в стационарном состоянии — причем этот прирост приходится преимущественно на города. Рост города был равносителен росту денежного спроса на сельскохозяйственные продукты. Все это совершенно достаточно для объяснения последовавшего повышения цен. И только такое объяснение «великой революции цен» согласуется с фактами, решительно не укладывающимися в рамки количественной теории, в которые их желают уложить сторонники последней.

Так, прежде всего, не подлежит сомнению, что повышение цен началось задолго до того, как в Европу стали прибывать значительные количества американского серебра (что касается до золота, то увеличение его добычи было, сравнительно, очень незначи-

тельно и никакого влияния на цены оказать не могло). Весьма значительное повышение цен произошло уже в первой половине XVI века, а серебро стало прибывать в Европу в больших количествах только во второй половине века. Этот факт никак не согласуется с мнением, что великая революция цен была вызвана подвозом американского серебра; и потому многие исследователи, объясняющие повышение цен во вторую половину века приливом американского серебра, для первой половины принуждены искать другой причины. Гельферих, напр., видит важнейшую причину повышения цен до 1560 г. «в действии происшедших изменений в обращении денег» — в том, что в средние века драгоценные металлы сохранялись в виде сокровища, а с наступлением нового времени стали поступать в обращение, и что одновременно с этим стали развиваться сделки в кредит. Но именно в этом и сказывалось развитие денежного хозяйства.

Если же повышение цен в первую половину XVI века было вызвано другими причинами, а не приливом американского серебра, то почему продолжение того же процесса повышения цен следует приписывать изменению количества драгоценных металлов? Почему развитие денежного хозяйства не могло и во второй половине века создать повышательное движение цен?

Затем следует признать весьма характерным, что наибольшее повышение цен обнаружилось в Англии — стране, в которую непосредственно не притекало американское серебро, но в которой процесс развития нового хозяйственного строя шел наиболее интенсивно и которая пережила в XVI веке целую аграрную революцию.

Если бы общее повышение цен в XVI веке было вызвано приливом американского серебра, то следовало бы ожидать такой картины. Повышение должно было начаться во второй половине века и наиболее резко выразиться в той стране, которая непосредственно получала это серебро, — в Испании. Затем, мало-помалу, по мере распространения между отдельными странами мира испанского серебра при помощи торговли, повышение должно было захватывать и другие страны.

Действительность дает нам картину совсем другого рода. По словам того же Вибе, «большая часть повышения цен (в Испании) приходится на время до 1560 г.», т.е. когда прилив значительных количеств серебра из Америки едва начался. Наибольшее повышение цен в XVI веке обнаружилось, как признает Вибе, в Англии, причем это повышение началось до 1560 г., т.е. до того времени, когда испанское серебро могло, путем торговли, притекать в Англию. Не доказывает ли это несостоятельность обычного объяснения «великой революции цен» приливом американского серебра?

Это чувствует, по-видимому, и сам Вибе, упорствующий, тем не менее, на обычном объяснении, ставшем, как видно из выше цитированных слов Нассе и Лексиса, как бы догматом веры современной экономической науки. Чтобы пойти против догмата,

требуется известное мужество, а Вибе им не обладает. Тем не менее, из-под его пера выливаются следующие строки: «Пока царяла количественная теория, не чувствовалось потребности искать другой причины революции цен, так как очень значительное увеличение количества денег несомненно имело место. Но... чем тщательнее исследовалась хозяйственная история того времени, тем менее стала обнаруживаться склонность признавать причиной такой значительной и глубокой революции только увеличение количества денег» (там же, стр. 194). Это совершенно верно, и жаль, что сам Вибе еще не освободился из-под власти количественной теории и потому остановился на полудороге...

Конечно, прилив драгоценных металлов из Америки не был фактом безразличным в хозяйственной истории Европы; если бы этого прилива не было, то Европа в XVI веке, с ее быстро развивавшимся денежным хозяйством, могла бы почувствовать известный недостаток в наличных деньгах, что должно было бы повести к развитию сделок в кредит или ускорению оборотов денег. Это могло бы сделать темп развития денежного хозяйства менее быстрым, но все же цены должны были бы подняться под влиянием роста денежного хозяйства; прилив драгоценных металлов из Америки был обстоятельством, лишь содействовавшим развитию денежного хозяйства и росту товарных цен, но отнюдь не конечной причиной, вызвавшей все эти сложные процессы.

Другой эпохой, когда добыча драгоценных металлов (золота) внезапно увеличилась не менее значительно, были 50-е годы закончившегося века, эпоха открытия калифорнийских россыпей и австралийских рудников. И в это время экономисты настаивали на обесценении золота под влиянием увеличения его добычи; но если в это время и наблюдалось повышение товарных цен, то такое незначительное, что самый факт его очень спорен. Во всяком случае, история цен этого времени не дает никаких оснований заключать о каком-либо непосредственном влиянии австралийского и калифорнийского золота.

IV.

Нрядом с более продолжительными периодами изменения товарных цен всем хорошо известны правильные периодические колебания товарных цен, охватывающие приблизительно десятилетия. Колебания эти находятся в связи с тем характерным явлением капиталистического строя, которое было названо автором этой книги промышленным циклом. В восходящем фазисе промышленного цикла товарные цены растут; затем следует кризис, и цены начинают падать, чем характеризуется нисходящий фазис промышленного цикла. Промышленный цикл представляет собой типичное явление современного хозяйства и наблюдается во всех капиталистических странах с большей или меньшей правильностью.

Относительно этих периодических колебаний денежных цен не может быть никакого сомнения, что они не находятся ни в малей-

шей связи с колебаниями количества денег. Между тем, колебания эти весьма значительны и устанавливаются статистически без малейшего труда при помощи метода так назыв. «чисел показателей». Кривые «чисел показателей» показывают правильные волны денежных цен в зависимости от фазисов промышленного цикла, причем в фазисах подъема «число показателей» стоит выше, чем в фазисе упадка, нередко на несколько десятков процентов.

Это является фактическим доказательством, что ценность денег может весьма значительно изменяться совершенно независимо от изменения количества денег в народном хозяйстве. Относительно причин изменения ценности денег в более продолжительные промежутки времени, напр., в эпоху великой революции цен, в шестидесятых годах и в новейшую эпоху вздорожания жизни, в экономической литературе идут споры, одни экономисты ставят эти изменения цен в связь с изменением количества денег, другие такую связь отрицают.

Мне эта связь кажется весьма сомнительной, и я считаю более правильным объяснять и эти колебания ценности денег по аналогии с колебаниями денежных цен в более короткие промежутки времени. Во всяком случае только изменения ценности денег этого последнего рода, находящиеся в связи с фазисами промышленного цикла, могут считаться объясненными наукой в достаточной степени.

В этой книге не место развивать теорию промышленного цикла. От чего бы ни зависело движение промышленного цикла, во всяком случае, ясно, что в изменении общего уровня денежных цен, сопутствующем движению промышленного цикла, отражается общее состояние промышленной конъюнктуры. Иначе говоря, нужно признать, что ценность денег непосредственно определяется общей конъюнктурой товарного рынка.

Конъюнктура эта представляет собой нечто в высокой степени изменчивое во времени. В восходящем фазисе промышленного цикла конъюнктура благоприятствует подъему товарных цен, иначе говоря, падению ценности денег. Объясняется это ростом в это время спроса на всевозможные товары. И хотя в этом фазисе быстро возрастает также и предложение, но спрос растет еще быстрее предложения.

Каким же образом спрос на товары может возрасти при неизменном количестве денег? Дело устроивается следующим образом: с одной стороны, увеличивается скорость оборота денег, благодаря чему та же сумма денег, оборачиваясь быстрее, соответственно умножает свою покупательную силу. С другой стороны, значительно возрастает кредит, являющийся самостоятельной покупательной силой наравне с наличными деньгами.

Таким образом, при благоприятной конъюнктуре оказывается возможным значительный рост товарных цен (иначе говоря, значительное падение ценности денег) при неизменном количестве денег в народном хозяйстве. Обратное происходит в нисходящем

фазисе промышленного цикла, при неблагоприятной конъюнктуре товарного рынка.

Смена этих фазисов находит себе объяснение в теории промышленных кризисов, которой мы здесь касаться не будем. Достаточно лишь указать на тот всем известный механизм, при посредстве которого изменяется ценность денег в зависимости от движения промышленного цикла.

Понимая этот механизм, мы можем объяснить и колебания ценности денег в более продолжительные периоды времени. От чего зависел, например, подъем товарных цен в последние два десятилетия, являющийся периодом резко выраженного вздорожания жизни, в то время как два предшествовавшие десятилетия характеризовались, наоборот, низкими ценами? От изменения конъюнктуры товарного рынка. Чем было вызвано это изменение конъюнктуры, над этим мы останавливаться не можем. Скажем только, что и более обширные периоды падения и подъема ценности денег должны быть объясняемы так же, как мы объясняем более короткие периоды волнообразных колебаний ценности денег, охватывающие собой приблизительно десятилетия.

Правда, следует признать, что более обширные периоды подъема и упадка денежных цен изучены наукой гораздо менее, чем более короткие циклические колебания. Тут перед экономистом открывается новая, еще почти не исследованная наукой, область. Но все заставляет думать, что и в этой области действуют те же реальные силы, механизм которых нам ясен в применении к фазисам промышленного цикла.

Резюмируя сказанное, мы должны еще раз подчеркнуть, что ценность денег есть явление совершенно иного порядка, чем ценность какого-либо товара. Ценность товара есть результат более или менее сознательных оценок лиц, потребляющих и производящих данный товар. Напротив, ценность денег есть совершенно бессознательный стихийный продукт общей конъюнктуры товарного рынка.

Если оставить в стороне случаи очень быстрого и значительно-го увеличения количества денег (что имеет место почти исключительно при выпусках бумажных денег), то почти никогда причины этих изменений не заключаются в изменении количества денег в народном хозяйстве. Количественная теория имеет, таким образом, применение только к бумажно-денежному обращению.

Исходя из этого, мы можем прийти к следующему заключению относительно научного значения двух конкурировавших между собой доселе в политической экономии теорий ценности денег — количественной теории и теории Тука, которая названа в этой книге «товарной» теорией. Количественная теория абстрактно совершенно справедлива. Но в применении к конкретным фактам, благодаря ограничениям, которые она требует, она дает очень мало по отношению к металлическому денежному обращению и только по отношению к бумажноденежному обращению сохраняет все свое значение. Товарная же теория Тука, хотя и со-

вершенно неудовлетворительна в своей абстрактной форме, свидетельствует о правильном понимании Туком фактического строения товарных цен и совершенно правильно ищет объяснения ценности денег в условиях не денежного, но товарного рынка. В случаях металлического денежного обращения именно в этой последней области и коренятся факторы изменения ценности денег. Нужно, однако, избегать при объяснении изменения общего уровня денежных цен ошибок Тука, не понимавшего, что условия строения относительной цены отдельного товара совершенно иные, чем общего уровня денежных цен.

Утверждая, что, при условии металлического обращения ценность денег коренится в общем состоянии товарного рынка, а отнюдь не в размерах добычи денежных металлов, я сближаюсь с теорией Тука, который следовал совершенно правильному научному инстинкту, стремясь объяснять колебания ценности денег условиями товарного рынка, а отнюдь не условиями производства золота и серебра. Однако моя теория ценности денег не тождественна с теорией Тука: для Тука ценность денег есть не что иное, как производное денежных цен отдельных товаров; для меня же ценность денег есть отражение общей конъюнктуры товарного рынка.

Тук игнорирует общие факторы изменения ценности денег и признает лишь частные факторы, действующие по отношению к каждому отдельному товару. С моей же точки зрения, изменения ценности денег вызываются не изменениями условий спроса и предложения отдельных товаров, а изменениями общей конъюнктуры товарного рынка, иначе говоря, общими условиями товарно-денежного рынка.

Тук выводил средний уровень товарных цен из цен отдельных товаров, я же объясняю цены отдельных товаров как явление, производное от общего уровня товарных цен, от общей конъюнктуры рынка.

Поэтому изложенную теорию ценности денег я бы назвал *конъюнктурной* теорией ценности денег, противопоставляя ее как товарной теории Тука, так и количественной теории.

Конъюнктурная теория ценности денег является дальнейшим развитием товарной теории Тука. Что касается количественной теории денег, то она мною не отвергается, но признается не имеющей практического значения в случаях металлического денежного обращения. В случаях же бумажноденежного обращения я становлюсь на почву количественной теории денег, следуя в данном случае примеру почти всех сторонников теории Тука. Напомню, что и самый выдающийся из них — Карл Маркс — по отношению к явлениям бумажноденежного обращения также принимал количественную теорию.

Приведенные теоретические соображения относительно факторов, управляющих ценностью денег, приводят к определенным выводам и в области политики денежного обращения.

До сих пор государственная власть почти не ставила себе задачей планомерно влиять на ценность денег. То же, правда,

нужно сказать и относительно ценности товаров: и в этой области общественная власть, как общее правило, держала себя совершенно пассивно, предоставляя строение товарных цен свободной игре экономических сил. Однако между этими двумя областями хозяйственной жизни — ценностью товаров и ценностью денег — имеется, как выше указано, глубокое принципиальное различие: ценность товаров строится на основе сознательных расценок отдельных индивидов, чем государство управлять не может; напротив, ценность денег есть бессознательный стихийный продукт социального взаимодействия, вполне допускающего государственное регулирование. Поэтому задача планомерной политики денежного обращения, ставящей себе целью регулирование ценности денег, не заключает в себе ничего невозможного. А так как денежное обращение всех важнейших европейских государств в настоящее время глубоко расстроено войной, то для экономической науки выдвигается на первый план новая задача огромной практической важности — выработать основы рациональной денежной политики.

Глава IV

БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ В ИХ ОТНОШЕНИЯХ К МЕТАЛЛИЧЕСКИМ

1. *Случаи паритета^{1*} бумажных и металлических денег. Случаи дизажио бумажных денег на металл. Русская денежная реформа. Девальвация и сверхэвалюация. — II. Австрийская денежная реформа. Дизажио^{2*} на серебро. — III. Лаж^{3*}. Его экономическая природа. Различные теории лажа. — IV. Положительное разрешение проблемы лажа.*

I.

Исторический опыт показывает, что в большинстве случаев при господстве бумажно-денежной системы бумажноденежная единица отклоняется в своей ценности от металлической единицы, на которую обозначены бумажные деньги.

Однако, это не может считаться правилом, не имеющим исключений. Нам известны случаи, когда при господстве бумажных денег их ценность в течение продолжительного времени не уклонялась или почти не уклонялась от ценности металлической денежной единицы, на которую они были обозначены.

Так, из более старой истории бумажных денег можно указать хотя бы на билеты Английского банка за время от 24 февраля 1797 г., когда был прекращен обмен этих билетов на золото (благодаря чему они стали бумажными деньгами), до ноября 1799 г. В течение почти трех лет цена унции золота в Лондоне стояла приблизительно на том же уровне, как и до прекращения обмена: до 1797 г., обычная цена унции золота была 3 ф. 17 ш. 6 п. (повышаясь иногда — как, напр., в 1784—85 гг. до 3 ф. 17 ш. 10 п.), между тем как в 1797—99 гг. цена унции золота колебалась между 3 ф. 17 ш. 6 п. и 3 ф. 17 ш. 10 п. Приостановка обмена совершенно не отразилась на цене унции золота, которая в мае 1797 г. оставалась по-прежнему 3 ф. 17 ш. 6 п. (См. об этом William Blake. *Observations on the Principles which regulate the course of Exchanges.* London. 1810.)

В первые годы XIX века ценность билетов Английского банка разошлась с ценностью золота, но сравнительно незначительно; и только в 1809—10 гг. ценность бумажной денежной единицы в Англии сильно упала по отношению к золоту.

Другой более недавний пример устойчивости ценности неразмменных бумажных денег представляют собой билеты Французско-

го банка после приостановки их размена во время франко-прусской войны. Но самый замечательный случай этого рода мы находим в истории австрийской денежной системы за время от 1892 г., когда в Австрии была введена новая денежная единица, и до Балканской войны 1912 г.

Австрийская денежная реформа 1892 г., вместе с вытекшими из нее мероприятиями в области денежной политики, составила собой эпоху в истории денежного обращения. Сама реформа, по ее первоначальному замыслу, не представляла собой ничего особо примечательного и сводилась первоначально лишь к мерам перехода от бумажной валюты к золотой. Для этого была введена новая денежная единица — крона, равная половине гульдена, причем предполагалось, что кроны будут через некоторое время свободно размениваться на золото.

Однако самый срок размена крон на металл пришлось отложить по той причине, что в 1892 г. золотой запас, которым располагал Австро-Венгерский банк, был сравнительно очень не велик: к концу 1892 г. банк имел в своих кладовых на 240 миллионов крон золота и на 337 миллионов крон серебра, причем в обращении было государственных бумажных денег на 632 миллиона крон и билетов Австро-Венгерского банка на 921 миллион крон. При таком незначительном золотом запасе размен бумажных денег на золото был невозможен, и потому, при всем желании руководителей реформы возможно скорее перейти к золотой валюте, самый срок введения размена пришлось отсрочить.

В течение нескольких последующих лет австрийское финансовое ведомство деятельно готовится к введению размена и принимает разнообразные меры к увеличению золотого запаса Австро-Венгерского банка. Меры эти были настолько успешны, что к концу 1899 г. золотой запас Австро-Венгерского банка достиг 806 миллионов крон (запас серебра определялся 212 миллионами кр.); банковых билетов в обращении было к этому времени на 1.458 миллионов крон. С этим металлическим запасом можно было бы начать размен бумажных денег на золотую монету.

Однако такого введения размена не последовало. В 1899 г. в Австрии издается новый денежный закон, который знаменует собой начало нового пути для австрийского денежного обращения; а именно, декретом 21 сентября 1899 г. билетам Австро-Венгерского банка, которые раньше были принципиально размениваемыми на звонкую монету и только временно освобождены от размена, предоставляется на неопределенное время неразменность. Вместо того, чтобы начать размен бумажных денег на золото, государственная власть отказалась от такого размена на неопределенное время.

Смысл этого отказа выяснен в новом уставе Австро-Венгерского банка, получившем силу закона 8 августа 1911 г. Уставом этим на банк возлагается новая обязанность — заботиться всеми имеющимися у него средствами, чтобы ценность банкнот, насколько она выражается заграничными вексельными курсами, всегда воз-

можно ближе соответствовала ценности металла, на который эти банкноты обозначены. Если же банк не исполнит своей обязанности — держать вексельный курс австрийской валюты возможно ближе к паритету, — то банк может быть лишен своих привилегий.

Таким образом, новым уставом Австро-Венгерского банка на него возложена чрезвычайно важная обязанность — такого регулирования вексельного курса, чтобы курс австрийской валюты всегда держался возможно близко к паритету. Это регулирование вексельных курсов должно было заменить собой, по замыслу руководителей австрийскими финансами, размен билетов Австро-Венгерского банка на металл, ввиду чего государство и избавило банк от обязательства разменивать его билеты на металл.

Вместо размена банкнот на золото, государство поставило в Австрии центральному банку страны совершенно новую задачу — регулирование курса бумажных денег на уровне, возможно более близком к паритету. Как известно, основным недостатком бумажных денег обычно является неустойчивость их ценности: именно в этом отношении бумажные деньги и уступали в прежнее время металлическим. Мерило ценности, каковым являются деньги, должно прежде всего само не колебаться в своей ценности. Это вполне очевидно и не требует пояснений.

Экономическая наука признавала бумажные деньги плохими деньгами именно потому, что они колебались в своей ценности. Если бы возможны были бумажные деньги, ценность которых была бы так же устойчива, как и ценность металлических денег, то такие деньги ничем не уступали бы металлическим.

И вот Австрия показала нам пример, что такие бумажные деньги возможны. Размен билетов Австро-Венгерского банка на золото так и не был введен — не потому, чтобы для этого золотые запасы Австро-Венгерского банка были недостаточны, а потому, что и общественное мнение страны, и государственная власть пришли к убеждению в нецелесообразности такого размена и в возможности достигнуть той же цели — паритета билетов Австро-Венгерского банка с золотом — без всякого обязательного размена их на металл, лишь путем активной валютной политики. Австро-Венгерский банк, как и другие банки, покупает и продает иностранные векселя. Путем этих операций банк может влиять на вексельный курс и, следовательно, может, в известных пределах держать вексельный курс на том уровне, который признается нужным. Конечно, власть Австро-Венгерского банка над вексельными курсами заключена в определенные пределы, но в этих пределах она несомненно имеется, как показал уже многолетний опыт.

Отклонения вексельного курса от паритета за время 1896 — 1911 гг. были не более значительны, чем в странах с металлической валютой, даже, вероятно, еще незначительнее. Объясняется это чрезвычайно умелой и энергичной деятельностью Австро-Венгерского банка, который монополизировал в своих руках почти все операции в стране по продаже и покупке иностранных вексе-

лей. В то время, как в других государствах вексельный курс строится на основе независимых друг от друга сделок множества лиц, в Австрии вексельным курсом управляло одно центральное учреждение, располагающее огромными средствами и руководившееся в своей деятельности отнюдь не стремлением к получению наибольшего барыша, а соображениями общегосударственного интереса. Колебания вексельного курса, с точки зрения интересов частных лиц и учреждений, занятых сделками с иностранными векселями, не представляют собой ничего нежелательного или убыточного, так как эти лица и учреждения могут выигрывать от подобных колебаний, своевременно предвидя их или даже искусственно вызывая. Поэтому при полной свободе биржевых сделок с векселями не замечается тенденции к уменьшению колебаний вексельного курса.

Напротив, Австро-Венгерский банк, монополизировавший в своих руках все дело продажи и покупки иностранных векселей в стране, планомерно стремился к поддержанию устойчивости вексельного курса, не останавливаясь при этом перед очень значительными затратами и убытками для себя. Если вексельный курс становился для Австрии неблагоприятным, то банк выбрасывал на рынок значительное количество иностранных векселей по пониженной цене и, таким образом, повышал цену австрийской валюты, в ущерб своим собственным интересам. И это нисколько не удивительно, ибо банк является не только коммерческим, но и государственным учреждением, на которое государством возложена чрезвычайно важная функция — поддержание устойчивости национальных денег.

Золотая валюта, ради которой была предпринята в Австрии реформа 1892 г., так и не была достигнута: золотая валюта предполагает обмен бумажных денег на золото, билеты же Австро-Венгерского банка остались неразменными. Австрия и после реформы 1892 г. осталась страной бумажной валюты; однако австрийские бумажные деньги с половины девяностых годов прошлого века приобретают существенно иной характер, чем раньше, — прежде бумажные деньги были деньгами с неустойчивой колеблющейся ценностью, теперь же они становятся деньгами с такой же устойчивой ценностью, как и металлические деньги.

В этом и заключается то существенно новое, что дал нам опыт Австрии. Вот почему можно утверждать, что со времени новейшего австрийского денежного законодательства бумажные деньги вступили в новый фазис своего развития. Этот новый фазис отмечен тем, что строение вексельного курса (а значит, и лажа) перестало быть стихийным результатом свободной игры экономических сил, а попало под планомерный контроль общества.

Государство из пассивного зрителя строения лажа на денежном рынке становится активным руководителем этого хозяйственного процесса и таким путем восполняет слабость бумажных денег, заключающуюся в том, что бумажные деньги не имеют своей «внутренней ценности» подобно металлическим.

Факты показывают, таким образом, что бумажные деньги при известных условиях могут и не отклоняться от паритета с металлом. Однако такая устойчивость ценности бумажных денег является не правилом, а исключением. В большинстве случаев прекращение размена бумажных денежных знаков на металл приводит к тому, что ценность бумажной валюты и ценность металла начинают более или менее уклоняться друг от друга, причем это расхождение может принимать очень значительные размеры, достигая в крайних случаях (напр., ценность бумажных денег южных штатов Северо-американской республики в конце междоусобной войны или французских ассигнаций после 1795 г.) почти полного исчезновения ценности бумажных денег.

Итак, общим правилом нужно признавать, что ценность бумажной валюты более или менее уклоняется от ценности металлической денежной единицы, в которой выражены бумажные деньги (в данном случае, как и во всем последующем изложении, имеются в виду, конечно, бумажные деньги в строгом смысле слова, т.е. бумажные денежные знаки, неразменные на металл и являющиеся законным платежным средством).

Уклонение это может быть двоякого рода: или ценность бумажных денег оказывается более высокой, чем ценность металла, или более низкой. В первом случае на металл существует дизажио^{1*} — при обмене бумажных денег на металлические из данного количества бумажных денег нужно сделать соответствующий вычет. Во втором случае на металл существует лаж^{2*} — чтобы приобрести металл той же номинальной ценности, нужно к бумажным деньгам сделать соответствующую прибавку.

Раньше думали, что дизажио на металл упоминается экономистами только ради теоретической полноты, как нечто, правда мыслимое, но на практике не существующее или если и существующее, то разве лишь короткое время под влиянием каких-либо совершенно исключительных условий денежного рынка.

Однако это мнение является несомненным заблуждением. Дизажио отнюдь не является не имеющим реального значения измышлением теоретиков. История бумажных денег показывает нам примеры как лажа, так и дизажио, и дизажио не как мимолетного явления, а как длительного состояния ценности бумажных денег, продолжающегося годы и даже десятилетия.

Примеры длительного дизажио на металл показывает нам новейшая история бумажных денег. Классическими странами бумажноденежной валюты являются Россия и Австрия. И в обеих этих странах дизажио наблюдалось в течение многих лет, хотя и не замечалось публикой.

Относительно России вопрос этот до известной степени спорен, благодаря некоторой неясности, на какую металлическую денежную единицу были обозначены наши кредитные билеты до 1897 г., когда у нас была введена золотая валюта. Большинство русских авторитетов по денежному вопросу признает, что в России до 1897 г. металлической денежной единицей, на которую

были обозначены наши кредитные билеты, был серебряный рубль и что известную надпись на кредитных билетах прежнего времени о размене их Государственным банком на золотую или серебряную монету нужно было понимать в смысле права Государственного банка предложить предъявителю кредитного билета монету из того или иного металла, по выбору банка, но отнюдь не в смысле права предъявителя билета требовать уплаты ему монеты из того или другого металла по выбору предъявителя билета.

Если согласиться с этим толкованием нашего денежного закона до 1897 г., то придется признать, что наши кредитные билеты прежнего времени были обозначены на серебряные рубли, золото же было тем вспомогательным металлом, которым Государственный банк, в случае, если признавал это для себя удобным, мог удовлетворять по своему усмотрению предъявителей кредитных билетов. Если же так, то не только в 1897 г., но и значительно ранее русские кредитные билеты не только не были депрецированы¹ по отношению к металлу, но стояли в течение продолжительного времени по своей ценности значительно выше металла. Металлом, на который были обозначены русские кредитные билеты, было, согласно этому пониманию, серебро. Но серебро с 1873 г., благодаря сложным причинам, на которых здесь останавливаться неуместно, стало быстро падать в цене на мировом рынке и к половине девяностых годов прошлого века упало в своей цене по отношению к золоту приблизительно в два раза. Кредитный билет не последовал за этим падением цены серебра, но удержался на значительно высшем уровне и потерял в своей ценности по отношению к золоту, как известно, приблизительно одну треть.

В половине девяностых годов прошлого века наш кредитный билет равнялся по своей ценности приблизительно 67 к. золотом, а серебряный рубль, по своей металлической ценности, равнялся приблизительно 50 к. золотом. Серебро было депрецировано по отношению к кредитным билетам, на серебро было крупное дизажио, достигавшее приблизительно 25% ценности бумажного рубля.

С этой точки зрения следует признать, что денежная реформа 1897 г. отнюдь не была девальвацией² бумажного рубля, а имела смысл прямо противоположный: бумажный рубль, повысившийся в своей цене по отношению к серебряному рублю, был фиксирован законом 1897 г. в этой своей повысившейся ценности. Правда, вес золотого рубля был понижен в 1897 г. на одну треть, но ведь золото повысилось в своей цене по отношению к серебру, на которое были обозначены кредитные рубли, вдвое — иными словами, чтобы восстановить паритет между кредитным и серебряным рублем, нужно было понизить вес золотого рубля также вдвое. Понижая вес золотого рубля, который стал нашей новой денежной единицей, только на одну треть, закон 1897 г. не понижал, а значительно повышал ценность кредитного рубля сравнительно с его металлическим серебряным эквивалентом. Денежная реформа

Витте^{1*} была не девальвацией нашего кредитного рубля, а операцией обратного рода — повышением легальной ценности кредитного рубля до его повысившейся рыночной ценности.

Интересно, что в экономической науке не существует даже термина, соответствующего этой операции — повышению легальной ценности бумажноденежной единицы до рыночной ценности ее. Операцию эту можно было бы назвать, в противоположность девальвации, сверхэвалюацией^{2*} — но о сверхэвалюации экономическая наука молчит. Интересно и то, что почти все — и ученые экономисты, и широкая публика называют реформу Витте именно девальвацией; почти все убеждены, что Витте отнюдь не повысил, а именно понизил нашу денежную единицу.

Тем не менее, с точки зрения правильного понимания нашего денежного законодательства, мы должны прийти к выводам, прямо противоположным — мы должны признать, что наши кредитные билеты были обозначены не на золотые, а на серебряные рубли, и что в результате законодательного акта 1897 г. произошло не понижение, а повышение металлической ценности нашего кредитного рубля, была произведена не девальвация, а сверхэвалюация.

Впрочем, как это выяснится ниже, общественное мнение, признавшее реформу Витте именно девальвацией, а не чем иным, было, в известном смысле, право. Но нас интересует в данном случае формальная точка зрения; с формальной же стороны дело обстоит именно так, как было указано, — Витте произвел сверхэвалюацию нашего кредитного рубля.

Одна из последних работ покойного сотрудника Витте И. И. Кауфмана^{3*} носит название «Серебряный рубль». Историю серебряного рубля Кауфман заканчивает законодательным актом 1897 г., который знаменовал собой, по мнению Кауфмана, замену серебряного рубля золотым рублем. Аргументация Кауфмана, направленная к доказательству того, что в России до 1897 г. легальной денежной единицей был серебряный, а отнюдь не золотой рубль, с формальной стороны является безупречной. Отсюда естественно получается вывод, что ни о какой девальвации русского кредитного рубля в 1897 г. не может быть и речи, ибо реформа этого года имела прямо противоположный смысл.

Все же нельзя отрицать, что наше денежное законодательство до 1897 г. страдало некоторой неясностью, благодаря чему возможно было и прямо противоположное толкование его (хотя это толкование и было неверным), согласно которому наши кредитные билеты были обозначены не только на серебро, но на золото или серебро по выбору предъявителя билета.

II

Австро-венгерское денежное законодательство с полной категоричностью признавало до 1892 года только серебро денежным металлом Австрии. Денежной единицей, на которую были обозначены бумажные деньги Австрии, до законодательного акта 1892 г.,

явившегося прообразом реформы Витте, был вне всякого спора серебряный гульден или флорин.

И потому наличность в Австрии сильного дизажио на серебро (в слитках) перед реформой 1892 г. не может подлежать ни малейшему сомнению. Когда на мировом рынке серебро стало быстро падать в своей цене по отношению к золоту, австрийский бумажный гульден не последовал за этим падением, а совершенно так же, как и русский рубль, удержался на значительно высшем уровне. Вместо прежнего лажа на серебро явилось по отношению к серебру (в слитках) значительное дизажио.

Серебряные гульдены почти исчезли из обращения в то время, когда на серебро был лаж, но в конце 70-х годов они стали появляться в обращении в значительно большем количестве, благодаря приливу в Австрию иностранного серебра. Значение серебра для австрийской денежной системы выражалось вполне определенно и в том, что металлические запасы Австро-Венгерского банка состояли вплоть до реформы 1892 г. преимущественно из серебра: так, в конце 1891 г. Австро-Венгерский банк имел в золоте 54,5 млн. гульденов, а в серебре 166,6 млн. гульд. Лаж на серебро исчез в Австрии в конце 1878 г., и с 17 фев. 1879 г. на венской бирже прекратилась котировка курса серебряных гульденов по той причине, что серебряные гульдены не уклонялись более от пари. Правда, курс серебряных гульденов не упал и ниже пари, т.е. бумажные гульдены не имели в Австрии дизажио на серебряные гульдены, но это лишь потому, что в Австрии с 1879 г. была прекращена свободная чеканка серебра и по этой причине ценность серебряного гульдена стала регулироваться ценностью бумажного гульдена.

Почему же австрийское правительство прекратило в 1879 г. свободную чеканку серебра? Потому, что уже в этом году бумажный гульден получил некоторое дизажио по отношению к серебряному гульдену, что имело своим последствием усиленные покупки со стороны венских банков серебра за границей для того, чтобы перечеканивать это серебро в австрийскую монету и обменивать последнюю на более ценные бумажные деньги. Если бы правительство не прекратило свободной чеканки серебра (что было сделано без всякого законодательного акта простым правительственным распоряжением), то австрийское денежное обращение быстро заполнилось бы серебряными гульденами и Австрия перешла бы без всякого труда к металлической денежной системе. Казалось бы, только этого и могло желать австрийское правительство. Однако вместо того чтобы широко воспользоваться открывшейся для него возможностью перейти к металлу, австрийское правительство тщательно закрыло двери для металла и предпочло остаться при бумажных деньгах.

Почему? Потому, что в конце семидесятых годов прошлого века серебряная валюта была уже настолько дискредитирована в общественном мнении, что возвращение к серебру казалось не улучшением, а ухудшением денежной системы. Лучше бумажная,

чем серебряная валюта — решило австрийское правительство — и было право. Серебро падало на мировом рынке все ниже и ниже, но бумажный гульден не последовал за этим падением.

То же самое количество серебра, которое содержалось в гульдене, стоило в виде слитка хотя бы 30 марта 1892 г. всего 75,36 крейцеров. Иначе говоря, дизажио бумажного гульдена на серебро (в слитках) достигло в конце марта 1892 г. свыше 24%. Если бы австрийское правительство не прекратило свободной чеканки серебра, то серебро увлекло бы в своем падении и бумажный гульден, так как бумажный гульден потерял бы в этом случае свою самостоятельную ценность и превратился бы в простой денежный знак, за которым стоит серебро. Прекращение свободной чеканки серебра устранило эту опасность: связь между серебром и бумажным гульденом была порвана, и падение цен серебра уже ничем не могло угрожать ценности бумажного гульдена. Ценность бумажного гульдена получила возможность следовать своим внутренним законам и скоро оказалась на значительно высшем уровне, чем ценность серебра (в слитках), — не потому, чтобы ценность бумажного гульдена поднялась, а потому, что ценность серебра понизилась.

В восьмидесятых и девяностых годах прошлого века серебро (в слитках) было не только более депрецированной денежной единицей, чем бумажный гульден, но и гораздо менее устойчивой: цена серебра на мировом рынке в своем стремительном падении ниже и ниже колебалась очень сильно. Напротив, бумажный гульден, хотя и был обозначен на серебро, колебался в своей ценности сравнительно незначительно и не обнаруживал никакой тенденции к депрециации. Поэтому бумажный гульден стал с конца восьмидесятых годов прошлого века гораздо лучшей денежной единицей, чем серебро. Австро-венгерское правительство поступило, таким образом, совершенно правильно, поставив преграду восстановлению в стране серебряной металлической денежной единицы, хотя последнее было в течение многих десятилетий неисполнимой мечтой австрийских министров финансов.

Какой же смысл имело в австрийской денежной системе то обстоятельство, что австрийские бумажные деньги по-прежнему были обозначены на серебро? С внешней точки зрения, бумажный гульден оставался обязательством государства уплатить предъявителю билета определенное количество серебра. Но по своему экономическому содержанию бумажный гульден, очевидно, не имел ничего общего с этим обязательством; уже одно то, что цена бумажного гульдена стояла гораздо выше, чем цена серебряного слитка соответствующего веса, доказывало, что бумажный гульден не есть обязательство уплатить соответствующую сумму серебра.

Долговое обязательство может иметь цену низшую, чем та сумма наличными деньгами, на которую обозначено данное обязательство. Но ни в каком случае оно не может получить высшую цену, чем наличные деньги. Если же известный документ получает цену высшую, чем денежная сумма, на которую он обозначен,

то, значит, этот документ есть нечто большее, чем долговое обязательство.

Обозначение бумажного гульдена на известное количество серебра утратило, после отмены свободы чеканки и понижения цены серебра ниже паритета с бумажным гульденом, какое бы то ни было экономическое содержание (равно как и юридическое). Это были пустые слова, лишённые какого бы то ни было смысла, — все равно как, если бы на бумажном гульдене стоял отличительный узор, устанавливающий, что данному куску бумаги присвоено государством название «гульдена».

Ценность гульдена была всецело основана на том, что на данном куске бумаги австрийским правительством было напечатано это магическое слово «гульден», за чем не скрывалось иного содержания, кроме того, что данным куском бумаги может быть погашен всякий долг ценностью в гульден. На вопрос же о том, что это за ценность «гульден», нельзя было отвечать, как формально гласил австрийский монетный закон, что 1 гульден — это серебряная монета, равная по весу одной сорок пятой части фунта чистого серебра, ибо австрийское правительство прекратило свободную чеканку серебра по той именно причине, что признало нежелательным исполнение своего первоначального обязательства — уплатить предъявителю бумажного гульдена соответствующую серебряную монету. При этом нужно иметь в виду, что в данном случае австрийское правительство не потому уклонилось от исполнения своего обязательства, что оно соблюдало своекорыстные интересы государственного фиска в противоположность интересам частных лиц; наоборот, оно не исполнило своего обязательства по отношению к частным лицам — собственникам бумажных денег — потому, что это не соответствовало бы интересам этих последних. Государство дало этим лицам нечто большее, чем серебряную монету, которую оно было обязано дать: оно дало им бумажный знак, который имел более высокую ценность, чем серебряный гульден.

Вот почему последующая история австрийских бумажных денег, после отмены свободы чеканки серебра и после появления прочного дизажио на серебро, ничем не была связана с серебром, которое утратило всякое значение для австрийской денежной системы.

Но установилась ли после 1879 г. (год отмены свободы чеканки серебра) какая-либо связь австрийской денежной системы с золотом? Формально австрийская денежная система после 1879 г. имела так же мало связи с золотом, как и с серебром. Иными словами, австрийская денежная система после отмены свободной чеканки серебра представляла собой нечто единственное в своем роде. В течение XIX века все страны мира переходили от времени до времени к бумажной валюте. Но все до сих пор бывшие бумажные валюты, кроме австрийской за период 1879—92 гг. (и, быть может, русской), всегда имели формальную связь с той или иной металлической денежной единицей — серебряной или золо-

той. Австрийская же денежная единица за это время не имела связи ни с каким металлом, ни с серебром, ни с золотом — даже формально такой связи не было, и только уже чисто номинально (за чем не скрывалось никакого ни юридического, ни экономического содержания) австрийская бумажная валюта была обозначена на серебро. Австрийская денежная система за это время была, таким образом, системой бумажной валюты вне всякой связи с металлом, и в этом заключалось ее своеобразие.

Всего этого не понимают некоторые исследователи австрийского денежного обращения. Так, напр., И. Кауфман в своей работе «Бумажные деньги в Австрии» (1913) упорно говорит о господстве в Австрии до 1892 г. «серебряного монометаллизма». На самом же деле, как показано, денежная система Австрии характеризовалась полным разрывом с каким бы то ни было денежным металлом и господством бумажной валюты в наиболее чистом виде, какой когда-либо до сих пор наблюдался в истории мирового денежного обращения.

Какой же смысл имела австрийская денежная реформа 1892 г.? Реформу эту обычно называют девальвацией. На самом же деле, с формальной стороны она еще менее может быть названа девальвацией, чем русская денежная реформа 1897 г. Формально это была вовсе не девальвация, а операция обратного характера, для которой приходится создавать новый термин — сверхэвалюация. По существу же реформа 1892 г., конечно, не была сверхэвалюацией, а операцией принципиально иного рода — номинальным введением новой денежной единицы — золотой — на место прежней номинальной серебряной денежной единицы.

Все сказанное достаточно убедительно говорит, что дизажио бумажной валюты на металл представляет собой не теоретическое измышление экономистов, а реальное явление экономической жизни. Бумажные деньги могут стоять в своем курсе как выше, так и ниже металлических денег — таково действительное положение дела.

Наиболее яркие примеры дизажио дает, однако, денежная история последних лет во время мировой войны, когда дизажио бумажной валюты на металл стало в нейтральных странах довольно распространенным явлением. Особенно выдающийся пример в этом отношении представляет Швеция.

Тем не менее следует признать без всяких оговорок, что гораздо чаще наблюдается отклонение ценности бумажных денег от металлических в сторону лажа, чем в сторону дизажио. Дизажио наблюдается только в условиях более или менее исключительных. До мировой войны, создавшей совершенно новые условия денежного обращения, дизажио появлялось не потому, чтобы бумажные деньги возвысились в своей цене по отношению к денежному металлу, а потому, что денежный металл упал в своей ценности по отношению к бумажным деньгам. Активная роль принадлежит в процессе появления дизажио не бумажным деньгам, а металлу.

Редкость же этих случаев объяснялась тем, что падение ценности денежного металла представляет собой нечто исключительное в истории мирового денежного обращения и в значительном размере наблюдалось только в новейшее время в виде падения ценности серебра.

Интересно остановиться на причинах, которые побудили общественное мнение и Австрии, и России рассматривать переход к золотой денежной системе не как сверхэвалюацию бумажной денежной единицы, поднявшейся выше серебра, а как девальвацию бумажных денег, упавших ниже золота. По отношению к России такое понимание сущности денежной реформы 1897 г. оправдывается до известной степени тем, что в нашем денежном законе была некоторая неясность по вопросу о том, на какой металл были обозначены наши кредитные билеты — на серебро или на золото. По отношению же к австрийским бумажным гульденам ни малейшей неясности в этом отношении не было: они были обозначены именно на серебро и никакого отношения к золоту не имели. Тем не менее в Австрии, как и в России, общественное мнение рассматривало свою бумажную валюту как depreciрованную по отношению к металлу, и, соответственно этому, переход к новой металлической валюте, на основе рыночного курса бумажных денег, рассматривался как девальвация. Чем было вызвано такое странное, на первый взгляд, заблуждение общественного мнения? И если это было заблуждение, то каким образом оно может держаться до настоящего времени столь упорно, что взгляды, развиваемые в этих строках, покажутся, без сомнения, огромному большинству читателей крайне искусственным построением, парадоксом, не опирающимся на действительность?

На это нужно ответить, что общественное мнение было, в конце концов, право. Действительно, наши кредитные билеты, равно как и австрийские бумажные деньги, были depreciрованы, если не с формально-юридической, то с реально-экономической точки зрения. Все дело в том, что бумажные деньги, по своей экономической природе, отнюдь не являются обязательством со стороны государства уплатить предъявителю данного билета определенное количество металла; и общественное мнение, не придавая никакого значения металлическому обозначению бумажных денег, обнаружило совершенно правильное понимание природы бумажных денег.

Существенно важно, с экономической точки зрения, не то, каков курс бумажных денег по отношению к тому металлу, на который они обозначены. Эта формальная сторона может интересовать теоретика, но на реальные экономические отношения народнохозяйственного оборота она никакого влияния не оказывает. Важен курс бумажной валюты данной страны по отношению к денежным валютам других стран, с которыми данная страна находится в оживленных хозяйственных сношениях. Вот этот-то курс общественное мнение России и Австрии и имело в виду, признавая свои бумажные деньги depreciрованными.

С семидесятых годов прошлого века золото, которое раньше было денежным металлом только одной страны — правда, страны, игравшей руководящую роль в мировом хозяйстве, — Англии — решительно побеждает серебро в качестве денежного металла и мало-помалу становится единственным мировым денежным металлом. Решающую роль в этой многознаменательной денежной эволюции сыграла Германия, перешедшая после Франко-прусской войны к золотой валюте. Вслед за тем фактически перешли к золотой валюте и страны Латинского монетного союза благодаря прекращению свободной чеканки серебра, что было равносильно упразднению биметаллической денежной системы. Когда, таким образом, золотая валюта водворилась во всех важнейших странах Европы, для России и Австрии курс их бумажных денег на серебро утратил какое бы то ни было экономическое значение. Важен был курс бумажной валюты на золото, бывшее денежной единицей всех важнейших стран, с которыми Россия и Австрия были в хозяйственных сношениях.

Исчезновение лажа бумажной валюты России и Австрии на серебро было вызвано, как указано, всецело падением ценности серебра по отношению к золоту, а отнюдь не повышением ценности бумажной валюты этих стран по отношению к золоту. По отношению к золоту курс и русской, и австрийской бумажной валюты отнюдь не поднялся. Поэтому общественное мнение России и Австрии было совершенно право, игнорируя курс бумажной валюты в серебре, который никакого реального народнохозяйственного значения не имел.

Существенно важно было не то, что русская и австрийская валюты были депрецированы по отношению к золоту, а то, что русская и австрийская валюты были депрецированы по отношению к валютам Англии, Германии, Франции и других стран золотой денежной единицы. Если бы во всех этих странах господствовала серебряная валюта, то дизажио русской и австрийской бумажной валюты на серебро приобрело бы первенствующее значение для всего народного хозяйства России и Австрии. Но так как серебро перестало быть мировым денежным металлом, то и страны с бумажной валютой, обозначенной на серебро, перестали интересоваться серебром.

Все это очень поучительно в следующем отношении: в теории бумажных денег еще до настоящего времени едва ли не господствующим является взгляд, что ценность бумажных денег есть не что иное, как отраженная ценность металла, на который обозначены бумажные деньги. Между тем, на самом деле, металлическое обозначение имеет в данном случае только чисто символическое значение и иногда не больше определяет ценность данного бумажного денежного знака, чем условные фигуры, которые на нем имеются, — хотя бы портрет Екатерины на наших сторублевых кредитных билетах. Австрийские гульдены были до 1892 г. обозначены на серебро, а общественное мнение Австрии усматривало за ними золото и смело утверждало, что австрийская бумажная

валюта депрецирована потому, что она стоит по своему курсу ниже золота. Сверхэвалюацию бумажных денег (при расчете на серебро) общественное мнение Австрии признало девальвацией бумажных денег потому, что в основу данной операции был положен пониженный курс бумажной валюты по отношению к золоту. Формальная сторона дела совершенно игнорировалась общественным мнением — и вполне основательно.

Экономическая теория должна все это учесть и провести строгое разграничение между формально-юридической и реально-экономической точками зрения. С формальной стороны как русская денежная реформа 1897 г., так и австрийская денежная реформа 1892 г. были не девальвациями бумажной валюты, а сверхэвалюациями; по существу же обе эти реформы были, в известном смысле, несомненными девальвациями — девальвациями русской и австрийской бумажной валюты по отношению к валюте стран с золотой денежной единицей. И в Австрии, и в России был восстановлен паритет между туземной и иностранными денежными единицами путем закрепления пониженного курса туземной денежной единицы, упавшей в цене не по отношению к тому металлу, на который была обозначена бумажная валюта, а по отношению к валютам других стран.

III

Хотя дизажио бумажной валюты по отношению к металлу отнюдь не является теоретическим допущением, но явлением, неоднократно наблюдавшимся в истории бумажных денег, тем не менее гораздо более частым явлением при господстве бумажноденежного обращения является лаж бумажных денег на металл. И потому с точки зрения и теории, и практики бумажных денег преимущественное внимание не может не привлекать к себе, в области явлений бумажноденежного обращения, именно лаж.

Прежде всего нужно установить, что такое лаж по своей экономической природе. Вопрос этот, как увидит читатель из дальнейшего изложения, далеко не праздный и пока еще далеко не разъясненный экономической наукой.

В теории ценности бумажных денег (а сюда входит, очевидно, и теория лажа) можно различить два различных направления. Одно характеризуется тем, что бумажные деньги рассматриваются как не имеющие своей самостоятельной ценности платежные обязательства учреждения, выпускающего эти деньги, ценность которых всецело зависит от ценности металла, на который обозначены данные обязательства. Второе направление характеризуется признанием за бумажными деньгами их самостоятельной ценности.

Первые теоретики бумажноденежного обращения — Рикардо и его школа — совсем не касались данного вопроса в его принципиальной постановке, хотя они, несомненно, видели в бумажных деньгах лишь простой суррогат металла. Главнейшими представителями теоретиков этого направления можно, поэтому, считать

германских экономистов и во главе их Карла Книса^{1*}, труд которого по теории денег и кредита еще недавно признавался в Германии основным и руководящим. В своей работе «Geld und Kredit»^{2*} Книс развивает по данному вопросу следующие соображения. Государство не может создавать своими законодательными актами новые потребительные ценности — оно может только констатировать наличие потребительных ценностей, которые возникают путем тех или иных естественных процессов. Золото и серебро имеют потребительную ценность не в силу признания их денежной единицей государством, а в силу своих естественных свойств, заставляющих людей высоко ценить обладание этими металлами. Государство, объявляя золото или серебро деньгами, лишь признает их высокую потребительную ценность, но отнюдь не создает ее.

Материал, из которого делаются бумажные деньги, не обладает самостоятельной потребительной ценностью, и потому не могут иметь самостоятельной ценности и бумажные деньги. Их, в сущности, нельзя даже называть деньгами, так как они не исполняют основной функции денег — быть мерилем ценности, чем они быть не могут, ибо мерилом ценности может быть лишь то, что обладает ценностью, бумажные же деньги таковой, согласно сказанному, не обладают.

Что же является мерилом ценности в стране с бумажноденежным обращением? Тот денежный металл, на который обозначены эти деньги. Уже при самом своем возникновении бумажные деньги обнаруживают свою истинную природу — свой производный характер от металла, ибо они всегда обозначаются на то или иное количество металла. Без такого обозначения бумажные деньги не могли бы существовать, ибо позади их не стояло бы никакой реальной экономической ценности. Будучи обозначены на металл, они заимствуют свою ценность от металла, который стоит за ними, и только потому в них может выражаться ценность товаров. Когда мы говорим, что ценность того или иного товара равна данному бумажному знаку, то мы имеем в виду не самый бумажный знак, сам по себе никакой ценности не имеющий, но определенное количество денежного металла, которое можно получить в обмен на этот знак.

Таким образом, и при господстве бумажных денег истинным мерилом ценности остается металл, на который эти бумажные деньги обозначены.

Эта точка зрения усвоена и большинством русских экономистов, притом наиболее авторитетных в вопросах денежного обращения. Вот, напр., что пишет по данному вопросу столь компетентный автор, как покойный министр финансов Н.Х. Бунге^{3*}, в своих примечаниях к русскому переводу известной книги А. Вагнера о русских бумажных деньгах.

«Чем выражается покупательная сила, заключающаяся в бумажных деньгах? Рублем, франком, талером, фунтом стерлингов, — одним словом, известным количеством золота или серебра. Пока

существует свободный размен кредитных орудий обращения на монету, ценность бумажного рубля равняется ценности металлического рубля и может быть даже выше последней именно настолько, насколько кредитные орудия обращения удобнее в оборотах, чем монета, и уменьшают расходы на пересылку и платежи. Коль скоро размен прекращается, возникает различие между рублем бумажным и рублем металлическим — рубль бумажный ценится настолько ниже, насколько менее он может купить золота или серебра или других товаров, сравнительно с монетой. Конечно, лаж не может служить точным мерилом покупательной силы бумажных денег и потеря в лаже может быть значительнее, чем повышение товарных цен, но факт остается, однако, во всей своей силе: падение ценности бумажного рубля не создает ценности самостоятельной, а составляет лишь потерю покупательной силы, некогда равной силе, заключающейся в рубле металлическом. Психическое убеждение, на котором основана ценность бумажных денег, — их покупательная сила — сводится к тому, что они составляют равноценность монеты... Даже и тогда, когда размен прекращен, ценность бумажного рубля есть только известная доля ценности рубля металлического, на который бумажный рубль не заменяется, но наравне с которым последний может покупать товары. Это не новое мерило, а только дробь прежней единицы, дробь, за которой сохраняется название единицы — рубля, франка, с прибавкою "на бумажные деньги, на ассигнации и проч."» (Ад. Вагнер. Русские бумажные деньги. Перев. Н. Бунге. 1871. Стр. 117—118).

Совершенно так же смотрит на дело и И. И. Кауфман. «Людам может казаться, — говорит он в своей книге "Кредит, банки и денежное обращение" (1888 г.), — что бумажные деньги одни только и служат орудием меры. Им будет казаться, что они все измеряют бумажными деньгами, потому что они редко замечают, что оценке товаров на деньги предшествует оценка самих бумажных денег на металлические деньги. В сущности, однако, через посредство бумажных денег (косвенно) продолжают действовать в роли орудия обращения звонкие деньги. Но этого косвенного функционирования звонких денег не замечают оттого, что не вдумываются в него. Очевидно, однако же, что и косвенно функционировать в роли орудия меры звонкие деньги не были бы в состоянии, если бы бумажные деньги совсем нельзя было оценивать на звонкие деньги. Но тогда бумажные деньги потеряли бы всякую ценность. Насколько же они сохраняют свою ценность, это именно должно обнаружить их сопоставление и измерение или сравнение со звонкими деньгами. Раз определив ценность бумажных денег, звонкие деньги уже тогда начинают свою функцию косвенного измерения. И то обстоятельство, что они действуют через посредство бумажных денег, именно наводит на мысль, что бумажные деньги служат орудием меры». Сходных взглядов придерживается и проф. А. Миклашевский¹. «После того, как бумажные деньги войдут вообще в употребление, людам может иногда ка-

заться, что они совершают все соизмерения ценности и все свои расчеты в бумажных деньгах. В сущности, однако, через посредство бумажных денег косвенно продолжают действовать в роли соизмерения ценностей металлические деньги, что сказывается рельефно в каждый из тех моментов, когда любой член народного хозяйства, где выпущены бумажные деньги, входит в соприкосновение с мировым рынком. Тогда ему приходится узнать, что его бумажные деньги не стоят полного металлического рубля, франка и т.п. Таким образом окажется, что соизмерение ценностей, которое он производил, по старой памяти, по прежнему металлическому счету, неправильно». («Деньги». 1895. Стр. 610—611).

Определенной теории лаж у писателей этой группы мы не встречаем, но они естественно склоняются к мысли, что лаж есть не что иное, как показатель степени доверия публики к тому, что размен бумажных денег на металл будет восстановлен, что обязательство государства оплатить выпущенные бумажные деньги металлом будет действительно исполнено. Вот, напр., что говорит по этому поводу Кауфман в своей цитированной работе «Кредитные билеты, их упадок и восстановление». «Сделка, представляемая обменом золота на неразменный бумажноденежный знак, есть своеобразная ссуда золота под обеспечение означенного знака, причем наперед известно, что обязательство по этой ссуде не будет вовремя исполнено, т.е. капитал (золото) по ней не будет возвращен, а обеспечение не будет выкуплено. Уже эта безвозвратность капитала (неразменность) не может не делать условий ссуды неблагоприятными; степень же неблагоприятности не может не находиться в теснейшей зависимости от торгово-политической оценки обеспечения, под которое ссуда выдается: от оценки тех вероятностей, которые имеются для допущения, что в близком или отдаленном будущем обеспечение будет выкуплено и капитал, под него выданный (золото), будет возвращен».

Таким образом, с точки зрения Кауфмана, длительное и значительное дизажио бумажных денег по отношению к металлу есть нечто невозможное; невозможен и паритет бумажных денег с металлом иначе, как накануне восстановления размена, ибо если только срок восстановления размена, иначе говоря, выполнения долгового обязательства кредитора по отношению к должнику неопределенен, то такое долговое обязательство не может иметь полной ценности наличных денег. Согласно теоретическим воззрениям Кауфмана, лаж есть явление, неизбежно сопутствующее бумажным деньгам, и вопрос заключается только в том, насколько велик будет этот лаж.

Другая группа теорий ценности бумажных денег признает, что бумажные деньги совершенно в той же мере имеют свою самостоятельную ценность, как и металлические деньги. На этой точке зрения стояли в начале прошлого века в Англии многочисленные противники Рикардо, бывшего вдохновителем взглядов, выраженных в знаменитом докладе «Комитета о слитках», возбуждившем оживленную полемику в английской экономической литературе. В

полемика этой победа осталась в общественном мнении за Рикардо, хотя английский парламент высказался против доклада «Комитета о слитках» и отверг значительным большинством голосов все его положения.

Полемика, вызванная брошюрой Рикардо «Высокая цена слитков, как доказательство обесценения банковых билетов» и докладом «Комитета о слитках», разделила английских экономистов на два лагеря, причем на стороне Рикардо были преимущественно экономисты-теоретики, а против Рикардо высказались преимущественно люди практики. Это разделение ярко отразилось и на характере полемической литературы обоих лагерей. Сочинения сторонников Рикардо имеют гораздо более научный характер и производят более выгодное впечатление с чисто логической стороны. Брошюры противников Рикардо кажутся малоубедительными по своей несистематичности и случайности приводимых аргументов.

И потому вполне понятно, что брошюры лагеря противников Рикардо скоро были забыты и почти не повлияли на развитие экономической мысли, в то время как теоретические воззрения Рикардо и его школы надолго определили собой господствующие воззрения экономистов. Тем не менее, взгляды противников Рикардо представляют собой большой теоретический интерес, больший, нежели теоретические построения самого Рикардо.

Практики, не интересуясь теорией, настаивали на том, что вздорожание цены золотых слитков, сравнительно с ценностью билетов Английского банка, которое в начале второго десятилетия прошлого века было довольно значительным, было вызвано отнюдь не падением ценности билетов Английского банка, а повышением ценности золота. В этом и заключалась сущность всего спора: в то время, как Рикардо, равно как и «Комитет о слитках», настаивали на том, что высокая цена золота была всецело вызвана падением ценности неразменных билетов Английского банка, их противники, не исходя ни из какой теории, утверждали, что билеты Английского банка ничего не утратили в своей ценности, но золото, под влиянием различных причин, повысилось в своей ценности.

Хотя «практики» (из их числа особую ясность мысли обнаружил Бозанкет, которому Рикардо посвятил особую полемическую брошюру) и не стремились к построению какой бы то ни было теории ценности бумажных денег, тем не менее такая теория сама собой вытекала из их соображений. Впрочем, было бы несправедливо сказать, что среди противников Рикардо и «Комитета о слитках» были только практики; к ним примыкал и выдающийся теоретик, один из лучших английских экономистов первых десятилетий прошлого века — Чомерс, книга которого «*Considerations on Commerce Bullions and Coins, Circulation and Exchanges*» (2 изд. 1811) совершенно незаслуженно в настоящее время забыта.

Чомерс¹ вполне примыкает к практикам и не боится поддерживать мнение одного из экспертов, опрошенных «Комитетом о

слитках», заявившего, что золото не больше является в Англии мерилom ценности, чем любой другой товар, напр., сукно. Не золото, а бумажная валюта являлась в Англии мерилom ценности с того времени, как был приостановлен размен билетов Английского банка на золото.

Все эти взгляды, как бы они ни были интересны сами по себе, все же не получили законченного систематического выражения и не сложились в стройную теорию самостоятельной ценности бумажных денег, которая могла бы быть противопоставлена теории, отрицавшей за бумажными деньгами какую бы то ни было самостоятельную ценность. Точно так же и у Тука, автора знаменитой «Истории цен», мы не встречаем определенной теории бумажных денег, хотя несомненно Тук исходил из того же понимания природы бумажных денег, что и Бозанкет и Чомерс. И только значительно позже в работах Адольфа Вагнера мы встречаем законченное теоретическое обоснование самостоятельной ценности бумажных денег.

Теоретические воззрения Вагнера с наибольшей полнотой развиты в его книге о русских бумажных деньгах «Die russische Papierwahrung» (1868), причем главная заслуга Вагнера заключается в том, что он провел строгое разграничение между ценностью бумажных денег и лажем. Во время споров в начале прошлого века по поводу доклада «Комитета о слитках» обе стороны — и сторонники, и противники комитета — не проводили различия между ценностью бумажных денег и лажем — лаж казался обеим сторонам точным показателем покупательной силы бумажных денег по отношению к товарам. Вагнер показал, что это совершенно неверно и что покупательная сила бумажных денег по отношению к товарам, как общее правило, более или менее (и иногда очень значительно) уклоняется от лажа — высота лажа отнюдь не является точным показателем действительной покупательной силы бумажных денег. Повышение лажа далеко не всегда приводит к соответствующему повышению средних товарных цен, выраженных в бумажных деньгах, равно как понижение лажа далеко не всегда выражается пропорциональным понижением товарных цен. Правда, между лажем и товарными ценами существует известное соотношение, но различные товары в весьма различной степени отражают в своих ценах лаж — некоторые полностью, на цены же других товаров изменения лажа в течение продолжительного времени могут совершенно не оказывать влияния.

Таков несомненный факт, который был констатирован Вагнером и который никем в настоящее время не оспаривается. Но из признания этого факта естественно вытекают и очень важные выводы относительно теории ценности бумажных денег. Теоретические воззрения Кнуса, равно как и наших русских экономистов Бунге, Кауфмана и Миклашевского, в сущности, отрицают факт несовпадения покупательной силы бумажных денег и высоты лажа. Ибо если лаж не определяет покупательной силы бумажных денег, то каким образом можно утверждать, как это делают

Книс, Бунге, Кауфман и Миклашевский, что бумажные деньги не являются самостоятельным мерилom ценности, а таковым остается и при господстве бумажных денег металл, на который эти деньги обозначены? Если бы Кауфман был прав и «оценке товаров на (бумажные) деньги предшествовала оценке самих бумажных денег на металл», то, очевидно, изменение оценки бумажных денег на металл — иначе говоря, изменение лажа — не могло бы не выражаться в изменении товарных цен. Если мерилom ценности при господстве бумажной валюты остается металл, то всякое колебание ценности бумажных денег в металле неизбежно должно отражаться на товарных ценах в бумажных деньгах.

В сущности, это так ясно, что, казалось бы, в дальнейших разъяснениях и надобности не имеется. Однако ни Бунге, ни Кауфман этого не поняли: им было хорошо известно о несовпадении изменений лажа и товарных цен (вышесцитированное рассуждение Бунге заимствовано из его примечаний к русскому переводу книги Вагнера о русских бумажных деньгах), и тем не менее, они упорно настаивали на том, что мерилom ценности бумажной валюты остается металл. Все равно, как если бы кто-либо стал утверждать, что длина данного предмета одновременно равняется и двум аршинам, и двум сажням. Одно и то же количество металла соответствует различному количеству бумажных денег при изменении лажа. Поэтому если металл является мерилom ценности, то при всяком изменении лажа должна изменяться цена товара, выраженная в бумажных деньгах: изменение бумажной цены товара и должно доказывать, что бумажные деньги не составляют самостоятельного мерилa ценности. Если же, как признают Бунге и Кауфман, цена товара может оставаться в бумажных рублях одной и той же, будет ли лаж высок или низок, то это доказывает, что металл не является мерилom этой цены, ибо цена остается неизменной, а количество металла, которому она соответствует, изменяется. Различные количества металла не могут дать одной и той же цены (если цена меряется металлом), как различные количества аршин не могут дать одной и той же длины.

Всех этих элементарных вещей не поняли наши экономисты, и только потому они могли одновременно и принимать вагнеровскую теорию лажа, и отрицать самостоятельную ценность бумажной валюты. По существу же дела доказанное Вагнером несовпадение лажа и покупательной силы бумажных денег совершенно разрушает металлическую теорию ценности бумажных денег.

Тем не менее, Вагнер не сделал последних решительных шагов из своей теории лажа. Бумажные деньги совершенно справедливо имеют очень плохую репутацию у экономистов, и теория бумажных денег для огромного большинства экономистов сводится к доказательству вредных последствий бумажных денег для народного хозяйства. Быть заподозренным в симпатии к бумажным деньгам было еще очень недавно крайне невыгодно, так как эта симпатия в общественном мнении обычно истолковывалась как результат либо невежества, либо мотивов личной вы-

годы. И потому экономисты, анализируя явления бумажноденежного обращения, обычно всячески опасаются высказывать положения, которые могут использовать в своих интересах сторонники бумажной валюты.

Теория, отрицающая за бумажными деньгами какую бы то ни было самостоятельную ценность, очевидно, не благоприятствует сохранению в стране бумажной валюты. Напротив, теория, признающая, что бумажные деньги являются такой же самостоятельной ценностью, как и металлические деньги, легко может явиться аргументом в пользу бумажных денег. И потому вплоть до новейшего времени мы почти не встречали в научной экономической литературе совершенно категорического признания последнего положения. И у Вагнера мы встречаем некоторую недоговоренность по этому центральному пункту¹.

Знаменитая книга Кнаппа^{2*} «*Staatliche Theorie des Geldes*»^{3*} (1905) составила эпоху в учении о деньгах. Она вызвала оживленную полемику и произвела огромное впечатление на умы. Со времени появления этой книги многими почувствовалось, что теория денег требует коренного пересмотра и что, как бы мы ни относились к практическим результатам бумажноденежного обращения, бумажные деньги должны быть признаны деньгами в полном смысле этого слова, т.е. самостоятельным мерилom ценности, несколько не менее, чем металлические деньги.

Однако, при всем своем огромном значении, книга Кнаппа не дает теории ценности бумажных денег. При каких условиях появляется лаж и от каких реальных факторов зависит его высота, всего этого Кнапп почти не касается. Его теория носит исключительно формальный характер — он классифицирует различные виды денег, дает чрезвычайно разработанную и логически стройную систему явлений денежного обращения, но оставляет в стороне исследование причинно-функциональных зависимостей и связей этих явлений. Вот почему и после книги Кнаппа центральные пункты теории денег остались неразрешенными.

Нельзя не согласиться с Лифманом, когда он говорит, что «Кнапп дал в лучшем случае юридическое, а не экономическое объяснение денег» (*Geld und Gold*, 113). Так, впрочем, смотрят и сторонники Кнаппа, напр., Бендиксен^{4*}, по мнению которого «экономическая теория денег начинается там, где заканчивает Кнапп» (*Währungspolitik und Geldtheorie*^{5*}. 1916. Стр. 86). Точно так же и Эльстер^{6*}, называющий книгу Кнаппа гениаль-

¹ Книга русского последователя Вагнера профессора Казанского университета Никольского^{1*} «Бумажные деньги в России» (1892 г.) стоит во многом на правильной точке зрения, но самостоятельного значения не имеет. Она интересна в том отношении, что в ней делается попытка использовать для целей теории денег теорию предельной полезности. Однако такая попытка по необходимости должна была окончиться неудачей по той причине, что теория ценности денег, как показано в главе III этой книги, вообще не может быть выведена из общей теории ценности.

вой, говорит в своем отзыве о втором издании этой книги в 1918 г., что «государственная теория денег до настоящего времени не имеет своего систематического выполнения в виде соответствующей ей экономической теории» (Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik. 1918. Juli. S. 81).

Своей книгой «Geld und Gold» Лифман, как он смело заявляет сам, думал восполнить этот пробел. Однако, по моему мнению, книга Лифмана, при всем остроумии ее автора, не только не восполняет названного пробела, но и вообще дает очень мало. Неудача Лифмана объясняется, прежде всего, его основной точкой зрения — его пониманием хозяйства как психических переживаний отдельных субъектов. «Психическая» теория хозяйства приводит Лифмана к отрицанию целесообразности поисков объективных закономерностей в народном хозяйстве. Даже самое понятие объективной ценности денег — их покупательной силы — отбрасывается Лифманом, как несовместимое с его общей теорией хозяйства. Точно так же Лифман считает ненаучными все методы измерения среднего уровня товарных цен и т.п.

Отсюда понятно, что никакой теории ценности денег, в ее количественном выражении, у Лифмана мы не найдем. Точно так же нет у него и теории лажа, — этого труднейшего вопроса денежной теории он даже совершенно не затрагивает в общей форме, ограничиваясь объяснением отдельных конкретных случаев изменений лажа, причем обнаруживает нередко большую проныцательность и знание дела.

Таким образом, теория лажа все еще остается малоисследованной.

Лучшее, что до сих пор сказано по этому вопросу, содержится в работах Вагнера. Но и Вагнер не идет до конца по намеченному им правильному пути. Огромная заслуга Вагнера заключается, как сказано, в том, что он с полной ясностью доказал различие лажа и покупательной силы бумажных денег. Однако и в теоретической конструкции Вагнера лаж фигурирует как нечто весьма близкое к показателю ценности бумажных денег. Так, Вагнер говорит, когда речь идет о падении ценности бумажных денег, нужно строго различать депрециацию бумажных денег (Wertentwertung) и понижение ценности бумажных денег (Wertverminderung). Показателем депрециации бумажных денег является для Вагнера лаж; понижение же ценности бумажных денег выражается в уменьшении их покупательной силы по отношению к товарам.

Признавая лаж показателем депрециации бумажных денег, Вагнер, очевидно, видит в покупательной силе бумажных денег по отношению к металлу цену бумажных денег. Тут заключается несомненная ошибка, которая проходит через всю теорию лажа, развиваемую Вагнером. На самом деле лаж является столь же мало показателем цены бумажных денег, как и ценности последних.

IV.

Понятие цены бумажных денег вообще не имеет экономическо-го смысла. В экономической науке принято называть ценой ценность какого-либо предмета продажи, выраженную в деньгах.

Что же такое, однако, лаж, если не отношение между денежными единицами — бумажной и металлической? И разве нельзя называть ценность бумажных денег в металлических ценной бумажных денег — ведь в данном случае ценность бумажных денег выражается в другой денежной единице — металлической.

В том-то и дело, что в данном случае происходит тонкое, но весьма существенное смешение понятий. Если признавать, что бумажные деньги в стране, в которой они господствуют, суть деньги, то этим самым признано, что металлическая монета в данной стране не является деньгами, ибо если ценность товаров выражается в бумажных деньгах, значит, она не выражается в металлических деньгах. Мерилом ценности в стране с единой бумажной валютой являются бумажные, а не металлические деньги; таким образом, металлические деньги не выполняют в данном случае основной функции денег — мерила ценности — и потому считаются деньгами ни в коем случае не могут.

Отсюда следует, что лаж отнюдь не выражает собой цены бумажных денег — ибо металл не является деньгами в стране с бумажной валютой, цена же есть выражение ценности в деньгах.

Кроме того, неверно, будто лаж выражает собой, с принципиальной стороны, отношение ценности бумажной валюты к металлической монете, на которую эта валюта обозначена. Если только в стране прочно установились бумажные деньги, то страна при нормальных условиях не испытывает никакой реальной экономической потребности в определении отношения ценности своих действительных денег — бумажных — к прежним, металлическим. Нормальный лаж возникает на совершенно иной основе и выражает собой нечто совершенно иное.

Бумажные деньги всегда являются местными деньгами, деньгами той страны, в которой они были выпущены. За пределами данной страны они теряют свою покупательную силу и потому, будучи вывезены за пределы страны, естественно стремятся вернуться в нее обратно, ибо только в ней они могут циркулировать, как деньги. В других же странах они могут быть предметом оборота лишь в качестве ценной бумаги, т.е. хозяйственного предмета совершенно иной экономической природы, чем деньги.

Но ни одна страна не живет вне связи с международным хозяйственным оборотом. Всякая страна связана узами торговых сношений с другими странами и, кроме того, участвует и в международном обороте капитала, или отправляя свои капиталы в другие страны, или же ввозя к себе иностранные капиталы; помимо этого, расходы путешественников, фрахты, уплаты процентов и дивидендов по международному распределению капитала и пр.,

и пр. создают широкую взаимную задолженность всех стран по отношению друг к другу.

Отсюда следует, что ни одна страна не может вести свое хозяйство при помощи только своих туземных денег. Туземные деньги не пригодны для погашения международных долговых обязательств. Обязательства данной страны другим странам могут быть покрыты лишь валютой этих последних стран, и, таким образом, возникает жизненная необходимость для страны с бумажной валютой сравнивать эту валюту с валютой других стран, оценивать иностранную валюту на туземную бумажную валюту.

Если денежная валюта другой страны имеет металлическое основание, то, расценивая эту последнюю валюту, мы расцениваем и металл, который является денежной единицей этой другой страны. Таким образом, возникает расценка металла на туземную бумажную валюту и если бумажная валюта стоит ниже пари (что является наиболее частым случаем), то и лаж.

Что же такое выражает собой лаж? Отнюдь не цену бумажной валюты в расценке на металл, а нечто обратное — цену иностранной валюты в бумажной валюте данной страны. Существенно тут, конечно, не то, как котируется вексельный курс — как цена иностранной валюты в туземной валюте или же, наоборот, как цена туземной валюты в иностранной валюте. Это касается только способа котировки вексельного курса и ни малейшим образом не затрагивает существа дела — один способ котировки всегда может быть обращен в другой.

Напротив, настаивая на том, что лаж есть выражение расценок иностранной валюты на туземную валюту, мы касаемся самого существа лажа. Если бы была правильна теория Вагнера, согласно которой лаж выражает собой цену бумажной валюты в металле, то мерилом ценности бумажной валюты являлась бы, в конце концов, все же металлическая денежная единица. Металл сохранял бы все свое значение как верховный измеритель ценности, ибо если все другие ценности измеряются в стране с бумажноденежным обращением бумажной валютой, то все же самая-то бумажная валюта измеряется в своей ценности металлом. Таким образом, при таком понимании природы лажа приходится вернуться к теории, отрицающей самостоятельную ценность бумажных денег, теории, которую сам Вагнер разрушил своим доказательством несоответствия лажа и бумажноденежной цены товара.

Чтобы внести полную стройность в теорию лажа, нужно совершенно определенно признать, что лаж выражает собой вовсе не цену бумажной валюты в металле, а цену иностранной валюты в бумажной. Бумажная денежная единица является в стране с бумажными деньгами таким же всеобщим мерилом ценности, как и металлическая единица в стране с металлической денежной системой. Предметами же оценки являются во всякой стране не только товары, но и фонды разного рода, в том числе и иностранные векселя, и иностранные деньги. Если вексель на страну с металличе-

кой валютой получает в стране с бумажноденежной системой такую высокую цену, которая превышает нормальное отклонение иностранных векселей от паритета (уклонение, зависящее от стоимости пересылки металла из одной страны в другую), то появляется лаж на иностранную валюту, иначе говоря, так как валюта этой другой страны металлическая, лаж на металл.

И потому нужно признать совершенно правильным утверждение тех людей практики, которые давали свои показания перед «Комитетом о слитках» в 1810 г. и которые утверждали, что металл не больше является мерилom ценности в стране с неизменными бумажными деньгами, чем сукно или любой другой товар. Нужно совершенно отрешиться от мысли, будто металл в каком бы то ни было смысле является деньгами в стране с бумажной валютой. Металл в такой стране является всецело товаром. Впрочем, неверно и то, будто лаж (при нормальных условиях бумажноденежного обращения) устанавливается путем расценки на бумажные деньги металла. Не металл, а, как сказано, иностранная валюта расценивается на туземные бумажные деньги, и отсюда возникает лаж.

Поэтому неправильно разграничение, которое нередко делают между вексельным курсом и лажем. Обычно соотношение между лажем и вексельным курсом представляют себе следующим образом. Вексельный курс есть цена иностранного векселя в туземной валюте. Вексельный курс, по общему мнению, устанавливается на основе спроса на иностранные векселя и предложения их. Как хорошо известно, вексельный курс, если валюты обеих стран сохраняют свою полную ценность, не может отклониться от паритета больше, чем на стоимость пересылки денег из одной страны в другую. Но если денежная единица одной страны депрецирована, иначе говоря, если имеется лаж, то лаж является новым фактором, влияющим на вексельный курс и вызывающим в полном размере лажа добавочные отклонения вексельного курса от паритета.

С чисто логической, формальной стороны против разграничения вексельного курса и лажа нечего возразить. Но было бы большой ошибкой думать, что лаж возникает в иной сфере, чем вексельный курс, и что возникновение лажа есть явление, не связанное с колебаниями вексельного курса. Нет, нужно признать без всяких ограничений, что при нормальных условиях бумажноденежного обращения лаж есть не что иное, как своеобразное явление вексельного курса, и что лажа вне вексельного курса не существует.

Правда, при ненормальных условиях бумажноденежного обращения дело может принимать иной вид. Если в стране бумажные деньги перестают правильно функционировать в качестве денег, т.е. перестают в глазах населения исполнять функцию устойчивого мерилa ценности и средства сохранения ценности, то возникает лаж совершенно иной природы. Вагнер недостаточно различает

оба эти вида лаж, хотя они по существу совершенно различного происхождения. Лаж внутреннего происхождения есть, действительно, лаж на металл, и возникает он вследствие того, что бумажные деньги перестали быть полноправными деньгами в глазах населения. Такой лаж появляется в периоды острых внутренних потрясений и кризисов, когда, вследствие недоверия к устойчивости правительственной власти, у населения возникает сомнение, может ли государство настоять на том, чтобы его предписания осуществлялись в жизни, может ли государство достигнуть того, чтобы выпускаемые им бумажные знаки принимались всем населением как законное платежное средство.

Если у населения возникает сомнение в том, что данный бумажный знак будет всеми гражданами данной страны охотно приниматься в уплату, то этот бумажный знак теряет устойчивость своей ценности и перестает быть мериллом ценности. Бумажный знак, которому государственная власть стремится придать свойства денег, перестает быть полноправными деньгами и лишь отчасти выполняет функции денег. Именно благодаря этому наряду с бумажными деньгами начинают конкурировать с ними в обороте металлические деньги, как деньги более доброкачественные и лучше исполняющие функции денег. В обороте появляются деньги двойного рода: одни, которые желает навязать населению государство и которые население отвергает, — бумажные деньги; и другие, которые являются для государственной власти нежелательными конкурентами бумажных денег, — металлические деньги, предпочитаемые населением.

Лаж является в этом случае доказательством, что население признает полноправными деньгами только металлические деньги и лишь неохотно, под влиянием давления государственной власти, пользуется бумажными деньгами. Такой лаж не имеет ничего общего с вексельным курсом и возникает внутри страны; этот лаж, конечно, передается и на вексельный курс, но происхождение его иное.

Лаж этого рода возникает, как сказано, при острых потрясениях государственного кредита, напр., при революциях. Население не верит в силу и авторитет государственной власти, и это недоверие естественно распространяется и на выпускаемые правительством бумажные деньги. Иногда таким образом бумажные деньги могут совершенно утрачивать свою ценность — как это было, напр., в 1795 г. с ассигнациями, выпущенными французским революционным правительством.

Но с этим лажом, основанным на недоверии населения к бумажным деньгам и на предпочтении этим деньгам металлических денег, не имеет ничего общего лаж другого рода, лаж, так сказать, нормальный, обычно сопутствующий бумажным деньгам. Этот нормальный лаж отнюдь не вызывается недоверием населения к бумажным деньгам и предпочтением со стороны населения металлических денег.

Наоборот, если бумажноденежное обращение прочно водворилось в стране, то население обычно предпочитает бумажные деньги металлическим и охотнее пользуется в обороте бумажными деньгами, чем звонкой монетой, по той причине, что бумажные деньги более удобны для перемещения вследствие своего малого веса и объема. И это не только предположение, а несомненный факт, в котором государственной власти неоднократно приходилось убеждаться при возвращении к металлической валюте.

Особенно поучителен в этом отношении опыт России при введении золотой валюты в 1897 г. Когда у нас был объявлен свободный обмен кредитных билетов на звонкую монету, то население не только не поспешило воспользоваться открывшейся для него возможностью обменять бумажные денежные знаки на золото, но обнаружило совершенно явное и определенное предпочтение привычных кредитных билетов звонкой монете. Правительство скоро убедилось, что заготовленная золотая и серебряная монета остается в кассах Государственного банка, совершенно не поступая в обращение.

Чтобы втолкнуть в обращение звонкую монету, наше финансовое ведомство предприняло целый ряд мер. Прежде всего были приняты меры к изъятию из обращения кредитных билетов мелких купюр — рублевых, трехрублевых, пятирублевых и десятирублевых. Кредитных билетов всех этих купюр в начале 1896 г. было на 623,5 милл. р. К концу 1900 г. их было изъято на 564,2 милл. р., причем рублевые и трехрублевые билеты были изъяты полностью, а пяти- и десятирублевых осталось только на 59,3 милл. р. Мелкие билеты были опасными конкурентами звонкой монете, так как публика решительно предпочитала их золоту и серебру по той причине, что употребление металла при мелких расчетах требовало накопления значительного количества монеты, которая была мало портативна: так, напр., при расчетах с рабочими, если приходилось выдавать тысячи рублей золотой и серебряной монетой, то нужно было иметь целые мешки золота и серебра, между тем как при употреблении кредитных билетов объем и вес билетов на ту же сумму был гораздо меньшим. А так как публика относилась к кредитным билетам с совершенно тем же доверием, как и к звонкой монете, то более удобному орудию обращения естественно давалось предпочтение.

Поэтому публика не только не обнаруживала охоты заменять кредитные билеты звонкой монетой, но, наоборот, всячески стремилась задержать в своих руках кредитные билеты. Только путем принуждения можно было извлечь из обращения кредитные билеты: правительственные кассы производили платежи звонкой монетой и не пускали в оборот кредитные билеты, навязывая населению неудобные металлические деньги вместо гораздо более удобных бумажных.

Таким образом, путем прямого принуждения, в обращение было втолкнуто к концу 1900 г. на 830 милл. руб. звонкой моне-

ты. Для творцов нашей монетной реформы 1897 г. нежелание публики принимать звонкую монету было большой неожиданностью, так как опасались обратного — усиленного спроса со стороны публики на золото.

Думали, что публика только по необходимости, ввиду невозможности обменять кредитные билеты на золото, пользуется кредитными билетами в своих оборотах; оказалось же, что публика предпочитает кредитные билеты звонкой монете.

Это совершенно неожиданное обстоятельство привело к мерам понуждения населения пользоваться в своих оборотах звонкой монетой, хотя, казалось бы, правительство могло быть только довольно тем, что золото, которое приобреталось государством с таким трудом и с такими затратами в течение целых десятков лет, остается в Государственном банке. Но руководители реформы 1897 г. были ослеплены золотым фетишем и отнюдь не хотели, чтобы с таким шумом возведенная реформа денежного обращения осталась лишь на бумаге. Им нужно было заставить публику пользоваться в своих оборотах золотом и серебром, чтобы все убедились на собственном опыте в происшедшей перемене нашего денежного обращения. И они стали усиленно хлопотать, чтобы освободить Государственный банк от запасов звонкой монеты.

Идейным вдохновителем реформы 1897 г. был, как известно, Кауфман. Вот что он пишет по этому поводу в своей книге «Серебряный рубль в России»: «Восстановление металлического обращения в России не могло, конечно, заключаться в том, чтобы золото дремало в кассах и кладовых Государственного банка, никогда их не оставляя и (как неоднократно повторяли противники реформы) служа лишь для показа знатым иностранцам и газетным корреспондентам. Золотые пятирублевки, золотые десятирублевки должны были занять место бумажных пятирублевок и бумажных десятирублевок, а звонкие серебряные целковые и полтинники должны были занять место бумажных трехрублевок и бумажных рублевок. Этого требовали здравый смысл, практический опыт и указания науки».

Вот и все, что мог сказать Кауфман в защиту весьма странного и непонятного образа действия нашего финансового ведомства, старавшегося всеми силами вытолкнуть из своих касс столь, казалось бы, нужный правительству металл. Оказывается, что меры министерства финансов имели за себя тройной авторитет «здравого смысла, практического опыта и науки». Жаль только, что Кауфман не показывает более детально, почему и здравый смысл, и практический опыт и наука требовали указанных мероприятий.

За отсутствием такого доказательства позволительно предположить, что немотивированность категорического утверждения Кауфмана вызывалась не бесспорностью этого утверждения, а именно тем, что Кауфман был в затруднении, какими соображениями оправдать довольно-таки странные меры нашего министерства фи-

нансов, и по отсутствию каких-либо доводов в их пользу предпочел голословную ссылку на здравый смысл.

Я смею думать, что и здравый смысл, и наука должны отнестись с решительным осуждением к этим мерам, имевшим своим последствием совершенно нецелесообразную растрату государственного достояния почти на 1 миллиард рублей, лишь ради того, чтобы у нас денежное обращение имело такой же вид, как на Западе. Ведь если бы 830 миллионов рублей в виде звонкой монеты хранились в Государственном банке, вместо того чтобы обращаться в публике, способность банка безостановочно разменивать свои билеты на золото не сократилась бы, а значительно возросла.

Последней работой Рикардо, завершающей всю его научную жизнь, был план учреждения в Англии Национального банка, билеты которого вытеснили бы из обращения золото. Известно, каким горячим сторонником золотой валюты был Рикардо и как энергично он боролся за восстановление размена билетов Английского банка на звонкую монету. Но Рикардо прекрасно понимал, насколько выгоднее для страны, чтобы «всевозможные сделки и торговля страны совершались при помощи дешевого орудия обращения, бумажных денег, вместо дорогого орудия, металлических денег», благодаря чему известная часть национального капитала «стала бы производительной в форме сырья, пищи, одежды, машин и орудий, вместо того чтобы она сохранялась в бесполезной форме металлических денег» (Сочинения Давида Рикардо. Перев. Н.Зибера. План учреждения национального банка. Стр. 535.)

Всего этого не понимали сотрудники Витте, и потому они совершенно напрасно ссылались на «здравый смысл, практику и науку». И наука, и здравый смысл говорили против их мер, внушенных не здравым расчетом, а узким доктринерством — совершенно ошибочным мнением, будто бумажные деньги как орудие обращения, стоят ниже металла. За это доктринерство Россия заплатилась многими сотнями миллионов рублей из золотого запаса, вполне непроизводительно растраченными нашим министерством финансов при проведении реформы 1897 г.

Плохая теория — та самая, которую Кауфман усвоил у Книса, — обошлась России очень дорого на практике. С другой стороны, опыт России с навязыванием населению звонкой монеты, которой население предпочитало бумажные деньги, имеет большой теоретический интерес. А именно, этот опыт дал фактическое доказательство несостоятельности той теории ценности бумажных денег, на почве которой стоял Кауфман, внушивший Витте все вышеуказанные странные мероприятия.

Если бы теория лажа Кауфмана была справедлива и существование лажа являлось бы выражением недоверия населения к бумажным деньгам, то нашему министерству финансов не только не пришлось бы насильственно вталкивать в обращение золото, но пришлось бы бороться с отливом золота из Государственного

банка внутрь страны. И, конечно, нельзя отрицать, что лаж может основываться на недоверии населения страны к обращающимся в стране бумажным деньгам. Но этот лаж, вызываемый внутренними кризисами, не имеет ничего общего с нормальным лажем, обычно сопутствующим бумажным деньгам.

Лаж первого рода есть, действительно цена бумажных денег данной страны в металле; лаж второго рода является экономической категорией совершенно иного рода — ценой иностранной валюты в бумажных деньгах. Правильная теория лажа невозможна, если оба эти лажа, столь различной природы, будут смешиваться воедино и если нормальный лаж будет рассматриваться, как выражение недоверия населения страны к обращающимся в ней бумажным деньгам.

Глава V

ФАКТОРЫ НОРМАЛЬНОГО ЛАЖА

I. Три фазиса развития бумажных денег. — II. Выпуски ассигнаций в эпоху революционных и наполеоновских войн в разных странах. Русские ассигнации. — III. Диаграммы движения лажа русских ассигнаций за 1790—1823 гг. Исключительная роль в истории русских ассигнаций 1810 года. Чем было вызвано падение курса в этом году. — IV. Объяснение менее значительных колебаний курса русских ассигнаций. — V. Диаграмма движения лажа русских кредитных билетов за 1854—85 гг. — VI. Диаграмма движения лажа бумажных гульденов в Австрии за 1854—73 гг. — VII. Теории лажа Вагнера и Фельдеса. — VIII. Абстрактная теория лажа. Связь количества денег, товарных цен, торгового баланса, платежного баланса и лажа. — IX. Объяснение конкретных фактов строения лажа в России и Австрии на основе абстрактной теории лажа. — X. Теория конкретного строения лажа.

I.

Теория бумажных денег, в том виде, как она до настоящего времени имела в политической экономии, страдает тем существенным недостатком, что она совершенно не исторична. Даже лучшие исследователи в этой области, напр., А. Вагнер или, из русских экономистов, Кауфман, всегда говорят о бумажных деньгах как о чем-то едином и неизменном. Между тем, на самом деле бумажные деньги являются экономическим институтом, испытывавшим в течение своего непродолжительного существования в хозяйственной жизни глубокие изменения. Бумажные деньги прошли в течение XIX века, когда они появились во многих государствах, несколько фазисов развития, и это развитие, еще далеко не закончившееся, совершенно ускользнуло от внимания экономистов.

В последующем изложении я постараюсь выяснить сущность этого развития и характерные черты его фазисов.

Таких фазисов можно отличить три. Первый фазис характеризуется тем, что бумажные деньги еще не получили законченной юридической формы и еще обращаются рядом с металлическими деньгами. Они еще не выполняют всех функций денег и представляют собой как бы эмбрион бумажных денег. Лаж на металл в этом фазисе очень высок и подвержен сильным колебаниям. Примером бумажных денег этого фазиса являются русские ассигнации, просуществовавшие в течение более 70 лет вплоть до денеж-

банка внутрь страны. И, конечно, нельзя отрицать, что лаж может основываться на недоверии населения страны к обращающимся в стране бумажным деньгам. Но этот лаж, вызываемый внутренними кризисами, не имеет ничего общего с нормальным лажем, обычно сопутствующим бумажным деньгам.

Лаж первого рода есть, действительно цена бумажных денег данной страны в металле; лаж второго рода является экономической категорией совершенно иного рода — ценой иностранной валюты в бумажных деньгах. Правильная теория лажа невозможна, если оба эти лажа, столь различной природы, будут смешиваться воедино и если нормальный лаж будет рассматриваться, как выражение недоверия населения страны к обращающимся в ней бумажным деньгам.

Глава V

ФАКТОРЫ НОРМАЛЬНОГО ЛАЖА

1. Три фазиса развития бумажных денег. — II. Выпуски ассигнаций в эпоху революционных и наполеоновских войн в разных странах. Русские ассигнации. — III. Диаграммы движения лажа русских ассигнаций за 1790—1823 гг. Исключительная роль в истории русских ассигнаций 1810 года. Чем было вызвано падение курса в этом году. — IV. Объяснение менее значительных колебаний курса русских ассигнаций. — V. Диаграмма движения лажа русских кредитных билетов за 1854—85 гг. — VI. Диаграмма движения лажа бумажных гульденов в Австрии за 1854—73 гг. — VII. Теории лажа Вагнера и Фельдеса. — VIII. Абстрактная теория лажа. Связь количества денег, товарных цен, торгового баланса, платежного баланса и лажа. — IX. Объяснение конкретных фактов строения лажа в России и Австрии на основе абстрактной теории лажа. — X. Теория конкретного строения лажа.

I.

Теория бумажных денег, в том виде, как она до настоящего времени имела в политической экономии, страдает тем существенным недостатком, что она совершенно не исторична. Даже лучшие исследователи в этой области, напр., А. Вагнер или, из русских экономистов, Кауфман, всегда говорят о бумажных деньгах как о чем-то едином и неизменном. Между тем, на самом деле бумажные деньги являются экономическим институтом, испытывавшим в течение своего непродолжительного существования в хозяйственной жизни глубокие изменения. Бумажные деньги прошли в течение XIX века, когда они появились во многих государствах, несколько фазисов развития, и это развитие, еще далеко не закончившееся, совершенно ускользнуло от внимания экономистов.

В последующем изложении я постараюсь выяснить сущность этого развития и характерные черты его фазисов.

Таких фазисов можно отличить три. Первый фазис характеризуется тем, что бумажные деньги еще не получили законченной юридической формы и еще обращаются рядом с металлическими деньгами. Они еще не выполняют всех функций денег и представляют собой как бы эмбрион бумажных денег. Лаж на металл в этом фазисе очень высок и подвержен сильным колебаниям. Примером бумажных денег этого фазиса являются русские ассигнации, просуществовавшие в течение более 70 лет вплоть до денеж-

ной реформы Канкрина^{1*} в 1839 г., а также австрийские банкнотцеттели, девальвированные в 1810 г.

Во втором фазисе своего развития бумажные деньги получают законченную юридическую структуру и начинают выполнять все функции денег; поэтому они вполне вытесняют из внутреннего оборота металлические деньги. Лаж в этом периоде развития бумажных денег держится на значительно низшем уровне и колеблется не столь значительно. Для этого фазиса наиболее характерны русские кредитные билеты после приостановки их размена во время Крымской войны и до денежной реформы Витте, а также австрийские бумажные гульдены до 1892 г.

В третьем фазисе бумажных денег, который еще только начинается и дальнейшее развитие которого еще впереди, лаж становится объектом планомерного воздействия государственной власти. В то время как в первых двух фазисах лаж является результатом игры слепых экономических сил спроса и предложения, а государственная власть лишь от времени до времени, но не планомерно и не систематично вмешивается в процесс строения лажа, в третьем фазисе органы государственной власти ставят себе совершенно новую задачу — регулировать лаж. Само собою разумеется, что это регулирование лажа не может не считаться с теми стихийными хозяйственными силами, которые влияют на лаж. Этот третий фазис развития бумажных денег, когда строение лажа бумажных денег входит в сферу хозяйственной политики государства, нашел себе выражение в истории австрийских бумажных денег после денежной реформы 1892 г.

Чтобы правильно понять факторы строения лажа, необходимо строго различать эти три фазиса, ибо в каждом из них лаж возникает на особой основе. Наиболее поучительны в деле выяснения стихийных сил строения лажа первые два фазиса, ибо в течение их действие этих сил выступало почти в чистом виде, без значительного вмешательства государственной власти.

II

Режим бумажных денег в конце XVIII века охватывает почти всю Европу в обстановке полного расстройтва государственного хозяйства под влиянием тяжелых войн и внутренних кризисов. Центром политических потрясений становится Франция, революция в которой вовлекает ее в борьбу со всей Европой. Неудивительно, что именно во Франции выпуски бумажных денег достигли наибольших размеров и закончились совершенным уничтожением ценности этих денег.

Однако не нужно думать, что французские ассигнации оказались совершенно несостоятельны в качестве источника пополнения средств фиска.

Напротив, французские ассигнации имели первоначально очень небольшой лаж, и в течение нескольких лет выпуск их

давал фиску очень крупные поступления. Затем картина резко изменилась, и ассигнации совершенно утратили свою ценность.

За первые четыре года, по 1 августа 1793 г., во Франции было выпущено ассигнаций на номинальную сумму в 3,776 милл. фр., причем эти ассигнации имели средний курс по отношению к звонкой монете в 57%, так что в металлических деньгах эта сумма составила 2.180 милл. фр. Эта цифра — свыше 2 миллиардов фр. в металлической монете, которую получило французское правительство при помощи выпусков бумажных денег, для того времени могла считаться громадной.

С 1 августа 1793 г. по 1 апреля 1795 г. было вновь выпущено ассигнаций на 4.550 милл. фр., причем средний курс этих новых выпусков был 25%, иными словами, в звонкой монете это составляло 1.111 милл. фр. Курс ассигнаций по отношению к звонкой монете сильно упал, но французская казна все же получила благодаря этим выпускам новый миллиард фр.

После 1 апреля 1795 г. начинаются уже совершенно безумные выпуски ассигнаций, в несколько месяцев достигающие колоссальной суммы в 37,251 милл. фр. Только после этого французские ассигнации утрачивают свою ценность — к концу 1795 г. их курс составлял всего 0,52% номинала.

Итак, Франция в самую трудную минуту своего государственного существования нашла в бумажных деньгах весьма обильный финансовый ресурс. В конце концов этот ресурс был исчерпан благодаря чрезмерно обильному пользованию им, но, пока выпуски бумажных денег оставались в пределах благоразумия, ассигнации сохраняли свое значение и не утрачивали своей ценности, несмотря на все внутренние перевороты, которые в это время переживала Франция.

Весьма поучительно сравнение в этом отношении Франции с Австрией и Россией. Заимствуем нижеследующую таблицу из книги Кауфмана «Неразменные банкноты в Англии» (второе изд. 1915 года, стр. XVIII).

Выпуски в милл. фр.:

Франция (до 1 апреля 1795 г.)	8.326
Австрия (до 1816 г.)	3.935
Россия (до 1816 г.)	3.344

Выпуски Франции далеко оставляют за собой выпуски Австрии и России. В то же время, хотя французские выпуски были сделаны в гораздо более короткое время и притом в период грандиозных внутренних переворотов, осложнившихся войной со всей Европой, они сопровождались гораздо менее значительным падением курса, чем выпуски Австрии и России. Так, австрийские банкноты в 1810 г. упали до 10% их номинальной ценности, а наши ассигнации в период 1811—1816 гг. упали до 23% своей номинальной ценности.

Во всяком случае, общим для бумажноденежного обращения во всех этих странах было то, что бумажные деньги оказались в них очень плохими деньгами. Даже можно сказать, что бумажные денежные знаки, выпускавшиеся в этих странах, не были в полном смысле слова деньгами, каковыми в большей или меньшей степени оставалась звонкая монета.

Во Франции бумажные деньги просуществовали всего несколько лет, и за это время население не могло отвыкнуть от звонкой монеты, которая оставалась, можно думать, в это время реальным мериллом ценности, и, следовательно, деньгами, ассигнации же были лишь орудием обращения и законным платежным средством, не выполняя, таким образом, всех функций денег.

Ассигнации появились в нашей денежной системе как орудие обращения. Они имели податное обеспечение, т.е. казна принимала их от частных лиц при всех следуемых ей платежах наравне со звонкой монетой, но они не были законным платежным средством в оборотах между частными лицами (лишь при платежах казны частным лицам эти последние обязаны были принимать не менее четвертой части следуемых им сумм ассигнациями).

Первоначально ассигнации разменивались на серебро, но уже в 1786 г. без особого гласного правительственного акта размен их на серебро был прекращен. Около 1802 г. был окончательно прекращен размен ассигнаций и на медную монету.

Ставши неразменными, ассигнации, мало-помалу, заняли господствующее положение в денежном обращении во внутренних губерниях России. Однако в других районах России ассигнации почти совсем не обращались, например, в западных губерниях, прибалтийских, Архангельской, Астраханской и др. Вплоть до манифеста 1812 г. ассигнации не имели принудительного курса и по-прежнему не были законным платежным средством в оборотах между частными лицами.

Законным платежным средством оставалась до этого года звонкая монета. Иными словами, ассигнации не были в полном смысле слова деньгами, а лишь денежным суррогатом — орудием обращения, к которому прибегали ввиду его удобств, а также ввиду недостатка иных орудий обращения (правительство задерживало выпуск в обращение звонкой монеты), но которое не являлось единственным мериллом ценности, ибо рядом с ассигнациями обращалось и серебро, являвшееся в некоторых районах России главнейшим орудием обращения.

Манифест 9 апреля 1812 года создал новое положение дел. Он сделал ассигнации законным платежным средством — все денежные обязательства между частными лицами могли быть погашаемы, согласно этому закону, ассигнациями, наряду со звонкой монетой, причем кредитор не мог отказаться от приема ассигнаций в погашение долга.

Однако и после закона 1812 г. ассигнации не стали единственным мериллом ценности в стране и, следовательно, не стали деньгами в полном смысле слова: манифест не установил неизменного

курса, по которому ассигнации должны были приниматься к платежу, но курс этот должен был изменяться в зависимости от биржевого курса ассигнаций при промене на серебро, иначе говоря, в зависимости от биржевых колебаний лажа.

Что такое были наши ассигнации после закона 1812 г., сказать не легко. С одной стороны, они удовлетворяли формальным требованиям бумажных денег, — они были законным платежным средством и были неразменны. Они имели формально и принудительный курс, но так как этот принудительный курс был не чем иным, как курсом, соответствующим свободному биржевому курсу, то элемента принуждения в данном случае почти не было: правда, должник мог требовать, чтобы кредитор получил уплату ассигнациями, а не серебром, но курс, по которому долг уплачивался ассигнациями, был именно таков, который устанавливался свободной расценкой ассигнаций на бирже. «Утверждение, что манифест 9 апреля установил принудительный курс, — пишет проф. Мигулин, — кажется нам ошибочным» («Русский государственный кредит». Т. I. 1899, стр. 59).

Нельзя не согласиться с П. П. Мигулиным^{1*} и Кауфманом, что та денежная система, которая господствовала в России с 1812 до 1839 г., представляет собой нечто единственное в своем роде. Ассигнации не обладали неизменным принудительным курсом, и их легальный курс изменялся в зависимости от биржевого лажа; но нельзя сказать и того, чтобы мерилom ценностей в России было только серебро, ибо во многих губерниях России ассигнации были почти единственным орудием обращения, и колебания лажа на серебро совсем не отражались на товарных ценах в этих районах.

Вообще, при неразменности бумажных знаков на металл знаки эти, естественно, становятся самостоятельным мерилom ценности, ассигнации же не были разменны на металл. И не подлежит сомнению, что в тех районах России, где в обращении преобладали ассигнации, ассигнации были мерилom товарных цен. Однако рядом с ассигнациями обращалось и серебро, которое было другим мерилom ценности, не связанным определенным неизменным отношением к ассигнациям.

Таким образом, в России было одновременно две денежных единицы — ассигнации и серебро. Отношения этих двух денежных единиц были неопределенными и колебались. На почве этой неопределенности возникли так назыв. «простонародные лажи», которые вызывали всего более жалоб в населении и которые вконец расстраивали денежное обращение России. А именно, при одновременном обращении в России как серебра, так и ассигнаций, было необходимо в каждом пункте обмена устанавливать соотношение ценностей ассигнаций и серебра. А так как биржевой лаж в крупных центрах обмена был не вполне одинаков и колебался (хотя и незначительно), то в стране господствовало крайнее разнообразие лажей: не только в различных городах и селах лаж был различен, но даже в пределах того же города лаж иногда

бывал различен в зависимости от лавки и магазина, где покупался товар.

Иными словами, благодаря различию лажей Россия как бы лишилась денежной единицы с определенной ценностью — и ассигнации, и серебро были неудовлетворительными измерителями товарных цен. Но серебро было все же лучшим мерилом ценности, так как серебро имело устойчивую ценность во внешней торговле России, между тем как ассигнации имели покупательную силу только внутри империи.

Итак, положение ассигнаций в денежной системе России было следующим. До манифеста 1812 г. ассигнации не были законным платежным средством и только в силу своей большей пригодности для обращения, чем медная монета (которая до введения ассигнаций играла большую роль в денежном обращении России), мало-помалу стали господствующим орудием обращения в большинстве районов России. Единственным основанием ценности ассигнаций было их податное обеспечение — и этого оказалось достаточным, чтобы ассигнации вытеснили в большей части России как медную монету, так и серебро. Впрочем, заполнение ассигнациями каналов денежного обращения в империи было результатом не столько предпочтения со стороны населения этого вида орудий обращения, сколько недостатка иных орудий обращения, так как свободы чеканки серебра в России до 1802 г. не существовало.

После манифеста 1812 г. ассигнации становятся законным платежным средством и с формальной стороны должны считаться настоящими деньгами, но рядом с ними обращаются и другие деньги — звонкая монета.

Как было сказано, ассигнации вытеснили металлическую монету далеко не во всех районах России. За время царствования Екатерины II выпуски денег различного рода выражались следующими цифрами (в милл. руб.).

Начеканено монеты:	
золотой	16,0
серебряной	70,9
медной	79,9
Выпущено ассигнаций	157,7

Как видно из этих цифр, преобладали выпуски ассигнаций, затем шла чеканка медной монеты, последнее место занимала чеканка серебряной и золотой монеты. Чеканка серебряной монеты со времени появления ассигнаций (в 1769 г.) стала сокращаться:

Начеканено серебряной монеты (в мил. руб.):	
за 1762—1771 гг.	24,3
— " — 1772—1781 гг.	21,4
— " — 1782—1791 гг.	17,2
— " — 1792—1800 гг.	17,9

Это уменьшение чеканки серебряной монеты очевидно вызывалось тем, что правительство опасалось увеличением в обращении

серебряной монеты сократить рынок для ассигнаций и медной монеты.

Не нужно, однако, думать, что ассигнации, совершенно вытеснили из обращения звонкую монету.

Ассигнации преобладали в обращении внутренних губерний, но зато в других районах империи, как выше было указано, ассигнаций почти не было, и во всех частных сделках сохранялся счет на металлическую монету. А так как губернии с металлическим денежным обращением находились в непрерывных торговых сношениях с внутренними губерниями, то, очевидно, и в этих последних должна была иметься в значительных количествах звонкая монета.

И это было действительно так, как видно из борьбы, которую министерство финансов начало после 1812 г. с серебряной монетой. Желая повысить курс ассигнаций, министерство финансов отказывалось принимать в уплату податей звонкую монету. Кауфман цитирует в своей книге «Из истории бумажных денег в России» архивное дело под весьма странным названием: «О непринятии в государственный доход золотой и серебряной монеты». Из этого дела, которое возникает в 1817 г., видно что во многих местах России плательщики податей стремились уплачивать казенные сборы не ассигнациями, а серебряной монетой; так, например, помещики такой коренной русской губернии, как Тамбовская, отказывались платить подати ассигнациями, а вносили в казначейство серебро, «выставляя причиной то, что они за продаваемый хлеб и прочие припасы получают деньги серебром».

Если в 1817 г. серебро получило в некоторых коренных губерниях России такое распространение, что население не могло достать ассигнаций для уплаты податей, то, очевидно, серебро уже давно имело значительное обращение и внутри России.

После 1812 г. обращение серебра в России значительно возрастает, как это видно из данных относительно чеканки звонкой монеты:

Годы	Начеканено монеты, (в миллионах руб.):	
	серебряной	золотой
1801 — 1810	24,3	6,5
1811 — 1820	69,8	28,3

Уже за первое десятилетие прошлого века заметно значительное возрастание чеканки звонкой монеты сравнительно с последними десятилетиями XVIII века. За второе десятилетие XIX века было начеканено звонкой монеты более, чем втрое, сравнительно с предшествовавшим десятилетием.

Чем же было вызвано усиленное поступление звонкой монеты во внутренние каналы русского денежного обращения? Обыкновенно это ставят в связи с манифестом 1812 г., который якобы открыл русский денежный рынок для звонкой монеты. С этим, од-

нако, согласиться никоим образом нельзя. Манифест 8 апреля преследовал цель совершенно противоположную: поднять курс ассигнаций путем придания им принудительного курса между частными лицами; той же цели должно было содействовать и требование, чтобы платежи в казну производились только ассигнациями, а не серебром или золотом. Совершенно непонятно, каким образом эти меры могли содействовать распространению в России звонкой монеты.

Последнее было вызвано иными причинами, начавшими действовать значительно ранее манифеста 1812 г. А именно, в 1803 г. в России вводится свобода чеканки золота и серебра, между тем как ранее выводится свобода чеканки золота и серебра, между тем как ранее выпуск звонкой монеты во внутреннее обращение Империи определялся соображениями правительства. Однако сама по себе свобода чеканки отнюдь не могла бы привести к указанным результатам, если в стране не образовалось в области денежного обращения некоторой пустоты, которую и заполнила звонкая монета. Пустота эта была создана огромным падением курса ассигнаций, обнаружившимся в особенно резкой степени в конце первого десятилетия прошлого века, и прекращением новых выпусков ассигнаций.

Падение курса ассигнаций, приведшее к тому, что ассигнационный рубль спустился приблизительно до четверти своей прежней цены, уменьшило покупательную силу бумажных орудий обращения в стране. Для добавочного количества денег освободилось место, которое и было в скором времени занято звонкой монетой — ибо после 1817 года новых выпусков ассигнаций не было. Этот процесс заполнения каналов денежного обращения страны металлом был очень облегчен тем, что Россия в течение ряда лет после окончания наполеоновских войн имела чрезвычайно благоприятный торговый баланс: серебро и золото приливали в страну и перечеканивались в ней в монету. Манифест 1812 г. был тут не при чем, и это лучше всего доказывается фактом усиленной чеканки серебра и золота задолго до этого манифеста.

Во всяком случае, со времени окончания наполеоновских войн усиливается приток в денежное обращение России звонкой монеты. Хотя ассигнации и получили к этому времени, благодаря закону 1812 г., принудительный курс, все же они не стали единственными деньгами страны, так как рядом с ними обращались иные, металлические деньги, конкурировавшие с ассигнациями и представлявшие собой более устойчивое мерило ценности, чем бумажные деньги.

Австрийские банкноттеры так же, как и русские ассигнации, первоначально не обладали принудительным курсом. Затем, когда они получили принудительный курс, они начали, в связи с огромными выпусками их, быстро падать в своем курсе, и в декабре 1810 г. серебряный гульден стоил уже 9,61 гульденов бумажных. Последовала девальвация банкноттеров с заменой их новыми бумажными деньгами. Металлическая монета, по-видимому, все

время обращалась в Австрии рядом с бумажными деньгами. При огромном падении курса австрийских банкнотителей последние не могли быть единственным мериллом ценности в стране, каковым должна была оставаться и звонкая монета.

Таким образом, следует признать, что бумажные деньги Франции, России и Австрии конца XVIII и начала XIX века были еще очень несовершенными деньгами, неспособными выполнять все функции денег и вполне заменить собой металлические деньги.

Среди бумажных денег этих трех стран наиболее устойчивыми в своей ценности оказались русские ассигнации: во Франции ассигнации после кратковременного существования совершенно утратили ценность и очистили место для металла, в Австрии банкнотители также потеряли почти девять десятых своей цены, в 1811 г. были девальвированы и заменены иными деньгами, в то время как в России ассигнации даже в период наиболее низкого курса сохраняли около 20% своей первоначальной цены и продержались до 1839 г., когда они были девальвированы и уступили место металлической валюте. Ввиду этого, для выяснения факторов, определявших высоту лажа в первом периоде развития бумажных денег, при нормальных условиях денежного обращения, наиболее поучительна история русских ассигнаций.

III

Как общее правило, лаж возникает в тех случаях, когда количество бумажных денег в обращении превышает потребности обращения. Поэтому вполне естественно искать факторов высоты лажа прежде всего в количестве имеющихся в обращении бумажных денег. В нижеследующих таблице и диаграммах сопоставлены количество ассигнаций, имевшихся в обращении в России за каждый год (1790—1823), и средняя годовая ценность серебряного рубля в ассигнациях.

Именно этот период — 1790—1823 гг. — единственно интересен для выяснения факторов лажа на русские ассигнации.

До 1790 г. лаж был настолько незначителен, что колебания его большого значения не имели; точно так же и после 1823 года, когда суммы ассигнаций в обращении оставались совершенно неизменными, колебания лажа оставались в очень узких пределах и не представляли собой ничего поучительного. Напротив, в период между 1790 и 1823 гг. происходили весьма значительные изменения как суммы ассигнаций в обращении, так и лажа.

Нижеследующая таблица разбита на 5 периодов соответственно различию движения количества ассигнаций и лажа в каждый из этих периодов. Цифровой материал заимствован из работы П. Шторха¹ «Материалы для истории государственных денежных знаков в России» («Журнал Министерства Народного Просвещения», март, 1868 г.).

Годы	Средний годовой курс серебряного рубля (в коп. ассигнациями)	Количество ассигнаций в обращении в конце года (в миллионах р. асс.)
1790	115	107
1791	123	113
1792	126	116
1793	135	120
1794	141	150
1795	146	150
1796	142	157
1797	126	210
1798	137	210
1799	151	210
1800	153	212
1801	151	221
1802	138	230
1803	125	250
1804	126	260
1805	130	292
1806	134	319
1807	149	382
1808	187	477
1809	225	533
1810	324	579
1811	394	581
1812	388	645
1813	397	749
1814	396	798
1815	421	825
1816	404	831
1817	384	836
1818	379	797
1819	372	719
1820	374	685
1821	378	651
1822	375	606
1823	373	595

Рассмотрение составленных по данным этой таблицы диаграмм приводит к поучительным выводам. За первый период 1790—1800 гг. (диаграмма № 1) мы видим значительное увеличение количества ассигнаций в обращении и сравнительно небольшое повышение лажы, прерываемое годами падения лажы. В особенности выделяется в этом отношении 1797 г., когда самые усиленные за весь этот период выпуски ассигнаций сопровождались значительным падением лажы. Правда, в следующем 1798 г. лаж подымается, но незначительно, так что и в этом году лаж стоит ниже, чем в 1796 г.

Диаграмма № 1
1790 1791 1792 1793 1794 1795 1796 1797 1798 1799 1800

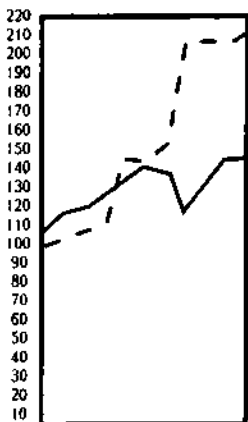
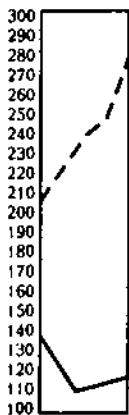

Диаграмма № 2
1801 1802 1803 1804 1805

- Лаж (курс. серебр. руб. в копейках ассигн.)
 ---- Колич. ассигн. в мил. руб.

Строгого параллелизма между движением количества ассигнаций и лажа в течение этого периода не видно. Параллелизм замечается только за первые четыре года 1790—1793 гг. В 1794 г. лаж подымается одновременно с подъемом количества ассигнаций в обращении, но гораздо слабее, так что подъем кривой количества ассигнаций сильно перегоняет подъем кривой лажа.

За время 1795—1799 гг. кривые количества ассигнаций и лажа колеблются не только не параллельно, а, скорее, в обратном отношении друг к другу.

За время 1801—1805 гг. (диаграмма № 2) этот обратный характер колебаний количества ассигнаций и лажа выражен еще более резко. В течение всего этого периода кривая количества быстро подымается. Напротив, кривая лажа показывает в течение первых трех лет резкое падение, а в последующие два года кривая эта хотя и подымается, но незначительно. В итоге, несмотря на огромное повышение количества ассигнаций за данное пятилетие, лаж не только не поднялся, но опустился на 21 к.

Следующий период 1806—1811 гг. (диаграмма № 3) был единственным за все рассматриваемое тридцатилетие, когда между движением количества ассигнаций и лажем наблюдался значительный параллелизм, подъем кривой количества ассигнаций со-

Диаграмма № 3

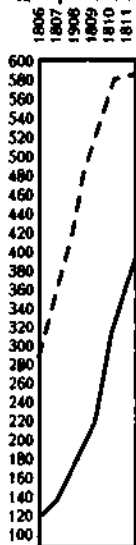

Диаграмма № 4

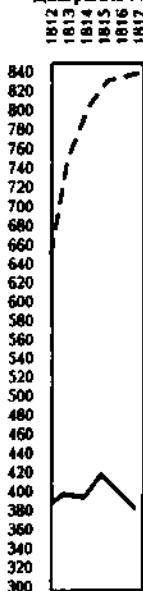
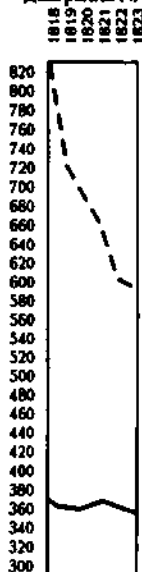

Диаграмма № 5

- Лаж (курс серебр. руб. в коп. ассигн.)
 - - - Количество ассигнаций в милл. руб.

проводился подъемом и кривой лажа. Параллелизм этот нарушается лишь тем, что кривая лажа подымается более, чем кривая количества ассигнаций. Особенно значительный подъем лажа замечается в 1810 г. — никогда, ни раньше, ни позже, лаж не подымался столь стремительно: за один год лаж возрос почти на один рубль, т.е. на 44%, в то время как количество ассигнаций поднялось в этом году всего на 9%, значительно менее, чем в предшествовавшие годы (в 1807 г. количество ассигнаций возросло почти на 20%, в 1808 г. — на 25%, в 1809 г. — на 12%). Таким образом, год исключительного подъема лажа совпал с годом сравнительно незначительного увеличения количества ассигнаций. При этом толчок, данный каким-то пока неизвестным фактором лажу, был так силен, что и в следующем году лаж повысился на 70 к., т.е., опять-таки сильнее, чем в какой-либо другой год (кроме 1810), хотя в 1811 г. увеличения количества ассигнаций почти не наблюдалось.

В следующем периоде 1812—1817 гг. (диаграмма № 4) ни о каком параллелизме между движением обеих кривых не может быть и речи: кривая количества ассигнаций показывает очень значительный рост, но на лаж этот рост не оказывает почти никакого влияния, и к концу периода, при сильно возросшем количестве ассигнаций, лаж стоит ниже, чем он стоял в начале периода.

Точно так же и в последнем периоде 1818—1823 гг. (диаграмма № 5) исчезает связь между количеством ассигнаций и лажем, но уже в обратном смысле: предшествовавший период показал, что огромное увеличение количества бумажных денег может не оказывать повышательного влияния на лаж, а шестилетие 1818—1823 гг. обнаружило, что и огромное уменьшение количества бумажных денег может не оказывать понижительного действия на лаж. Оба эти периода как бы дополняют друг друга и говорят как бы одно и то же, что лаж не зависит от количества бумажных денег в обращении, что сокращение этого количества так же бесцельно понизит лаж, как расширение этого количества не способно повысить лаж.

Таковы весьма парадоксальные выводы, которые получаются из рассмотрения приведенных пяти диаграмм. Но, конечно, чтобы прийти к какому-либо окончательному заключению, нужно более детально остановиться над факторами изменения лажа в рассматриваемые тридцать три года.

Все без исключения исследователи истории русских ассигнаций рассматривают повышение лажа как естественный результат расширения выпусков ассигнаций. Это кажется настолько очевидным, что никто из писавших о русских ассигнациях даже и не пробовал более детально исследовать факторы колебаний лажа в данном историческом периоде.

Между тем, вышеприведенные диаграммы ясно говорят, что факторы строения лажа отличаются гораздо большей сложностью, чем это обычно думают. Дело обстоит вовсе не так, что лаж повышался по мере увеличения количества ассигнаций в обращении. Наоборот, до 1805 г. мы замечаем крайне слабое влияние выпусков ассигнаций на лаж: количество ассигнаций в обращении достигло к этому времени почти трехсот миллионов рублей, т.е. возросло сравнительно с 1790 г. почти в три раза, между тем как лаж повысился за это время только на 15 коп. За десятилетие 1795—1805 гг. количество ассигнаций возросло вдвое, между тем, как лаж, не только не повысился, но даже понизился на 16 коп.

Таким образом, до 1805 г. расширение выпусков ассигнаций очень слабо влияло на лаж. Точно также нельзя не заметить влияния на лаж огромных выпусков ассигнаций после 1812 г. Остается из всех рассматриваемых 33 лет только шестилетие 1806—1811 гг., когда произошло то огромное повышение лажа, которое впоследствии упрочилось и свело ценность ассигнаций к небольшой доле их первоначальной ценности.

Итак, в то время, как усиленные выпуски ассигнаций почти не прекращались в течение 1790—1817 гг., значительный подъем лажа наблюдался только в течение немногих лет после 1805 г.

Даже еще более — строго говоря, значительно большая доля подъема лажа приходится всего на два года: 1810 и 1811 гг. За эти два года лаж поднялся на 1 р. 69 к. При девальвации ассигнаций, произведенной в 1839 г. Канкриным, лаж ассигнаций был фиксирован в 2 р. 50 к. Таким образом, подъем лажа в два года 1810—1811 составлял большую часть того окончательного лажа, на основе которого были выкуплены ассигнации 28 лет спустя.

Итак, 1810—1811 гг. играли совершенно исключительную роль в истории наших ассигнаций: именно в эти годы создалась большая часть того лажа, который впоследствии упростился и был фиксирован девальвацией Канкринна.

И, однако, как это ни странно, ни один исследователь русских бумажных денег не обратил до сих пор внимания на эту совершенно исключительную роль двух названных годов. Во всяком случае, мне неизвестно ни малейшего упоминания в обширной литературе, посвященной русским бумажным деньгам, об исключительной роли в истории русских ассигнаций этих двух таинственных годов.

Что же нанесло в 1810 г. столь тяжелый удар ассигнациям?

В истории русских ассигнаций 1810 год известен как год, когда было приступлено к осуществлению выработанного Сперанским «плана финансов», который имел в виду покончить с режимом бумажных денег. Бумажные деньги решительно осуждались этим «планом» и объявлялись величайшим злом, для борьбы с которым государство не должно отступать ни перед какими жертвами. План этот был принят Государственным Советом, и в осуществление его в 1810 г. последовал целый ряд законодательных мероприятий, которые были начаты манифестом 2 февраля 1810 г., торжественно возвестившим, что правительство решило принять чрезвычайные меры к погашению ассигнаций и что отныне новые выпуски ассигнаций не будут иметь места.

Этот манифест, равно как и другие в том же году, наметили целый ряд мероприятий, имевших в виду, путем постепенного изъятия ассигнаций из обращения, поднять их курс до паритета и перейти к металлической денежной системе. Мероприятия эти были хорошо продуманы и выработаны во всех деталях Сперанским^{1*}, Мордвиновым^{2**} и другими лучшими русскими государственными людьми того времени.

Правда, намеченные меры не получили практического осуществления, и даже торжественно возещенное обещание правительства не делать более новых выпусков ассигнаций не было исполнено: выпуски ассигнаций продолжались и после 1810 г. Однако современники этого не знали, ибо после манифеста 2 февраля все дальнейшие выпуски были тайными.

И что действительно правительству удалось сохранить тайну, видно хотя бы из книги Шторха «Cours d'économie politique»

(1815 г.). Шторх был самым авторитетным и осведомленным экономистом в России того времени. И он настолько был не осведомлен в данном вопросе (или, во всяком случае, не предавал огласке свою осведомленность), что в его курсе в таблице количества ассигнаций в России за каждый год количество это указывается неизменным после 1810 г.

Современники верили, что со времени манифеста 2 февраля новые выпуски ассигнаций прекратились. Точно так же они не могли не верить, что правительство самым серьезным образом намерено в ближайшем же будущем приступить к постепенному изъятию ассигнаций из обращения и повышению их курса до паритета.

Казалось бы, при таких условиях следовало ожидать значительного подъема курса ассигнаций, которые до манифеста 2 февраля еще сохраняли по отношению к серебру свыше 40% своей номинальной ценности. В действительности произошло нечто иное и, по-видимому, совершенно непонятное: через несколько месяцев после манифеста, возвестившего о прекращении новых выпусков ассигнаций, курс их начинает неудержимо падать и к концу 1810 г. спускается до 19% своей ценности (падение доходило до курса 520 коп. ассигнациями за 1 рубль серебром).

Как же объяснить все эти загадочные явления?

Вопрос этот до сих пор и не ставился в литературе, что несколько не удивительно, ибо, как выше указано, самое падение курса в 1810 г. совершенно ускользнуло от внимания историков нашего денежного обращения.

Так, напр., Кауфман ограничивается по поводу этого падения следующими короткими строками: «Сперанский знал, что прежде, чем подействуют принимавшиеся меры, выпуск, произведенный в течение 1810 г., еще ухудшит положение, как действительно и оказалось в конце 1810 г. и в начале 1811 г.» («Из истории бумажных денег в России», стр. 27). Проф. Никольский ни единым словом не упоминает в своей книге «Бумажные деньги в России» о падении курса наших ассигнаций в 1810 г.

Из более старых авторов П. Шторх говорит по этому поводу следующее: «Количество ассигнаций, находившееся в обращении, составляло в 1809 г. 533.201.300 р., но представляло ценность 237.000.000 р.; в 1810 г. последовал выпуск 46.172.580 р. ассигнациями, который до такой степени понизил их курс, что они соответствовали только 179.127.775 р.» («Журнал Министерства Народного Просвещения», ч. 137, стр. 835—836). Точно так же и В. Гольдман ставит в связь падение курса ассигнаций с чрезмерными выпусками их. «Ценность ассигнаций, — говорит он в своей книге «Русские бумажные деньги» (1866 г., стр. 32), — понизилась в 1808 г. до 201, а в 1809 и 1810 годах, после нового выпуска 184 милл. бумажных денег, упала, при непрерывных колебаниях, до 401 к. ассигнациями за серебряный рубль». Наконец, что касается современников, писавших об ассигнациях на основании непосредственного личного наблюдения, то они совершенно умал-

чивают о падении курса ассигнаций в 1810 г. Это нужно сказать о харьковском профессоре Якобе¹, написавшем очень ценную книгу «Ueber Russlands Papiergeld» (1817) и о знаменитом экономисте александровской эпохи Шторхе, который в своем известном «Cours d'économie politique» отводит много места истории русских ассигнаций, но о падении курса именно в 1810 г. определенно не говорит.

Ни один из названных авторов не обратил внимания на то, что в 1810—11 гг. произошло совершенно исключительное падение курса наших ассигнаций, и что для объяснения этого падения требуется какое-то особое объяснение, а не простая ссылка на новые выпуски ассигнаций. Ведь выпуски ассигнаций происходили не только в 1810 г. — и ничего подобного тому падению курса, которое наблюдалось в 1810 г., они ни раньше, ни после не вызывали.

К тому же, до 1810 г. выпуски были явные, а с 1810 г. выпуски стали тайными, отчего их влияние на курс должно было бы, казалось бы, уменьшиться. Да и по своим абсолютным размерам выпуск ассигнаций в 1810 г. был не более, а менее значительным, чем в предыдущие годы. Отчего же он оказал такое сокрушительное влияние на курс ассигнаций? Ответить на это историкам наших ассигнаций нечего.

Трудность объяснения падения курса русских ассигнаций в 1810 г. еще увеличивается тем, что в этом году Россия была в союзе с Францией, закончила легкую и победоносную войну с Швецией, и ее международное положение было очень благоприятно. Вообще в течение всего рассматриваемого периода движение курса наших ассигнаций не находилось в определенной связи с ходом политических событий. Тут указывает в этом отношении на замечательный пример, на котором следует остановиться. Вступление Наполеона в Москву вызвало не падение, а огромное повышение курса русских ассигнаций. Так, по словам этого столь авторитетного автора, в июне 1812 г. курс из Петербурга на Лондон был 16 пенсов, в конце же сентября, когда Наполеон был уже в Москве, курс достиг 25 пенсов.

Это повышение курса русских ассигнаций в то время, когда поражение России казалось на Западе почти несомненным, объясняется Туком следующим образом. Цены пеньки, льна, сала и других русских продуктов сильно возросли в Англии в первой половине 1812 г. благодаря тому, что явилось опасение прекращения подвоза этих продуктов в связи с наступлением Наполеона. Опасения эти вызвали усиленные закупки этих продуктов и отправки их из русских гаваней до начала зимы. Таким образом, Англия оказалась должником России на значительную сумму, и в Лондоне возник сильный спрос на векселя, выставленные на Россию. Но векселя эти предлагались на лондонском рынке в самом ограниченном количестве благодаря тому, что ввоз в Россию английских товаров почти прекратился, и русские торговцы отказывались от покупки английских товаров, опасаясь, что в случае по-

беды Наполеона все английские товары будут конфискованы и сожжены, как это случилось незадолго до этого в Пруссии.

Таким образом, получилось сильное несоответствие между спросом на русские векселя и предложением их и, в результате, огромное повышение цены русских векселей, а, значит, и повышение курса русских ассигнаций на английскую валюту.

«Когда обнаружилось, что французские войска принуждены отступать из России, отказавшись от движения на Петербург, то курс русских векселей начал падать и к концу года достиг уровня $16\frac{3}{8}$ пенса. Затем он продолжал, с колебаниями, падать до октября 1816 г., когда он достиг наинизшего уровня в $9\frac{1}{2}$ пенса» (Тооке. Die Geschichte und Bestimmung der Preise. 1858. I. 657).

Таким образом, курс русских ассигнаций повышался по мере того, как шансы поражения России возрастали, и понижался по мере военных успехов России. Конечно, этот случай является исключительным, но он очень поучителен, показывая, до какой степени могущественно влияние на курс бумажных денег чисто экономического фактора — спроса и предложения векселей данной страны на иностранных рынках. (Об этом любопытном эпизоде из истории русских ассигнаций пишет также Якоб в своей книге «Ueber Russlands Papiergeld». 1817. Стр. 46 и след.)

Возвращаемся к прежнему вопросу: чем было вызвано падение курса наших ассигнаций в 1810 г.?

Чтобы подойти к правильному ответу, обратим внимание на следующий факт: не только русские ассигнации испытали в 1810 г. катастрофическое падение, но то же самое произошло и с австрийскими ассигнациями. Вот данные о курсе австрийского серебряного гульдена в бумажных банкнотцеттелях (за 100 серебряных гульденов бумажных):

В среднем	1809	1810
Январь	221	469
Февраль	234	398
Март	248	331
Апрель	252	347
Май	276	375
Июнь	333	395
Июль	315	405
Август	299	448
Сентябрь	310	490
Октябрь	310	553
Ноябрь	346	699
Декабрь	405	961

Подъем лажа австрийских ассигнаций на металл был еще более стремительным, чем русских: в начале 1809 г. серебряный гульден стоил всего 2,21 бумажных, а в конце 1810 г. уже 9,61 бумажных — почти в четыре с половиной раза более.

И, точно так же этот огромный рост лажа австрийских бумажных денег на металл не может быть объяснен ни усиленным вы-

пуском их, ни политическими событиями: в 1810 г. Австрия войны не вела и была в союзе с Францией. Напротив, в 1809., когда Австрии приходилось вести крайне тяжелую и неудачную войну с Францией и Россией, курс ассигнаций стоял сравнительно с следующим мирным годом очень высоко.

Катастрофа с австрийскими ассигнациями произошла как раз в то же время, как и с русскими: в конце 1810 г. Уже одно это совпадение времени заставляет искать причины: всех этих явлений в действии какого-либо фактора, имевшего международный характер.

Если мы обратимся к явлениям английского денежного рынка, то и там мы увидим довольно сходную картину:

	Вексельный курс в Лондоне на Париж (за 1 фунт ст.)
Июнь 1810 г.	21 фр. 16 с.
Конец: декабря 1810 г.	19 фр. 8 с.
марта 1811 г.	17 фр. 6 с.

Начиная с половины 1810 г., английская валюта стала быстро падать в своей цене и в марте 1811 г. достигла самого низкого уровня за все время; вексельный курс на Париж 17 фр. 6 сант. означал собой падение английской валюты против паритета на 33%. Вслед за тем курс английской валюты стал повышаться и через несколько лет достиг паритета.

Итак, совершенно ясно, что в конце 1810 г. стала действовать как в России, так и в Австрии, и Англии какая-то причина, вызвавшая падение курсов бумажных денег всех этих стран. Причиной этой никоим образом не могли быть усиленные выпуски бумажных денег, ибо таковых не было: и в России, и в Австрии выпуски 1810 г. были менее значительны, чем в предшествовавшие годы. Что же касается Англии, то выпуски билетов Английского банка были, вообще, сравнительно невелики: в 1810 г. было в обращении всего на 22.541.475 ф. ст. билетов Английского банка, менее, чем в последующие годы, когда курс вернулся к паритету.

Тем не менее, нужно признать, что причина падения курсов не только билетов Английского банка, но и австрийских, и русских ассигнаций коренилась именно в условиях английского денежного рынка. Тут мы и приходим к объяснению катастрофы, постигшей бумажную валюту различных европейских стран в 1810—1811 гг.

Катастрофа эта была вызвана следующей причиной: в 1810 г., в последних месяцах этого года, в Англии произошел тяжелый торгово-промышленный кризис, что с тех пор так часто переживала Англия.

Вот как описывает Тук этот кризис: «Общая паника господствовала почти во всех отраслях промышленности и торговли в течение второй половины 1810 и первых месяцев 1811 г.: ниже-

следующее извлечение из *Monthly Magazine* дает, по моему мнению, наилучшее и самое точное описание положения дела (от 1 августа 1810 г.): "Банкротства торговых домов первого ранга в Лондоне и многих провинциальных городах наблюдались в прошлом месяце в беспрецедентном числе. Один торговец вест-индскими продуктами, долгое время занимавший первое место в этой отрасли торговли, вызвал приостановку платежей банкирского дома, репутация которого до этого времени была безупречна. Провинциальные банки, связанные деловыми сношениями с этим банком, естественно, разделили его участь — и бедствие распространилось на торговцев, фабрикантов, лавочников, вплоть до их служащих и рабочих, многие из которых лишились заработка. Пять манчестерских фирм прекратило платежи, и большое число рабочих было выброшено на улицу; пассивы этих фирм достигают двух миллионов ф.с...". В остальной Европе общее положение было не менее печально, и в одном сообщенном мне письме из Нью-Йорка говорится следующее: "Такого положения денежного рынка мы еще не переживали — всякое доверие в деловом мире — и, к сожалению, с полным основанием, — совершенно исчезло"» (Тооке. *Die Geschichte und Bestimmung der Preise*. I. B., стр. 141—142).

Этим торгово-промышленным кризисом и было непосредственно вызвано стремительное падение курсов бумажных денег как в самой Англии, так и в других странах — России и Австрии.

Что касается Англии, то это объяснение кажется легко приемлемым: Англия была очагом кризиса, что же странного в том, что английские бумаги упали в своем курсе? Если же падение английской валюты оказалось очень значительным, то это объясняется неразменностью этой валюты на металл. Векселя на Англию не оплачивались звонкой монетой, и при таком положении дела усиленное предложение этих векселей на рынке (вследствие недоверия к прочности английского денежного рынка) легко могло привести к значительному падению их цены.

Гораздо менее понятна связь стремительного падения русских и австрийских ассигнаций с английским торгово-промышленным кризисом. Если причиной этого падения был английский кризис, то почему курс русских и австрийских ассигнаций упал гораздо ниже курса английской валюты, почему курс из России и Австрии на Англию упал, а не повысился, как можно было бы ожидать: ведь кризис возник в Англии, а не в России и Австрии. Казалось бы, кризис должен был повысить курс русской и австрийской валюты по отношению к английской. В действительности же, в 1810—11 гг. курс английской валюты по отношению к русской и австрийской не упал, а значительно возрос.

Как выше было указано, лондонский курс векселей значительно возрос на Париж, а также на Гамбург, Амстердам и, вообще, страны металлической валюты, но курс векселей на Петербург в 1810—11 гг. сильно упал: в 1809 г. средний годовой курс из Лондона на Петербург был 20 пенсов за 1 р., а в 1810—11 гг. только 14 пенсов. Иными словами, русская валюта упала в своем курсе

гораздо более, чем английская. Еще более упала валюта австрийская.

Все это кажется мало понятным. Однако факт полного совпадения по времени падения русской и австрийской валюты с английским кризисом делает в высокой степени вероятным, что это падение было вызвано не чем иным, как кризисом в Англии.

Объяснить взаимную зависимость всех этих одновременных явлений можно следующим образом. Тяжелый торгово-промышленный кризис вызвал падение курса английской валюты; обнаружившаяся неустойчивость бумажной валюты, в связи с необходимостью немедленной реализации ценных бумаг, в том числе русских и австрийских векселей на английском рынке, который пострадал от кризиса и на котором явилась сильная нужда в наличных деньгах, привела к падению в Лондоне курса русских и австрийских векселей, а следовательно, и к обесценению русской и австрийской валюты. Это обесценение приняло по отношению к русской и австрийской валюте гораздо большие размеры, чем по отношению к английской валюте, потому что русская и австрийская валюты были гораздо слабее английской.

Удар, нанесенный курсу английской валюты кризисом 1810 г., оказался скоропроходящим: уже в 1812 г. курс существенно поправляется, а в 1814 г. и 1815 г. почти достигает паритета. И это вполне понятно, так как Английский банк уже задолго до восстановления размена в 1819 г. имел возможность производить размен на золото своих билетов. Близость момента возобновления размена сознавалась всеми, и при таких условиях курс валюты не может опускаться на продолжительное время значительно ниже пари.

Напротив, и австрийская, и русская валюты были совсем в другом положении: о восстановлении размена, на основании паритета бумажных денег с металлом, нечего было и думать; по состоянию финансов обеих стран можно было опасаться обратного — совершенного уничтожения ценности бумажных денег, как это произошло в 1795 г. во Франции. Пример Франции еще был очень жив в памяти людей, и бумажные деньги не могли внушать доверия современникам.

И потому быстрая реализация в 1810—11 гг. на английском рынке австрийских и русских векселей нанесла сокрушающий удар австрийской и русской валюте. А так как Россия была в финансовом отношении значительно сильнее только что разбитой Наполеоном Австрии, то не удивительно, что австрийская валюта пострадала гораздо более русской: австрийские банкотеттели спустились по отношению к металлу до одной десятой своей номинальной ценности и были в 1811 г. девальвированы, в то время как русские ассигнации понизились по отношению к металлу в конце 1810 г. до одной пятой своей номинальной ценности, но затем стали медленно и с колебаниями поправляться в своем курсе.

Таковы были реальные факторы, определившие наиболее крупные изменения курса русских ассигнаций. Как сказано, решающую роль в истории русских ассигнаций сыграл английский кризис 1810 г., что осталось неизвестным всем без исключения историкам русских бумажных денег.

Если бы не события этого года, то курс русских ассигнаций, по всей вероятности, удержался бы на значительно более высоком уровне, и ничего нет невозможного, что, в конце концов, путем изъятия известной части ассигнаций из обращения, правительству удалось бы поднять курс наших ассигнаций и восстановить размен ассигнаций по курсу гораздо более высокому, чем тот, по которому была произведена девальвация 1839 г. Обычное мнение, будто сильное падение курса ассигнаций было всецело вызвано чрезмерными выпусками ассигнаций, не имеет за собой фактической основы, ибо оно игнорирует роль в этом падении английского кризиса 1810 г.

IV

Для объяснения менее значительных колебаний курса русских ассигнаций пришлось бы обратиться к состоянию русского платежного баланса за каждый год. К сожалению, нечто подобное совершенно невыполнимо по отсутствию соответствующих цифровых данных. Даже для торгового баланса не имеется сколько-нибудь достоверных данных — официальная статистика ввоза и вывоза наших товаров за это время заслуживает весьма мало доверия и совершенно отсутствует для нескольких лет — как раз наиболее важных — напр., для 1809—1811 гг.

Для выяснения вопроса о зависимости между количеством бумажных денег и лажем весьма поучительно остановиться над двумя противоположными в некоторых отношениях периодами 1812—1818 гг. (диаграмма № 4) и 1819—1823 гг. (диаграмма № 5). Эти два периода замечательны по полному отсутствию совпадения между изменением количества бумажных денег в обращении и лажем; в первом периоде огромное увеличение выпусков бумажных денег не повысило лажа, а во втором периоде столь же значительные изъятия из обращения бумажных денег не понизили лажа.

Первый период не обратил на себя внимания историков наших ассигнаций; что касается второго периода, то факт стационарности лажа при сокращении бумажных денег в обращении в течение этого времени обычно объясняется тем, что место уничтожаемых ассигнаций в это время занимала звонкая монета, приливавшая в Россию из-за границы: монета эта замещала изымаемые правительством ассигнации, так что общая сумма денег в стране оставалась без изменения. С наибольшей полнотой аргументация эта, со ссылками на Канкрин, Якоба, Судейкина^{1*} и Федоровича, развита г. Гурьевым^{2*} в его книге «Реформа денежного обращения» (1896 г., стр. 367—371).

Однако объяснение это, очевидно, недостаточно. Почему изъятие из обращения ассигнаций образовало некоторую пустоту, которую заполнила звонкая монета? Ведь если бы оставшиеся ассигнации поднялись в своем курсе (к чему и стремилось правительство), то никакой пустоты не образовалось бы. Почему курс ассигнаций не поднимался по мере уменьшения их количества? В этом-то и заключается весь вопрос, на который приведенное рассуждение не дает никакого ответа.

Кроме того, рассуждение это неправильно освещает факты, оно игнорирует предшествовавший период, когда при сильном увеличении в обращении количества ассигнаций золотая и серебряная монета также приливалась в большом количестве в Россию. Оба эти периода должны быть сопоставлены друг с другом, и только тогда мы можем прийти к удовлетворительному объяснению всех этих явлений.

Итак, после 1810—1811 гг., когда произошло под влиянием английского торгово-промышленного кризиса катастрофическое падение курса русских ассигнаций, курс последних приобретает значительную устойчивость — ни увеличение выпусков ассигнаций, ни сокращение их не оказывают значительного влияния на курс. Как объяснить эту устойчивость?

Отсутствие дальнейшего падения курса ассигнаций после 1810 г. вполне понятно. Кризис этого года вызвал падение курса русских ассигнаций значительно более сильное, чем возросло количество последних. За два года курс наших ассигнаций упал почти вдвое, благодаря чему общая покупательная сила всего запаса денег в стране значительно сократилась. Если раньше потребность народного хозяйства в деньгах была насыщена, то теперь денег стало слишком мало.

Новые выпуски бумажных денег в первые годы после 1812 г. заполняли пустоту, которая образовалась в нашем денежном обращении благодаря кризису 1810 г. Эта пустота, вызванная чрезмерно низким курсом ассигнаций в связи с таким случайным и внешним фактором по отношению к русскому народному хозяйству, как торгово-промышленный кризис в Англии, давала возможность свободно разместить на нашем рынке без всякого понижения курса ассигнаций те 191 миллион ассигнационных рублей, которые были выпущены в 1812—1817 гг.

К концу этого периода в нашем обращении было на 836 милл. р. ассигнаций, что по курсу на металл составляло около 200 м. р. Металлической монеты в стране обращалось к этому времени, вероятно, на большую сумму. В это время правительство приступает к уменьшению количества ассигнаций и уничтожает в течение нескольких лет средним числом по 40 милл. р. ассигнаций.

В переводе на металл 40 милл. р. ассигнаций составляли около 10 милл. р. При общем запасе денег в стране, в переводе на металл, на 400—500 милл. р. (включая сюда и монету) сумма изъятия в 10 м. р. металлических являлась столь незначительной, что она не могла оказать заметного влияния на курс ассигнаций.

Все дело в том, что ассигнации никогда не были единственными деньгами России: рядом с ними всегда обращалась звонкая монета и, по-видимому, всегда на сумму, превышавшую сумму ассигнаций (по действительному курсу этих последних на металл). Противоположное мнение о господстве в денежном обращении России ассигнаций основано на игнорировании действительного курса ассигнаций. 800 миллионов р. ассигнаций импонируют воображению, но если вспомнить, что эти 800 м. р. были равны по курсу всего 200 милл. р. металлом, причем остальная доля денежного запаса страны состояла из металла, то не покажется странным, что уменьшение количества ассигнаций в обращении на несколько десятков миллионов в год могло совершенно не влиять на лаж.

В конце концов, мы приходим к выводу, что лаж на металл в период господства у нас ассигнаций находился лишь в очень отдаленной зависимости от колебаний количества ассигнаций в обращении. Огромное же падение курса русских ассигнаций, которое, по общему, никем до сих пор не оспаривавшемуся, мнению, было обусловлено чрезмерными выпусками ассигнаций, было на самом деле вызвано причиной совершенно иного рода: английским кризисом 1810 г., о влиянии которого на русский лаж истории наших ассигнаций и не подозревали.

V

Бумажные деньги второй половины прошлого века существенно отличаются от таковых начала столетия. Различие тех и других заключается в следующем.

Прекратившие свое существование в 1939—1943 гг. русские ассигнации и до манифеста 1812 г., и после него обращались рядом с металлическими деньгами. До 1812 г. они даже не были обязательны к приему; манифестом этого года они стали обязательны к приему, но, однако, не получили неизменного принудительного курса: они должны были приниматься по колеблющемуся биржевому курсу. Именно благодаря отсутствию принудительного неизменного курса и могла обращаться рядом с ассигнациями звонкая монета — при неизменности легального курса совместное обращение неразменных бумажных денег и звонкой монеты, согласно так называемому закону Грэшама¹, невозможно.

Таким образом, русские ассигнации, являющиеся примером бумажных денег в первом фазисе своего развития, не выполняли в равной мере всех функций денег. Они были орудием обращения и законным платежным средством, но они не были единственным мериллом товарных цен, ибо товарные цены выражались также и в металле. Ассигнации были, следовательно, лишь денежным эмбрионом, а не зрелыми деньгами.

Напротив, бумажные деньги второй половины прошлого века являются уже вполне развившимися деньгами, выполняющими все функции денег, в том числе в полном объеме и функцию ме-

рила ценности. Правда, бумажные деньги этого фазиса своего развития еще являются плохим мерилom ценности. Но все же они в пределах данного государства являются единственной ценностью, в которой выражается ценность всех товаров, и не имеют рядом с собой конкурента в виде звонкой монеты, как это было в эпоху ассигнаций.

Примером бумажных денег этого второго фазиса развития являются русские кредитные билеты после того, как был прекращен их размен во время крымской войны и до перехода к золотой валюте в 1897 г. Об условиях строения лажа в этом фазисе развития бумажных денег дают представление нижеследующая таблица и диаграммы, охватывающие собой то время, когда движение курса кредитного рубля было наиболее поучительно в смысле влияния на лаж стихийных сил народнохозяйственной жизни. До 1854 г. лажа на металл почти не было, так как кредитные билеты разменивались на звонкую монету. Со второй же половины восьмидесятых годов, со времени министерства Вышнеградского¹, курс нашего рубля начинает подвергаться энергичному воздействию нашего финансового ведомства, ведущего активную валютную политику, которая маскирует влияние на лаж стихийных факторов народного хозяйства. Поэтому для выяснения значения стихийных факторов лажа поучительно время до 1885 г., на котором мы и остановимся.

Годы	Количество кредитных билетов в обращении в конце каждого года (в миллионах руб.) ¹	Средняя цена 1 р. золотого в копейках кред. ²	Перевес вывоза товаров из России над ввозом и обратно в млн. руб.; + перевес вывоза, - перевес ввоза ³
1854	356	106	- 5
1855	511	107	- 33
1856	689	101	+37
1857	735	104	+18
1858	644	107	+2
1859	638	109	+6
1860	713	107	+22
1861	713	114	+10
1862	691	110	+28
1863	636	105	- 0,2
1864	679	119	+11

¹ По «Статистическому Временнику Российской Империи», сер. III, вып. 15, 1886 г.

² По «Статистическому Временнику Российской Империи», сер. III, вып. 15, 1886 г.

³ Вычислено по «Ежегодникам М-ва Финансов».

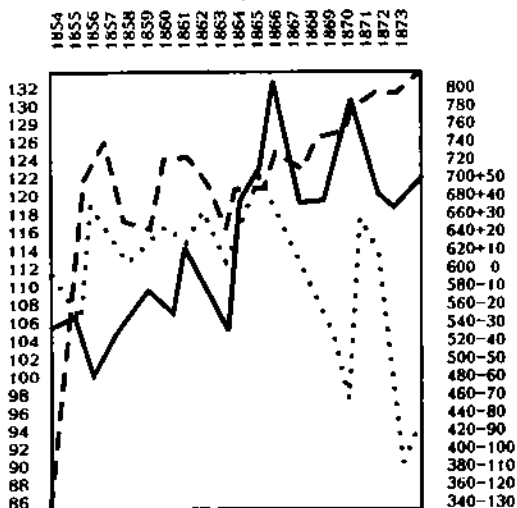
Годы	Количество кредитных билетов в обращении в конце каждого года (в миллионах руб.)	Средняя цена 1 р. золотого в копейках кред.	Перевес вывоза товаров из России над ввозом и обратно в млн руб.; + перевес вывоза, - перевес ввоза
1865	678	122	+45
1866	709	131	+18
1867	691	118	-21
1868	724	118	-34
1869	732	125	-78
1870	757	129	+24
1871	772	119	+0,7
1872	771	117	-108
1873	797	119	-78
1874	797	114	-40
1875	797	116	-149
1876	790	123	-77
1877	1.039	148	+207
1878	1.188	156	+23
1879	1.162	158	+40
1880	1.133	152	-124
1881	1.133	152	-11
1882	1.133	158	+51
1883	1.103	161	+78
1884	1.073	158	+52
1885	1.046	158	+103

Первая диаграмма охватывает собой время 1854 — 1873 гг. Размен кредитных билетов на звонкую монету был приостановлен без особого гласного правительственного распоряжения в 1854 г. Вслед за этим появился лаж на звонкую монету.

В этой диаграмме лаж (сплошная линия) сопоставлен с количеством кредитных билетов (прерывистая линия) и торговым балансом (пунктирная линия).

В первые три года после прекращения размена наблюдается, при огромном увеличении количества кредитных билетов в обращении с 356 до 689 миллионов р., т. е. на 333 миллиона р. (почти вдвое), не повышение, а падение лажа. Нужно, однако, иметь в виду, что начало Крымской кампании и прекращение размена немедленно вызвали появление лажа, что предшествовало, таким образом, новым выпускам кредитных билетов. Затем, не следует упускать из виду и следующего чрезвычайно существенного обстоятельства: увеличение количества кредитных билетов в первые годы после прекращения размена отнюдь не означало собой пропорционального увеличения количества денег в стране, так как бумажные деньги вытесняли из обращения звонкую монету.

Диаграмма №1

- Лаж (золотых коп. за рубль кредитн.).
- - - Количество кредитных рублей (в миллионах р.).
- . . . Перевес вывоза товаров над ввозом и обратно (в милл. р.).

Количество звонкой монеты в России перед приостановкой размена точно неизвестно. Кауфман принимает, что золотой и серебряной монеты имелось в стране не менее, чем на 320 миллионов р. Этот подсчет мне кажется сильно преуменьшенным, так как он построен на совершенно несостоятельном допущении, что к 1810 г. страна лишилась запаса звонкой монеты, накопленного в XVIII веке, что явно не соответствует действительности (ассигнаций совсем не было в обращении к 1810 г. в обширных районах России, да и во внутренних губерниях России наряду с ассигнациями обращалась также и звонкая монета).

Если бы, однако, и согласиться с подсчетом Кауфмана, то все же пришлось бы признать, что количество вновь выпущенных кредитных билетов только немногим превышало количество звонкой монеты, которая вытеснялась этими новыми бумажными деньгами из обращения. А так как кредитные билеты, в противоположность ассигнациям, с самого своего возникновения имели принудительный курс, то не подлежит сомнению, что они должны были очень быстро вытеснить звонкую монету — полноценная серебряная и золотая монета циркулировать сколько-нибудь продолжительное

время рядом с кредитными билетами, на которые был лаж в несколько процентов, не могла.

Это вытеснение звонкой монеты бумажными деньгами упускается из виду многими исследователями русских бумажных денег, в том числе и лучшим из них, Вагнером. Если же мы это обстоятельство будем иметь в виду, то мы должны будем признать, что огромные выпуски кредитных билетов во время Крымской кампании лишь очень незначительно увеличили количество денег в стране.

Таким образом, сравнительно незначительный лаж в первые годы после приостановки размена кредитных билетов, при одновременных огромных выпусках их, мы не можем считать доказательством независимости лажа от количества бумажных денег в стране.

В смысле выяснения связи между количеством денег и лажем более поучительны последующие годы, когда кредитные билеты уже заполнили все денежное обращение России и звонкая монета исчезла из оборота.

В десятилетие после Крымской войны, вслед за 1857 г., когда количество кредитных билетов в обращении достигает своего максимума, количество это колеблется сравнительно незначительно, со слабой понижающей тенденцией. Напротив, лаж колеблется очень сильно, причем тенденция его изменения не понижающая, а в общем, повышающая.

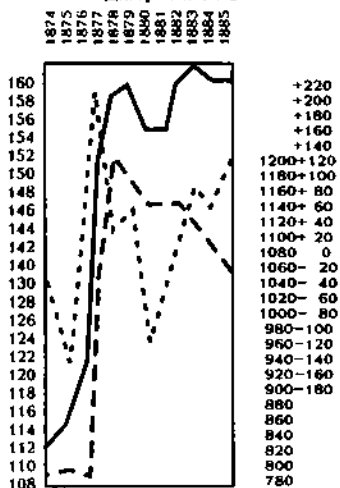
Среди колебаний лажа за все рассматриваемое время имеется несколько более значительных: это подъем лажа в 1859—1861, 1866 и 1870 годах. Упадок вексельного курса в эти годы вызывался политическими причинами — в 1859 г. была война Австрии с Францией, в 1866 г. война Пруссии с Австрией, в 1870 г. Пруссии с Францией. Во всех этих войнах Россия ни прямо, ни косвенно никакого участия не принимала. Тем не менее, они очень сильно и неблагоприятно отражались на курсе русского рубля.

И в этом ничего странного нет. Не нужно забывать, что лаж устанавливается не внутри страны, а вне ее, в области международных отношений. В частности, курс русского рубля, начиная с 50-х годов прошлого века, попадает во все большую и большую зависимость от берлинской биржи, благодаря развитию торговых сношений между Россией и Германией.

Берлинская биржа реагировала весьма сильно на все названные войны, а так как курс русского рубля был весьма слаб и неустойчив, то естественно, что именно на курсе русских ценностей особенно отражались потрясения биржи.

Однако не нужно и преувеличивать влияния политических событий на лаж. После каждого подъема лажа, подъема, вызванного политическими событиями, в которые была вовлечена Германия, следует столь же резкое падение лажа. Иногда это падение полностью уничтожает предшествовавшее повышение, и курс кредитного рубля после перенесенного падения поднимается еще на большую высоту, чем это было раньше; так было, напр., после войны 1866 и 1870 гг. Но если курс и остается на более низком

Диаграмма № 2

- Лаж (золотых коп. за р. кред.).
 - - - Количество кредитных рублей (в милл. руб.).
 . . . Перевес вывоза товаров над ввозом и обратно (в милл. р.).

1875—1876 гг. и подъемом его же в 1859, 1866 и 1870 гг. существует полная аналогия. Во все эти годы русский вексельный курс падал благодаря политическим событиям, вне связи с выпусками кредитных билетов.

Однако в годы, следовавшие за турецкой войной, и в годы после тех войн, в которых Россия не принимала никакого участия, лаж на русские кредитные билеты изменялся совершенно иначе. После войны западноевропейских государств, без участия России, русский вексельный курс быстро поправлялся и нередко поднимался на большую высоту, чем он был до этих войн; напротив, после турецкой войны, участницей которой была Россия, наш вексельный курс хотя несколько и поправляется, но продолжает стоять на значительно более низком уровне, чем до войны.

Откуда это различие в дальнейшем течении явлений, возникших при сходных условиях? Вне всякого сомнения, различие это зависело от следующего обстоятельства: после войны западно-европейских государств между собою в России не происходило усиленных выпусков кредитных билетов, между тем как турецкая

уровне, то, во всяком случае, политические потрясения оказывают временное и преходящее влияние на лаж.

Вторая диаграмма охватывает собой 1874—1885 гг. В этом периоде бросается в глаза подъем лажа в течение 1875—1879 гг. Подъем этот опять-таки был вызван политическими событиями — осложнениями на Балканском полуострове, которые закончились русско-турецкой войной. Война привела к новым выпускам кредитных билетов, благодаря чему общее количество бумажных денег в стране возросло почти на 50%.

Подъем лажа начался ранее увеличения количества кредитных билетов и был обусловлен всецело политическими причинами.

В этом отношении между подъемом лажа в

война вызвала новые выпуски кредитных билетов, повысившие весьма значительно общее количество денег внутри России.

Крымская война увеличила количество кредитных билетов относительно гораздо более, чем война 1877 — 1878 гг.: после Крымской войны количество кредитных билетов возрастает более чем вдвое, между тем как война 1877 г. приводит к увеличению количества кредитных билетов менее чем в полтора раза. Однако после Крымской войны курс кредитных билетов остается на довольно высоком уровне, и лаж колеблется на уровне ниже 10%. Напротив, после войны 1877 г. лаж держится на очень высоком уровне в 50 — 60%.

Это различие объясняется следующим образом. Как уже было указано, после Крымской войны новые выпуски кредитных билетов вытесняли из внутреннего обращения России звонкую монету, которой имелось в обращении внутри страны почти на такую же сумму, на какую было выпущено новых кредитных билетов. Таким образом, увеличение количества денег в стране, благодаря новым выпускам кредитных билетов после Крымской войны, было, сравнительно незначительным. Напротив, новые выпуски кредитных билетов, вызванные последней турецкой войной, в своем полном размере увеличили количество денег в России, так как ко времени восьмидесятых годов звонкой монеты во внутреннем обращении России не было и кредитные билеты были единственными деньгами.

Весьма важно остановиться на вопросе о зависимости вексельного курса от платежного баланса. К сожалению, вопрос этот не допускает непосредственного фактического изучения, так как платежный баланс, по своей природе не допускает точного учета и не регистрируется никакими статистическими учреждениями. Некоторые статьи платежного баланса (напр., расходы путешественников и пр.) совсем ускользают от общественного контроля и могут быть только предметом догадок.

Однако одна составная часть платежного баланса, и при обычных условиях наиболее значительная, учитывается статистикой — это именно торговый баланс. Весьма поучительно сравнение торгового баланса с вексельным курсом.

Пунктирная кривая на вышеприведенных диаграммах выражает собой движение торгового баланса. Изучение ее колебаний приводит к парадоксальному выводу: колебания лажа отнюдь не находятся в той тесной зависимости от колебаний торгового баланса, как это обычно думают. Действительно, между движением кривой торгового баланса и лажом следовало бы ожидать обратного соотношения: естественно думать, что при повышении вывоза товаров, когда спрос на векселя данной страны за границей возрастает, лаж должен понижаться и, наоборот, при понижении товарного вывоза, когда спрос на векселя данной страны понижается, лаж должен подниматься.

На самом деле мы видим совершенно иную картину. Мы не наблюдаем никакого обратного соотношения колебаний обеих кри-

вых — они колеблются в том же направлении так же часто, как и в обратном направлении.

Так, в первой диаграмме можно заметить известную, хотя и весьма ограниченную обратную зависимость колебаний обеих кривых до 1866 г. Но с этого года кривые начинают колебаться в том же направлении: увеличение перевеса товарного вывоза сравнительно с ввозом сопровождается не падением, а подъемом лажа; напротив, понижение избытка товарного вывоза сравнительно с ввозом сопровождается не подъемом, а падением лажа. Кривая торгового баланса падает всего ниже в 1872 г. — и на этот год приходится низшая точка кривой лажа со времени 1863 г.

Во второй диаграмме еще менее можно заметить обратную зависимость между колебаниями обеих кривых. Год наиболее благоприятного торгового баланса — 1877, есть вместе с тем год наиболее резкого подъема лажа. Год очень резкого падения торгового баланса — 1880, есть год падения и лажа.

Этот отрицательный результат сопоставления фактического изменения торгового баланса и вексельного курса требует, конечно, теоретического объяснения, которое и будет дано в последующем изложении¹.

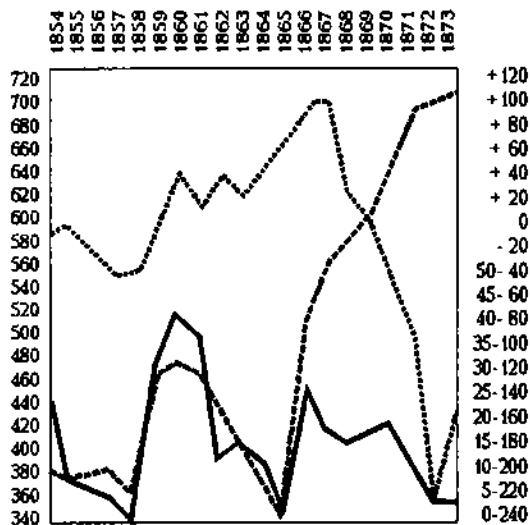
VI

Весьма поучительно сопоставить колебания русского лажа с колебаниями лажа в Австрии. Цифры нижеследующей таблицы заимствованы из одной из лучших работ о факторах лажа в Австрии — статьи Вильгельма Лезиганга «Die Ursachen des Agio und seiner Schwankungen in Oesterreich», в журнале Конрада¹ «Jahrbücher f. Nationalökonomie u. Statistik» (27 том).

Годы	Количество бумажных денег в конце года (в миллионах гульденов)	Лаж на серебро в конце года (в %)	Перевес вывоза товаров сравнительно с ввозом и обратно (в миллионах гульденов)
1854	383	27,6	+8,7
1855	377	9,1	+3
1856	380	7,1	-7,3
1857	383	6,1	-31,6
1858	370	2,7	+27,5
1859	466	33	+17,4

¹ Ад. Вагнер в своей книге «Die russische Papierwahrung» высказал, как он сам говорит, «гипотезу», что лаж находится в большей связи с торговым балансом предшествовавшего, чем данного года. Гипотеза эта является довольно шаткой, но если бы и согласиться с Вагнером и сопоставлять лаж данного, а не того же года, результаты такого сопоставления не привели бы к иным выводам, чем полученные при сопоставлении торгового баланса и лажа за тот же год.

Годы	Количество бумажных денег в конце года (в миллионах гульденов)	Лаж на серебро в конце года (в %)	Перевес вывоза товаров сравнительно с ввозом и обратно (в миллионах гульденов)
1860	474	44,2	+55,9
1861	468	40,2	+33
1862	426	14	+54
1863	396	17,5	+37
1864	375	14,2	+68,6
1865	351	4	+87,7
1866	508	29,1	+111,6
1867	560	19,5	+113,1
1868	584	17,5	+41,5
1869	602	20,7	+19,2
1870	649	21,7	-36,5
1871	690	14,7	-73,1
1872	694	6,6	-222,7
1873	702	6	-139,5

— Лаж в процентах.

..... Количество выпущенных бумажных денег (в миллионах гульденов).

- · - · - · - Перевес вывоза товаров и обратно (в миллионах гульденов).

В австрийской диаграмме бросается в глаза, прежде всего, почти совершенный параллелизм между движением количества бумажных денег и лажа вплоть до 1866 г. С этого года зависимость между движением обеих кривых исчезает: огромные выпуски бумажных денег, увеличившие сумму бумажных денег в обращении более чем на 40%, не только не привели к повышению лажа, но сопровождалась падением лажа. Австрии удалось то, что мало удавалось России, — повысить количество бумажных денег в обращении без всякого ущерба для их ценности по отношению к металлу.

Что касается до соотношения торгового баланса и вексельного курса, то в этом отношении австрийская диаграмма вполне подтверждает отрицательный вывод, полученный из изучения русской диаграммы. Кривая торгового баланса колеблется скорее параллельно, чем обратно сравнительно с кривой лажа. Высокий лаж не только не сопутствует неблагоприятному торговому балансу, но, наоборот, низкий лаж обычно наблюдается в годы неблагоприятного торгового баланса, и, наоборот, высокий лаж наблюдается тогда, когда торговый баланс очень благоприятен.

В этом отношении и русская, и австрийская диаграммы свидетельствуют об одном и том же: теоретически столь вероятная зависимость между лажем и торговым балансом маскируется в действительной жизни какими-то перекрещивающимися ее факторами. Что это за факторы, это еще требует объяснения.

Что касается количества бумажных денег, то влияние этого фактора на лаж выступает в Австрии за 13 лет, 1854—1866 гг., в гораздо большей степени, чем в России. Можно сказать, что в Австрии за это время лаж возрастал лишь в случае увеличения количества бумажных денег и почти пропорционально этому увеличению. Напротив, русский вексельный курс был очень неустойчив и легко падал при неизменности или даже сокращении количества бумажных денег.

Таким странным и запутанным языком говорят факты. Посмотрим, какой свет может пролить на них теория.

VII

Экономическая наука не обладала до настоящего времени законченной теорией лажа. Лучшее в этом отношении сказано Адольфом Вагнером; однако и для Вагнера многое в сложных факторах лажа остается неясным. На первый план Вагнер выдвигает момент доверия и полемизирует с количественной теорией лажа — теорией, согласно которой лаж определяется количеством бумажных денег. Правда, Вагнер не отрицает, что количество бумажных денег оказывает влияние на лаж, но, говорит он, «количественная теория денег Рикардо, которая еще и теперь принимается по отношению к неразменным бумажным деньгам многими экономистами, ложна (*ist falsch*). Момент количества имеет по отноше-

нию и к таким бумажным деньгам только посредствующее значение и притом значение преимущественно постольку, поскольку он влияет на момент доверия» (*Die russische Papierwahrung*, стр. 86).

Вместе с тем Вагнер придает очень большое значение состоянию платежного баланса и говорит, что «движение лажа зависит от предложения металла и спроса на него, т.е. от сделок с благородным металлом» (там же, стр. 87).

Главными недостатками теории Вагнера являются, с одной стороны, выдвигание им на первый план такого неопределимого психического фактора, как момент доверия, с другой же стороны, полная невыясненность природы той связи, которая, как и он признает, имеется между количеством бумажных денег и платежным балансом.

Вагнер не сознает, что и его теория лажа является в известном смысле количественной теорией, с которой он полемизирует. Именно потому Вагнер и придает в своей теории лажа такое первенствующее значение моменту доверия.

Что касается последующих экономистов, то никто из них не прибавил ничего существенно ценного к тому, что было сказано Вагнером. Русские экономисты иногда повторяли Вагнера, иногда же не оказывались на высоте его воззрений, оказывались неспособными усвоить то существенно новое и верное, что содержалось в его теории. Последнее следует сказать о Кауфмане, у которого никакой определенной теории факторов лажа нет, хотя Кауфман лучше кого-либо другого был знаком с фактической историей русских денег и, по справедливости, считается наиболее авторитетным русским экономистом в вопросах денежного обращения.

На западе наиболее широкая статистическая обработка фактического материала, относящегося к условиям строения лажа, принадлежит будапештскому профессору Бела Фельдесу, которого с большим уважением цитирует в своей книге «Деньги» покойный юрьевский профессор Миклашевский. Однако, работа Фельдеса «*Beitrage zur Frage uber Ursachen und Wirkungen des Agios*» (*Jahrbucher fur Nationalokonomie*, том 38) очень мало дает для теории лажа, статистически неубедительна и эклектически объединяет, совершенно внешним образом, разнообразные факторы лажа.

Таковых Фельдес насчитывает целых пять: 1) относительное количество бумажных денег; 2) спрос на благородный металл (платежный баланс); 3) государственный кредит; 4) характер покрытия бумажных денег и 5) цена благородных металлов.

Если идти путем Фельдеса, то факторов лажа придется насчитать не пять, а гораздо больше, ибо лаж отражает на себе почти все более существенные моменты хозяйственной жизни страны с бумажноденежным обращением. Ввиду этого научная теория лажа должна отказаться от мысли перечислить все факторы лажа, которых слишком много, и сосредоточить свое внимание на принципиальной стороне вопроса и на взаимной зависимости наиболее существенных факторов.

VIII

Прежде, чем приступить к объяснению фактического строения лажа, как оно отразилось на приведенных диаграммах, рисующих колебания лажа в России и Австрии, необходимо рассмотреть вопрос в абстрактной форме, в известных идеальных условиях, под воздействием совершенно определенных хозяйственных сил.

Предположим страну, которая переходит от металлической к бумажной валюте. Этот переход осуществляется в момент приостановки размена на металл тех бумажных денежных знаков, которые раньше обращались в стране и которые при существовании размена не были бумажными деньгами.

Если приостановка размена не сопровождается новыми выпусками бумажных денег, то нет и никакой экономической необходимости для появления лажа. Этот случай мы видели, например, в Англии в 1798 г., когда был приостановлен размен билетов Английского банка на металл, но новых усиленных выпусков почти не последовало. Действительно, приостановка размена последовала 28 февраля 1797 г., среднее же количество билетов Английского банка в обращении за последнее пятилетие XVIII века изменялось следующим образом:

Годы.....	Фунт. ст.
1795.....	11.482.928
1796.....	10.220.798
1797.....	10.989.702
1798.....	12.570.785
1799.....	13.471.218

В 1797 г., после приостановки размена, билетов Английского банка в обращении было меньше, чем в 1795 г., когда билеты свободно разменивались; в 1798 и 1799 гг. количество билетов хотя и возрастает, но очень незначительно. Что касается английского вексельного курса, то по данным Мушета (см. Blake. *Observations on the Principles which regulate the Course of Exchanges*. London. 1810), вексельный курс из Лондона на Гамбург после приостановки размена не упал, а поднялся:

	Вексельный курс на Гамбург в пользу или против Лондона в процентах
1797 г.:	
3 января	+5,4
2 мая	+6,9
3 ноября	+12,8
1798 г.:	
2 января	+13,3
1 мая	+11,8
2 ноября	+12,3

Вексельный курс
на Гамбург в пользу
или против Лондона
в процентах

1799 г.:

1 января	- 11,6
2 июля	+ 6,9
1 ноября	- 3,5

Курс английских векселей упал только во второй половине 1799 г., — в течение более двух лет вексельный курс из Лондона на иностранные рынки оставался выше паритета и после приостановки размена не только не упал, но довольно значительно повысился.

Но если приостановка размена сопровождается значительным увеличением выпусков бумажных денег (что является общим правилом), то курс бумажных денег до сих пор всегда падал ниже металлических, иначе говоря, появлялся лаж. Таким образом, конечной причиной появления лажа на бумажные деньги следует считать, вне всякого сомнения, именно количественный фактор — увеличение количества денег в обращении после приостановки размена.

Посмотрим же, каким образом увеличение количества бумажных денег влияет на лаж.

Прежде всего нужно решительно отвергнуть, чтобы это увеличение непосредственно воздействовало на лаж, подобно тому, как оно воздействует на товарные цены. Товарная цена находится в непосредственной зависимости от выпусков бумажных денег: выпуски эти совершаются не для чего иного, как для приобретения тех или иных товаров. Вновь выпускаемые деньги немедленно расходуются на покупку товаров и потому, согласно общим законам народного хозяйства, не могут не повышать цен на покупаемые товары.

Эти покупки сами по себе совершенно не влияют на лаж. Нормальный лаж устанавливается в международном обмене, при покупках и продажах иностранных векселей, а не товаров самих по себе.

Однако не подлежит сомнению, что косвенная связь между покупками товаров и лажем существует. Связь эта устанавливается вексельным курсом. Товары, приобретаемые за счет вновь выпускаемых бумажных денег, могут быть или иностранными, или туземными. Если это товары иностранные, то соответственно повышается ввоз в страну иностранных товаров, и долг данной страны за границу возрастает — платежный баланс этой страны на такую же сумму становится более пассивным. Если же приобретаемые товары — туземного происхождения, то и в этом случае пассивность платежного баланса должна возрасти. А именно, закупки на внутреннем рынке должны повести к соответствующему подъему товарных цен. Повышенные товарные цены естественно привлека-

ют товары из-за границы — ввоз в страну возрастает. В то же время вывоз товаров из страны падает благодаря тому, что внутренний рынок становится более выгодным местом сбыта, чем иностранный рынок. Таким образом, в обоих случаях увеличение количества бумажных денег в обращении имеет тенденцию сделать торговый баланс, а следовательно, и платежный баланс более пассивным.

Пока в стране имеются достаточные запасы звонкой монеты, неблагоприятный платежный баланс приводит к вывозу из страны этой монеты, — иначе говоря, бумажные деньги вытесняют из внутреннего обращения страны металлические. Но что будет, когда звонкая монета исчезнет из обращения и бумажные деньги заполнят денежный рынок данной страны?

Ответить на этот вопрос не так легко, как кажется. Дело в том, что бумажные деньги суть деньги только в пределах выпустившей их страны; вне ее они не являются законным платежным средством и не могут быть орудием обращения. Правда, другие страны охотно принимают эти деньги, но только для того, чтобы вернуть их на место их выпуска — циркулировать за пределами выпустившей их страны бумажные деньги не способны.

Каким же образом страна, не располагающая звонкой монетой, может платить свои долги другим странам? Этим последним нужен только металл, которого в первой стране нет. Конечно, и бумажные деньги данной страны будут охотно приняты в уплату, но с тем, чтобы вернуть эти деньги обратно в выпустившую их страну и обменять их, в конце концов, на металл. Между тем, металлом данная страна не располагает; по-видимому, уплата заграничного долга становится для нее невозможной.

Это-то положение дела и приводит неизбежно к появлению лажа, благодаря чему страна получает возможность уплачивать свой заграничный долг. Пусть сумма новых выпусков бумажных денег (хотя бы в России) равна 100 миллионам руб.; для простоты допустим, что вся эта сумма затрачивается на покупку разного рода предметов за границей (хотя бы в Англии). В России, согласно предположению, не имеется в обращении звонкой монеты. Англия, откуда приобретаются данные предметы (хотя бы пушки), не нуждается в бумажных рублях и в случае получения их вернет их обратно в Россию.

Фактически уплата по международным обязательствам производится при помощи переводных векселей. Чтобы уплатить за пушки, привезенные из Англии на 100 миллионов руб., Россия должна будет на такую же сумму приобрести векселей на Англию. Новый спрос на английские векселя должен привести к повышению их курса, иначе говоря, к падению курса русских векселей на Англию. Русская валюта должна стать относительно дешевле английской.

Если русская валюта подешевеет относительно иностранной, то уплата русского долга Англии станет возможной. А именно,

удешевление русской валюты по отношению к иностранной создаст тенденцию уменьшить ввоз в Россию иностранных товаров и увеличить вывоз из России товаров за границу. Первое потому, что при удешевлении русской валюты (иначе говоря, при удорожании иностранной валюты) иностранные товары на русском рынке вздорожают и станут, следовательно, относительно дороже, чем товары туземного происхождения (цены на которые непосредственно не затрагиваются падением курса русской валюты). Второе же — увеличение вывоза русских товаров за границу — вызывается тем, что при удешевлении русской валюты та же товарная цена в русской валюте равносильна пониженной цене в иностранной валюте; русский вывоз за границу становится возможным по пониженным (заграничным) ценам и, следовательно, получает поощрение.

В конце концов, благодаря понижению курса русской валюты активность русского торгового баланса возрастет, и чем более упадет курс русской валюты, тем эта активность будет более. Перевесом вывоза товаров сравнительно с ввозом Россия и уплатит свой долг Англии.

Итак, естественный механизм международных хозяйственных сношений преодолевает указанное затруднение — невозможность уплатить заграничный долг ни бумажными деньгами, которые за границей не циркулируют, ни металлом, которого в стране нет; затруднение это преодолевается путем возникновения лаж. Лаж выполняет важную народнохозяйственную функцию: стимулируя вывоз и задерживая ввоз, лаж дает возможность стране платить свои долги другим странам товаром.

На каком же уровне должен установиться лаж? Рассматривая этот вопрос совершенно абстрактно, мы должны прийти к следующему решению этой трудной проблемы. Увеличение количества денег в стране должно привести к пропорциональному повышению товарных цен: если количество денег в стране повысилось вдвое, то, при прочих равных условиях, и товарные цены должны повыситься вдвое. Но повышение товарных цен внутри данной страны неизбежно расстраивает равновесие ее платежного баланса. Для того, чтобы это равновесие восстановилось, необходимо приведение товарных цен внутри данной страны и вне ее в прежнее соотношение.

А это, в свою очередь, возможно лишь в том случае, если валюта страны с повысившимися товарными ценами упадет в своей цене по отношению к иностранной валюте пропорционально подъему товарных цен в первой стране, или, что то же, пропорционально увеличению в этой стране количества денег.

Таким образом, абстрактная теория лаж должна признать, что лаж изменяется обратно пропорционально изменению количества денег в стране с бумажными деньгами. Обычное мнение, что размер выпусков бумажных денег определяет собой высоту лаж, оказывается совершенно справедливым. Точно так же вполне справедливо и мнение, что колебания лаж управляются платеж-

ным балансом. Оба взгляда справедливы, но противопоставление обоих факторов лажа друг другу, господствующее в экономической литературе, глубоко неправильно. Неправильность заключается в признании количества денег особым и самостоятельным фактором лажа, рядом с платежным балансом, между тем как оба эти фактора — количество денег и платежный баланс — представляют собой одну и ту же цепь взаимно обуславливающих явлений: количество денег определяет собой платежный баланс, а платежный баланс определяет собой лаж. Утверждая, что лаж определяется количеством бумажных денег, мы не только не отрицаем, что лаж определяется платежным балансом страны, но, наоборот, именно это последнее и признаем. Обе теории представляют собой единое логическое целое.

Такой вид должна иметь теория нормального лажа в своей абстрактной форме. Но даже и помимо изучения конкретных фактов строения нормального лажа легко видеть, что абстракция эта очень далека от действительности.

Прежде всего, не нужно забывать, что количественная теория денег, от которой естественно должна отправляться и абстрактная теория лажа, справедлива лишь при предположении неизменности всех других условий, влияющих на ценность денег (скорости оборота денег, размера пользования кредитом и количества обращающихся товаров); в действительности же эти другие факторы ценности денег не остаются неизменными, но непрерывно колеблются. Поэтому в действительной жизни нельзя ожидать, чтобы товарные цены изменялись пропорционально изменению количества денег, и, следовательно, основа абстрактной теории нормального лажа оказывается шаткой.

Именно тут и заключается самая слабая сторона этой теории, остальное же логическое содержание ее гораздо более согласуется с фактами. Так, совершенно верно, что повышение товарных цен создает тенденцию к неблагоприятному платежному балансу и что лаж является необходимым условием восстановления равновесия платежного баланса.

Поэтому, чтобы привести абстрактную теорию лажа к согласию с фактами, ей должно придать следующий вид. Увеличение количества денег в стране, благодаря новым выпускам бумажных денег, приводит к подъему товарных цен, однако далеко не равномерно для всех товаров и далеко не всегда пропорционально увеличению количества денег. Подъем товарных цен приводит к нарушению равновесия платежного баланса данной страны. Равновесие платежного баланса может быть восстановлено только появлением лажа. Что касается вопроса о том, какова должна быть высота лажа, то на этот вопрос иного ответа дать нельзя, кроме следующего: высота лажа должна быть такова, чтобы платежный баланс страны оказался в приблизительном равновесии, и пока это приблизительное равновесие не будет достигнуто, до тех пор лаж будет повышаться.

Иными словами, если при значительном подъеме товарных цен в стране лаж невелик, то это создает тенденцию к неблагоприятному платежному балансу и, следовательно, к подъему лажа. Лаж в этом случае будет подыматься до тех пор, пока платежный баланс не придет в приблизительное равновесие: только тогда подъем лажа приостановится.

Однако нет ничего невозможного, что при значительном подъеме товарных цен внутри страны платежный баланс и не будет неблагоприятным: не нужно упускать из вида, что торговый баланс есть только один из многих составных элементов платежного баланса. Повышение товарных цен непосредственно влияет лишь на торговый баланс, но иногда влияет в обратном направлении на платежный баланс.

Так, промышленный подъем всегда сопровождается подъемом товарных цен, чему обычно сопутствует неблагоприятный торговый баланс. Это испытала Россия перед настоящей войной, когда при сильном подъеме промышленности и таковом же подъеме товарных цен торговый баланс стал из активного (что является обычным для России) пассивным. Однако пассивность торгового баланса в период промышленного подъема далеко не всегда равносильна пассивному платежному балансу. В это время в молодые страны, бедные капиталом, притекает в изобилии иностранный капитал, привлекаемый возможностью выгодного помещения в молодых странах. Прилив иностранного капитала есть очень важный фактор строения платежного баланса в странах, бедных капиталом, и нередко значение этого фактора перевешивает по своим размерам значение неблагоприятного торгового баланса: платежный баланс в странах, куда направляется поток международного капитала, в период промышленного подъема обычно благоприятен, несмотря на неблагоприятность торгового баланса.

Если выпуски бумажных денег, несмотря на подъем товарных цен, не приводят к неблагоприятному платежному балансу, то нет причины и для подъема лажа. В этом случае увеличение количества бумажных денег в стране совершенно не влияет на высоту лажа, который оказывается независимым от количества денег.

С другой стороны, и при неизменности количества денег торговый и платежный балансы могут изменяться от самых разнообразных причин; при всяком нарушении равновесия платежного баланса создается тенденция к такому изменению лажа, которое противодействовало бы этому нарушению и восстанавливало бы равновесие платежного баланса. Если платежный баланс становится неблагоприятным, то лаж повышается и, соответственно влияя на торговый баланс, задерживая товарный ввоз, при одновременном стимулировании товарного вывоза, делает торговый баланс благоприятным. Наоборот, если платежный баланс благоприятен, то лаж падает и оказывает противоположное действие на торговый баланс, который становится неблагоприятным и тем самым поворачивает платежный баланс в другую сторону.

Затем, не следует забывать, что товарные цены определяются не количеством обращающихся денег, самим по себе, а соотношением этого количества со спросом на деньги. Если увеличение количества денег в обращении сопровождается ростом спроса на деньги, вследствие расширения товарных оборотов, то это никакой тенденции к повышению товарных цен не создает. Лишь такое увеличение количества денег, которое обгоняет рост оборотов, создает тенденцию к подъему и влияет на лаж.

Таков естественный механизм строения лажа с точки зрения общей экономической теории. Посмотрим же, в какой мере изложенная теория лажа объясняет действительные факты.

IX

Если мы будем сравнивать изменения лажа в эпоху ассигнаций и в эпоху кредитных билетов, то нам бросится в глаза следующее основное различие: в эпоху ассигнаций лаж установился на гораздо большей высоте, чем в эпоху кредитных билетов. Ассигнации понизились до одной четверти своей номинальной ценности; между тем как кредитные билеты упали до двух третей своей номинальной ценности. Ценность кредитных билетов оказалась гораздо более устойчивой, чем ценность ассигнаций — кредитные билеты оказались более сильными в обращении, чем ассигнации.

Это основное различие обоих типов бумажных денег вполне объяснимо: ассигнации были еще не вполне деньгами, между тем как кредитные билеты были деньгами во всем объеме денежных функций. До 1812 г., когда совершилось падение их курса, ассигнации даже не были обязательны к приему и не могли считаться деньгами в точном экономическом значении этого термина. Рядом с ними во внутреннем обращении России обращалась звонкая монета, в одних районах более, в других менее; ассигнации были лишь денежным суррогатом, с чем и была непосредственно связана их слабость на международном рынке.

Английский кризис 1810 г. вызвал огромное падение их курса: ассигнации не могли оправиться от этого удара, и их курс продолжал оставаться на том же низком уровне даже тогда, когда количество ассигнаций, благодаря мерам правительства, значительно уменьшилось. В общем, их курс понизился значительно более, чем увеличилось их количество. Так, за 5 лет 1801—1805 г. ассигнаций в обращении было в среднем около 250 миллионов рублей, при среднем курсе около 135 р. ассигн. за 100 р. серебром. С 1823 г. количество ассигнаций было фиксировано на 595 милл. р., причем они были девальвированы в 1839 г. по курсу 350 р. ассигнац. за 100 р. серебром — количество ассигнаций возросло на 138%, а цена серебряного рубля на ассигнацию возросла на 160%.

Напротив, курс кредитных билетов упал гораздо менее, чем увеличилось их количество: кредитных билетов в обращении было до приостановки их размена во время Крымской войны приблизи-

тельно на 330 милл. р., при возобновлении же размена в 1897 г. их было в обращении 1.171 милл. р. — увеличение более, чем в три раза. Между тем, курс кредитного рубля понизился только на одну треть.

Эта гораздо большая устойчивость ценности кредитного рубля объяснялась, как выше было указано, тем, что кредитный рубль выполнял все функции денег и не имел рядом с собой более сильного конкурента, каковым для ассигнации являлся одновременно обращавшийся серебряный рубль.

Если мы обратимся к колебаниям курса кредитного рубля, то нам бросится в глаза следующее характерное явление: эти колебания сплошь и рядом не находятся в непосредственной связи ни с колебаниями количества кредитных билетов, ни с колебаниями торгового баланса. Между тем, некоторые из этих колебаний весьма значительны.

Согласно изложенной теории лажа, количество бумажных денег воздействует на торговый баланс страны, а через посредство торгового баланса и на платежный баланс; платежный же баланс непосредственно управляет лажем.

Нельзя не признать, что диаграммы действительного движения количества кредитных билетов и торгового баланса как будто говорят об обратном: об отсутствии какой бы то ни было связи между количеством бумажных денег и торговым балансом.

Огромное увеличение выпусков кредитных билетов в 1854 — 1857 гг. не только не приводит к резко неблагоприятному торговому балансу, но сопровождается очень значительным улучшением торгового баланса, причем в 1856 г. перевес вывоза товаров над ввозом достигает своего максимума за много лет. Однако нужно вспомнить, что, как выше было указано, новые выпуски бумажных денег во второй половине пятидесятых годов лишь незначительно увеличили количество денег в обращении в стране, так как бумажные деньги вытесняли из оборота металлические, и, следовательно, не было основания для сколько-нибудь значительного подъема товарных цен (что должно было бы привести к неблагоприятному торговому балансу). Усиленный вывоз 1856 г. объяснялся прекращением Крымской войны и хорошим урожаем.

После 1858 г. и вплоть до 1878 г. количество кредитных билетов в обращении колеблется лишь незначительно, в пределах нескольких процентов в год (только в 1858 г. изменение количества бумажных денег в обращении немногим превышает 10%). Такие незначительные колебания количества денег не могут сами по себе оказывать заметного влияния на товарные цены; действие иных более могущественных факторов на товарные цены далеко перевешивает по своему значению столь незначительные воздействия из области денежного обращения. И потому отсутствие связи между изменением количества денег и торговым балансом в эти годы является совершенно естественным.

Но вот в 1878 — 1879 гг. происходит огромное увеличение выпусков кредитных рублей. Казалось бы, уже в это время следова-

ло ожидать проявления действия всего описанного механизма: торговый баланс должен был стать резко неблагоприятным под влиянием подъема товарных цен, связанного с увеличением количества денег в обращении. Ведь в семидесятых годах о вытеснении металлических денег бумажными не могло быть и речи, так как звонкой монеты уже давно не было в русском обращении. Все вновь выпускаемые бумажные деньги соответственно увеличивали количество денег в стране и, значит, должны были вызвать соответственный подъем товарных цен.

Однако, странным образом, и в конце семидесятых годов мы не замечаем никакой зависимости торгового баланса от выпусков бумажных денег: в 1877 г., в год наибольших выпусков кредитных билетов, перевес вывоза над ввозом достигает своего небывалого максимума. Как согласовать этот факт с изложенной теорией?

На это может быть дан следующий ответ. Падение курса кредитных билетов началось еще в 1875—1876 гг., т. е. до начала усиленных выпусков кредитных билетов; европейские биржи (особенно берлинская, которая играла решающую роль по отношению к установлению курса русского кредитного рубля) заранее учли неизбежность падения курса русского рубля в связи с политическими осложнениями на Балканском полуострове, закончившимися русско-турецкой войной. Поэтому курс русского рубля упал еще до того времени, когда начались новые выпуски кредитных билетов, увеличившие количество последних в обращении почти на полмиллиарда р. Предвидение неизбежности этих выпусков оказало совершенно такое же действие на лажа, как и самые выпуски — действие последних было антиципировано биржей.

Огромное повышение лажа в 1877 г. перевесило по своему влиянию на торговый баланс значение количественного денежного фактора: несмотря на подъем товарных цен, еще больший подъем лажа стимулировал вывоз русских товаров и задержал ввоз в Россию иностранных товаров — сделал торговый баланс чрезвычайно благоприятным для России. Именно такого действия и следовало ожидать от лажа, народнохозяйственная функция которого, согласно изложенной теории, заключается в увеличении активности платежного баланса.

В 1878—1879 гг. активность торгового баланса резко падает, хотя все же не исчезает. Объясняется это тем, что в 1878—1879 гг. к указанному действию высокого лажа на торговый баланс прибавилось влияние нового значительного увеличения выпусков кредитных билетов, что должно было привести к значительному повышению товарных цен внутри России. Это повышение товарных цен подействовало в обратном смысле на торговый баланс и ослабило влияние высокого лажа. Поэтому торговый баланс стал менее благоприятным.

Все это вполне согласуется с изложенной теорией. Несовпадение же конкретного хода явлений русского денежного рынка, сравнительно с предвидимым в теории, объясняется тем, что курс

русского рубля начал падать уже до усиленных выпусков кредитных билетов, произошло антиципирование влияния количества бумажных денег на курс, и антиципирование это было вызвано правильным предвидением биржи.

Требуется еще объяснения, почему подъемы лажа в 1864—1866 и 1870 гг. оказались столь кратковременными, в то время, как подъем и лажа в 1876—1878 гг. упрочился и закрепился. И это объяснить не трудно. Падение курса русского рубля в связи с войнами в Западной Европе, было основано на неудачном предвидении биржи: биржа опасалась, что Россия будет втянута в эти войны и последуют новые выпуски кредитных билетов, которые, в свою очередь, приведут к подъему лажа. Эти предвидения оказались ошибочными. Россия осталась в стороне от войн Германии, Австрии и Франции, новых выпусков кредитных билетов не последовало, и не было никаких объективных оснований для того, чтобы лаж оставался на том высоком уровне, которого он достиг под влиянием названных опасений. Поэтому по минованию указанных кризисов лаж быстро опускался до своего нормального уровня — до кризиса.

Вообще же, если мы обратим внимание на соотношение колебаний обеих кривых — торгового баланса и лажа, то нам бросится в глаза, что обе кривые колеблются иногда в том же, а иногда в обратном отношении друг к другу. Так, колебания в обратном отношении мы замечаем за 1854—1862 гг.: за все это время каждое улучшение торгового баланса неизменно сопровождается падением лажа, и обратно. В другие годы мы нередко видим прямую зависимость между колебаниями лажа и торгового баланса: подъемы кривой лажа сопровождаются подъемами и кривой торгового баланса.

Объясняется все это следующим образом. Торговый баланс является, с одной стороны, определяющим фактором лажа: благоприятный торговый баланс имеет тенденцию понижать лаж, и обратно. С другой же стороны, торговый баланс, в свою очередь, определяется лажем: высокий лаж имеет тенденцию приводить к улучшению торгового баланса, и обратно.

Причинная зависимость первого порядка приводит к колебаниям обеих кривых в обратном отношении; причинная зависимость второго порядка приводит к колебаниям в прямом отношении. Поскольку торговый баланс является фактором лажа, постольку лаж изменяется в обратном отношении к торговому балансу; поскольку же лаж является фактором торгового баланса, постольку торговый баланс изменяется в прямом отношении к лажу.

Вот почему мы можем ожидать колебаний обеих кривых как в том же, так и в обратном направлении. В первые годы по окончании Крымской войны лаж изменялся под непосредственным влиянием торгового баланса — колебания обеих кривых имели обратный характер. Напротив, в шестидесятых и семидесятых годах замечается вполне определенный параллелизм между колебаниями лажа и торгового баланса: в это время лаж колебался под влияни-

ем политических событий, иначе говоря, под влиянием антиципирования биржей будущего движения лажа — и лаж, освобожденный от власти торгового баланса, стал могущественным фактором последнего.

Кроме того, нужно иметь в виду и следующее обстоятельство. Выпуски бумажных денег обычно вызываются войнами. Сами по себе эти выпуски, увеличивая количество денег в стране, имеют тенденцию повышать товарные цены и делать торговый баланс неблагоприятным. Но, с другой стороны, война расстраивает всю народнохозяйственную жизнь страны, сокращает кредит и этим уменьшает покупательные средства населения. В связи с этим падает ввоз товаров внутри страны и возрастает вывоз из нее. Таким образом, война, сама по себе, независимо от влияния количества денег, имеет тенденцию создавать благоприятный торговый баланс, т.е. оказывает действие на торговый баланс, обратное сравнительно с воздействием на торговый баланс денежного фактора¹. Значит, и с этой стороны зависимость между колебаниями количества денег в стране и торговым балансом усложняется и затемняется противоположными влияниями.

Все сказанное подтверждается и диаграммой движения лажа в Австрии. И тут мы наблюдаем крайне сложные соотношения между количеством денег, торговым балансом и лажем. Торговый баланс иногда изменяется в том же, иногда в обратном отношении, сравнительно с изменением количества денег и лажем. За время 1857 — 1867 гг. мы видим, напр., что торговый баланс колеблется в прямом отношении к количеству денег, и это потому, что выпуски бумажных денег в Австрии находились в это время в непосредственной связи с войнами, которые, как указано, приводили к благоприятному торговому балансу.

Только со времени второй половины шестидесятых годов в Австрии начинается полоса мирного развития и выпуски бумажных денег перестают вызываться военными потребностями. И мы видим, что во второй половине шестидесятых годов усиленные выпуски бумажных денег приводят к тому, что торговый баланс из активного становится резко пассивным, как этого и следовало ожидать, согласно изложенному.

Однако этот пассивный торговый баланс отнюдь не приводит к подъему лажа. Наоборот, лаж в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов в Австрии быстро падает.

Таким образом, в это время мы наблюдаем в Австрии странную картину: количество бумажных денег в стране быстро растет, торговый баланс из активного становится пассивным, и в то же время, лаж не только не растет, а падает. Все это может быть объяснено изложенной теорией лажа.

¹ Это относится к войнам прежнего времени, но не к последней мировой войне, которая развивалась в совершенно иных условиях международного товарного обмена.

Прежде всего нужно иметь в виду, что лаж непосредственно определяется отнюдь не торговым, а платежным балансом, по отношению к которому торговый баланс является лишь одной из составных частей. Австрия является страной, которая уже давно тесно связана в своем экономическом развитии с богатыми капиталами государствами Западной Европы, причем Австрия гораздо более ввозит к себе иностранного капитала, чем вывозит своего; в периоды промышленного подъема иностранный капитал в большом количестве притекает в Австрию.

Вместе с тем, как страна со значительной капиталистической промышленностью, Австрия уже давно переживает периодические колебания промышленной конъюнктуры — периоды промышленного подъема и застоя. Так, перед мировым промышленным кризисом 1857 г. в Австрии наблюдался значительный промышленный подъем; торговый баланс, как и обычно в этом фазисе промышленного цикла, был неблагоприятен, но платежный баланс был очень благоприятен, благодаря усиленному притоку иностранного капитала. Значительное падение лажа за 1855—1858 гг. находит себе, таким образом, вполне удовлетворительное объяснение.

Затем — в 1859—1861 гг. — следует трехлетие очень высокого лажа; это были годы неудачной войны и ее ликвидации. Торговый баланс в эти годы благоприятен, но платежный баланс должен был быть очень неблагоприятен, ибо при политических потрясениях иностранный капитал всегда стремится уходить из страны.

Следующее четырехлетие было отмечено опять промышленным подъемом и низким лажем, что, согласно сказанному, вполне понятно. Подъем лажа в 1866 г. объясняется короткой шестимесячной войной с Пруссией. Война эта, в силу своей непродолжительности, не оказала задерживающего влияния на экономическое развитие Австрии. Конец шестидесятых годов и начало семидесятых вплоть до знаменитого венского кризиса 1873 г. были отмечены чрезвычайным промышленным подъемом. Торговый баланс был неблагоприятен, что обычно для такой промышленной конъюнктуры, но платежный баланс должен был быть очень благоприятен, ибо иностранный капитал в это время в необыкновенном обилии притекал на венскую биржу.

Падение лажа в Австрии в конце шестидесятых и в начале семидесятых годов, при одновременном увеличении количества бумажных денег, не должно удивлять, так как промышленный подъем создавал усиленный спрос на деньги, которые быстро поглощались каналами обращения.

Таким образом, фактическое изменение лажа в России и Австрии может быть вполне удовлетворительно объяснено на основе изложенной теории лажа, если при этом иметь в виду, что предвидение биржей будущих выпусков бумажных денег может оказывать такое же влияние на лаж, как и действительно происшедшие выпуски, и что строение лажа находится в тесной связи с общим

состоянием хозяйственной конъюнктуры, колебания которой могут существенно влиять на лаж, как и на все другие явления народно-хозяйственной жизни.

Х

Резюмируя все сказанное, я прихожу к следующей теории конкретного строения лажа. Лаж, в нормальных условиях, непосредственно определяется, в каждый данный момент, соотношением в стране спроса на иностранные векселя и предложения туземных векселей. В свою очередь, это соотношение определяется двумя факторами: колебанием общего платежного баланса страны и предвидением биржи относительно будущего движения лажа. Колебания общего платежного баланса страны находятся под сильным (но не единственным) влиянием колебаний торгового баланса. А колебания торгового баланса находятся, в свою очередь, под сильным (но не единственным) влиянием колебаний общего уровня товарных цен в стране. Этот уровень, далее, находится под сильным (но не единственным) влиянием количества денег, обращающихся в стране. При этом относительно фактора последнего рода следует добавить, что незначительные колебания количества денег, обращающихся в стране, не оказывают никакого влияния на товарные цены, а, значит, и на торговый баланс, и платежный баланс, и лаж — только значительные изменения количества денег влияют на товарные цены, торговый баланс, платежный баланс и лаж. Кроме того, нужно иметь в виду, что товарные цены определяются не количеством денег самих по себе, а соотношением между спросом на деньги и количеством их в обращении.

Эта сложная зависимость усложняется еще более тем обстоятельством, что лаж отнюдь не является пассивным результатом определяющих его факторов, но и сам могущественным образом влияет на платежный баланс и торговый баланс, и притом влияет в обратном направлении — в то время, как благоприятный торговый баланс и благоприятный платежный баланс имеют тенденцию понижать лаж, низкий лаж, сам по себе, вызывает неблагоприятный торговый и платежный балансы.

Все эти перекрещивающиеся влияния крайне затемняют статистическую картину взаимной зависимости факторов, определяющих лаж, — и вот почему диаграммы факторов строения лажа требуют таких сложных объяснений. Что касается диаграмм, приведенных выше, то в них отсутствуют, по необходимости, некоторые самые важные факторы лажа. Так, спрос и предложение векселей совсем не поддаются статистическому учету. Не поддаются статистическому учету и колебания платежного баланса; еще менее статистически могут быть учтены предвидения будущего. Нелегко допускают статистический учет и колебания общего уровня товарных цен (хотя здесь уже и можно кое-чего достигнуть посредством так назыв. чисел-показателей).

В приведенных диаграммах я мог использовать для целей статистического анализа только три кривые — лажа, торгового баланса и количества денег. Первая кривая образует собой то, что подлежит статистическому анализу, последняя кривая — основной производящий фактор. Кривая торгового баланса есть один из производящих факторов, но так как этот фактор подпадает обратному влиянию конечного производного явления — лажа, то движения этой кривой оказываются мало показательными по отношению к факторам строения лажа.

В особенности затемняет статистическую картину вмешательство такого чисто психического фактора, как предвидение будущего. Благодаря этому фактору лаж может делать огромные скачки вверх и вниз совершенно независимо от состояния объективных экономических факторов — платежного баланса, торгового баланса, товарных цен и количества денег. Но этим отнюдь не уничтожается значение этих объективных экономических факторов — психический фактор лишь антиципирует влияние этих экономических факторов. Если это антиципирование совершается в согласии с объективным ходом экономических фактов, то новый уровень лажа, созданный психическим фактором, упрочивается, и на состоянии экономических факторов начинает отражаться в полном размере обратное влияние изменившегося лажа. Если же антиципирование произведено неправильно — если ход экономических фактов идет несогласно с предвидением, — то созданный психическим фактором новый уровень лажа не упрочивается и лаж возвращается к своему прежнему уровню.

Глава VI

ПРЕДСТОЯЩАЯ ДЕНЕЖНАЯ РЕФОРМА В РОССИИ

I. Состояние русского денежного обращения во время войны. — II. Неизбежность повышения лажа с окончанием войны. Полезное действие высокого лажа. Почему теперь лаж не высок. — III. Чем отличается падение ценности денежной единицы от законодательного понижения денежной единицы. — IV. Две основные задачи предстоящей денежной реформы — прекращение дальнейшего падения ценности денежной единицы и создание устойчивости курса русского рубля. Необходимость изъятия из обращения кредитных билетов на несколько миллиардов рублей. Важность активной валютной политики. — V. Новая денежная система после войны.

I

Едва ли не важнейшей проблемой русского народного хозяйства является ныне вопрос о нашем денежном обращении после войны. Пока война продолжается, интересы нашего хозяйственного благоустройства отступают на задний план перед непосредственно военными задачами, ибо совершенно ясно, что исход войны самым могущественным образом повлияет на все судьбы России. Но когда война кончится, перед Россией станут новые вопросы огромной важности и огромной трудности — как перейти к условиям мирного времени, как ликвидировать невероятно тяжелое хозяйственное наследие войны.

Что касается нашего денежного обращения, то война поставила его в совершенно новые условия.

К 8 октября 1916 г. в обращение было выпущено кредитных билетов на 7.719 милл. р., в то время как по последнему балансу Государственного банка до войны в обращении было кредитных билетов на 1.633 милл. р. — увеличение почти в 5 раз. В первые месяцы 1917 г. количество кредитных билетов должно превысить 10 миллиардов руб., т.е. количество их возрастет сравнительно с тем, что мы видели до войны, более чем в шесть раз.

Ничего подобного тому стремительному увеличению количества денег в обращении, которое наблюдается ныне, Россия никогда не испытывала.

Чем же грозит нам такое увеличение количества денег в обращении? Гораздо менее значительные выпуски бумажных денег в

предшествовавшие войны приводили к огромному падению курса бумажного рубля. Так, к концу наполеоновских войн курс ассигнационного рубля понизился приблизительно до одной четверти номинала. Турецкая война понизила курс кредитного рубля гораздо менее, но все же кредитный рубль понизился приблизительно до двух третей своей первоначальной ценности.

Как же низко должен теперь упасть курс нашего рубля? Ведь современные выпуски превосходят во много раз выпуски прежних времен. Нечто аналогичное мы находим в истории французских ассигнаций в эпоху великой революции. Но ведь тогда дело закончилось тем, что ассигнации лишились всякой ценности.

Судя по этому историческому примеру, можно было бы опасаться, что и нашим кредитным рублям грозит такая же участь, которая постигла французские революционные ассигнации, — наш кредитный рубль превратится в простой кусок бумаги, без всякой ценности.

Однако такие опасения были бы вполне призрачны. Исторические аналогии в данном случае неуместны и ни малейшим образом не могут быть основанием для суждений о настоящем. Ценность бумажных денег и их курс управляются очень сложными факторами, количество же денег является лишь основой, на которой лаж строится весьма различным образом. Курс французских ассигнаций упал гораздо больше, чем возросло их количество; то же можно сказать, хотя и в меньшей степени, и относительно наших ассигнаций времен Александра I. Напротив, курс кредитных билетов после турецкой войны понизился значительно менее, чем возросло их количество.

Если бы курс наших кредитных билетов изменялся обратно пропорционально увеличению их количества, то уже теперь следовало бы ожидать стремительного падения их курса и соответственного огромного повышения товарных цен. На самом же деле, хотя товарные цены, действительно, повысились во время войны очень значительно, все же далеко не в пропорции увеличения количества денег: количество денег (включая сюда и имевшиеся в обращении до войны золотые и серебряные деньги) уже теперь возросло приблизительно в четыре раза, а товарные цены, в среднем для всей России, повысились вряд ли значительно более, чем вдвое. Что же касается курса наших кредитных билетов, то тут мы наблюдаем изменение еще меньшее: в Нью-Йорке, напр., курс на русскую валюту поднялся к половине октября 1916 г. всего на 60% против пари.

Итак, пока мы не наблюдаем ничего похожего на тот стремительный подъем лажа, которого следовало бы ожидать, если бы лаж изменялся в настоящее время так, как он изменялся в предшествовавшие эпохи усиленных выпусков бумажных денег. Значит, исторические примеры не должны нас смущать и мы не должны думать, что уничтожение ценности кредитного рубля должно явиться неизбежным результатом тех колоссальных выпусков бумажных денег, к которым привела мировая война.

Чем же объясняется сравнительная незначительность лажа на металл в период настоящей войны? Объясняется это, главным образом, тем, что в настоящее время лаж строится в совершенно иных условиях, чем раньше: раньше лаж строился на свободном денежном рынке, теперь же лаж регулируется специально для этого созданными государственными органами.

II

Несмотря на огромное увеличение количества денег в обращении, курс нашего рубля упал не так низко, как этого можно было ожидать, и стоит на иностранных биржах приблизительно на 40% ниже пари. Этот, сравнительно очень умеренный, уровень лажа был достигнут благодаря тому, что снабжение иностранной валютой туземных импортеров изъято у нас из свободного менового оборота и монополизировано государством. Без такого монополизирования лаж поднялся бы гораздо больше — к большому ущербу для нашего народного хозяйства.

Можно ли рассчитывать, что лаж не подыметя выше по окончании войны? Вот основной вопрос, от того или иного решения которого зависит направление всех будущих мероприятий в области нашего денежного обращения.

Нашему финансовому ведомству удалось достигнуть того, что лаж у нас держится на уровне сравнительно невысоком. Можно ли; однако, надеяться, что и по окончании войны, когда хозяйственная жизнь войдет в свое нормальное русло, лаж останется на том же уровне, если количество бумажных денег в стране не уменьшится?

На это нужно ответить решительным отрицанием. Если количество кредитных билетов, обращающихся в стране, не будет сокращено, то лаж неизбежно возрастет очень значительно.

Количество денег, обращающихся в России, уже теперь увеличилось в четыре раза. Это не может не привести к соответствующему повышению товарных цен. Правда, процесс приспособления товарных цен к увеличенному количеству денег есть процесс очень сложный и длительный, но тенденция к пропорциональному повышению товарных цен совершенно бесспорна. Если мы допустим, что к концу войны в России будет обращаться более чем на 10 миллиардов р. кредитных билетов, то такое огромное количество денег не может быть поглощено русским рынком иначе, как при соответствующем повышении товарных цен.

Если до сих пор повышение товарных цен, под влиянием увеличения количества денег, еще чувствуется сравнительно мало (существующая дороговизна вызывается не только увеличением количества денег, но и такими причинами, как расстройство транспорта во время войны, увеличение спроса на предметы, служащие для продовольствия и содержания армии, при уменьшении производства многих продуктов, торговая спекуляция и т.п.), то с окончанием войны на первый план выступит влияние на товар-

ные цены именно денежного фактора. Во время войны влияние огромных выпусков кредитных билетов на товарные цены компенсируется сокращением кредита: в настоящее время торговля идет почти исключительно на наличные деньги, и потому та же сумма денег оказывает значительно меньший эффект на товарном рынке. Но когда по окончании войны восстановится нормальный кредит, то увеличение количества денег в обороте в пять раз (считая, что до войны кредитных билетов и звонкой монеты было в обращении на 2 миллиарда р.) будет почувствовано нашим товарным рынком как пропорциональное увеличение покупательных средств, и это не может не привести к гораздо большей дороговизне, чем та, которую мы наблюдаем ныне.

Теперь спрашивается — может ли лаж, без сокращения количества кредитных билетов и при общем росте товарных цен, удержаться на настоящем уровне? Можно себе представить, что путем международных соглашений и при помощи монополизирования в руках правительства сделок с иностранной валютой в течение некоторого времени удастся поддерживать современный низкий уровень лажа. К чему это поведет?

При низком уровне лажа и общем подъеме товарных цен в стране торговый баланс неизбежно должен стать очень неблагоприятным для России — при высоких товарных ценах русский рынок должен притягивать к себе иностранные товары, и в то же время вывоз русских товаров за границу будет затруднен высокими ценами внутри страны. Пока лаж будет оставаться низким, этот неблагоприятный торговый баланс должен сохраняться. Если мы предположим, что правительство будет упорствовать в своем стремлении держать лаж на низком уровне (иначе говоря, если иностранная валюта будет предлагаться правительственными учреждениями на рынке по низким ценам), это поведет к устойчивости неблагоприятного торгового, а, следовательно, и платежного баланса. Долги по неблагоприятному платежному балансу должны быть так или иначе покрыты вывозом либо металла (иностранной валюты) за границу, либо товаров. Третьего быть не может — долги России по платежному балансу должны быть, во всяком случае, уплачены.

Если для покрытия этих долгов правительство будет приобретать за границей иностранную валюту, то ведь эта валюта будет получаться не даром, а должна быть куплена за какой-либо эквивалент; этим же эквивалентом никоим образом не могут быть русские кредитные билеты, ибо кредитные билеты циркулируют лишь внутри страны и, выйдя за пределы России, неизбежно должны, в конце концов, вернуться к нам. Значит, мы по-прежнему стоим перед той же дилеммой — долги по платежному балансу должны быть оплачены металлом (иностранной валютой) либо товаром.

Но предложение иностранной валюты на нашем рынке при неблагоприятном платежном балансе не может достигать спроса на нее: свободной иностранной валюты для платежа долгов по пла-

тежному балансу быть не может. Металлических денег для вывоза в России также нет, так как денежное обращение заполнено бумагой. Единственным источником оплаты долгов по торговому балансу является, таким образом, вывоз товаров.

Но пока лаж остается низким, вывоз товаров имеет тенденцию оставаться ниже ввоза их из-за границы. Таким образом, и товаром Россия не будет в состоянии уплатит свои долги по платежному балансу.

Из этого положения есть только один выход: лаж должен повыситься до уровня, пропорционального повышению товарных цен. Тогда платежный баланс сам собою придет в равновесие, ибо для отклонения торгового баланса в сторону перевеса ввоза над вывозом не будет основания — усиленным вывозом своих товаров Россия уплатит свои долги другим странам.

Таким образом, существует неизменная тенденция к тому, чтобы лаж был пропорционален общему подъему товарных цен в стране. Государственная власть не в силах в течение продолжительного времени бороться с этой тенденцией, ибо удержание лажа на более низком уровне равносильно поощрению ввоза иностранных товаров в страну и задерживанию вывоза туземных товаров за границу, что неизбежно должно повести, в конце концов, к повышению лажа.

Борьба с названной тенденцией совершенно бесполезна, ибо естественный народнохозяйственный механизм должен оказаться сильнее всякой противодействующей организации.

Высокий лаж влечет за собой многие невыгодные последствия, но он имеет и свою хорошую сторону: высокий лаж дает возможность стране уплачивать товарами свои долги по платежному балансу и этим восстанавливает равновесие платежного баланса.

Высокий лаж может быть приравнен к высокой температуре при различных заболеваниях нашего организма. Современная медицина признала, что опасность для организма обычно заключается не столько в высокой температуре самой по себе, сколько в причинах, которые порождают жар. Поэтому врачи в наше время избегают применять, без крайней необходимости, жаропонижающие средства: высокая температура является признаком усиленной борьбы организма с болезнетворными факторами, и, уменьшая жар, можно ослабить интенсивность борьбы организма с болезнью.

Совершенно также высокий лаж есть показатель болезненного состояния денежного обращения и всего народного хозяйства. Держать лаж искусственными мерами на низком уровне — это не только значит уничтожить симптом болезни, оставляя самую болезнь в неприкосновенности, но и расстраивать естественный механизм, с помощью которого народнохозяйственный организм борется с болезнью. Иными словами, искусственное понижение лажа не только бесполезно, по невозможности длительного успеха, но и прямо вредно.

Почему, однако, в настоящее время, во время войны, удается держать лаж на сравнительно низком уровне? Объясняется это всецело исключительными условиями войны. Война дала нам возможность самым широким образом черпать из финансовых ресурсов наших союзников. И Англия, и Франция охотно открывают нам миллиардные кредиты — и не могут поступать иначе, ибо хозяйственная устойчивость России является одним из существенных условий общей победы. Иностранную валюту мы можем приобретать в настоящее время на таких льготных условиях, о которых не придется и мечтать по окончании войны.

Это во-первых. Во-вторых, война совершенно расстроила международный товарный обмен. По этой причине указанный естественный механизм восстановления равновесия платежного баланса теперь не действует. И ввоз к нам товаров из-за границы, и наш экспорт за границу не управляются ныне соотношением товарных цен внутри страны и вне ее. Наш ввоз достиг колоссальных размеров и далеко оставил позади себя вывоз, но отнюдь не в силу соотношения международных товарных цен, а под непосредственным влиянием военных действий, которые закупили наш вывоз и в то же время сделали необходимым огромный ввоз для надобностей армии. Этот огромный миллиардный избыток товарного ввоза покрывается, как указано, иностранной валютой, отпускаемой нам в кредит нашими союзниками, действующими, в данном случае, по мотивам собственного интереса, требующего полного развития нашей военной мощи.

Наконец, в-третьих, *last not least*, не нужно упускать из виду и то существенное обстоятельство, что подъем товарных цен хотя у нас и наблюдается, но далеко не в том размере, как этого следовало бы ожидать по увеличению у нас количества кредитных билетов. Подсчет министерства земледелия в конце 1915 г. обнаружил повышение товарных цен внутри страны в среднем почти на 80%. Лаж в 60—70% довольно близок к этой цифре. Но количество денег в стране увеличилось к концу 1915 года значительно более, чем вдвое. Правда, за 1916 г. вздорожание жизни сильно подвинулось вперед, но все же далеко не в соответствии с выпусками кредитных билетов. Точных данных в этой области нет, но всякий согласится, что средняя стоимость жизни возросла в России, во всяком случае, не в три-четыре раза.

Итак, сравнительно незначительное вздорожание жизни оправдывает и сравнительно небольшой лаж, который мы наблюдаем ныне.

Когда кончится война и естественные хозяйственные силы получат возможность обнаружить свое действие в полном размере, вздорожание жизни, если количество денег в обращении не сократится, должно достигнуть гораздо больших размеров, и соответственно должен возрасти и лаж. Никакие усилия финансового ведомства не будут в силах бороться с этим ростом лажа, если только не будут приняты меры к уменьшению количества обращающихся кредитных билетов.

Легко себе представить, какой катастрофой было бы для нашего государственного и народного хозяйства, если бы наш кредитный рубль спустился до уровня ассигнационного рубля ко времени окончания наполеоновских войн. Ведь по нашим иностранным долгам приходится платить металлом. Платеж процентов по нашим долгам и так должен превысить к концу войны миллиард металлических рублей, если же этот миллиард будет внутри страны стоить около четырех миллиардов бумажных рублей, то насколько возрастут трудности фиска!

III

Падение ценности денежной единицы само по себе не изменяет размеров народного богатства и национального дохода, а только изменяет денежное выражение того и другого. Если наш рубль упадет до одной четверти своей прежней ценности, то, значит, в четыре раза возрастет денежное выражение нашего народного богатства и национального дохода. Казалось бы, не все ли равно, какова будет цена пшеницы — 1 р. или 4 рубля, если количество пшеницы не изменится? Ведь падение ценности рубля, само по себе, не уменьшит количества продуктов, производимых в России, и, значит, не уменьшит народного богатства.

Поскольку деньги являются только мерилем товарной ценности, изменение этого мерила должно бы быть для народного хозяйства чем-то совершенно безразличным. Не все ли равно, выражать ли длину предметов в аршинах или сажнях? И разве я теряю или выигрываю что-либо от того, что площадь принадлежащего мне участка земли выражаю в квадратных аршинах, а не в квадратных сажнях?

Одно время — перед денежной реформой 1897 г. — в нашей печати обсуждался вопрос, не следует ли понизить нашу денежную единицу, и сделать таковой не рубль, а четвертак. Не равносильно ли падение ценности рубля в четыре раза такому понижению ценности денежной единицы до четвертака? И если введение новой денежной единицы — четвертака вместо рубля — никому не казалось хозяйственной катастрофой, то почему падение ценности рубля в четыре раза должно признаваться таковой?

Все эти вопросы совершенно законны, и на них должен быть дан ясный ответ.

Окончательный результат падения ценности денежной единицы во многих отношениях действительно несколько не отличается от законодательного понижения денежной единицы. Во многих, но не во всех. Главное различие двух этих случаев заключается в том, что при падении ценности денежной единицы соответственно падает и ценность всех денежных обязательств и всех денежных капиталов: обязательство в тысячу рублей и денежный капитал в 1000 р. при этом не возрастают в своем денежном выражении пропорционально падению ценности денег, но остаются неизменными. Между тем при законодательном изменении денежной единицы

денежные обязательства и денежные капиталы изменяются соответственно изменению денежной единицы.

Так, напр., Австро-Венгрия в 1892 г. понизила свою денежную единицу вдвое: вместо гульдена денежной единицей была сделана крона, ценностью в половину гульдена. Но при этом все денежные обязательства были соответственно изменены: обязательства в 1000 гульденов были объявлены равными 2000 крон.

Напротив, при падении ценности денежной единицы денежные капиталы и обязательства не изменяют своего номинального выражения. Денежный капитал в 1000 р., если ценность рубля опустится до четвертака, не станет равен 4000 р., но останется по-прежнему капиталом в 1000 р. — иначе говоря, капиталом, покупательная сила которого упадет в четыре раза.

В этом отношении между двумя разбираемыми случаями понижения ценности денежной единицы имеется глубокое принципиальное различие. Но в других отношениях оба случая совершенно подобны друг другу.

В случае законодательного понижения денежной единицы все товарные цены соответственно повышаются. Те товары, которые в 1892 г. стоили в Австрии 100 гульденов, после реформы стали стоить 200 крон. Точно так же при падении ценности рубля до четвертака товары, в конце концов, будут стоить в четыре раза больше.

Но подобно тому, как законодательное уменьшение денежной единицы, повышая номинальную денежную цену каждого товара, ни малейшим образом не изменяет относительных товарных цен, точно так же это должно наблюдаться и при падении ценности денежной единицы. Цена 1 пуда пшеницы прежде была равна, скажем, 1 рублю, а 1 пуда овса — 50 коп. После падения ценности рубля в четыре раза цена пшеницы будет равна 4 р., а цена овса 2 р. Но как раньше, так и теперь пшеница будет в два раза дороже овса.

А ведь в относительных ценах и заключается самое существенное. Производитель пшеницы, после падения ценности рубля вчетверо и повышения вчетверо цены пшеницы, будет покупать на свой вчетверо возросший денежный доход как раз столько же товаров, сколько он покупал и раньше, когда его цена пшеницы была в четыре раза меньшей.

Получая в четыре раза больший денежный доход, производитель пшеницы будет иметь возможность оплачивать в четыре раза выше нужную ему рабочую силу и платить, без всякого обременения для себя, в четыре раза высшие налоги.

Единственное различие прежнего положения вещей и нового, с точки зрения реальных экономических интересов, будет заключаться в том, что тяжесть всех неизменных денежных обязательств уменьшится в этом случае пропорционально падению ценности денежной единицы.

Проиграют, в конце концов, все денежные капиталисты, кредиторы и владельцы фиксированных денежных доходов. Выигра-

ют же все должники. Иными словами — это равносильно принудительной экспроприации денежных капиталистов и получателей фиксированных денежных доходов в пользу всех остальных классов населения.

Такая экспроприация денежных капиталистов, казалось бы, только выгодна трудовым классам населения.

Однако на самом деле процесс падения ценности денежной единицы далеко не имеет такого невинного вида, как это кажется, и страдают от него далеко не одни денежные капиталисты.

Все дело в том, что при законодательном понижении денежной единицы все цены повышаются строго пропорционально этому понижению, а при падении ценности денежной единицы под влиянием умножения количества денег цены изменяются далеко не сразу и не равномерно. В окончательном итоге, по завершении всего процесса, следует ожидать такого же пропорционального изменения товарных цен, как и в первом случае, но это лишь по завершении процесса. Пока же процесс еще не завершился (а он может растягиваться на многие годы), относительные цены предметов менового оборота изменяются и соответственно этому все народное хозяйство приходит в глубокое расстройство, — одни обогащаются за счет других, одни теряют вследствие увеличения доходов других.

Опыт показывает, что при этом медленнее всего повышается, вслед за падением ценности денежной единицы, заработная плата как за низшие, так и за высшие роды труда. Товарные цены быстро растут, хотя и далеко не равномерно для различных товаров, но люди, живущие продажей своего труда, не видят соответственного повышения своих заработков. Реальный заработок трудящихся классов падает за счет увеличения прибылей промышленников, и особенно торговцев, которые выигрывают на общем расстройстве товарного рынка.

Теперь, во время войны, падение реальной заработной платы задержано ростом денежной заработной платы благодаря привлечению работоспособных мужчин в армию. Но когда война кончится и рабочие вернуться к своим мирным занятиям, это падение реальной заработной платы благодаря вздорожанию жизни, должно обнаружиться в полных своих размерах.

Наряду с падением трудовых заработков процесс приспособления народного хозяйства к новой денежной единице характеризуется, как сказано, также и изменением относительных товарных цен и, значит, внесением элемента случайности и неопределенности во все отрасли производства.

Производители тех товаров, цены которых возросли менее среднего, хотя и получают возросший денежный доход, но будут располагать меньшей покупательной силой, что должно затруднить продолжение производства.

Вообще, не подлежит ни малейшему сомнению, что значительное падение ценности денег является огромным препятствием к

развитию производительных сил страны — чрезвычайно задерживает это развитие.

По всем этим причинам предстоящая денежная реформа должна поставить себе главной задачей — возможное предупреждение дальнейшего падения ценности денежной единицы.

IV

Задачи предстоящей денежной реформы в России сводятся к следующим двум основным пунктам:

1) должно быть избегнуто дальнейшее падение ценности денежной единицы;

2) должна быть достигнута возможно большая устойчивость ценности денежной единицы.

Что касается первого пункта, то достижение указанной цели возможно лишь при одном условии — изъятии значительного количества кредитных билетов из обращения. Совершенно невозможно избежать огромного падения ценности кредитного рубля, если в обращении останется столько кредитных билетов, сколько их было выпущено во время войны. Как было указано, нечего обольщаться сравнительно невысоким уровнем лажы, который установился за последнее время. Когда война прекратится и народнохозяйственная жизнь вернется в свое нормальное русло, лаж быстро повысится в огромных размерах, если только количество кредитных билетов не будет сокращено. Наш рубль легко может спуститься после окончания войны до четвертака, — а это было бы огромным хозяйственным бедствием и остановило бы развитие наших производительных сил на многие и многие годы.

Чтобы предотвратить эту катастрофу, грозящую нашей денежной системе, необходимо твердо решиться изъять, путем займов, значительную часть вновь пущенных в обращение кредитных билетов. Было бы нецелесообразно стремиться довести наше кредитное обращение до прежнего, довоенного уровня — то есть приблизительно до 1.600 миллионов р. Прежде всего, не нужно забывать, что до войны у нас имелась в обращении, кроме кредитных билетов, также и звонкая монета. На какую именно сумму — точно неизвестно, но, по всей вероятности, не менее, чем на 400—500 миллионов рублей. Таким образом, общая сумма денег в нашем внутреннем обращении до войны должна была, во всяком случае, превышать два миллиарда руб.

Но и к этому уровню возвращаться было бы нецелесообразно. Возможно, что количество денег в обращении было у нас недостаточно, — перед войной, в связи с промышленным подъемом, у нас чувствовался острый недостаток свободных денежных капиталов, и кассы банков были почти лишены свободной наличности.

Затем, отнюдь не следует стремиться вернуть товарные цены к тому самому уровню, который был до войны. Как-никак, народное хозяйство приспособилось к новому уровню товарных цен — и проделывать процесс изменения товарных цен в обратном на-

правлении — понижать их после того, как раньше они повышались — было бы несогласно с требованиями здоровой экономической политики. Нужно помнить, что сам по себе средний уровень товарных цен значения не имеет, — важны относительные товарные цены, важно последние не колебать; а всякое повышение ценности денежной единицы так же колеблет отношения товарных цен, как и понижение ценности денежной единицы.

Нужно иметь, далее, в виду, что количество денег, требуемое народным хозяйством, определяется, в числе прочего, также и общей суммой меновых оборотов. Если по окончании войны наше хозяйственное развитие пойдет более быстрым темпом, — на что имеется полное основание рассчитывать, так как наше хозяйственное развитие было задержано многими неблагоприятными условиями, которые ходом истории должны быть устранены, — то нам потребуется для надобностей товарного оборота большее количество денег.

Принимая все это в соображение, можно думать, что сумму обращающихся внутри страны кредитных билетов после окончания войны следует довести до уровня, приблизительно, в 4—5 миллиардов руб.

Иными словами, мы должны быть готовы к тому, чтобы с переходом к мирному времени изъять из обращения кредитных билетов на 5—6 миллиардов руб. Для этого потребуется заключить заем на соответствующую сумму. Конечно, заключение такого займа, одновременно с другими, не менее крупными займами, которыми будет сопровождаться переход нашего народного хозяйства к мирному времени, очень и очень не легко.

Но другого выхода нет, — без изъятия на несколько миллиардов кредитных билетов из обращения мы обойтись не можем, — иначе нам придется пережить целую катастрофу в нашей денежной системе и во всем народном хозяйстве: понижение нашего рубля до уровня четвертака и ниже было бы таким хозяйственным бедствием, для предупреждения которого не нужно отступать ни перед какими усилиями и жертвами.

Но, если даже оставить в обращении не более 4—5 миллиардов кредитных рублей, этого количества будет достаточно, чтобы понизить ценность нашего рубля значительно ниже паритета. При возросшем более чем вдвое количестве денег в обращении нельзя и мечтать об удержании курса рубля на уровне паритета. Мало того, вряд ли лаж удержится даже и на том уровне, на котором он находится ныне (хотя это и не невозможно). По всей вероятности, лаж поднимется еще больше, но нужно будет стремиться к тому, чтобы лаж, во всяком случае, был ниже 100 проц.

Второй задачей предстоящей денежной реформы является восстановление устойчивости ценности нашего рубля. Денежная единица с колеблющейся ценностью есть великое хозяйственное зло, крайне задерживающее развитие производительных сил страны, — а в последнем мы, по общему мнению, в настоящее критическое время для государственного и народного хозяйства особенно нуж-

даемся. Вспомним, какие колоссальные финансовые трудности придется преодолеть России с переходом к мирному времени, когда придется изыскивать средства для увеличения государственных расходов, по крайней мере, на два миллиарда в год (а вероятно, и значительно больше). Министерство финансов до сих пор не знает, где найти требуемые новые источники государственного дохода — и, действительно, найти их очень и очень не легко. Развитие производительных сил страны является при таком положении вещей необходимым условием дальнейшего бытия нашей государственности.

О каком же развитии производительных сил можно думать, если мы вернемся к тому положению, в котором Россия была до денежной реформы Витте, — если наш рубль будет колебаться в своем курсе и стремительно падать при малейшем политическом осложнении на Западе.

Вспомним, что в шестидесятые, семидесятые и восьмидесятые годы прошлого века курс русского рубля был самым чувствительным барометром международного политического положения. Столкновения государств Запада, в которых мы ни прямого, ни косвенного участия не принимали, — как, например, война между Пруссией и Австрией, — вызывали катастрофическое падение курса нашего рубля. Благодаря этой зависимости мы очутились в полной власти берлинской биржи, почти полновластно управлявшей курсом нашего рубля, а следовательно, в значительной мере и нашим государственным хозяйством.

Нечто подобное не должно повториться, хотя бы место Германии заняла какая-либо иная держава. Наша денежная единица должна быть автономна в том смысле, чтобы ценность ее не определялась биржей какого-либо иного государства, и наша денежная единица не должна колебаться в своей ценности, должна обладать возможно более устойчивым курсом.

Только при наличности устойчивой валюты можно рассчитывать на широкий приток в нашу страну иностранных капиталов, без чего невозможно быстрое развитие наших производительных сил. Впрочем, на всем этом настаивать нет никакой надобности, так как опасность валюты, курс которой определяется иностранными биржами и сильно колеблется, достаточно сознается нашим общественным мнением.

Итак, достижение устойчивости курса валюты должно быть одной из важнейших задач будущей денежной реформы. Как же эта цель может быть достигнута?

В прежнее время ответ на подобный вопрос не мог бы вызвать ни малейшего сомнения: по общему мнению, валютой с устойчивой ценностью могла быть только металлическая и, в частности, золотая валюта. Огромное большинство смотрит так же на этот вопрос и теперь. Огромное большинство и теперь убеждено, что будущая денежная реформа должна восстановить у нас тот порядок вещей, который господствовал до войны. В этом смысле высказалась и Государственная Дума.

И, конечно, Государственная Дума, настаивая на возможно более скором возвращении к золотой валюте, руководствовалась соображениями вполне почтенными. По счастливому выражению Л. И. Петражицкого¹, обмен кредитных билетов на металл является как бы некоторой финансовой конституцией, ограничением прав министра финансов, который в противном случае становится самодержавным повелителем в области денежного обращения. Поэтому, с политической точки зрения, нельзя не сочувствовать возобновлению размена. Но достижимо ли нечто подобное? Если реформа Витте имела успех и обеспечила России на 17 лет фактический обмен кредитных билетов на золото, с перерывом лишь на время японской войны и последующей революции, то ведь это было возможно лишь благодаря очень высокому покрытию золотом обращавшихся кредитных билетов. По закону 1897 г. только на сумму в 300 миллионов рублей кредитные рубли могли быть не покрыты металлом, все же остальные кредитные билеты полностью покрывались металлом. В действительности же, наш золотой запас был так велик, что обычно значительно превосходил, по своей ценности сумму всех обращавшихся кредитных билетов. Только благодаря такому огромному золотому запасу золотая валюта могла у нас упрочиться на много лет.

Для того, чтобы опять восстановить обмен, нужно было бы обладать не меньшим золотым покрытием кредитных билетов. Если мы предположим, что количество кредитных билетов после войны будет понижено путем изъятия части их до 4—5 миллиардов рублей, и если бы было решено произвести девальвацию этих билетов по курсу ниже 200 р. кредитных за 100 р. металлических, например, по курсу 175 руб. кредитных за 100 руб. металлических, то эти 4—5 миллиардов кредитных билетов были бы равны 2400—3000 миллионам рублей металлических. Золотой запас Государственного банка внутри страны равняется в настоящее время 1.554 миллионам рублей. Для полного покрытия кредитных билетов золотом потребовалось бы, в предположенных условиях, увеличить наш золотой запас на 900—1500 миллионов руб.

Возможно ли такое увеличение нашего золотого запаса? Откуда мы возьмем требуемый лишний миллиард золотом? Ведь после войны все воюющие державы, денежное обращение которых, хотя и не в такой степени, как наше, все же переполнено бумажными деньгами или бумажными знаками, будут стремиться увеличить свои золотые запасы, чтобы урегулировать свое денежное обращение.

При Витте нам удалось накопить к сентябрю 1897 г. (время восстановления размена) на 862 миллиона рублей золота, благодаря целому ряду благополучных лет, когда наш государственный бюджет сводился со значительным превышением государственных доходов над расходами. Этот золотой запас накапливался десятилетиями, но восстановление размена стало возможно лишь благодаря исключительно удачному сведению государственной росписи в первые годы министерства Витте.

Собрать новый миллиард золота, конечно, возможно, но лишь очень нескоро, через много лет. В ближайшие же годы после окончания войны не приходится и думать об увеличении нашего золотого запаса на лишний миллиард.

Иными словами, в первые годы мира нечего и мечтать о восстановлении размена. Силою вещей мы должны отказаться в ближайшем будущем от возвращения нашей денежной системы к тому положению, в каком она была до войны.

Вопреки постановлению Государственной Думы о том, чтобы правительство не позже года по ратификации мирного договора вошло в законодательные палаты с законопроектом о восстановлении золотого денежного обращения, еще многие и многие годы восстановление размена будет экономически невозможно. Но значит ли это, что мы должны вернуться к той денежной системе, которая господствовала у нас до 1897 г.?

Отнюдь нет: до реформы 1897 г. у нас была бумажноденежная система с неустойчивой ценностью бумажного рубля. Возвращение к этой системе в высшей степени нежелательно, и нужно употребить величайшие усилия, чтобы ее избежать.

Опыт последних десятилетий показал, что кроме системы бумажных денег с неустойчивой ценностью, возможна и система бумажных денег с устойчивой ценностью. Возможность этой последней системы доказана примером австро-венгерской валюты в течение не менее продолжительного периода времени, чем тот, пока продержалась наша золотая валюта, созданная Витте.

Эта новая денежная система еще почти не освещена наукой, и русское общество с ней почти незнакомо. У нас знают только бумажные деньги старого типа, столь привычные нам за многие годы. И потом, нисколько не удивительно, что нашему общественному мнению отказ от восстановления размена бумажных денег после войны рисуется в виде возвращения к тому порядку вещей, который господствовал в России до денежной реформы Витте.

Однако можно быть убежденным противником бумажных денег старого типа и защищать ту систему денежного обращения, которая господствовала в Австрии до настоящей войны. Во всяком случае, хороша эта система или дурна, но она предписывается нам неустрашимым ходом вещей.

По указанным причинам в течение ближайших лет нечего думать о восстановлении размена, а значит, невозможен и возврат золотой валюте. Но совершенно очевидно, что возврат к старым бумажным деньгам также крайне нежелателен, ибо при неустойчивой ценности бумажной валюты, колеблющейся под влиянием иностранных бирж, мы не можем рассчитывать на успешное развитие наших производительных сил, в чем столь настоятельно нуждается наша страна.

Единственное, что нам остается, это попытаться ввести у себя денежную систему, которая с таким успехом была испытана Австро-Венгрией.

В чем же характерные черты этой новой денежной системы? Как выше было указано, сущность ее заключается в том, что, вместо пассивного отношения к строению вексельного курса, государство или какая-либо специально для этого созданная хозяйственная организация, находящаяся под контролем государства, берет на себя регулирование вексельного курса в видах достижения наибольшей устойчивости туземной валюты. В главе IV были приведены данные, показывающие, как блестяще эта цель была достигнута в Австрии и как устойчив был курс австрийской валюты, которая все время оставалась не золотой, а бумажной валютой, ибо размен ее на золото, который первоначально имелся в виду, так и не был введен.

Вся суть этой новой системы заключается, таким образом, в активной валютной политике государства или его органов. Эта активная валютная политика отнюдь не была изобретением Австрии. Напротив, почти всегда, с тех пор как существуют бумажные деньги, государство в большем или меньшем объеме вело эту политику, ибо необходимость ее настолько очевидна, что сознавалась почти всеми, на кого ложилась ответственность за состояние денежного обращения в стране.

Наше финансовое ведомство издавна стремилось — но нельзя сказать, чтобы удачно, — вести активную валютную политику.

Характерно при этом, что валютная политика всегда рассматривалась у нас как нечто, не только не подлежащее оглашению, но и даже как что-то вроде государственной тайны. Желая повлиять на курс нашего рубля, правительство наше всегда исходило из убеждений, что цель эта может быть достигнута лишь в том случае, если иностранные биржи, на которых строился курс нашего рубля, будут, так сказать, одурачены нами и не узнают, что меры к воздействию на курс принимаются русским правительством, а не отдельными заинтересованными частными лицами.

Уже через несколько лет после появления наших ассигнаций правительство стало принимать меры к возвышению их курса. Так, уже в 1771 г. наше правительство стремится поднять курс ассигнационного рубля в Голландии.

В начале восьмидесятых годов XVIII века, когда падение курса бумажного рубля приняло большие размеры, операции нашего правительства в борьбе с этим нежелательным явлением расширились. «Для возвышения вексельного курса и удержания оного в желательной пропорции учинены были распоряжения, по Высочайшим соизволениям, чтобы барон Сутерланд трассировал на казенные деньги в Амстердаме у баронов де-Смет состоявшие, то-есть давал бы кредитивы или векселя, а они по сему должны были гонорировать те векселя и кредитивы; Сутерланд же паки наполнил оные трассировки^{1*} переводами» (Финансовые документы царствования императрицы Екатерины II, изданные А.Н.Куломзиным, 1880, стр. 383.) Для этой цели были переведены в Амстердам крупные суммы свыше чем на 3 миллиона гульденов. Результат этой операции был довольно благоприятным, так

как наш вексельный курс повысился с 36 штиверов за рубль до 40 с половиной штиверов за рубль. На этой высоте курс продержался около года, чтобы затем опять вернуться к прежнему уровню.

Не подлежит сомнению, что и в последующее время правительство нередко прибегало к подобным мерам для поднятия курса рубля. Так, известный экономист Блюх¹⁾ высказал в свое время мнение, что благоприятный курс нашего рубля в сороковые годы прошлого века поддерживался, главным образом, такими операциями правительства. Это весьма вероятно, хотя определенных данных этого рода мы не имеем, ибо все подобные операции совершались в большом секрете.

Относительно казенных трассировок в пятидесятые годы прошлого века мы имеем уже вполне определенные сведения, сообщаемые Кауфманом в его книге «Из истории бумажных денег в России». В августе и мае 1857 г. министр финансов исходатайствовал назначение 1.200.000 полуимпериалов для казенных трассировок в видах поддержания курса нашего рубля; в ноябре того же года он исходатайствовал для той же цели назначение 1 миллиона полуимпериалов.

При помощи казенных трассировок наше финансовое ведомство вело энергичную борьбу с понижением курса нашего рубля. Трассировки эти приняли постепенно все более крупные размеры и повели к сокращению разменного фонда на несколько десятков миллионов рублей. Большого успеха в смысле поддержания курса нашего рубля они не имели; но весьма вероятно, что свою долю пользы они, все же, принесли, так как без них курс рубля упал бы еще ниже.

Эти трассировки рассматривались нашим ведомством как своеобразный «косвенный размен по курсу». И, действительно, покупая на казенное золото иностранные векселя, казна оплачивала золотом иностранные денежные требования — все равно, как если бы Государственный банк оплачивал золотом свои билеты, предъявляемые иностранцами. Конечно, это далеко не было разменом на золото кредитных билетов в полном объеме, так как правительство оплачивало золотом только часть иностранных векселей, выставившихся на Россию, и совершенно не оплачивало золотом денежные требования внутри страны. Кроме того, нужно иметь в виду, что при восстановлении размена пришлось бы оплачивать кредитные билеты золотом по номинальному курсу, то есть на основе паритета, между тем как, покупая иностранные векселя по курсу, казна оплачивала иностранные денежные требования на Россию не по номинальному, а по рыночному курсу, то есть со значительной выгодой для себя.

В 1862 г. наше правительство сделало попытку восстановить прямой размен на золото кредитных билетов, и система трассировок была оставлена. Попытка эта никакого успеха не имела и повела только к дальнейшему падению курса рубля.

Кауфман называет систему трассировок «финансовым суеверием, в силу которого продолжали придавать значение искусственным способам для поддержания и быстрого возвышения вексельных курсов» («Из истории русских бумажных денег», стр. 179). Действительно, наши казенные трассировки, производившиеся без определенной системы и в недостаточных размерах, большого успеха не имели. Однако самый принцип активного вмешательства государства в строение вексельного курса не только не может считаться «финансовым суеверием», а является, наоборот, единственно возможной основой здоровой валютной политики.

Как бы то ни было, комитет финансов в начале 60-х годов разочаровался в системе казенных трассировок и выразил это вполне определенно в своем заседании 18 ноября 1863 года, признав, что «трассировки имели вредное влияние и усугубили истощение разменных средств Государственного банка; посему комитет полагал прекратить трассирование» (Кауфман. «Из истории бумажных денег в России», стр. 182).

По-видимому, в непосредственной связи с этим отказом русского правительства от активной валютной политики находится и крайняя неустойчивость курса нашего рубля в шестидесятых годах, когда каждое международное замешательство на Западе вызывало стремительное падение курса нашего рубля.

Впрочем, в конце шестидесятых годов, по инициативе управляющего Государственным банком Ламанского^{1*}, казна возобновила в довольно широких размерах противоположную операцию — покупку золота за счет кредитных билетов. Покупки эти сильно повлияли на курс нашего рубля в обратном направлении — понижали курс кредитного рубля, вызывая вздорожание золота. Это понижение курса рубля, как кажется, входило в виды нашего правительства, ограждавшего интересы землевладельцев, выигрывавших от падения курса рубля.

В восьмидесятых годах, в бытность министром финансов Вышнеградского, а также в девяностых годах при Витте регулирование курса кредитного рубля нашим финансовым ведомством приняло широкие размеры, но определенных данных об этих операциях не имеется, — они держались в строгом секрете. По-видимому, именно благодаря этим операциям и была достигнута при Витте та устойчивость курса кредитного рубля, которая подготовила реформу 1897 г.

Итак, меры по регулированию курса бумажного рубля хорошо нам знакомы и нередко практиковались нашим финансовым ведомством в широких размерах. Но систематического характера они у нас никогда не принимали и всегда рассматривались нашей финансовой администрацией как нечто ненормальное и подлежащее строгой тайне. Меры эти строго осуждались в печати, и правительство прибегало к ним под влиянием необходимости, как к чему-то предосудительному. Выше были приведены слова Кауфмана — вдохновителя реформы 1897 г., — строго осуждающие подобные операции.

Господствующее воззрение русских экономистов на этот вопрос формулировано в курсе финансового права проф. Львова следующим образом:

«Поддержка вексельных курсов трассировкой за счет государственного казначейства имеет цель выдачей переводных векселей за границу поддерживать курсы выше нормальных и придать им большую устойчивость; при этом, для покрытия выдающихся трат на зарубежных банкиров, им высылается золото из металлического фонда. К такой мере не раз прибегало и наше финансовое ведомство, но это средство не оправдывается финансовой наукой, потому что по произволу нельзя управлять вексельными курсами, движение которых зависит от общих законов международного обращения» («Курс финансового права», 1887, стр. 433).

По-видимому, только в бытность министром финансов Бунге наше финансовое ведомство совершенно воздерживалось от всяких попыток влиять на курс рубля. Во всяком случае, в докладе о государственной росписи на 1886 г. Бунге заявлял: «Министерство финансов по-прежнему воздерживалось от всякого влияния на цену кредитного рубля и с этой целью не продавало даже золота, поступающего в уплату таможенных пошлин, а передавало его в оборотную кассу Государственного банка, взамен накоплявшихся в последней кредитных билетов».

К этому нужно прибавить, что именно при Бунге курс нашего кредитного рубля был очень низок и сильно колебался.

Итак, практика активного вмешательства в строение вексельного курса хорошо знакома нашему финансовому ведомству, но далеко не может считаться удачной. Практику эту резко осуждали в теории, но почти все наши министры финансов прибегали к ней под давлением необходимости.

В настоящее время, после многолетнего опыта Австро-Венгерского банка по регулированию вексельных курсов — регулированию открыто признаваемому, без всяких попыток кого-то обмануть и внушить бирже неправильное мнение о лицах и учреждениях, которые совершают соответствующие сделки, — мнения по этому вопросу должны радикально измениться. То, что казалось самому авторитетному и типичному представителю старых воззрений — Кауфману — «финансовым суеверием», должно быть признано важным завоеванием экономической политики.

Активная валютная политика должна быть признана в настоящее время одной из важнейших составных частей правильной экономической программы. Строение вексельного курса не должно быть предоставляемо случайным биржевым воздействиям, но взято в руки государства.

Конечно, не следует думать, что государство может по своему усмотрению устанавливать любой курс своей денежной единицы. Власть государства в этой области ограничена хозяйственными силами, бороться с которыми было бы бесцельно, по невозможности их преодолеть. Государство должно ставить себе в области денеж-

ного обращения лишь строго определенные и вполне достижимые задачи.

Регулируя вексельный курс, государство не может надеяться, не изменяя количества денег в обращении, существенно изменить средний уровень вексельного курса, непосредственно определяющийся соотношением международных платежных обязательств. Но оно может достигнуть большей устойчивости вексельного курса, может достигнуть устранения резких колебаний последнего.

С точки зрения интересов народного хозяйства, представляет огромное различие, образуется ли средний уровень вексельного курса путем его резких колебаний вверх и вниз или же путем устойчивого пребывания курса на одном и том же приблизительном уровне. В устранении колебаний, в придании устойчивости вексельному курсу и заключается задача активной валютной политики.

Курс кредитного рубля в прежнее время колебался чрезвычайно сильно вне всякой зависимости от общих условий нашего народного хозяйства. Эти колебания могли бы быть устранены, если бы государство воспользовалось своими громадными экономическими силами для того, чтобы удерживать курс рубля на том уровне, который обуславливается общим состоянием нашего народного хозяйства.

В достижимости этой цели нельзя сомневаться. Почему курс австрийской кроны приобрел совершенную устойчивость на целый ряд лет, в то время как курс прежнего австрийского гульдена колебался не менее курса кредитного рубля? Ведь крона так же не разменивалась на металл, как и прежний гульден.

Курс гульдена строился под влиянием свободной игры спроса и предложения на бирже, а курс кроны регулировался Австро-Венгерским банком.

Итак, вполне возможно достигнуть устойчивой денежной единицы и помимо восстановления размена. Для этого необходимо создать учреждения, аналогичные тем, которые существуют в Австрии.

В настоящее время регулирование курса иностранной валюты лежит на особом расчетном отделе при кредитной канцелярии министерства финансов. В будущем эта чрезвычайно важная и ответственная функция должна быть возложена на Государственный банк.

Но в связи с новыми условиями международных хозяйственных отношений, созданными войной, регулирование вексельных курсов в отдельных странах должно быть дополнено международными соглашениями по этому предмету между важнейшими державами. Таким образом, мы приблизимся к тому, чтобы бумажные деньги каждой отдельной страны утратили характер местных денег, за пределами ее не имеющих никакой платежной силы. При помощи международных соглашений можно будет оказывать на вексельный курс уже гораздо более могущественное влияние, чем это доступно изолированным усилиям отдельной страны.

Но, конечно, и в этом случае курс денежной единицы будет управляться своими неизменными законами, преодолеть которые государству не удастся. Так, например, не обоснованные требованиями менового оборота увеличения выпусков бумажных денег неизбежно должно приводить к падению их курса — и тут уж никакие международные соглашения не помогут. Все указанные меры предполагают, что государство не будет злоупотреблять своей властью — создавать новые деньги, но будет строго согласовывать свою денежную политику с потребностями народного хозяйства в устойчивой денежной единице.

V

Таким образом, в результате войны может создаться новая денежная система — система бумажных денег с устойчивой ценностью. Формально эти деньги, как и все бумажные деньги, будут обозначены на металл; но это обозначение будет пустой формой, не имеющей никакого хозяйственного содержания до тех пор, пока эти бумажные знаки не будут размениваться на металл.

А что же золото? Какую роль оно будет играть в рамках новой денежной системы? Большая часть его будет мирно покоиться в кладовых центральных национальных банков.

Необходимость этого, казалось бы, совершенно непроизводительного хранения колоссальных запасов металла, никогда не поступающих в обращение, объясняется, не имея за себя рационального основания, мотивами народной психологии. Человечество еще не доросло до бумажных денег в чистом виде, без металлического фундамента, ибо только при наличии крупного металлического запаса в центральном финансовом учреждении страны, бумажные деньги внушают доверие. В будущем металлические запасы будут ликвидированы с выгодой для развития производительных сил общества, ибо эти покоящиеся запасы металла, превратившись в полезные товары, увеличат хозяйственную мощь общества.

Но в ближайший период развития народного хозяйства об этом думать еще не приходится. Наоборот, правильная денежная политика предписывает в ближайшем будущем не только не отказываться от собирания крупных металлических запасов, но всячески их охранять и избегать непроизводительной растраты их. Конечно, активная валютная политика невозможна без расходования значительных сумм золота. Для этой цели должен быть назначен определенный золотой фонд, и в пределах такого фонда учреждение, занятое регулированием вексельного курса, должно иметь полную свободу для расходования золота на приобретение иностранной валюты.

Но за пределами фонда, предназначенного для операций с иностранной валютой, золотой запас Государственного банка должен тщательно охраняться и никоим образом не поступать в обращение.

При восстановлении размена в 1897 г. наше финансовое ведомство всячески старалось втолкнуть в обращение звонкую монету, навязывая ее публике всеми возможными способами.

Для чего это было нужно — сказать не легко. Во всяком случае теперь нужно стремиться к обратному: не к расходованию, а к сохранению золотого фонда. Золото должно не обращаться в публике в виде золотой монеты (бумажный знак является более удобным орудием обращения, чем тяжеловесная золотая монета), а храниться в кладовых денежного учреждения страны, играя роль некоторого идеального центрального обеспечения обращающихся бумажных денег и служа для международных платежей. Без золотого обеспечения бумажные деньги не будут пользоваться доверием общества, и потому, пока человечество не доросло до более совершенной денежной системы бумажных денег без металлического обеспечения, сохранение возможно более крупного неприкосновенного металлического фонда является необходимым.

ЗНАЧЕНИЕ БИРЖИ
В СОВРЕМЕННОМ
ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОЕ

БИРЖА.

Исторія и современная организація фон-
довых биржъ на Западѣ и въ Россіи.
Биржевыя сдѣлки. Биржи и война.

КЛЕВЪ,

Типографіи и книжной 2-я Артиллерійскій Издательскій д-лъ.

1917

Среди современных хозяйственных учреждений нет ни одного более характерного для капиталистической системы хозяйства, чем биржа. Правда, история биржи ведет свое начало со времени еще средневековья. Но дело в том, что капитализм, как определенная хозяйственная система, начинает свое развитие задолго до того времени, когда капиталистическое производство стало господствующим (собственно капиталистическая эра): в форме денежного капитала капитализм появляется с древнейших времен.

В средние века мы видим, что во многих центрах международной торговли имеются организации, аналогичные современным биржам. Однако это были только слабые начатки биржи, приобретающей свое настоящее значение и настоящий размах только в 19 веке. И чем больше хозяйственный строй той или иной страны проникается капиталистическими чертами, тем большее значение приобретает в ней биржа. Поэтому по важности биржи в хозяйственной жизни той или иной страны можно судить о степени ее капиталистической зрелости.

Биржа есть своеобразная организация, концентрирующая в одном определенном пункте и в одно определенное время торговые сделки. В этом отношении биржа является одним из видов торговых организаций, преследующих цели такой концентрации. Стремление к концентрации торговых сделок вытекает из самого существа менового хозяйства. Ибо меновое хозяйство представляет собою очень сложную систему, в которой отдельные составные части автономны, и в то же время от характера и направления деятельности каждой единицы самым существенным образом зависят успех и характер деятельности других единиц. Каждое отдельное предприятие формально совершенно свободно придает своей деятельности любое направление, но в то же время его успех определяется направлением деятельности других предприятий. Связью между отдельными предприятиями является обмен, совершающийся на основе той или другой цены. От этой цены, устанавливающейся не путем приказов общественной власти или каким бы то ни было актом коллективной единой воли, но возникающей стихийно из столкновения воли множества автономных единичных хозяйств, зависит весь ход хозяйственной жизни общества, живущего в условиях менового хозяйства.

Условием существования меновой хозяйственной системы является известная пропорциональность распределения общественного труда между отдельными отраслями его. Под пропорциональным распределением общественного труда следует разуметь такое, при котором продукты производятся и поступают на рынок в соответствии с общественным спросом. Если распределение общественного труда непропорционально, то известная доля общественного спроса остается неудовлетворенной и, в свою очередь, из-

вестная доля общественного труда оказывается для общества бесполезной. При значительной степени непропорциональности общественное хозяйство становится невозможным. Но и незначительная непропорциональность может повести к временной остановке общественного производства, благодаря взаимной зависимости отдельных членов меновой системы друг от друга.

Отсюда ясна важность для меновой системы хозяйства достижения возможно большей пропорциональности. Меновое хозяйство совсем не могло бы существовать, если бы оно не обладало некоторым механизмом для достижения такой пропорциональности.

Рыночная цена товара является естественным барометром менового хозяйства, указывающим высоту экономического давления в каждой отдельной отрасли общественного труда. Низкая цена указывает на избыток предложения, высокая — на недостаток его. Соответственно этим указаниям, общественный труд распределяется между различными отраслями хозяйства — отливает от тех отраслей, где предложение высоко, и приливает туда, где предложение низко.

Отсюда ясна огромная важность для менового хозяйства точности и правильности показаний этого экономического барометра.

Меновое хозяйство жизненно заинтересовано в том, чтобы цена каждого товара возможно более точным образом указывала истинное соотношение общественного спроса и предложения на данный товар. Если показания цены будут не точно воспроизводить названное соотношение, то достижение пропорциональности общественного труда существенно затруднится.

Общественное предложение, а еще более общественный спрос не локализованы в немногих определенных пунктах, но рассеяны во всем общественном организме. В то же время меновая система хозяйства не обладает никакой организацией для планомерного учета общественного предложения и спроса. Поэтому каждая отдельная, единичная товарная цена лишь очень несовершенно учитывает соотношение общественного спроса и предложения и непосредственно отражает лишь местные, для данного пункта обмена, соотношения спроса и предложения, а не общие соотношения этого рода.

В каждом отдельном пункте обмена возникает, таким образом, своя особая цена. Различия местных цен затемняют общую картину соотношения общественного спроса и предложения и затрудняют пропорциональное распределение общественного труда. Концентрация торговых сделок в немногих определенных пунктах противодействует этому местному характеру цен и облегчает установление общей цены.

В докапиталистической стадии менового хозяйства эта концентрация происходит путем так называемых ярмарок, при которых товар подвозится к тем пунктам, где концентрируются торговые сделки.

Этот подвоз товаров к определенному пункту выгоден, на этой стадии развития обмена, и покупателю, и продавцу. Покупателю

потому, что ему не приходится самому выискивать пункты производства товара, продавцу потому, что ему не приходится самому выискивать покупателя и подвозить товар к рассеянными пунктам сбыта. Общественное предложение определенного товара выступает в этом случае в конкретном и определенном виде подвоза товара к пункту концентрации торговых сделок.

Биржа имеет то общее с ярмаркой, что она также преследует цели концентрации торговых сделок и по тем же основаниям, как и ярмарка, — т.е. с целью приведения в контакт всего общественного спроса и предложения (в отличие от контакта местного спроса и местного же предложения в отдельных пунктах обмена). Однако биржа существенно отличается от ярмарки в следующем отношении: на ярмарке концентрация торговых сделок сопровождается и концентрацией общественного спроса и предложения в конкретном виде — товар подвозится к ярмарке *in natura*, между тем как на бирже концентрация торговых сделок не сопровождается каким бы то ни было фактическим изменением распределения запасов товаров в различных пунктах их производства и хранения: концентрация предложения товара на бирже имеет вполне идеальный характер, на бирже не продается товар *in natura*, но переуступается лишь право получения соответствующего товара в известном пункте и в известное время. Поэтому на бирже продаются не только те товары, которые не находятся в данный момент на месте продажи, но и такие, которые могут вообще не существовать в данный момент на месте продажи или даже совсем не существовать в данный момент в природе, — напр., хлеб будущего урожая.

В этом заключается существенное и крайне важное отличие биржи от ярмарки. Вызывается оно большей степенью развития обмена в капиталистическом, чем в простом товарном хозяйстве. Ярмарочная торговля, с ее периодическим перемещением товаров к одному центру, с тем, чтобы затем те же товары перемещать из данного центра к различным пунктам их потребления, требует непроизводительной затраты значительного труда на передвижение товаров: гораздо экономнее было бы перемещать товары непосредственно из пунктов их производства в пункты их потребления, чем передвигать их раньше к месту ярмарки, только затем к месту потребления; но для возможности такого экономизирования расходов транспорта требуется, чтобы покупатели имели возможность во всякое время получить нужные им товары в пунктах производства последних, что, в свою очередь, становится возможным только при значительном развитии обмена и средств сообщения.

Таким образом, на известной ступени развития обмена, достигаемой только в период капиталистического производства, сопровождающегося революцией в условиях средств сообщения, ярмарки естественно отмирают ввиду того, что появляется возможность избегать излишних расходов по перемещению товаров к тем пунктам, где концентрируются торговые сделки. Но выгоды, соединен-

ные с концентрацией торговых сделок в определенных пунктах, не исчезают.

Место прежних ярмарок заступают биржи. Купля-продажа товаров сосредоточивается в определенных пунктах, хотя продаваемых товаров в данном пункте и не имеется. Продается голое право получения товара, где бы этот товар ни находился.

В непосредственной связи с тем, что на бирже товары не являются в своем натуральном виде, следует, что биржевые сделки возможны двух родов — на наличные ценности и на срок. На ярмарке сделки на срок невозможны, так как при ярмарочной торговле продается только наличный товар. Но на бирже продается товар отсутствующий, значит, возможна продажа товара с обязательством поставить его через более или менее продолжительный срок.

Для возможности биржевой продажи товара последний должен иметь характер заменимого — это вытекает из самого существа биржевых сделок. Не буду останавливаться на тех приемах, при помощи которых биржа придает товарам свойство заменимости; не буду также останавливаться на описании различных видов срочных сделок, легко принимающих характер азартной игры, ибо срочная сделка, по самому характеру биржевых операций, вовсе не должна неизбежно заканчиваться поставкой продавцом покупателю определенного товара.

Перехожу к центральному вопросу — каково значение биржи в системе современного хозяйства?

Чтобы удовлетворительно разрешить этот вопрос, нужно прежде всего иметь в виду основное деление биржевых операций на товарные и фондовые, соответственно тем ценностям, которые могут быть предметом биржевых операций, — товарам и фондам.

Обычно думают, что в области и тех, и других операций биржа играет одинаково важную и необходимую роль в системе капиталистического хозяйства. Это мнение мне кажется глубоко ошибочным.

Остановимся раньше на товарных функциях биржи. Значение этих функций обычно видят в том, что благодаря бирже становится возможным более правильное учитывание соотношения общественного спроса и предложения, установление средней цены товара, соответствующей всему общественному спросу и предложению, а не местным, частичным различиям спроса и предложения.

Нечего и говорить, насколько заинтересовано капиталистическое хозяйство в правильном учете общественного спроса и предложения, так как только на основе такого учета возможно пропорциональное распределение общественного труда, и товарные операции биржи, без сомнения, содействуют этому. В этом отношении биржа выполняет ту же функцию, которую раньше выполняли ярмарки, но выполняет ее гораздо совершеннее и лучше.

На ярмарке общественный спрос и предложение учитывались самым грубым образом: общественное предложение учитывалось по количеству подвезенного товара, а общественный спрос по за-

купкам ярмарочных торговцев. Но ведь на ярмарку подвозилась только некоторая часть всех товаров того же рода, производимых в стране; а закупки ярмарочных торговцев далеко отступали от всего реального спроса страны на соответствующий товар.

На бирже механизм установления размеров общественного спроса и предложения гораздо тоньше и совершеннее. На биржу товары совсем не подвозятся. Поэтому бирже приходится прибегать к другим приемам для выяснения основных факторов общественной цены.

В чем же заключаются эти приемы? Не в чем ином, как в суммировании тех сведений о состоянии общественного спроса и предложения, которыми располагают отдельные члены биржи. Каждый из них обладает обширным знанием в своей области. Собравшись вместе, они могут значительно дополнить и исправить свои частные сведения. В этом смысле говорят, что биржа есть мозг современного хозяйства: на бирже собираются лица, наиболее осведомленные относительно состояния баланса общественного хозяйства, и в результате их сделок друг с другом фактическое состояние этого баланса выясняется.

Это выяснение реального соотношения экономических сил достигается на бирже своеобразным методом, наиболее пригодным для данных целей. А именно, отдельные члены биржи не только не делятся друг с другом своим знанием, но всячески его скрывают друг от друга, в видах использования этого знания в своих частных интересах. Но так как та или иная оценка экономического положения находит себе выражение в характере соответствующих биржевых операций, то, в конце концов, установившаяся цена объективно учитывает все эти различные оценки, а значит, и экономические знания отдельных лиц.

Однако не нужно и преувеличивать значение в этом смысле биржи. Ярмарка была очень грубым способом выяснения реального соотношения общественного спроса и предложения, но в свое время она имела в этом отношении большее значение, чем биржа в наше время.

А именно, в наше время знание различных элементов общественного хозяйства чрезвычайно расширилось и стало более или менее общедоступным, не составляя секрета немногих заинтересованных лиц. Статистика тщательно следит за ходом общественного предложения и спроса. Специальные торговые издания сообщают соответствующие сведения всем желающим, и биржевые деятели принуждены довольствоваться в этом отношении теми сведениями, которые собраны отнюдь не ими и доступны также и другим.

Это соображение имеет особое значение по отношению к наиболее типичной отрасли биржевых сделок — сделок на срок. Именно этими сделками и характеризуется биржа: сделки на наличные могут легко происходить и при отсутствии биржи, сделки же на срок получили свое развитие в современном хозяйстве именно благодаря бирже. И когда мы говорим о специфически

биржевых операциях, то всегда имеем в виду именно срочные сделки.

Сделки на срок основаны на учете вероятных изменений товарной цены во времени и представляют собой то, что называют спекулятивной торговлей (в отличие от торговли распределительной, при которой барыш торговца зависит от различий цен в один и тот же момент в различных пунктах обмена). Что касается народнохозяйственной оценки спекулятивной торговли вообще, то по этому поводу нужно иметь в виду нижеследующее.

Нужно различать два вида спекулятивной торговли. В одном случае спекулянт стремится заранее предвидеть независящее от его операций будущее изменение товарных цен и приспособить к последнему свои операции. Допустим, напр., что в стране происходит неурожай. Хлебные торговцы, предвидя повышение цены хлеба, увеличивают свои закупки раньше того времени, когда уже сильно скажется нужда в хлебе.

Такая усиленная преждевременная закупка хлеба вызывает преждевременное повышение цен на хлеб; но именно потому, что повышение цены хлеба происходит преждевременно, ранее, чем без спекулятивных покупок, — оно является более постепенным и равномерным. Если бы не было спекулятивных покупок, то цены на хлеб повысились бы позже, но зато более резко. Следовательно, торговая спекуляция, заранее учитывая будущее и устраняя резкие скачки цен, выравнивает в данном случае движение товарных цен и регулирует общественное потребление. Общество в целом от этого выигрывает, так как соответственно более равномерному движению цен более равномерно идет и общественное потребление.

Но существуют торговые спекуляции и другого рода. В этом случае спекуляция стремится не предвидеть естественное движение товарных цен в будущем, а управлять им, создавая искусственный недостаток в товарах, чтобы затем, пользуясь этим, сбывать по высоким ценам товар, купленный по низким ценам. В этом случае спекулянт вызывает искусственные колебания цен — создает искусственную нужду в товаре, расстраивает правильный ход общественного потребления и наживается на чужих потерях.

Итак, торговая спекуляция выполняет лишь в том случае полезную общественную функцию, если она основана на предвидении будущего движения цен, как таковое происходило бы на основе естественного соотношения общественного спроса и предложения. Это относится к биржевой спекуляции, как и ко всякой другой.

Иными словами, наша оценка биржевой спекуляции с точки зрения общественных интересов должна определяться тем, признаем ли мы за биржевыми деятелями большее умение предвидеть будущее движение цен, чем за лицами, стоящими вне биржи. И только в том случае, если мы будем иметь основание решать этот вопрос положительно, мы должны признать за биржевой спекуляцией полезное народнохозяйственное значение.

Я лично думаю, что для решения этого вопроса в пользу биржевой спекуляции не имеется серьезных данных. Дело в том, что предвидение будущего движения цен — дело чрезвычайно трудное, для которого недостаточно практического знакомства с данной отраслью торговли. Колебания цен различных товаров зависят, главным образом, от факторов двойного рода: во-первых, от движения промышленного цикла, смены фазисов промышленного подъема и упадка и, во-вторых, от урожая. Первый фактор особенно сильно влияет на цены фондов, а затем и на цены металлов и, в меньшей степени, на цены остальных товаров. Второй фактор особенно влияет на цены сельскохозяйственных продуктов и, прежде всего, хлеба. Чтобы предвидеть будущее движение цен, нужно уметь предвидеть изменение двух этих основных факторов колебаний цен.

Вряд ли нужно доказывать, что таким предвидением биржевые деятели не обладают. Что касается до изменения фазисов промышленного цикла, то даже самая наличность этих фазисов довольно смутно сознается современными биржевыми деятелями. Заслуга установления закономерности промышленного цикла принадлежит людям науки, а не практики. Люди же практики вплоть до нашего времени обнаруживают полное незнание с движением промышленного цикла и потому, как общее правило, бывают застигнуты переменной промышленной конъюнктуры врасплох — промышленный подъем после промышленной депрессии приходит для них столь же неожиданно, как и промышленная депрессия после промышленного подъема. Ни один промышленный кризис не был предвиден людьми практики — биржевыми дельцами; такое предвидение удается и удавалось (и многократно) только людям науки¹.

Что же касается до предвидения урожая, то такое предвидение пока недоступно никому, — ни людям науки, ни, тем менее, людям практики.

В итоге, ни о каком предвидении биржевыми дельцами будущего движения цен говорить не приходится. Все, что пишется в книгах о биржевой спекуляции как о факторе, учитывающем будущее движение цен, следует признать основанным на чистейшем недоразумении².

Но, в таком случае, что же представляет собой биржевая спекуляция? Неужели просто азартную игру, ничем не отличающуюся по своим шансам выигрыша от игры в рулетку? Конечно, нет.

¹ Новейшим попыткам организованного изучения конъюнктуры, с целью заблаговременного выяснения симптомов приближающегося кризиса, посвящена будет специальная статья в V томе «Банковой Энциклопедии». *Прим. ред.*

² Взгляды автора на роль срочных сделок и биржевой спекуляции представляются нам в сильной степени односторонними. Мы считаем, однако; правильным дать место их изложению для более всестороннего освещения вопроса. *Прим. ред.*

Дело в следующем. Биржевая спекуляция во многих случаях основывается на совершенно правильном коммерческом расчете и на вполне удачном предвидении будущего — но не того будущего, которое выражается в независящем от спекуляции естественном движении товарных цен, а того будущего, которое создается самим спекулянтom. Не умея предвидеть естественного движения цен в будущем, спекулянт стремится повлиять на это движение в желательном для него направлении, и это нередко ему удается, если он обладает соответствующими экономическими средствами. Образование огромных капиталов в руках немногих финансовых королей в наше время обычно объясняется тем, что эти лица (своими собственными силами или, как общее правило, во главе соответствующей группы лиц) сумели в своих интересах повлиять на движение соответствующих цен.

Спекуляции этого рода не только не приводят к более равномерному движению цен, но, наоборот, вызывают острые и резкие колебания цен, в высшей степени разорительные для народного хозяйства. Ценности известного рода — фонды или товары — скупаются под шумок группой спекулянтов и затем, когда цена на эти товары или фонды повышается, вследствие недостатка последних в обращении, соответствующие ценности реализуются по повышенным ценам. На рынке оказывается избыток этих ценностей, после того как спекулянты успели от них избавиться, и цена их внезапно сильно падает, разоряя широкую публику, на счет которой обогатились спекулянты.

Правда, такие спекуляции нередко не удаются их инициаторам и приводят к собственному разорению последних: спекулянты оказываются не в силах поддержать высокую цену, искусственно созданную ими самими, и цены падают еще в то время, когда соответствующие ценности не успели еще выйти из их рук; но и в этом случае спекуляция оказывает свое вредное действие на народное хозяйство, вызывая резкие колебания цен.

Биржевая спекуляция, как общее правило, обогащает только экономически более сильных биржевых деятелей, могущих управлять, в большей или меньшей степени, биржевыми ценами за счет разорения более слабых спекулянтов, следующих за ценами, устанавливаемыми первыми.

Итак, мы приходим к выводу, что, поскольку биржевая спекуляция стремится предвидеть будущее движение цен, она не достигает этой цели и не выполняет, следовательно, никакой полезной общественной функции; поскольку же биржевая спекуляция стремится повлиять на будущее движение цен, она положительно вредна и увеличивает элемент случайности и риска, присущий капиталистическому хозяйству.

Сделки на наличный товар должны встретить вообще с нашей стороны более благоприятную оценку, чем сделки на срок. Хотя и тут возможно воздействие на цены в интересах отдельных спекулянтов, тем не менее в этой области соединение на бирже многих заинтересованных лиц несомненно содействует выяснению

действительного соотношения общественного спроса и предложения.

Какой же общий вывод следует из всего вышесказанного? Товарная биржа, разумеется, выполняет известные важные народно-хозяйственные функции: концентрируя в одном пункте товарные сделки, она облегчает торгующим совершение этих сделок, балансирует спрос предложением.

В этом заключается выгода всякой концентрации торгового оборота.

Затем, биржа дает возможность в более широких размерах, чем хотя бы ярмарка, устанавливать размеры всего общественного спроса и предложения и, таким образом, биржа содействует тому, что товарные цены более точно учитывают это соотношение, благодаря чему становится возможным более пропорциональное распределение общественного труда.

Но этим положительным функциям биржи сопутствуют известные неустрашимые отрицательные стороны биржевой торговли. В особенности ярко выступают эти отрицательные стороны в срочных сделках.

В общем итоге, товарная биржа является таким элементом современного хозяйственного строя, который оказывает очень сложное влияние на разные стороны народного хозяйства. В экономической литературе обычно сильно преувеличиваются положительные стороны товарных бирж и замалчиваются отрицательные стороны последних. Преувеличивается важность товарных бирж в общей системе капиталистического хозяйства¹. На самом же деле, товарная биржа имеет довольно ограниченное значение в строе капиталистического хозяйства, что доказывается уже тем, что через биржу проходит лишь определенная группа продуктов капиталистического хозяйства. Фактически биржевая торговля имеет большое значение только для очень немногих товаров и, прежде всего, для хлеба. В хлебной торговле биржа играет, действительно, очень большую роль. Объясняется это тем, что хлеб легко принимает характер заменимого товара и потому легко становится предметом биржевых сделок. Затем, хлеб является товаром мирового значения, местная цена которого находится в тесной зависимости от условий мирового хлебного рынка. Известное значение имеет в данном случае и то обстоятельство, что цена хлеба подвержена очень сильным колебаниям, благодаря чему хлебная торговля сопряжена со значительным риском и естественно приобретает спекулятивный характер.

Как бы то ни было, в области хлебной торговли биржа играет роль бесспорно весьма значительную. В некоторых странах получила большое развитие срочная торговля хлебом на биржах, при-

¹ Мы не можем согласиться с воззрениями автора на значение товарных бирж. Давая место изложению его взглядов, мы обращаем внимание читателя на дальнейшее изложение вопроса в статье о товарных биржах. *Прим. ред.*

чем биржи выработали очень совершенный механизм для облегчения срочных сделок с хлебом. Однако и в области хлебной торговли мы не видим, чтобы биржевая организация ее была необходимым условием самой возможности хлебной торговли. Так, напр., в России, несмотря на огромное развитие в ней хлебной торговли, до сих пор не существует правильно организованных срочных сделок с хлебом чисто биржевого типа (образчиком которых являются хотя бы срочные сделки с хлебом на Берлинской бирже, т.н. *Termingeschäfte*). Специально хлебные биржи стали возникать в России только за последние два десятилетия и до настоящего времени большого значения для русской хлебной торговли не приобрели¹.

Я не могу также согласиться, чтобы так называемые *Termingeschäfte* были необходимы в интересах развития хлебной торговли в Германии. Правда, попытки борьбы со срочной торговлей хлебом, предпринятые германским правительством под давлением аграрных кругов, приписывавших этим операциям неблагоприятное влияние на хлебные цены, не имели успеха, и можно думать, что все подобные попытки бороться со срочными биржевыми сделками будут иметь столь же мало успеха, ибо из самого существа биржевой спекуляции вытекает ее стремление к игре на разницу, всего беспрепятственнее и шире развертывающейся при срочных сделках. Но эта тенденция биржи к развитию срочных сделок объясняется не столько их необходимостью для торговли, сколько пригодностью срочных сделок для целей биржевой игры.

Переходя к другим товарам, кроме хлеба, мы замечаем, что они в гораздо меньшей степени втягиваются в область биржевой торговли. От чего бы это ни зависело, факт остается фактом: из основных продуктов капиталистического хозяйства почти только один хлеб является предметом широко развитой биржевой торговли. Другие же продукты только частично проходят через биржу, а большинство из них и совсем не соприкасается с товарной биржей.

Вообще, предметами биржевой торговли являются, как общее правило, сырые продукты, а не фабрикаты. Но сырые продукты далеко не все появляются на бирже. Правда, число сырых продуктов, играющих большую или меньшую роль в биржевой торговле, очень велико — хлеб, нефть, сахар, хлопок, кофе, каменный уголь, железо и многое другое является предметом биржевых сделок. Но значение биржи в условиях сбыта этих различных продуктов далеко не одинаково, и для многих из них биржевой сбыт играет далеко не существенную роль. Возьмем,

¹ Вряд ли эта ссылка на Россию может служить доказательством развиваемого автором взгляда. Архаическое положение хлебной торговли в России и многие темные стороны ее могут быть поставлены в значительной мере в связь с недостаточным развитием русских хлебных бирж. *Прим. ред.*

напр., самый основной и важный продукт капиталистического производства — железо. Существуют специальные биржи для железа, но биржи эти имеют местное значение, и мировая цена железа складывается не на этих биржах. В железодельной промышленности биржа сколько-нибудь существенного значения не имеет уже потому, что важнейшие продукты железодельной промышленности вообще не являются предметом торговли, а изготовляются на заказ (рельсы, железнодорожные принадлежности, суда, вагоны и пр.).

Вообще, товарные операции биржи отнюдь не являются необходимым условием капиталистического хозяйства. Капиталистическая торговля может достигать своих целей и без помощи биржи — развитие сношений и осведомленности каждого предпринимателя относительно состояния товарного рынка приводит к тому, что и помимо биржи каждое заинтересованное лицо получает возможность приобрести достаточную осведомленность относительно состояния товарного рынка. И я лично склонен думать, что дальнейшее развитие сношений и осведомленности должно повести к относительному сокращению роли товарной биржи в системе капиталистического хозяйства.

Однако из этого я отнюдь не делаю вывода, что биржа вообще не существенна в капиталистической системе хозяйства. Наоборот, я думаю, что без биржи капиталистическое хозяйство невозможно и что роль биржи в системе капитализма чрезвычайно важна. Но та биржа, которая необходима для капиталистического хозяйства, есть не товарная, а фондовая биржа.

Незаменимое значение фондовой биржи заключается в нижеследующем. Капиталистическое хозяйство создает огромное количество свободных капиталов, которые не находят себе непосредственного помещения в тех единичных хозяйствах, где они возникли. Эти свободные капиталы должны найти то или другое помещение в пределах общественного хозяйства. Без пропорционального размещения их между отдельными предприятиями хозяйственная система не может расти и развиваться.

Эти свободные капиталы приливают прежде всего в банки, которые и являются для них естественными резервуарами. Можно подумать, что на банки должно всецело ложиться и размещение этих капиталов между отдельными предприятиями.

Однако это не так. Как бы ни была успешна деятельность банков, той функции, которую исполняет биржа, банки исполнить не могут. Капиталы притекают в банки в форме краткосрочных вкладов (банки долгосрочного кредита мы оставляем в стороне). Уже одна краткосрочность вкладов доказывает, что вкладчики ищут в данном случае для своих капиталов лишь временное помещение. Окончательное же помещение капиталы эти должны найти в тех или иных предприятиях.

Вот это-то помещение свободных капиталов в различных предприятиях или займах общественных учреждений и есть основная чрезвычайно важная функция фондовой биржи, — функция, де-

дающая биржу центральным учреждением всей капиталистической системы хозяйства. Владельцы свободных капиталов, очевидно, не могут передать какому-либо кредитному учреждению, напр. банку, помещение своих капиталов, так как каждое отдельное помещение имеет свои индивидуальные черты, делающие данное помещение более или менее привлекательным и приемлемым для того или иного владельца капитала. Правда, крупнейшими инициаторами различных предприятий являются сами банки. И это нисколько не удивительно, так как банки владеют самыми крупными капиталами. Но для помещения своих капиталов в различных предприятиях банки опять-таки нуждаются в бирже, не менее частных лиц.

Для возможности распределения огромных капиталов, ежегодно накапливающихся при капиталистической системе хозяйства, эта система нуждается в каком-либо центральном учреждении, в котором сосредоточивалось бы предложение всех этих капиталов, ищущих помещения, а также и спрос на эти капиталы со стороны различных предприятий и общественных организаций. Если бы такого центрального учреждения не было, помещение капиталов встретило бы непреодолимые затруднения. Ибо свободные капиталы по самой своей природе, не могут быть предметом статистического учета, и, следовательно, только на бирже, где эти капиталы непосредственно предлагаются, возможен их учет.

Фондовая биржа выполняет, следовательно, в капиталистическом хозяйстве функцию, аналогичную роли банков в организации кредита. Банки размещают между отдельными предприятиями те свободные капиталы, владельцы которых ищут им только временного помещения. Для постоянного же размещения свободных капиталов существует биржа, внутренний строй которой не имеет ничего общего со строем банка по той причине, что временное и постоянное помещение капиталов требует совершенно различных экономических организаций: при временном помещении своего капитала владелец отдает его в ссуду, при постоянном же помещении капитала капиталист остается собственником капитала.

Как банк является резервуаром, в котором скопляется капитал, ищущий временного помещения, так биржа есть резервуар, в котором концентрируется предложение капиталов, ищущих помещения постоянного. Благодаря этой концентрации и легкости биржевых сделок постоянное помещение капиталов приобретает выгоды временного помещения: капиталы легко могут быть вынуты из любого предприятия и перемещены в другое путем продажи соответствующих фондов и покупки новых.

Только благодаря фондовой бирже стало возможно слияние многих незначительных капиталов в гигантские скопления, требуемые условиями капиталистического хозяйства. И чем быстрее идет накопление капитала, тем важнее становится фондовая биржа в общем строе жизни капиталистического общества и тем в большую зависимость от фондовой биржи попадает все общественное производство.

Вот почему нужно признать совершенно призрачной мысль об освобождении современной хозяйственной системы от подчинения бирже. Самое сильное правительство бессильно перед биржей, и никакие реформы биржи не изменяют ее существа. Биржевая игра, со всеми ее отрицательными сторонами, непосредственно вытекает из этого существа, и ее нужно принять вместе с биржей, ибо без фондовой биржи капитализм так же невозможен, как невозможен кредит без банков или обмен без денег¹.

¹ Тенденция развития фондовых бирж в современной высшей фазе капиталистического строя в связи с деятельностью коммерческих банков посвящается в дальнейшем изложении особая статья проф. М.И. Боголепова. *Прим. ред.*

КОММЕНТАРИИ

ОЧЕРКИ ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И СОЦИАЛИЗМА

Очерк I

ПРОИСХОЖДЕНИЕ АНГЛИЙСКОГО КАПИТАЛИЗМА

К с. 19

¹Печатать отдельные (но логически и исторически связанные) очерки по истории политической экономии Туган-Барановский начал в журнале «Мир Божий», где в 1901 — 1902 гг. им было опубликовано 14 очерков, затем объединенных в отдельную, очень солидную по объему книгу («Очерки из новейшей истории политической экономии». СПб., 1903. 434 с.). Во втором издании 1905 г. книга была существенно сокращена и в таком объеме выдержала еще 5 публикаций. (1906, 1907, 1916 и два издания — в Москве и Харькове в 1919 г.).

²В этой трактовке капитализма ощущается достаточно тесная связь взглядов М.И. Туган-Барановского с марксизмом. В современной экономической науке определение капитализма, как правило, не содержит столь явных указаний на возможность эксплуатации. Капитализм обычно определяется как строй, основанный на частной собственности, свободе предпринимательства и выбора, конкуренции, личном интересе как главном движущем мотиве поведения, рыночном ценообразовании и ограниченной роли правительства.

К с. 20

¹Купеческие гильдии — союзы купцов, возникшие в Западной Европе в X веке. Задачи средневековых купеческих гильдий заключались в совместной защите торговых путей, установлении цен на товары, в приобретении и пользовании сообща торговыми привилегиями и т.д. Постепенно упрочиваясь, гильдии приобрели значительное развитие и влияние. Они получали монопольное право на занятие торговлей в пределах города, принимали участие в городском самоуправлении, имели право надзора за торговлей, творили суд над своими членами. В средние века купеческие гильдии устанавливали все более расширяющиеся торговые связи и оказывали огромное влияние на развитие торговли. Во времена Великой французской революции купеческие гильдии прекратили свое существование.

²Цехи — сословные организации городских ремесленников, создававшиеся по профессиональному признаку, получившие широкое распространение в Европе в период феодализма. Первые сведения о возникновении цехов относятся к VIII — IX векам. Наивысшего расцвета цехи достигают к XIII — XV векам. Целью своей деятельности цехи ставили защиту своих членов от посягательства феодалов, сохранение монопольного положения в производстве и сбыте товаров. Первоначально способствовали развитию ремесла. С зарождением капитализма цехи превратились в замкнутые организации мастеров, эксплуатирующие подмастерьев, стесняющие развитие производства принудительными регламентациями. Развитие мануфактурного и фабричного производства полностью подорвало положение цехов и привело к их исчезновению.

К с. 21

¹Таксирование — назначение определенных цен на товары.

К с. 25

¹Бумазея — один из видов ткани.

²Мануфактура — крупное промышленное предприятие, основанное преимущественно на ручном труде и использующее в производстве эффект разделения труда между рабочими. Возникновение мануфактур в Европе приходится на XVII—XVIII века. С введением в конце XVIII в. машинного производства мануфактуры быстро вытесняются фабриками.

К с. 26

¹Революция товарных цен — период резкого повышения товарных цен вследствие падения стоимости благородных металлов. В истории мировой экономики известны два случая подобного скачкообразного роста цен. Первый раз в середине XVI века, когда в Европу стало поступать золото и серебро из Америки. Увеличение поступления золота, а особенно серебра — основного денежного металла XVI века, — привело к повышению товарных цен в 2,5—4 раза. Вторая волна заметного повышения цен наблюдалась после того, как в конце 40-х годов XIX века началась разработка Калифорнийских, а позднее Австралийских месторождений золота. Во второй половине XIX века рост цен за счет этого фактора составил 25—50%.

К с. 27

¹Стачка — отказ рабочих по предварительному взаимному уговору производить работу, предусмотренную договором о найме. Факты забастовок встречаются начиная с XIV века. С середины XIX века стачки приобрели политический характер. «Священный месяц», объявленный чартистами в Англии 12.08.1842 был первым случаем политической забастовки.

К с. 28

¹Позднее процесс потери английскими крестьянами своих земель получил название «огораживание».

К с. 32

¹Питт Вильям младший (1759—1806) — английский государственный деятель, сын Питта Вильяма старшего. С 1781 года член палаты общин. С 1783 по 1801 и в 1804 — премьер. В 1798 году правительство под руководством Питта подавило ирландское восстание. Последние годы жизни Питта были посвящены организации коалиции против Наполеона.

Очерк II

АДАМ СМИТ

К с. 33

¹Представление о предмете исследования политической экономии менялось с развитием науки. Во времена А.Смита и его предшественников наибольший интерес ученых вызывала проблема роста богатства государ-

ства и происхождения прибыли. В середине XIX века акцент в экономических исследованиях сместился на изучение отношений между людьми, складывающихся при производстве и распределении материальных благ. С начала нашего века в западной экономической литературе термин политическая экономия постепенно выходит из употребления. Место прежней политической экономии занимает экономика — наука, исследующая проблемы эффективного использования ограниченных производственных ресурсов и управления ими с целью достижения максимального удовлетворения материальных потребностей людей.

К с. 34

1*Этика — наука о нравственности (морали), ее происхождении и развитии, о правилах и нормах поведения людей, об их обязанностях по отношению к друг другу и обществу.

2*Юм Давид (1711 — 1776) — знаменитый шотландский философ-эмпирик. Сын дворянина, получил юридическое образование, служил в дипломатическом ведомстве. В разные периоды своей жизни жил во Франции и был близок к энциклопедистам. Как экономист Д. Юм известен своей книгой «Опыты рассуждения о разнообразных предметах», в которой дается систематическая критика меркантилизма. Д. Юм является одним из создателей количественной теории денег, в соответствии с которой деньги трактуются как условные счетные единицы. Увеличение количества денег приводит к снижению их стоимости, с уменьшением их количества стоимость денег повышается. Эта теория оказала достаточно сильное влияние на современную монетаристскую школу.

3*С этой точкой зрения М. И. Туган-Барановского нельзя полностью согласиться. Некоторые идеи Д. Юма оказали достаточно серьезное влияние на экономическую науку. В частности, на разработки основателей количественной теории денег (см. примечание 2*).

К с. 36

1*Можно говорить о том, что в этом случае А. Смит близок утилитаристской философии Бентама. У А. Смита человек тоже стремится к максимизации своих выгод и минимизации неудобств, страданий. Нуждаясь в повседневной жизни в вещах, которые самостоятельно невозможно произвести, человек вынужден участвовать в разделении труда и вступать в отношения обмена. Таким образом, личная выгода, служащая первоначально основным движущим стимулом отдельного человека, превращается в источник общественного прогресса.

2*Деревянное масло — низший сорт оливкового масла, непригодный для употребления в пищу. Использовался для изготовления мыла, смазки и как осветительное масло.

К с. 37

1*Бокль Генри Томас (1821 — 1862) — английский историк, автор знаменитого в свое время романа «История цивилизации в Англии». Особенность взглядов Бокля заключалась в объяснении истории человеческого общества, исходя из влияния естественных условий на человека и человека на природу. Бокль полагал, что разница между европейской и неевропейской цивилизациями заключается в том, что европейцы господствовали над природой благодаря силе своего разума, а над обитателями других частей света господствует природа. Бокль был одним из первых ученых, начавших в широких масштабах применять в исторических исследованиях данные статистики и этнографии.

¹Историческая школа права — направление в юридической науке, возникшее в начале XIX века. Виднейший представитель — Савиньи. Историческая школа права образовалась в связи с дискуссией о кодификации германского права. В начале XIX века на территории Германии существовало большое число раздробленных немецких государств, в каждом из которых использовались свои правовые нормы. В интересах национального объединения требовалась замена римского права единым германским. Савиньи возражал сторонникам единого германского права и доказывал, что право не есть продукт воли законодателя: оно создается «народным духом», вырастает органически, подобно языку; источником права является всегда всегда обычай, который предшествует закону. Закон лишь формулирует то, что сложилось в сознании и быте народа. Таким образом, историческая школа права выдвигала идею закономерного развития права.

²Савиньи Фридрих Карл (1779–1861) — немецкий юрист, профессор, крупнейший представитель исторической школы права. В 1842–1848 годах был прусским министром по пересмотру законодательства. Основные работы: «История римского права в средние века» 7 тт., «Система современного римского права» 8 тт., «Обязательное право». Основные взгляды Савиньи кратко изложены в работе «О призвании нашего времени к законодательству и науке права».

³Естественное право — юридическая теория, сложившаяся в XVII–XVIII веках. Основным теоретиком и систематиком естественного права был Г.Гроций. Суть теории естественного права заключалась в том, что человеческому разуму свойственны определенные представления о справедливости и несправедливости, о правовых нормах. Теория естественного права утверждала природную свободу и равенство всех людей, незыблемость прав частной собственности. Государство рассматривалось как продукт «общественного договора» свободных и равных людей. Идеи теории естественного права оказали большое влияние на философию просветителей. Расцвет школы естественного права приходится на период Великой французской революции.

⁴Гроций Гуго (1583–1645) — знаменитый писатель эпохи расцвета голландского торгового капитализма. Главное сочинение Г.Гроция «О праве войны и мира», написанное под впечатлением 30-летней войны, положило начало науке международного права. Г.Гроций был первым теоретиком и систематиком естественного права. Внес большой вклад в развитие теории государства.

⁵Пуффендорф Самуил (1632–1694) — юрист, систематик естественного права. Основное произведение — «Восемь книг о праве естественном и международном» 1672 г. Согласно С.Пуффендорфу, в естественном состоянии право сливается с нравственностью, имея корни в религии. Типичным институтом естественного права является семья. Собственность возникает только с появлением государства, в основе которого лежат два договора: между людьми об образовании правительства и между подданными и правительством о повиновении.

⁶Вольф Христиан (1679–1754) — немецкий философ, систематик и популяризатор философии Лейбница, учитель М.В.Ломоносова.

⁷Гетчиссон Франкус (1694–1747) — профессор нравственной философии в университете Глазго, один из предшественников Шотландской школы «здорового смысла». По мнению Гетчиссона, нравственность основывается на данных человеческой природы.

¹ Кромвель Оливер (1599–1658) — один из крупнейших деятелей английской буржуазной революции XVII века. В 1642 году организовал из крестьян и ремесленников кавалерию «железнодорожников». В 1644–1645 годах Кромвель разгромил войска короля Карла I. Позднее, опираясь на армию, изгнал из парламента пресвитериан — представителей богатой лондонской буржуазии, искавших согласия с королем. В 1649 году Кромвель был сторонником предания суду и казни короля Карла I и провозглашения республики. Вместе с тем, он сурово расправлялся с демократическими движениями (левеллеров и диггеров) в парламенте. С установлением республики Кромвель был избран в исполнительный совет. В 1649–1652 годах под его руководством было подавлено освободительное восстание в Ирландии, а в 1650 году в Шотландии, закончившееся окончательным присоединением этой территории к Англии. К 1653 году Кромвель, по сути дела, приобрел диктаторские полномочия. В 1657 году он отверг королевский титул, предложенный ему парламентом. С 1652 по 1654 год Кромвель вел войну с Голландией, а с 1655 по 1657 год войну с Испанией, которые сыграли большую роль в укреплении положения Англии как морской державы.

² Кольбер Жан Батист (1619–1683) — французский государственный деятель, генеральный контролер (министр финансов) при Людовике XIV. Политика Кольбера имела черты меркантилизма. Кольбер покровительствовал отечественной промышленности путем установления высоких ввозных пошлин, запрета вывоза из страны сырья, поддержания активного торгового баланса, государственной регламентации промышленности, поддержки новых отраслей производства, развития мореплавания и улучшения путей сообщения, создания компаний для заморской торговли.

¹ Физиократы — группа французских экономистов второй половины XVIII века. Основателем школы и ее виднейшим представителем является Франсуа Кенэ. В круг физиократов входили также Тюрго, Мирабо старший, Дюпон де Немур, Мерсье де ла Ривьер. Физиократы издавали журнал «Эфемериды». Течение физиократов оказало огромное влияние на становление классической школы политической экономии. Первыми перенесли предмет исследования политической экономии из сферы обращения в сферу производства. Ими были созданы первые схемы макровоспроизводства, показывающие движение созданного продукта между отдельными сферами производства и классами общества. Отличительной особенностью физиократической школы являлось утверждение о производительном характере земледельческого труда. По мнению физиократов, только земледельческий труд создает «чистый продукт», т.е. излишек стоимости товара над издержками производства. Источником чистого продукта является земля. Капиталисты, занятые в сфере промышленного производства, как и рабочие, только возмещают потребленные ими средства существования и поэтому рассматриваются физиократами как «бесплодный класс».

Практические рекомендации физиократов в области экономической политики фактически были направлены на развитие земледелия на капиталистических началах и заключались в установлении налогов, которые, в первую очередь, должны были падать на землевладельцев и быть пропорциональными величине получаемого ими «чистого продукта», ведении политики поощрения высоких хлебных цен и установлении свободного ввоза промышленных товаров.

К с. 42

¹Это определение наиболее точно отражает взгляды А. Смита на роль и функции государства. Вслед за А. Смитом аналогичный подход к определению функций государства приняли практически все экономисты, придерживающиеся либеральных взглядов.

К с. 43

¹Протекционизм — политика, ставящая задачей поддержание и защиту отечественной промышленности, прежде всего путем назначения высоких ввозных пошлин на импортные товары. Первыми идеологами политики протекционизма были меркантилисты.

Очерк III

ПРОМЫШЛЕННЫЕ РЕВОЛЮЦИИ

К с. 49

¹Юнг Артур (1741—1820) — английский писатель. Произведения А. Юнга считаются ценным источником статистического и фактографического материала по истории народного хозяйства Англии. С 1793 года А. Юнг был секретарем бюро земледелия при правительстве Питта.

К с. 50

¹Аркрайт Ричард (1732—1792) — английский механик, усовершенствовавший бумагопрядильную машину. На основанной Р. Аркрайтом фабрике при изготовлении пряжи использовались машины с водяными двигателями.

²Уатт Джемс (Бенджамин Джеймс) (1736—1819) — шотландский механик, изобретатель, создавший универсальный тепловой двигатель (машина «Уатта»), сыгравший большую роль в переходе от мануфактуры к машинному производству.

³Нельсон Горацио (1758—1805) — английский адмирал. В 1798 году разгромил французский флот при Абукире (Египет). В 1799 году, командуя английской эскадрой, участвовал в подавлении революционного движения в Неаполе. В 1803 году во главе средиземноморской эскадры в течение двух лет поддерживал блокаду французского и испанского побережья. В 1805 году уничтожил франко-испанский флот при Трафальгаре. В этом сражении адмирал Нельсон был смертельно ранен. Победа при Трафальгаре обеспечила на сто лет господство Англии на морях.

⁴Веллингтон Артур Уэсли (1769—1852) — герцог, английский полководец и государственный деятель, консерватор. В 1815 году во главе 70-тысячной англо-голландской армии одержал победу над армией Наполеона при Ватерлоо. Это сражение привело к окончательному низвержению Наполеона.

К с. 51

¹Лендлорды — крупные землевладельцы, обычно сдающие землю в аренду фермерам.

К с. 53

¹Сисмонди Леонард (1773—1842) — известный швейцарский экономист. В России популярность ему принесла теория экономических кризисов. Сисмонди доказывал, что производство ограничено размерами по-

требления, которое, в свою очередь, определяется величиной общественного дохода. Для бескризисного развития общества необходимо, чтобы производство текущего года равнялось доходу предыдущего года. С развитием капитализма связано разорение мелких производителей, ремесленников и крестьян, и абсолютное сокращение доходов большей части населения. Таким образом, развитие капитализма, сопровождаемое огромным ростом производства и интенсивным разорением населения, неизбежно должно приводить к возникновению кризисов. Единственным выходом для капиталистических государств в этой ситуации является расширение внешних рынков сбыта. Теория кризисов Сисмонди оказала большое влияние на формирование взглядов русских народников и на взгляды некоторых марксистов.

²Карлейль Томас (1795—1881) — английский историк и писатель. Автор ряда работ о Французской революции, Фридрихе II, Кромвеле. По мнению Т.Карлейля, главную роль в историческом развитии играют отдельные личности, герои.

К с. 54

¹Тойнби Арнольд (1852—1881) — английский экономист и филантроп. Основное внимание в своих работах уделял исследованию проблем промышленного и аграрного переворота в Англии, этическим проблемам политической экономии, критике теории фонда заработной платы. А.Тойнби был сторонником социальных реформ в пользу рабочих, полагал целесообразной государственную собственность коммунальных предприятий и железнодорожного транспорта, организовывал публичные лекции для рабочих.

К с. 56

¹М.И.Туган-Барановский по сути дела проводит чисто политэкономический анализ эпохи промышленной революции. Его не интересуют такие вопросы, как эффективность новой техники, методы повышения производительности труда, изменения в ценах и другие проблемы, анализ которых столь характерен для современной экономической науки. Значительно больше автора интересуют проблемы взаимоотношений между людьми, влияние промышленной революции на положение отдельных групп населения, образование классов, т.е. те проблемы, которые сегодня мало изучаются теоретической экономической наукой и скорее относятся к предмету исследования социологов, демографов, философов. В таком подходе к проблеме анализа результатов промышленной революции заметна достаточно сильная связь взглядов М.И.Туган-Барановского с идеями классической школы и марксизма.

Очерк IV

ШКОЛА СМИТА

К с. 61

¹В начале XX века в Европе центр тяжести в экономических исследованиях снова сместился к изучению вопросов производства. Рост интереса к проблеме распределения в экономической науке обычно характерен для периодов обострения социальных проблем. Для России это было актуально в конце XIX — начале XX века в момент написания М.И.Туган-Барановским этих очерков.

Г. Мальтус

К с. 63

¹Годвин Вильям (1756–1836) — английский социальный мыслитель, один из основателей анархизма, ученик Ж.Руссо, П.Гольбаха и Д.Локка. В.Годвин был одним из наиболее политически радикальных проповедников своего времени. Оказал значительное влияние на своих современников, в том числе на Р.Оуэна. В своем главном сочинении «Исследование политической справедливости и ее влияния на всеобщую добродетель и счастье» 1793 г. В.Годвин приходит не только к отрицанию монархии, но и всякого государственного строя, основанного на насилии и частной собственности, от которой происходят неравенство и все бедствия общества.

²Руссо Жан Жак (1712–1778) — французский писатель и мыслитель. Родился в Женеве в семье часового мастера. В 16 лет бежал из дома и вел странствующий образ жизни, переменял много профессий. В 1741 году поселился в Париже и сблизился с кругом энциклопедистов. Широкую известность Руссо получил после опубликования трактата «Рассуждение о науках и искусствах» 1750 г., получившего премию Дижонской академии. В 1761 году Руссо написал свой самый знаменитый роман «Юлия, или Новая Элоиза», рассказывающий о несчастной любви молодого учителя Сен-Пре к его ученице, дочери аристократа. Современники восприняли этот роман как протест против социального неравенства, призы к возвращению к естественной жизни и природе. В 1762 году Руссо пишет педагогический трактат в форме романа «Эмиль, или О воспитании». Книга подвергается судебному преследованию, и Руссо вынужден на 8 лет покинуть Париж. Последние годы жизни Руссо проводит в деревне и посвящает написанию автобиографического романа «Исповедь». Идеи Руссо, в частности, изложенные в работах «Рассуждения о происхождении и основаниях неравенства» и «Об общественном договоре или принципах политического права», оказали огромное влияние на современников и идейно содействовали подготовке Великой французской революции. К числу почитателей Руссо принадлежал М.Робеспьер.

К с. 67

¹С законом народонаселения Мальтуса, очевидно, можно согласиться в том смысле, что если темпы роста населения превышают темпы роста производства материальных благ, например, в силу низкой производительности труда, то следствием этого становится ухудшение положения населения. Категоричное утверждение Мальтуса о склонности населения к более быстрому темпу размножения, чем рост средств существования, и вследствие этого хронической бедности принять нельзя. Такая формулировка была опровергнута ходом исторического развития.

К с. 68

¹Спенсер Герберт (1820–1903) — английский философ и социолог, один из основателей позитивизма, представитель органической школы в социологии. Частично переносил законы развития жизни живых организмов на жизнь общества. Философские идеи Спенсера во многом предвосхищают возникновение теории эволюции Дарвина. Большой интерес представляют педагогические взгляды Спенсера, изложенные в трактате «Воспитание умственное, нравственное и физическое». В этом трактате Спенсер выступает сторонником естественного воспитания детей, создания условий для последовательного ознакомления ребенка с природой, окружающим миром тем же путем, каким шла в своем культурно-историческом развитии вся цивилизация.

В русском переводе издано Собрание сочинений в 7-ми томах (Ред. Н.А.Тиблен) — СПб., 1866—69; Сочинения (Ред. Н.А.Рубакин) — СПб., 1899—1900.

^{2*} Во второй половине XX века для некоторых развивающихся стран, обладающих низким уровнем развития и высокими темпами прироста населения, действие закона народонаселения Мальтуса оказывается вполне справедливым. Так, в ряде стран Африки препятствиями росту населения по-прежнему остаются болезни, локальные войны, голод. Для этих государств тенденция превышения темпов роста населения над темпами роста материальных благ остается в силе. Более того, внедрение достижений современной медицины зачастую приводит к усугублению проблем. Сокращение смертности при общем стремлении к сохранению больших семей приводит к усилению перенаселения и дальнейшему обнищанию. Для высокоразвитых европейских стран, США, Канады скорее справедливо предположение Спенсера. В нашем столетии прирост населения во многих государствах значительно сократился. Некоторые европейские государства сейчас имеют нулевой или близкий к нулевому прирост населения.

II. Рикардо

К с. 75

^{1*} Петти Вильям (1623—1687) — английский экономист, по профессии врач, был секретарем О.Кромвеля. Один из основателей политической экономии и статистики. Основные произведения: «Политическая арифметика» 1683, «Трактат о налогах» 1662, «Политический обзор или анатомия Ирландии» 1672. В.Петти принадлежит одна из первых попыток дать теоретическое объяснение явлениям хозяйственной жизни. Он считается родоначальником трудовой теории стоимости. Помимо труда источником стоимости, по мнению Петти, была земля. Петти полагал, что «Труд — отец и активное начало богатства, а земля его мать». В области экономической политики В.Петти разделял идеи меркантилистов. Он поддерживал протекционистскую политику по отношению к отечественной промышленности, полагал, что свободная торговля может привести к разорению национального производства.

^{2*} Стюарт Джемс (1712—1780) — английский экономист, один из последних представителей меркантилизма. Основное произведение «Исследование о принципах политической экономии» 1767 г.

^{3*} Кантильон Ричард (1680—1734) — английский экономист, банкир, демограф. По происхождению ирландец. Свои дела вел в Англии и Франции. В 1755 году посмертно была опубликована рукопись Кантильона «Опыт о природе торговли вообще». Эта работа оказала большое влияние на физиократов и классиков английской политической экономии. Кантильон считал основными источниками богатства землю и труд. Исследовал различия прибыли и предпринимательского дохода, анализировал влияние девальвации валют на торговлю, зависимость между количеством денег в обращении и массой товаров, земельную ренту, обосновывал количественную теорию денег. Кантильон первым сделал попытку представить кругооборот промышленного капитала в виде наглядной схемы. Поставил проблему оптимизации численности населения.

^{1*} Лассаль Фердинанд (1825–1864) – крупнейший руководитель рабочего движения 60-х годов в Германии. Основатель Всеобщего германского рабочего союза. Политической программой рабочих Лассаль считал завоевание путем мирной борьбы всеобщего избирательного права, которое обеспечит проведение социальных реформ. Исторической миссией Прусской монархии считал объединение Германии. Лассалем был написан ряд работ по экономике («Господин Бастиа – Шульце-Делич, экономический Юлиан, или капитал и труд»), философии («О Гераклите»), юриспруденции («Система приобретенных прав»), поэзии (трагедия «Франц фон Зиккинген»). Большую известность имел сформулированный Лассалем «железный закон заработной платы», согласно которому средний размер заработной платы рабочих сводился к безусловно необходимому минимуму средств существования, без которых невозможна жизнь. Одно время формулировка этого закона приводилась в манифесте коммунистической партии. Позднее этот закон был опровергнут и исключен из манифеста.

^{2*} В этих словах прослеживается достаточно четкая идейная связь М.И. Туган-Барановского с марксизмом. Туган-Барановскому тоже свойственно рассмотрение проблем распределения с классовых позиций.

^{1*} Джордж Генри (1839–1897) – американский экономист, приобрел известность после выхода в свет книги «Прогресс и бедность», в которой выступил против теории народонаселения Мальтуса и закона заработной платы Рикардо. По мнению Джорджа, корень всех социальных проблем общества заключается в присвоении землевладельцами всего прибавочного продукта. На пользу землевладельцев идет и прогресс культуры, связанный с совершенствованием техники. Рабочие и предприниматели при этом остаются обделенными. Джордж отрицал антагонизм интересов рабочих и капиталистов. Своей бедностью рабочие обязаны землевладельцу. Капиталистическая рента является общим врагом рабочих и капиталистов. Поэтому избавление человечества от бедности, по мнению Джорджа, возможно путем введения земельного налога, поглощающего всю ренту (см. подробнее в этом издании очерк «Движение в пользу национализации земли»).

Очерк V

УТОПИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

^{1*} Дюринг (Dühring) Евгений (1833–1921), немецкий философ, занимался проблемами политической экономии, права, теории литературы. В 1863–1877 гг. был приват-доцентом Берлинского университета, в 1873–1876 гг. – доцентом в частном женском лицее.

Работа Ф. Энгельса, в которой отражена его полемика с Е. Дюрингом, – «Анти-Дюринг» – имеет еще одно название: «Переворот в науке, произведенный господином Евгением Дюрингом» (написана в 1876–1878 гг.). Второе название этой книги перефразирует название работы Е. Дюринга «Переворот в учении о народном хозяйстве и в социальной науке, произ-

веденный Кэри» (Мюнхен, 1865). Кэри (Cagey) Г. Ч. — экономист, учитель Е. Дюринга в области политической экономии.

Причиной социального неравенства и эксплуатации Е. Дюринг считал насилие, предусматривал социальные преобразования через кооперацию мелких производителей.

1. ОУЭН

К с. 88

1* Очерк «Оуэн» впервые был опубликован М. И. Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901, № 6, с. 139 — 153). Впоследствии был включен им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого печатается здесь.

2* «...мы уже видели малообразованного биржевого игрока в роли замечательного теоретика политической экономии» — имеется в виду Давид Рикардо (1772 — 1823), один из классиков английской политической экономии.

Д. Рикардо родился в семье богатого коммерсанта. С 16 лет помогал отцу в торговой конторе и на бирже. С 1793 г. самостоятельно занимался коммерческой деятельностью, составил себе состояние. С 1812 г. стал крупным рантье и землевладельцем. Позднее посвятил себя научной работе. Труды: «Цена золота» (1809), «Высокая цена слитков как доказательство обесценения банкнот» (1810), «Проект экономического прочного денежного обращения» (1816), «Начала политической экономии и податного обложения» (1817).

К с. 91

1* Бентам Иеремия (1748 — 1832), английский философ и юрист, родоначальник утилитаризма (от латинского *utilitas* — польза, выгода) в этике — считающего пользу основным принципом оценки нравственности и критерием человеческих поступков.

К с. 95

1* Чартизм (от англ. *charter* — хартия) — первое массовое политическое движение пролетариата в Великобритании в 1830 — 1850 гг. Требования чартистов были изложены в «Народной хартии» (1838 г.): введение всеобщего избирательного права (для мужчин), законодательное ограничение рабочего дня, повышение заработной платы и др.

2* Голайок (Голейок, Холейок) Джордж Джакоб (1817 — 1906), ученик Оуэна, видный деятель кооперативного движения, один из основателей знаменитого общества «Рогдельских пионеров». В 1846 г. основал журнал «Resонер», где выделил раздел для освещения вопросов кооперативного движения. Основные произведения: «История рогдельских пионеров» (1857), «История кооперации в Англии» (2 т., 1897), «Кооперация в наши дни» (рус. пер.: «Современное кооперативное движение», Пг., 1918).

К с. 96

1* Точное название этой работы: «An Explanation of the cause of the distress which pervades the civilized parts of the world» (1823). (Рус. пер. нет.)

К с. 99

^{1*}Моисей — в библейской мифологии предводитель израильских племен, призванный богом Яхве вывести израильтян из фараоновского рабства сквозь расступившиеся воды «Черного» (Красного) моря.

К с. 100

^{1*}Подробнее с точки зрения М.И.Туган-Барановского о причинах возникновения кризисов перепроизводства товаров можно познакомиться в его трудах: «Периодические экономические кризисы» (Часть II. Теория кризисов. Гл. 6. М.: Наука, РОССПЭН, 1997), «Основы политической экономии» (Учебник. Гл. II. 5 изд., Пг., 1918).

К с. 101

^{1*}«A book of the new moral world» (англ.) — «Книга о новом нравственном мире» (1842—1844) — одно из главных произведений Оуэна. До 1950 г. было единственным переведенным на русский язык полным произведением Оуэна (1893). Впоследствии неоднократно переиздавалось.

II. Сен-Симон и сен-симонисты

К с. 104

^{1*}Очерк «Сен-Симон» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901. № 7. С. 62—82). Впоследствии был включен им в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919. С. 86—108) печатается здесь.

^{2*}Кенэ Франсуа (1694—1774) — французский экономист, один из виднейших представителей школы физиократов. Особую известность приобрел как составитель первой таблицы общественного воспроизводства, чем положил начало целому направлению в экономической науке. По профессии врач.

^{3*}Тюрго Анн Робер Жак (1727—1781) — французский экономист-физиократ, философ, государственный деятель. Выдвинул один из первых вариантов теории общественного прогресса, впервые рассматривал собственность на средства производства в качестве основы деления общества на классы. На посту генерального контролера финансов (1774—1776) провел ряд реформ в духе физиократов.

^{4*}Смит Адам (1723—1790) — шотландский экономист, один из крупнейших представителей классической политической экономии, автор знаменитой книги «Исследование о природе и причинах богатства народов». Превратил политическую экономию в стройную систему знаний, отвечающую идеалам рациональности классической науки. Выдвинул идею о человеческом труде как о единственном источнике стоимости товаров, однако последовательно провести этот принцип применительно к буржуазному производству не смог. Обосновывал необходимость господства личного интереса над общественным в поступках человека.

^{5*}Сэй Жан Батист (1767—1832) — французский экономист, автор одного из первых учебников по политической экономии. Известен также своими работами в области общественного воспроизводства и теории кризисов.

¹Карл Великий (742–814) – король франков с 768 г., с 800 г. – император, основатель династии Каролингов. Его завоевания привели к образованию обширной империи, которая распалась вскоре после его смерти. Его политика способствовала формированию в Западной Европе феодальных отношений.

²Даламбер Жан Лерон (1717–1783) – знаменитый французский математик, механик, философ-просветитель. С 1764 г. – иностранный почетный член Петербургской Академии наук. Совместно с Дидро работал над созданием «Энциклопедии». Разработал принцип, позволяющий применять к решению задач динамики более простые методы статики. В решении основных философских вопросов склонялся к скептицизму. Выступал с критикой церкви.

¹Цинцинат (Цинциннат) – (Cincinnatus), римский патриций, консул в 460 г. до н.э., диктатор в 458, 439 гг. Согласно преданию, он был образцом скромности, доблести и верности гражданскому долгу.

¹Сталь Анна Луиза Жермена де (1766–1817) – французская писательница, автор известных романов «Дельфина» (1802), «Коринна, или Италия» (1807), а также книги «О литературе, рассматриваемой в связи с общественными установлениями» (1800). Сыграла видную роль в формировании французского романтизма.

¹«Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains» (франц.) – «Письма женеvского обывателя к современникам» – первое произведение Сен-Симона, изданное в Женеве в 1803 г. (рус. пер. 1912 г.). Другие труды Сен-Симона: «Введение к научным трудам XIX века» (2 ч. 1807–1808), «Заметки о всеобщем тяготении» (1813, рус. пер. 1911), «Очерк науки о человеке» (1813, рус. пер. 1911), «О промышленной системе» (3 т., 1821–1822, рус. пер. 1923), «Катехизис промышленников» (1823, рус. пер. 1910), «Новое христианство» (1825, рус. пер. 1923).

¹Конт Огюст (1798–1857) – французский философ, один из основоположников позитивизма и научной социологии. В 1817–22 гг. был секретарем Сен-Симона. Отстаивал тезис, что ни наука, ни философия не способны ответить на вопрос о причинах явлений, а могут говорить лишь о том, как они происходят. Развивал идею Сен-Симона о трех стадиях интеллектуальной эволюции человечества – теологической, метафизической и позитивной. Социология Конта разделяется на социальную статику, имеющую дело с устойчивыми условиями существования общества, и социальную динамику, изучающую законы естественного развития. Известен также как автор оригинальной системы классификации наук.

²Тьерри (Тьерри) Огюстен (1797–1877) – французский историк, один из основателей романтического направления. Одним из первых исследовал роль классовой борьбы и классового интереса в развитии общества. Основу классового деления общества он видел в отношениях собственности, происхождение которых, в свою очередь, объяснял завоеванием.

³*«Le nouveau christianisme» (франц.) — «Новое христианство». Основное произведение Сен-Симона (рус. пер. в кн. Сен-Симон. Избр. соч. Т. 2. М.—Л., 1948). Впервые опубликовано в 1825 г. в Женеве.

К с. 112

¹*Сократ (470/469—399 до н.э.), древнегреческий философ, один из родоначальников диалектики. Свое учение излагал устно. Его ученики — Ксенофонт, Платон.

К с. 113

¹*Вывод Сен-Симона о роли знаний в общественном прогрессе не только подтвердился, но в ходе исторического развития выработка и теоретическая систематизация объективных знаний о действительности приобрела еще большее значение, оказывает свое влияние на все стороны жизни человека. Идет постоянный процесс усиления связи получения научных знаний с материальным производством. В начале XX века произошел скачок в развитии естественных наук, который послужил исходным пунктом современной научно-технической революции. Сложившаяся качественно новая форма взаимоотношений науки с производством превратила ее в непосредственно производительную силу общества.

²*Ньютон (Newton) Исаак (1643—1727) — английский математик, механик, астроном и физик, основатель классической физики, член Лондонского королевского общества с 1672 г., а с 1703 г. — его Президент. Открыл закон всемирного тяготения, дал теорию движения небесных тел, создал основы небесной механики. Фундаментальные труды: «Математические начала натуральной философии» (1687), «Оптика» (1704).

³*«Système industriel» — «О промышленной системе» — работа Сен-Симона, впервые издана в 1821 г. Русский перевод в кн.: Сен-Симон. Избр. соч. Т. 2. М.—Л., 1948. В этой работе Сен-Симон формулирует свое представление о трех стадиях развития истории человечества.

⁴*«Catéchisme des Industriels» (франц.) — «Катехизис промышленников» — впервые издано в 1824 г. Русский перевод в кн.: Сен-Симон. Избр. соч. Т. 2. М.—Л., 1948. В этой работе Сен-Симон предпринял попытку объяснить основные события политической истории Франции борьбой землевладельческой аристократии с промышленным классом.

⁵*«Le nouveau christianisme» (франц.) — см. примечание к с. 111.

К с. 114

¹*Баярд Пьер-дю-Терайль (Bayard) (1476—1524) — отважный рыцарь французского королевского двора, участвовал во многих битвах и сражениях, проявлял изумительную храбрость. Принимал участие в сражении при Новаре и военных действиях против испанцев (1503). Например, мост через Гарильяно защищал один против 200 всадников, чем замедлил наступление испанцев.

К с. 115

¹*Великая французская революция — буржуазно-демократическая революция во Франции в 1789—1794 гг. Начало революции положил штурм Бастилии 14 июля 1789 г. Революция покончила с феодально-абсолютистским строем, 26 августа 1789 г. Учредительное Собрание приняло Декларацию прав человека и гражданина.

К с. 116

¹*Людовик XI (1423—1483), французский король с 1461 г. Покровительствовал ремеслам, торговле.

²Людовик XIV (1638–1715), французский король с 1643 г. Его правление – апогей французского абсолютизма.

К с. 119

¹Людовик XVIII (1755–1824), французский король в 1814–1815 и в 1815–1824 гг. Возглавлял контрреволюционную эмиграцию во время Великой французской революции. Престол занял после падения Наполеона I.

²Базар Сен-Аман (1791–1832) – французский социалист-утопист, ученик Сен-Симона. После смерти учителя один из «отцов» сенсимонистской общины. В тексте седьмого издания «Очерков» пропущена часть данного предложения. Текст восстановлен по первому изданию очерка «Сен-Симон» («Мир Божий», СПб., 1901, № 7, С. 98).

³Анфантен Бертелием-Проспер (1796–1864) – французский социалист-утопист, ученик Сен-Симона. После смерти последнего один из «отцов» сенсимонистской общины. В наибольшей степени способствовал превращению сенсимонизма в религиозную секту.

⁴Карбонарии – (итальянское Carbonari – буквально «угольщики»), члены тайного общества в Италии в XIX в. Боролись за национальное освобождение и конституционный строй. Возглавляли буржуазные революции 1820–1821 гг. в Королевстве обеих Сицилий и в Пьемонте, участвовали в революции 1831 г. в государствах центральной Италии. Движение существовало также и во Франции, Швейцарии, на Балканах.

К с. 120

¹Революция 1830 г. (Июльская революция) – буржуазная революция во Франции, покончившая с монархией Бурбонов, установившая так называемую «Июльскую монархию» – период правления (1830–1848) короля Луи-Филиппа (1773–1850) – представителя Орлеанской ветви династии Бурбонов. В этот период господствовала верхушка торгово-промышленной и банковской буржуазии.

²Блан Луи (1811–1882) – французский социалист-утопист. В период революции 1848 г. – член Временного правительства. Считал, что ликвидировать капиталистическую эксплуатацию возможно без революционной борьбы путем создания общественных мастерских и введения всеобщего избирательного права. Туган-Барановский ссылается на наиболее известную работу Блана «L'histoire de dix ans» (франц.) – «История десяти лет».

К с. 122

¹«Exposition de la doctrine de Saint-Simon» (франц.) – «Изложение учения Сен-Симона» (ч. 1–2, 1829–1830) – работа учеников Сен-Симона, прежде всего Базара и Анфантена.

К с. 123

¹Лютер (Luther) Мартин (1483–1546) – деятель реформации в Германии, основатель лютеранства. Основные положения преобразований были им высказаны в 95 тезисах (Виттенберг, 1517), основное содержание которых было направлено против феодализма, против засилья католической церкви, против индульгенций. Перевел на немецкий язык Библию.

²Laissez faire, laissez passer (франц.) – букв. «не мешайте, дайте пройти». Согласно одной из версий эта фраза была сказана французским

промышленником в ответ на вопрос министра финансов Людовика XIV Кольбера, чем может помочь государство развитию национальной экономики. Впоследствии превратилась в лозунг, означающий свободу частного предпринимательства, его независимость от государственного вмешательства.

К с. 124

^{1*}Калонн Шарль Александр (1734 – 1802), французский политический деятель, в 1783 – 1787 гг. Генеральный контролер финансов, пытался спасти монархию Людовика XVI путем выпуска огромных займов.

^{2*}«Эпоха разделения Польши» — Государство Речь Посполитая было образовано в 1569 г. по Люблинской Унии. Разделы Речи Посполитой происходили между Австрией, Пруссией и Россией. 1-й раздел — 1772 г., 2-й — 1793 г., 3-й — 1795 г., после подавления польского восстания 1794 г. под руководством Т.Костюшко.

III. Фурье

К с. 126

^{1*}Очерк «Фурье» впервые опубликован Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1901. № 9. С. 216–232). Впоследствии был им включен в неоднократно переиздававшийся сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии социализма», по седьмому изданию которого (Харьков, 1919. С. 108–128) печатается здесь.

^{2*}Фурье (Fourier) Шарль (1772 – 1837), великий французский социалист-утопист. Родился в семье торговца. Систематического образования не получил, был гениальным самоучкой.

Труды: «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Теория всеобщего единства» (1841. Первое изд. этой работы в 1822 г. вышло под названием «Трактат о домашней земледельческой ассоциации»), «Новый промышленный и общественный мир...» (1829–1830). Многочисленные статьи, заметки.

К с. 127

^{1*}Штейн Лоренц (1808 – 1874) — немецкий юрист, государствовед, автор книги «Der Sozialismus und Kommunismus des heutigen Frankreichs» (Лейпциг, 1842) — «Социализм и коммунизм современной Франции».

К с. 128

^{1*}«Théorie des quatre mouvements» (франц.) — сокращенное название первого крупного произведения Фурье «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), содержащего острую критику современного ему общества.

^{2*}«Трактат о домашней земледельческой ассоциации» (1822).

К с. 129

^{1*}Консидеран Виктор (1808 – 1893) — французский социалист-утопист, ученик Ш.Фурье. Выступал с идеей примирения классов путем создания ассоциации производителей.

^{2*}«Destinée Sociale» (франц.) — «Судьба общества» — одно из главных произведений Консидерана, в котором представлено наиболее полное изложение учения Фурье (Considerant V. Destinée Sociale. Paris, 1848–1849. Т. 1, 2) (рус. пер. нет.).

³Февральская революция во Франции — буржуазно-демократическая революция 22—24 февраля 1848 г., приведшая к свержению Июльской монархии, положила начало Революции 1848 г. 25 февраля провозглашена Республика (вторая). Пролетариат добился некоторых демократических свобод (всеобщее избирательное право), декрета о «Праве на труд».

К с. 130

¹Ламартин (Lamartine) Альфонс (1790—1869) — французский писатель, политический деятель — член Временного правительства после свержения Июльской монархии в 1848 г. В 1820 г. опубликовал сборник стихов «Поэтические раздумья», в 1847 г. — историческое сочинение «История жирондистов».

²Марш — (Время рождения и смерти, имя неизвестны), французский рабочий, деятель Февральской революции 1848 г. 25 февраля 1848 г. возглавил демонстрацию парижских рабочих, требовавшую признания законом права на труд. Участник Июньского восстания парижского пролетариата в 1848 г.

⁴Ледрю-Роллен (Ledru-Rollin) Александр Огюст (1807—1874), французский мелкобуржуазный демократ. После Февральской революции 1848 г. министр внутренних дел Временного правительства. В 1849 г. один из руководителей так называемой «Новой Горы» — группы мелкобуржуазных демократов в Учредительном Собрании, считавших себя наследниками идей монпаньяров (montagne — гора). В 1871 г. — депутат Национального собрания, выступал против Парижской Коммуны.

К с. 131

¹Страшные июньские дни — дни после поражения Июньского вооруженного восстания рабочих в 1848 г., организованного в ответ на наступление буржуазии на их завоевания в феврале — марте 1848 г.

К с. 135

¹Проблема производительных и непроизводительных классов занимала умы многих экономистов. Разновидностью данной проблемы является вопрос о соотношении производительного и непроизводительного труда. В последнее время приобретает преобладающее влияние расширенная трактовка производительного труда. В условиях современной научно-технической революции значительно возрастает роль сферы услуг, отраслей нематериального производства (просвещение, наука, здравоохранение и др.) в развитии общественного производства материальных благ. Современная экономика характеризуется единством сфер материального и нематериального производства, что служит материальной основой расширения границ совокупного работника, создающего общественное богатство.

Признание производительным трудом всякого труда, дающего определенный результат и доставляющего работнику доход, лежит в основе исчисления валового внутреннего продукта.

К с. 136

¹Современный уровень производительных сил по-новому ставит проблему соотношения крупного и мелкого производства. Мелкое производство не только не исчезло, а получило дальнейшее развитие. В экономике развитых стран функционируют миллионы мелких предприятий. Значительно увеличилось их число и в российской экономике. В современных условиях экономическая и социальная эффективность первичных звеньев

общественного производства и, следовательно, их устойчивость в рыночной экономике определяется целой системой факторов, отражающих микро- и макроусловия хозяйствования: эластичность приспособления к рыночным отношениям, способность к инновационности, рациональному использованию достижений науки и техники; высокий уровень предприимчивости, инициативы, а также целенаправленность и оперативность в решении производственных вопросов; обеспечение единства интересов предпринимателей и наемных работников и др. Если мелкие предприятия учитывают и используют перечисленные факторы, то они обеспечивают себе устойчивое положение и рациональную утилизацию производительных сил общества. Однако решающую роль в экономике развитых стран играют крупные предприятия. Например, в США более половины продукции выпускают 300—400 крупнейших корпораций.

К с. 145

¹Труд Дананд — в переносном смысле бесполезный и бесконечный труд. Данаиды — в греческой мифологии — дочери Даная, за убийство своих мужей они должны были в подземном царстве вечно наполнять водой бездонную бочку.

Очерк VI

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ

К с. 147

¹Бастиа Фредерик (1801—1850) — французский экономист. Основные произведения — «Кобден и лига» (1845 г.), «Экономические софизмы» (1846 г.), «Экономические гармонии» (1850 г.). Известность получила выдвинутая Бастиа теория гармонии общественных интересов. По его мнению, все хозяйствующие субъекты, действующие на рынке, оказывают друг другу определенные услуги, а совершенствование техники, удешевление предметов первой необходимости идет на пользу всех классов.

I. Сисмонди

К с. 149

¹Виленский университет в настоящее время — Вильнюсский университет.

К с. 151

¹Можно говорить о том, что заслуга Сисмонди заключалась в том, что он одним из первых обратил внимание на проблему потребления. До Сисмонди проблема потребления практически не привлекала внимания экономистов. В XX веке проблему потребления исследовал один из выдающихся экономистов нашего времени Дж.М. Кейнс. У него, как и у Сисмонди, эта проблема была связана с промышленными кризисами.

К с. 158

¹Исторический опыт показал, что в государствах, в которых идеи, близкие воззрениям Сисмонди, касавшиеся поддержки мелких производителей, социального страхования, преодоления неравенства, нашли практическое воплощение, сегодня наиболее высокий уровень жизни

граждан, незначительное социальное расслоение и высокий уровень экономического развития. Так, родина Сисмонди — Швейцария, являвшаяся для автора, во многом, идеальным обществом, и сегодня находится среди стран с наиболее высоким уровнем жизни граждан.

К с. 159

^{1*} Пауперизм (от латинского *pauper* — бедный, нищий) — обнищание населения, характерное прежде всего для этапа становления капитализма.

^{2*} Хлебные пошлины — название, присвоенное во внешнеэкономической политике ввозным таможенным пошлинам на хлебные продукты. В Англии хлебные пошлины, так называемые «хлебные законы», были введены английским парламентом по требованию землевладельцев в начале XIX века. Вначале они полностью запрещали ввоз в Англию иностранного хлеба, а потом были несколько смягчены. В 1846—1849 годах под давлением промышленной буржуазии и особенно созданной «Лиги против хлебных законов» пошлины были отменены. В конце XIX века в европейских странах были введены или повышены хлебные пошлины в связи с большим притоком дешевого североамериканского хлеба.

К с. 160

^{1*} Садлер Михаил-Томас (1780—1835) — английский экономист, член парламента, противник теории народонаселения Мальтуса. Полагал, что увеличение населения обратно пропорционально его плотности, так как с ростом количества населения темпы прироста населения сокращаются. Садлер был известен филантропической деятельностью в отношении сельских бедняков и малолетних фабричных.

К с. 161

^{1*} Стефенс Джозеф (1805—1879) — английский священник, участник чартистского движения. Приобрел популярность среди рабочих выступлениями против законов о бедных.

^{2*} Сениор Пассау (1790—1864) — английский экономист, профессор политической экономии Оксфордского университета (1825—1830, 1847—1852). Занимал руководящие посты в различных правительственных комиссиях по вопросам труда в промышленности. Основное произведение — «Основные начала политической экономии». Н. Сениор является автором теории прибыли, в соответствии с которой труд рассматривается как «жертва» рабочего, отдающего свой досуг и покой, а капитал — жертва капиталиста, воздерживающегося от личного потребления. Выражением соответствующих жертв капиталиста и рабочего выступают заработная плата и прибыль (теория воздержания). Сениор известен также тем, что обосновывал невозможность сокращения существовавшего в 30-е годы XIX века 11½ часового рабочего дня. Сениор утверждал, что чистая прибыль капиталиста создается в течение последнего часа работы, вследствие этого сокращение рабочего дня до 10 часов приведет к исчезновению прибыли и стимулов развития производства.

К с. 162

^{1*} Гладстон Вильям Эварт (1809—1898) — английский либеральный буржуазный политический деятель. С 1834 года неоднократно входил в консервативный кабинет Пилы. В 1853 году, будучи министром финансов, проводит налоговую реформу, способствующую укреплению положения английской промышленности. В ходе реформы снижались налоги, препятствующие развитию промышленности и внешней торговли, и повы-

шались налоги на земельное имущество, переходящее по наследству. С 1857 года Гладстон лидер либеральной партии в парламенте. В 1868 — 1874, 1880 — 1885, 1886, 1892 — 1894 годах премьер-министр Англии. В 1892 году правительство Гладстона подавило восстание в Египте.

К с. 164

¹Тредюнионы, (трэд-юнионы) (профессиональные союзы — англ.) — одно из течений в английском профсоюзном движении. Тредюнионы появились в Англии в 50-е годы XIX века. Одним из первых тредюнионов было «Амальгированное общество механиков», образованное из нескольких мелких машиностроительных союзов рабочими Вильямом Алленом, Ньютоном и Гетчинсоном в 1851 году. Тредюнионы ставили своей целью защиту экономических интересов рабочих. Отличительной чертой тредюнионизма была ориентация на высококвалифицированных рабочих и отказ от насильственных методов борьбы и политических требований.

К с. 165

¹Вебб Сидней и Беатриса. Вебб Сидней (1859 — 1947) — английский политический и общественный деятель, один из основателей фабианства, автор ряда работ, написанных совместно с Беатрисой Вебб, по вопросам положения рабочих, тредюнионизму. Член двух «рабочих правительств» в 1924 и 1929 годах. Один из организаторов «Фабианского общества». С. Вебб выступал сторонником мирного наступления социализма через конституционное и демократическое овладение аппаратом государства и правительства.

Вебб Беатриса (1858 — 1943) — английский политик и общественная деятельница, член Фабианского общества, жена Сиднея Вебба. Принимала участие в работе ряда правительственных комиссий, изучавших положение английского рабочего класса. Автор работ по вопросам истории труда, профсоюзного движения, кооперации и политики, написанных в соавторстве с мужем.

К с. 166

¹По вопросу об отношении рабочих к тредюнионизму М.И. Туган-Барановский расходился с русскими марксистами, которые полагали, что участие в тредюнионах отвлекает рабочих от политической борьбы.

III. Современное социально-политическое направление в Германии

К с. 169

¹Идеи планомерного регулирования экономических отношений к концу XIX века получили широкое признание в среде экономистов левых убеждений. Однако нельзя полностью согласиться с М.И. Туган-Барановским о полной непопулярности свободного капитализма. Именно в конце XIX — начале XX века принципы минимального вмешательства государства в хозяйственную жизнь обосновывались в работах экономистов, принадлежавших к неоклассической школе, находили достаточно широкое применение в экономической политике многих государств.

²Лист Фридрих (1789 — 1846) — немецкий экономист, один из основателей исторической школы политической экономии. Основная цель экономической политики, с точки зрения Листа, состояла в развитии производительных сил национальных государств. В связи с этим Лист предлагал установить покровительственные пошлины на основные промыш-

ленные товары. Эти пошлины должны были поддерживать те отрасли, которые еще не в состоянии конкурировать с импортными товарами. Лист был председателем созданной в 1818 году Генеральной ассоциации германских промышленников, в 1834 году участвовал в создании Германского таможенного союза. Научная деятельность Ф.Листа была тесно связана с задачами объединения и подъема раздробленной в начале XIX века Германии.

К с. 170

¹Гильдебранд Бруно (1812–1878) – немецкий экономист, один из основателей исторической школы в политической экономии. С 1863 по 1878 год возглавлял журнал «Ежегодник политической и экономической статистики», служивший идеологическим центром исторической школы.

²Рошер Вильгельм (1817–1894) – немецкий экономист, профессор, один из основателей исторической школы в политической экономии. Основные произведения – «Краткий курс политической экономии по историческому методу», «Система народного хозяйства», «История политической экономии Германии», «Очерки народного хозяйства с исторической точки зрения». В своих работах Рошер обосновывал необходимость использования исторического и абстрактного методов в исследовании явлений хозяйственной жизни.

³Книс Карл (1821–1898) – немецкий экономист, один из основателей исторической школы политической экономии. Наиболее известные работы – «Политэкономия с исторической точки зрения», «Деньги и кредит». В последней работе Книс развивает металлистическую теорию денег.

⁴Менгер Карл (1840–1921) – венский профессор, основатель австрийской школы политической экономии, создатель теории предельной полезности. Теория предельной полезности наиболее полно изложена в книге К.Менгера «Основания политической экономии». Менгер известен также дискуссией с Г.Шмоллером о методе политической экономии. В этой дискуссии Менгер выступал в защиту абстрактного метода в политической экономии. Взгляды К.Менгера на проблему методологии политической экономии изложены в книге «Исследование о методе социальных наук и политической экономии в особенности».

К с. 172

¹Оппенгеймер Генрих Берягард (1819–1880) – германский экономист и политический деятель, профессор Гейдельбергского университета. В 1848 году издавал радикальную газету «Die Reform», вынужден был эмигрировать и 11 лет прожил во Франции, Англии и Швейцарии. К 1870 г. стал сторонником германского единства и поклонником Бисмарка. В 1872 году выпустил книгу «Der Kathedersozialismus» с критикой Вагнера и других экономистов этого направления. В 1873, 1874 годах избирался в Рейхстаг.

²Фритредер – сторонник политики свободной торговли.

³Вагнер Адольф (1835–1917) – немецкий экономист, профессор Берлинского университета. Представитель социально-политического направления политической экономии (новой исторической школы).

⁴Брентано Луйо (1844–1931) – немецкий экономист, представитель новой исторической школы, сторонник катедер-социализма. Основные произведения – «Современные рабочие цехи», «Об условиях производительности труда». Л.Брентано был сторонником реформирования капиталистического общества путем развития профессиональных союзов,

создания рабочего законодательства, распространения страхования рабочих, повышения заработной платы, сокращения рабочего дня, которые должны привести к повышению производительности труда и смягчению классовых противоречий.

⁵Шенберг Густав Фридрих – немецкий экономист, профессор Базельского, Фрайбургского, Тюбингенского университетов, автор популярного учебника «Handbuch der Politischen Oekonomie».

⁶Шмоллер Густав (1838 – 1917) – немецкий экономист, один из основателей новой исторической школы, руководитель «Союза социальной политики», автор ряда работ по экономической истории Германии. Г. Шмоллер выступал за широкое использование исторического метода исследования, доказывал, что экономическую теорию можно построить только на базе богатого исторического материала.

⁷Гнейст Генрих Рудольф – немецкий ученый и публицист, профессор Берлинского университета, специалист в области английского и германского права.

К с. 175

¹Бюхер Карл (1847 – 1930) – немецкий экономист, представитель исторической школы. Основные сочинения – «Происхождение народного хозяйства», «Работа и ритм».

²Родбертус фон Ягцов Карл Иоганн (1805 – 1875) – немецкий экономист, работы которого в конце XIX века использовались в теориях государственного социализма. См. Очерк IX настоящего издания.

³Шеффле Альберт (1831 – 1903) – один из представителей новой исторической школы. Автор ряда работ по социологии, политической экономии, социально-политическим вопросам.

К с. 177

¹Штеккер Адольф – немецкий политический деятель, пастор, избрался в прусский ландтаг и германский рейхстаг. С 1874 года был придворным пастором и пастором кафедрального собора в Берлине. В 1878 году организовал Христианскую социальную партию, ставившую своей целью проведение социальных реформ в пользу рабочего класса на основе существующей монархии и христианства.

²Союз социальной политики – научное общество, образованное в 1872 году в Эйзенахе (Германия) и объединявшее широкий круг немецких экономистов. В рамках Союза проводились исследования по важнейшим социально-экономическим вопросам развития Германии, разрабатывались практические рекомендации по реформированию германской экономики. Члены Союза социальной политики выступали за умеренное государственное вмешательство в экономику, проведение социальных реформ, развитие фабричного законодательства. Союз проводил ежегодные съезды своих членов и выпускал сборник научных трудов «Сочинения Союза социальной политики».

К с. 178

¹Гогенцоллерны – немецкий княжеский род. С 1701 – короли Пруссии, с 1871 по 1918 год германские императоры.

²Бисмарк Отто, князь (1815 – 1898) – крупный государственный деятель и дипломат Германии XIX века. Первый канцлер Германской империи (с 1871 по 1890), прозванный «железным канцлером». Осуществил политику объединения немецких земель под главенством Пруссии.

О. Бисмарк происходил из старого дворянского помещичьего рода. С 1847 года был членом ландтага, где отстаивал крайне реакционные взгляды. В 1859—1862 годах Бисмарк был послом в Петербурге, а в 1862 году — послом в Париже. В том же году был вызван в Берлин и в момент обострения отношений между ландтагом и правительством занял пост премьер-министра и министра иностранных дел. В одном из первых своих выступлений в ландтаге Бисмарк отметил, что важнейшие политические вопросы будут разрешены «железом и кровью». В 1864 году Пруссия в союзе с Австрией начала войну против Дании: победителям достались Шлезвиг и Голштиния. В 1866 году началась война с Австрией, вызванная проблемами раздела приобретенных территорий. Война закончилась поражением Австрии и заключением мира на необычайно мягких условиях. В результате войны Австрия была исключена из Германского союза. Был образован Северо-Германский союз под главенством Пруссии, увеличивший свою территорию за счет Ганновера и Гессен-Касселя. В 1870 году была начата война с Францией. После поражения Франции в январе 1871 года в Версале было провозглашено воссоздание Германской империи. Бисмарк получил должность первого канцлера. Впоследствии политика Бисмарка была направлена на укрепление германской монархии, борьбу за преобладание Германии в Европе. В 1878 году Бисмарк вводит «исключительные законы против социалистов» и одновременно содействует принятию социального законодательства, предусматривающего некоторое облегчение положения рабочих. Внешняя политика Бисмарка была направлена на политическую изоляцию Франции и усиление колониальной политики Германии.

К с. 180

¹Шульце-Геверниц Герхарт (1864—1943) — немецкий экономист, профессор политической экономии Фрайбургского университета. Примыкал к исторической школе. В 1891—1892 годах занимался изучением текстильной промышленности и земельных отношений в России, преподавал в Московском университете.

Очерк VII АВСТРИЙСКАЯ ШКОЛА

К с. 181

¹Закон Бойля и Мариотта — закон физики, открытый английским ученым Робертом Бойлем (1627—1691) и французским ученым Эдм. Мариоттом (1620—1684). В соответствии с законом, объем одного и того же количества газа при постоянной температуре обратно пропорционален оказываемому на него давлению.

К с. 183

¹В этом предположении о будущем теории предельной полезности М. И. Туган-Барановский оказался несомненно прав. Именно австрийская и математическая школы оказали огромное влияние на современную экономическую теорию и заложили методологическую основу для многих прикладных исследований.

²Госсен Герман (1810—1858) — немецкий экономист. В работах Госсена впервые встречаются элементы теории предельной полезности. Рабо-

ты Госсена, как и произведения Курно, заложили основу математического направления политической экономии.

³Джевонс Вильям Стенли (1835 – 1882) — английский экономист и философ, представитель математической школы в политической экономии. Основные работы — «Теория политической экономии», «Исследования о денежном обращении и финансах», а также работы по логике — «Основания логики», «Основы науки». В своих экономических произведениях Джевонс обосновал и развил с помощью математических методов теорию предельной полезности.

⁴Вальрас, Вальра (Walras) Мари Эспри Леон (1834 – 1910), швейцарский экономист, основатель и крупнейший представитель математической школы в политической экономии, профессор Лозаннского университета (1870 – 1892). Наряду с К. Менгером и У. Джевонсом — родоначальник теории предельной полезности. Основное произведение «*Éléments d'économie politique pure ou Théorie de la richesse sociale*» («Элементы чистой политической экономии») (pt. 1-2, 1874 – 1877, 4 ed, 1926). Другие труды: «*Théorie mathématique de la richesse sociale*» (Lausanne, 1883), «*Théorie de la monnaie*» (Париж, 1886), «*Études d'économie sociale, ou Théorie de la répartition de la richesse sociale...*» (Lausanne-Pari, 1896), «*Études d'économie politique appliquée, ou Théorie de la production agricole...*» (Lausanne, 1898).

⁵Визер Фридрих (1851 – 1926) — австрийский экономист, один из основателей австрийской школы, с 1903 года профессор Венского университета, разрабатывал теорию предельной полезности, один из авторов теории вменения, согласно которой каждому фактору производства — труду, капиталу, земле — аменяется определенная часть ценности созданного ими продукта.

⁶Бем-Баверк Евгений (1851 – 1914) — один из крупнейших теоретиков австрийской школы. Профессор политической экономии сначала в Инсбруке, потом в Вене. В 1895, 1897 и 1898 годах министр финансов Австрии. Основные произведения — «Теория Маркса и ее критика» (1897), «Основы теории ценности хозяйственных благ» (1903), «Капитал и прибыль» (1909). Е. Бем-Баверк значительно развил и способствовал популяризации теории предельной полезности. Создал теорию, объясняющую с точки зрения субъективной школы природу возникновения предпринимательской прибыли.

⁷Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766 – 1835) — русский экономист, историк и библиограф, академик 1804 г., вице-президент Петербургской академии наук 1830 г., член 21 академии и научного общества. Автор учебника политической экономии, получившего в начале XIX века широкое признание. В своих работах разделял некоторые положения теории Смита (теория заработной платы, прибыли), но отвергал трудовую теорию стоимости.

Очерк VIII

ДВИЖЕНИЕ В ПОЛЬЗУ НАЦИОНАЛИЗАЦИИ ЗЕМЛИ

К с. 190

¹Национализация земли — это превращение частной собственности на землю в собственность государства.

Национализация земли как результат буржуазно-демократических преобразований — наиболее радикальная мера ликвидации феодальных

пережитков в деревне, содействующая быстрому развитию капитализма в сельском хозяйстве. Более того, национализация земли как прогрессивная мера возможна лишь в условиях нарождающегося и развивающегося капитализма или приходящего ему на смену нового способа производства.

Исторический опыт показал, что отмена частной собственности на землю и превращение земли, а также вод, лесов и недр в общенародное достояние были осуществлены в России октябрьским Декретом о земле (26 октября 1917 г.). Конфискованные у помещиков и буржуазии земли без всякого выкупа перешли, как считалось, в собственность всего народа. Они составили общенародный земельный фонд, небольшая часть которого подлежала разделу, а основная масса распределялась между крестьянами в их трудовое пользование.

К сожалению, уже вскоре после революции 1917 г. на селе обстановка изменилась. Во-первых, в ходе гражданской войны (что еще можно понять) и после нее, а не в начале 30-х годов, как это принято считать, начались «болезнь» и «недуги» нового строя. По сути первым крупным проявлением этого явились «левизна» созданных комитетов бедноты и разорение ими 2,5 - 3 млн деревенских семей. А потому идеи Декрета о земле, а заодно и НЭПа, не могли пустить глубокие корни в экономике.

Во-вторых, коллективизация была проведена насильственно и преднамеренно в короткие сроки. Она стала настолько большим отступлением от многообразия форм хозяйствования на земле, что некоторые не без основания называют ее «экспроприацией» крестьянства.

В-третьих, в последующие годы, как довоенные, так и послевоенные, включая перестроечные, сельское хозяйство было подвержено деформациям, огосударствлению, включая насильственную ликвидацию личного подсобного хозяйства. В результате разрушения хозяйственного отношения к земле стала проявляться четко выраженная тенденция затухания темпов его роста, снижения их в последние годы до темпов прироста численности населения страны и, следовательно, до нулевого роста.

В результате многоукладная аграрная экономика была серьезно обеднена и на практике сведена к двум формам — колхозам и совхозам, хотя, конечно, оставалось еще в минимальных размерах личное подсобное хозяйство.

Таким образом, отечественная национализация земли в тех масштабах и теми методами, которыми она была проведена, а затем использовалась государством, совхозами и колхозами, в конечном счете не дала тех результатов, на которые рассчитывали ее сторонники. В наши дни довольно интенсивно протекает обратный процесс — денационализация земли. Теперь, например, почти 85 процентов всех сельскохозяйственных земель страны, по данным Госкомзема России, приватизированы и находятся в собственности граждан или принадлежат им в виде земельных паев, находясь в пользовании в различных формах хозяйствования.

Национализация земель в условиях высокоразвитых рыночных стран — это переход отдельных земельных участков или массивов из частной собственности в собственность государства в связи с национализацией расположенных на них промышленных объектов в интересах поддержания экономически слабых, но имеющих важное значение монополий или отдельных предприятий. При этом принцип частной собственности на землю остается неизбытым.

Различают многообразие форм национализации земли. Все они порождаются общими социально-экономическими причинами и имеют одну и ту же социальную сущность — обеспечение интересов господствующего класса.

²Спенс (Spence) Томас (1750—1814) — английский экономист. В 1775 г. выступил с программой преобразования общества путем национализации земли, изложил эту программу в сочинениях «Действительные права человека», «Восстановитель общества в его естественном виде» (1801). Считал, что национализация земли приведет к уничтожению нищеты и к созданию нового социального строя — свободной ассоциации самоуправляющихся общин. Спенс активно участвовал в деятельности Лондонского корреспондентского общества.

³Аренда — имущественный наем, договор, по которому арендодатель предоставляет арендатору имущество во временное пользование за определенное вознаграждение — арендную плату.

Согласно существующему законодательству по договору аренды (имущественного найма) арендодатель (наймодатель) обязуется предоставить арендатору (нанимателю) землю во временное пользование за плату для самостоятельного осуществления предпринимательской деятельности или иных целей.

Продукция, плоды или иные доходы, полученные арендатором в процессе использования арендованного земельного участка в соответствии с договором, являются его собственностью.

Арендодатель должен предоставить арендатору землю в состоянии, соответствующем условиям договора и назначению земельного участка. Он отвечает за недостатки сданной в аренду земли, препятствующие пользованию ею, даже если во время заключения не знал об этих недостатках. Если иное не предусмотрено законодательством или договором, арендодатель за свой счет производит капитальный ремонт переданного в аренду земельного участка.

Арендатор обязан использовать землю в соответствии с договором и ее назначением, поддерживать земельный участок в надлежащем состоянии и своевременно вносить арендную плату. Он вправе с согласия арендодателя сдавать земельный участок или его часть в субаренду, если иное не предусмотрено законодательством. После прекращения договора арендатор обязан возвратить землю в том или лучшем состоянии, обусловленном договором.

Произведенные арендатором отдельные улучшения арендованной земли являются его собственностью, если иное не предусмотрено договором. В случае, когда арендатор произвел за счет собственных средств и с согласия арендодателя улучшения, неотделимые без вреда для арендованного участка, он имеет право после прекращения договора на возмещение стоимости этих улучшений, поскольку иное не предусмотрено договором. Стоимость неотделимых улучшений, произведенных арендатором без согласия арендодателя, возмещению не подлежит, если иное не предусмотрено законодательными актами.

⁴Издержки — истекшие затраты, включающие: а) обобщенные производственные затраты по использованию продуктов и услуг в процессе производства конечной продукции; затраты, относящиеся к уже проданной продукции и соответствующей выручке с продаж; б) собственно издержки, не входящие в производственную себестоимость товаров проданных, к примеру: издержки реализации, общие и административные издержки, издержки по выплате процентов и налогов; в) убытки, относимые на издержки, например: незастрахованные активы, пострадавшие от пожара, судебные издержки.

Различают чистые и дополнительные издержки. Первые — это издержки, связанные с обслуживанием смены форм стоимости, а вторые — связанные с продолжением процесса производства в сфере обращения.

⁵Налоги — это обязательные взносы в госбюджет или во внебюджетные фонды, осуществляемые плательщиком в порядке и на условиях, определенных законодательными актами.

Они подразделяются на две группы: а) прямые налоги и б) косвенные налоги.

К с. 191

¹О'Бриена Джеймс Бронтер (1803 — 1864) — один из вождей чартизма, ирландец, сын винооторговца. Начало политической деятельности О'Бриена относится к периоду борьбы за парламентскую реформу. В этот период О'Бриена сотрудничал в газете «Защитник бедных людей». Принял активное участие в чартистском движении. В 1839 году был избран членом чартистского национального конвента. О'Бриена не разделял аграрной программы О'Коннора. Полагал, что основная экономическая несправедливость общества происходит не из частной собственности, а из несправедливого применения. Разработал собственный проект национализации земли путем довольно сложного выкупа. Находясь под большим влиянием Оуэна, заимствовал у него идею рабочих денег и меновых базаров, на которых должен был осуществляться обмен произведенных благ.

К с. 193

¹О'Коннор Фергус (1794 — 1855) — один из вождей чартизма, по происхождению ирландский дворянин, юрист. Политическую деятельность начал в 1831 году как националист. С 1832 по 1834 год состоял депутатом парламента, играл руководящую роль в начале чартистского движения, выпускал газету «Северная звезда», в чартистском конвенте был вождем партии «физической силы». Разочаровавшись в чартизме, в 1843 году выступил с планом аграрной реформы, предполагавшей создание кооперативных обществ по наделению крестьян землей. В соответствии со своими идеями О'Коннор организовал чартистское земельное товарищество, приобретшее имение, названное в честь О'Коннора О'Коннервиллем, заселение которого началось в 1847 году. Однако уже в 1848 году дела товарищества оказались в плачевном состоянии, и О'Коннор потерял практически все свое состояние. В 1847 году он был избран в парламент и примкнул к чартистской партии «моральной силы».

К с. 196

¹Милль Джон Стюарт (1806 — 1873) — английский экономист, философ, политический деятель. Сын известного английского экономиста Джеймса Милля (1775 — 1836). Занимался вопросами логики, этики, политики. Представитель классической школы политической экономии. Основное экономическое произведение «Основания политической экономии». В этой работе в систематической форме изложены экономические идеи, господствовавшие в Англии в начале XIX века. В области экономической политики Милль выступает сторонником свободной торговли, регулирования рабочего дня, организации производственных ассоциаций. Как политик Милль примыкал к группе радикалов во главе с Джемсом Миллем, объединявшихся вокруг Бентама.

К с. 197

¹Уоллэс (Уоллес) Альфред (1823 — 1913) — знаменитый английский натуралист, пришедший независимо от Ч. Дарвина к идее эволюции путем естественного отбора. Статья Уоллеса о естественном отборе «О стремлении разновидностей бесконечно удаляться от первоначального типа»

была напечатана одновременно с извлечениями из наброска теории происхождения видов Дарвина. Уоллес также знаменит зоогеографическими трудами. В течение 8 лет он путешествовал по Малайскому архипелагу и издал результаты своих исследований. В последние годы жизни уделял много внимания общественным вопросам: выступал за введение 8-часового рабочего дня, поддерживал идею национализации земли (написал книгу «Национализация земли, ее необходимость и цели»).

К с. 198

¹Акр -- американская и английская земельная мера, 1 акр = 0,4047 га.

К с. 202

¹Арч Джозеф -- организатор рабочего движения среди сельских рабочих Англии. Организовал «National Agricultural Labourers Union», ставивший своей целью признание за сельскими рабочими политических прав и улучшение их экономического положения.

К с. 203

¹Флюршейм Михаил -- немецкий публицист, основавший в Гагенау сталелитейную фабрику. После превращения фабрики в 1888 году в акционерное предприятие в качестве рантье переселился в Швейцарию. Один из сторонников идей национализации земли. По его мнению, национализация земельной ренты должна разрешить социальный вопрос и создать общественный строй, который соединит блага социализма со свободой развития личности, несовместимой, по его мнению, с социализмом в чистом виде. В 1888 году Флюршейм организовал «Der Deutsche Bund der Bodenbesitzerreformer», преобразованный в 1898 году в «Bund der deutschen Bodenreformer».

Очерк IX

КРИТИЧЕСКИЙ СОЦИАЛИЗМ

К с. 208

¹Эта цель сформулирована К.Марксом в предисловии к первому изданию первого тома «Капитала» (Лондон, 1867): «...конечной целью моего сочинения является открытие экономического закона движения современного общества». На основе исследования этого общества он сделал вывод о том, что «абсолютным законом этого способа производства является производство прибавочной стоимости» (Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. Отдел VII. Гл. XXIII. С. 632).

I. Прудон

К с. 209

¹Очерк «Прудон» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902. № 2. С. 77 -- 100). Впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919. С. 190 -- 217) печатается здесь.

²«La propriété c'est le vol» (франц.) -- «собственность есть кража» -- знаменитый афоризм Прудона, ставший впоследствии одним из главных лозунгов анархизма.

¹Легитимисты – приверженцы династии Бурбонов во Франции после Июльской революции 1830 г. В более широком смысле легитимистами называли приверженцев свергнутых династий любого государства.

К с. 210

¹Луи-Филипп (1773 – 1850) – французский король из последней Орлеанской ветви Бурбонов. Возведен на престол в результате Июльской революции (1830), низложен Февральской революцией (1848).

²Луи-Наполеон Бонапарт (Louis Bonaparte) (1808 – 1873), Наполеон III. Французский император в 1852 – 1870 гг., племянник Наполеона I. При нем Франция участвовала в Крымской войне 1853 – 1856 гг., в войне против Австрии (1859), в интервенциях в Индокитае (1858 – 1862), в Сирию (1860 – 1861), в Мексику (1862 – 1867). В войне с Пруссией (1870 – 1871) потерпел поражение и сдался в плен под Седаном в 1870 г. Низложен Сентябрьской революцией 1870 г.

К с. 211

¹«Qu'est ce que la propriété? Le mémoire» (франц.) – «Что такое собственность? Доклад» – одно из главных произведений Прудона, написанное в 1840 г. Русский пер. 1907.

²В данном случае Туган-Барановский имеет в виду работу Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов?».

К с. 212

¹Локк Джон (1632 – 1704) – выдающийся английский философ, представитель эмпиризма. Основная работа «Опыт о человеческом разуме» (1690, рус. пер. 1988), в которой доказывается отсутствие в человеческом мышлении врожденных идей и принципов – как научно-теоретических, так и нравственных, обосновывается тезис о чувственно-эмпирическом происхождении всего человеческого знания. В области политической экономии особо известен разработкой проблематики денежного обращения, представленной в работе «Некоторые соображения о последствиях снижения процента и повышения стоимости денег» (рус. пер. нет).

²Тьер Адольф (1798 – 1877) – французский историк и политический деятель. В 1871 – 1873 – президент Франции, жестоко подавивший Парижскую коммуну. Один из создателей теории классовой борьбы.

К с. 213

¹«La propriété c'est le vol» (франц.) -- см. примечание к стр. 209.

К с. 214

¹Жирондисты – политическая группировка периода Великой французской революции, выступавшая с республиканскими лозунгами и представлявшая торгово-промышленную и земледельческую буржуазию. После свержения монархии 1792 г. стали у власти, низложены в 1793 г. в результате народного восстания. Многие лидеры были казнены.

²Бриссо Жак Пьер (1754 – 1793) – деятель Великой французской революции, лидер жирондистов. Казнен по приговору революционного трибунала.

³Оуэн Роберт (1771 – 1858) – один из крупнейших представителей утопического социализма, идеи которого оказали огромное влияние на развитие кооперативного движения XIX в. См. очерк Туган-Барановского «Оуэн» (наст. изд., с. 88 – 103).

К с. 215

¹ «Théorie de la propriété» (франц.) — «Теория собственности» — одно из последних сочинений Прудона.

К с. 216

¹ «Système des contradictions économiques ou Philosophie de misère» (франц.) — «Система экономических противоречий, или Философия нищеты» (1846) — одно из основных произведений Прудона. Критическому разбору этой книги посвящена известная работа Маркса «Нищета философии».

² Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, один из крупнейших представителей немецкой классической философии. Создатель спекулятивной (диалектической) логики, не признающей запрета противоречия и рассматривающей последнее в качестве истинного состояния мышления и бытия. На основании своего диалектического метода впервые представил историю человечества как результат непрерывного развития и разрешения противоречий духовной культуры. Стоял на позициях объективного идеализма.

К с. 217

¹ Гутенберг Иоганн (между 1394—99 — 1468) — немецкий изобретатель книгопечатания, в середине XV в. напечатал т.н. 42-строчную Библию — первое полнообъемное печатное издание в Европе.

К с. 218

¹ Жаккард Жозеф Мари (1752—1834) — французский изобретатель, создавший приспособление для выработки крупноузорчатых тканей («машина Жаккарда»).

² Машина «Дженни» — прядильная машина периодического действия, изобретена английским ткачом Джеймсом Гаргривсом в 1765 г.

К с. 220

¹ Лоу (Ло) Джон (1671—1729) — шотландский экономист и финансист, министр финансов Франции (1719—1720); известен своей спекулятивной деятельностью по выпуску бумажных денег, закончившейся полным крахом.

К с. 221

¹ «Народный банк» — утопическая идея Прудона об учреждении банка с целью предоставления дарового кредита для организации эквивалентного обмена продуктов труда мелких производителей. Посредством учреждения подобного банка, реформы кредита и обращения Прудон предлагал осуществить мирное переустройство общества.

II. Родбертус

К с. 221

² Очерк «Родбертус» впервые был опубликован М.И. Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902. № 3. С. 168—180), впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919. С. 202—217) печатается здесь.

³ «Трудовая теория ценности» — в данном случае категория «ценность» используется в смысле категории «стоимость». Однако Туган-Ба-

рановский различал категории «ценность» и «стоимость». В учебнике «Основы политической экономии» (Пг., 1918) выделена специальная глава «Логические категории хозяйства. Ценность и стоимость».

«Трудовую стоимость» Туган — Барановский определял как «труд, затраченный на производство хозяйственного предмета». Под «стоимостью» какого-либо хозяйственного предмета он понимал «хозяйственную затрату, совершенную для приобретения этого хозяйственного предмета». По его мнению, ценности могут быть основными, или самостоятельными — желательными «сами ради себя»: счастье, красота, слава и т.д., а также производными, являющимися «средствами для достижения какой-либо основной ценности». К этому виду ценностей он относит и «хозяйственную ценность», понимаемую как «значение, которое мы придаем данному предмету в силу нашего сознания, что от обладания им зависит большая или меньшая степеня нашего хозяйственного благополучия». Он отмечал, что для экономиста, изучающего меновое хозяйство, особенно важен один вид объективной ценности — меновой ценности предмета, его покупательной силы, цены (см.: «Основы политической экономии». Учебник. Пг., 1918. С. 55).

К с. 222

¹Теория предельной полезности — новая теория ценности начала утверждаться с 70-х годов XIX в. Ее родоначальниками были Г. Госсен, К. Менгер, Э. Бём-Баверк, У. Джевонс, Ф. Визер. Суть данной теории состоит в том, что ценность предмета определяется его предельной полезностью, т.е. наименее важной, значимой потребностью из числа всех, удовлетворяемых при помощи запаса предметов этого рода, находящихся в нашем распоряжении. Пропорции, в которых один товар обменивается на другой, зависят от того, как участники обмена оценивают полезность этих товаров. «Цена, — по словам Бём-Баверка, — оказывается от начала до конца продуктом субъективных определений ценности». (*Grundzüge der Theorie des Wirtschaftlichen Güterwertes // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*. 1856. Bd. 13. S. 503). (См. подробнее: Очерк VII «Австрийская школа».)

²Ландтаг — первоначально такое название носили органы сословного представительства в немецких княжествах. В период жизни Родбертуса (до 1871 г.) так назывался представительный орган Северогерманского Союза.

³Ганземан (Ханземан) (Hanseemann) Давид (1790 — 1864), во время революции 1848 — 1849 гг. министр финансов (март — июнь 1848 г.) и министр-президент (июль — сентябрь 1848 г.) в прусском либерально-буржуазном правительстве.

К с. 223

¹Кирхман Юлиус (1802 — 1884) — немецкий юрист и философ. «Социальные письма к Кирхману» (1851) являются одной из основных работ Родбертуса, содержащей, в частности, его критику теории ренты Д. Рикардо.

²Лассаль Фердинанд (1825 — 1864) — немецкий социалист, организатор и руководитель Всеобщего германского рабочего союза, поддерживал политику объединения Германии под гегемонией Пруссии. Автор теории «железного закона заработной платы».

³Шульце-Делич Франц Герман (1808 — 1883) — немецкий политический деятель и экономист. В 1848 г. был председателем комиссии национального собрания для изучения рабочего вопроса. Явился инициатором

ром широкомасштабного создания в Германии кредитных, снабженчески-сбытовых и потребительских кооперативов, видел в них единственный путь избавления от нужды пролетариата. В 1859 г. созвал первый кооперативный конгресс немецких обществ. В области экономической теории стоял на точке зрения гармонии интересов труда и капитала.

⁴Мейер Герман-Рудольф (Meyer) (1839—?) — немецкий экономист, профессор в Иене, находился в близких отношениях к Родбертусу. За сочинение «Politische Gründe und die Korruption in Deutschland» (Лпц., 1877) был привлечен к суду и присужден к тюремному заключению, но бежал за границу. Находился в оппозиции к Бисмарку. В 1891 г. поместил в «Historisch-politische Blätter» ряд статей о влиянии хлебных пошлин в Германии, горячо нападая на таможенную политику аграриев.

⁵Вагнер (Wagner) Адольф (1835—1917) — немецкий экономист и политический деятель. Профессор политической экономии и финансов в Вене, Гамбурге, Берлине. Один из основателей так называемой социально-правовой школы в политической экономии. Под влиянием Родбертуса Ягцеова и идей исторической школы Вагнер подчеркивал зависимость хозяйственной жизни от правовых условий и институтов частной собственности. Был сторонником усиления государственной хозяйственной жизни. Один из основателей «Союза социальной политики» (1872).

К с. 228

¹Анализируя механизм образования абсолютной земельной ренты, К.Маркс пришел к выводу, что причиной ее существования является монополия частной собственности на землю. Частная собственность выступает как «творческая причина» абсолютной ренты. Условием же образования абсолютной земельной ренты является более низкое органическое строение капитала в сельском хозяйстве по сравнению с промышленностью, что и порождает излишек прибавочной стоимости над средней прибылью (см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 25, ч. II. С. 314).

К с. 230

¹«Капитал» — под таким названием была издана в России работа Родбертуса «Четвертое социальное письмо к Кирхману» (СПб., 1906), в которой наиболее полно представлены взгляды на природу капитала известного экономиста.

К с. 233

¹«Zur Beleuchtung der sozialen Frage» (нем.) — одна из последних работ Родбертуса, рус. пер. нет.

²Бакстер (Роберт Дудлей) (1827—1875) — английский экономист, получил образование в колледже «Trinity» в Кембридже, был адвокатом, а с 1866 г. входил в состав правления Лондонского статистического общества. Его сочинения: «Railway extension and its results» (1866), «National income of the United Kingdom» (1868) и другие.

К с. 235

¹Историческая школа — направление в политической экономии, возникшее в середине XIX в. в Германии. Ее представители (В.Рошер, Б.Гильдебранд, К.Книс и др.) видели задачу экономической науки в описании хозяйственных явлений, уникальных и неповторимых для каждой страны, отрицали наличие общих для всех капиталистических стран объективных законов.

III. Маркс

К с. 237

^{1*}Очерк «Маркс» впервые был опубликован М.И.Туган-Барановским в журнале «Мир Божий» (СПб., 1902. № 7. С. 160—190; № 8. С. 239—276; № 9. С. 272—303), впоследствии был включен в сборник «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма», по тексту седьмого издания которого (Харьков, 1919. С. 217—259) печатается здесь.

К с. 238

^{1*}Данте Алигьери (1265—1321) — итальянский поэт эпохи конца средневековья — раннего Возрождения, создатель итальянского литературного языка. Автор знаменитой поэмы «Божественная комедия» (1307—1321), изданной лишь в 1472 г.

К с. 239

^{1*}Либкнехт Вильгельм (1826—1900) — деятель германского и международного рабочего движения, один из основателей (1869) социал-демократической партии Германии. Автор книги «Воспоминания о Карле Марксе».

К с. 240

^{1*}Бауэр Бруно (1809—1882) — немецкий философ-младогегельянец. Известен своей критикой достоверности евангельских сюжетов с позиции гегелевского учения об историческом развитии человеческого самосознания. Отвергал реальность Иисуса Христа.

^{2*}Эпикур (341—270 до н.э.) — древнегреческий философ. Признавал бытие богов, но утверждал их невмешательство в жизнь человека. Основатель особого учения о путях достижения счастья. Долгое время считалось, что учение Эпикура об атомах полностью заимствовано им у Демокрита. Доказательству принципиальных различий натурфилософий Демокрита и Эпикура и была посвящена докторская диссертация Маркса (1841).

К с. 241

^{1*}Фейербах Людвиг (1804—1872) — немецкий философ — материалист. Религию истолковывал как отчуждение человеческого духа, источник которого — чувство зависимости человека от стихийных сил природы и общества. Основу нравственности усматривал в стремлении человека к счастью, достигаемому посредством «религии любви».

К с. 242

^{1*}«Reinische Zeitung» — полное название «Reinische Zeitung für Politik, Handel und Gewerbe» («Рейнская газета по вопросам политики, торговли и промышленности») — ежедневная газета, выходила в Кельне с 1 января 1842 по 31 марта 1843 года. Одним из редакторов этой газеты был молодой Маркс.

^{2*}Руге Арнольд (1802—1880) — немецкий публицист, левый гегельянец, после 1866 г. — национал-либерал.

^{3*}«Deutsch-französische Jahrbücher» — «Немецко-французский ежегодник» — издавался в Париже под редакцией Маркса и Руге. Единственный номер вышел в свет в феврале 1844 г.

К с. 243

¹*«Социализм и коммунизм современной Франции» (Лейпциг, 1842).

²*Энгельс Фридрих (1820—1895) — один из основоположников научного социализма, сподвижник Маркса. Известен своими работами, направленными на обоснование принципиального отличия марксизма от других видов социалистических учений («Анти-Дюринг», «Развитие социализма от утопии к науке»). После смерти Маркса подготовил к печати и издал II и III тома «Капитала».

³*«Die Lage der arbeitenden Klasse in England» (нем.) — «Положение рабочего класса в Англии» — одна из наиболее крупных работ молодого Энгельса, написана им в сентябре 1844 — марте 1845 г. Рус. пер. см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. М., 1955. С. 231—517.

⁴*Работа К.Маркса и Ф.Энгельса «Святое семейство, или критика критической критики. Против Бруно Бауэра и компании» (1845) (см.: К.Маркс и Ф.Энгельс. Соч. Т. 2. С. 3—230).

⁵*Тизо Франсуа Пьер Гийом (1787—1874) — французский историк и государственный деятель, с 1840 по 1848 г. фактически руководил внутренней и внешней политикой Франции, в 1847—48 гг. официальный глава правительства. Один из создателей теории классовой борьбы.

⁶*«Vorwärts» (нем.) — «Вперед» — немецкая газета, выходившая в Париже с января по декабрь 1844 г.

⁷*«Одного тайного политического общества» — имеется в виду «Союз справедливых» — тайная международная организация немецких политических эмигрантов, существовавшая в 1836—47 гг. В 1847 г. Маркс и Энгельс добились его преобразования в «Союз коммунистов».

К с. 245

¹*«New York Tribune» (англ.) — «Нью-Йоркская ежедневная трибуна» — американская газета, выходившая с 1841 по 1924 г. С 1851 по 1862 г. с этой газетой активно сотрудничал Маркс.

²*«Le 18 Brumaire de Louis Bonaparte» (франц.) — «Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта» — работа Маркса, написанная им в 1851—52 гг. и впервые опубликованная в 1852 г. Рус. пер. см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 8. М., 1957. С. 115—217.

³*«Zur Kritik der Politischen Ökonomie» (нем.) — «Критика политической экономии» — работа Маркса, подготовленная им на основании его экономических рукописей 1857—1858 гг. и впервые изданная в 1859 г. Рус. пер. см. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 13. С. 1—167. М., 1959.

⁴*«Международное товарищество рабочих» — официальное название I Интернационала. Основано в 1864 г., официально самораспущено в 1876 г.

К с. 246

¹*Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, основатель одного из направлений анархизма. Один из организаторов «Международного товарищества рабочих». Считал недопустимым даже временное существование государства после победы социалистической революции.

²*См.: Туган-Барановский М.И. Теоретические основы марксизма. М., 1918.

К с. 261

¹*Динамичное развитие производительных сил в условиях современной научно-технической революции значительно сократило жизненный

цикл активной части основного капитала, усилило роль морального износа орудий труда. Все это несомненно сказалось на уменьшении продолжительности современного воспроизводственного цикла.

К с. 266

1* В последующих переводах «Капитала» К. Маркса — «Экспроприаторов экспроприируют» (см.: К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 23. С. 773).

К с. 267

1* Женевский конгресс «Интернационала» состоялся в 1866 г.

К с. 269

1* Каутский Карл (1854—1938) — один из лидеров и теоретиков немецкой социал-демократии и II Интернационала. Туган-Барановский имеет в виду его книгу «Бернштейн и социал-демократическая программа» (1899, рус. пер. 1906).

2* Бернштейн (Bernstein) Эдуард (1850—1932), один из лидеров германской социал-демократии и II Интернационала. Труды: статьи «Проблемы социализма» (ж. «Neue Zeit», 1896—1898); «Проблемы социализма и задачи социал-демократии» (1899, рус. пер. 1901).

К с. 270

1* Мальтус Томас Роберт (1766—1834) — английский экономист, основоположник одного из направлений в социологии (см. Очерк IV настоящего издания).

К с. 273

1* Работа К. Каутского «Аграрный вопрос» написана в 1899 г. (рус. пер., Харьков, 1900 и 1926).

К с. 274

1* «Die Entwicklung des Sozialismus von der Utopie zur Wissenschaft» — «Развитие социализма от утопии к науке» — работа Энгельса, написанная и опубликованная им в 1889 г. Работа представляет собой три переработанные главы из «Анти-Дюринга». Рус. пер. см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 22. С. 294—320.

К с. 275

1* «Нищета философии» — работа Маркса, написанная и опубликованная в 1847 г. Посвящена критике экономико-философских взглядов Прудона. Предисловие к этой работе написал Энгельс для ее немецкого издания 1885 г. Рус. пер. см.: Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 65—185.

2* Штаммлер Рудольф (1856—1938) — немецкий теоретик права, сторонник марбургской школы неокантианства. Утверждал первичность права по отношению к экономике и государству.

«БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И МЕТАЛЛ»

К с. 285

1* Тук Томас (1774—1858), английский экономист и статистик. Автор работ по вопросам денежного обращения. Шеститомник «История цен и состояние обращения...» был опубликован в Лондоне в 1838—1857 гг.

(последние два тома — вместе с английским экономистом и статистиком У. Ньюмарчем).

²Фишер Ирвин (1867 — 1947), американский экономист и статистик, один из крупнейших ученых неоклассического направления, создатель и первый президент Международного эконометрического общества. Экономист и математик одновременно, а также статистик и удачливый бизнесмен. Известность получил благодаря работам по экономико-математическому анализу, теории денежного обращения и кредита, теории индексов. Сторонник количественной теории денег. Основные работы. «Математическое исследование теории ценности и цены» (1891), «Природа капитала и дохода» (1906), «Норма процента» (1907), «Теория процента» (1930).

³Вагнер Адольф (1835 — 1917) — немецкий экономист, профессор политической экономии и финансов, один из основателей социально-правовой школы в экономической науке.

К с. 286

¹Виксель Кнут (1851 — 1926) — шведский экономист, основатель шведской школы. Известен работами в области финансов, кредита, денежного обращения и конъюнктуры: «Ценность, капитал и рента» (1893), «Процент и деньги» (1898). В 1884 окончил Упсальский университет и преподавал политэкономии в Лунде (1900 — 1916). Видный представитель математической школы. Занимаясь исследованиями теории стоимости, пытался соединить учение австрийской школы о предельной полезности с теорией цен математической школы. Его исследования о влиянии банковского кредита и высоты учетного процента на средний уровень товарных цен и колебания конъюнктуры явились основой так называемой кредитной теории конъюнктуры.

²«Geldzins und Güterpreise» — немецкое название книги Кнута Викселя.

К с. 287

¹Дедукция — один из способов рассуждения и методов исследования. Аристотель толковал дедукцию как вывод от общего к частному.

²Индукция — форма умозаключения, обеспечивающая возможность перехода от единичных фактов к общим положениям.

К с. 288

¹Ньюмарч Уильям (1820 — 1882) — английский политэконом и статистик, ревностный сторонник свободы торговли, противник всякого рода торговых договоров между государствами и основанных на них тарифов. Выступал против всяких ограничений, препятствующих свободному отчуждению земель, против английских узаконений о наследовании недвижимых имений. Как статистик пытался доказать преимущества индуктивного метода исследования перед дедуктивным. В своих статистических исследованиях об изменении цен товаров ввел для большей наглядности и лучшего сравнения систему индексов. Она состояла в том, что цена товара за известный, основной год обозначается числом 100, а цены за следующие годы выражаются в процентных отношениях к цене, принятой за основную.

К с. 289

¹Petitio principii — латинское выражение, означающее предвосхищение основания. Логическая ошибка, заключающаяся в скрытом допущении недоказанной предпосылки для доказательства.

К с. 294

¹ «The purchasing Power of Money» — английское наименование книги Ирвина Фишера «Покупательная способность денег».

К с. 295

¹ Морозов Николай Александрович (р. 1854) — народник, общественный деятель, поэт и ученый, обнаружил также выдающиеся достоинства в качестве популяризатора науки. По словам В. Фигнера, «молодая душа его рвалась за пределы обыденной жизни и жаждала подвигов самоотвержения, стойкости и отваги». Член кружка «чайковцев», «Земли и Воли», Исполкома «Народной Воли», участник покушения на Александра II. Редактировал газету «Земля и Воля», «Листики Земли и Воли», затем центральный орган партии «Народной Воли». В 1880 г., будучи за границей, участвовал в издании «Русской социально-революционной библиотеки». В 1881 г. арестован при переходе границы, был приговорен к бессрочной каторге и заключен в Алексеевский рavelин, а затем в Шлиссельбургский, откуда вышел в 1905 г. В крепости набросал планы: целого ряда научных сочинений в области естественных наук.

² Лифман Роберт (р. 1874) — немецкий профессор политэконом. Автор многочисленных работ, посвященных в основном проблемам капиталистических монополий и финансового капитала, например, «Картели и тресты и дальнейшее развитие народнохозяйственной организации», «Паевые и финансирующие общества» (в 1930 г. вышел перевод 4-го издания под названием «Фондовый капитализм»).

³ «Geld und Gold» — немецкое наименование сочинения Роберта Лифмана «Деньги и золото» (1916).

К с. 298

¹ Фуллартон Джон (1780 — 1849) — английский экономист, писал главным образом по вопросам кредита и денежного обращения. Основное произведение — «Регулирование денежного обращения» (1844). Был противником количественной теории денег и законодательных ограничений эмиссии банкнот. Критикуя количественную теорию денег, отмечал, что ее ошибка коренится в смешении понятий денег как средства обращения с деньгами как средством платежа. Если количество бумажных денег, выпускаемых государством и обязательных к приему, действительно не регулируется потребностью обращения, то, наоборот, «количество кредитных денег не регулируется ничем, кроме общественного спроса», банкноты, превышающие потребности обращения, возвращаются к выпустившим их банкам.

² «Hoards» — накопления.

³ Дисконтный процент (дисконт) — разница между ценой в настоящий момент и ценой на момент погашения или ценой номинала ценной бумаги; отклонение в меньшую сторону от официального курса валюты.

К с. 304

¹ Юм Давид (1711 — 1776) — английский философ, психолог, историк и экономист. Родился в семье небогатого шотландского помещика, учился в Эдинбургском университете. В 50-х годах находился в должности библиотекаря Эдинбургской библиотеки; в 1763 г. направился во Францию в качестве секретаря английского посольства; в 1767 — 69 гг. занимал должность помощника государственного секретаря; с 1769 г. — жил в Эдинбурге. Экономические идеи Юма, развитые им в сочинениях, посвященных вопросам о торговом балансе, уровне процента и денег,

оказали большое влияние на политэкономю. Видный представитель количественной теории денег, принципиально отвергал постановку вопроса о субстанции стоимости. Из анализа «революции цен» XVI—XVII вв. пришел к выводу, что цены товаров зависят от массы обращающихся денег, а также, что «товары входят в процесс обращения без цены, а золото и серебро — без стоимости».

К с. 312

^{1*} Гельферих Иоганн (1817—1892) — немецкий экономист, в 1844—49 гг. состоял профессором в Фрейбурге, затем в Тюбингене и Геттингене, с 1869 — в Мюнхене. Главная его работа касается вопроса о ценности благородных металлов «Von den periodischen Schwankungen im Wertedien Metalle» (1843), где он со статистическими данными в руках возражает против обычного способа устанавливать эти колебания по ценам на хлеб и на рабочие руки.

К с. 313

^{1*} Выдержка из работы Гельфериха «Деньги» (1903).

К с. 317

^{1*} Боден Жан (1530—1596) — один из замечательных французских публицистов и самых разносторонних мыслителей XVI в. В трактате «Reponse aux paradoxes de M. Malestroit touchant l'encherissement de toutes les choses et des monnaies» (1568) указывал, что первой и почти единственной причиной вздорожания товаров является увеличение количества драгоценных металлов в Европе вследствие прилива их из Америки. Первым высказал догадку об американском золоте и серебре как причине инфляции в 1576 г. По большинству вопросов разделял позиции школы меркантилистов, хотя возражал, например, против запрещения вывозить благородные металлы.

^{2*} Нассе Эрвин (Nasse) (1829—1890) — немецкий экономист, был профессором в Базеле, Роштоне, Бонне. Являлся одним из лучших знатоков денежного обращения, написал, кроме отдела о деньгах в содружестве с Шенбергом, ряд статей на эту тему, из которых самая замечательная: «Das Sinken der Warenpreise während der letzten 15 Jahre» (в «Conrads Jahrbücher f. Nationalökonomie», т. XVII). Нассе в этой статье обстоятельно опровергает аргументы биметаллистов и указывает на глубокие производственные причины новейшего подъема товарных цен. В «Preussische Jahrbücher» за 1876 г. Нассе, по случаю столетия «Богатства народов» Адама Смита, поместил замечательную характеристику значения Смита в экономической науке.

^{3*} Лексис Вильгельм (1837—1914) — немецкий экономист и статистик. Окончил Боннский университет. С 1872 г. — профессор в Страсбурге, Дерпте, Фрейбурге, Бреслау; с 1887 г. по 1914 г. — в Геттингене. Занимался вопросами денежного обращения, являлся сторонником металлической теории денег. Автор господствовавшей в конце XIX века теории устойчивости статистических рядов.

^{4*} Шенберг Густав-Фридрих (Schönberg) (р. 1839) — немецкий экономист, был профессором в Базеле, Фрейбурге, Тюбингене, в качестве канцлера Тюбингенского университета состоял членом вюртембергской палаты депутатов. В сотрудничестве с другими учеными издал обширный курс политэкономии под заглавием «Handbuch der Politischen Oekonomie» (1 изд. Тюбинген, 1882; 4 изд. 1896—98).

1* Паритет — от латинского *paritas* — равенство. В эпоху обращения золота (серебра) в качестве денег и при свободном размене бумажных денег на золото (до I мировой войны 1914—1918 гг.) применялся монетный паритет (по количеству содержащегося в денежных единицах чистого золота).

2* Дизажио — отклонение биржевого (рыночного) курса ценных бумаг, фондовых ценностей или денежных знаков в сторону понижения по сравнению с их номинальной стоимостью. Дизажио обычно выражается в процентном отношении к номиналу, на бумажные деньги дизажио возникает в условиях инфляции и представляет собой одно из ее проявлений. Туган-Барановский пишет о дизажио на металлические деньги и характеризует его как состояние ценности бумажных денег, при котором бумажные деньги являются более дорогими, чем металл, при обмене за меньшую сумму бумажных денег дают большее количество металлических.

3* Лаж — повышение рыночной «цены» золота, выраженной в бумажных деньгах, по сравнению с количеством бумажных денежных знаков, номинально представляющих данное количество золота. У Туган-Барановского — надбавка к цене золота, которая при золотом обращении стихийно устанавливалась на рынке в результате обесценения бумажных знаков стоимости по отношению к золоту, или состояние ценности бумажных денег, при котором для приобретения металла той же номинальной стоимости нужно к бумажным деньгам сделать соответствующую надбавку.

1* Депрещирование (кредитных билетов к металлу) — то же, что и девальвация.

2* Девальвация — целенаправленное понижение государством золотого или серебряного содержания денежной единицы в соответствии с происшедшим обесценением бумажных денег, при этом прежние бумажные деньги остаются в обращении.

1* Витте Сергей Юльевич (1849—1915) — граф, русский государственный деятель конца XIX — начала XX века. Окончил физико-математический факультет Новороссийского университета в Одессе. Министр путей сообщений в 1892 г., финансов с 1892 г., председатель Кабинета министров с 1903 г., Совета Министров в 1905—06 гг. Инициатор винной монополии (1894), денежной реформы (1897), строительства Сибирской железной дороги, разработал основные положения столыпинской аграрной реформы (1903—1904). Автор «Воспоминаний» (т. 1—3). Туган-Барановский писал о нем в отдельных статьях: в газете «Речь», 1914. № 1 «Книга гр. С. Ю. Витте "Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве"» (СПб., 1912); «Витте и Бунге как министры финансов» (в журнале «Северные записки», 1915. № 3. С. 146—153), высоко оценивая его деятельность.

2* Сверхэвалюация — повышение ценности бумажных денег до рыночного уровня.

3* Кауфман Илларион Игнатьевич (1847—1916) — русский финансист, писал по вопросам кредита и денежного обращения. В 1873—1883 гг. служил в Центральном статистическом комитете; с 1893 г. — профессор Санкт-Петербургского университета по кафедре статистики.

Главные труды: «Кредит, банки и денежное обращение» (1873, магис-я дисс.), «Неразменные бумажные деньги в Англии» (1877, докт-я дисс.), «Теория и практика банковского дела» (1877), «Статистика русских банков» (1876), «Статистика государственных финансов России в 1862—84» (1886), «Вексельные курсы России за 50 лет 1840—90» (1892), «Государственный долг Англии» (1893), «Бумажные деньги в Австрии 1762—1911» (1913). М.И.Туган-Барановский ссылается на книгу Кауфмана «Серебряный рубль в России от его возникновения до конца XIX в.» (Спб., 1910) и «Неразменные банкноты в Англии» (2 изд., 1915 г.).

К с. 339

¹Книг Карл (1821—1898) — немецкий экономист, один из основателей исторической школы. Автор сочинения «Политическая экономия с точки зрения исторического метода» (1853).

²«Geld und Kredit» — наименование на немецком языке работы Книсса «Деньги и кредит».

³Бунге Николай Христианович (1823—1895) — русский государственный деятель, экономист, академик Петербургской Академии наук (1890). В 1881—1886 гг. — министр финансов; в 1887—1895 гг. — председатель Кабинета министров. Проводил политику протекционизма, правительственного финансирования промышленности, инициатор отмены подушной подати.

К с. 340

¹Миклашевский Александр Николаевич (1864—1911) — русский экономист, специалист по вопросам денежного обращения. Сторонник монометаллизма и теории предельной полезности. Перевел на русский язык труды Ф. Кенз, А. Тюрго, Д. Рикардо. Туган—Барановский упоминает его работу «Деньги» (1895).

К с. 342

¹Чомерс Томас (1780—1847) — английский экономист, протестантский теолог, последователь Мальтуса. Автор работы «О политической экономии в связи с нравственным состоянием и нравственными перспективами общества» (1823).

К с. 346

¹Никольский Петр Андреевич (р. 1858), экономист, окончил курс в Казанском университете, где затем состоял профессором полицейского права. Главные ученые труды: «Бумажные деньги в России» (Казань, 1892) и «Основные вопросы страхования» (Казань, 1896).

²Кнапп Георг Фридрих (1842—1926) — немецкий статистик и политэконом. Учился в Мюнхенском, Берлинском и Геттингенском университетах. С 1867 г. заведовал статистическим бюро в Лейпциге, профессор статистики в Лейпцигском университете, с 1869 г. — экстраординарный профессор политэкономии и с 1874 г. — профессор Страсбургского университета. Видный теоретик статистики населения, один из немногих статистиков, обладающих строго математической подготовкой, также занимался проблемами статистики, истории аграрных отношений и теории денег. Известен как автор теории денег, одной из разновидностей «номиналистической» теории денег, так называемой хартальной теории. Деньги Кнапп объявляет простыми «платежными марками» и пытается доказать, что сущность денег определяется правовыми нормами, регулирующими их употребление.

³ «Staatliche Theorie des Geldes» — наименование на немецком языке работы Кнаппа «Статистическая теория денег» (1905).

⁴ Бендиксен Фридрих (1864—1920), немецкий экономист, крупнейший представитель номиналистической («государственной») теории денег. Деньги, по этому учению, не хозяйственное благо и сами не имеют ценности. Деньги — абстрактная единица ценности или счета, в деньгах выражается притязание, основанное на услугах, предварительно оказанных этим лицом обществу. Наилучшими, «классическими» деньгами являются бумажные деньги при том условии, если их выпуск строго соразмеряется с потребностями товарного оборота. Главные сочинения: «Das Wesen des Geldes». 3 изд. 1922 (рус. «Деньги». Москва, 1923); «Geld und Kapital». 3 изд. 1922; «Währungspolitik und Geldtheorie im Lichte des Weltkrieges». 1916; 2 изд. 1919.

⁵ «Währungspolitik und Geldtheorie» — наименование на немецком языке работы Бендиксена «Валютная политика и денежная теория» (1916).

⁶ Эльстер Людвиг (р. 1856) — немецкий экономист, профессор в Галле, Кенигсберге и Бреславле. Напечатал: «Die Lebensversicherung in Deutschland». Один из издателей и редакторов известных экономических ежегодников: «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», «Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik» (1915), «Wörterbuch der Volkswirtschaft». Сторонник австрийской школы, проводящий в своих работах идеи предельной полезности. Наиболее крупные работы посвящены отдельным прикладным экономическим вопросам: страхованию, сберегательным кассам.

К с. 356

¹ Канкрин Егор Францевич (1774—1845) — граф, известный министр финансов николаевской эпохи. Родился в гессенском городе Ганау, образование получил в Германии, где им изучались юридические и политические науки в гессенском и марбургском университетах. В Россию приехал в 1797 году к своему отцу и поступил на службу. Его литературные работы по продовольствию армий обратили на него внимание военного министра Барклая де Толли и доставили ему видное служебное положение: с 1811 по 1820 год генерал — провиантмейстер, а затем интендант действующей армии. Проявлял необыкновенную энергию и бережливость по обеспечению продовольствием русских войск как в пределах России, так и за границей. 22.04.1823 года получил пост министра финансов, на котором оставался до 1884 года. С его именем связывается крупная экономическая реформа — устройство денежной системы посредством девальвации, установление серебряного рубля как основной денежной единицы и прекращение хозяйствования с неразмненными бумажными деньгами. Он также заботился о распространении технических знаний (преобразование Лесного института, основание Технологического института, преобразование горных учебных заведений, открытие новых сельскохозяйственных училищ), содействовал улучшению казенных промыслов, усовершенствовал горное законодательство, развивал добычу золота, организовал биологические исследования. Неизменно пользовался чрезвычайным доверием Николая I. Биографы отзываются о нем как о человеке с большими знаниями в самых разнообразных областях и широким кругом интересов, очень мягком и доступном в общении.

¹Мигуля Петр Петрович (р. 1870) — русский финансист, по окончании Харьковского университета был командирован за границу, а с 1899 года читал финансовое право в Харьковском университете, сперва на правах приват-доцента, с 1902 года — профессора. Наиболее ценным трудом его, по богатству собранного материала, является «Русский государственный кредит со времен Екатерины II до наших дней» (3 т. 1899—1906; первые 2 т. — магис-я и докт-я дисс.). Остальные работы посвящены финансовой и банковской политике России («Реформа денежного обращения», «Наша железнодорожная политика» 1904, «Наша банковская политика 1729—1903» 1904).

¹Шторх Андрей (Генрих) Карлович (1766—1835) — русский экономист, историк, библиограф, вице-президент Петербургской Академии наук. Автор учебника политической экономии, получившего в начале XIX века широкое признание. Член 21 академии и научного общества. Туган-Барановский ссылается на работы «Материалы для истории государственных денежных знаков в России» (1868), «Курс экономической политики» (1815).

¹Сперанский Михаил Михайлович (1772—1839) — граф, русский государственный деятель. С 1808 года ближайший советник императора Александра I, автор плана либеральных преобразований, инициатор создания Государственного совета. В 1812—1816 гг. — в ссылке, в 1819—1821 — генерал-губернатор Сибири, составил план административной реформы Сибири.

²Мордвинов Николай Семенович (1754—1854) — граф, русский государственный и общественный деятель, адмирал. В 1802 г. — морской министр. В 1823—1840 — президент Императорского вольного экономического общества (ИВЭО). В 1826 году единственный из членов Верховного уголовного суда отказался подписать смертный приговор декабристам.

¹Якоб Людвиг Генрихович (1759—1827), родился в городе Галле, где был профессором философии, с 1807—1809 гг. — профессор политических наук в Харькове, в 1816 году профессор политических наук в Галле.

¹Судейкин Власий Т. — автор сочинений: «Наши общественные городские банки и их экономическое значение» (1884), «Восстановление металлического обращения в России (р. 1839), — «Исторический очерк» (1891), «Биржа и биржевые операции» (1892) и других.

²Гурьев Александр Николаевич (р. 1864) — писатель, окончил курс на юридическом факультете Петербургского университета. Работал в министерстве финансов, первоначально занимал должности ученого секретаря, а затем и члена ученого комитета. Состоял постоянным сотрудником газет «Новое Время», «СПб. Ведомости», «Россия» и других. Автор сочинений: «К реформе государственного банка» (1893); «Питейная монополия» (1893); «К реформе крестьянского банка» (1894); «К реформе

законодательства о привилегиях на изобретения» (1894); «Реформа денежного обращения» (1896) и другие.

К с. 377

¹Закон Грешама (Грешема) — сформулирован английским государственным деятелем и финансистом XVI века Томасом Грешемом, согласно которому плохие деньги вытесняют из обращения хорошие. Действие закона типично в основном для биметаллизма.

К с. 378

¹Вышнеградский Иван Алексеевич (1831—1895) — государственный деятель, по специальности физик — математик, в 1854 году получил степень магистра математики, с 1858 года читал лекции по механике в Михайловской артиллерийской академии и состоял профессором Технологического института, который в 1875 году возглавил в качестве директора. В январе 1887 года получил пост министра финансов и пробыл на нем до 1892 года. Проводимая им финансовая политика отличалась энергией и последовательностью, хотя и была далека от сколько-нибудь крупных реформ. Главной целью для него было улучшение бюджета, устранение дефицита и накопление достаточной золотой наличности, которая бы дала возможность установить золотое обращение. В целях увеличения государственных доходов были повышены многие старые налоги (акцизы на вино, на табак, на сахар, гербовый сбор) и введены новые (акцизы на спички и осветительные масла). Повышены таможенные ставки, долженствовавшие сократить ввоз. В соединении с благоприятными внешними условиями, хорошими урожаями в России и плохими в Западной Европе, эти меры достигли своей цели: в бюджете вместо дефицитов получились крупные остатки, а в государственном казначействе образовалась довольно значительная золотая наличность. Но голод 1891—1892 гг. показал, что это финансовое благополучие покоилось на очень непрочном основании. Другим предметом особых его забот было железнодорожное дело. Им впервые был начат в широких размерах выкуп железных дорог у частных обществ, причем выкупались преимущественно малодоходные линии, требовавшие ранее от казны больших доплат по гарантии, в надежде на которые прежние владельцы дорог мало заботились о поднятии их доходности путем улучшения эксплуатации. Железнодорожные тарифы на частных дорогах были взяты под контроль правительства. Частные железные дороги обязывались обзаводиться принадлежностями, изготовленными на русских заводах и из русских материалов. Поощрялись крупные российские земельные собственники и крупная промышленность.

К с. 384

¹Иоганн Конрад (р. 1839), немецкий экономист, несколько лет занимался практическим сельским хозяйством, изучал естественные и государственные науки. С 1870 года был избран профессором в Иене, с 1872 г. состоял профессором в Галле. С 1870 г. редактировал журнал, основанный Бруно Гильдебрандом, «*Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik*». Одновременно являлся соредактором известной энциклопедии государственных наук — «*Handwörterbuch der Staatswissenschaften*». По своему направлению может быть отнесен к представителям исторической школы. На русский язык была переведена часть его обширного курса под названием «Сельское хозяйство и аграрная политика».

К с. 414

1*Петражицкий Лев Иосифович (1867—1931) — русский юрист, до 1918 года был профессором Петербургского университета, затем преподавал в Варшавском университете. Основатель так называемой психологической школы права. Основные труды: «Очерки философии права» (1900), «Теория права и государства в связи с теорией нравственности» (1907).

К с. 416

1*Трассировка — способ международных расчетов, при котором кредитор выписывает тратту (переводной вексель) в иностранной валюте и продает ее на валюту своей страны.

К с. 417

1*Блиох Иван Станиславович (1836—1901) — русский экономист, статистик и финансист. Основатель русской железнодорожной статистики. Ценным вкладом в историю финансов является его капитальный труд «Финансы России XIX столетия» в 4 томах, два первых тома охватывают историю финансов с древнейших времен, третий том — монография о доходах, и четвертый — критический разбор государственных расходов. Сочинение переведено на польский язык и дополнено томом, описывающим историю финансов и налогов Царства Польского до слияния их с общим государственным бюджетом. Также написал много статей по финансам, кредиту и железнодорожному делу.

К с. 418

1*Ламанский Евгений Иванович (р. 1825) — воспитанник Царско-сельского лицея. Работал в Министерстве государственных имуществ, откуда перешел на службу в Министерство финансов, где в Редакционных комиссиях по освобождению крестьян участвовал в комиссии по преобразованию кредитных учреждений и состоял товарищем управляющего Государственного банка. Затем, став управляющим, выполнил преобразование Государственного банка, одновременно организовал Общество взаимного кредита, председателем которого являлся долгое время. Написал статью об ассигнациях, которая была напечатана в экономическом указателе Вернадского, чем обратил на себя общее внимание, а также сочинение «Об истории кредитных учреждений».

«ЗНАЧЕНИЕ БИРЖИ В СОВРЕМЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОЕ»

К с. 423

1*Статья «Значение биржи в современном хозяйственном строе» была опубликована М.И.Туган-Барановским в вышедшем в 1917 году 11-м томе «Банковой энциклопедии», целиком посвященном теоретическим и практическим вопросам деятельности бирж.

Несколько слов об этом издании, поскольку идея его создания уникальна — ученые посредством научно-исторического анализа актуальных явлений экономической жизни общества акцентируют внимание практиков на теоретической разработанности предлагаемых к рассмотрению проблем, их культурно-социальных аспектах и экономическом эффекте как для предпринимателя, так и для общества. Начальная тема энциклопедии — банки краткосрочного кредита. Первый том, вышедший в 1914

году в Киеве (к сожалению, вышло всего 2 тома энциклопедии), целиком состоял из очерков российских и зарубежных ученых о банках коммерческого кредита в главнейших странах Западной Европы, о казенных коммерческих кредитных учреждениях и коммерческой деятельности Государственного Банка России. Кроме краткого исторического обзора, в каждом очерке освещалось положение коммерческих банков отдельной страны. В предисловии к первому тому энциклопедии отмечается, что подобного сборника статей о коммерческих банках отдельных стран не существует не только в русской, но и в иностранной литературе. Второй том вышел с большим опозданием, хотя почти весь материал для него был в редакции уже в июне 1914 года. К печатанию третьего тома, посвященного мелкому кредиту и кредитной кооперации, редакция приступила в 1917 году, но выход в свет его не состоялся.

Возвращаясь к статье М.И.Туган-Барановского, следует отметить, что автором дается определение биржи, характеристика товарной биржи и фондовой, выделено их значение в капиталистическом хозяйстве, рассматриваются понятия биржевой спекуляции, товарной функции биржи, сделки на срок и другие.

Биржа определена в статье как своеобразная организация, концентрирующая в одном определенном пункте и в одно определенное время торговые сделки, что, согласитесь, вполне соответствует нашему современному понятию о ней. При этом профессор отмечает, что «среди современных хозяйственных учреждений нет ни одного более характерного для капиталистической системы хозяйства, чем биржа», и далее: «... по важности биржи в хозяйственной жизни той или иной страны можно судить о степени ее капиталистической зрелости».

Если условно отождествить понятия «капиталистическая система хозяйства» и «капиталистическая зрелость» у Туган-Барановского с сегодняшней «рыночной системой хозяйства», а также «рыночной зрелостью», то невольно удивляют своей актуальностью и современностью его отдельные выводы и определения.

Сегодня очевидно, что создание биржевых институтов выступает необходимым условием функционирования рыночного хозяйства. Возрождение биржевого дела в России (поскольку в 1929--1930 гг. все биржи были закрыты с официальной ссылкой на то, что с укреплением и совершенствованием планирования народного хозяйства необходимость в товарно-фондовых биржах отпала) относится к периоду начала реформирования централизованной системы хозяйства в рыночную. В 1990--1991 гг. у нас стали возникать первые биржевые структуры, как-то: Московская товарная биржа, Международная универсальная биржа вторичных ресурсов, Всероссийская биржа недвижимости, Российская товарно-сырьевая биржа и всевозможные иные (нефтяные, лесные, металлические, бумажная, продовольственная биржи). Причем формирование бирж шло на всех уровнях - региональном, областном, городском, районном. Зачастую в этот период в одном городе одновременно функционировало несколько биржевых комплексов. К началу 1992 г. Россия оказалась по количеству созданных бирж, приходящихся на душу населения, лидером в мировой экономике.

Первоначально в основной своей массе это были товарные биржи. Обратимся к оценкам товарной биржи, данным в статье М.И.Туган-Барановским. Некоторые из них весьма интересны с позиций сегодняшних: «...биржи эти имеют местное значение...»; «...товарные операции биржи отнюдь не являются необходимым условием капиталистического хозяйства»; «...торговля может достичь своих целей и без помощи биржи... и помимо биржи каждое заинтересованное лицо получает возможность приоб-

рести достаточную осведомленность относительно состояния товарного рынка»; «И я лично склонен думать, что дальнейшее развитие сношений и осведомленности должно повести к относительноному сокращению роли товарной биржи в системе капиталистического хозяйства».

Как бы в подтверждение сказанному, уже весной 1992 г. намечилось сокращение числа биржевых сделок и уменьшение количества товарных бирж. Это было следствием того, что биржа перестала быть единственным и незаменимым символом рынка в реформируемом хозяйстве России и начала занимать нишу, присущую ей в странах с развитой рыночной экономикой. Одновременно происходила постепенная специализация бирж на оптовой торговле биржевыми товарами, с отказом от сделок с наличным товаром. В основном, учитывая теперешний опыт функционирования товарных бирж в России, можно согласиться с М.И.Туган-Барановским и его определением роли товарной биржи в хозяйственном комплексе страны.

Особо автор статьи выделяет фондовую биржу: «Но та биржа, которая необходима для капиталистического хозяйства, есть не товарная, а фондовая биржа».

Создание фондовых бирж в современной ситуации было непосредственно связано с восстановлением акционерного дела, становлением и развитием рынка ценных бумаг. Сегодняшнее законодательство определяет фондовую биржу как организацию, исключительным предметом деятельности которой является обеспечение необходимых условий нормального обращения ценных бумаг, определение их рыночных цен (цен, отражающих равновесие между спросом и предложением на ценные бумаги) и надлежащее распространение информации о них, поддержание высокого уровня профессионализма участников рынка ценных бумаг. Другими словами, нынешняя фондовая биржа представляет собой важную организационную форму товарно-денежных отношений, способствующую накоплению капитала, его распределению по отраслям и сферам хозяйства, а также регулированию инвестиционных и инфляционных процессов. Созвучно характеризовал фондовую биржу и Туган-Барановский: «...помещение свободных капиталов в различных предприятиях или займах общественных учреждений и есть основная чрезвычайно важная функция фондовой биржи. — функция, делающая биржу центральным учреждением всей капиталистической системы хозяйства»; «...биржа есть резервуар, в котором концентрируется предложение капиталов, ищущих помещения постоянного»; «...капиталы могут быть легко вынуты из любого предприятия и перемещены в другое путем продажи фондов и покупки новых». Практика подтверждает, что фондовая биржа открывает новые возможности финансирования предприятий. Эмиссия акций и облигаций позволяет найти новые пути к заемным средствам, имеющим целый ряд преимуществ перед банковским кредитом. Как организационная форма вторичного рынка ценных бумаг, фондовая биржа способствует притоку западных финансовых ресурсов в отечественные предприятия, а также концентрации капиталов. Например, в западных странах стоимость всех ценных бумаг, находящихся на фондовом рынке, зачастую превышает годовой объем валового национального продукта. Конечно же, в нашей стране фондовый рынок еще только развивается, но в 1997 г. оборот только корпоративных ценных бумаг ожидается в размере 5,5—6 млрд долларов США.

БИБЛИОГРАФИЯ

Труды М.И.Туган-Барановского, литература о его жизни и сочинениях

Структура

1. Труды М.И.Туган-Барановского
 - 1.1. Книги и статьи
 - 1.2. Труды, изданные за рубежом
 - 1.3. Издания, выходившие под редакцией М.И.Туган-Барановского
 - 1.3.1. Журналы и неперIODические продолжающиеся издания
 - 1.3.2. Переводы и сборники статей
 - 1.4. Популярные изложения трудов М.И.Туган-Барановского
2. Биобиблиография – литература о жизни и трудах М.И.Туган-Барановского
 - 2.1. Общебиблиографические работы о М.И.Туган-Барановском
 - 2.1.1. Книги и статьи
 - 2.1.2. Некрологи
 - 2.1.3. Статьи о М.И.Туган-Барановском в отечественных энциклопедических изданиях
 - 2.1.4. Статьи о М.И.Туган-Барановском в зарубежных энциклопедических изданиях
 - 2.2. Рецензии на работы М.И.Туган-Барановского, анализ его научных концепций, дискуссии
 - 2.3. Информация о научных семинарах и кружках, работавших под руководством М.И.Туган-Барановского
 - 2.4. Библиографии трудов М.И.Туган-Барановского

1. ТРУДЫ М.И.ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

1.1. Книги и статьи

1890 г.

1. Учение о предельной полезности хозяйственных благ как причины их ценности // Юридический вестник. СПб., 1890. № 10. Т. II. С. 192 – 230.

1891 г.

2. П.Ж.Прудон, его жизнь и общественная деятельность: Биограф. очерк. СПб., 1891. 80 с., 1 л. фронт. [портр.].

1892 г.

3. Дж.С.Милль. Его жизнь и учено-литературная деятельность: Биограф. очерк. СПб., 1892. 88 с., 1 л. фронт. [портр.].

1894 г.

4. Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь: Дисс. СПб., 1894. [2], IV, 312 с., 12 л. табл. и диагр.

То же. Изд. на нем. яз. Лейпциг, 1898 (см. раздел 1.2)¹.

Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. 2-е, совершенно переработанное издание. СПб., 1900. [8], 355 с. с табл., диагр., сх.

Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 3-е, совершенно переработанное издание. СПб., 1914. XII[2]. 466 с., табл., диагр.

То же. 4-е изд. Пг. — М., 1923. 384 с. с табл. и диагр.

То же. 5-е изд. Смоленск, 1923. VII[3]. 430 с. с диагр.

То же. Изд. на нем. яз. Йена, 1901, (см. разд. 1.2).

То же. Изд. на нем. яз. Аахен, 1969 (см. разд. 1.2).

То же. [6-е изд.] // М.И.Туган-Барановский. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи / Сост., предисл. «Экономист серебряного века» Г.Н.Сорвиной. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С. 49—484.

То же. Изд. на фр. яз. Париж, 1913 (см. разд. 1.2).

То же. Пер. на япон. яз. с фр. Нихосе ранся, 1931 (см. разд. 1.2).

То же. Пер. на англ. яз. Нью-Йорк, 1954 (см. разд. 1.2).

То же. Пер. на япон. яз. с нем. Пеликан, 1972 (см. разд. 1.2).

5. Положения к диссертации М.И.Туган-Барановского «Промышленные кризисы в современной Англии, их причины и ближайшие влияния на народную жизнь», представленной для получения степени магистра политической экономии и статистики. СПб., 1894. 2 с.

1895 г.

6. Кризисы хозяйственные // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XVIa (32). СПб., 1895. С. 743—748.

7. Промышленные кризисы (Речь, читанная на диспуте в Московском университете 27 сентября 1894 г) // Сборник правоведения и общественных знаний: Труды Юридического общества, состоящего при Императорском Московском ун-те, и его статистического отделения. Т. 5. СПб., 1895. С. 69—87.

8. Значение экономического фактора в истории // Мир Божий (СПб). 1895. № 12. С. 101—118.

1896 г.

9. Экономический фактор и идеи: Ответ моим оппонентам // Мир Божий. 1896. № 4. С. 269—291.

¹ Здесь и далее термин «изд. на ... яз.» означает, что публикация на иностранном языке осуществлена в оригинальной авторской обработке, о характере которой можно судить по следующим словам, сказанным в предисловии к французскому изданию «Кризисов» (1913 г): «Это французское издание моего труда не является простым переводом различных русских и немецких изданий, опубликованных до сих пор. Не только история кризисов была доведена до последнего времени... но и теория кризисов была тщательно углублена и более широко разработана».

10. Послесловие // Генри Джордж. Прогресс и бедность. Исследования причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления / С послесловием М.И.Туган-Барановского. СПб., 1896.

11. Законодательство в защиту труда в России (статья на нем. яз. Лейпциг, 1896. — см. разд. 1.2).

12. Письмо в редакцию. [По поводу возражений г-на Михайловского в апрельской книжке «Русского Богатства» за 1896 г.] // Мир Божий (СПб). 1896. № 5. С. 279—280.

13. Мерсье де ла Ривьер // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIX (37). СПб., 1896. С. 137.

14. Письмо в редакцию (Ответ проф. Карышеву) // Мир Божий (СПб). 1896. № 5. С. 77-82.

1897 г.

15. К вопросу о влиянии низких хлебных цен. По поводу книги «Влияние урожая и хлебных цен на некоторые стороны русского народного хозяйства» // Новое Слово (СПб). 1897. № 6. С. 73—83.

16. Историческая роль капитала в развитии нашей кустарной промышленности // Новое Слово (СПб). 1897. № 7. С. 1—33.

17. Генри Джордж и национализация земли // Новое Слово (СПб). 1897. № 9. С. 108—129.

18. «Народники» крепостной эпохи (из истории русского общественного сознания) // Новое Слово (СПб). 1897. № 11. С. 49—85.

19. Борьба фабрики с кустарем // Новое Слово (СПб). 1897. № 1. С. 71—88.

20. Жизнь и сочинения Д.Е.Кернса. Предисловие к книге Д.Е.Кернса «Основные принципы политической экономии. Ценность. Международная торговля» / Перевод и введение М.И.Туган-Барановского. М., 1897. С. 1—XXXI.

21. Выступление в прениях на докладе А.И.Чупрова 2 марта 1897 г. // Труды Императорского вольного экономического общества (далее: Труды ИВЭО). 1897. Кн. II, № 4. С. 48, 83—84

1898 г.

22. Статистические итоги промышленного развития России. СПб., 1898. 41 с. с табл. и диагр.

23. Статистические итоги промышленного развития России (Доклад М.И.Туган-Барановского в заседании III отд. Имп. Вольн. Экон. об-ва 17 янв. 1898 г.) // Труды ИВЭО. Кн. I. СПб., 1898. С. 1—41.

24. Статистические итоги промышленного развития России (Доклад М.И.Туган-Барановского и прения по этому докладу в заседании Имп. Вольн. Экон. об-ва 17 янв. и 7 и 21 февр. 1898 г.). СПб.: Имп. Вольное Экон. об-во, 1898. [2], 42, 107 с. с диагр.

25. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. Т. I: Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. СПб., 1898. XII, 496 с. с табл. и диагр.

То же. 2-е, значительно дополненное издание. Т. I. СПб., 1900. XII, 562 с. с табл. и диагр.

То же. 3-е изд. СПб., 1907. XII, 562 с. с табл.

То же. [4-е изд.] Перепечатано с 3-го изд. М., 1922. [4] IV, [9]. 428 с. с табл. и диагр.

То же. [5-е изд.] Перепечатано с 3-го изд. Харьков, 1926. 448 с.: табл. и диагр.

То же. 6-е изд. Перепечатано с 3-го изд. с примечаниями редакции. М. — Л., 1934. [4], 436 с.; 1 вкл. л., граф.

То же. 7-е изд. Предисловие С.Заводник. М., 1938. 460 с.; 1 вкл.

Два изд. на нем. яз. Берлин, 1900. IV, 626 с. (см. раздел 1.2).

Пер. на англ. яз. Хомвуд, Ил. (США), 1970 (см. разд. 1.2).

26. Капитализм и рынок (По поводу книги С.Булгакова «О рынках при капиталистическом производстве. Теоретический этюд». М., 1897) // Мир Божий (СПб). 1898. № 6. С. 118—127.

1899 г.

27. Русские переводы 1 т. «Капитала» Маркса: Заметка // Мир Божий (СПб). 1899. № 2. С. 10—16.

28. Споры о фабрике и капитализме (Моим критикам) // Начало (СПб). 1899. № 1—2. С. 22—527.

29. Основные причины кризисов в капиталистическом хозяйстве // Мир Божий (СПб). 1899. № 11. С. 194—222.

30. Неосторожный критик (Н.Каблуков «Новая книга по истории русской фабрики». Рус. Ведомости. № 42—47) // Начало (СПб). 1899. № 3. С. 64—82.

31. Письмо в редакцию журнала «Жизнь». [По поводу возражений Каблукова на ст. «Неосторожный критик» в ж. «Начало». № 3. 1899 г.] // Жизнь (СПб). 1899. № 5. С. 70—73.

32. Основная ошибка абстрактной теории капитализма Маркса // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 5. С. 973—985.

33. Хлопковый голод // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 11. С. 2106—2120; № 12. С. 2186—2200.

34. Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма: Доклад, читанный в заседании III отделения ИВЭО. 4 декабря 1899 г. // Труды ИВЭО. С. 2. Вып. 5—6. 1899. С. 90—114.

35. Лекция по политической экономии приват-доцента Туган-Барановского 1898—1899 гг. СПб.: Литогр. Богданова, 1899. 240, 64 с.

36. Лекции по политической экономии 1898—1899 гг. СПб.: Санкт-Петербургский ун-т, 1899, 244 с. с вкл. и табл.

Лекции по политической экономии М.И.Туган-Барановского за 1906—1907 гг. СПб.: Высшие женские курсы, 1907. 640 с.

Лекции по политической экономии. Сокращенное изложение: Помощь для слушателей. СПб.: Тип. М.А.Александрова, 1907. IV, 354 с.

37. Рецензия на кн.: Н.Карелин (псевдоним В.И.Засулич) «Жан-Жак Руссо. Опыт характеристики его общественных идей». СПб., 1899, 156 с. // Начало (СПб). 1899. № 5. С. 118—121.

1900 г.

38. Промышленные кризисы. Очерк из социальной истории Англии. 2-е совершенно переработанное издание. СПб., 1900. [8], 355 с., с табл., диагр., сх.

39. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Историко-экономическое исследование. С. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. 2-е, значительно дополненное издание. СПб., 1900. XII, 562 с., 6 л. табл., диагр.

40. Трудовая ценность и теория прибыли (Моим критикам) // Научное Обозрение (СПб). 1900. № 3. С. 607—633.

41. Современный промышленный кризис // Мир Божий (СПб). 1900. № 11. С. 1—18.

1901 г.

42. Предисловие: Леонтий Александрович Кириллов // Зомбарт В. Организация труда и трудящихся. (Пер. с нем). / Под ред. Л. А. Кириллова. С портретом В. Зомбарта и предисловием М. И. Туган-Барановского. СПб., 1901. VIII, 457 с. С. III—VI.

43. Очерки из истории политической экономии. Вступление. Что изучает политическая экономия? // Мир Божий (СПб). 1901. № 1. С. 1—26.

44. Очерки... Продолжение. Адам Смит // Мир Божий. 1901. № 2. С. 148—165.

45. Очерки... Продолжение. Промышленная революция // Мир Божий. 1901. № 3. С. 187—201.

46. Очерки... Продолжение. Школа Смита. Мальтус и Рикардо // Мир Божий. 1901. № 4. С. 66—95.

47. Очерки... Продолжение. Утописты Роберт Оуэн // Мир Божий. 1901. № 6. С. 139—153.

48. Очерки... Продолжение. Сен-Симон и сен-симонисты // Мир Божий. 1901. № 7. С. 62—82.

49. Очерки... Продолжение. Фурье // Мир Божий. 1901. № 9. С. 216—232.

50. Очерки... Продолжение. Сисмонди // Мир Божий. 1901. № 10. С. 134—161.

51. Очерки... Продолжение. Современное социально-политическое направление в Германии // Мир Божий. 1901. № 12. С. 179—197.

52. Очерки... Продолжение. Австрийская школа // Мир Божий. 1901. № 12. С. 201—218.

53. Стихотворение // Мир Божий. 1901. № 5. С. 134.

1902 г.

54. Очерки из истории политической экономии. Продолжение. Критики капиталистического строя. // Мир Божий. 1902. № 2. С. 77—100.

55. Очерки... Продолжение. Родбертус // Мир Божий. 1902. № 3. С. 160—180.

56. Очерки... Продолжение. Мальтус // Мир Божий. 1902. № 4. С. 145—164.

57. Очерки из истории политической экономии. Продолжение. Очерк VIII. Критики капиталистического строя. Маркс // Мир Божий. 1902. № 7. С. 160—190; № 8. С. 239—276. № 9. С. 98—134. № 10. С. 272—303.

1903 г.

58. Очерки из новейшей истории политической экономии. СПб., 1903. X, 434 с.

Очерки по новейшей истории политической экономии и социализма. 2-е изд. СПб., 1905. IV, 259 с.

Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 3-е изд. СПб., 1906. 270 с.

То же. 4-е изд. СПб., 1907. [4], 284 с.

То же. 5-е изд. Пг., 1916. [4], 256 с.

То же. 6-е изд. М., 1919. [4], 260 с.

То же. 7-е изд. Харьков, 1919. [4], 260 с.

59. Земский учитель в Лохвицком уезде (Письмо из Лохвицы) // Мир Божий (СПб). 1903. № 12. С. 33—37.

60. Докладная записка // Труды местных комитетов о нуждах сельского хозяйства и промышленности. Т. 32. СПб., 1903. Полтавская губерния. С. 469—472.

1904 г.

61. Что такое общественный класс // Мир Божий (СПб). 1904. № 1. С. 64—72.

62. Борьба классов как главнейшее содержание истории // Мир Божий (СПб). 1904. № 9. С. 242—259.

63. Крушение капиталистического строя как научная проблема // Новый Путь (СПб). 1904. № 10. С. 166—206.

Примеч. авт.: «Статья эта первоначально появилась в несколько ином виде на немецком языке в журнале "Archiv für Sozialwissenschaft"» (1904. № 2).

Изд. на нем. яз. Тюбинген—Лейпциг, 1904 (см. разд. 1.2).

64. Психические факторы общественного развития // Мир Божий (СПб). 1904. № 8. С. 2—28.

65. Мясные фабрики в Аргентине // Вестник Финансов, Промышленности и Торговли (СПб). 1904. № 32.

1905 г.

66. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 2-е изд. СПб., 1905. 259 с.

67. Теоретические основы марксизма. СПб., 1905. VIII. 160 с.

То же. 2-е изд. СПб., 1905. VI, 218 с.

То же. 3-е изд. СПб., 1906. IV, 2, 229 с.

То же. 4-е изд. М., 1918. VI, 195 с.

То же. Изд. на нем. яз. Лейпциг, 1905 (см. разд. 1.2).

68. Земельная реформа: Очерк движения в пользу земельной реформы и практические выводы. СПб., 1905. 205 с.

1906 г.

69. Национализация земли: Очерк движения в пользу национализации земли и практические выводы. 2-е, значительно дополненное и переработанное издание. СПб., 1906, IV, 180 с.

70. Социалистическое учение об эксплуатации труда // Мир Божий (СПб). 1906. № 3. С. 133—154.

71. Как осуществится социалистический идеал // Мир Божий (СПб). 1906. № 5. С. 166—189.

72. Что такое социализм? // Фридман М.И. О финансовом бойкоте. СПб., 1906. 222 с. С. 12—17.

73. Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма. 3-е изд., испр. и доп. СПб., 1906. 270 с.

74. Теоретические основы марксизма. 3-е изд. СПб., 1906. VI, 229 с.

75. Современный социализм в своем историческом развитии. СПб., 1906. 260 с.

То же. Изд. на нем. яз. Дрезден, 1908. 197 с. (см. разд. 1.2).

То же. Изд. на англ. яз. Лондон, 1910. VIII, 232 с. (см. разд. 1.2).

То же. Изд. на франц. яз. Париж, 1913. 246 с. (см. разд. 1.2).

То же. Изд. на укр. яз. Киев, 1920. 148 с. (см.: Сучасний соціалізм в історичнім своїм розвитку. Київ, 1920).

То же. Пер. на чешск. яз. Прага, 1927 (см. разд. 1.2).

То же. Изд. на англ. яз. Нью-Йорк, 1966. VIII, 232 с. (см. разд. 1.2)

То же. Изд. на нем. Вадуц (Лихтенштейн), 1977. 197 с. (см. разд. 1.2).
76. Национализация земли и выкуп // Украинский вестник (СПб). 1906. № 4. С. 212—221.

77. Проповедник национализации земли. М., 1906. 30 с¹. Проповедник национализации земли: Генри Джордж. Пг., 1917. 30 с.

78. Предисловие // Войтинский В.С. Рынок и цены. Теория потребления, рынка и рыночных цен. СПб., 1906. XVIII, 346, 8 с., табл. С. III—VI.

1907 г.

79. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исследование. Т. I. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. 3-е изд. СПб., 1907. IX. 562 с.

80. Очерки из истории политической экономии и социализма. 4-е изд. СПб., 1907. 284 с.

81. Лекция по политической экономии: Сокр. излож. СПб., 1907; VI, 354 с.

82. Лекция по политической экономии М.И.Туган-Барановского за 1906—1907 г. СПб.: Высшие женские курсы, 1907. 640 с.

83. Условия производства и торговли сахаром в 1906 г. // Вестник финансов, промышленности и торговли. 1907. № 33, 35.

1908 г.

84. Рецензия [на кн.:] Кулишер И.М. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. I. СПб., 1906. XXXIV, 676 с. // Журнал министерства народного просвещения (СПб). 1908. № I. С. 174—193.

85. Нравственное мировоззрение Достоевского // Вопросы Общественного воспитания (СПб). 1908. № I. С. 243—259.

86. То же под назв.: Три великих этических проблемы (нравственное мировоззрение Достоевского) // К лучшему будущему; Сб. СПб., 1912. 230 с. С. 9—29.

То же под назв.: Нравственное миросозерцание Достоевского // Приложение к брош.: Овсянко-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919. С. 1—18.

87. Методология политической экономии // Образование (СПб). 1908. № 12. С. 1—19.

1909 г.

88. Основы политической экономии. СПб., 1909. XII, 760 с.

То же. 2-е, перераб. изд. СПб., 1911. 512 с.

То же. 3-е, перераб. изд. Пг., 1915. IX [I], 593 с.; Рига, 1924. XI [I], 512 с.

Основы политической экономии. Повторительный курс по лекциям (конспект) М.И.Туган-Барановского (Применительно к экзаменационной программе Императорского Санкт-Петербургского университета). СПб., 1913. 128 с.

Основы политической экономии.

То же. 4-е, перераб. изд. Пг., 1917. VIII [I], 540 с.

То же. 5-е изд. Пг., 1918. VII [I], 540 с.

¹ Тираж конфискован цензурой.

То же. Пер. на чешск. яз. Прага, 1927 (см. разд. 1.2).

Основы политической экономии (фрагменты книги) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 76–78.

89. Производительные артели с точки зрения социальной политики (доклад к предстоящему в СПб. в 1910 г. съезду деятелей по кустарной промышленности) // Вестник кооперации (СПб). 1909. № 3. С. 3–15.

90. Предисловие: От редактора русского перевода // Бэм-Баверк Е. Капитал и прибыль: История и критика теорий процента на капитал / Авторизованный перевод со 2-го нем. изд. / Под ред. и с предисл. М.И.Туган-Барановского. СПб., 1909. С. 1.

91. Предисловие // Форлендер К. Кант и Маркс: Очерки этического социализма. СПб., 1909. VIII, 226 с. С. III–VIII.

92. Программа по политической экономии. СПб., 1909. 8 с.

93. Программа по политической экономии, составленная М.И.Туган-Барановским. СПб.: Тип. «Север», [1909]. 8 с.

94. Наши социальные контрасты // Речь (СПб). 1909. № 305.

95. Кооперация свободная, опекаемая и принудительная // Речь (СПб). 1909. № 342.

1910 г.

96. Экономическая жизнь. Итоги 1909 года // Речь (СПб). 1910. № 1.

97. Прежде и теперь [О поддержке марксистами кооперативного движения] // Речь (СПб). 1910. № 14.

98. Земельный вопрос на Западе и в России // Энциклопедический словарь братьев А. и И. Гранат. 7-е изд. Т. 21. С. 51–149. (библ. С. 147–149).

99. Земельный вопрос на Западе и в России. М., [1917]. 87 с.

100. Общественно-экономические взгляды Н.Г.Чернышевского. // Памяти Н.Г.Чернышевского: Сб. ст. СПб., 1910. С. 1–14.

То же // Труды ИВЭО. СПб., 1910. Т. 1. Вып. 1. Отд. 5. С. 1–14.

101. Социальная теория распределения // Русская Мысль (СПб), 1910. № 1. С. 100–114.

102. Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи») // Интеллигенция в России: Сб. ст. СПб., 1910. С. 235–258.

Русская интеллигенция и социализм (По поводу сборника «Вехи») // К лучшему будущему: Сб. ст. СПб., 1912. 230 с. С. 30–49.

103. Оживление промышленности // Речь (СПб). 1910. № 283 (15–28 октября).

104. Первый шаг // Речь (СПб). 1910. № 339. (10/23 декабря).

105. Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее // Современный Мир (СПб). 1910. № 12. С. 27–53.

106. Возрождение жизни // Речь (СПб). 1910. № 353. (24 декабря 1910/6 января 1911).

1911 г.

107. Хозяйственная жизнь [России в 1910 г.] // Речь (СПб). 1911. № 1.

108. Основы политической экономии. 2-е переработанное издание. СПб. 1911. XII. 512 с.

109. Борьба ведомств // Речь (СПб). 1911. № 20.

110. Еще о сельскохозяйственном банке: Ответ г.Хуторянину // Речь (СПб). 1911. № 27. (28 января/10 февраля).

111. Определение и классификация кооперативов // Вестник кооперации (СПб). 1911. № 2. С. 3—15.

112. Новая опасность для русской кооперации // Речь (СПб). 1911. № 54. (25 февраля. 10 марта).

113. О кооперации // Речь (СПб). 1911. № 58. (11 / 14 марта).

114. Торговый договор с Германией // Речь (СПб). 1911. № 323 (24 ноября 7 декабря).

115. Крепостная фабрика // Великая реформа: Русское общество и крестьянский вопрос в прошлом и настоящем: В 6 т. Т. 3. М., 1911. С. 139—154.

116. Неурожай и промышленный подъем // Речь (СПб). 1911. № 275. (7 / 20 октября).

То же: часть II // Речь (СПб). 1911. № 282. (14. 27 октября).

117. Современная промышленная конъюнктура // Речь (СПб). 1911. № 345. (20 декабря 1911).

118. Аграрный протекционизм и вздорожание сельскохозяйственных продуктов // Русский экспорт (СПб). 1911. № 2—3.

1912 г.

119. Война 1812 года и промышленное развитие России // Отечественная война и русское общество: В 5 т. Т. IV. М., 1912. С. 105—112.

120. Экономическая природа кооперативов // Вестник Кооперации (СПб). 1912. № 1. С. 3—18.

121. Ответ М.Л. Хейсину (О природе дохода кооперативных предприятий) // Вестник Кооперации (СПб). 1912. № 3. С. 59—62.

122. К лучшему будущему. СПб. 1912. 230 с. Сб. статей:

I. Этика и общественная жизнь:

- Три великих этических проблемы
- Русская интеллигенция и социализм
- Марксизм и народничество
- Кант и Маркс
- Книга Зомбарта о социализме
- Герцен и Чернышевский
- Генри Джордж как личность и общественный деятель

II. Кооперация:

- Экономическая природа кооперативов и их классификация
- Производственные артели с точки зрения социальной политики
- Кооперативная организация хлебной торговли
- Кооперация свободная, опекаемая и принудительная

III. Экономическая жизнь:

- Вздорожание жизни
- Состояние нашей промышленности за последнее десятилетие и виды на будущее
- Неурожай и промышленный подъем
- Чугунный голод и наша таможенная система
- Иностраные капиталы
- Казенный картель
- Съезды представителей промышленности и торговли
- Торгово-промышленное представительство
- Торговый договор с Германией
- Почему пало крепостное право

123. Народное хозяйство [России в 1911 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С. 217—234.

124. Рабочее движение // Ежегодник газеты «Речь» на 1912 г. СПб., 1912. С. 235—239.

125. Очерк развития мануфактурной промышленности в России. М., 1912. 23 с.

126. Ввоз и вывоз мануфактуры (К лекции М.И.Туган-Барановского 28 апреля 1912 г.). М., 1912. 25 с., вкл. табл.

127. Предисловие редактора // Труды экономического семинария под руководством М.И.Туган-Барановского при Юридич. ф-те Санкт-Петербургского ун-та. Вып. I: Книпович Б.Н. К вопросу о дифференциации русского крестьянства. СПб., 1912. 112 с. С. 3—4.

1913 г.

128. Предисловие редактора // Труды экономического семинария под руководством М.И.Туган-Барановского при юридическом ф-те Санкт-Петербургского ун-та. Выпуск II: Гвирицман А.М. Социология Уорда и ее отношения к социологическим построениям Маркса (Некоторые существенные моменты современного развития социологии и их связь с тенденциями развития экономической науки). СПб., 1913. 200 с. С. 3.

129. Народное хозяйство [России в 1912 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1913 г. СПб., 1913. С. 71—89.

130. Социалистические общины последователей Оуэна и Фурье // Вестник Европы (СПб). 1913. № 2. С. 179—197.

131. Социалистические общины нашего времени // Вестник Европы (СПб). 1913. № 3. С. 170—193.

132. Социальная теория распределения. Пер. на рус. яз. (Первоначально статья напечатана на нем. яз. в журнале «Annalen für Soziale Politik und Gesetzgebung». 3 Bd. 1913) // Известия С.-Петербургского политехн. ин-та императора Петра Великого. I. Отдел наук экономических и юридических Т. XX. СПб., 1913. С. 1—96.

133. Социальная теория распределения. СПб., 1913 [4], 96 с.

То же. Два изд. на нем. яз. Берлин. 1913 (см. разд. 1.2).

134. Общественно-экономические идеалы нашего времени. СПб., 1913. 100 с., 9 л. илл., портр.

То же. 2-е. перераб. и значит. дополненное изд. М., 1919. 128 с.

То же на укр. яз.: Шуканья нового світу. Про соціалістичні общини за наших часів. Київ. Дніпросоюз, 1919. 56 с. с портр.

То же. Пер. на нем. яз. Гота, 1921 (см. раздел 1.2).

136. Современные школы политической экономии в критическом освещении. I. Социально-политическое направление в Германии // Вестник Знания (СПб). 1913. № 1. С. 58—648; № 2. С. 147—154.

137. Предисловие к серии и первому выпуску // Новые идеи в экономике. Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Сб.1: Учение о распределении общественного дохода. СПб., Изд-во «Образование», 1913. 144 с. С. 1.

138. Кооперация и ее социальный смысл // Современная иллюстрация (беспл. приложение к газ. «Современное слово»). 1913. № 10. 29 окт. Тематический выпуск «Кооперация в России и на Западе». С. 145—147

139. Новый труд по экономической теории: О книге П.Струве «Хозяйство и цена». СПб., 1913 // Русское Богатство (СПб). 1913. № 10. С. 371—382.

140. О русском социализме // Речь (СПб). 1913. № 213.

141. Классовый характер сельскохозяйственной кооперации // Вестник Кооперации (СПб). 1913. № 7. С. 11–29.

142. Экономическая и социальная природа кооперативов // Курсы по кооперации / Под ред. А.А.Мануилова. М.: Мос. гор. нар. ун-т им А.Л.Шаняевского, 1913. XII. 239 с. С. 1–111.

143. Экономическая и социальная природа кооперативов. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шаняевского, 1913. 127 с.

144. Экономическая природа кооперативов и их классификация. 2-е, перераб. изд. М., 1914. [2]. 127 с.

То же (перераб) // Курсы по кооперации / Под ред. А.А.Мануилова. 2-е изд. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шаняевского, 1914. XII. 239 с. С. 1–111.

То же. Пер. на польск. яз. Варшава, 1918. V, 107 с. (см.разд. 1.2).

То же // Курсы по кооперации / Под ред. А.А. Мануилова. 3-е изд. М.: Мос. гор. нар. ун-т им. А.Л.Шаняевского. 1918. XII, 239 с. С 1–111

145. Предисловие [О трудовой колонии-общине] // Криничане. Четверть века «Криницы». Киев: Наше дело, 1913. [4]. VI, 495 с. С. 1–VI.

1914 г.

146. К нашей анкете: Ответ проф. М.И.Туган-Барановского // Украинская жизнь (М.). 1914. № 17. С. 15–16.

147. Экономическая борьба России с Германией // Речь (Пг). 1914. № 24.

148. Памяти И.И.Янжула // Речь (Пг). 1914. № 302.

149. Еще о природе кооперации: Ответ Е.Левину // Вестник Кооперации (Пг). 1914 № 8. С. 39–45.

150. Народное хозяйство [России в 1913 г.] // Ежегодник газеты «Речь» на 1914 г. СПб., 1914. С. 342–361.

151. Теория народонаселения при свете новых фактов // Новые идеи в экономике / Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914. С. 1–33.

152. Взгляды Каутского на вопросы народонаселения // Там же С. 34–71.

153. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб. 2: Теория народонаселения и мальтузианство. СПб., 1914. 154 с. С. 1.

154. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб. 3: Рационализация хозяйства. I. Пг., 1914. 148 с. С. 1.

155. Предисловие к выпуску // Новые идеи в экономике... Сб.4.: Возрождение жизни. Пг., 1914, 164 с. С. 1.

156. Подчиняется ли история общества законам развития // Новые идеи в экономике: Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Сб.5: Закономерность общественного развития. Пг., 1914. С. 108–125.

157. Книга гр. С.Ю.Витте // Речь (СПб). 1914. № 1 [О книге Витте С.Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве. СПб., 1912.]

158. Украинский народ в его прошлом и настоящем / Под редакцией профессоров О.К.Волкова, М.С.Грушевского, М.М.Ковалевского, академика О.Е.Корша, профессоров А.Е.Крымского, М.И.Туган-Барановского и академика А.А.Шахматова. Ч.II. Пг., 1916.

159. О причинах падения крепостного права в России // Речь (СПб). 1914. № 48.

160. Война и промышленность // Речь (Пг). 1914. № 321.

1915 г.

161. Основы политической экономии. 3-е переработанное издание. Пг., 1915. IX, 593 с.
162. Производительные артели // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. № 3. С. 2—39.
163. Ремесленная кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. № 4. С. 22—48.
164. Мелкобуржуазная кредитная кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. № 6. С. 23—44.
165. Классовая природа кооперации и принцип политического нейтралитета // Вестник Кооперации (Пг.). 1915. № 9—10. С. 3—27.
166. Витте и Бунге как министры финансов // Северные Записки. Пг., 1915. № 3. С. 146—153.
167. Война и народное хозяйство [России] // Чего ждет Россия от войны: Сб. ст. Пг., 1915. С. 5—23.
168. Влияние войны на народное хозяйство России, Англии и Германии // Вопросы мировой войны: Сб. ст. / Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Пг., 1915. С. 269—324.
169. Год войны в народнохозяйственном отношении // Ежегодник газеты «Речь» на 1915 г. Пг., 1915. С. 434—471.
170. Бумажные деньги и война // Речь (Пг.). 1915. № 6, 17. (17, 18/30, 31 января).
171. Возрождение жизни в Петрограде // Новый Экономист (Пг.). 1915. № 6.

1916 г.

172. Очерки из истории политической экономии и социализма. 5-е изд. Пг., 1916. 256 с.
173. Развитие производительных сил [России] // Речь (Пг.). 1916. (14/27 февраля). № 44.
174. Об экономическом развитии России // Речь (Пг.). 1916. № 91 (2/15 апреля).
175. Неужели правда? // Речь (Пг.). 1916. № 276 (7/20 октября).
176. Социальные основы кооперации. М., 1916. X, 521 с.
То же. 2-е изд. М., 1918. X, 498 с.
То же. 3-е доп. изд. М., 1919. X, 512 с.
То же. Пер. с рос. с 3-го доп. изд. Е.Шетир: Що таке кооперація. Київ, 1920. 512 с.
То же. 4-е доп. изд. М., 1922. 512 с.
То же. Изд 2-е (5-е). Берлин, 1921. X, 521 с.
5-е изд. [Перепечатано с 3-го доп. изд.]. М.: Экономика, 1989. 496 с. (Экон. наследие).
Пер. на польск. яз. Варшава, 1918 и 1923 (см. разд. 1.2).
Пер. на чешск. яз. Прага, 1930 (см. разд. 1.2).
Пер. на яз. иврит с сокр. Тель-Авив, 1937 (см. разд. 1.2).
То же (1-я глава) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века: Избранные произведения / Подгот. под рук. акад. Л.И.Абалкина. Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьмина. М.: Республика, 1994. 416 с. С. 189—202.
То же (Характер дохода кооперативных предприятий) [фрагменты из книги] // Творцы кооперации: Сб. / Сост. Л.А.Самсонов. М.: Московский рабочий, 1991. (Экономические чтения). С. 172—189.

177. Значение биржи в современном хозяйственном строе // Банковая Энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л.Н.Яснопольского. Т. II: Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. Биржевые сделки. Биржа и война. Киев: Изд-во Банковой Энциклопедии, 1916. 412 с. С. 24—39.

То же. 2-е изд. (без измен). Киев, 1917. С. 24—39.

1917 г.

178. Основы политической экономии. 4-е переработанное изд. Пг., 1917. VII[1], 540 с.

179. Проповедник национализации земли (Генри Джордж). Пг., 1917. 30 с.

180. Значение биржи в современном хозяйственном строе // Банковая Энциклопедия / Под общ. ред. проф. Л.Н.Яснопольского. Т. II: Биржа. История и современная организация фондовых бирж на Западе и в России. Биржевые сделки. Биржа и война. 2-е изд. Киев: Изд-во Банковой Энциклопедии, 1917. 412 с. С. 24—39.

181. Куда мы идем // Речь (Пг.). 1917. № 40 (11/24 февраля).

182. Бумажные деньги и металл. Пг., 1917. 168 с., с табл., диагр.

То же, 2-е посмертное изд. с изм. и доп. автора. Одесса, 1919. 132 с.

183. Русская революция и социализм. Пг., 1917. 32 с.

184. Русская кооперация и заем свободы. Пг., 1917. 16 с.

185. Федерализм і державний суверенітет // Новая Рада (Київ). 1917. № 168.

186. Военные займы в теоретическом освещении // Военные займы. Сб. ст. проф. М.В.Бернацкого, М.И.Боголепова, В.Р.Идельсона, проф. И.М.Кулишера, В.А.Мукосеева, проф. М.И.Фридмана / Под общ. ред. и с предисл. проф. М.И.Туган-Барановского. Пг.: Тип. «Правда», 1917. 194, 2 с. С. 5—25.

187. Русская революция, кооперация и социализм // Вестник Кооперации (Пг.). 1917. № 2—3. С. 3—14.

Русская революция, кооперация и социализм // Фермер. 1990. № 1. С. 21—25 (Выдержки из статьи).

188. Всероссийский кооперативный съезд // Вестник Кооперации (Пг.). 1917. № 2—3. С. 99—102.

189. М.М.Ковалевский как человек // М.М.Ковалевский. Ученый, государственный и общественный деятель и гражданин: Сб. ст. Пг., 1917. С. 51—53.

190. Откуда берутся деньги для войны. Пг.: Тип. «Правда», 1917. 40 с.

191. Предисловие // Ишханян Б. Развитие милитаризма и империализма в Германии (историко-экономическое исследование). Пг., 1917. XI, 352 с. С. I—XI.

1918 г.

192. Теоретические основы марксизма. 4-е изд. М., 1918. VI, 195 с.

193. Основы политической экономии. 5-е изд. Пг., 1918. VII[1], 540 с.

194. Социальные основы кооперации. 2-е изд. М., 1918. X, 498 с.

195. Социализм как положительное учение. Пг., 1918. 133 с.

Социализм как положительное учение (фрагменты) // Диалог. 1990. № 4. С. 52—62.

То же (фрагменты) // Вопросы экономики. 1990. № 2. С. 73—83.

То же (глава «Социалистический строй будущего») // Молодой коммунист. 1990. № 3. С. 59—65.

То же (отд. главы книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века: Избранные произведения. / Подгот. под рук. акад. Л.И.Абалкина; Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьмина. М.: Республика, 1994. 416 с. С. 202—250.

196. Величайшая в мире коммунистическая организация (община дубоборов). М., 1918. 40 с.

197. Земельная реформа и кооперация // Вестник Кооперации (Пг.). 1918. № 1—2. С. 3—24.

198. Земельная реформа и кооперация. Тверь, 1918. 23 с.

199. Русская земельная реформа и кооперация // Вестник кооперативных союзов (М). 1918. № 1.

200. Крестьянская кооперация на Западе. Тверь, 1918. 24 с.

201. О кооперативном идеале // Вестник кооперативных союзов (М). 1918. № 1. С. 1—22.

О кооперативном идеале. М., 1918. 16 с.

Кооперативний ідеал. Київ. Всеукраїнськ. коопер. видавн. союз, 1918. 16 с.

О кооперативном идеале // Экономические науки. 1989. № 4. С. 50—55.

202. Остання мета кооперації // Українська Кооперація (Київ). 1918. № 1.

203. Невікладна справа // Нова Рада (Київ). 1918. № 133.

204. Продукційні підприємства кооперативів з точки погляду кооперативної теорії // Українська Кооперація (Київ), 1918. № 2.

То же (Отд. изд). Київ, 1918. 13 с.

205. О новых книгах: В.П.Гайдебурова «Социальная природа прибыли» и К.А.Пажитнова «История кооперативной мысли» // Вестник Кооперации (Пг.). 1918. № 3—4. С.144—149 и С. 149—151.

206. Грошова криза української кооперації // Українська Кооперація. 1918. № 4. С. 1—11.

207. Виступлення на III Всеукраїнском кооперативном съезде в Києве // Центральній Українській Кооперативній зїзд у Києві. Протоколи засіданій, доклади, постанови та інші матеріали. Київ, 1918. (М.И.Туган-Барановский: С. 18, 79—80).

208. Чем потрібні Україні свої національні кооперативні центри? // Кооперативна зоря. Київ. 25 септембра 1918. № 13—14. С. 3—7.

1919 г.

209. Очерки из истории политической экономии и социализма. 6-е изд. М., 1919. 260 с.

210. Очерки из истории политической экономии и социализма. 7-е изд. Харьков, 1919. 260 с.

211. Нравственное мировоззрение Достоевского // Прилож. к брош.: Овсянко-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919.

212. В поисках нового мира. Социалистические общины нашего времени. 2-е переработанное и значительно дополненное издание. М., 1919. 128 с.

213. То же на укр. яз.: Шукання нового світу. Про соціалістичні общини за наших часів. Київ. 80 с.

214. Бумажные деньги и металл. «2-е, посмертное изд. с изменениями и дополнениями автора». Одесса, 1919. 132 с.

215. Социальные основы кооперации. 3-е дополненное изд. М., 1919. 512 с.

216. Политическая экономия: курс популярный. Киев, 1919. 207 с.

217. Політична економія (наука про народні господарство): Курс популярний. З оригіналу переклав О.Варава. Видання Дніпровського

Союзу споживчих союзів України. Київ, 1919. 194[2] с. с вкл. табл., 1 портр.

То же. Прага, 1927.

То же. Київ, 1994.

218. Кооперація, соціально-економічна природа її та мета. Київ, 1919.

То же, 2-е изд. Львів, 1936.

219. Кооперація в сучасну світову епоху // Українська Кооперація (Київ). 1919. № 2.

1920 г.

220. Роберт Оуэн. Одесса. 1920. 16 с. (Глава из «Очерков из новейшей истории политической экономии и социализма». 6-е изд. М., 1919).

221. Сучасний соціалізм в історичнім своїм розвитку. Київ: Дніпро-союз, 1920. 148 с.

221а. Що таке кооперація / Пер. с рос. Е.Шетир. К.: Київськ. кооп. обл. спілка, 1920. 512 с.

1921 г.

222. Социальные основы кооперации. Изд. 2-е. Берлин, 1921.

1922 г.

223. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX в. (4-е изд). «Перепеч. с 3-го изд., вышедшего при жизни автора». М., 1922. IV, 424 с.

224. Социальные основы кооперации. 3-е доп. изд. (перепеч. с изд. 1919 г.). М., 1922.

1923 г.

225. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 4-е изд. Пг.—М., 1923. VII[3], 430 с., 18 диагр.

226. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. 5-е изд. Смоленск, 1923. VII[3], 430 с., 18 диагр.

227. Вплив ідей політичної економії на природознавство та філософію // Записки Української академії наук. Т. I. Київ, 1923. С. 1—36.

1924 г.

228. Основы политической экономии. 3-е (перепечатано со 2-го) изд. Рига, 1924. XI[1], 512 с.

1925 г.

229. Русская фабрика в прошлом и настоящем: Ист.-экон. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке (фрагменты) // Хрестоматия по истории рабочего класса и профессионального движения в России. Ч. 1. (Статьи М.Балабанова, М.Гордона, В.И.Ленина, К.А.Пажитнова, Г.В.Плеханова, М.И.Туган-Барановского и др). Л., 1925. С. 31—35, 76—82, 91—93, 93—96 и др.

230. Влияние идей политической экономии на естествознание и философию / Предисл. секретаря соц.-экон. отд. Укр. акад. наук акад. М.Птуха. Київ: Друк. Укр. акад. наук, 1925. 40 с., 1 л. фронт., (портр). Укр. акад. наук: Сб. Соц.-экон. отд. № 2. С. 5—40.

Влияние идей политэкономии на естествознание и философию (фрагменты) // Экономика и математические методы. 1989. № 5. Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 9—10. С. 112—131.

1926 г.

231. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. (5-е изд.). Перепеч. с 3-го изд., вышедшего при жизни автора. Харьков, 1926. IV, 448 с.

232. Кооперация // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 25. М., 1926. С. 111–139.

1929 г.

233. Фабричная промышленность // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Т. 42. М., 1929–1930. С. 598–627.

1934 г.

234. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Ист.-экон. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Изд. 6-е. Перепеч. с 3-го изд. с прим. редакции. М.–Л., 1934. IV, 436 с.

1936 г.

235. Кооперация, соціально-економічна природа її та мета. Друге видання. Текст зредагував і новішими даними доповнив др. Карло Коберський. Львів, 1936. 143 с.

1938 г.

236. Русская фабрика в прошлом и настоящем. Историко-экономич. исслед. Т. 1. Историческое развитие русской фабрики в XIX веке. Изд. 7-е. Предисл. С.Заводник. М., 1938. 460 с., 1 вкл.

1989 г.

237. О кооперативном идеале // Экономические науки. 1989. № 4. С. 50–55. (текст второй главы V отдела книги «Социальные основы кооперации» 3-го изд.).

238. Влияние идей политэкономии на естествознание и философию // Экономика и математические методы. 1989. № 5.

239. Социальные основы кооперации ([5-е изд.]. перепеч. с 3-го изд.) / Предисл., коммент.: Булочникова Л.А., Сорвина Г.Н., Субботина Т.П. М., Экономика, 1989. 486 с. (Серия «Экономическое наследие»).

1990 г.

240. Социализм как положительное учение // Вопросы экономики. 1990. № 27 С. 73–83. (фрагм. из кн.).

241. Русская революция, социализм и кооперация // Фермер. 1990. № 1. С. 21 (выдержки из статьи).

242. Социалистический строй будущего (глава из книги «Социализм как положительное учение») // Молодой коммунист. 1990. № 3. С. 59–65.

243. Социализм как положительное учение (фрагм. книги) // Диалог. 1990. № 4. С. 58–63.

244. Выступление на собрании Петербургского (Петроградского) религиозно-философского общества 26 ноября 1914 г. (Публикация Татарниковой С. Н.) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 73–76.

245. Основы политической экономии (фрагменты книги) // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 76–78.

1991 г.

246. Характер дохода кооперативных предприятий (из книги «Социальные основы кооперации») // Творцы кооперации: Сб. / Сост. Л.А.Сам-

сонов. М.: Московский рабочий, 1991. (Экономические чтения). С. 172–189.

1993 г.

247. Труд и предельная полезность как факторы ценности // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 5. Экономика. СПб., 1993. Вып. 2. С. 115–118. Рез. англ.

1994 г.

248. Русская революция и социализм // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века / Избранные произведения: Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С. 172–189.

249. Социальные основы кооперации (фрагменты книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века / Избранные произведения: Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С. 189–202.

250. Социализм как положительное учение (фрагменты книги) // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX – начала XX века / Избранные произведения: Сост. и вступит. статья Я.И.Кузьминова. М., 1994. 416 с. С. 202–251.

251. «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» (Письма М.И.Туган-Барановского к П.Б.Струве. Публикация и предисловие Д.М.Туган-Барановского) // Вопросы экономики. М., 1994. № 3. С. 128–136 (Письмо относ. к 1899–1905 гг.).

252. Політична економія: Курс популярний. Київ: Наукова думка, 1994.

1996 г.

253. К лучшему будущему: Сб. социально-философских произведений / Предисл. К.В.Сорвина. Библиогр. трудов М.И.Туган-Барановского и работ, оценивающих его творчество, с. 438–495. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1996. 528 с.

254. Этика и общественная жизнь (фрагменты книги «К лучшему будущему». СПб., 1912) // М.И.Туган-Барановский. К лучшему будущему: Сб. социально-философских произведений / Предисл. К.В.Сорвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1996–528 с. С. 17–82.

255. Утопический и критический социализм (фрагменты книги «Очерки из новейшей истории политической экономии и социализма». 7-е изд. Харьков, 1919. [4], 260 с) // М.И.Туган-Барановский. К лучшему будущему: Сб. социально-философских произведений / Предисл. К.В.Сорвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 528 с. С. 83–254.

256. Социализм как положительное учение // М.И.Туган-Барановский. К лучшему будущему / Сб. социально-философских произведений. Предисл. К.В.Сорвина. М., «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН). 1996. 528 с. С. 255–437.

1997 г.

257. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи: Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее; Народное хозяйство России в 1913 г.; Иностранные капиталы / Сост., предисл. Г.Н.Сорвиной. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»).

258. Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее // М.И.Туган-Барановский. Избранное. Пе-

риодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи / Сост., предисл. Г.Н.Сорвиной. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С. 487–512.

259. Народное хозяйство [России в 1913 г.] // М.И.Туган-Барановский. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи / Сост., предисл. Г.Н.Сорвиной. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С.513–529.

260. Иностраннe капиталы [в России] // М.И.Туган-Барановский. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи / Сост., предисл. Г.Н.Сорвиной. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С. 530–532.

1.2. Труды, изданные за рубежом

261. Arbeiterschutzgesetzgebung in Russland // Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Bd. 2. Leipzig: Conrad, 1896.

262. Die sozialen Wirkungen des Handelskrisen in England // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. 1898. XII.

263. Geschichte der russischen Fabrik. Von M.Tugan-Baranovsky. Vom Verfasser rev. deutsche Ausgabe von Dr. B.Minzes // Sozialgeschichtliche Forschungen. Ergänzungshefte zur Zeitschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte. Hrsg. von Dr. Stepan Bauer und Dr. Ludo Moritz Hermann. Hft. 5·6. 1900.

264. Geschichte der russischen Fabrik. Von M.Tugan-Baranovsky. Vom Verfasser rev. deutsche Ausgabe von Dr.Minzes (Gesamt. Tuteblatt: Sozialgeschichtliche Forschungen... Hft. 5/6). Berlin: Felber, 1900. VI, 626 S; II. Tab.

265. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England, von Dr. Michael von Tugan-Baranovsky. Jena: G.Fischer, 1901. VIII, 425 S. mit ill.; 6 Bl. diagr.

266. Der Zusammenbruch der kapitalistischen Wirtschaftsordnung im Lichte der nationalökonomischen Theorie // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd.19. Leipzig, 1904. № 2.

267. Theoretische Grundlagen des Marxismus. Leipzig, 1905. VIII, 239 S.

268. Subjektivismus und Objektivismus in der Verteilung // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 22. Tübingen, 1906. S. 557–564.

269. Der moderne Sozialismus in seiner geschichtlichen Entwicklung. Dresden: D.V.Bohmert, 1908. IV, 197 S.

270. Gesunder Menschenverstand und wissenschaftliche Wahrheit (Erwiderung auf: Mathematische Formeln gegen Karl Marx. Von L.B.Voudin. Die Neue Zeit. 1907. XXV. S.524, 557, 603) // Die Neue Zeit (Stuttgart, J.Dietz). 1908. № 19. S. 640–658.

271. Modern Socialism in its Historical Development. Translated from rus. by M.I.Redmount. London, 1910. VIII, 232 p.

272. Kant und Marx // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 33. Leipzig; Tübingen, 1911.

273. L'évolution historique du socialisme moderne / Traduit par Joseph Schapiro. Paris: M.Riviere, 1913. 246 p.

274. Soziale Theorie der Verteilung // Annalen für soziale Politik und Gesetzgebung. 3 Band. Heft 5-6. Berlin, 1913.

275. Soziale Theorie der Verteilung. [Sonderdruck aus Annalen für soziale Polit. und Gesetzgebung. 3 Bd. Hft. 5–6] Berlin: J. Springer, 1913. 82 S.

276. Les crises industrielles en Angleterre. Par Michel Tugan-Baranovsky. Traduit sur la 2-e éd. russe, révisée et augm. par l'auteur, par Joseph Schapiro. Paris: M.Giard et Brière. 1913. VII, 476 p. [Bibliothèque intern. d'Economie politique].

277. Społeczne zasady kooperacji (Przetozil J.Hempel). Warszawa: Związku Polskich Stowarzyszen Spoziwcow, 1918. XIV, 1, 438 S.

278. Społeczno-economiczna zasada kooperacji. Przetozili s II wydania J.Hempel i M.Orsetti. Warszawa: Związku Polskich Stowarzyszen Spoziwcow, 1918. V, 107 S.

279. Stowarzyszenia wytworcow i stowarzyszenia pracy (Przeklad s rosyjskiego). Z przedmowa M.Orsetti i projektem statu Stowarzyszenia pracy. Warszawa, Lublin: Książka, 1919. IV, 68, 2, 1 S.

280. Sozialistische Kolonien / Пер. на яз. иврит. New York, 1919. 80 p.

281. Cooperation / Пер. на яз. иврит. Киев, 1920. 32 p.

282. Die Kommunistische Gemeinwesen der Neuzeit. Gotha, 1921. V, 70 S.

283. Społeczne zasady kooperacji (Przetozil J.Hempel). Warszawa: Związku Polskich Stowarzyszen Spoziwcow, 1923.

284. Zaklady politicke ekonomie / Z predmovu J.Masaricka. Praha, 1927.

285. Moderní socialism ve svém historickem vyvoji. Praha, 1927.

286. Политична економія (наука про народні господарство). Курс популярний. С предмовоу Я.Масарика. Прага: Укр. господарський видавничі союз. 1927.

287. Socialni Zaklady Druzstevnictvi. Praha, 1930.

288. Промышленные кризисы в Англии / Пер. на япон. яз. с франц. Нихосэ ранся, 1931.

289. Социальные основы кооперации / Пер. на яз. иврит с сокр. Тель-Авив, 1937.

290. Periodic Industrial Crises [Reprint from Periodicheskie promyshlennye krisisy. 3 rd ed. St-Petersburg. 1914. Part II. The Theory of Crises. Chapters I–VI] // The Annals of the Ukrainian Academy of Arts and Sciences in the US. New York. Spring 1954. Vol. III. № 3(9). P. 745–802.

291. Modern Socialism in its Historical Development. Translated from rus. by M.I.Redmount. London, 1910. Reprinted: New York: Russel and Russel, 1966. VIII. 232 p.

292. Studien zur Theorie und Geschichte der Handelskrisen in England. Von Dr. Michael von Tugan-Baranovsky. Neudruck der Ausg. Jena, 1901. Aachen: Scientia-Verlag, 1969.

293. Russian factory in 19-th century. Translated by Arthur Levin and Gloria S.Levin under the supervision of Gregory Grossman etc. Homewood, II, 1970. Published for the American Economic Association by Richard D. Irwin Inc.; Georgetown, Ont.: Irwin-Dorsey Ltd., 1970. XVII, 474 p. [The Am. Economic Association translation series].

294. Исследование теории и истории промышленных кризисов в Англии / Пер. на япон. яз. с нем. Пеликан. 1972.

295. Der moderne Sozialismus in seiner geschichtlichen Entwicklung. Unveränderter Neudruck der Ausgabe. Dresden: D.V.Bomert, 1908. Vaduz / Lichtenstein: Topos, 1977. 197 S.

296. Graziani A., Graziosi A. edit. M.I.Tugan-Baranovsky. Cartamoneta et Metallo. Kondratiev N.D. M.I.Tugan-Baranovsky. Naples, 1987.

1.3. Издания, вышедшие под редакцией М.И.Туган-Барановского

1.3.1. Журналы и неперiodические продолжающиеся издания

297. Вопросы обществоведения. Орган академической и научной жизни. Под ред. М.И.Туган-Барановского и П.И.Люблинского. — Вып. 1—3. СПб., 1908—1911. Вып. I. — 1908; Вып. II — 1910; Вып. III — 1911.

298. Вестник Кооперации. Журнал. СПб. — Пг., 1909—1918.

299. Российская экспортная палата // Труды комиссии по пересмотру торгового договора с Германией / Под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. — Вып. I—V. СПб., 1912.

300. Новые идеи в экономике. Непериодическое издание, выходящее под ред. проф. М.И.Туган-Барановского. Сб. 1—6. СПб. — Пг.: изд. «Образование», 1913—1914.

301. Сб. 1. Учение о распределении общественного дохода. Предисл. к серии и выпуску. 1913. 144 с.

302. Сб. 2. Теория народонаселения и мальтузианство. Предисл. к вып. 1914. 154 с.

303. Сб. 3. Рационализация хозяйства. 1. Предисл. к вып. 1914. 148 с.

304. Сб. 4. Вздoroжание жизни. Предисл. к вып. 1914. 164 с.

305. Сб. 5. Закономерность общественного развития. Предисл. к вып. 1914. 140 с.

306. Сб. 6. Теория денег Кнаппа. 1914. 142 с.

307. Українська кооперація. Київ, 1918—1919.

1.3.2. Переводы и сборники статей

308. Джордж Генри. Прогресс и бедность. Исследование причины промышленных застоев и бедности, растущей вместе с ростом богатства. Средство избавления. Пер. с англ. С.Д.Николаева, проверенный М.И.Туган-Барановским. СПб., 1896. (2). II, 425, III с.

309. Керн Д.Е. Основные принципы политической экономии. Ценность. Международная торговля. Перевод и введение М.И.Туган-Барановского. М., 1897.

310. Блондель Жорж. Торгово-промышленный подъем Германии. Пер. с франц. с приложением статьи Г.А.Чернявского «Результаты промышленной переписи Германской империи». СПб., 1900. (2), 294 с.

311. Рабочая кабала в Англии. Причины этого экономического зла и меры к его устранению. Пер. с англ. А.Яновского. СПб., 1900. 40 с.

312. Зомбарт В. Организация труда и трудящиеся. Пер. с немецкого с предисловием М.И.Туган-Барановского. СПб., 1901.

313. Законодательная охрана труда. Статьи из Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Пер. с нем. СПб., 1901. 320 с.

314. Бэм-Баверк, Евгений. Капитал и прибыль. История и критика теорий процента на капитал. Авториз. перев. со 2-го нем. изд. Л.И.Фоберта. Под ред. и с предисл. М.И.Туган-Барановского. 1909. (2) VIII (2), 644 с.

315. Предисловие к изданию книги К.Форлендера «Этический социализм». СПб., 1909.

316. Украинский народ в его прошлом и настоящем / Ред. совм. с М.С.Грушевским и М.М.Ковалевским. Т. 1—2. Киев, 1914.

317. Вопросы мировой войны. Сб. статей. В сб. принимали участ. акад. В.М.Бехтерев, проф. М.И.Богомолов, проф. Н.Н.Зелинский,

проф. М.М.Ковалевский, проф. А.П.Лихачев, проф. Е.В.Тарле, проф. Чупров и др. (27 авт.). Пг., 1916. 675 с.

318. Военные займы. Сб. статей. Пг.: тип. «Правда», 1917. — 196 с.

1.3.3. Популярныя изложения трудов М.И.Туган-Барановского

319. Юровский Л. Теория политической экономии: Краткий курс по лекциям проф. М.И.Туган-Барановского. Под псевд. перед загл. инициалы Л.Ю. СПб., 1908. 79 с.

320. Нижерадзе Е.Д. Проверочные вопросы по политической экономии по курсу М.И.Туган-Барановского. СПб., 1910. 31 с.

321. Горжевский М., Вашкович И. Краткий курс политэкономии по М.И.Туган-Барановскому. Бендеры: Труд, 1912. 245 с.

322. Ц.З. Краткий курс политической экономии, составленный применительно к программе К[иевского] К[оммерческого] и [института] по курсам политической экономии профессоров М.И.Туган-Барановского, В.Я.Железнова, А.И.Чупрова, А.А.Исаева и др. Киев, 1913. IV. 158 с.

323. Дорфман А. Краткий курс политической экономии / Попул. изд. «Основ политической экономии» проф. М.И.Туган-Барановского. Одесса. 1919. [4], 114, 1 с.

324. Левин М.А. Русская фабрика в прошлом (По М.Туган-Барановскому, в попул. изд. М.Левина: Пособие для парт. школ и самообразования). Пг.: Полит. отд. 7-й армии, 1920. 50 с.

325. Залкинд. История русской фабрики (По Туган-Барановскому). М.: Главполитпросвет, изд-во «Красная новь», 1923. 56 с.

2. БИОБИБЛИОГРАФИЯ — ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ М.И.ТУГАН-БАРАНОВСКОГО

2.1. Общебиографические работы о М.И.Туган-Барановском

2.1.1. Книги и статьи

Анциферов А.Н. М.И.Туган-Барановский. Харьков, 1919. 6 с.

Авалиани С. Туган-Барановский как теоретик кооперации. Одесса, 1919. 8 с.

Кондратьев Н.Д. Михаил Иванович Туган-Барановский. Пг., 1923. 127 с.

Воблий К. Академик М.И.Туган-Барановский // Зап. соц.-экон. відділу Укр. АН. Т. 1. Київ, 1923. С. III — VII.

Gringauz S. Dr. M.I.Tugan-Baranovsky und seine Stellung in der theoretischen Nationalökonomie. Kowno, 1918; Riga, 1928.

Мицюк О.К. Наукова діяльність політико-економіста М.И.Туган-Барановського. Львів, 1931, 38 с.

Качор А. Михайло И.Туган-Барановський на службі науки й свого народу (До 50-річчя смерті світової слави економіста і кооперативного діяча). Вінніпег, 1969. 26 с.

Коваль Л. М.И.Туган-Барановский, життя і наукова діяльність. До 50-річчя з дня смерті // Сучасність. 1969. № 4. С. 82—97; № 5. С. 93—102; № 6. С. 104—116.

Нове А. M.I.Tugan-Baranovsky // History of Political Economy. 1970. № 3. P.246—262.

Булочникова Л.А., Сорвина Г.Н., Субботина Т.П. М.И.Туган-Барановский и его книга «Социальные основы кооперации» // Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 5—40.

Королькова Е. (Из нашей родословной) Туган-Барановский: «Социализм начинается с человека» // Социалистическая индустрия. 1989. № 286.

Булочникова Л., Сорвина Г., Субботина Т. Кооперация и социализм // Книжное обозрение. 1989. № 47. С. 5.

Королькова Е. Ему было что сказать // Диалог. 1990. № 4. С. 55–58.

Субботина Т.П. Модель социализма М.И.Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1990. № 2. С. 81–83.

Горкина Л.И. Михайло Иванович Туган-Барановский – мыслитель, ученый, громадянин // М.И.Туган-Барановський. Політична економія: Курс популярний. Київ, 1994. С. 3–55.

Сорвина Г.Н. Экономист серебряного века (Предисловие) // М.И.Туган-Барановский. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов; Статьи: Состояние нашей промышленности за десятилетие 1900–1909 гг. и виды на будущее. Народное хозяйство [России в 1913 г.]. Иностранные капиталы. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С. 3–48.

2.1.2. Некрологи

Билимович А., проф. // Россия (Одесса). 1919. 24 (11) янв.

Швиттау П. // Одесский листок (Одесса). 1919. 24 (11) янв.

Ефремов П. // Українська кооперація (Київ) 1919. № 2.

Косинский В., проф. // Одесский листок (Одесса). 1920. 21 (8) янв.

Овсянко-Куликовский Д.Н. Незабвенной памяти М.И.Туган-Барановского. Одесса, 1919. 16 с. (С прил. ст. М.И.Туган-Барановского «Нравственное мирозерцание Достоевского»).

Овсянко-Куликовский Д.Н. Памяти М.И.Туган-Барановского. // Воля России. Одесса, 1923. № 14. С. 49–52.

Любимов Л. Михаил Иванович Туган-Барановский // Мысль. 1919. № 10. С. 343–349.

2.1.3. Статьи о М.И. Туган-Барановском в отечественных энциклопедических изданиях

Без указ. автора // Энциклопедический словарь Ф.А.Брокгауза и И.А.Ефрона. СПб., 1902. Т. XXXIV. С. 30–31.

Без указ. авт. // Малый энциклопедический словарь. 2-е изд., вновь перераб., значит. доп. Издание Брокгауз-Ефрон. СПб., 1909. Т. II. Вып. IV. С. 1792.

Солнцев С. // Энциклопедический словарь Русского библиографического института Гранат. 7-е изд. Москва, 1929–1930. Т.41. Ч. IX. С. 490–495.

Блюмин И. // Малая Советская Энциклопедия. М., 1932. Т. 8. С. 990.

Без указ. авт. // МСЭ. 2-е изд. М., 1939. Т. 9.

Удальцов И.Д. // Большая Советская Энциклопедия. М., 1947. Т. 55. С. 118–119.

Без указ. авт. // БСЭ. 2-е изд. М., 1956. Т. 43. С. 360.

Без указ. авт. // Энциклопедический словарь: В 3 т. Т. 3. М., 1955. С. 441.

Без указ. авт. // МСЭ. 3-е изд. М., 1960. Т. 9. С. 553.

Без указ. авт. // Українська Радянська Енциклопедія. Київ, 1963. Т. 14. С. 582–583.

Рыбаков Ю.Я. // Советская Историческая Энциклопедия. М., 1973. Т. 14. С. 494–495.

Без указ. авт. // БСЭ. 3-е изд. М., 1977. Т. 26. С. 287–288.

Писаренко Э.Е. // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. М., 1980. Т. 4. С. 205.

Без указ. авт. // Советский энциклопедический словарь. М., 1980. С. 1371.

Без указ. авт. // Украинская Советская Энциклопедия. Киев, 1984. Т. II. С. 286.

Без указ. авт. // Енциклопедія українознавства: Словникова частина. Львів: Молоде життя, 1955–1984. К.: Глобус, 1993. Т. 2. С. 620–621.

2.1.3. Статті о М.И.Туган-Барановском в зарубіжних енциклопедических виданнях

Handwörterbuch der Staatswissenschaften. Vierte Auflage. Bd. VIII. Jena, 1928. S. 331–332.

Без указ. авт. // Українська загальна енциклопедія. Книга знання в 3-ох томах. Під головн. ред. І.Раковського. Львів–Станіславів–Коломия: «Рідна школа», 1930. Т. 3. С. 366.

Nordisk Familjebok. T. 19. Stokholm, 1933. S. 748–749.

Der Grosse Brockhaus. Bd. 19, Leipzig, 1934. S. 166–167.

Enciclopedia Italiana. V. XXXIV. Roma, 1937. P. 469.

Svensk Uppslagsbok. Bd. 29. Malmo, 1951, S. 1132–1133.

Der Grosse Brockhaus. Bd. 19. Wiesbaden, 1957. S. 677.

Dr. Gablers Wirtschafts-Lexikon. 2 Auflage. Bd. 2. Wiesbaden, 1958. S. 2922–2923.

Uj Magyar Lexikon. V. 6. Budapest, 1959. P. 516.

Handwörterbuch der Sozialwissenschaften. Bd.X. Stuttgart, 1959. S. 421–422.

Grande Dizionario Enciclopedico. V. XII. Torino, 1962. P. 776.

Grande Enciclopedia Vallardi. V. XV. Milano, 1962. P. 345.

Encyclopedia of the Social Sciences. Editor-in-chief Edwin R.A.Seligman. Associate editor Alvin Johnson. V. 15. New York, 1962. P. 128–129.

Meyers Neues Lexikon. Bd. 8. VEB Bibliographisches Institut. Leipzig, 1964. S. 201.

Lexicon politicke economie. Dr. Adolf Dragecevic. Drugi svezak. T. 2. Zagreb, 1965. S. 428–429.

Der Neue Herder. Bd. 6. Herder Freiburg; Basel; Wien, 1966. S. 402.

International Encyclopedia of the Social Sciences, Vol. 16. New York: MacMillan and Free Prees, 1968. P. 164–167.

Der Grosse Duden-Lexikon. Bd.8. Bibliographisches Institut, Mannheim, 1968. S. 232.

Encyclopedie van de Bedrijfseconomie. Deel I. Algemene economie. Bussum, 1969. S. 352.

Diccionario enciclopedico Salvat Universal. Vol. 20. Barcelona (España), 1969. P. 31.

Alfabetische Catalogus van de Boeken en Bruchures van het. Deel II. Internationale Institut voor Sociale Geschiedenis. Amsterdam, 1970.

Ökonomisches Lexikon. Berlin, 1970. Bd. 2. S. 852.

Ікономическа енциклопедія: В два тома. С. 2. Софія. 1972. С. 545.

Der Neue Reader's Digest Brockhaus in 2 Bänden. Bd.2. Stuttgart; Zürich; Wien, 1973. S. 1288.

Grote Winkler Prins. Encyclopedie in twintig delen. Nu Nieuwe druk. Deel 18. Amsterdam; Brussel, 1974. Blz. 492.

Речник по политическа икономика. София: Партиздат, 1975. С. 690 – 691.

Lexikothek. Das Bertelsmann Lexikon. Bd. Berlin, 1977. S. 42.

Meyers Enzyklopadisches Lexikon. Bd. 23. Bibliographisches Institut. Mannheim; Wienn; Zürich, 1978. S. 811.

Ökonomisches Lexikon. 3. neu bearb. Auflage. Bd. 3. Berlin, 1980. S. 354 – 355.

Meyers Grosses Taschen-Lexikon. Bd. 22. Mannheim; Wien; Zurich, 1981. S. 267.

Мала унциклопедия «Просвета». С. 3. Београд. 1978. С. 427.

TTV-Brockhaus-Lexikon. Bd. 18. München, 1982. S. 326.

Der Brockhaus in zwei Bänden. Bd. 2. Wiesbaden, 1984. S. 524.

Economicka encyclopedia. T. 2. Praha: Svoboda, 1984. S. 534.

Речник по политическа икономика. Второ перераб. и дъпълнено изд. София, Партиздат, 1984. С. 47 – 49.

Enciclopedia Alfabetica. En 10 volumenes. V. 10. Barcelona, 1985. P. 3956.

Grande Enciclopedia. V. XIX. Novara, 1987. P. 539.

Who's who in economics. A biographical Dictionary of Major Economists 1700 – 1981 / Ed. by Mark Blaug and Paul Sturges. Brighton: Unwin Brs. Ltd., 1983. (435p). P. 377.

Ibid... 1700 – 1986. 2-nd ed. Ed. by Mark Blaug. Brighton: Wheatsheaf Books Ltd. 1987. (936 p). P. 843.

The New Palgrave. A dictionary of economics / Ed. by John Eatwell Murzas Milgate, Peter Newman. Vol. 4. London. 1987. P. 705 – 706.

2.2. Рецензии на работи М.И.Туган-Барановского, анализ его научных концепций, дискуссии

1896 г.

Михайловский Н. О статье М.И.Туган-Барановского «Значение экономического фактора в истории» // Русское Богатство (СПб), 1896. № 2, 3.

Михайловский Н. Литература и жизнь // Русское Богатство (СПб). 1896. № 4. С. 115 – 138.

Кареев П. Старые и новые этюды об экономическом материализме. СПб., 1896.

1897 г.

Булгаков С. О рынках при капиталистическом производстве: Теоретический этюд. М., 1897.

1898 г.

Карышев Н.А. Письмо в редакцию (По поводу доклада Туган-Барановского в ИВЭ об-ва) // Русское Богатство (СПб). 1898. № 2, Отд. 2. С. 224 – 231.

Прения по докладу члена Императорского Вольного экономического общества М.И.Туган-Барановского «Статистические итоги промышленного развития России» в заседании III отделения Общества 17 января, 7 и 21 февраля 1898 г. // Труды Императорского Вольного экономического общ-ва. Кн. 1. Вып. 1. СПб., 1898. С. 1 – 107.

Глинский Б.Б. История русской фабрики // Исторический Вестн. (СПб). 1898. № 10. С. 253—292.

Словимский Л. Промышленная идеология // Вестн. Европы (СПб). 1898. № 6. С. 768—783.

Струве П. Научная история русской крупной промышленности // Научное Обозрение (СПб). 1898. № 6. С. 1104—1116.

1899 г.

Мякотин В.А. Попытка общей истории русской фабрики // Русское Богатство (СПб). 1899. № 1. Отд. 2. С. 1—30; № 2. С. 1—22.

Мякотин В.А. Перлы ученой полемики (Запоздалый ответ г.Туган-Барановскому) // Русское Богатство (СПб). 1899. № 5. Отд. 2. С. 58—69.

Прения по докладу М.И.Туган-Барановского «Некоторые черты из новейшей эволюции капитализма» в заседании III отделения Императорского Вольного Экономического Общества 4 декабря 1899 г. // Труды ИВЭО. 1899. № 5—6. С. 64—68.

Филиппов М. По поводу статьи М.И.Туган-Барановского // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 5. С. 985.

Филиппов М. Опыт критики «Капитала». О средней норме прибыли в связи с теорией ценности. Постановка вопроса // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 6. С. 1090—1109.

Богданов А. Основная ошибка Туган-Барановского // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 9. С. 1758—1766.

Струве П. Против ортодоксии // Жизнь (СПб). 1899. № 11.

А.Б.ич. Новые попытки согласовать трудовую теорию ценности с законом равной нормы прибыли // Научное Обозрение (СПб). 1899. № 11. С. 2129—2138.

Прокопович С. По поводу новой критики Маркса // Научное Обозрение (СПб). 1899. С. 2139—2147.

Филиппов М. Ответ А.Б.вичу и С. Прокоповичу // Научное Обозрение (СПб). 1899. С. 2148—2158.

Нежданов П. Poleмика по вопросу о ценности // Жизнь (СПб). 1899. № 10.

Нежданов П. К вопросу о рынках при капиталистическом производстве // Жизнь (СПб). 1899. № 4. С. 297—317.

Нежданов П. Poleмика по вопросу о рынках // Жизнь (СПб). 1899. № 12. С. 240—257.

Karski J. Tugan-Baranovskys Forschungen zur Geschichte des Kapitalismus in Russland // Die Neue Zeit. Stuttgart, 1899. № 43. S. 526—534. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

1900 г.

Minzes B. Rez. // Archiv für soziale Gesetzgebung und Statistik. Berlin, 1900. № 2. S. 515—527. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Ден В. Новая книга по истории теорий экономических кризисов в связи с несколькими замечаниями по поводу учения о рынках // Жизнь (СПб). 1900. № 6. С. 368—383.

Minzes B. [Besprechung zu:] Tugan-Baranovsky M.I. Geschichte der Russischer Fabrik // Archiv für Gesetzgebung und Statistik. Bd. 15. Berlin, 1900.

Богданов А. Новые точки зрения в экономической науке (Ответ Туган-Барановскому) // Научное Обозрение (СПб). 1900. № 8. С. 1435—1448.

Карелин Н. (Засулич В) Заметка читателя по поводу упразднения Туган-Барановским и Струве учения Маркса о прибыли // Научное Обозрение (СПб). 1900. № 11. С. 1923—1936.

Струве П. Новое издание «Промышленных кризисов» Туган-Барановского // Мир Божий (СПб). 1900. № 10. С. 259.

Струве П. Основная антиномия теории трудовой стоимости // Жизнь (СПб). 1900. № 2. С. 297—307.

Берлин П. Новости экономической литературы // Жизнь (СПб). 1900. № 3. С. 243—266.

Франк С.Л. Теория ценности К.Маркса и ее значение: Критический этюд. СПб., 1900.

Сурков А. Экономические статьи наших журналов // Жизнь (СПб). 1900 № 10. С. 321—330.

Нежданов П. Ценность и производительная сила труда с точки зрения условий воспроизводства // Жизнь (СПб). 1900. № 5. С. 155—187.

Нежданов П. Метод вульгарной экономии: По поводу статьи Туган-Барановского // Жизнь (СПб). 1900. № 7. С. 332—345.

Minges V. Rez. // Die Wage. Wiener Wochenschrift. Wien, 1900. № 6 (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Echlers O. Rez. // Die Umschau. Übersicht über die Fortschritte und Bewegungen auf die Gesamtgebiet der Wissenschaft. 1900. IV. S. 578. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Rez. // Hamburger Correspondent. 1900. № 176. S. 27. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Rez. // Allgemeines Literaturblatt. Wien, 1900. № 47. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Dragoni C. Rez. // Giornale degli Economisti. Roma, 1900, Agosto. P. 202—204. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Kähler W. Rez. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena, 1900, № 4. S. 554—555. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Schloss D. Rez. // The Economic Journal. London—New York, 1900. X. P. 532—534.

1901 г.

Schmidt C. Zur Theorie der Handelskrisen und der Überproduktion // Sozialistische Monatshefte. Internationale Revue des Sozialismus. Berlin, 1901. № 9. Bd. II. S. 669—682. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Rez. // Die Grenzboten. Zeitschrift für Politik, Literatur und Kunst. Leipzig, 1901. № 51. S. 620—622 (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Струве П. На разные темы: Сб. статей. СПб., 1901.

Константинов. Теоретические итоги русского марксизма к 1 января 1901 г. Журнальное обозрение // Народное хозяйство. 1901, № 2. С. 75—116.

Чернов В.М. К вопросу о «положительных» и «отрицательных» сторонах капитализма // Русское Богатство. 1901. № 4. С. 222—254.

Бельтов Н. (псевдоним Г.В.Плеханова). Критика наших критиков // Заря. 1901. № 1. С. 75—117; № 2—3. С. 101—155; № 4. С. 1—31.

Прокатович С.Г. К критике Маркса. СПб., 1901. С. 133.

1902 г.

Николай оп. Теория трудовой стоимости и некоторые из ее критиков // Русское Богатство. 1902. № 3. С. 31—65.

Столяров Н. Аналитическое доказательство предположенной г. Туган-Барановским политико-экономической формулы: предельные полезности произведенных продуктов пропорциональны их трудовым стоимостям. Киев, 1902. 16 с.

Post rez. // Allgemeines Literaturblatt. Wien, 1902. XI. S. 55. (Рецензия на кн. «Русская фабрика»).

Weber A. Rez. // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Leipzig, 1902. № 1. S. 410–415. (Рецензия на кн.: «Русская фабрика»).

Kautsky K. Krisentheorien // Die Neue Zeit. Stuttgart. Bd. II. 1902. № 28. S. 37–47; 1902. № 29. S. 76–81; 1902. № 30. S. 110–118; 1902. № 31. S. 133–143. (О теории кризисов М. И. Туган-Барановского. Был также перевод этой работы К. Каутского на итальянский яз.).

Bunzel G. Rez. // Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung. Wien–Leipzig, 1902. № 2. S. 332–335. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Schmidt H. Rez. // The Economic Journal. London–N.Y., 1902. XII. P. 524–525. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Bernstein E. Rez. // Dokumente des Sozialismus. Berlin, 1902. № 12. S. 523–526. (Рецензия на кн. «Промышленные кризисы»).

1903 г.

А.Ф.н. Трудовая теория ценности и ее «новейшие» русские критики // Научное обозрение. 1903. № 4. С. 66–85; № 5. С. 213–234.

Михайловский Н.К. Литература и жизнь... Г. Туган-Барановский о самом себе... // Русское богатство. 1903. № 1. С. 84–108.

Pohle L. Rez. // Zeitschrift für Sozialwissenschaft. Berlin. 19.01.1903. S. 74–77. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Розенберг И. «Система» г. Туган-Барановского // Русская мысль (СПб). 1903. № 11. Отд. II. С. 74–89.

Слонимский Л.З. Научные иллюзии: Туган-Барановский. Очерки из новейшей истории политической экономии // Вестн. Европы (СПб). 1903. № 2. С. 750–770.

Михайловский Н. Отклики: В 2-х т. СПб., 1903. С. 1.

Spiethoff A. «Die Krisentheorien» von Tugan-Baranovsky und L. Pohle // Jahrbücher für die Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaftslehre. Stuttgart, 1903. Bd. 27. S. 703.

1904 г.

Burchard J. Rez. // Zeitschrift für gesamte Handelsrecht und Konkursrecht. Stuttgart. 1904. № XLI. S. 373–377. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы»).

Sombart W. Versuch einer Systematik der Wirtschaftskrisen. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 24. Tübingen, 1904.

Sombart W. Verhandlungen des Vereins für soziale Politik über die Störungen im deutschen Wirtschaftsleben während der Jahre 1900 und f. // Schriften des Vereins für soziale Politik. Bd. 113. Leipzig, 1904. S. 209 u.f.

Schmoller G. Grundriss der allgemeinen Volkswirtschaftslehre. T. II. 1904. S. 487.

1905 г.

Михайловский Н. Литературные воспоминания и современная смута. 2-е изд. СПб., 1905. Т. I. II.

Bernstein E. Tugan-Baranovskys Marx-Kritik // Dokumente des Sozialismus. Berlin. 1905. № 9. S. 418—421. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Wenckestern A. von. Rez. // Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reich. Leipzig. 1905. № 4. S. 416—423. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

1906 г.

Вольский А. Умственный рабочий. Ч. I. Эволюция социал-демократии. Ч. II. Научный социализм. СПб., 1906.

Чернов В. Конечный идеал социализма и повседневная борьба. СПб., 1906 (конфиск.).

Кулишер И. Эволюция прибыли с капитала в связи с развитием промышленности и торговли в Западной Европе. Т. II. СПб., 1906—1908.

Святловский В. В. К истории политической экономии и статистики в России. СПб., 1906.

Оленев М. И. Так называемый «кризис марксизма». Ч. I. Кризис теории. Ч. II. «Кризис» русского марксизма. СПб., 1906.

Eulenburg F. Die Gegenwärtige Wirtschaftskrise // Jahrbuch für Nationalökonomie und Statistik. III Folge. Bd. 24. S. 307.

Lescure Jean. Des crises générales et périodiques de surproduction. Paris. Sirey, 1906. 489 p.

Ibidem. Trad. russe. Spb., 1908; Лескюр Ж. Общие и периодические промышленные кризисы. Пер. с франц. Н. И. Сувиорова. СПб., 1908. IX, 557 с.

Ibidem. 2-e ed. Paris, 1910.

Ibidem. 3-e ed. Paris, 1923.

Diel K. Rez. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena. 1906. № 4. P. 537—543. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Lifschitz F. Rez. // Deutsche Literatur-Zeitung. Leipzig. 1906. XXVII. S. 1519—1524. (Рецензия на кн.: «Очерки из новейшей истории политической экономии»).

1907 г.

Сапожников Н. Рец. // Критическое обозрение. 1907. № 1. С. 72—74. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Koch A. Rez. // Allgemeines Literaturblatt. Wien. 1907. XVI. S. 117. (Рецензия на кн.: «Теоретические основы марксизма»).

Bortkevicz L. Wertrechnung und Preisrechnung im Marxistischen System // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Bd. 25. Tübingen, 1907.

Liefmann R. Eintrag und Einkommen. Jena, 1907.

Bauer O. Mathematische Formeln gegen Tugan-Baranovsky // Die Neue Zeit. XXV. 1907. S. 822—830.

Засулич В. Сборник статей: В 2 т. СПб., 1907. Т. I.

Каутский К. Теория кризисов. СПб., 1907.

Böhmert V. Rez. // Der Arbeiterfreund Zeitschrift für die Arbeiterfrage. Organ des Zentral-Vereins für das Wohl der Arbeitenden Klassen. Berlin. 1908. XLVI. S. 421. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Decurtins C. Rez. // Monatschrift für cöhrstliche Sozialreform. Basel. 1908. S. 758 – 759. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Kautsky K. Verelendung und Zusammenbruch. Die Neueste Phase des Revisionismus // Die Neue Zeit. XXVI (1907 – 1908). Bd. II. № 42. S. 540 – 5518; № 43. S. 607 – 612. (По поводу кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Каутский К. Обнищание и крушение. Новейшая фаза ревизионизма (По поводу книги М.И.Туган-Барановского «Современный социализм») / Пер. с нем. Дм.Лещенко. СПб., 1908. 65 с.

Чернов В. Социалистические этюды. М., 1908 (конфиск).

1909 г.

Саложников Н. Рецензия // Критическое обозрение. 1909. № 5. С. 48 – 53. (Рецензия на книгу «Основы политической экономии»).

Bernstein E. Tugan-Baranovsky als Sozialist // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1909. № 3. S. 786 – 796.

Бернацкий М. Рецензия // Современный мир. 1909. № 10. С. 143 – 148. (Рецензия на кн.: «Основы политической экономии»).

Дмитриев Вл. Новый русский трактат по теории политической экономии // Русская мысль. 1909. № XI. С. 4 – 18.

1910 г.

Рецензия на «Вопросы обществоведения» // Русские ведомости. 5 января 1910.

Рецензия на «Вопросы обществоведения» // Речь. 25 января 1910. № 24.

1911 г.

Parry C. Rez. // The Journal of Political Economy. Chicago. 1911, XIX. P. 426 – 427. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

1913 г.

Рубакин Н.А. Среди книг. Опыт обзора русских книжных богатств в связи с историей научно-философских и литературно-общественных идей. Справочное пособие для самообразования и для систематизации и комплектования библиотек, а также книжных магазинов. Т. I, II. М., 1913.

Чудновский Г. Две теории кризисов // Просвещение. 1913. № 11. С. 13 – 22.

Albrecht G. Rez. // Volkswirtschaftliche Blätter. 1913. S. 295. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»).

Albrecht Gerhard. Zur sozialen Theorie der Verteilung // Jahrbücher für Nationalökonomie. Leipzig; Tübingen, 1914. Bd.47.

Bucharin N. Eine Ökonomie ohne Wert // Neue Zeit (Stuttgart). 1914. Bd. 32,1 № 22. S. 806 – 816; № 23. S. 850 – 858.

Shumpeter J. Das Grundprinzip der Verteilungstheorie // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Tübingen. 1914. Bd.42.

Leskure J. Rez. // Revue d'économie politique. Paris. XXVIII. 1914. № 1. P. 116 – 117 (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы в Англии», изд. на фр. яз. Париж, 1913).

Streltsov R. Rez. // Archiv für Sozialwissenschaften und Sozialpolitik. Tübingen. 1914. № 1. S. 227 – 228. (Рецензия на кн. «В поисках нового мира»).

Robertson D.H. Rez. // *The Economic Journal*. London – N.Y. XXIV. 1914. P. 81 – 89. (Рецензия на кн.: «Промышленные кризисы в Англии», изд. на фр. яз).

Schmoller G. Rez. // *Schmollers Jahrbuch für Gesetzgebung, Verwaltung und Volkswirtschaft im Deutschen Reiche*. München und Leipzig. XXXVIII. Bd. 1914. № 2. S. 441 – 442. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»).

Kellenberger E. Rez. // *Zeitschrift für Sozialwissenschaft*. Leipzig. 1914. № 6. S. 439 – 440. (Рецензия на кн.: «Социальные основы распределения»).

Borgata J. Rez. // *La Riforma Sociale*. Torino. 1914. V. XXV. № 6 – 8. P. 727 – 728. (Рецензия на кн.: «Современный социализм в своем историческом развитии»).

Schmidt C. Rez. // *Sozialistische Monatshefte*. Berlin. 1914. XX. (Рецензия на кн.: «Социальная теория распределения»).

1915 г.

Иванков Д. К теории промышленных кризисов. (По поводу 3-го издания книги М.И.Туган-Барановского) // *Современник*. 1915. № 2. С. 109 – 132.

Hecker J.F. *Russian Sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory*. New-York, 1915. P. 224, 238.

Бунятян М.А. Экономические кризисы. Опыты морфологии и теории периодических кризисов и теории конъюнктуры. М., 1915. XXXIV. 303 с.

Böhm-Bawerk. *Macht oder ökonomisches Gesetz* // *Zeitschrift für Volkswirtschaft, Sozialpolitik und Verwaltung*. Leipzig, 1915. Bd. 23.

1916 г.

Маслов Сем. Что такое кооперация [Профессор М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916] // *Кооперативная жизнь* (М). 1916. № 13 – 14. С. 599 – 610.

Пажитнов К.А. [Рецензия на кн.]: М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916 // *Современный Мир* (Пг). 1916. № 4. С. 146 – 148.

Курской Л. Теория рынка и промышленных кризисов М.И.Туган-Барановского. М., 1916. 73 с.

Кондратьев Н.Д. [Рецензия] О книге: М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916. IV. 521 с. // *Вестн. Кооперативных Союзов*. 1916. № 6. С. 352 – 354.

Пажитнов К.А. О книге: М.И.Туган-Барановский. Социальные основы кооперации. М., 1916. IV. 521 с. // *Вестн. Кооперации* (Пг). 1916. № 9. С. 95 – 96.

Кондратьев Н.Д. Рецензия на кн. «Социальные основы кооперации» // *Вестник Европы*. 1916. № 6. С. 352 – 354

Грушевский М.С. Несколько слов об украинстве // *Речь*. 9 июня 1916 (По поводу статьи М.И.Туган-Барановского в кн.: «Украинский народ в его прошлом и настоящем». Ч. II. Петроград. 1916)

1918 г.

Николаев А.А. К вопросу о социальной природе кооперации: По поводу 2-го изд. «Социальные основы кооперации» Туган-Барановского // *Вестн. Кооперативных Союзов* (М). 1918. Вып. II. С. 345 – 357.

Пажитнов К.А. История кооперативной мысли. 2-е, доп. изд. Пг., 1918. С. 267 – 272.

1919 г.

Мясников А.С. Промысловая кооперация и текущий момент // Промысловая кооперация (М). 1919. № 1. С. 1—11.

Слобожанин М. Новые построения в идеологии и теории кооперативизма-артельности. Пг., 1919.

В.С. [О книге] Туган-Барановский М.И. О кооперативном идеале (М., 1918) // Народное хозяйство (М). 1919. № 6. С. 119.

Бухарин Н.И. Теоретическое примиренчество (Теория ценности г. Туган-Барановского) // Прил. к кн.: Политическая экономия рантье. М., 1919. 204 с. С. 187—197.

Ефремов С. До идеалів молодости // Українська кооперація. Кн. 2. Київ, 1919.

1920 г.

Liefmann R. Grundsätze der Volkswirtschaftslehre. 2-e Aufl. Bd. I—II.

1921 г.

Кулишер И. Вопросы истории русской промышленности и промышленного труда (в дореформенное время), постановка их в нашей литературе // Архив истории труда в России. Кн. I. Пг., 1921. С. 11—33.

Cassel G. Theoretische Sozialökonomie. 2-e Aufl. Wiesbaden. 1921.

Hurwicz E. Rev. // Geisteskultur und Volksbildung. Monatshefte der Comeniusgesellschaft. Berlin, 1921. S. 252. (По поводу кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

Rappoport J. Rev. // Archiv für Geschichte des Sozialismus und der Arbeitbewegung. Leipzig. 1921—1922. № 2—3. S. 441. (По поводу кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

Тотоминанц В. Кооперация в России. Прага, 1922. С. 10.

Bouniatian M. Les crises économiques: Essai de morphologie et théorie des crises économiques périodiques et de théorie de la conjoncture économique par Mentor Bouniatian / Traduit du russe par J. Bernard. Paris: Giard, 1922. XVII. 1. 988 p.

Diehl K. Rev. // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. Jena. 1922. XIX. S. 164 (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

Kautsky K. Rev. // Der Kampf. Sozialdemokratische Monatsschrift. Wien. 1922. S. 255. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

Salin E. Rev. // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen. 1922. № 3. S. 831. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

1923 г.

Мендельсон А.С. Проблема стоимости в экономической литературе на русском языке. Библиографический обзор. М. — Пг., 1923.

Schulzbach W. Rev. // Zeitschrift für Politik. Berlin. 1923. S. 471. (Рецензия на кн.: «Коммунистические общины нашего времени»).

Гильфердинг Р. Финансовый капитал. М., 1923. С. 332—333.

1924 г.

Люксембург Р. Накопление капитала. Т. 1—2. 3-е изд. М., 1924. 667 с.

1925 г.

Seraphim N.J. Neue Russische Wert- und Kapitalzinstheorien. Berlin; Leipzig, 1925. 194 S.

Тимошенко В.П. М.І.Туган-Барановський і західно-європейська економічна думка: Промова з приводу п'ятих роковин смерті // Науковий ювілейний збірник Українського університету в Празі присвячений ланові президентові Чеськословенської Республіки проф. др. Т.Г.Масарикові. Прага, 1925. С. 3–15.

Spiethoff Artur. Krisen // Handwörterbuch des Staatswissenschaften. Vierte Auflage. Bd. VI. Jena, 1925. S. 8–91.

Skerst Z. von. Die Ausgestaltung der Gewerkvereinstheorie von Thornton-Brentano bis Tugan-Baranovsky und ihre Kritik in der deutschen Nationalökonomie. Leipzig, 1925. X. 162 S. [Masch-schrift]

1926 г.

Гольман М.Б. Туган-Барановщина. Л., 1926. 101 с.

1927 г.

Masarick T. Predmova // М.І.Туган-Барановскы. Zaklady politicke ekonomie / Z predmovu T.Masarika. Praha, 1927.

Ammon A. Object und Grundbegriffe der theoretischen Nationalökonomie. 2-e Aufl. 1927.

Zeleznoff V. Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart / Red. Mayera. Bd. 1. Wien, 1927. S. 151–181.

Hansen A. Business-cycle theory. Boston; N.Y., 1927. 219 p.

Mitchel W.C., prof. Business Cycles: The Problem and its Setting. V.I. Clivland, Mich., 1927.

1928 г.

Лозовий А.Н. Профессор М.Туган-Барановський і его теорія кооперації // Прапор марксизму. Київ. 1928. № 4[5]. С. 48–55.

Волгин В.П. История социалистических идей. Ч. 1. М.–Л., 1928.

Oppenheimer F., prof. Die Wirtschaftstheorie der Gegenwart. Bd. IV. Wien, 1928. S. 305.

Pervushin S.A. Versus einer Theorie der wirtschaftlichen Konjunkturen, auf die Konjunkturentwicklung des Vorkriegszeit in Russland angewandt // Vierteljahrshefte zur Konjunkturforschung. Sonderheft 12. Berlin, 1929.

1930 г.

Прагер П. Легальный марксизм // Пролетарская революция. 1930. № 7–8, № 9.

Keines J.M. A Treatise on Money. Vol. II. London, 1930.

Hansen A.H. Business Cycle and National Economy. N.Y., 1930.

Cotz W. Zum ökonomischen System Tugan-Baranovskys. Riga, 1930. 962 s.

Bouniatian Mentor. Les crises économiques: Essai de morphologie et théorie des crises économiques periodiques. 2-e ed. fr. rev. et. augm. Paris: Giard, 1930. XVIII, 430 p. (Bibl. intern. d'es. pol).

Ангарский Н.С. Легальный марксизм: Краткий очерк. М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и сс.-поселенцев, 1930. 132 с.

Moisséev Moise. L'évolution d'une doctrine: La théorie des crises de Tugan-Baranovsky et la conception moderne des crises économiques // Revue d'histoire économique et sociale. Paris. Vol. XX. № 1. 1932. P. 1–43.

1933 г.

Лядов М.Н. Зарождение легального и революционного марксизма в России // Фронт науки и техники. М., Февраль 1933.

Schumpeter J.A. The Analysis of Economic Change // The Review of Economic Statistics. 1935.

Ibidem. Herdr. in: *Readings in Business Cycle Theory*. Philadelphia, 1944.
Кашин В.Н. Предисловие // *Материалы по истории крестьянской промышленности*. М. — Л., 1935.

Злотников М.Ф. К вопросу об изучении истории рабочего класса и промышленности: Критика «Русской фабрики» М.И.Туган-Барановского // *Каторга и ссылка* (М. — Л). 1935. № 1 (116). С. 37 — 65.

Олейников Ю. От легального марксизма к «Вехам» // *Ученые записки Ленинградского педагогического института им. А.Герцена*. Л., 1936.

Tschebotareff V. (Чеботарева Валентина Порфирьевна). *Untersuchung über die Krisentheorie von Michael von Tugan-Baranovsky*. Würzburg, 1936. 57 S.

1938 г.

Струмилин С. [О книге] Туган-Барановский. Русская фабрика в прошлом и настоящем. 7-е изд. М., 1938 // *Историк-марксист* (М). 1938. № 4. С. 156 — 159.

1954 г.

Timoshenko V.B. M.I.Tugan-Baranovsky and Western European economic Thought // *Annals of the Ukrainian Acad. of Arts and Sciences in the US*. N.Y. Vol. III. № 3 (9). Spring, 1954. P. 803 — 823.

1956 г.

Sweezy P.M. *The Theory of Capitalist Development, Principles of Marxian Political Economy*. N.Y.: Monthly Review Press, 1956.

1959 г.

Полевой Ю.З. *Зарождение марксизма в России. 1889 — 1894*. М., 1959.

История русской экономической мысли / Под ред. Н.А.Цаголова Т. II. Ч. I. М., 1959.

1960 г.

История русской экономической мысли. Т. 1—3 / Отв. ред. Пашков А.И. М., 1955 — 1966.

Suranyi-Unger Theo. *Die philosophischen Grundlagen wirtschaftspolitischer Zielsetzungen // Zur Grundlegung wirtschaftspolitischer Konzeption* / Hrsg. von Prof. Dr. H.-J.Seraphim. *Schriften des Vereins für Sozialpolitik* // Neue Folge. Bd. 18, Berlin, 1960. S. 106 — 107.

1961 г.

Mendel Arthur P. *Dilemmas of Progress in Tsarist Russia: Legal Marxism and legal Populism* // *Russian Research Center Studies*. № 43. Cambridge (Mass): Harvard Univ. Press, 1961.

Schumpeter J.A. *History of Economic Analysis*. London, 1961. (1260 p) P. 879, 1126, 1130.

1962 г.

Kindersley R. *The first Russian revisionists. A study of Legal marxism in Russia*. Oxford, 1962. [8], 260 p.

1963 г.

Власенко В.Е. *Теория денег в России: конец XIX — дооктябрьский период XX века*. Киев: Изд-во Киевского ун-та, 1963, 252 с.

1964 г.

Hansen A.N. *Business Cycles and National Income*. N.Y., 1964.

1965 г.

Kowal L.M. Economic doctrines of M.I.Tugan-Baranovsky. Urbana, 1965.

1966 г.

История русской экономической мысли. Т. 3. Ч. 2. М., 1966.

Domar E.D. Soviet collective farm as producer cooperative // *American Economic Review*. 1966. Vol. 56. № 4. P. 734 – 757.

1967 г.

Habova V. Zamysleni nad účením M.I.Tugan-Baranovskeho o cénosti a hodnoté za socialismu // *Politická ekonomie*. 1967. Vol.16. № 6. S. 604 – 612.

Giffin F.C. Question of an effective progress of factory legislation in Russia: Years of preparation. 1859 – 1890 // *Historian*. 1967. Vol. 9. № 2. P. 175 – 185.

1968 г.

Селигмен Б. Основные течения современной экономической мысли / Пер. с англ.; Общ. ред. и вступ. ст. ак. А.М.Румянцева и др. М., 1968.

1969 г.

Stefanovič Milan. Teoria družstevnictva. Bratislava, 1969. 429 s. S. 17, 18, 51, 80.

1970 г.

Oldak P.G. Analysis of concepts on valute: labour theory and opposed theory of Marginal utility // *Problems of economics*. 1970. Vol. 13. № 6. P. 47 – 67.

1971 г.

Булдаков В.П. Историографическая проблематика «легального марксизма» // *Исторические записки*. 1971. № 87. С. 287 – 333.

1972 г.

Blackwell W. Rez. // *Slavic Review*. 1972. № 3. P. 665 – 667. (Рецензия на американское издание кн. «Русская фабрика в XIX в.»).

Kowal L.M. Rez. // *The Journal of European Economic History*. Roma. 1972. № 3. P. 820 – 824. (Рецензия на американское издание кн. «Русская фабрика в XIX в.»).

1973 г.

Kowal L.M. Market and business theory of Tugan-Baranovsky // *Rivista internazionale di scienze economiche e commerciale*. 1973. V. 20. № 4. P. 305 – 334.

1974 г.

Левин С.М. Очерки по истории русской общественной мысли. Вторая половина XIX – начало XX века. Л., 1974.

1978 г.

Социологическая мысль в России. Очерки истории немарксистской социологии последней трети XIX – начала XX века. Л., 1978.

1982 г.

Gattrell P. Industrial expansion in tsarist Russia, 1908 – 14 // *Economic History Review*. 1982. Vol. 35. № 1. P. 99 – 110.

1984 г.

Benner A. On the stability of the cooperative type of organisation // *Journal of Comparative Economics*. 1984. Vol. 8. № 3. P. 247 – 260.

1985 г.

Balek J. K teorii hospodárske politiky jako vední discipline. Discussion // Politická ekonomie. 1985. Vol. 33. № 9. S. 963–974.

Blaug M. Economic Theory in Retrospect. Fourth ed. Cambridge University Press. Cambridge—New York—Port Chester—Melbourn—Sydney, 1985.

1987 г.

Hildermeier M. The privilege of backwardness. Remarks on the change of a figure of interpretation of modern russian history // Historische Zeitschrift. 1987. № 3. S. 558–603.

1988 г.

Benner A. Comparative empirical observation on workerowned and capitalist firms // International journal of Industry. 1988. Vol. 6. № 1. P. 7–31.

1989 г.

Сорвина Г.Н. Предисловие к публикации «О кооперативном идеале» // Экономические науки. М., 1989. № 4. С.48–49.

Кондратьев Н.Д. Проблемы экономической динамики / Редкол. Л.И.Абалкин (отв. ред.) и др. М.: Экономика, 1989. 526 с. (Экономическое наследие). С. 51, 64, 75, 79, 173, 279, 299–300, 308, 339, 342, 455.

Выдрин Д.И. «Царство свободы растет медленно, но неуклонно...» // Философская и социологическая мысль. 1989. № 6.

Кочетыгова Ю.В. Эволюция этатического фактора в развитии русской промышленности: взгляд М.И.Туган-Барановского // Развитие системы производственных отношений социализма в условиях экономической реформы. М., 1989. С. 208–222.

Каролькова Е. М.И.Туган-Барановский: «Социализм начинается с человека» // Социалистическая индустрия. М. 15 декабря 1989 г.

Фещенко В.М. Михаил Иванович Туган-Барановский (1865–1919) // Очерки истории естествознания и техники. Укр. АН. Киев. 1989. Вып. 36. С. 122–124.

Развитие системы производственных отношений социализма в условиях экономической реформы / Отв. ред. Лыкова Л.Н., Мау В.А. М., 1989. 231 с. (Анализ экономических теорий А.В. Чаянова и М.И.Туган-Барановского). С. 168, 208–222.

Howard M.C., King S.E. Russian revisionism and the development of marxian political economie in the early twentieth century // Studies in Soviet Thought. Dortrecht—Boston, 1989. V. 37. № 2. P. 95–117.

Bartoli H. La chronique de la pensée économique en Italie // Revue économique. P., 1989. Vol. 40. № 3. P. 555.

Ульянова-Елизарова А.И. Воспоминания об Ильиче (Глава «Владимир Ильич в ссылке. 1897 г.») // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 томах. Т. 1. Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1989. С. 93.

Ульянова М.И. Воспоминания о Владимире Ильиче // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 томах. Т. 1. Воспоминания родных. М.: Политиздат, 1989. С. 257.

Крупская Н.К. // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 томах. Т. 2. Н.К.Крупская. М.: Политиздат, 1989. С. 21.

Всемирная история экономической мысли: В шести томах. Том 3. Начало ленинского этапа марксистской экономической мысли. Эволюция буржуазной политической экономии (конец XIX – начало XX в). М.:

Мысль, 1989. С. 185—187, 189—191, 195—197, 199, 200, 203—207, 292, 367, 394, 411, 428, 431—433, 448.

1990 г.

Кондратьев Н.Д. М.И.Туган-Барановский // Истоки. М.: Экономика. 1990. Вып. 2. С. 270—294.

Кондратьев Н.Д. М.И.Туган-Барановский // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. Новосибирск, 1990. № 8. С. 113—126.

Банков Е.Б. Политико-экономический анализ рыночного хозяйства в трудах М.И.Туган-Барановского и его современное значение: Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата экономических наук. М., 1990. 20 с.

Банков Е.Б. Теория социализма М.И.Туган-Барановского // Проблемы преобразований хозяйственного механизма. М., 1990. С. 50—64.

Субботина Т.П. Модель социализма М.И.Туган-Барановского // Вопросы экономики. 1990. № 2. С. 81—83.

Гребнев Л.С. О чем писал М.И.Туган-Барановский // Экономические науки. 1990. № 5. С. 72—79.

Фещенко В.М. Видатний вчений, публіцист, громадський діяч: до 125-річчя з дня народження академіка М.И.Туган-Барановського // Вісн. АН УРСР. Київ, 1990. № 1. С. 78—81.

Муханова Е.Б., Маневич В.Е., Чиркунова М.В. Из истории экономической мысли: (сб). М.: Знание, 1990. 64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Сер.: Экономика. 1990. № 7) (М.И.Туган-Барановский, Н.Д.Кондратьев, Г.Я.Сокольников).

Субботина Т.П. Михаил Иванович Туган-Барановский. // Истоки. М.: Экономика, 1990. Вып. 2. С. 268—269.

Татарникова С.Н. М.И.Туган-Барановский о роли кооперации в строительстве социализма // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-политические исследования. М., 1990. № 6. С. 82—88.

Королькова Е. Ему было что сказать // Диалог. М., 1990. № 47. С. 55.

Выдрин Д.И. Отец русской кооперации // Молодой коммунист. 1990. № 3. С. 53—58.

Гаврилкевич Т.В. Проблема места кооперации при социализме в воззрениях М.И.Туган-Барановского // Экономические законы социализма. М., 1990. С. 25—31.

Бухарин Н. Теория распределения Туган-Барановского (публикация Леонова С., Филимоновой Т.) // Экономические науки. 1990. № 2. С. 76—89.

Пияшева Л.И. М.И.Туган-Барановский и современность // Общественная мысль: исследования и публикации. Вып. II. М., 1990.

Татарникова С.Н. Туган-Барановский: в поисках новой соборности (К 125-летию со дня рождения): Вступительная статья к публикации: Выступление М.И.Туган-Барановского на собрании Петербургского (Петроградского) религиозно-философского общества 26 ноября 1914 г. // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. 1990. № 1. С. 65—73.

Всемирная история экономической мысли: В шести томах. Т. 4. Теории социализма и капитализма в межвоенный период. М.: Мысль, 1990. С. 249.

Шухов Н.С. Туган-Барановский – выдающийся экономист России // Из истории экономической мысли России (Очерки о творчестве А.И.Чупрова, М.И.Туган-Барановского, Н.Д.Кондратьева, Е.А.Преображенского, В.С.Немчинова) / Под ред. И.А.Климова, Ю.Я.Ольсевича. М., 1990. 85 с. С. 20–35.

1991 г.

Банков Е.Б. Разработка проблем теории социализма в работах М.И.Туган-Барановского // Взгляды М.И.Туган-Барановского, А.В.Чаянова, Н.Д.Кондратьева, Л.Ю.Юровского и современность. М.: ИНИОН (Сер. Наследие отечественного обществоведения), 1991. С. 13–34.

Сорвина Г.Н., Банков Е.Б., Пликин В.П. Экономические взгляды М.И.Туган-Барановского // Лекции по истории экономических учений в 4-х вып. / Под ред. д. эк. н., проф. Сорвиной Г.Н. Вып. II, раздел 1. Из истории отечественной экономической мысли. М.: Луч, 1991. С. 82–120.

Королькова Е. Душа, преисполненная веры // Знание – сила. 1991. № 2. С. 68.

Татарникова С.Н. М.И.Туган-Барановский – мыслитель, демократ, экономист // Вопросы истории. 1991. № 9–10. С. 218–223.

Самсонова Т.Н., Татарникова С.Н. Идолы и идеалы на весах гуманизма. творчество М.И.Туган-Барановского (1865–1819) // Социально-политические науки. 1991. № 10. С. 75–83.

Шухов Н.С. Экономическая модель социализма М.И.Туган-Барановского // Его же. Политическая экономия социализма в 20-е годы / АН СССР. М.: Наука, 1991. 311 с. С. 261–287.

Валентинов Н. (Вольский). Из книги «Новая экономическая политика и кризис партии после смерти Ленина» // Воспоминания о Владимире Ильиче Ленине: В 10 томах. Т. 8. М.: Политиздат, 1991. С. 226.

Кувакин И.В. Социальная философия М.И.Туган-Барановского. Автореферат дисс. на соискание уч. степ. к. ф. наук. М., 1991.

1992 г.

Сорвина Г.Н. Социальный идеал и логика развития рынка: Анализ творческого наследия М.И.Туган-Барановского // Вестник РАН. М., 1992. № 11. С. 109–125.

Sorvina G.N. The Social Ideal and the Logic of the Market Development: an Analysis of M.I.Tugan-Baranovskii's Creative Heritage // Herald of the Russian Academie of Sciences: Official English Translation of Vestnik Rossiiskoi Akademii Nauk. M. Vol. 62. № 12. December 1992. P. 855–862.

1993 г.

Васильева Р.Х., Горкина Л.П., Петровська та ін. Історія економічної думки України / Затверджено Міністерством освіти України як навчальний посібник для студентів економічних вузів і факультетів. Київ: Либідь, 1993. 272 с.

Иванова М.Ю. «Гармоническое хозяйство». Социальный идеал М.И.Туган-Барановского // Былое. 1993. № 2.

Злупко С.М. Михайло Туган-Барановський. Львів: Каменяр, 1993.

Воблый К.Г. Академик Михаил Иванович Туган-Барановский / Перевод с укр. С.Коновчук, 1993 // Философская и социологическая мысль. Киев, 1993. № 9–10. С. 107–112.

1994 г.

Королькова Е.И. Предисловие к разделу «П.Б.Струве, М.И.Туган-Барановский» // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. М., 1994. С. 124 — 132.

Королькова Е.И. М.И.Туган-Барановский: Биографическая справка // Образ будущего в русской социально-экономической мысли конца XIX — начала XX века. Избранные произведения. М., 1994. С. 262 — 264

Блауг М. Экономическая мысль в ретроспективе / Пер. с англ. 4-го изд. М.: «Дело Лтд.», 1994. 720 с. С. 623, 645.

Коваль Л. Михайло Иванович Туган-Барановский, український період у його житті і в науковій, політичній та публіцистичній праці // Історія народного господарства та економічної думки України. Респ. міжвід. збірник, вип. 26 — 27. 1994.

Туган-Барановский Д.М. Предисловие к неопубликованным письмам М.И.Туган-Барановского к П.Б.Струве «Я бы очень хотел, чтобы мы были с вами друзьями» // Вопросы экономики. 1994. № 3. С. 128 — 131. (Письма. С. 132 — 136).

1995 г.

Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев. М.: Русское книгоиздательское товарищество. 1995. 285 с.

Mainwaring Lynn. Tugan's Bubble: underconsumption and crises in marxian model // Cambridge Journal of Economics. 1995. Vol. 19. № 2. P. 305 — 321.

1996 г.

Сорвин К.В. Предисловие // Туган-Барановский М.И. К лучшему будущему. Сб. социально-философских произведений М.И.Туган-Барановского. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 528 с. С. 3 — 6.

1997 г.

Сорвина Г.Н. Предисловие: Экономист серебряного века // Туган-Барановский М.И. Избранное. Периодические промышленные кризисы. История английских кризисов. Общая теория кризисов. М.: Наука, «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1997. 574 с. (Серия «Памятники экономической мысли»). С. 3 — 48.

Сорвина Г.Н. Стихийное и сознательное в рыночной экономике: концепция М.И.Туган-Барановского // Вклад российских экономистов в формирование и развитие теории государственного регулирования экономики. М.: РАГС, 1997. 79 с. С. 2 — 24.

2.3. Информация о научных семинарах и кружках, работавших под руководством М.И.Туган-Барановского

Обзор деятельности научных кружков и семинариев при юридическом факультете Петербургского университета... Кружок и семинарий политической экономии М.И.Туган-Барановского // Вопросы Обществоведения. Вып. I. СПб., 1908. С. 311 — 313.

Отчеты научных семинариев и кружков юридического факультета С.-Петербургского университета. Научные организации по политической экономии под руководством М.И.Туган-Барановского // Вопросы Обществоведения. Вып. II. СПб., 1910. С. 352 — 354.

Отчеты научных семинариев и кружков юридического факультета С.-Петербургского университета. Научные организации по политической

экономии под руководством М.И.Туган-Барановского. 1. Кружок политической экономии (С. 318–325). 2. Просеминарий политической экономии (С. 325–329). 3. Семинарий политической экономии (С. 329–336) // Вопросы Обществоведения. Вып. III. СПб., 1911. С. 318–336.

2.4. Известные библиографии трудов М.И.Туган-Барановского

Мицок О.К. Наукова діяльність політико-економіста М.Туган-Барановського. Львів, 1931. С. 35–38.

Amato S. Ricerca Bibliografica su M.I.Tugan-Baranovskij, 1865–1919 / S.Amato: prefazione di L.de Rosa. Firenze: Università di Firenze. Facoltà di magistero, 1980. XI. 222 p.

Библиография // Туган-Барановский М.И. Социальные основы кооперации. М., 1989. С. 489–493.

Список основных праць М.І.Туган-Барановського // М.І.Туган-Барановський. Політична економія: Курс популярний. Київ, 1994. С. 225–262.

Смирнов И.П. От марксизма к идеализму: М.И.Туган-Барановский, С.Н.Булгаков, Н.А.Бердяев. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1995. 285 с. С. 238–241, 278–280.

Библиография. Труды М.И.Туган-Барановского. Библиография. Литература о жизни и трудах М.И.Туган-Барановского // М.И.Туган-Барановский. К лучшему будущему: Сб. социально-философских произведений / Сост., предисл. К.В.Сорвина. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1996. 528 с. С. 438–495.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
-----------------------	---

ОЧЕРКИ ИЗ НОВЕЙШЕЙ ИСТОРИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМИИ И СОЦИАЛИЗМА

Предисловие	15
Из предисловия ко второму изданию	18
Предисловие к шестому изданию	18
Очерк I. Происхождение английского капитализма	19
Очерк II. Адам Смит	33
Очерк III. Промышленная революция	49
Очерк IV. Школа Смита	60
I. Мальтус	61
II. Рикардо	73
Очерк V. Утопический социализм	86
I. Оуэн	88
II. Сен-Симон и сен-симонисты	104
III. Фурье	126
Очерк VI. Социально-политическое направление	147
I. Сисмонди	149
II. Экономические и социальные успехи рабочего класса во второй половине XIX века	159
III. Современное социально-политическое направление в Германии	168
Очерк VII. Австрийская школа	181
Очерк VIII. Движение в пользу национализации земли	190
Очерк IX. Критический социализм	207
I. Прудон	209
II. Родбертус	221
III. Маркс	237

«БУМАЖНЫЕ ДЕНЬГИ И МЕТАЛЛ»

Предисловие к первому изданию	284
Глава I. Товарная теория ценности денег	285
Глава II. Количественная теория ценности денег	294
I.	294
II.	297
III.	300
IV.	305
V.	310

Глава III. Конъюнктурная теория ценности денег	312
I	312
II	314
III	316
IV	320
Глава IV. Бумажные деньги в их отношениях к металлическим	325
I	325
II	331
III	338
IV	347
Глава V. Факторы нормального лажа	355
I	355
II	356
III	363
IV	375
V	377
VI	384
VII	386
VIII	388
IX	394
X	400
Глава VI. предстоящая денежная реформа в России	402
I	402
II	404
III	408
IV	411
V	421
«ЗНАЧЕНИЕ БИРЖИ В СОВРЕМЕННОМ ХОЗЯЙСТВЕННОМ СТРОЕ»	423
Комментарии	439
Библиография	488

**Михаил Иванович
ТУТАН-БАРАНОВСКИЙ
ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ**

Художественное оформление *А. Сорокин*

Техническое редактирование
и компьютерная верстка *Н. Галанчева*

ЛР № 030457 от 15.04.1998. Подписано в печать 12.08.98.
Формат 60x90 1/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 33,0. Уч.-изд. л. 39,9. Тираж 1500 экз. Заказ № 196

Издательство «Российская политическая энциклопедия»
(РОССПЭН)

129256, Москва, ул. В. Пика, д. 4, корп. 1. Тел. 181-00-13 (дирекция);
181-34-57 (отдел реализации). Факс 181-01-13

Отпечатано в Московской типографии № 2 РАН
121009, Москва, Шубинский пер., 6

